Алхимик
в
Пустыне
(с)Лана Тууллн

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известно: на юго-востоке, в песках Великой Пустыни Эль-Джалада скрыто сокровище древнего царя. Известно также: гномы любят копать. И вот Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл под руководством величайшего алхимика-сапиенсолога современности отправляется в Эль-Джалад, чтобы найти Золотой Город царя Тиглатпаласcара. Для начала путешественницам предстоит полная опасностей дорога. Вот только вопрос: на чью долю достанутся опасности, и куда заведёт дорога?

Одновременно с экспедицией алхимиков, отправляющихся на поиски Золотого Города, в Ильсияре начинаются соревнования разнообразных магических существ — Судьба должна решить, кто из них станет Покровителем Года. Судьба — вещь коварная, и потому некоторые маги усиленно стараются ей помочь, навязывая собственный выбор.

- Туулли Лана Борисовна
- I. Суета вокруг отъезда
  - ○
- II. Мелкие преступные шалости
  - ○
- III. Дорога
  - ○
- IV. В поисках стога сена
  - ○
- V. Профессиональное соответствие
  - ○
- VI. На исходных позициях
  - ○
- VII. Фальстарт
  - ○
- VIII. Опасные встречи
  - ○
- Примечания к I–VIII главам
  - ○
- IX. Ильсияриада
  - ○
- X. Беды и гадости
  - ○
- XI. Скорость, хитрость и расстояния
  - ○
- XII. О дивный, коварный Восток

- XIII. Свободные превращения
- XIV. Жажда
- XV. Вперед, к победе
- Эпилог
- Примечания к IX–XV главам

Туулли Лана Борисовна
Алхимик в Пустыне

I. Суета вокруг отъезда

Остров Ритт в южной
трети Ледяного Океана
дворец вождя Граткха,
супруге вождя ***госпоже Фионе***
в собственные руки.

Дорогая Фиона!

Пишу тебе, быть может, в последний раз. Сегодня мы с мэтрессой Далией уезжаем в Эль-Джалад, сначала — в Аль-Тораз, потом на юго-восток до Ильсияра, а там видно будет. Ты даже представить себе не можешь, сколько интересного и таинственного сокрыто в песках тамошней Великой Пустыни! В частности, там потерялась Забытая Империя Гиджа-Пент. В прошлом месяце у нас в Университете состоялась конференция изучающих эту Империю археологов и историков, которая закончилась небольшим пожаром, скандалом, выговором мэтру Карвинтию, который выпустил на мирно прогуливающихся во время грозы гостей тухлого зомби… Во всем, как всегда, виновата Далия — это она довела Карвинтия до увольнения, потом спровадила ректора Университета и его заместителей в долгосрочный отпуск, устроила сеанс перевоспитания нерадивым студентам (даже спустила на несчастных жуткого фальшивого призрака!), а еще помирила перессорившихся королевских детей, чем заслужила восхищение и благодарность со стороны патронессы Министерства Чудес (к которому приписан Университет королевства Кавладор), ее высочества принцессы Ангелики. Ах, да, я уже рассказывала обо всей этой катавасии в предыдущих письмах.

Кстати, о котах. Ты представляешь, после трех месяцев отсутствия ко мне вернулся мой Черно-Беленький Котик! За время странствий он перевоспитался, и я с легким сердцем оставляю мою любимую ресторацию "Алая роза" на ЧБК (чтоб не пускал мышей), Джою (это студентка Университета, родом с острова Дац, которую я пригласила жить в мансарду), Ньюфуна, моего старшего брата, и моего жениха Айру из клана Моргенштерн.

Надеюсь, им вчетвером будет весело, а с ресторацией за время моего отсутствия ничего не случится.

У мэтрессы Д. по поводу нашего путешествия плохие предчувствия. Вчера, после того, как она увидела, как ее хороший знакомый, сыщик Министерства Спокойствия инспектор Клеорн,

воркует с какой-то рыженькой герцогинькой, Далия расстроилась, и начала подсчитывать вероятность успешного завершения нашей миссии. Она вычислила, что вероятность того, что нас примитивно ограбят по дороге, составляет 36,2 процента, возможность нападения организованной бандитской шайки — приблизительно 39 процентов; столкновение со злодейскими замыслами коварных содержателей гостиниц, мошенников, шулеров и невоспитанных хамов — в пределах от 52 до 64,7 процентов. И это еще Далия не успела посчитать, какова вероятность стать жертвами извращенных религиозных культов, соблазнителей и плохой погоды; — впав в пессимизм, мэтресса ушла переписывать завещание, уже шестнадцатый раз за прошедшие полмесяца.

Больше всего Далию расстраивает то, что наш Эль-Джаладский Проект будет осуществляться одновременно с Выбором Покровителя Года. Ты, наверное, слышала о том, что маги Иберры, Ллойярда и Эль-Джалада нынешней весной перессорились, и, чтобы избежать конфликтов в дальнейшем, решили в месяц Барса устроить в Великой Пустыне открытый чемпионат: какое животное, растение или иное магическое творение придет к финишу первым, то и будет избрано Покровителем следующего года. (По прикидкам Ньюфуна, вероятность того, что нас с Далией затопчут соревнующиеся магические твари относительно небольшая — процентов двадцать пять — сорок; а вероятность пострадать от болельщиков гораздо выше — до пятидесяти девяти. Озвучить возможность выживания Далии, если она сунется к арбитрам соревнований со своими сапиенсологическими экспериментами, Ньюфун отказался, но сам лично снял с нее мерки — ширину спины и приблизительную высоту от каблуков до макушки, и обещал выписать из Орбурна хорошую гранитную плиту для надгробия.)

Что касается меня, то я верю, что наше путешествие закончится благополучно. А если что, то остаток моего долга за "Алую розу" тебе выплатит орбурнский клан Кордсдейл — ты же знаешь, как трепетно относятся гномы к имуществу тех своих собратьев, кто отправился в путешествие к Центру Земли. Жаль, конечно, что перед своей кончиной я так и не увижу малыша Фри-Фри — он, бедняжка, как получил свою степень магистра Алхимии, так и не появляется в Талерине, сидит в Чудурском лесу и нянчится с мэтром Вигом, магистром магии Крыла и Когтя. Тебе, может быть, говорили, что мэтр Виг — маразматик, маньяк и некромант? Так вот, спешу тебя заверить, всё это неправда. Да, мэтр Виг — волшебник со странностями, может быть, он даже на прошлой неделе умер… Или умрет на следующей? Хмм… кто-то не

так давно рассуждал о том, что Виг будет делать после смерти, но вот кто именно? Наверное, Джоя — у нее, как у всех жителей острова Дац, крайне практичное отношение к различным призракам, вампирам и прочей нежити.

Ну да ладно. О судьбе мэтра Вига узнаем при первом же удобном случае. А теперь — пора в дорогу. Нас ждет Эль-Джалад, Пустыня и раскопки!

Ой, опять я проговорилась. Фиона, прошу тебя — о том, что мы собираемся искать в Пустыне клад царя Тиглатпаласcара — никому ни полсловечка! Это тайна! Если она раскроется, нас точно похитят, будут пытать с особой жестокостью, а когда мы, несчастные, поделимся секретом, который Далия вычитала в старых дневниках Симона Пункера, великого исследователя Империи Гиджа-Пент, нас убьют с вероятностью сто и одна десятая процента. (откуда взялась эта подлая дробь, не знаю — считая по исходным постулатам Далии, у меня вечно получается математический абсурд).

Так что — прощай, Фиона. Не поминай лихом.

Привет твоим викингам.

С уважением и признательностью — Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл (кавладорская ветвь).

Талерин, 4-й день месяца Барса

Прощальные пожелания двум отважным путешественницам были сказаны, взмыли вверх белые платочки, заплакала Изольда, по-детски размазывая слезы кулачком и громко сетуя, что ее не взяли, Ньюфун оглушительно свистнул, пугая голубей и бродячих кошек Университетского квартала, и, в который раз, пообещал сестре, что присмотрит за ее имуществом. Нанятый вместе с дорожной каретой кучер щелкнул кнутом, и лошади переступили с ноги на ногу, делая первый шаг в направлении далекого Эль-Джалада.

— До свиданья! До свидания! — последний раз прокричала Напа, высовываясь из окна кареты.

— Не упади, — заботливо поддержала гномку мэтресса Далия.

— Спасибо. Умф, наконец-то мы поехали, — довольная и радостная физиономия Напы сияла от счастья. Маленькая гномка осмотрела внутренности кареты и одобрила его. — А тут удобно…

Далия посмотрела по сторонам и согласилась. Нанятый для путешествия экипаж производил хорошее впечатление и снаружи (черный сверкающий лак, скругленные бока, мрачная сдержанность — одним словом, стиль "Мечта вампира"), и внутри

— мягкие сидения и бархатные подушечки теплого оттенка спелой тыквы, на потолке обивка того же цвета, с помпончиками. Кони, на взгляд не разбирающихся в ездовых животных алхимической дамы и ее верной ассистентки по исчислению вероятностей-невероятностей, тоже были хороши. Один весь какой-то круто изогнутый, черный, с еле уловимым серебристым отсветом лоснящейся гладкой шкуры, а второй помохнатее, шире… э-э… в перпендикулярных измерениях, цвета очень крепкого черно-бурого кофе.

На фоне великолепной кареты молодой парень, управлявшийся с лошадьми, производил совершенно бледное впечатление. А вернее — просто никакого. Ну, заметили провожающие Далию и Напу алхимики Университета королевства Кавладор, что он достаточно высок, крепок, одет в темные штаны и коричневую куртку с кожаными вставками, заметили и шляпу, вытертую, бесформенную и старую, глубоко надвинутую на глаза. Но главное-то что? Что лошади возницу слушались, не брыкались, шли, куда он скажет…

— Именно таким я и представляла себе наше путешествие, — счастливо вздохнула Напа, откидываясь на подушечки. Карета, едва слышно поскрипывая рессорами, мягко покачивалась, колеса и подкованные конские копыта уютно стучали по мостовым Талерина. Далия посмотрела на гномку, промолчала. Лицо алхимички приобрело какое-то странное кисловато-сладкое выражение. — Ой, смотри, мы уже на набережную выехали! — тыкала пальчиком Напа во все талеринские достопримечательности. — Ой, а вот идет Бронн! Привет, Бронн! Он нам кланяется… Привет, привет!! Опять завернули… Ты видела заметку о нашем путешествии, которую Бронн напечатал в своей газете?

— Ага, — мрачно буркнула Далия. — Если до этой заметки кто-то в Талерине еще не знал, что мы отправляемся в путешествие, то теперь уж знает всё грамотное население. И в столице, и за ее пределами. Не удивлюсь, если в соседних странах тоже знают о нашем Эль-Джаладском Проекте. Как у тебя только мозгов хватило давать интервью этому пройдошистому журналисту?

— Не ругайся, — хорошее настроение Напы было незыблемым, как вершины Шан- Тяйских гор, — Я ведь никому-никому не рассказывала, что мы отправляемся на поиски сокровищ царя Тиглатпалассара… Тсс! — испуганно прикрыла рот ладошкой гномка, — Конспирация!

— Конспирация, а как же, — проворчала Далия. — С твоим умением хранить секреты шансы быть похищенными,

ограбленными и убитыми у нас повышаются до ровной тысячи процентов.

— Тысяча процентов в природе не встречается, — уверенно произнесла Напа. — Это только мошенники герцогства Пелаверино, всякие там "Фрателли онести" из Бёфери, обещают подобные прибыли, но врут, как и всегда.

Далия промолчала, поджав губы.

Напа повертелась на подушечках.

— Ой, смотри, смотри, такой же экипаж, как у нас!! — закричала гномка, показывая пальчиком в сторону каретного сарая под вывеской "Скамс и Сыновья", мимо которого они как раз проезжали. — А я-то думала, что мы единственные на весь город!

— На самом деле, — внимательно изучила Далия стоящий перед сараем ряд черных, с лаковым отсверком, карет, — Мы просто получили лучшее из возможного. Насколько я знаю, такие кареты недавно появились и в Уинс-тауне, и Литтл-Джоке, и Фраскароне…

— Жаль, — вздохнула Напа, — Что в Талерине ими торгует Скамс.

— Почему?

— Ну, если ты помнишь, господин Певерил, дядя моего бывшего квартиранта, малыша Фриолара, — тот, который женат на его третьей тете, Дионе, торгует всем лошадиным. Думаю, он мог бы выручить процентов двести от первоначальных вложений, взявшись продавать такие удобные средства передвижения…

— Двести процентов, конечно, не то, что тысяча, — покачала головой Далия. — Можно даже сказать — абсолютно честный бизнес…

— Может быть, — ревниво осведомилась гномка, — Ты хотя бы лошадей купила у Певерила? Слу-шай… Я же не спрашивала, много ли золота ты потратила на организацию нашего путешествия. Можно, — смутилась гномка, повесила голову и посмотрела на Далию из-под кудрявой каштановой челки, — я верну тебе свою долю расходов после того, как мы разыщем клад?

— На самом деле всё это роскошество, — созналась алхимичка, показывая на подушки, помпончики и медленно проплывающий за окном пригород. — Мне досталось в кредит. Но за предложение спасибо. Ой, смотри, по улице идет еще одна Фриоларова тетя! Даже две!

— Это Пиона и Ниона. Привет! Привет!!! — закричала Напа, высунувшись из окошка и активно размахивая руками. — Что-то они грустные. Не случилось ли чего?

— Может, останемся, узнаем? — ухватилась за спасительную соломинку Далия.

Соломинка, если можно так сказать, выскользнула: Напа Леоне с замечательной самоуверенностью, характерной для жителей подземных городов — то есть для всех, кто с младых ногтей привык держать голову в крепком, стальном, наглухо закрывающим уши шлеме, — не обратила на мольбы Далии никакого внимания.

Кони потряхивали гривами, всхрапывали и несли карету дальше.

— У меня такое ощущение, что ты используешь зеркало не совсем по назначению, — глубокомысленно заметила гномка некоторое время спустя.

— Я пытаюсь отследить возможную слежку, — ответила алхимичка. — Если из окна высунуть зеркальце, а потом вот так его повернуть, вот так прищуриться…

— То можно увидеть собственный нос, — Напа перепрыгнула на сидение рядом с Далией и попробовала следовать предложенной инструкции.

— Твой нос, не сочти за шутку, можно увидеть и без подобных ухищрений.

— Ну да, у нас, Кордсдейлов, носы хорошие, — ощупала Напа фамильную гордость.

— Ага, и вместо отбойного молотка подойдет, и есть чем укрыться, если вдруг дождь грянет…

Как и всегда, ирония от тонкого гномьего восприятия ускользнула.

— Никаких преследователей я не вижу, — заключила Напа несколько минут спустя. — Если только они не превратились в сгустки эктоплазмы. Знаешь, что мне Джоя рассказывала? Ллойярдские некроманты изобрели такое заклинание — человек как бы остается живым, но его дух отправляется в странствие, летает по воле ветра, иногда затягивается в окна, дымоходы, за всеми шпионит, за всем следит, подсматривает… Если, конечно, в окне не стоит зеленое стекло. Маменька писала мне, что благодаря этому заклинанию доходы стеклодувных мастерских в Орбурне подскочили втрое! Представляешь?

— Вполне. Как сейчас представляю себе дымоход, плотно перекрытый толстым зеленым стеклом, которое удерживается сверхнадежным свинцовым переплетом… Должна тебя разочаровать: заклинания подобного типа известны уже лет пятьсот. Это не считая обрядов шаманов с Риттландских островов — для тамошних колдунов отправить дух в путешествие вообще обычное дело. Вообще-то, — вдруг задумалась Далия, — наверное, именно эти духо-посылательные эксперименты и являются причиной господствующей среди викингов

безграмотности. Зачем учиться читать и писать, если можно просто наесться мухоморов и лично, в нематериальной форме, навестить на соседнем острове какого-нибудь родственника?

— Далия, — с уважением посмотрела на алхимичку гномка, — ты гений! Я при первой же возможности сообщу Фионе, почему подданные ее мужа до сих пор сопротивляются попыткам внедрения высшего образования!

От такой прямой и искренней похвалы настроение у Далии немного улучшилось.

— Ой, смотри, мы уже подъезжаем к городским воротам! Ты собираешься дать стражникам взятку? — удивилась Напа, заметив, как Далия, оставив зеркало в покое, стала что-то искать в маленькой бархатной сумочке.

— Нет, я собираюсь предъявить нашу подорожную грамоту.

— Какую грамоту?

— Новые веяния, — отмахнулась алхимичка, доставая бумаги. Но потом все-таки снизошла до более подробных объяснений. — Учет и контроль за путешествующими по землям королевства Кавладор. Видишь, сейчас этот представительный стражник запишет в большой книге, кто мы такие, куда едем, кто нас сопровождает…

Большие голубые глаза Напы округлились еще больше.

— Далия! — отчаянным шепотом взмолилась гномка. — Ты же сама говорила про конспирацию!.. А вдруг кто-то посторонний прочитает эту книгу и узнает, что мы едем в Великую Пуст…

— Согласно официальным документам, — сверкнув глазами, перебила говорливую попутчицу Далия, — Мы едем в Соединенное королевство Ллойярд-и-Дац, навещать твое семейство во глубине Орберийских гор. Вернее, ты едешь, а я тебя сопровождаю.

— Да? — удивилась гномка.

Медленно, по слогам, ознакомившись с документами, самый важный и толстый из стражников попросил дам предъявить ему багаж для осмотра.

— Далия! — схватила гномка алхимичку за локоть. — Он хочет нас ограбить!

— Нет, он хочет всего лишь убедиться, что мы не везем ничего запрещенного. Ядовитых или наркотических веществ, похищенных людей, незарегистрированный товар, облагающийся высокой пошлиной…

Кучер спрыгнул с козел и покорно предъявлял стражникам багаж пассажирок: прикрученный к запяткам сундук, плетеный короб, корзины, свертки…

— Он украл мою жареную курицу! — вдруг встрепенулась

Напа, подсматривающая за тем, что происходит позади кареты с помощью зеркальца.

— Оставь. Какая-то куриная нога… — попробовала остановить гномку Далия.

— Нет, но я *видела*, что он взял из корзины со съестными припасами куриную ножку! Это грабеж!

— Всего лишь таможня…

— Пусть он вернет мою ногу!

— Он ее уже съел.

— Далия, ты ничего не понимаешь: это дело принципа! Никто не смеет красть у гномов!

Мэтресса с трудом удержала рассерженную гномку на месте.

— Представь, что это торговая пошлина, и успокойся!

— Торговая пошлина? Пошлина? — возмутилась Напа. — Да как он посмел? Кто ему разрешил? Да как у него рот открылся на гномью еду?

Страж города, не подозревая о том, его преступление было обнаружено, закинул куриную косточку в крапиву, украшающую широкую дорогу из Талерина во Флосвилль, вытер жир с губ, и подошел к окошечку кареты.

— Сейчас я ему… — угрожающе зашипела Напа, доставая из-под сидения боевой топор.

— Прекрати! — всполошилась Далия. С трудом перехватив вооруженную ручку гномки, алхимичка поспешила состроить появившейся в окошке солдафонской физиономии приятную улыбку. — Это всего лишь топор! Гномы ведь обожают топоры, вы наверняка сами знаете!

— Ага, — уныло согласился страж города. — Ну, — печально и горько вздохнул он, — если ничего запрещенного к вывозу вы не везете… Проезжайте!..

Карета тронулась. Звонкий стук, высекаемый копытами из городских мостовых, сменился более глухими звуками, обязанными своим появлением утрамбованной дорожной земле.

— А почему это он ничего не сказал по поводу моего топора? — вдруг удивилась Напа. — В Университетском квартале и господин Ницш, и прочие стражники только и делали, что пробовали меня разоружить. Даже инспектор Клеорн, когда видел меня с секирой, по привычке требовал предъявить ему разрешение на ношение оружия. Я поняла! — страшным голосом вскрикнула гномка. — Этот стражник был ненастоящий! Да еще курицу он украл… Точно! Он — переодетый шпион!!!

Перепуганная Напа вскочила на сидение и высунулась из окошка, чтобы убедиться в своих предположениях.

— Напа, успокойся, — попыталась воззвать к голосу разума

маленькой гномки Далия. — Вы, гномы, если вас не останавливать, будете носить на себе тонны всяческого оружия! И использовать его при первом же удобном случае. Вот законы Талерина и…э-э… предлагают некоторый усредненный эквивалент оружейной массы, высчитанный исходя из коэффициента благонадежности… э-э… носителя, его общей воинственности, степени уравновешенности характера…

— Иногда мне кажется, — рассердилась гномка, — что ты сама не успеваешь осознать мудреные слова, которые имеют привычку из тебя выскакивать. «Эквивалент»! «Благонадежности»! Фрр… Ваши талеринские законы, которые не позволяют мне пользоваться секирой моей прабабушки — самые идиотские законы в мире! Вот у нас в Орбурне всё гораздо проще: если ты гном, то бери всё оружие, которое только можешь унести… — Напа еще раз громко фыркнула. — А ты уверена, что этот стражник — не переодетый шпион?

— В нашей жизни ни в чем нельзя быть уверенным, — философски пожала плечами Далия. — Но не думаю, что с нами может случиться что-то плохое, пока городские стены в пределах прямой видимости. Вот потом, когда мы доедем до ближайшего леса, — мечтательно протянула алхимичка.

— Лес уже начинается, — выглянула из окошечка Напа. И вдруг поняла, что ее внутреннему чувству безопасности отчаянно не хватает пяти тонн окружающих маленькую гномью фигурку камней.

— Нет, это называется подлеском. Видишь, через стволы деревьев… э-э… еще всё видно. Вот потом, когда вокруг дороги сомкнется сплошная серо-коричневая стена вековых деревьев, когда синее небо над головой закроется пышными зелеными кронами, когда мы заедем в непролазную темную чащу, где лесные обитатели будут спокойно выходить на едва различимую, давно не езженную тропу, — ибо не знают они, что такое страх перед человеком… и вооруженным гномом, — вот тогда, минут через тридцать, — на лице мэтрессы сияла довольная улыбка. — Нам действительно стоит ожидать попытки похищения или ограбления.

— Ты посмотри в зеркало, может, нас кто преследует? — осторожно подала идею гномка, судорожно сжимая древко топора.

— Да кто может нас преследовать? — отмахнулась алхимичка, прибирая зеркальце в бархатную сумочку.

— Инспектор Клеорн, — вдруг осенило Напу. — Инспектор Клеорн может нас преследовать! Вы же с ним так и не попрощались! О, это было бы так удачно! Он нас догонит, вы

попрощаетесь, он пожелает тебе счастливого пути, а потом останется и будет охранять меня от дорожных несчастий.

Далия поморщилась:

— Я бы на твоем месте не стала рассчитывать на Клеорна. Признаться, я очень им разочарована. Какой-то он ненадежный, недогадливый…

— Да? А Джое показалось, что сыщик, скорее всего, в тебя влюблен.

— Мало ли, что показалось Джое! — оскорбилась Далия. — Еще ей кажется, что в стенах нашей "Алой розы" живет призрак — не будешь же ты верить и этой сплетне?

На секунду коварный план мэтрессы — переключить внимание гномки на что-то нейтральное, — сработал. Напа прищурилась, размышляя:

— Призрак в «Розочке»? Хмм… еще одно покушение на гномью собственность! Приеду — разберусь. Но скажи ведь, как было бы хорошо, если бы Клеорн поехал в Эль-Джалад с нами! Интересно, а револьвер у него есть? Тривернские кланы всё Министерство Спокойствия вооружили, значит, и у Клеорна имеется. А еще я могу дать ему пару кинжалов, — Напа шустро переместилась на пол, углубилась в нишу под сидением. Пользуясь тем, что гномка ее не видит, Далия с выражением отчаянной надежды высунулась в окно и посмотрела назад. Увы, там была всего лишь дорога. И густеющий лес. И никаких инспекторов Клеорнов.

— И метательный топорик, — продолжала гномка, извлекая себя обратно. — И щит я запасной положила в сундук. А еще, если понадобится, можно вооружить Клеорна той шпагой, которую я приготовила для тебя.

— *Чем?* — неподдельно изумилась Далия.

— Конечно, не меч, — тут же принялась оправдываться Напа. — Но настоящий меч для тебя тяжеловат будет. Из метательного оружия ты только гусиными перьями владеешь…

— Но зато я всегда попадаю в чернильницу… Да и по Черно-Белому Коту редко промахивалась…

— Так что, — пропустила мимо ушей упоминание о неважном отважная воительница из клана Кордсдейл, — сделаем остановку на обед, я тебя вооружу. Ну, хорошо, — все-таки заметив отсутствие восторгов со стороны алхимички, согласилась Напа. — если шпага тебе не по вкусу… — и снова скрылась под сидением, покряхтывая от сдерживаемых эмоций, — Я отдам тебе *это*.

«Это» на сей раз представляло собой арбалет — маленький, изящный, предназначенный для гномьего варианта прекрасного

пола. Вещица поражала красотой и агрессивностью: темная, благородная древесина, из которой был сделан приклад, выгодно оттеняла не менее благородную вороненую сталь изогнутых металлических частей, рычажки и пружинки поблескивали тонкой серебряной отделкой.

— Умеешь пользоваться?

— Нет, — с плохо скрытым содроганием ответила алхимичка.

— Хочешь, научу?

— Нет!! — завопила Далия.

Карета накренилась, поворачивая, и кони чуть убыстрили шаг.

— Защищаться от грабителей не так уж трудно. Сейчас я быстренько объясню тебе парочку принципиальных вопросов, а остальное додумаешь сама. Значит, главное, догадаться, где у твоего противника потенциально уязвимые точки. Потом берешь топор, — Напа перебросила арбалет в левую руку, а правой выполнила требуемое действие, — разгоняешься… ой, тут разогнаться негде. Далия, подвинься! Значит, разгоняешься, и — иииияя!!! — издала гномка леденящий душу визг, стартанула, разбежалась, вышибла плечиком дверь — и нос к носу столкнулась с таинственной личностью, до глаз закутанной в темный плащ. Незнакомец как раз собирался войти в быстро катящуюся по дороге карету.

— Ой, — сказала таинственная личность, вываливаясь наружу.

— Ай! — закричала Напа, отлетая в противоположном направлении.

— Гони! — завизжала Далия, едва успев схватить короткую, но увесистую гномку, пока та не вывалилась уже в другую дверцу.

Копыта и колеса застучали быстрее.

— Я ведь тебе *говорила,* — прошипела Далия. В ее голосе отчетливо слышались интонации целой смеси азотной, серной и прочих кислот, — Я *предупреждала*…

Чувствуя, что что-то в их долгожданном путешествии из Талерина в Великую Пустыню Эль-Джалада пошло неправильно, Напа высунулась в окно. Покрутила головой из стороны в сторону…

И закричала:

— Впереди завал! Эй, ты!!! — вопль предназначался парню, управляющему лошадьми. — Сворачивай куда-нибудь, сворачивай!!!

В ответ откуда-то сверху, с переплетенных на высоте сотни локтей веток лесных гигантов, раздалось бодрое улюлюканье и свист. Свист в данном контексте был на редкость зловещим.

— На нас напали! — закричала Напа. — Гони быстрее! — это снова призыв кучеру. — Брось читать! — заорала гномка на алхимичку. Причиной вопля было то, что, вместо того, чтобы схватиться за ближайший острый предмет, Далия извлекла сверток газетных вырезок и спешно листала их.

— Особые приметы, — бормотала она, подскакивая в быстро мчащейся карете. — Особые приметы Жана Грязелло, грабителя… нос длинный, руки длинные, волосы длинные…

На крышу стремительно несущейся кареты кто-то спрыгнул. Ругнулся, с трудом удержал равновесие. Раздался зловещий свист кнута, и этот «кто-то» с воплем полетел в кусты.

— Нет, Грязелло рыжий, а этот был темноволосый, — продолжала листать Далия свои «конспекты». — Кто же нас грабит?

— Далия, не смей читать, когда нас могут убить в любой момент! — закричала Напа. Отважная гномка колотила древком топора руки грабителя, вцепившиеся в порог несущейся кареты. Удачный удар, короткий вопль, многозначительное подпрыгивание экипажа на чем-то мягком, попавшем под колеса…

— Не мешай мне! Если я узнаю, кто именно нас грабит, то смогу вычислить вероятность успешного завершения их предприятия!

— Их?! Почему это — их, а не нашего?!!

— Не привередничай, Напа! Алхимик должен быть щедр по отношению к мирному подопытному населению!

В этот момент еще один грабитель-эквилибрист сделал попытку запрыгнуть в карету — благо, стараниями Напы одна дверца покачивалась на сломанной петле. Разбойник со смачным шмяканьем впечатался в стенку, лицо его более менее равномерно распределилось в оконном проеме, и Далия сумела сличить особые приметы предъявленного экземпляра со словесным описанием, опубликованном в газете "Талерин сегодня" сыщиками Министерства Спокойствия.

— Возраст между тридцатью и тридцатью пятью, ранняя плешь, зубы кривые, — ой, да каждый второй преступник под это описание подходит. Так, вот, нашла особые приметы: сильно пришепетывает по причине несоразмерности языка… Ну-ка, — велела алхимичка едва удерживающемуся грабителю, — Скажи: "Свистящий суслик нес сироп сироте-саблезубу".

— Ну шё фы дражнишьшя? — обиделся разбойник.

— Не волнуйся, Напа, — алхимичка поспешила успокоить растерянную гномку, прячущуюся за тяжелым топором и взведенным арбалетом, — На нас напали обыкновенные

неудачники. Сейчас с ними что-нибудь случится, и они сами отвалятся.

В подтверждение слов ученой дамы карета свернула на какую-то боковую тропку, и первым же низко склонившимся к дороге суком грабитель был сбит и повергнут наземь — далеко позади мчащегося экипажа.

— Не останавливайся! — закричала гномка кучеру.

Тот послушно и качественно выполнил ее приказ.

Теперь карета подскакивала, угрожающе раскачиваясь из стороны в сторону. Колеса, прекрасно справлявшиеся с городскими мостовыми и утрамбованным грунтом, свистели и скользили по траве. Кони всхрапывали, особенно мохноногий.

— А ведь прошло всего тридцать две минуты, как мы покинули гостеприимные и такие надежные стены нашей любимой ресторации "Алая роза", — с демонической ухмылкой намекнула Далия. — Мне кажется, или я и в самом деле слышу стук твоих зубов?

— Н-нет, — пробормотала отважная юная гномка из клана Кордсдейл. — Эт-то воо-ообще откуда-то сверху…

В доказательство ее слов с крыши кареты свесилась голова мужчины. Тоже закутанного в темный плащ. Далия громко взвизгнула, Напа размахнулась в сторону непрошенного попутчика топором, и тот с воплем отшатнулся, теряя равновесие и сваливаясь в придорожные кусты.

— Интересно, сколько мы еще продержимся? — алхимичка достала из кармана мантии громко тикающие часы.

Тут карету качнуло так сильно, что Напа подпрыгнула и застряла в бархатной обивке крыши острой маковкой своего походного шлема.

— Ой… ой… снимите меня отсюда…

Экипаж начал притормаживать.

За окном послышалось тяжелое дыхание догоняющего влекомый двумя лошадьми транспорт очень настойчивого, упорного человека.

Далия покосилась на циферблат.

— Что-то рано…Говорю же, рано! — закричала она на мужчину (и опять в плаще и до бровей надвинутой шапке), пытающегося запрыгнуть в карету.

Грабитель все понял — когда на него сверзилась выпутавшаяся из помпончиков гномка с топором, и отстал.

— Фу-уу, — с облегчением вздохнула Далия. — У нас осталось еще полторы минуты. Еще не поздно всё отменить и повернуть обратно.

— И что? — со слезой в голосе судорожно всхлипнула

маленькая гномка, — неужели кто-то выкопает сокровища Тиглатпалассара вместо нас?!!

— Раз отступать ты не намерена, то позволь задать тебе вопрос. Чисто теоретически.

— Ты думаешь, сейчас время для твоих идиотских алхимических вопросов?

Мэтресса внимательно изучила хронометр, наскоро перемножила время на скорость лошадей, прикинула, насколько глубоко они заехали в чащу окружающего Талерин леса…

— Да, думаю именно сейчас самое время. Допустим, Напа Леоне, ты точно знаешь, что тебя попытаются ограбить, похитить и выведать всё, что ты знаешь о закопанном в далеких иноземных песках кладе. Какой план действий кажется тебе самым результативным и эффективным?

Карету тряхануло в последний раз. Лошади заржали и внезапно остановились.

Остановка благотворно отразилась на мыслительных способностях Напы. Наморщив лоб, почесывая то одну, то другую фамильные реликвии — огромный нос, отличительный знак гномов клана Кордсдейл, и сверкающий полированной сталью боевой топор, — она начала прикидывать, какой же вариант ограбления окажется самым результативным.

В наступившей тишине — насколько, конечно, возможна тишина среди летнего леса, всего из себя жужжащего, поющего, колышущегося и трепещущего листвой, — послышались шаги кучера. Парень спрыгнул на землю и подходил сломанной во время недавних приключений каретной дверце.

— Знаю! — осенило Напу. — Если бы я хотела кого-то украсть, я бы замаскировалась кучером, села управлять лошадьми и сама увезла бы путешественников вместе с каретой!

Дверца скрипнула, проем загородила высокая, крепкая фигура — темная куртка, низко надвинутая на глаза шляпа, иначе говоря — еще один из любителей легкой наживы, которые только что продемонстрировали навязчивый интерес к двум путешественницам.

Фигура приблизилась. Напа недрогнувшей рукой наставила на «кучера» арбалет и нажала на спусковой крючок.

Болт сбил шляпу с головы мужчины и, глухо вибрируя, вонзился в стенку кареты.

— Гмм… — глубокомысленно прокомментировала Далия. — Я почему-то знала, что именно такой вариант ты и предложишь. И не только ты…

Бёфери, дом Бонифиуса Раддо

Приблизительно в то же самое время, когда из Талерина выехала черная карета, запряженная быстроногими животными и управляемая неблагонадежным кучером, за многие десятки лиг, в городе Бёфери, расположенном на севере герцогства Пелаверино, господин Бонифиус Раддо устраивался в любимом кресле с целью выпить бокал отличного южного вина и поразмыслить о вечном.

Неспешно — господин Раддо был человеком весьма солидным, рослым, что называется, в теле, а потому считал, что неторопливость в его случае — эквивалент степенности и чувства собственного достоинства, — он придвинул кресло так, чтобы можно было видеть происходящее за окном. По летнему времени тяжелая оконная створка, украшенная цветными стекляшками, была открыта, и со своего места Бонифиус мог видеть сад принадлежащего ему дома, сложенную из грязно-желтого камня стену, этот самый сад охраняющую, Бурдючную улицу, которая начиналась за стеной, и полторы дюжины домов, также выходящих на Бурдючную улицу и обнесенных высокими стенами из грязно-желтого и бурого камня.

Следует сказать, что дома эти, за исключением дома номер 7, принадлежали коллегам господина Раддо, купцам и торговцам, составляющих знаменитый на весь цивилизованный мир консорциум "Фрателли онести", что в переводе с пелаверинского диалекта означало "Честные братья". Консорциум имел множество интересов, причем не сколько в герцогстве Пелаверино, сколько за его пределами — в Буренавии, Кавладоре, Иберре, Вечной Империи Ци, поэтому фрателлы — так полуофициально величали держателей акций консорциума, — считали своим долгом приглядывать друг за другом. Мало ли, для чего. Выручить соседа по Бурдючной улице полновесным золотым, например. Или, приблизительно в сто раз чаще, перекупить часть бизнеса — разве вы не знаете, что адепты Мегантира Степенного(1) обещают семь пылающих преисподних стяжателям и разрушителям семейных ценностей? Подарите мне пятьдесят процентов дохода от заключаемой сделки — и я, так и быть, спасу вашу душу и приму на себя весь риск, связанный с избыточной доходностью.

Поэтому, помимо бокала с вином, поблизости от любимого кресла Бонифиуса Раддо, по правую руку, на узком подоконнике, располагалась на бронзовой подставке небольшая подзорная труба. Отпив пару глоточков, фрателла Бонифиус приник к окуляру и внимательнейшим образом изучил верхний, третий этаж дома номер девять — жилища своего основного конкурен… нет, конечно же, коллеги и старого товарища — старшины "Честных Братьев" Жиля Мильгроу.

В верхних этажах не происходило ничего интересного, тогда

Раддо перевел трубу на окна второго этажа и убедился, что фрателла Мильгроу вместе с женой и тремя младшими детьми изволит трапезничать.

Обжора, с неприязнью подумал Бонифиус, нахмурился, допил вино и позвонил в колокольчик, веля слуге заново наполнить бокал и подавать обед. Чтоб потом не отвлекаться на примитивный шпионаж, Раддо проверил, как обстоят дела у других жителей Бурдючной улицы, убедился в том, что все, по дневному времени, заняты вторым завтраком или подготовкой к раннему обеду, посетовал об отсутствии у соседей деловой хватки (поглощать пищу можно быстрее, не отвлекаясь от манипуляций с бухгалтерскими счетами и проверки приходно-расходной документации), и, наконец, вернулся к основной теме своих размышлений.

Дело в том, что фрателла Бонифиус Раддо понес убытки.

Пока этот факт оставался секретом, маленьким черным пятнышком на безупречной, с точки зрения бёферинского консорциума, репутации человека, сделавшего себе состояние на азартных играх, контрабанде шелка из Вечной Империи Ци и подпольной торговле пушниной между Буренавией, Иберрой и Фноссом. Но ведь прочие фрателлы — не лыком шиты, они обязательно что-нибудь пронюхают… Вон как сияют линзами подзорные трубы, установленные в кабинетах фрателл Зунорайе, Луиджи и Приво! Не говоря уже о старом пройдохе Мильгроу…

Тут Раддо почудилось какое-то движение за закрытыми занавесками окнами дома номер 7, он дернулся, наводя подзорную трубу, и чуть не расплескал вино. Между прочим, урожай с виноградников Сан-Тиерры, сбор года Оранжевого Павлина, а не какая-нибудь там подпольная винокурня, на которой держат вместо пресса чернопятых троллей!

Подумав о годе Оранжевого Павлина — годе своей молодости, случившимся лет тридцать тому назад, когда амбициозный, хитрый Бонифиус, еще свободно помещающийся в нешироком камзоле и не страдающей одышкой при подъеме на третий этаж собственного дома (впрочем, тогда он жил в полуразвалившейся халупе), Раддо снова вздохнул, с еще большей грустью, чем раньше.

Фрателла отхлебнул вина, покатал на языке, смакуя божественный напиток, и сосредоточился на обдумывании случившихся в последнее время неприятностей.

Причиной плохого настроения пелаверинского торговца были разборки астрологов, случившиеся весной. Поверив рассказам знакомого волшебника, как происходят выборы Покровителя Года, Бонифиус спешно отбыл в Хетмирош (2) с целью

профинансировать избрание какого-нибудь зверя, обладающего ценным и редким мехом. По мнению Раддо, назначение Покровителем Года какого-нибудь Соболя, Куницы, Лисицы, или, на худой конец, Лемминга, могло бы оживить торговлю между богатую лесными обитателями Буренавией и южными странами, ценящими роскошь. Плевать, что летом в эль-джаладской Великой Пустыне плавятся камни — красота требует жертв! И Раддо, как последний идиот, уговаривал выжившего из ума старшего эль-джаладского мага, Кадика ибн-Самума, принять в дар парчовый халат, украшенный дюжиной соболиных хвостиков, кланялся, лебезил, умолял сделать предсказание поприличнее…

А вот и фигу вам! Выборы Покровителя Года выиграли ллойярдские некроманты во главе с громогласным мэтром Мориарти, объявили год Черного Лебедя — и что, Бонифиусу Раддо теперь переключаться на торговлю перинами, что ли?

Это кроме того, что черных лебедей в природе не существует, а следовательно, ни одна существующая в мире тварь прямой выгоды от озвученного пророчества не получит.

Раддо отпил еще полстакана вина и, покачав головой, решил, что аферу с неудавшимися Выборами Покровителя Года рано считать законченной. В конце концов, через пару недель посмотрим, чья лошадь будет ржать на следующую весну. В смысле, вот выиграет ставленник фрателлы Раддо гонки в пустыне, тогда послушаем, что напророчат на следующий год все эти маги-звездочеты-астрологи…

Фуу, вздохнул Бонифиус и пожурил себя за то, что слишком рано впадает в отчаяние.

Еще одной причина плохого настроения Раддо, звалась "Филеас Пункер".

Кряхтя, Раддо выбрался из кресла, прошелся по кабинету, остановился у стола и задумчиво постучал кулаком в длинный свиток, исписанный ровными строчками мелких рун, в начале которого стояло вышеуказанное имя.

— Пункер, Пункер… — задумчиво пробормотал Бонифиус. — Что ж мне с тобой делать?

Фил Пункер был человеком незначительным и мелким. Однако он сумел вывести фрателлу Бонифиуса в убыток — прознай новость конкуренты, оно бы животики надорвали, высмеивая незадачливого Раддо. Но обо всем по порядку.

Дед Филеаса, Симон Пункер, торговал антиквариатом. Начинал в столице герцогства, городе Вертано, но потом предпочел переехать на родину, в Луаз, оставив в Вертано и Бёфери скромные, но дорогостоящие дочерние лавочки. По мнению многих сведущих негоциантов, старина Симон был

лучшим знатоком древностей, одинаково хорошо разбирающимся в эльфийском, гномьем и редкостном кентаврийском прикладном искусстве. Слава Пункера как о единственном достойном доверия специалисте по артефактам Забытой Империи Гиджа-Пент ходила от Нан-Пина на востоке до Шуттбери на западе, и от Аль-Миридо на юге до Риттландских островов на севере.

Поэтому, когда на пороге конторы Бонифиуса, располагающейся в славном городе Луазе, появился внук преуспевающего антиквара и попросил о небольшом одолжении — всего-то десяток золотых монет, расплатиться за карточный долг, фрателла Раддо приветственно распахнул для молодого человека кошелек и осьминожьи объятия.

С той поры прошло почти четыре года. Филеас жил счастливой жизнью, ни в чем себе не отказывая. Изысканное вино, роскошные красавицы, шелк и бархат, перья золотистой цапли на шляпу, кольцо с крупным изумрудом и тому подобные прелести были для молодого Пункера не украшением быта, а собственно прозой, нудной рутиной бытия. Пусть боги будут свидетелями: Бонифиус сам не отказался бы один раз в жизни позволить себе все те безумства молодости, которые насыщали каждую минуту существования Фила Пункера! Конечно, кредит у Раддо был открыт в ожидании скорой и неизбежной кончины старика Симона, но что же получилось в итоге? Восьмидесятишестилетний антиквар, по общему мнению, стоящий одной ногой в могиле, благополучно проскрипел до девяноста лет, и продолжал бы, как подозревал Раддо, благополучно отравлять своим потенциальным наследникам жизнь еще годков шесть-семь, но Филу срочно понадобилось рассчитаться с долгами.

Баловень судьбы очень удивился, когда Раддо и Мильгроу намекнули ему, что его долги подбираются к пятизначной сумме. Был бы Фил принцем или хотя бы предводителем дружины викингов, другой разговор, а наследство старика-антиквара при любом раскладе не может равняться по стоимости небольшому городу с прилегающими предместьями. Мильгроу, резкий от природы, поставил вопрос более жёстко: или Фил рассчитывается хотя бы с половиной долгов, или… Ни один из "Честных братьев" не потерпит нахального должника, а показательная расправа с неплательщиком окупит себя не в денежном, так хотя бы моральном качестве.

Поджилки Фила Пункера затряслись, и он прибежал к Бонифиусу жаловаться на долгожителя-деда. Выспрашивал между делом о том, чем бы угостить живучего родственника, и клялся, что именно он, Филеас, как любимый сын средней дочери,

получит большую часть наследства. Владение антикварной лавкой — наверняка, плюс дом в Луазе, да еще некоторое количество полновесных золотых с чеканкой из дубовых листьев(3)… В ожидании смерти Симона Пункера Раддо не поленился составить подробный список редкостей, которыми в свое время хвастался без пяти минут покойный торговец, заранее предвкушая прибыль, которую сможет получить, прибрав к рукам налаженный антикварный бизнес.

И что же? После смерти старика выяснилось, что глядя на его «богатство» даже голодающие церковные мыши, чего доброго, могут вздохнуть, пригорюниться и щедро поделиться последним подгнившим зернышком! Симон Пункер не оставил наследника НИ-ЧЕ-ГО! Артефакты, хранившиеся в лавке, давно распроданы, счет в гномьем банке "Подковы и Метлы" составляет восемнадцать серебряных монет — еле-еле хватит на скромные похороны, а из всех сокровищ, якобы спрятанных в доме антиквара, в наличие имеется только стопка зачитанных до дыр, развалившихся от частого употребления книг, официально завещанная библиотеке Университета королевства Кавладор(4).

Представляете, что пережил Бонифиус Раддо, выяснив, что потратил три тысячи сто девяносто три золотые монеты на жуира, пустозвона и обманщика? Единственное, что утешало — Мильгроу потратил на две тысячи золотых больше.

От встречи с наемным убийцей Филеаса спасло то, что он явился к Раддо сам, не дожидаясь многозначных намеков и повторных объяснений о том, что вернуть долг придется. Молодой человек, утративший за неделю, прошедшую с похорон родственника, большую часть лоска и самоуверенности, долго клялся, что виноват в бедах господина Раддо хитрый старик Симон, сумевший унести тайну своего богатства в могилу. А потом начал рассказывать сказки. Откровенные сказки — о том, что, дескать, в молодости Симон Пункер нашел в глубине эль-джаладской Великой Пустыни клад, что именно вещицы из скрытый жаркими песками сокровищницы дед продавал последние пятьдесят лет своей жизни… Филеас клялся всеми известными ему богами, что найдет дедов тайник, и умолял дать ему неделю срока — съездить в Талерин, выяснить, а не спрятался ли в книгах старика, уже переправленный в Библиотеку тамошнего Университета, намек, где именно в Великой Пустыни зарыты горы золота.

Бонифиус нахмурился, вспоминая их последний разговор с Филом: молодой Пункер был вот здесь, у письменного стола, елозя коленями по дощатому полу и клянясь, что через шесть дней принесет господину Раддо фамильную тайну на серебряном

подносе. Даже вспоминать, как он унижался, противно… И даже сейчас, пять недель спустя после того тяжелого разговора, Раддо не понимал, почему согласился немного отсрочить «расплату» Пункера.

Хотя нет, конечно же, понимал. Видение золотых груд, украшенных переливами драгоценностей, было гораздо приятнее лицезрения помятой, перепуганной физиономии должника. Представив, что мертвым Фил будет еще противнее, чем сейчас, Бонифиус с тяжелым сердцем согласился на пересмотр условий. Пусть едет к Кавладор. Добывает ключ к тайне Пустыни из старых потрепанных книжек. И возвращает свой долг с роскошными процентами.

Чтоб Фил Пункер не сбился с пути и не вздумал сбежать от цепкой, безжалостной хватки фрателлы, Раддо приставил к нему надежного человечка. Ну, по крайней мере, более надежного, чем сам молодой Пункер. Хрумп, как и Фил, был родом из Луаза, где прославился делишками мелкими, изобретательными до самообмана и уровнем отваги, свойственным для бегущей с тонущего корабля крысы.

Фил Пункер и Хрумп покинули Бёфери в конце месяца Зеркала. Через полторы недели, не дождавшись от прохиндеев известий, Раддо отправил в Талерин еще более надежного человека, Огги Рутфера, чтоб тот выяснил судьбу авантюристов и представил перед господином Бонифиусом их головы, если вдруг хитрецы решили заняться самодеятельностью. Двадцатого числа прошлого месяца от Рутфера пришло пространное письмо, в котором он сообщал, что Фила Пункера зарезали, Хрумпа поймали чуть ли не на месте преступления, сам Огги предпринимает отчаянные усилия с целью проникнуть в Библиотеку Университета, что в Университете с большой помпой прошла конференция, посвященная Утраченной Империи Гиджа-Пент, но проникнуть в стаю алхимиков Рутферу не удалось — не нашлось черной мантии соответствующего размера. Помощник запрашивал инструкций, что делать дальше, чем вызвал приступ раздражения у Бонифиуса.

— "Что делать", "что делать", — проворчал фрателла. — Действовать надо! Решительно и наверняка!

Рутфер получил приказ разыскать Хрумпа и выспросить у надежного кого-нибудь подробности относительно Забытой Империи Гиджа-Пент. Сам Бонифиус тоже не терял времени даром — он подыскивал надежного исполнителя, который смог бы не только «позаботится» о возможных конкурентах-кладоискателях, но и просто помог бы заработать фрателле Раддо тысяч пять-десять-двадцать полновесных золотых монет.

Увы, месяц Паруса закончился, на ночном небе загорелось созвездие Барса, но утешающих новостей из столицы Кавладора Раддо так и не дождался.

— Грм, — глухо рыкнул Бонифиус, вылил в бокал остатки вина из графина и жадно набросился на остывающий обед. Хрустя свежими огурчиками, достойный торговец размышлял о том, как бы не дать расползтись по каменистым землям родного герцогства слухам о своем фиаско с делом Филеаса Пункера. "Честным братьям" лишь повод дай — съедят товарища и ухом не поведут…

Когда Раддо вплотную приступил к жареному цыпленку, за дверью кабинета послышался подозрительный шум. Делец насторожился, потянулся к нижнему ящику письменного стола, где у него был спрятал пистолет, но потом успокоился: явившийся посетитель, громко протопавший по коридору, аккуратно постучал в дверь. Опыт подсказывал Раддо, что агрессивно настроенные посетители не стучат — они дверь выламывают, поэтому Бонифиус успокоился и недовольным голосом приказал входить.

— Хозяин! — с порога закричал Огги Рутфер. — Хозяин, всё пропало!

Огги был крепко сбитым малым, в котором интеллект скорее угадывался, чем присутствовал — правда, Бонифиус не первый год звался фрателлой и знал, что умный помощник не обязательно самый лучший. Взамен смышлености Рутфер был исполнителен, пронырлив, достаточно надежен, хорошо управлялся с кастетом и ножом, и редко поддавался панике.

Из-за спины Огги в кабинет просочился чрезмерно загорелый сухощавый господин среднего роста, с темными сальными волосами и настороженным взглядом. Впрочем, господин — крепко сказано; весь вид мужчины выдавал его плебейское, можно даже сказать — подзаборное происхождение. И потрепанная одежда, и стоптанные сапоги, и следы комариных укусов, обильно украшающие лоб, щеки и немытую шею незнакомца. Хотя… почему незнакомца?

— Хрумп! — не поверил своим глазам Раддо. — Тебя ж упекли на каторгу!

Хрумп недовольно дернул носом, то ли чихнул, то ли фыркнул, как-то очень хищно выделил из обитателей кабинета недоеденного цыпленка и проворчал:

— А я сбежал по дороге. Вон, он, — кивок в сторону Огги, — меня спёр.

— Зачем ты это сделал? И вообще, Огги, что происходит?

— Хозяин, всё пропало! — закричал Рутфер. Как правило,

чтоб среагировать на заданные вопросы, помощнику фрателлы требовалось некоторое время, в течение которого его мозг продолжал функционировать в заданном режиме.

— Нет, ты мне объясни, — строго потребовал Раддо, — зачем ты притащил в мой дом этого неудачника?

— Вы ж сами велели, хозяин… — растерялся Огги. — Доставить вам головы Хрумпа и Фила Пункера… Я и подумал, что живая голова — оно как-то надежнее.

Раддо придирчиво посмотрел на Хрумпа. Тот громко почесал затылок.

— А головы Фила, — между тем продолжал Рутфер. — Мне не досталось. Ее какая-то сволочь украла раньше, чем я добрался до кладбища. Так что вот, — он потряс мешком, — я привез вам его руку.

— Ну, ладно, — с сомнением протянул Раддо. — Чтоб некромант вызвал дух умершего, сгодится.

— Вы собираетесь разговаривать с духом Фила? — неразборчиво спросил Хрумп, и Бонифиус с неудовольствием заметил, что ворюга воспользовался его невниманием, украл остатки цыпленка и теперь самозабвенно раздирает на части жареную курятину. — Жачем? Я и так вше рашшкажу… Штарший Пункер окажался заразой (куриная нога кончилась), расписал в дневнике дорогу к кладу, но Фил, собака этакая, залил всё чернилами, чтоб я не прочитал… Копец нам, хожяин (Хрумп принялся за крылышко), нужную книжку шперли братки из Миништерштва Шпокойствия, оттуда мы ничего не прочитаем…

— Нам и не надо читать, — глубокомысленно высказался Бонифиус, с легким оттенком отвращения посматривая на грязный мешок в руках Рутфера. — Фил уже прочитал, он нам всё расскажет. Так-с, похоже, надо пересмотреть планы на вечер… Что сделать легче — отправиться в Ллойярд самому или вызвать нужного специалиста сюда? — задумался Раддо. Посчитав на счётах возможные расходы, он скривился, поднял голову и недовольно бросил: — А ты — пошел вон.

— Жа что? — возмутился Хрумп, отвлекаясь от раздирания на части несчастной птички. — Что я не так шделал?

— Много чего, но главное — явился в мой дом… фу, — зажал нос Раддо, наконец-то почуяв исходящий от бывшего каторжанина дух, — в антисанитарном состоянии. Убирайся с глаз моих, вот тебе на расходы, — Бонифиус кинул на стол три серебряные монетки, — вечером явишься в пристойном виде. И не вздумай купаться в городском фонтане! — спохватившись, предупредил Раддо. — Здесь тебе не твой родной Луаз, здесь за подобные финтили прирезать могут!

Водоснабжение в герцогстве Пелаверино было очень больным вопросом: на все герцогство приходилась лишь пара природных источников, да сработанные четыре столетия назад кудесниками-эльфами семь искусственных колодцев. Магическое обслуживание сотворенных источников стоило дорого, поэтому городской фонтан в Бёфери был один, крайне символический — огромный каменный лев изрыгал тоненькую, в пальчик толщиной, струйку воды, которой едва хватало, чтоб не умереть от жажды десятку воронов и стайке воробьев.

Дождавшись, когда Хрумп удалится, Раддо обратил суровый взор на Огги Рутфера.

— Ну, чего там случилось?

— Где? — не понял Огги.

— В Талерине, — напоминал Бонифиус. — Ты еще сказал, что "всё пропало". Что, спокушники добрались до моих вкладов в тривернских банках? Или кому-то стало известно о том, что мы с Тирандье договорились о… — Раддо спохватился и благоразумно замолчал.

Помощник нахмурился, вспоминая, какими новостями хотел огорчить хозяина. Просветлел ликом.

— Хозяин! Все пропало! — закричал Огги.

— Отлично, — порадовался за память помощника Раддо. — Излагай дальше.

— Громдевур вернулся!

Бонифиус поморщился. Прошлый раз «возвращение» пропавшего тринадцать лет назад генерала Октавио Громдевура, с которым у фрателлы Раддо были личные счеты, обошлось дельцу в три тысячи убытков. И это Бонифиус еще вовремя спохватился — в первый раз, когда о внезапном обнаружении генерала ему по большому секрету поведал фрателла Зунорайе, Раддо пустил на ветер восемь тысяч, спешно перевооружая личную армию, укрепляя дом на случай возможной осады, устраивая подземный ход (долбить скалистое плато, на котором располагался Бёфери, даже упертые гномы соглашались лишь после долгих уговоров).

— Нет, хозяин, Октавио на самом деле вернулся! Сначала я услышал сплетни, что, дескать, Громдевур заявился в замок Фюрдаст и устроил там охоту на медведей. Тогда я встал на площади перед Королевским Дворцом, чтоб, значит, узнать достоверно, — Огги на всякий случай принял позу, которой пугал городских воробьев в Талерине, — стою, жду — и вдруг вижу! Громдевур! Живой! Вернулся! Об этом даже в городской газете написали! — помощник с почтительным поклоном положил перед потерявшим дар речи Раддо помятый новостной листок. —

Видите, тут сказано, что свадьба Громдевура и принцессы Ангелики состоится через шесть дней. Вот… А вот в этой заметке, — поискал Огги нужное сообщение, — рассказывается об одной ненормальной алхимичке, которая собралась исследовать…

— ЧТО?!!! — заорал Раддо. — Что ты сказал?!!

— Э-э… Алхимик собрался исследовать… — послушно повторил Рутфер.

— К демонам алхимиков! Громдевур!!! Где он был?! Он же умер! Почему он вернулся?! Как?! Зачем он женится на этой коронованной дуре?!!!

— Не, Ангелика вряд ли дура. То есть, конечно, она баба, и этим все сказано, но вряд ли она действительно такая дура, как вы говорите, иначе бы кто-нибудь это заметил и продал нам соответствующую информацию, — возразил Рутфер, — и не такая уж она коронованная, правит-то ее старший брат…

— Ты представляешь, что это значит? — прохрипел Бонифиус, хватая помощника за ворот камзола и буквально поднимая оторопевшего Огги над полом. — Ты представляешь, что будет, когда Громдевур войдет в королевскую семью? Через неделю герцогству объявят войну! Через десять дней Октавио и его головорезы будут осаждать Бёфери, и нам придется питаться крысами, кореньями и подметками собственных башмаков! — в отчаянии Раддо отшвырнул Огги в сторону и заметался по кабинету, потрясая кулаками и бормоча проклятия.

— Это вряд ли, — упрямо возразил Рутфер. — Через десять дней — не факт. Он же женится, дайте человеку хоть месяц, чтоб семейная жизнь надоела. Вот недельки через четыре, на пятую, Октавио действительно соберется в поход. Уж я-то его знаю, — и помощник фрателлы Раддо потер небольшой шрам, пересекавший его левую бровь.

Шрам этот он заработал пятнадцать лет назад, пытаясь остановить генерала Громдевура, пришедшего вернуть Бонифиусу старый «должок». Храбрый генерал обладал настолько хорошей памятью на долги, что каждый раз, когда возникала напряженность между дельцами герцогства Пелаверино и гораздо менее ушлыми, можно даже сказать — наивными предпринимателями Кавладора, считал своим личным долгом нанести визит консорциуму "Фрателли онести" и восстановить то, что он считал справедливостью.

Кстати, Бонифиус Раддо дважды «отыгрывал» потери, вызванные ложными сообщениями о появлении Октавио Громдевура из того таинственного места, куда он пропал тринадцать лет назад, передоверяя «секрет» коллегам из

консорциума. На фрателле Луиджи он заработал тринадцать тысяч золотом. Приятно вспомнить!

Но теперь… Генерал вернулся по-настоящему. Не призрак, не фантом, не демон, принявший чужой облик! И кошмар, страшный сон нечистых на руку "честных братьев" имеет шанс повториться, и повторяться еще очень, очень долго! Что же делать?! — схватился за голову Раддо. — Что же делать?!!

— А в остальном, — засунув в рот кусок с тарелки босса, не слишком внятно продолжал Огги. Теперь, переложив проблемы со своей головы на крепкие плечи хозяина, он почувствовал себя намного лучше. — В Талерине дела наши идут нормально. Тирандье хотел дочку принцу Роскару пристроить — пока сорвалось, но герцог и Мелориана не теряют надежду. А тот ушлый проныра — ну, помните, я вам о нем писал? — оказался не таким хлипким, как я о нем думал первое время. Он уже начал действовать, думаю, через день-другой до нас дойдут слухи о его подвигах. Знаете, мне даже иногда кажется, что…

— ВОН!!! — заорал Раддо. — Вон отсюда, идиот! Нам пора к войне готовиться, нам пора прятаться, а он тут, видите ли, думает!..

Старшина "Честных братьев" фрателла Жиль Мильгроу наставил подзорную трубу на окна дома номер тринадцать, принадлежавшего другу Бонифиусу, и откровенно наслаждался скандалом, который устраивал старина Бони своему помощнику, растяпе Рутферу.

Неприятности компаньона — это всегда так завораживает…

Чудурский лес, окрестности города Флосвилля. Ближе к вечеру

Герой дюжины войн, случившихся во времена предыдущего правителя Кавладора, Лорада Восьмого, генерал Октавио Громдевур, буквально несколько дней назад вернувшийся из весьма неприятного путешествия, которое состоялось по вине увлекшегося экспериментами мага, осмотрел гостиную Башни мэтра Вига придирчивым взором рачительного хозяина.

— А неплохо твой волшебник здесь устроился, — подытожил Октавио. — Огород, рыбалка…

Секретарь почтенного волшебника, принимающий высокопоставленных гостей, проследил за направлением взгляда господина генерала. Громдевур стоял у окна и тыкал пальцем в направлении маленького прудика, плещущегося почти у стен Башни.

В камышовых зарослях совещались еноты, весьма взволнованные появлением на полянке между Башней и

сплошным лиственно-хвойным массивом Чудурского Леса посторонних людей — генерала Громдевура, принцессы Ангелики и сопровождающих их лиц; время от времени из толщи воды выглядывали любопытные стерляди, а один лосось от избытка чувств подпрыгнул вверх, сделав «свечу» в пять локтей высотой, чем и вызвал восторг господина Октавио.

— Да и охота, должно быть, в ваших местах знатная, — продолжал Громдевур, оставив созерцание располагавшихся на полянке крошечного огородика, еще более миниатюрных полей пшеницы, принадлежавших почтенному магу, и переключившись на изучение звериных мотивов в обрамлении гостиной.

Зверья здесь хватало. Был низкий круглый столик, мраморную столешницу которого поддерживали обезьянки, изготовленные из того же материала. Основательный буфет темного дерева, казалось, был изобретен специально, чтобы дать мастеру-резчику пространство, чтобы изобразить эпическую битву слонов и тигров с бирмагуттским раджой. Подлокотники солидного кресла с мягкими подушками тоже изображали слонов, на сей раз — мирно поднявших хоботы. Были оленьи и лосиные рога, развешенные под потолком, были громадные слоновьи бивни, красиво оформлявшие вход в гостиную. Был огромный портрет солидного, степенного, почти белого от старости ворона, заключенный в золотую раму — художник изобразил птицу прогуливающейся по документам с государственной печатью. Были и картины попроще, все, как одна, изображавшие или животных странных, или вымышленных, или даже обычных, как вон тот рыжий кот с порванным ухом, прячущийся в зеленой траве.

О стрекозах и бабочках, вышитых тонкой серебряной канителью по бархатным занавескам, сцене из жизни кабанов и охотников, украшавшей гобелен, гипсовых отпечатках огромных медвежьих следов, ухмыляющемся скелете огромного ящера, стоящего в углу, зубе нарвала, укрепленном над камином, и даже небрежно сработанной глиняной чашке в виде белочки с гипертрофированным хвостом, и говорить не приходится — всё это зверье, да и еще много другого, обитало в гостиной мэтра Вига.

Поэтому мэтру Фриолару, исполняющий при Виге обязанности секретаря, не оставалось ничего другого, как подтвердить истинность слов гостя — да, охота в располагающемся за пределами Башни Чудурском Лесу замечательная. Да и внутри Башни — никто пока не жаловался…

— Как настоящая! — восхитился Громдевур, тыча пальцем в красивую серебристо-зеленоватую змею, свернувшуюся во втором

кресле, близко придвинутому к пустому камину — вечер был жаркий, поэтому очаг сегодня не топили.

На лице Фриолара отразилось удивление, которое почти сразу сменилось выражением досады и некоторой озабоченности: разбуженная змея подняла голову и явно соображала, на кого сердиться за столь жестокое прерывание ее послеобеденного отдыха. Воспользовавшись тем, что Громдевур продолжил осмотр зоологических редкостей, принадлежащих мэтру Вигу — в частности, храброго генерала заинтересовала миниатюра, изображавшая красивую золотисто-белоснежную тигрицу (обычных людей немного смущало, что у тигрицы были рубиновые сережки в ушах, да и подпись "С любовью на добрую память" немного нервировала) — Фриолар перехватил собравшееся для атаки пресмыкающееся чуть пониже головы и растерянно поискал, куда бы убрать гадину, пока гость ничего не заметил.

Второй из гостей, тоже весьма впечатленный собранной мэтром Вигом коллекцией околозоологических редкостей, и до сей поры скромно стоявший у входа (а может, просто не рискующий далеко уходить от выхода — мало ли… вдруг зверье оживет?), заметил трудности молодого человека. Быстро сориентировался и указал на огромную напольную вазу, стоящую в углу и гордо демонстрирующую на своих фарфоровых боках изображение семейства восточно-изогнутых драконов. Фриолар, стараясь не пугать резкими движениями ни змею, ни гостей, стремительно перехватил вазу, засунул в нее гибкое тело пресмыкающегося, а сверху, на горлышко сосуда, положил толстую книгу, поданную неожиданным помощником.

Инспектор Клеорн — именно ему выпала честь сопровождать принцессу и генерала в их визите к престарелому, но знаменитому на весь Кавладор магистру магии Крыла и Когтя, — вытер выступивший при пробуждении змеи пот. И осторожно огляделся по сторонам, пытаясь догадаться, от какой из многочисленных тварей стоит ждать неприятностей? Да, некоторые из них сработаны из металла, кое-что из дерева и камня, но интуиция подсказывала сыщику Министерства Спокойствия, что в жилище волшебника многие вещи не являются тем, чем кажутся на первый взгляд.

— А сфинксы в вашем питомнике водятся? — спохватившись, поинтересовался Громдевур, крутя в руках маленький, почти игрушечный арбалет, неведомо как оказавшийся в этом зверином царстве.

— Нет, — с некоторой нервозностью в голосе отозвался Фриолар. — Сфинксов мэтр Виг не любит.

— Я их тоже не люблю, — согласился Октавио, продолжая играться с оружием. — Хорошая игрушка, — одобрил он арбалет. — Конечно, сделан, судя по размеру, для какой-нибудь гномки, но хорошая игрушка. Баланс, рычажки… А стрелы к нему есть?

Фриолар поморщился, рефлекторно потер едва различимую царапинку, украшающую его высокий лоб, и ответил, что снарядов именно к этому арбалету нет, но зато есть сработанные из колючек отравленные дротики, с которыми туземцы Бирмагутты охотятся на диких буйволов. Генерал заинтересовался.

— Да уж, — с восторгом и завистью подвел итог проведенному осмотру храбрый генерал, — Если твой маг согласится работать в Министерстве Чудес, вот у нас веселая жизнь начнется!

— В Министерстве? — вежливо уточнил Фриолар.

— Ну да, — поддерживая разговор, Октавио нашел резной буфет и заинтересовался, какие вещицы могут храниться за деревянной дверцей. — Ангелика отчего-то решила, что после нашей свадьбы должна оставить пост патронессы Министерства Чудес, и теперь ищет по всему Кавладору того надежного, всеми почитаемого и уважаемого волшебника, мистика или просто чудотворца, который примет на себя ее обязанности. Ну, сам понимаешь — следить, чтоб эти чудики не поубивали друг друга в спорах, чтоб не устроили глобальных катаклизмов, что не вызвали из иных миров каких-нибудь смертоносных демонов… — объяснил генерал.

Отпирая буфет, Фриолар на секунду поднял глаза к потолку — именно там, на втором этаже, в спальне мэтра Вига сейчас и происходил важный разговор между ее высочеством, сестрой правящего короля Гудерана Десятого, и магистром магии Крыла и Когтя; разговор, итогом которого вполне мог стать переезд волшебника в Охотничий замок(5). И вполне возможно, продолжил предполагать Фриолар, доставая из резного шкафчика напитки для гостей, что звериная магия покинет гостеприимные стены Башни и выйдет, гордо подняв увенчанную рогами, клыками и прочей чешуей голову, на широкие просторы Кавладора.

Перед глазами Клеорна — инспектор гораздо хуже Фриолара знал мэтра Вига, зато преуспел в составлении психологических портретов на основании изучения вещей и жилищ потенциальных преступников, — промелькнули картины, в которых было много копыт, шерсти, звериных оскалов, сцен трансформаций в оборотня и обратно, укусов, поддевания на рога, потоков крови,

капелек сочащегося со змеиных зубов яда и прочего закономерного итога соседства с "братьями нашими меньшими". Увеличенная до масштабов страны перенасыщенная зверьем гостиная мэтра Вига выглядела поистине устрашающе, и сыщик содрогнулся. Он впечетлился до такой степени, что даже забыл о позабыл о субординации, подошел к разливающему хозяйское вино по бокалам Фриолару и, как горькое лекарство, опрокинул в глотку жидкость цвета зрелого граната.

— Не думаю, что мэтр Виг сможет заменить ее высочество на столь высоком и ответственном посту, — прекратил поток безумства воображения Фриолар. Молодой человек заново наполнил бокалы сыщика и генерала. — Если мне будет позволено высказать свое мнение, никто, кроме принцессы, не обладает достаточным тактом и терпением, чтобы разрешать споры между волшебниками, священниками и прочими наделенными Силой специалистами.

— И что, — возмутился Октавио, принимая наполненный рубиновой влагой хрусталь и основательно устраиваясь в кресле со слонами-подлокотниками, — Ангелике теперь только и делать, что вникать в проблемы чудиков? Кто чего наколдовал, да кого куда неправильным телепортом забросило, да что делает тот или иной артефакт, да что гласят священные тексты, можно ли священникам двух Орденов одновременно проводить мессы… Оно мне надо? Это ж какая семейная жизнь будет у нас с Ангеликой, если вся эта наряженная в разноцветные мантии орава будет мою будущую жену постоянно отвлекать? Нет, я не согласен. Пусть ваш Виг страдает. Он старый, если и умрет — не жалко…

— Может быть, — осторожно возразил Фриолар, — вы не слышали, но мэтр Виг не может похвастаться идеальным послужным списком.

— То есть?

— Триста семьдесят четыре года назад мэтр Виг оскорбил короля Брабанса Антуана Первого, после чего провел двадцать четыре года в одиночном заключении.

— Что? — удивился Громдевур.

— Я, признаться, слышал об этом недоразумении, — сообщил Клеорн. — В архивах Министерства Спокойствия есть упоминание и о досрочном освобождении мэтра, и о том, что он потратил годы своего заключения, совершая благородные поступки…

— Да фуфло всё это, — решил Громдевур. — Ты сказал, он оскорбил короля Брабанса?

Фриолар подтвердил.

— И правильно сделал! — одобрил Октавио. — Видел я

тамошнюю королеву. Вся размалевана, на лице десяток бархатных мушек — хорошо хоть, не живых, а то с зомби спутать можно; грудь — вот, — генерал изобразил две фиги, — задница вертлявая, голос писклявый, вся какая-то приторная…

Скривившееся лицо храброго воина показывало, что наследная королева Брабанса Сиропия Первая не занимает в его сердце сколь-нибудь значимого места. Клеорн поразмыслил, допил третий бокал вина и решил, что в данном случае оскорбление какого-то чужого монарха, к тому же жившего почти четыре столетия назад, только украшает мэтра Вига как подданного кавладорской Короны.

— Чую я, — весомо, со значением, продолжал Громдевур, — Виг — наш парень. Крепкий. А что в тюрьме сидел — это ему наверняка пошло на пользу, закалило характер и так далее.

Октавио знал, о чем говорил — сам он, прежде чем заняться военной карьерой, провел полгода на каторге.

Фриолар, который вот уже целый год был знаком с «закаленным» характером Вига, не желал сдаваться:

— Я вынужден напомнить о том, что уже сказал ее высочеству и мэтру Фледеграну, когда имел честь приветствовать их в Башне мэтра Вига. Мэтр серьезно болен. Боюсь, он при смерти…

— Фледегран его вылечит, — махнул рукой Октавио и вплотную занялся содержимым буфета. — Слышь, а ты вообще по-человечески говорить можешь? «Позвольте», «вынужден»… цинские церемонии здесь бисером раскидываешь… И вообще, почему твоя физиономия кажется мне знакомой?

— Наверное, потому, что вы знали моего отца, Альна де Дьюра, — ответил Фриолар, на сей раз сумев избегнуть в речи излишней вежливости.

— Серьезно? — удивился Октавио. — А ведь действительно, вылитый Альн!.. Как я сразу не узнал! Давно не виделись, — объяснил он Клеорну. — Альна в при взятии Шан-Тяйского монастыря свихнувшихся отшельников по голове навернули, с тех пор он в отставку подал. И как твой отец поживает?

— К сожалению, отец умер семь лет назад. Но до того момента, — врожденная вежливость не позволяла Фриолару огорчать гостя, — он поживал весьма неплохо.

— Коротка жизнь человеческая, — вздохнул Октавио и запил горе бокалом вина. То ли четвертым, то ли пятым по счету. — А ты, значит, в маги решил податься?

— Вообще-то я алхимик, — объяснил Фриолар. — С отличием окончил Университет в Талерине, в прошлом году защитил степень магистра Алхимической Науки…

— Кажется, в архивах Министерства Спокойствия есть отчет о

вашей защите, — пробормотал Клеорн, внимательно подслушивая чужой разговор.

— Да, — чуть покраснел молодой человек, но не сбился и продолжил: — А мэтру Вигу я помогаю с монографией. Понимаете, после двадцати четырех лет заключения у него было столько катастрофически интересных идей в области магии Крыла и Когтя, что потребовалось три с половиной столетия, чтобы их все проверить и реализовать хотя бы на уровне пилотажного эксперимента. И если суммировать полученный результат…

— Говори по-кавладорски, — попросил Громдевур. — Я ваши алхимические враки даже с амулетом-переводчиком плохо понимаю. Ой, а что это? — неожиданно генерал с детским восторгом отвлекся от разговора и указал на безделушку, стоящую на консоли у стены с гобеленом.

— Кхм, — занервничал Фриолар. — Бесценный артефакт. Тройной Оракул называется…

Артефакт представлял собой скульптурную композицию не больше локтя в высоту — три фигурки, сработанные из снежно-белого нефрита, изображали трех крокодильчиков. Один, с большими, не помещающимися в орбитах глазами, напряженно всматривался в присутствующих гостей, второй, приложив короткую лапку к тому месту, где у крокодилов, теоретически, находится ухо, казалось, внимательно прислушивался, а третий…

Клеорн протер глаза, думая, что всё это ему мерещится. Он даже ущипнул себя за запястье, но факт остается фактом: третий из крокодильчиков, презирая тот факт, что сработал из ценного, но безжизненного камня, пытался снять с длинной зубастой пасти повязку, которой она была перевязана.

— Классные штучки, — продолжал восторгаться генерал, помогая каменному существу освободится от пут. — Артефакты? Виг их сам сделал? И чего они умеют?

— Не надо! — раздался предостерегающий возглас Фриолара, но секретарь мага опоздал.

— На землях Кавладорского королевства семнадцать часов тридцать одна минута, — противным голосом возвестил нефритовый крокодильчик. — Атмосферное давление повышено, ветер юго-западный, слабый до умеренного, температура не превышает двадцати четырех — двадцати восьми градусов в единицах измерения соседнего пространства-времени.

— Во дает! — присвистнул от восхищения Октавио. — А что еще они могут?

— В Соединенном королевстве Ллойярд-и-Дац состоялась встреча между представителями родового дворянства и

магической интеллигенцией, — доверительным тоном сообщил Оракул. — В ходе встречи была достигнута договоренность о поднятии духа барона Генри фон Пелма, которой, по мнению правнучки барона, должен знать о фамильных драгоценностях, которые могут спасти ныне здравствующую баронессу фон Пелм от долговой тюрьмы. По мнению госпожи наследницы, которая на самом деле есть потомок любви супруги покойного барона Генри к садовнику, сумевшему вырастить розовый куст с бутонами черного цвета, дух будет покладист и послушен. К сожалению, мэтресса Вайли недовольна суммой полученного от баронессы фон Пелм гонорара за свои магические услуги, поэтому ожиданиям баронессы не суждено осуществится.

— В высшей степени занимательно, — одобрил артефакт Клеорн, делая пометки в блокноте. Министр Спокойствия очень поощрял любопытство сотрудников в адрес дворянства и некромантов соседних стран.

Любопытный Октавио помог освободиться от пут второй и третьей части Оракула, и крокодильчики не упустили шанс воспользоваться неожиданно представившейся свободой:

— Слышу! — закричал еще более противным голосом второй Оракул. — Слышу, как в соседнем дупле занимаются сексом!

Добропорядочный Клеорн вздрогнул, и Фриолар тут же поспешил объяснить, что настройки у артефакта очень чувствительные, так что речь, скорее всего, идет о белках.

— Вижу! — нагло вытаращил третий Оракул на Октавио свои гляделки: — Вижу мужа умом недалекого! Давила его злодейка-судьба, но прижать до конца успела! Живуч он, как таракан, Вигом выведенный! Что ты вылупился на меня, идиот, будто раньше не видел говорящих камней? Мордой не вышел — завидуешь, верно? — обругал крокодильчик человека, и Фриолар мудро предположил, что интерес господина Громдевура к артефакту значительно убавился.

Генерал, на секунду растерявшийся от подобной наглости, посмотрел на алхимика с явным намерением узнать, как артефакт выключается. Трудно ли его разбить на части…

— Фри-Фри, дорогой! — мерзко улыбнулся Оракул, когда секретарь волшебника принял его из рук гостя. — Знаешь, что в доме твоей тетушки Пионы именно сейчас обнаружены следы таинственного и необъяснимого преступления? Вижу, что уже знаешь… — захихикал крокодил со всей жизнерадостностью переполненного античной подлостью артефакта.

— А можно прослушать про преступление до конца? — уточнил Клеорн, наблюдая, как Фриолар отважно борется с третьей частью Оракула, пытаясь завязать нефритовую пасть

прочным шнурком.

— Слышу, как убивают кого-то! — радостно возвестил второй Оракул. — Он кричит: "Спасите! Спасите! На помощь! На кого я брошу своих деток?! Помогите!"

Клеорн растерялся. Он, собственно, догадывался, что в жилище волшебника можно получить вопросы на многие ответы, но сообщение об убийстве… как у каждого служащего Министерства Спокойствия, вызывало у Клеорна лишь одну реакцию: пойти и немедленно спасти невинную жертву.

— По-моему, — вдруг глубокомысленно высказался Громдевур. — Где-то рядом душат крысу.

Мужчины прислушались. Действительно, совсем рядом раздавался весьма неприятный, но вполне узнаваемый звук.

— Его душат, душат, спасите, помогите, на помощь! — взывал Оракул, наслаждаясь растерянностью на лицах слушателей.

Обезвредив глазастого крокодила, Фриолар принялся за вторую часть артефакта. Крокодильчик выворачивался, отбивался короткими лапами, делал попытки задействовать тяжелый хвост, служивший опорой, когда он поднимался на задние лапы, и самозабвенно продолжал пищать о схватке убиваемой жертвы с неведомым душителем.

Клеорн обвел взглядом переполненную безделушками комнату, увидел подозрительно шевеление гобелена со сценой кабаньей охоты, но потом заметил еще более подозрительно раскачивание вазы — той самой, с драконами, — и зашарил по карманам в поисках служебного оружия. Громдевур решительно потянулся за стопкой фолиантов, небрежно брошенных на каминную полку — не слишком мощное оружие, но стрелять из арбалета в отсутствие болтов у генерала не получилось.

— А между прочим, — продолжал бурчать, на всякий случай уползая от Фриолара на противоположный край столешницы, третий Оракул, — именно сейчас простая деревенская ведьма Ханна по просьбе своего племянника Карвинтия проклинает ведущего сапиенсолога Университета королевства Кавладор мэтрессу Далию.

— Что?! — подскочил от удивления Клеорн, мгновенно забыл о потенциальной опасности, исходящей от содержимого вазы с драконами, о служебном долге, который состоял в обеспечении безопасности жениха принцессы Ангелики и вынюхивании секретов мэтра Вига (если таковые существуют), выхватил крокодильчика из рук Фриолара и затряс Оракула: — Говори дальше! Чего ты замолчал?! Что было дальше?

— А еще, — послушно продолжил крокодильчик, вслушиваясь в только ему доступную Музыку Сфер, — Ханна

проклинает мэтра Иллариана, магистра магии Природных Начал.

— Какой мэтр Иллариан? — опешил Клеорн. Оракул не желал останавливаться и уточнять подробности:

— А еще Ханне предстоит долгожданная свадьба дочери и… — крокодильчик выдержал небольшую многозначительную паузу. После чего расплылся в довольной скабрезной ухмылке, — тринадцатое замужество. Знаете, инспектор, за последнюю тысячу лет в Кавладоре всего несколько женщин сумели побывать в официальном браке тринадцать раз. Это, разумеется, если исключить тех, кто играл не по правилам и практиковал многомужие. Сейчас в нашем королевстве проживает всего одиннадцать женщин, вплотную приблизившихся к заветному рубежу — ведь недаром в народе считают, что уж тринадцатый брак обязательно будет самым счастливым. В лидеры выбилась красавица Белла О'Доннел, бывшая подданная короля Тотсмита Ллойярдского, как и ведьма Ханна, вдовеющая в двенадцатый раз. Правда, Белле сто четыре года, и ее надежды на тринадцатую свадьбу весьма умозрительны. Десять мужей пережила Бернарда Дескузо, авантюристка, ныне отбывающая тюремное заключение за отравление последних пяти… м-м… — Оракул запнулся, подыскивая подходящее слово, — экземпляров, и даже если она соблазнит всю тюрьму, ей это не поможет. В девятый раз разводится сочинительница Жермуана Опасная, а госпожа Ниона из Талерина, наоборот, планирует заключить девятый брак на будущей неделе…

Клеорн чуть не завизжал от злости. Какие мужья, красавицы, преступления, когда речь идет о несравненной и прекраснейшей из собрания алхимиков Университета? Но совершить столь несовместимое с образом солидного служителя Закона, Порядка и Спокойствия действие инспектор попросту не успел: как раз в этот момент подозрительные звуки, издававшиеся вазой со змеей внутри и драконом снаружи достигли своего максимума, раскачивающийся сосуд сбросил импровизированную «крышку», рухнул на пол, раскололся на части; Октавио швырнул бесценным фолиантом в сторону возможной угрозы; и большая серебристо-зеленая змея с крысообразным утолщением чуть ниже шеи, сердито шипя, степенно удалилась из гостиной.

— Как настоящая! — еще раз восхитился Громдевур.

— Что там с Далией?! — закричал Клеорн, потрясая Оракулом. — Где она? Что с ней?

— Она гораздо ближе, чем ты думаешь, — таинственно возвестил артефакт. — А при ней располагается гномка, медведь и…

— Позвольте, — выхватил крокодильчика из рук Клеорна

Фриолар и деловито зажал говорливому артефакту длинную зубастую пасть. — Не обращайте внимания на эту пустую болтовню. При ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что Оракул подразумевал не то, о чем говорил.

— Где Далия?! — закричал выведенный из привычного, профессионального состояния невозмутимости и спокойствия сыщик. Он схватил Фриолара за камзол и с весьма грозным видом сделал попытку потрясти молодого алхимика.

Увы, Фриолар никак не соответствовал стереотипу, который сложился о представителях его профессии. Другими словами, секретарь мэтра Вига был высок — на полголовы выше Клеорна, почти также широк в плечах, как генерал Громдевур; лицо Фриолара украшал здоровый румянец, а перепачканные чернилами пальцы сжались в весьма внушительные кулаки.

Правда, нападать Фриолар не стал — он всего лишь разжал руки Клеорна, и мягким деликатным усилием впечатал распалившегося инспектора в глубины второго кресла гостиной.

— Эй, братва, из-за чего сыр-бор? — поинтересовался Октавио, на всякий случай вклиниваясь между спорщиками. — Кто такая Далия?

— Мэтресса Далия — это такая… такая… такая замечательная, тонкая, возвышенная душа… — с тоской и слезой объяснил Клеорн.

— Понятно, — догадался нечуткий Громдевур. — Этому больше не наливать. А ты, — спросил он у Фриолара. — Что-нибудь знаешь об этой красотке?

— Конечно, знаю, — согласился молодой человек. — Мы же учились в одном Университете. Все алхимики Талерина неплохо знакомы между собой.

Фриолар вовремя догадался, что упоминание о том, что оба они — и Далия, и он сам, — были квартирантами ресторации "Алая роза", в настоящий момент будет для Клеорна несколько излишним. В конце концов, Фриолар обитал на мансарде, а Далия пользовалась у хозяйки "Алой розы" особым доверием, поэтому жила на втором этаже… Нет, судя по осоловелым, покрасневшим глазам Клеорна, подобная информация для сыщика будет явно чрезмерной.

— Она такая непредсказуемая, — объяснял Клеорн, чуть всхлипывая от внезапного приступа романтизма. — Такая умная, что меня иногда бросает в дрожь…

— О, да, — согласился алхимик. После общения с Далией все зоологические опыты мэтра Вига казались Фриолару приятной прогулкой по набитой плюшевыми игрушками детской комнате…

— Такое бывает, — подтвердил генерал. Подтолкнул

Фриолара в направлении буфета, — мы что, так и будем откровенничать на сухую голову? Давай, соображай, алхимик…

— После пяти минут общения с несравненной Далией, — продолжал Клеорн три минуты спустя, запивая горе бокалом тривернского, — я чувствую, будто мой мозг пропустили через мясорубку…

— Совершенно правильно, — подтвердил Фриолар. — После разговоров с Далией бывает именно так, и никак иначе.

— Когда она рассказывает свои сап… сопс…

— Сапиенсологические, — подсказал относительно трезвый алхимик.

— Их, — утвердительно качнулся вместе с креслом Клеорн, — теории, у нее на щеках появляется румянец. Нежный, как цветок яблони. А глаза блестят, как в чаще леса — браконьерские капканы после дождя…

— Должно быть, та еще красотка, — подвел итог Октавио.

— Кто, милый? — уточнил заботливый, трепетный голос, раздавшийся от порога.

Октавио подскочил, мгновенно протрезвел и представил спустившейся после разговора с хозяином Башни принцессе Ангелике их теплую компанию.

— Да вот мы тут сидим, обсуждаем сердечные дела этого… вот его, — показал Громдевур на страдающего сыщика.

— Инспектор Клеорн! Министерство Спокойствия, отдел сыска и тайных расследований! — браво подскочил ответственный служащий.

— Должно быть, очень чувствительная история, — ответила Ангелика. — Уверена, что как-нибудь потом инспектор расскажет тебе ее счастливый финал. А пока нам пора поблагодарить хозяев за гостеприимство.

— Ваше высочество, — согнулся в глубоком поклоне Фриолар.

Ангелика — сегодня она была царственно хороша в нежно-голубом платье, освежающем ее неброскую красоту, — милостиво разрешила секретарю волшебника проводить их с генералом до порога. А Клеорн продемонстрировал, что не зря министр Спокойствия поручил ему сопровождать принцессу в ее визите к потенциальному преемнику на посту патрона Министерства Чудес — он мгновенно протрезвел и поспешил следом, успев исчезнуть в том же сером облачке телепортирующего заклинания, которое перенесло Ангелику и Октавио обратно в Талерин.

— Да, только ее высочество способно просидеть полчаса у постели немощного больного, уверенная в том, что на двадцать девятой минуте разговора с ней ему обязательно станет лучше.

Ну-с, — потирая руки, объявился в гостиной Вига последний из членов официальной делегации — мэтр Фледегран. — О чем вы тут секретничали с Громдевуром? А, пили вино? Должно быть, из старых запасов душки Вигги!.. Помню, дружил он с эльфами, они ему и виноградные лозы под стенами Башни выращивали, и апельсины на окрестных соснах вскармливали…

Придворный маг, если верить случайным обмолвкам работодателя Фриолара, был молод четыреста лет назад, когда сам Виг уже имел бороду до пояса и солидное количество седины в всклокоченной шевелюре. Но до сих пор мэтр Фледегран выглядел чуть старше сорока лет — аккуратная эспаньолка, которой он обзавелся относительно недавно, лет тридцать тому назад, придавала магу вид элегантно-загадочный; мантия была темно-лиловой, с золотой вышивкой, темные глаза глядели внимательно, надменно и чуть устало — увы, слава воспитателя подрастающих детей короля Гудерана, давалась Фледеграну недешево.

Он столько раз ловил себя на мысли, что от этих детей, особенно от малолетнего принца, натерпелся больше неприятностей, чем во время сражений со случайно оказывающимися в Кавладоре демонами… Он так рассчитывал, что сможет разделить груз ответственности за экзаменуемых Министерством Чудес учеников магов со старым приятелем, то есть Вигом! Эх, какие бы они эксперименты замутили на двоих, если бы резервы Охотничьего замка оказались в их полном бесконтрольном распоряжении!..

— Неужели Виг действительно так болен? — закончил мэтр Фледегран перечисление блестящих перспектив, ожидающих магистра магии Крыла и Когтя на высоком посту.

Фриолар, расставляющий в буфете графины с остатками вина, пожал плечами.

— Вы же его видели. Когда поднимались с ее высочеством в апартаменты мэтра.

— Да-да-да, — спохватился Фледегран. — Видок, конечно, отвратный. Эта вылезшая бороденка, серые круги под глазами… Жаль, конечно, что целительство — не моя специальность, уж я бы с диагнозом не прогадал…

— Но разве вы не прославились при короле Лораде Восьмом как несравненный специалист по изготовлению волшебных оздоравливающих эликсиров? — уточнил Фриолар.

— Да-да, — спохватился Фледегран. — Было дело. Но, как говорят адепты Премудрой Праматери Прасковии — не издевайся над здоровьем ближнего своего… Особенно если он симулирует, а значит, может почем зря сопротивляться и надавать магических

тумаков…

Так как секретарь Вига не отреагировал и на эту многозначительную фразу, придворный маг решил сменить тактику:

— И давно это с ним? В смысле, буквально неделю назад Вигги бегал, как клюнутый цаплей выхухоль…

— Четыре дня назад, — объяснил Фриолар, — мэтр несколько перетрудился, пробуя новое заклинание.

— Говоришь, перетрудился-переколдовался… От такого и умереть недолго, — пробормотал Фледегран. — Но это если не лечиться, а хворать Вигги не любит, значит, если сюда загнать какого-нибудь специалиста, он сразу Вига поднимет на ноги и тогда…

— Мэтр уже вызывал местного целителя, брата Андре из Флосвилля. Брат Андре считается чудотворцем, когда-то он прошел стажировку в Талерине при Обители Премудрой Праматери Прасковьи, и все жители Чудурского Леса в восхищении от творимых им чудес. На почве выздоровления, — уточнил Фриолар, если вдруг волшебник его не понял. И, чтоб придворный маг понял, насколько серьезно намерение мэтра Вига покончить с земным этапом своего существования, добавил: — А еще мэтр составил завещание.

— Завещание?! — Фледеграна подпрыгнул от удивления. Осмотрелся по сторонам, сотворил вокруг них с Фриоларом магический полог тишины и, понизив голос, спросил: — И ты, разумеется, знаешь, что в нем?

— Да.

— Тогда к немытым оборотням это Министерство с его доморощенными Чудесами! Рассказывай, дружище. Ведь наверняка Виг не забыл старого собутыльника Фледеграна в своем последнем распоряжении…

— Я не должен об этом распространяться…

— А я не должен показывать плохой пример и превращать людей почем зря в тыквы! Давай, не томи.

— Вам, мэтр Фледеграна, мэтр Виг действительно оставил…

— Свою лабораторию, лабораторию! — скрестив пальцы на удачу предположил-выкрикнул волшебник. — И все находящиеся в ней образцы!

— Нет, мэтр. Тройного Оракула, — и алхимик указал на крокодильчик с плотно завязанными пастями.

— Тьфу, — плюнул придворный маг. — Виг всегда отличался характером хоря чернокнижника смеющегося(6)… А кому ж тогда он завещал всё это роскошество? — волшебник показал на зуб нарвала и прочие раритеты.

— Разумеется, своей семье.

— Ах, да, у него же когда-то были жена и две дочери. Только они ведь наверняка умерли…

Тройной Оракул, внимательно слушающий разговор людей, энергично задвигал тремя связанными мордами, показывая, что где-нибудь хоть одного наследника Вига да сыскать можно.

— Ну, тогда ладно, — сдался Фледегран. — Действительно, это будет верхом глупости — поменять Ангелику на Вига, а через неделю оплачивать его похороны, потом всем Министерством разбираться с его наследниками, имуществом, Тройным Оракулом… о боги, до чего ж эти крокодилы противны! — воскликнул напоследок придворный маг, удаляясь из гостиной.

Проследив, как последний из неожиданных посетителей телепортировался из Башни, Фриолар оставил в покое буфет и его содержимое и со всех ног рванул на второй этаж.

— О, как я страдаю… — хрипел старческий голос откуда-то из недр огромной кровати с пыльным, траченным молью балдахином. — Прочь, Смерть! Тебе меня не одолеть! Выходи и сражайся, как подобает мужчине!.. Или ты женщина? Тогда место тебе на кухне, будешь печь мне блины и заправлять их малиновым вареньем!..

С ложа вылетела маленькая шаровая молния и пролетела над головой алхимика.

— Это я, мэтр, — предупредил Фриолар. — Все уже ушли, так что можете выходить.

— Ты один? — уточнил Виг, вылезая из-под одеяла.

— Да, мэтр. Все в порядке.

— Фледегран поверил?

— Что вы при смерти? Не очень. Но, кажется, известие о вашем завещании его убедило.

— Отлично.

Виг спустил с кровати тощие ноги в полосатых чулочках, сорвал фальшивую бороду, повязанную поверх настоящей — ухоженной, пушистой и белоснежной. Вытер испачканное сажей лицо, накинул поверх длинной ночной сорочки мантию, достал из-под подушки вязаный колпак и взял в старческие сухие руки посох, который ожидал своего часа, прислоненный к столбику кровати.

— Ну что, алхимия, с первой частью испытаний мы справились?

— Если принять, что под словами "первая часть" вы подразумеваете обман ее высочества… — осторожно предположил Фриолар. Виг нетерпеливо оборвал:

— Сколько раз тебе повторять, алхимия: не словоблудь! Нам

поверили? Поверили. Нас заподозрили в чем-нибудь? Не заподозрили. Так что давай приступать ко второй части эксперимента.

— А может… — начал было Фриолар.

Виг сердито пристукнул посохом:

— Нет, сегодня с тобой совершенно невозможно договориться! Давай сделаем так, алхимия: или ты делаешь то, что велю я, или я прошу *ее,* — Виг указал на что-то или кого-то располагавшегося на третьем этаже Башни, — придумать для тебя очередное испытание.

— Не надо, мэтр! — перепугался алхимик. — я уже иду…

— Иди еще быстрее.

— Бегу.

— Беги еще быстрее! — крикнул вслед удаляющемуся секретарю волшебник и от души поторопил молодого человека стайкой шаровых молний, вырвавшихся из посоха. Потом сдвинул колпак набекрень, подбоченился и сказал: — Эх, где мои четыреста тридцать? Был бы моложе — пришлось бы проворачивать все аферы самому, а так хоть можно просто посидеть у волшебного зеркала, узнать подробности из первых рук… Или копыт? — засомневался Виг. — Короче, просто узнать, что происходит.

Волшебное зеркало — огромное, в массивной раме, снабженное особым дистанционным жезлом, который сам по себе являлся чудом магического Искусства, — располагалось тут же, в личных покоях мэтра. Виг заставил кресло подбежать ближе, устроился, положил ноги на обтянутую мохнатой шкурой скамеечку (или, может быть, то было странное животное без головы, с деревянными ножками, но очень приветливое и услужливое), щелкнул дистанционным жезлом и приготовился наслаждаться происходящими в Кавладоре и за его пределами происшествиями.

Уинс-таун, замок Восьмой Позвонок. Поздним вечером

Ллойярд встретил Бонифиуса Раддо мелким моросящим дождичком. Как всегда. По цивилизованному миру ходила шутка, что в Ллойярде есть две погоды — плохая и мерзкая; сегодня Бонифиусу повезло, и он застал в столице Туманного Королевства обе.

Огги предупредительно раскрыл зонт, чтобы избавить фрателлу хотя бы от некоторой части потоков воды, извергающихся с небес, и побежал следом.

Вместо того, чтобы наслаждаться летним вечером, подсматривать за коллегами, подсчитать прибыль за прошедший

квартал…Бонифиус фыркнул, как всплывающий из океанских вод кит, наблюдая, как мгновенно вымокший под дождем Рутфер гоняется по площади, на которой возвышалась башня-станция телепортистов, в поисках наемного экипажа.

— Куда изволите? — поинтересовался кучер. Огги помог боссу забраться в карету, а сам устроился на запятках, где принялся вполголоса проклинать погоду, Ллойярд и несчастливую свою судьбу.

— Восьмой Позвонок. И побыстрее, — мрачно скомандовал Раддо. И карета поплыла по мокрым улицам Уинс-тауна.

Наблюдая за прикрытыми ставнями окнами большого города, за припозднившимися прохожими, бодро и сноровисто перепрыгивающими большие лужи, степенными гномами, покуривающими трубки на порогах своих жилищ, Бонифиус размышлял о том, как бы сделать так, чтоб отложить их встречу с Октавио Громдевуром на срок как можно больший, а еще лучше — совсем избежать возможных столкновений.

Дело прошлое, но, как уже говорилось, у Октавио оказалась неожиданно хорошая память на дела давно минувших дней. Когда-то, когда Громдевур еще не был генералом, он грабил караваны, идущие из Лугарицы в Бёфери; однажды Раддо и Мильгроу уговорили самоуверенного юнца оказать им небольшую услугу и… Одним словом, Громдевур оказался на каторге. И сгнил бы там, если б не воинственность Лорада Восьмого, чтоб ему на том свете сковородка погорячее досталась: король Кавладора захотел вернуть под власть своей Короны Луаз с провинциям, ради чего пообещал амнистию всем неблагонадежным храбрецам…

Послать к старому приятелю наемного убийцу? Во-первых, Октавио с давних времен сохранил немало полезных знакомств на Диком Рынке — площади в столице Пелаверино, где имели привычку собираться искатели приключений и легкой наживы. А во-вторых, хороших-то специалистов раз-два и обчелся. Напортачит какой-нибудь брави, недорежет нашего храбреца, а потом Октавио снова заявится в Бёфери и будет требовать от фрателлы Раддо компенсации за моральный ущерб? Нет, спасибо, это мы уже несколько раз проходили.

И где это Громдевура носило тринадцать лет? Какая сволочь, интересно знать, его вернула? Что, прикончить не могла?

Чем больше Бонифиус размышлял над ситуацией, тем меньше она ему нравилась.

Инстинкт подсказывал фрателле, что неплохо бы дать генералу взятку, но если у скромного пелаверинского предпринимателя еще хватило бы золота, чтоб помириться с

каким-то там воином — безусловно, славным, храбрым и находящимся в фаворе у короля, — то на супруга принцессы вряд ли бы хватило средств даже у всего консорциума "Фрателли онести".

Хлопотное это дело — подкупать королевских родственников… Добравшись до этого момента в размышлениях, Раддо вспомнил об убытках, в которые влип, связавшись с мальчишкой Пункером, погоревал, тяжело вздохнул, и решил, что клин выбивают клином.

Почему бы, в самом деле, не использовать крошечный, эфемерный шанс, и не попробовать разыскать полумифические сокровища, сказками о которых кормил его молодой Филеас?

Для разговора с Филом Пункером Бонифиус и отправился в Уинс-таун, вернее, в располагавшийся рядом с ллойярдской столицей величественный замок, остроумно прозванный Восьмым Позвонком.

Как гласит легенда, маги, заказывавшие гномам здание ллойярдского Министерства Чудес, очень просили, чтоб будущее строение выглядело внушительно, солидно и вызывало трепет у простого люда. После долгих споров выяснились дополнительные пожелания будущих обитателей замка: чтоб специалисты, работающие в разных традициях Магического Искусства, не мешали друг другу, и… э-э… собственно, это главное, потому как все испытываемые сотрудниками ллойярдского Министерства Чудес сложности было следствием того, что жрецы попадались под ноги укротителям драконов, алхимики устраивали опыты, которые не устраивали астрологов, школяры вообще путались под ногами у почтенных мэтров, мешая им сосредоточится… В итоге получилось странное сооружение — мощный главный донжон был окружен целым выводком башенок поменьше, а сложная система галерей и переходов соединяла здания в замкнутую фигуру, чем-то похожую на гигантскую восьмерку. От «восьмерки» отходили в стороны пять устремленных в небо башен — Ночи, Огня, Воды, Земли и Ветра, соединенных с главным зданием сложной конструкцией переходов. Всё вместе — особенно учитывая разную высоту строений, нависающие карнизы, выступающие галереи, арки, устремленный в высь шип Обсерватории — создавало образ огромного позвонка гигантского чудовища, выброшенного на берег студеным морем.

Собственно, было и более простое объяснение, почему замок местного Министерства Чудес имеет столь меткое анатомическое прозвание: самым почитаем разделом Магического Искусства в Соединенном Королевстве Ллойярд-и-Дац была Магия Смерти.

И ее плоды были хорошо заметны в окрестностях Восьмого

Позвонка: когда наемный экипаж выехал за пределы Уинс-тауна и свернул в сторону замка, на ближайшем верстовом столбе Раддо заметил огромную летучую мышь, слишком пристально для животного следящую за проезжающими путешественниками, потом карету Раддо обогнал «курьер» — очень быстро перебирающий костяными ногами скелет, несущий в ру… в том, что когда-то было руками, исходящий паром горшок с таинственным зеленым зельем.

— К мэтрессе Вайли, — объявил Рутфер, когда привратник замка спросил о цели визита.

Экипаж допустили во внутренний дворик замка.

Там Раддо воспользовался изобретением сумасшедшего гнома, повергающим в шок и трепет уже не одно поколение посетителей Восьмого Позвонка. Изобретение прозывалось «лифтом» и представляло собой огромный деревянный короб, который перемещался вверх-вниз в сложной металлической конструкции, крепившейся к одной из стен здания. Управлял данным сооружением специально зачарованный зомби, откликавшийся на имя Йори. И каждый раз, когда у Бонифиуса Раддо возникала необходимость воспользоваться услугами некроманта, он пытался понять: Йори специально создавали таким угодливо согнувшимся, или это последствия того, что деревянная коробка все-таки иногда срывалась со своих металлических креплений, и беднягу зомби приходилось сшивать заново, возможно, используя для ремонта части того посетителя, который так и не доехал до нужного этажа…

(Кстати сказать, для удобства гостей Восьмого Позвонка деревянный короб был высотой всего лишь три локтя (7), таким образом, всем посетителям представлялась уникальная возможность полюбоваться, пока лифт поднимается вверх, на хитросплетение галерей и арок здания, а также рассмотреть сложный рисунок плит, которыми был вымощен внутренний дворик.)

Поднявшись до определенной высоты, лифт дернулся, заскрежетали металлические блоки; Йори перевел несколько рычагов в другое положение, и инженерно-магическая конструкция устремилась в сторону величественной Башни Ночи.

Ветер нёс в лицо мелкую дождевую взвесь, Раддо зажмурил глаза и на всякий случай вцепился в борт короба, прекрасно сознавая, что, если трос, поддерживающий лифт, или заклинания, им управляющие, вдруг не выдержат, то у мэтрессы Вайли будет новый материал для ее научных исследований.

— Башня Ночи, — сдавленным шепотом доложил Йори. — Кабинет мэтрессы Вайли на шестом этаже, дверь с изображением

скорпиона.

— Знаю, — отмахнулся Раддо. Подхватил мешок, в котором покоились останки его будущего собеседника и наконец-то покинул деревянную коробку, висящую над бездной.

Если бы кто-нибудь, не знакомый с трудами ведущих теоретиков и практических изыскателей Магии Смерти, встретил мэтрессу Вайли, допустим, на рыночной площади, он бы ни за что не поверил, что эта милая дама балуется некромантией. Вайли была небольшого роста, пухленькая, уютная женщина, о возрасте которой Раддо лишь догадывался по случайным обмолвкам — например, она как-то похвасталась, что застолбила за собой апартаменты в Башне Ночи еще до ее создания, а замок, как ни считай, был возведен четыре столетия назад. В золотистых волосах волшебницы угадывались редкие седые пряди, густо-синяя мантия оттеняла серо-голубые глаза, золотые и серебряные украшения были не только данью Магическому Искусству, но и ее величеству моде — другими словами, Вайли была похожа на заботливую, слегка сбрендившую тетушку, но никак не могущественную повелительницу мертвых. В ожидании нуждающегося в ее некромантских талантах Бонифиуса, мэтресса варила какое-то зелье на спиртовке, вдохновенно помешивая, бросая в котелок по щепотке разных порошков, мурлыкала под нос какую-то песенку и, пританцовывая, то смотрела в хрустальный шар, покоящийся на специальной подставке в виде застывших мраморных драконов, то поправляла разложенные на столешнице, полочках и каминной полке кружевные салфеточки, то заставляла трепетать на ветру пламя десятка расставленных по углам комнаты свечей.

— Хочешь? — радушно спросила волшебница у гостя. — Должно быть, замерз в дороге, а оно так согревает…

Раддо посмотрел на темно-коричневую жидкость, пузырящуюся в котелке, с трудом подавил внутреннюю дрожь и предпочел отказаться.

— А я, пожалуй, выпью, — не обиделась мэтресса. Перелила содержимое котелка в фарфоровую чашку — фарфор был черным, с узором из тщательно прорисованных серебристых черепов, — и на всякий случай напомнила: — А вина я тебе предлагать не собираюсь. Алкоголь вредит здоровью, — добавила Вайли голосом убежденной трезвенницы.

После путешествия в лифте Раддо каждый раз испытывал желание напиться вдрызг — ведь еще предстояла дорога обратно, — но благоразумно не стал спорить с волшебницей.

— Мэтресса Вайли, я пришел к вам по срочному и спешному делу. Понимаю, что вы очень заняты, ваши эксперименты

отнимают столько времени, но рискну предположить, что вам не помешает скромная компенсация ваших усилий…

— Учитывая, что все остальные компенсируют мои усилия еще скромнее, чем ты, так и быть, давай свое дело, — согласилась некромантка. — Кто у тебя там? Чую, невинно убиенный. Ты его как, сам, или…?

— Совершенно нелепый несчастный случай, — поспешил объяснить фрателла, открывая мешок и показывая волшебнице его содержимое. — Помощник немного перестарался. А мне с Филеасом надо о стольком поговорить…

— Значит, говоришь, звали его Филеас, — произнесла мэтресса Вайли, щелчком пальцев заставляя мертвую руку вылететь из мешка и пролевитировать к каменной глыбе, установленной во второй, лабораторной комнате, заставленной многочисленными полками с книгами, стеллажами с магическими инструментами, ингредиентами зелий и прочим нужным для волшебства оборудованием. Потягивая горячий напиток, Вайли разрисовала поверхность камня символами и магическими знаками, подумав, отставила чашку в сторону и занялась подготовкой ритуала по-настоящему. Окропила из сосуда, который когда-то был собачьим черепом, камень жидкостью с едким запахом. Расставила пять светильников, каждый из которых сиял разным светом — желтым, синим, голубым, темно-бордовым и ослепительно-белым. Тихим голосом пробормотала заклинание, от которого всё заволокло белым густым дымом, и, довольная проделанной работой, вернулась к Раддо.

— Сейчас появится. Досчитай до десяти и позови его по имени.

— А прошлый раз вы просто позвали дух, и он явился. Не было ни дыма, ни таинственных знаков… — пробормотал Раддо.

— Что тебе не нравится, фрателла? Новейшая разработка имени меня и коллеги Мориарти! Дух будет кроток, как ягненок! — возмутилась Вайли. И подумала: "Ишь ты, какой памятливый! Прошлый раз мне было некогда, а сегодня мне понадобятся все денежки, которые можно из тебя, толстосума, вытрясти!"

— Простите, — извинился фрателла. — Я хотел бы поговорить с моим покойным другом наедине.

— Да пожалуйста. Когда он будет на тебя набрасываться, — добавила мэтресса, покидая лабораторию, — зови меня и, не теряя времени, бей его вот этими бронзовыми ножницами, — она положила указанный предмет на полочку, чтоб Раддо его увидел.

— Вы же сказали, что дух будет кроток, как ягненок?!

— Что, ты не знаешь, какие эти твари кусачие? Меня в детстве ягненок укусил — до сих пор помню. Так что удачи, — довольная собой, Вайли задернула занавеску, отделяющую лабораторию от приемной, и вернулась к своему таинственному горячему напитку.

Сразу же схватив рекомендованные в качестве оружия самообороны бронзовые ножницы внезапно вспотевшей ладонью, Раддо послушно досчитал до десяти и стал свидетелем того, как из густых клубов дыма появляется прозрачная голубовато-призрачная фигура, в точности напоминающая Филеаса Пункера.

— Получай, скотина! — закричал призрак, с размаху ударяя воображаемого противника кулаком в живот. Естественно, Фил промахнулся, не удержался на ногах, упал вперед, выйдя за пределы каменной глыбы с нарисованными ритуальными знаками и шумно врезавшись в стеллаж с припасами мэтрессы Вайли. — Ты еще помнишь, кто таков Фил Пункер!! Ой, а ты где? Хру-умп, дружище, где ты? — спохватился призрак и принялся оглядываться по сторонам. При этом он нагнулся, очевидно, для того, чтобы найти под рабочим столом волшебницы спрятавшегося Хрумпа, пронзил собой деревянные полки и, наконец, догадался, что что-то в его существовании изменилось. — Фрателла Раддо? — заметил Фил изрядно вспотевшего, мечтающего о глотке бренди Бонифиуса. — Какая радость! Какая неожиданная, но приятная встреча! — с фальшивым восторгом вскричал призрак молодого человека. — Вы тоже здесь! А, собственно, где это я? И почему я в таком виде? — вдруг удивился Фил, заметив, что летает между полом и потолком. — Фрателла Раддо, что случилось?! Я же обещал, я говорил, что выплачу долг! Зачем вы меня убили-и?! — истерически всхлипнул молодой, но уже покойный Пункер и громко запричитал о своей несчастной судьбе.

Мэтресса Вайли, откровенно подслушивающая разговоры клиента при помощью хрустального шара, похихикала, достала из буфета пирожное с пышной шапкой крема, налила чай и со вкусом устроилась шпионить дальше.

Известие о кончине своего любимого тела Филеас Пункер воспринял без малейшего намека на мужество или силу духа. Призрак рыдал, разбрасывая вокруг себя эктоплазматические слезы, ползал на коленях, умолял Бонифиуса смилостивиться над ним и дать еще неделю срока на возврат долга, обещал исправиться и отмолить грех подсыпания деду вредных для здоровья порошков ("Вот гад," — подумала Вайли), — одним словом, устраивал истерику по всем правилам романтического жанра.

— Слышь, Фил, — наконец, сумел вклиниться в паузу призраковых причитаний Бонифиус, — я, конечно, понимаю, что ты… хмм… расстроен своей кончиной…

— Расстроен? Расстроен?! Да, я расстроен!.. я очень расстроен! Я опечален до глубины души! Верите ли, но мое сердце… — Фил положил руку на просвечивающую грудь; кисть его неожиданно погрузилась внутрь, не встретив обычного препятствия. Призрак перевел взгляд вниз, на шаловливую конечность и бешено заорал: — Мое сердце! Почему оно не бьется? Где оно?!!

Мэтресса Вайли рассмеялась: перепугавшийся Филеас носился по лаборатории, умоляя вернуть ему внутренние органы, а Раддо изо всех сил отгораживался от призрака бронзовым инструментом. Картина радовала глаз, правда, спустя несколько минут Вайли вспомнила, как часто Раддо обращается к ней за консультацией, вспомнила и о том, что платит фрателла гораздо больше, чем всякие там баронессы или даже некоторые графы, и прошептала заклинание, успокаивающее поднятый дух.

— Я умер! — горестно возопил Филеас Пункер. — Мое тело предано земле! Все долги моего земного существования погашены, и вот моя метущаяся душа терзается в мире мертвых!.. я ууууумеер…

— Хм, Фил, — осторожно позвал Бонифиус. — Об этом-то я и хотел с тобой потолковать…

— О чем, дружище Бони? — фамильярно положил эктоплазматическую руку на плечо Раддо Пункер.

— Хм, — отодвинулся фрателла. — Как раз о твоих долгах. Помнишь, сколько мне должен?

— Помню. Золотых этак сто, может быть, сто пятьдесят…

— Три тысячи двести, — напомнил Раддо. — То есть, я хотел сказать, почти пять тысяч, а если посчитать точнее — то даже все восемь.

— Да? — удивился Пункер. — Ну надо же, какая неожиданность…

— Как будешь возвращать, сынок? — ласково уточнил фрателла.

— Можете взять всё мое имущество, — с широким жестом дозволил призрак. — Мне не жалко.

— Согласен, — не дал собеседнику времени на размышления господин Раддо. — Говори, где оно.

— Оно — что? Колечко с изумрудом я проиграл какому-то заезжему богатею из Вертано, так что можете его не искать, а остальное я прятал под подушкой в доме…

— Фил, сынок, что ж ты так плохо обо мне думаешь? Какие

кольца, какие подушки? Давай, говори, что тебе удалось узнать о кладе твоего дедушки.

К сообщению о тайнах клада мэтресса Вайли отнеслась как к, безусловно, занимательной, но не слишком важной информации. Мало ли за свою жизнь ей пришлось подслушать таких исповедей… Взять, к примеру, ту же самую баронессу фон Пелм, которая не дала волшебнице насладиться чаепитием в пять часов вечера: гонору и самомнения хватит на десять княжеств, а всё имущество, из-за которого та решилась побеспокоить дух предка, измеряется всего-то ожерельем, парой брошек и жалкими колечками-сережками.

— Клад дедушки? — удивился между тем призрак. — О, это нечто потрясающее!

Глаза у Раддо зажглись предвкушением прибыли:

— Не томи, родной, рассказывай в подробностях. Где они?

— В Великой Пустыне, — охотно ответил Филеас Пункер. — В дедовых записках даже карта была — значит, горы Восточного Шумерета, от них на юго-восток… А вам, господин Раддо, простите за любопытство, оно зачем?

— И в самом деле, — фыркнул Бонифиус, жадно впитывая важную информацию, — зачем мне может понадобиться чужое золото? Давай, дружок, рассказывай дальше.

— Надо найти Серебряные Пески, проход к которым сторожат каменные истуканы, договориться со Стражами, подкупить Короля Сфинксов, перейти по Радужному Мосту — не знаю, где он расположен, но, думаю, Мост как-то связан со Слезами Неба, древним колодцем, располагающемся в Ильсияре… Вот только почему я так думаю? — удивился Филеас.

— Ну, а дальше? — с жадным нетерпением потребовал фрателла.

— А дальше — найти сухой колодец и копать до последнего, — пожав плечами, ответил призрак.

— И что, это все приметы? — рассердился Раддо. Сам он кладоискательством никогда не грешил, но догадывался, что в Великой Пустыне сухих колодцев много, а значит, нужны более надежные координаты.

— Ну, я точно не помню… — скромно посетовал Фил.

— Быстро вспоминай!

— Кажется, кажется… Там упоминалась какая-то статуя… И изумрудное ожерелье… Дед, помню, рассказывал, что была какая-то правительница древности, которая очаровывала всех мужчин с помощью артефакта, выполненного в виде прекрасного ожерелья… А может, имелась в виду статуя этой правительницы? Ах, нет, не помню, — махнул рукой Фил Пункер.

— Вспоминай! Немедленно! — потребовал пелаверинец.

— А зачем? — задал справедливый вопрос дух покойного. — Мне все эти сокровища сейчас ни к чему…

— Зато мне они очень даже понадобятся. Мэтресса, — решительно позвал фрателла Раддо. — Мэтресса Вайли, будьте добры, сделайте что-нибудь с духом, чтоб стал поразговорчивее…

Волшебница быстро дезактивировала хрустальный шар, чтоб клиент не догадался о том, что его подслушивают, дожевала пряник, смахнула с груди последние крошки и, деловито засучивая рукава, вошла в лабораторию.

При виде магэссы Фил Пункер испытал экзистенциальный шок: главной долей умершего мозга он понял, что сейчас его будут бить, возможно, с помощью шаровых молний — методы фрателлы Раддо не менялись, лишь подбирались нужные исполнители. Стоило Вайли открыть рот для произнесения заклинания, Фил заорал и бросился наутек из лаборатории — увы, он добежал лишь до ближайшей стены и начал вытягиваться, вытягиваться, как выворачиваемый наизнанку чулок…

— Что это? — прячась за бронзовыми ножницами, как за последней надеждой, спросил Раддо.

— А, это пустяки. Голову давай.

— Чью голову? — рискнул уточнить Бонифиус.

— Ах, да не твою! Покойника этого голову давай, а то его вот-вот расщепит, — велела Вайли.

— Но у меня нет его головы! — вскричал перепуганный Раддо.

Призрак Фила скрутился эктоплазматической абракадаброй и, как отпущенная на свободу резинка, вдруг смялся в неопрятный колтун.

— Тогда что ты мне голову морочишь?! — возмутилась мэтресса Вайли. — Кто допрашивает сопротивляющийся призрак, не имея возможности воздействовать на его основное хранилище?! Дилетант! Смотри, какая гадость из-за твоей некомпетентности и безответственности получилась! И что мне с этим замкнувшим сгустком эктоплазмы делать?!

— Расколдуйте его! — потребовал Раддо. — Он еще должен мне ответы на остальные вопросы!

— Вот еще! — уперла руки в мягкие, пышные бока волшебница. — Услуги сверх оговоренного — за дополнительную плату. С тебя сорок золотых, фрателла.

— Как — сорок? — возмутился, в свою очередь, пелаверинец, — Ведь обычно ваше колдовство стоит двадцать!

— А сегодня у меня эксклюзивные расценки для искателей легкой наживы, — не моргнув глазом, парировала Вайли. —

Плати или уматывай.

В голове у Бонифиуса защелкали костяшки счетов: золотая монета — добраться из Бёфери в Уинс-таун, серебряная — экипаж до Восьмого Позвонка, двадцать золотых госпоже Вайли, да если прибавить их к уже имеющемуся долгу Фила Пункера, да еще надо иметь в виду предстоящие расходы на успокоительные микстуры и коньяк, которые понадобятся фрателле после полетов на местном лифте…

— Обойдешься, старая ведьма! — выкрикнул Раддо раньше, чем успел осознать, что говорят его уста. — Хрен тебе, а не золото.

— Ну и на здоровье, — фыркнула волшебница в ответ, демонстративно складывая руки на груди.

Шипя о всяких там бабах, которые выучили пару фокусов, и туда же — колдовать берутся, Раддо сгреб с каменной глыбы мертвую руку Фила Пункера и с грацией взбешенного носорога вышел из апартаментов волшебницы вон.

Стоило Бонифиусу скрыться, мэтресса Вайли вылила на его еще не остывший след содержимое своей чайной чашки, прошептала заклинание (глаза у нее при этом вспыхнули зелеными огнями), потом подхватила свой костяной посох, украшенный фигуркой атакующего скорпиона и до поры до времени подпирающий стену в лаборатории; хлестко ударила скорпионом о пол, вызвав короткую зеленую волну, таинственным огоньком побежавшую за удалившимся мужчиной. Потом мэтресса Вайли прошептала еще несколько заклинаний и сотворила целую стаю маленьких черных скорпиончиков, с сухим стуком высыпавшихся из рук волшебницы на каменную глыбу и шустро разбежавшихся в разные стороны по определенным магессой делам.

После этого с довольной улыбкой мэтресса Вайли смяла в маленький шарик запутавшийся в себе призрак Филеаса Пункера, сложила получившийся сгусток тумана в нефритовую шкатулку, украшенную сложной резьбой, и, довольная собой, вернулась к прерванному чаепитию.

Мэтресса Вайли, что бы про нее не говорили в Восьмом Позвонке и за его пределами, была женщиной очень строгих моральных принципов. Она сама своих родственников не травила — хотя иногда очень хотела, — и другим не позволяла безнаказанно совершать подобные преступления. Поэтому она была лишь рада случайно вспыхнувшей ссоре с фрателлой Бонифиусом — дела пелаверинца всегда отличались беспринципностью и аморальностью, коробившими хрупкую душу некромантки.

И, кстати, говорили о мэтрессе Вайли в Восьмом Позвонке исключительно с восхищением: мало кто умел так подгадить жизнь ближнему, как эта милая, добрая, ценящая уют и комфорт высокоморальная сладкоежка…

— У-у, ведьма, — еще раз бросил на прощание Бонифиус, громко топая по коридору.

Выйдя к площадке лифта, он увидел, что вокруг Восьмого Позвонка еще больше сгустились сумерки, дождь усилился, а с Башни Ночи пустились в полет несколько всполошенных горгулий.

— Куда изволите? — угодливо осведомился Йори.

Раддо посмотрел на бушующую за стенами замка стихию и в сердцах плюнул.

— Слышь, ты, скажи-ка, а народ посговорчивее Вайли у вас имеется?

На светло-зеленоватом лице зомби, пересеченном кривыми шрамами, стянутыми крупными стежками, отразилось некое подобие непонимания.

— Куда изволите? — еще раз повторил бедолага, низко кланяясь и приглашая господина проходить в короб лифта.

Пелаверинец не спешил покидать оплот некромантов. Он стоял, почесывая в затылке и перебирая в памяти всё, что знал о специалистах Восьмого Позвонка. Конечно, круче всех, согласно официальной статистике, мэтр Мориарти, но, говорят, он настолько гениален, что входить к нему в лабораторию, не составив подробного завещания и не обзаведясь дюжиной неподкупных свидетелей вашего входа и *выхода*, не рекомендовалось. Бонифиус очнулся от глубоких дум, когда мимо него прошелестела алой длинной мантией, волочащейся по полу за своей обладательницей, высокая стройная полногрудая красавица, смерившая торговца плотоядным взглядом ярко-красных глаз.

— Куда прикажете? — напомнил о своем существовании Йори.

Вампиресса остановилась в конце коридора и продолжала пристально и неотрывно смотреть на Раддо, время от времени облизывая острым кончиком языка полные, сочные алые губы.

— Мать вашу, погоду эту, — прошептал Бонифиус и рванул в содрогающийся от порывов ветра короб, как к последней надежде, — где это видано, чтоб вампиры почти посреди дня по домам расхаживали?! Давай быстрей!! Поворачивайся, поворачивайся!

Йори послушно повернулся вокруг собственной оси, вызвав у

пассажира очередную порцию ругательств.

— Куда прикажете? — еще раз с поклоном уточнил зомби.

— Давай обратно, — хмурясь, приказал Раддо.

Короб полетел над полной дождя, ветра и тумана бездной.

Хорошо, что хоть двадцать золотых монет сэкономил, — подумал торговец. В конце концов, Фил не так уж и мало рассказал, можно, обладая некоторыми мозгами, вычислить, где этот клятый клад закопан…

— Эй, ты, — неласково позвал Раддо зомби, — а какие-нибудь мудрецы в вашем костяном хозяйстве имеются? Ну, алхимики, например?

— Есть Башня Алхимиков, — угодливо отозвался Йори. — Изволите приказать повернуть?

— Ну, типа, давай… — задумчиво отозвался пелаверинец.

Йори нажал на вспыхнувшие кристаллы, и короб развернулся в воздухе, изменив направление движения градусов на тридцать. Теперь он летел чуть в сторону от «сердцевины» замка.

Через несколько минут лифт остановился у небольшой башенки, выделяющейся неестественно вытянутой конусовидной крышей с ненормально большим количеством торчащих из нее труб.

— Башня Алхимиков, — объявил лифтер.

— Ну, где тут умные головы прячутся? — сурово осведомился Бонифиус.

Зомби промолчал.

После нескольких, весьма долгих минут путешествий по хитросплетениям Башни Алхимиков, в течение которых Раддо дошел до того, что заревел раненым медведем: "Аууу! Алхимики! Отзовииитееесь!", пелаверинцу удалось поймать некоего типа в черной мантии.

— Простите, — на чистом кавладорском ответил тип. — Я спешу, — и весьма ловко вывернулся из хватки фрателлы.

Чтобы без проблем торговаться на любом языке континента, Бонифиус Раддо лет тридцать назад приобрел соответствующий артефакт, маленький хрустальный шарик, который рекомендовалось носить на шнурке поближе к телу, под одеждой. Но кавладорский он действительно знал — конечно, стихи на языке чужой страны Бонифиус не потянул бы, но короткие монологи получались без проблем.

— А ну, стой! — крикнул Раддо вслед улепетывающему кавладорцу.

Тот подхватил мантию и очень резво помчался куда-то в глубины Башни Алхимиков.

В умной голове пелаверинца что-то замкнуло: Филеаса

Пункера убили в Талерине — Талерин столица Кавладора — этот тип тоже из Кавладора — значит, он знает, как убили Пункера! И Бонифиус рванул следом.

— Стоять!!! — орал фрателла.

Преследуемый мужик и не подумал останавливаться.

Добежав до лестницы, круто уходящей в оба вертикальных измерения, Раддо уже не помышлял о преследовании — сердце гулко билось в груди, а дыхание потерялось далеко позади самого пелаверинца.

— Эй, ты, — еще раз позвал Бонифиус скрывшегося из вида кавладорца. — Поговорить надо!

В подтверждение своих слов он достал из кармана золото, которым собирался рассчитываться с мэтрессой Вайли, и громко, на всю Башню, позвенел им.

Тремя лестничными пролетами ниже показалось любопытное лицо: ровненькое, гладенькое, с выраженными залысинами.

— Да-да, уважаемый? — осторожно поинтересовался алхимик.

— Слышь, мэтр, ты поднимись, поговорить надо, — позвал Раддо.

— О погоде? — еще более осторожно уточнил алхимик.

— На фига мне погода? Мне с тобой о Пустыне надо побазарить!

— О пустынях? — удивился кавладорец. Но вышел из своего убежища и стал медленно, осторожно, подниматься к Раддо. Чтоб подстегнуть интерес алхимика, Бонифиус показал ему край золотой монеты. — Я с удовольствием расскажу вам о пустынях всё, что только знаю! Позвольте представиться — мэтр Карвинтий, — отрекомендовался новый знакомый фрателлы. — Специалист по предсказаниям… э-э… разновидностей осадков.

— Раддо, из Бёфери, — отрекомендовался пелаверинец. И подкинул монету вверх.

Карвинтий перехватил ее и, жадно зажав добычу в кулаке, посмотрел на купца с живейшим интересом.

— Чем могу помочь? Я, к сожалению, еще плохо освоился в замке — я здесь новичок, прибыл из Талерина буквально четыре дня назад. Но готов сделать всё, что вы прикажете, господин Раддо.

— Всё пока не надо, — задумчиво взял алхимика за шкирку Бонифиус. — Скажи-ка, Карвинтий, ты слышал когда-нибудь о Радужном Мосте?

— Нет, — честно ответил мэтр. — Зато я очень много могу рассказать о радуге вообще. Ее происхождение связывают с последействием магических артефактов, создающих в

окружающей природе некоторое искривление пространства, вследствие чего мы видим…

— А о Серебряных Песках и Короле Сфинксов? — продолжал выпытывать пелаверинец.

— Помилуйте, я серьезный ученый, а не какой-то там сфинксолов! — возмутился Карвинтий и с отчаянием заметил, что потенциальный спонсор его исследований теряет интерес к беседе катастрофически быстрыми темпами.

— Ну, хоть о Слезах Неба ты что-нибудь слышал? — уже тоскливо спросил Раддо.

— Слезы Не… Слышал! — закричал Карвинтий, чувствуя, что удача все-таки попалась к нему в руки. — Знаменитый колодец, находящийся в Ильсияре — это город на границе Великой Пустыни, западнее резиденции эль-джаладских магов, замка Хетмирош. Этот колодец прославился тем, что в нем всегда есть вода, даже в самые засушливые годы. Причем, что удивительно, Слезы Неба сотворены без участия магии, исключительно удачное сочетание водоносных пластов.

— Хм, — с сомнением оглядел выслуживающегося осведомителя Бонифиус. — И то хлеб…

И вдруг, без предупреждения, сделал попытку выхватить из рук мэтра Карвинтия свою золотую монету. При этом Раддо руководствовался соображениями, что, во-первых, мэтр алхимик, эрго — тюфяк, и сопротивляться не будет, а во-вторых, для гонорара за общеизвестную справку одной золотой монеты многовато будет.

Бонифиус оказался не прав: алхимик вцепился в золото, как утопающий за соломинку. И пусть мэтр был ниже ростом, а торговец просто давил массой и авторитетом, Карвинтий упорно не сдавался и боролся, бился, отчаянно сражался за право удержать в своих руках золотой кружочек с чеканными дубовыми листьями.

Схватка закончилась в пользу алхимика — укусив Раддо за палец, он отвоевал свою добычу и, на всякий случай, отскочил в сторону, готовясь немедленно бежать прочь.

— Ишь ты… — с уважением протянул фрателла. — Хитер ты, братец…

— Тем кормимся, — переводя дух, ответил Карвинтий. Это было наглой ложью: мэтр Карвинтий действительно бил рекорды по хитроумию, а вот кормился абы как, периодически устраивая себе вынужденные голодовки, особенно после катастрофического провала экспериментов, изучающих способности мелкого домашнего скота к предсказанию погоды.

— Скажи-ка, мэтр, а среди твоих знакомых есть умный

человек, разбирающийся в истории Эль-Джалада? Не обязательно человек — я и с полуэльфами, и с кентаврами, и с гномами договориться сумею… Да не трясись — тебе, как посреднику, моя благодарность считай, что обеспечена…

Карвинтий задумался:

— Знаете, сударь, недели две назад в Талерин приезжало много народу, которые выдавали себя за знатоков Утраченной Империи Гиджа-Пент…

— Ну-ну, — оживился Раддо.

— Так, какие-то слухи, сплетни… Древние царицы, затмевавшие соперниц умопомрачительной красотой, царь Эпхацантон, приказавший мумифицировать четыреста придворных, чтоб обеспечить себе высокий статус в загробном царстве, затерянный в песках Золотой город…

— Какой город? — насторожился пелаверинец.

— А, это мне троюродная сестра рассказывала. Я, когда из Университета королевства Кавладор уволился, ехал в Ллойярд через Тьюсс, заодно родственников навестил. Тетка моя Ханна и ее дочь Любомарта там живут. Только не обращайте внимания — Любомарта девка неграмотная, ей соврать — как вам грош потратить; ее воздыхатель наплел ей что-то этакое, собираясь в Эль-Джалад на бега, с помощью которых будут определять Покровителя будущего года, вот она и поверила… Дескать, в песках Великой Пустыни скрыт Золотой Город древнего правителя. Улицы там вымощены золотыми слитками, статуи — из чистого золота, а в центре города — дворец с несметными сокровищами!.. А она, дура девка, поверила. Правда, смешно?

— Ха-ха, — натянуто рассмеялся Бонифиус. И задумался о сравнении, столь опрометчиво использованном мэтром Карвинтием: у фрателлы Раддо было много грехов, но никто, даже Жиль Мильгроу, не смел сказать, что Бонифиус легко тратит хотя бы старый, затертый, медный грош.

Значит ли это, что глупая сестрица недалекого мэтра сказала чистую правду?

— Говоришь, твоя алхимическая братия толком ничего не знает ни об Эль-Джаладе, ни об Империи Гиджа-Пент… — задумчиво пробормотал пелаверинец.

Карвинтий, сжимающий золотой с трепетом юной матери, вдруг понял, что других заработков сегодня не будет. "Не стоит жадничать", — подал голос Разум алхимика. "На эти деньги мы можем жить полгода — ты как-нибудь, а я упиваясь сознанием того, что хотя бы подержал в руках такое богатство!" "И что, один золотой — ВСЁ?!" — возмутилась другая часть карвинтиевой души. "Немедленно ограбь толстяка хотя бы на пару серебряных

монет! Сделай что-нибудь, чтоб потом не ругать себя за бесцельно упущенный шанс!"

И мэтра вдруг осенило.

— А знаете, господин Раддо, кое-кто кое-что об Эль-Джаладе все-таки знает. Я, когда заходил в библиотеку Университета, постоянно замечал там некую особу, которая то возьмет полистать атлас с картами южных земель, то сидит с дневниковыми заметками великих путешественников прошлого… Кстати, только сейчас вспомнил странный факт: именно эта персона и устраивала фуршет для участников конференции, на которой обсуждались последние исследования Империи Гиджа-Пент! Как же я сразу не сообразил… — и в глазах мэтра Карвинтия Бонифиус увидел свет открывшейся истины.

— И как зовут этого человечка? — осторожно уточнил пелаверинец.

— Не совсем человечка, — замялся Карвинтий. По его мнению, особа, о которой шла речь, была в родстве с демонами — ведь именно из-за нее алхимик лишился такого удобного места в Университете королевства Кавладор, именно из-за нее пошли прахом шесть лет экспериментов в области метеорологии!

— Ладно, пусть будет гном. Кто это? — решительно поднял алхимика за грудки Раддо.

— Пять золотых! — испуганно пискнул Карвинтий, страшась собственной смелости.

— Хорошо. Вот, держи, — Бонифиус выложил на ладонь пять тяжелых кругляков. — А теперь говори имя.

— Мэтресса Далия! — крикнул мэтр, выхватывая вознаграждение и убегая прочь.

— Мэтресс… кто? — не поверил пелаверинец, но ушлого алхимика уже и след простыл. — Мэтр*есса Далия*? Это ж женское имя! Бабы колдующие — еще куда ни шло, — проворчал он, возвращаясь к коробу лифта. — Но бабы, изучающие *науки*?! Вот ужас-то…

Огги встречал фрателлу, промокший до нитки и довольно ухмыляющийся во весь щербатый рот.

— Хозяин, я тут такое узнал, — понизив голос, сообщил он, раскрывая над Раддо зонтик. Даже пересечение внутреннего дворика Восьмого Позвонка гарантировало, что ллойярдский дождь вымочит вас до нитки. — Верхи магической братии через шесть дней отбывают в Аль-Тораз, готовиться к гонкам, приспосабливать свою некромантскую живность к жаре, пустыне и прочим делам. Половина покоев в Башне Ночи, Башне Огня и Башне Воды, — драматическим шепотом поведал Рутфер в ухо

фрателлы, — останется без присмотра! Все эти артефакты, заготовки, ингрд…ингрaдуенты для зелий — всё останется! А самих магов не будет!! Понимаете, какой прибылью пахнет, хозяин?! — соблазнял Рутфер.

— Дурак ты, — буркнул Бонифиус, устраиваясь в карете. — Если ты без спросу сунешься в Восьмой Позвонок, тебя ни одна ведьма не вылечит. Маги шутить не любят, маги такое могут сделать с теми, кто пытается их обмануть…

Тонкая игла сомнений вдруг кольнула фрателлу прямо в сердце. На долю секунду Бонифиус усомнился, правильно ли поступил, не заплатив мэтрессе Вайли за ее труды? Но четырнадцать сэкономленных золотых приятно тяготили карман и согревали руку, поэтому Раддо не стал отсылать помощника в Башню Ночи с поручением, а захлопнул дверцу кареты, показывая, что пора домой.

— А еще, — просунувшись в окошко кареты, не унимался Огги. — Я, пока вы решали свои дела, познакомился тут, во дворе замка, с одной женщиной.

— Ради всех богов, избавь меня от подробностей, — фыркнул Раддо.

— Нет, хозяин, вы не поняли. Она баронесса, ей почти пятьдесят, так что о том, какого она пола, можно только догадываться. Но мы с ней поговорили за жизнь, и она рассказала о том, что ее прадед спрятал фамильные драгоценности!

— Ну? — нетерпеливо уточнил Раддо. — И где он их спрятал?

— В том-то и дело, что баронесса не знает! Дух сказал, что отдал сокровища на сохранение какому-то гному! Хозяин, я что придумал: давайте найдем этого гнома, скажем ему, что действуем по поручению баронессы, и заберем драгоценности!

— Какая-нибудь мелочевка, — буркнул Бонифиус, откидываясь на подушки и подавая знак помощнику — садиться в карету, а кучеру — поворачивать в Уинс-таун. — Сейчас ты отправляешься в Талерин, — не обращая внимания на слова Рутфера, приказал Раддо. — И узнаешь всё, что только можно, о некой мэтрессе Далии из тамошнего Университета.

— Хорошо, — кивнул Огги. — Только узнать, и всё?

— Чует мое сердце, что надо действовать быстро. Поэтому слушай внимательно…

За наемным экипажем, почти неразличимая в надвигающейся ночи, бежала стая маленьких скорпиончиков, сотворенных рассерженной некроманткой.

Здесь было темно и почему-то пахло сдобным печеньем.

После нескольких неудачных попыток Филеасу удалось частично раскрутить себя — высвободить левую руку и половину головы. Ноги оставались завязанными с туловищем и другой рукой в тугой узел.

— Привет, — послышался ему грустный голос.

— Аааааа! Призрак!!! — завопил Фил, снова сбился в неровный, хаотичный кокон и начал метаться, прыгая, как мячик, по нутру огромного темного пространства.

— На себя посмотри, — обиделся собеседник.

— Да, и правда, — дошло до бывшего гуляки. — А где это мы с вами? И кто вы?

— Можешь называть меня барон Генри, — разрешила просвечивающая тень бывшего рыцаря, сидевшего в коробке мэтрессы Вайли на такой же призрачной тени коня. — я так понимаю, что твои родственники тоже отказались платить волшебнице за консультацию?

— Не родственник, а бывший товарищ. Он мне в долг давал. А потом тот тип, которого фрателла приставил следить за мной, меня убил…

— А меня жена обманывала, — грустно поведал барон Генри. — Представляешь, какая сволочь? И вот я теперь здесь, а она спит себе спокойно на кладбище… А ее правнучка мало того, что мои кости раскопала, так еще, чего доброго, может найти фамильные драгоценности…

— Внучка хоть красивая? — рефлекторно поинтересовался Фил, еще не вполне привыкший к своему нематериальному состоянию.

— Да тьфу, смотреть не на что, — сплюнул Генри.

— Тогда еще обидней…

— Пошли, приятель, покажу, где тут что. Вон там, — рыцарь указал рукой в сторону. — Сидят призраки двух виноторговцев, убитых в Брабансе триста лет назад. Знаю абсолютно точно — у них есть выпить. Может, поможешь отвоевать хоть пару кубков?

Фил попробовал куда-нибудь «пойти». Освоившись, он побежал на кончиках пальцев, помогая с помощью наклона заклинивших в районе головы ног поворачивать в нужном направлении. Похоже, даже призраком жить неплохо…

II. Мелкие преступные шалости

5-й день месяца Барса.
Талерин, Университетский квартал

Дорогая Напа!

Вынуждена сообщить тебе печальные вести. Наш родственник, троюродный брат твоего прадедушки Дюша Кордсдейл на триста девяносто втором году жизни отправился в путешествие к Центру Земли. Церемония его проводов и переплавки его рабочих инструментов состоялась двадцать восьмого числа месяца Паруса, мы с твоим папенькой оба очень расстроились. Потом оказалось, что старый добрый Дюша перед своим отбытием составил подробные распоряжения, чем из своего имущества разрешает пользоваться. Нам с папенькой достались два бочонка отменного вина из Триверна, Ньюфуну Дюша завещал голову тролля с нарисованной мишенью, Нумуру и Нэмбу по набору метательных дротиков, так что твоим братьям есть, чем заняться долгими зимними вечерами. Ты всегда была любимицей дяди Дюши, поэтому он завещал тебе свою любимую свинью-копилку. Посылаю ее с оказией. Постарайся держать ее на коротком поводке, моя милая, — свинья почти такая же старая, каким был ее хозяин, работает с небольшими перебоями. Впрочем, Ньюфун ведь хорошо знал Дюшу, он расскажет тебе подробности.

Вот ты писала в прошлом письме, что собираешься путешествовать. Пожалуйста, Напа, позаботься о том, чтобы не промочить ноги. Мало ли, в какую Пустыню ты собралась — поверь, сердце матери не обманешь, я прямо-таки вижу все эти болота, которые могут довести тебя до насморка!

С любовью — твоя мама, Нийя Фью из клана Кордсдейл (орбурнская ветвь).

Дорогой Ньюфун!

Как ты, должно быть, знаешь, дядя Дюша оставил тебе в наследство голову тролля с нарисованной мишенью. Можешь не приезжать за ней — мы с Нумуром метали в нее дротики и попали двести одиннадцать раз. Или приезжай, мы смели опилки из чучела в кучу, заодно мусор из шахты вынесешь.

Передавай привет мелкой. Представляешь, Дюша оставил ей свою свинью. Вот прикол!

Твой брат Нэмб. Из Орбурна. Если ты не забыл, что существует такой город в горах Орбери. Про горы хотя бы помнишь? Ведь только такой подлый и коварный гном, как ты, мог сбежать на заработки в город к человекам. С сестрицей-то все

понятно, у нее, как у Дюши, в голове всегда было много лишних мыслей. Но ты? Кстати, тебе не нужен помощник? А то подковывать некромантских тварей, которых Мориарти и прочие маги спустят на эльджаладцев, должно быть, будет трудно. Но ты старайся, ладно? Не урони нос Кордсдейлов.

Нумур велит передать тебе привет. Он тоже скучает в Орбурне и намекает, что втроем мы бы смогли взять больше заказов. А, Ньюф?

Дорогой Ньюфун!

Как у вас дела в ресторации? Пожалуйста, взвесь Черно-Белого Кота (весы на кухне, в кладовке номер два), если он похудел, срочно проконсультируйся с ветеринаром. Деньги на расходы спроси у Джои, я оставила ей немного на всякий случай.

Скучает ли обо мне Айра? Если нет, стукни его по голове молотом (можешь взять тот, что висит в обеденной зале, коллекционный) и скажи, что я очень-очень тоскую о нем.

Нас с Далией вчера похитили. Я, конечно, немножко испугалась в первый момент, но оказалось — ничего страшного. Похитители потребовали сварить им овсянку, а прежде, чем я успела начать подкоп, Далия просветила меня, что побег лучше устраивать на рассвете и выходить через дверь. Ладно, сегодня, как рассветет, и попробуем.

Пока все новости. Будут еще — сообщу. Иди взвешивать Кота. Иди немедленно. Иди, кому говорю! Брат ты мне или не брат?! И не смей пользоваться оружием из моей коллекции!

Твою любящая сестра — Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл. (кавладорская ветвь)

П. С. Передавай привет Джое.

П.П. С. До моего отъезда ЧБК весил тринадцать настоящих фунтов (8) и семь унций.

П. П. П. С. Чуть не забыла: в кладовке номер три я оставила бочонок с порохом. Хотела взять с собой в путешествие, но по ошибке взяла пиво. Пришлось отдать его похитителям. Поосторожней там. Не шали.

Утренний выпуск газеты "Талерин сегодня" сообщал:

Алхимики не спят!

Вчера, после того, как Университетский квартал пожелал счастливого пути отправляющейся в Эль-Джалад мэтрессе Далии, некоторые представители образованной части нашего талеринского сообщества вздохнули с облегчением и сожалением. Ведь именно неустанные исследования в области сапиенсологии, проводимые уважаемой Далией, делают пребывание в

Университетском квартале столь захватывающим и неожиданным! Никогда не знаешь, с кем столкнешься в узком переулке: с диким троллем, сбежавшим от мэтрессы, или с реорганизованной Каретой Скорой Помощи, которая тоже убегает от нашей дорогой Далии с оглушительными воплями…

Вчера, как наше издание сообщало в предыдущих выпусках, госпожа алхимик выполнила свою давнюю угрозу и отправилась изучать Разум Путешественников. Нам остается только пожелать сапиенсологине удачи в ее изысканиях и надеяться, что путешественников много, и кто-нибудь из них выживет.

После отъезда мэтрессы и ее ассистентки Университетский квартал погрузился в тишину, прерываемую редкими всхлипами барышень Ользиды и Изольды, которых Далия категорически отказалась взять с собой в экспедицию. Увы, покой и безмятежность продержались недолго. Как показало дальнейшее развитие событий, это было всего лишь затишьем перед бурей.

В половине девятого вечера жители расположенных поблизости от ресторации "Алая роза" домов обратили внимание на доносящийся из здания шум. "Я долго подслушивал под дверью," — конфиденциально сообщил нам мэтр Никант, профессор кафедры истории, — "Выжидал момент проникнуть на кухню, узнать, не осталось ли после отъезда этой чокнутой гномки (Напы Леоне, примечание наше) что-нибудь вегетарианское. И слышал, как кто-то изо всех сил стучит молотком, звенит чем-то и шипит, как рассерженная кошка. Потом кто-то перестал долбить стены — эти звуки, кстати, я тоже прекрасно слышал, но не видел ни где долбят, ни кто этим занимается, — по кухне прокатилось что-то тяжелое, и низкий голос спросил, зачем Напа хранит у себя столько пороха. А второй голос спросил, какой-такой порох хранит у себя прибабахнутая сестрица; потом огонек свечи, который был мне заметен потому, что я нагнулся замочной скважине, переместился близко к полу. А потом последовал взрыв. Вы что-то спросили? Говорите громче, я почему-то стал плохо слышать…"

Как свидетельствуют очевидцы, взрыв был небольшой. Ресторация, по крайней мере, осталась стоять посреди Университетского квартала. Гораздо больший ущерб нанесло плотное, компактное тело, вылетевшее в результате взрыва через крышу "Алой розы", перепугавшее голубей, тренируемых профессорами зоологии, протаранившее насквозь третий этаж дома господина ректора, также прошедшее навылет мансарду Студенческого дома, где спасалась от шаловливых призраков компания студентов, и застрявшее в спальной комнате девицы Изольды.

Тело, как сообщил нашим корреспондентам господин Ницци

(двадцать восемь лет на службе Спокойствию Кавладора), принадлежало брату госпожи Напы, Ньюфуну из клана Кордсдейл. Оно было доставлено в ближайший полицейский участок на предмет выяснения степени алкогольного опьянения, в котором пребывало. Господин Ньюфун отделался легкой вмятиной на шлеме и тяжелым штрафом. Количество жертв среди мирного населения Университетского квартала уточняется.

Ощущая ответственность за жизнь и здоровье горожан, издание "Талерин сегодня" желает знать, что еще изобрели наши друзья-алхимики? Почему бы, и этот вопрос подсказывает нам мэтр Никант, всем нормальным исследователям не переключиться на исследования в области истории или, хотя бы, сапиенсологии, где взрывы исключены как вероятность?

Нам остается только надеяться, что и в будущем жители Университетского квартала будут радовать талеринцев и всё население страны своими занимательными открытиями.

Сквозь сон Джоя слышала странные звуки. Легкое поскрипывание, смущенное покашливание, сопение… Она осторожно повернулась — чтоб не разбудить Черно-Белого Кота, который свернулся калачиком у ее ног. Но глаз так и не открыла, стараясь удержать драгоценные мгновения отдыха.

— Что это с ней? — прошептал совсем рядом, где-то внизу, хриплый голосок.

— Спит.

— Точно спит?

— Не уверен.

— Может, умерла?

Тишина.

— Она дышит!

— Это не показатель.

Джоя почувствовала, что кто-то очень осторожно потрогал ее мизинец. Это было не самым приятным ощущением, и девушка отмахнулась от назойливого сновидения. После чего спрятала руку под щеку.

— Теплая!

— Двигается!

— Живая!

— Так выглядит — и живая? — не поверил кто-то.

— Она ж человек, а человеки все ненормальные!

— Разбуди ее! — потребовал кто-то от кого-то.

Тот, от кого требовались действия, не спешил.

— Вот еще! А почему я?

— Ты самый высокий.

— Ты самый смелый.

— Ты самый храбрый.

— Ты только что ее за руку дергал, если она вампир, всё равно с тебя первого начнет, так что терять тебе уже нечего!

Вампиры? — сквозь сон удивилась Джоя. Здесь, в Талерине? Надо бы проснуться, посмотреть, а то после того, как девушка покинула родной остров Дац, нормальные вампиры ей не попадались. Настоящая, качественная некромантия вдали от родины — такая редкость.

Джоя аккуратно, мягко, как котенок, зевнула.

— Она настоящая, настоящая! — всполошились голоса. Бурное обсуждение Джои происходило где-то в районе ее коленей.

— Ты видел, какие у нее зубы?

— Здоровые. А что?

— У нее здоровые зубы! — трагическим шепотом поведал любопытный своим менее наблюдательным собратьям. — Она точно вампир!

— Вампиры спят в гробах, — возразил самый рассудительный из голосов. А где ты тут видишь гроб?

— А это, вокруг нее, по-твоему, что?!

— Похоже на шкафчик, — недоверчиво протянул очередной голос.

— Нет, это гроб! Точно знаю! Троюродная сестра тетки подружки моего кузена замужем за гробовщиком, он точно такие ручки на гробы делает! Это гроб! Просто очень короткий и повешен на стенку! А она — вампир!

— Гроб, говоришь? — снова вмешался рассудительный голос. — А что в гробу делает банка малинового варенья?

— Где ты видишь варенье? — не сдавался дальний родственник гробовщика.

Мгновение тишины.

— А это точно варенье? Я отсюда плохо вижу этикетку.

— А я — хорошо, и там точно написано: "Малиновое варенье".

— Ерунда какая-то, — растерялся недоверчивый голос. — Разве вампиры едят варенье?

— Да кто этих человеков поймет? При жизни — едят, значит, и после смерти могут… — не слишком уверенно возразил другой спорщик.

— Я понял! Это не варенье! Это запас крови!

На этот раз молчание получилось паническим.

— Послушайте, — снова раздался голос неподдающегося рационалиста. — Если бы в банке была кровь, на этикетке было бы написано: «Кровь», а не "Малиновое варенье".

— Нормальный гном поступил бы именно так. Но она-то человек, — Джоя почувствовала, как кто-то чуть заметно прикоснулся к ее платью и недовольно скривилась. Паника в районе коленей значительно увеличилась. — Тем более — вампир. Так что она написала "Малиновое варенье", хотя имела в виду слово «Кровь». Может быть, даже гномья…

Ужас достиг своего апогея. Секунды шли, Джоя продолжала уговаривать себя проснуться, Черно-Белый Кот сопел где-то рядом с туфлями, а обладатели голосов пытались представить себе, можно ли сварить варенье из малиновых гномов…

— Не, — решительно возразил первый из голосов.

— Нет.

— Не-а…

— Ну, нет! — еще более решительно поддержали возражающего его собратья.

— А давайте поспорим! Я ставлю на то, что в банке — не варенье!

— Да ты мне не тычь бородой в глаза, я сам прекрасно вижу, что там кровь! Только тебе — не верю, ты вообще доверия не заслуживаешь!

— Да ладно вам ссориться! Надо просто взять банку и проверить, что в ней находится.

На сей раз молчание вышло задумчивым.

— Давай, лезь.

— А почему сразу я?

— Ты высокий.

— Ты смелый.

— А я тебе уже и лесенку нашел.

— А я о тебе все равно плохого мнения, так что скучать не буду.

Сосредоточенное сопение, шорох передвигаемых по полу предметов, легкое содрогание воздуха…

— Няу троугай мыуушшку! — вдруг раздался еще один, ранее не вмешивающийся голос.

Кто-то шумно упал, раздались вопли паники, и Джоя решила, что действительно пора просыпаться.

Джоя открыла глаза…

— Она открыла глаза!!! — закричали бывшие спорщики, которым так и не удалось узнать содержимое таинственной банки.

И с легким удивлением уставилась на рассыпавшихся по полу гномов.

— Она на нас смотрит! — закричал самый нервный гном и стал заползать в укрытие. Так как под столом место было занято

его более проворными собратьями, бедняга залез под стул, где и застрял между ножек.

— Ой, — удивилась Джоя. — Здравствуйте…

В первый момент ей показалось, что гномов вокруг — штук сорок, не меньше, но когда они рассредоточились по обеденному залу ресторации, оказалось, что их всего-навсего семь. Они немного отличались друг от друга формой шлемов, цветом плащей, отделкой кольчуг и пряжек на сапогах, но все, как один, были бородаты и перепуганы.

А сама Джоя спит не как обычно, в мансарде ресторации, в уютном старом сундуке, а почему-то стоя, облокотившись на большой камин и задевая другим плечом шкафчик, который мэтресса Далия велела повесить на стену, чтобы хранить в нем приходящую корреспонденцию. А, точно, варенье! Его Напа просила отнести в Обитель Праматери Прасковьи, больным и простуженным, а Джоя, как всегда, забыла…

Черно-Белый Кот, почивавший на правой туфельке девушки, вышел на середину обеденного зала, потягиваясь, как это делают после сна кошки, зевая и выразительно демонстрируя огромные клыки. Вчерашний вечер начал потихоньку всплывать у Джои в памяти. Да, точно: она пришла, о чем-то поговорила с Айрой, кажется, тот собирался перестроить пару кухонных кладовок, чтобы Напа по возвращении обрадовалась; тут прибежал Черно-Белый и стал прятаться за юбками Джои, а она как раз вспомнила про варенье и подошла к шкафчику. Потом примчался Ньюфун, стал искать Кота, на которого сделал шлем и доспехи — чисто в экспериментальных целях, чтоб потренироваться перед тем, как предлагать услуги кузнеца-механика участникам гонок Выборов Покровителя Года. Кот трясся, тычась Джое в колени и буквально умоляя его спасти, студентка решила сделать вид, что задумалась о чем-то, прикрыла глаза, чтобы Ньюфун ей не мешал, потом ей снился какой-то очень громкий шум…

Так, вчерашний день худо-бедно прояснился.

Теперь осталось выяснить, что за гномы забрались в ресторацию. Не Айра — мастер из клана Моргенштерн рыжий, а эти какие-то разноцветные; и не Ньюфун — его-то голос Джоя успела выучить. А кто ж они…

— Госпожа, у нас имеется чеснок! — храбро выступил, прикрываясь мебелью, один из гномов.

— Э-э… отлично, — согласилась Джоя, — Значит, вы торговцы овощами?

— Ничего не понимаю, — повернулся храбрый гном к своим собратьям. — Разве человеческие вампиры едят овощи?

— Ну да. — подал голос тот, кто сидел под стулом. — Когда

не могут раздобыть ничьей крови, они нападают на томаты и начинают ими закусывать… — гном очень достоверно изобразил хлюпающий звук, по его мнению, свойственный напавшим на помидорную грядку вампирам.

Мебель дружно затряслась.

— Нет, — решительно возразила Джоя. — Звук должен быть немножко другим.

И проиллюстрировала свои слова короткой акустической фантазией.

Издающая кольчужный металлический лязг мебель очень резво рванула к выходу.

Так как некоторое время назад Напа, добиваясь, чтобы ее жилище стало похожим на настоящую шахту, опустила пол в ресторации на несколько локтей ниже уровня мостовой, возле узкой лесенки, ведущей к выходу, возникла небольшая мебельная давка.

— Чауво приушли? — промяукал Кот, когда ему надоело наблюдаться за гномьей чехардой. — Гоувоурите, пока вас няу съели…

— Действительно, — спохватилась Джоя. — Если вы хотели видеть Напу, то вчера они с Далией отправились путешествовать.

— К Центру Земли? — сдавленно пробормотали семь трусливых гномов.

— Нет, так далеко они заходить не собирались, — покачала головой девушка. — Они хотели поехать в Эль-Джалад. Если нужно что-то передать Напе, то можете оставить — я обязательно сохраню до ее возвращения.

— А из Центра Земли порядочные гномы обычно не возвращаются, — пролепетал кто-то из-под стола. — Это только человеки возвращаются разными скелетами, зомбяками, вампирами… Представь, кем может вернуться гном, если продержать его под землей намного дольше обычного? Он же может быть голодным, как стая оборотней! И злым, как осиное гнездо после спячки!..

— Слышь, ты, — возмутилось кресло. — Еще одно лишнее слово про семью Нокса Кордсдейла — я тебе лично в пиво плевать буду!

Возникла некоторая сутолока, результатом которой стало шумное раздвигание мебели и семь голов, увенчанных шлемами, которые вдруг возвысились над уровнем столешниц.

— Одну минуту, госпожа! — среди семи бород, повернувшихся на секунду к Джое, мелькнуло подобие улыбки.

Шлемы с глухим стуком сдвинулись, последовало несколько напряженных совещательных мгновений, потом самого храброго,

самого высокого, а может, и самого невезучего гнома вытолкнули навстречу предполагаемой вампиpессе.

— Дело в том, что у нас для госпожи Напы Леоне Фью из клана Кордсдейл есть небольшая посылочка.

— Нас их маменька послала! Сказала, раз уж мы все равно в Талерин топаем, надо ее выручить!..

— Посылка совсем-совсем небольшая, — с нервной фальшивой улыбкой лгал самый высокий (на целый дюйм выше остальных!) гном.

— Можете оставить, — еще раз повторила Джоя.

— Вот, — положил запечатанное письмо на ближайший стол парламентер. — А остальное мы принесем. Сейчас. Минуточку!

Шесть гномов бойко выскочили на улицу и практически тут же вернулись, волоча объемистый сверток, закутанный, как древняя мумия, в бесчисленные слои серой грубой ткани.

— Это оно. Послание, — уточнил храбрый гном. — Ну, мы всё передали, так что — мы пошли, да?

— Может, останетесь на обед? — нерешительно предложила Джоя. Напа очень часто повторяла эту фразу, и, что характерно, мало кто отказывался.

На этот раз после столь привычной для стен "Алой розы" реплики последовал неожиданный эффект: храбрый гном подскочил, как медведь, укушенный нерестящимся лососем, и выскочил за дверь, едва не снеся ее с петель. Его приятели последовали за предводителем, опоздав всего лишь на доли секунды.

— Идиот! — донеслось с улицы минутой позже. — Ты должен был спросить с нее денег за доставку ценного груза!

— Сам дурак! — возразил храбрый, но удаляющийся голос, — Раз такой умный, иди и спрашивай!

— Погодите, постойте! — всполошилась Джоя, поднимаясь по лестнице. — Постойте!..

Но когда девушка вышла за порог, улица была пуста и безгномна.

Пожав плечами, Джоя вернулась в ресторацию. Кот, не теряя времени даром, осторожно обнюхивал принесенный сверток.

— Это Напе от ее мамы, — прочитала дацианка надпись на послании. — Вернется Ньюфун, ему передам, он будет знать, как распорядиться. Интересно, а это что?

Она осторожно постучала по свертку. Дальше произошло очень много событий. Во-первых, посылка, а это был достаточно солидный сверток, размером со среднего размера собаку, отозвалась глухим металлическим звуком; во-вторых, этот же металлический, как выяснилось, предмет вдруг утробно захрюкал

и с кабаньим хоканьем резво двинулся в сторону Джои; в-третьих, Кот перепугался, неимоверно распушился и опрометью бросился искать спасения на стенах ресторации; а в-четвертых, посылочка, которой через обертку было не разобрать, атакует ее ЧБК или спасается бегством, рванула за напиным питомцем, громко стуча металлическими копытцами по дощатому полу.

Когда Ньюфун приблизительно в десять утра вернулся домой из полицейского участка, где провел беспокойную ночь, он, прежде всего, увидел два аккуратных свитка, оставленных почтальоном в ручке двери. Читая записку от братца Нэмба, Ньюф спустился в обеденный зал ресторации, мельком увидел Джою — девица зачем-то забралась на стол, где стояла, придерживаясь за потолочную балку, еще более бледная и похожая на печального, севшего на диету вампира, чем обычно.

— Ньюфун, как хорошо, что ты пришел! Ньюфун, пожалуйста, сделай что-нибудь… — жалобно попросила девушка.

— Сейчас сделаю, — тяжело вздохнул гном. — Айра уже отправился добывать стройматериалы, тут работы-то на четыре дня. Действительно, что ли, братьев вызвать, они помогут? О, а вот и письмо от Напы. Тебе привет, — сообщил он девушке, дочитав до конца, — Их похитили, они в совершенном порядке, и какие-то коты им, как всегда, роднее братьев. А насчет пороха в бочонке из-под пива я с ней еще поквитаюсь, — мстительно пообещал Ньюф, почесывая вмятину на шлеме. — Слышь, как тебя…

— Джоя.

— Джоя, а тут Напа пишет, что оставляет тебе деньги на расходы. А… — Ньюфун смутился. — Много она тебе оставила? Мне тут такой штраф выписали…

— Я всё отдам! — клятвенно пообещала девушка. — Всё! Я даже отдам серебряные серьги своей прабабушки! Только спаси меня отсюда!

Гном с удивлением посмотрел девушку.

— Что, эта часть потолка тоже просела? Я думал, что только кухня от взрыва пострадала…

Джое очень захотелось узнать, какой взрыв и чья кухня имеются в виду, но она, перепуганная и дрожащая, была вынуждена обратить внимание собеседника на более важные проблемы.

Тем более, что проблема, по-прежнему в обертке из крепкой ряднины, коварно подбиралась к Ньюфуну.

— Осторожно! — взвизгнула девушка.

Гном не успел — металлическая тварь подсекла его под

коленки и принялась топтать, пинать и толкать.

Ньюфун взвыл, ругаясь, на чем свет стоит. Кот вторил ему с каминной полки. Джоя, пользуясь своим относительно безопасным, но крайне неудобным положением, принялась складывать для гнома поэтическую эпитафию.

— Свинья! Свинья! Кто прислал сюда эту мерзкую свинью! — орал Ньюфун.

Инспектор Клеорн, который зашел в "Алую розу" узнать, нет ли каких известий о путешественницах, услышал это оскорбительное высказывание и принял его на свой счет.

— Оскорбление слуги Закона, Порядка и Спокойствия, господин Кордсдейл? Это, между прочим, карается!..

— Инспектор! — со всего разбега прыгнул Ньюфун Клеорну на ручки.

Сыщик рефлекторно подхватил гнома. И тут же понял, что это было грубой ошибкой — весил достойный представитель орбурнского клана Кордсдейл как хорошая пушка.

— Инспектор, вы при исполнении? Конечно, вы при исполнении!

— Да… — прохрипел Клеорн.

— Остановите эту проклятую тварь! Меня поставьте… я имел в виду, куда-нибудь повыше, — заворчал Ньюфун, которого сыщик бросил на пол. — Подальше от этой твари!!!

Металлические копытца поднесли к сапогам инспектора объемистое тело, до сих пор скрытое тканью. По обеденному залу разнеслось приглушенное кабанье хрюканье.

— Что это? — осторожно уточнил Клеорн.

— Оно толкается, пинается и кусать пробует, — объяснила Джоя. Комментарии Ньюфуна, расцвеченные бесчисленными восклицаниями, были более содержательными:

— У меня был дядя, — торжественно возвестил Ньюфун.

— Это ваш дядя? — удивились одновременно и Джоя, и Клеорн.

— И он очень любил деньги. И однажды придумал способ, чтоб никто не мог взять его ценности без его собственного разрешения. Знакомьтесь, — сделал широкий приглашающий жест гном, — копилка моего дяди Дюши. Она специально зачарована так, что прикасаться к ней может только ее хозяин! А всех остальных она кусает! Ну, разве что полицейских при исполнении не трогает. Если, разумеется, они первыми на нее не нападут, — уточнил Ньюфун.

Очень осторожно Клеорн подобрал каминные щипцы, зацепил краешек ряднины и стянул ткань с пузатого коротконогого металлического агрессора. Тот многозначительно хрюкнул.

— Действительно, свинья-копилка, — с удивлением проговорил Клеорн.

— Эй, сударь, — осторожно напомнил Ньюфун, вскарабкавшийся на стол рядом с Джоей. — Вы бы ее не трогали. Когда она чует, что ее хотят ограбить, она атакует первой! Она ж не кто-нибудь, она гномья свинка! Эх, скорее бы Напа вернулась, а то так и будем сидеть на высоте, спасаясь от этой клятой кабанятины…

— Я попрошу нашего мага из Министерства заглянуть к вам в ресторацию, может, он что посоветует, — пообещал Клеорн, не в силах оторвать взгляда от «копилки». Это был самый уродливый артефакт, который он когда-либо видел. — Да, кстати, а когда ваша сестра и мэтресса Далия планировали вернуться?

— Не знаю, что там планировала эта двинутая в области шлема человечка, — ответил Ньюфун. Как и любой гном, оказавшийся на высоте, он нервничал, а потому чихать хотел на всякие там любезности. — А Напа мне не сказала, когда их ждать обратно…

— Вы не волнуйтесь, — поспешила успокоить инспектора Джоя. — Они сегодня прислали письмо: мне передают привет, они живы, их похитили…

— *Похитили*?! — подскочил от удивления Клеорн и опрометчиво приземлился прямо перед металлическими клыками заслуженной копилочки покойного Дюши Кордсдейла…

Министерство Спокойствия, вечер

Вот уже четвертый день мир вокруг мэтра Лео благоухал ароматами жасмина и дикого шиповника, кружился под мелодию плавного менуэта и время от времени озарялся сполохами гномьих фейерверков.

Лео был влюблен.

Более того, — и знание этого простого факта заставляло волшебника время от времени творить стайки посвистывающих канареек и полыхающих всеми цветами радуги павлинов, — его чувство было взаимным. Прекрасная дочь графов Росинант, нежная и кроткая Элоиза подарила ему волшебный поцелуй в парке замка Фюрдаст, а на следующий день позволила сопровождать ее на прогулке в том же парке и, если бы не графиня Синтия, вдруг увязавшаяся за дочерью полюбоваться фонтанами, кто знает, кто знает…

Душа Лео пританцовывала, выделывая страстные антраша, а фантазия припустила галопом, как весенний кот, задравший хвост. В своем воображении волшебник уже сделал Элоизе предложение руки и сердца, она, разумеется, зарделась и

пролепетала «да», ее папенька и маменька посмотрели на предполагаемого зятя…

И тут влюбленный мэтр со всего разбега столкнулся с прозой жизни. Справедливость требовала признать, что и граф Росинант, и его супруга, скорее всего, не обрадуются тому факту, что их дочь сватает сын лавочника из Луаза. Да, конечно, способности позволили Лео стать магом, специалистом в магии Крыла и Когтя, но, если уж быть до конца откровенными, именно магическое образование довело его до участия в ограблении и условного заключения. Еще хорошо, что Министерство Чудес, рассматривая дело мэтра Лео, учло искреннее раскаяние молодого человека и заменило пребывание в тюрьме десятью годами служению общественной пользе, Закону и Спокойствию.

Нельзя сказать, что должность эксперта по магическим вопросам Министерства Спокойствия королевства Кавладор Лео тяготила или выходила за пределы его морально-этических представлений, да и инспектор Клеорн, под начало которого был откомандирован волшебник, умел вовремя выхватить улетающего в океаны фантазии мэтра и заставить его работать, как следует. Но… Но работал Лео, говоря откровенно, даже не засучивая рукава мантии, абы как — сыщики и так любое дело распутают, они редко нуждаются в каких-то дополнительных приспособлениях, чтобы углядеть в ауре подозрительного субъекта, будь он человек, гном, кентавр и даже тролль, Шлейф Тени(9).

И вот вчера, укушенный любовью, Лео вернулся из замка Фюрдаст и потребовал от Клеорна, чтобы тот дал ему какое-нибудь важное и ответственное поручение.

Молодой волшебник страстно желал отличиться по службе и приблизиться хотя бы на шаг к заветной цели — которая, по сути, сводилась к картинке, где сияющие довольными улыбками Федерико и Синтия Росинант вручают волшебнику свою дочь Элоизу.

Ах, любимая! Я посвящаю тебе этот подвиг!.. тьфу ты, расследование…

— Инспектор, давайте расследуем что-нибудь этакое. Например, кражу в доме советника Джиобарди. Правда, слуги утверждают, что похитили всего лишь коллекцию ракушек, которых приняли за коллекцию древних монет, но давайте представим, что кража значительнее, и расследуем ее с особой тщательностью. Я даже знаю, кто преступник — внук садовника, только ему могла придти в голову подобная глупость.

Инспектор Клеорн, что было сил, пытался справиться с

действием успокоительной микстуры, которой его охотно попотчевали целители: придерживая рукой закрывающееся правое веко, он время от времени обрывал храп и задавал мэтру наводящие вопросы. Иной раз даже, по случайному совпадению, относящиеся к обсуждаемому происшествию.

Иногда — раз в пятьдесят минут, — сыщик почти просыпался, и тогда принимался за письмо министру Ле Пле с просьбой о кратковременном отпуске для устройства очень важного личного дела. Пока что на бумаге были выведены всего три руны первого слова.

— Додуматься: собирать ракушки! Понятно, что Джиобарди хочет сохранить в качестве воспоминаний об обеде у короля или других важных персон хоть что-то, но зачем собирать ракушки? Почему не собирать автографы знаменитостей? Или, допустим, их портреты. Газетные вырезки с упоминанием… Есть ведь очень много способов сохранить воспоминания о своем кратковременном великолепии! Нет, Джиобарди хранит именно скорлупки деликатесов, которые отведал! Мало того, что это просто глупо, так еще отдает некоторой некрофилией. А, что скажете?..

— А…а… похитили! Ее похитили… — пробормотал Клеорн, ненадолго оживляясь. — Надо срочно их спасать…

— Бедняга, — сочувствующе пробормотал Лео. Сложил собственную запасную мантию и положил ее сыщику под голову; Клеорн мягко улыбнулся, доверчиво обнял эту своеобразную «подушку», еще раз пообещал кого-то спасти и засопел, погружаясь в навеянный лекарством сон.

Университетский квартал, ресторация "Алая роза"

Вам нужен алхимик? Заболели? Нет, все прекрасно знают, что лучших целителей следует искать у Обители Премудрой Праматери Прасковии, но вы только что спросили, как найти алхимика, а так как, находясь в здравом уме, никто добровольно алхимиков искать не будет, можно сделать вывод, что вам гораздо правильнее повернуть к Обители… кто пошел? Куда пошел? Ну, раз вы так настаиваете…

Огги Рутфер, выпятив для солидности нижнюю губу и заложив большой палец за ремень, оглядывал Университетский квартал. Как ему объяснили верные кореша, именно здесь количество алхимиков на душу населения превышает все допустимые нормы.

Квартал Рутферу в общем и целом, нравился. Особенно хлипкие замки, которые намётанный глаз вора засек с абсолютной точностью. Улочки здесь были мощёные, чистые,

гораздо более широкие, чем в приюте скопидомов — городе Бёфери. Дома каменные, некоторые даже трех этажей в высоту, с геранью на подоконниках. Квартал мог похвастаться даже уличным освещением — мало того, что на каждом третьем доме висел большой фонарь, так еще на перекрестке был установлен магический кристалл, разбрасывающий по округе приглушенный белый свет. Около кристалла, укрепленного на высокой деревянной «ноге», прохаживался солидный полицейский, суровым взглядом прощупавший заезжего пелаверинца от макушки до пяток.

И, конечно же, громада Университета впечатляла. Огромное здание, всё из устремленных в небеса арок, контрфорсов и тому подобных строительных новаций, возвышалось в центре квартала, но, по летнему времени, было относительно тихим. Рутфер покрутился у кованой решетки, выполнявшей скорее декоративную, чем охранительную функцию, познакомился со сторожем местной Библиотеки, Гринчем, выяснил, что мэтресса Далия действительно существует, что в Университетском квартале ее каждая кошка знает, что у этой самой алхимички есть не только имя, но и внешность — Гринч, то и дело вспоминая ушедшую молодость, рассказал, а Рутфер, стараясь не слишком налегать на побулькивающее средство укрепления добрососедских отношений между ворами и сторожами, прилежно записал.

И вот теперь Огги, сверяясь нарисованным на обрывке газетной страницы планом, гулял по Университетскому кварталу в поисках ресторации "Алая роза".

С ресторанчиком творилось что-то странное. Он был несколько… как бы объяснить… односторонним: то есть правая половина дома состояла из двух каменных этажей и высокой крыши, в которой, судя по размеру и дополнительным окнам, пряталась мансарда, а в левой стороне здания не было не только мансарды, но и крыши, и половины второго этажа. На этой самой половинке, почти подходя к неровному краю стены, прогуливался гном, судя по рыжей бороде, видной из-под шлема — из клана Моргенштерн. Он сосредоточенно вымерял что-то, бубнил под нос и на вопрос Огги, что здесь произошло, лишь махнул рукой.

Рутфер постоял, посмотрел на строительные страдания гнома, огляделся по сторонам, убедился, что он не привлекает внимания обитателей квартала, и решительно вошел в "Алую розу".

Сюрпризы начались сразу же — нога Огги, перенесенная через порог, не встретила ожидаемого пола, провалилась в пустоту, и пелаверинец с грохотом рухнул вниз.

— Тринадцать фунтов и четыре унции, — торжественно объявила Джоя.

— Как это — четыре? — удивился Ньюфун, сражаясь с отчаянно вырывавшимся из чаши весов Черно-Белым Котом. Гном опрометчиво закрепил прибор на камине, Кот видел спасение в виде уходящей под потолок каминной трубы и изо всех сил старался обрести свободу. — Должно быть семь!

— Четыре, — повторила девушка.

Бормоча проклятия, гном, зажав ЧБК локтем, бросился проверять, что там намудрила дацианка с гирьками. Весы, выведенные из равновесия, резко уронили чашу с грузом вниз, что привело к некоторому шуму, который, в свою очередь, заставил прикованную в углу свинку-копилку грозно хрюкать, а Джою — нервничать.

Наследство, оставленное Напе добрым Дюшей Кордсейлом, было, как уже упоминалось, на редкость уродливым. Это была полноценная свинья, выполненная из темно-серого металла, высотой в полтора локтя, длиной столько же, и в ширину весьма солидная. Основное хранилище, то есть брюшко копилки, было приятно округлым, но это единственное, что в артефакте было приятным. Все остальное — крупную голову с выражением скептической подозрительности к Вселенной, поникшие уши, уверенные ножки, очень острые копытца, — явно создавал мастер, убежденный в том, что опаснее свинок тварей нет. Особенно удались художнику, работавшему над материальным носителем магических чар, маленькие прищуренные глазки свинки, выполненные с таким мастерством, что просто дрожь по спине пробирала. И острые клыки, торчащие из полуоткрытой пасти, тоже хорошо получились. И металлическая щетинка выглядела как настоящая…

Очевидно, копилка Дюши Кордсдейла прожила трудную жизнь, которая, в итоге, и испортила характер артефакта. То тут, то там на металлической «шкуре» свинки были заметны шрамы, нанесенные множеством острых рубящих предметов, а правое ухо было смято, будто по нему ударили чем-то очень тяжелым. Ничего удивительного, что магическое создание не доверяло никому и бросалось на любого, оказавшегося рядом.

После того, как артефакт напал на инспектора Клеорна, потребовались совместные усилия двух гномов (Ньюфуна и Айры) и мага, чтобы ее нейтрализовать, то есть окутать статическим заклинанием, пролевитировать в угол и там приковать всеми найденными в ресторации цепями. Мэтр Лео, по началу восторгавшийся копилкой как мастерским изделием собрата по

Магическому Искусству, к концу операции по нейтрализации громко икал, вздрагивал от любого позвякивания и честно предупредил, что сам он больше спец по заклинаниям, чем по артефактам, изменить настройки изначальных установок не в силах, так что, до тех пор, пока не вернется законная владелица… Держитесь, господа. Мы вам искренне сочувствуем…

— Хогри-хогри-хогри-хок, — похрипывала копилка из угла. Джоя рассеянно прикармливала ее медяками. Ньюфун обходил по самой широкой дуге. А Черно-Белый Кот старательно игнорировал, делая вид, что ему совершенно не интересно, какие ценности могут храниться в щетинистом металлическом брюшке…

Кстати, о Черно-Белом Коте…

— Вы, человеки, без помощи гномов вообще ничего не можете сообразить! Это ж не фиг делать — взвесить кошку! А ты чего вымудряешься? Ты ж не так гири подбираешь! Клади кошку на весы… Вот, всего делов… Двенадцать фунтов и пятнадцать унций… Так-с, — задумчиво произнес Ньюфун. — Что-то где-то испортилось. Что ты с ним сделала, что он так полегчал?

— Ничего, — обиделась Джоя. Она просто-напросто, в отличие от Ньюфуна, не жульничала со взвешиванием и не надавливала на чашу с ЧБК. — Он хороший котик, такой ласковый, добрый, он так замечательно мурлычет…

И девушка обняла ЧБК, прижимая его к коллекции серебряных украшений, которую носила на груди. Кот вцепился в черное платье, с покорностью судьбе уронил хвост и устремил в сторону гнома тоскливый взгляд, сообщавший, что мурлыкать он, ЧБК, конечно, может, но делать это постоянно…

— Придумал! — звонко хлопнул себя по шлему Ньюфун. — Давай его утяжелим!

От испуга Кот вздыбил шерсть, напрягся, собираясь бороться не на жизнь, а на смерть — мало ли, чем Ньюфун хотел его утяжелить, еще свинец заставит жрать… Но животное спасло неожиданное появление мужчины, перешагнувшего через порог ресторации и рухнувшего вниз мимо узкой шахтной лесенки, которой так гордилась Напа Леоне.

— Это кто еще? — буркнул Ньюфун, почесывая нос — кончик фамильной гордости всего клана Кордсдейл был поцарапан, будто мастера укусила взбесившаяся отвертка. — Он жив?

Джоя и Кот подошли, осторожно наклонились над пострадавшим.

— Кажется, живой…

Рутфер застонал.

Когда он открыл глаза, то первой его мыслью было, что он

что-то напутал и забыл переправиться телепортом из Уинс-тауна в Талерин: девушка, склонившая над ним, была одета по ллойярдской моде, в черное приталенное платье, лицо у нее было густо припудрено, а темная тушь вокруг глаз и длинные черные поникшие пряди волос делали ее похожей на одну из учениц мэтров Восьмого Позвонка.

Второй мыслью Рутфера было сомнение, что он еще жив — как-то уж очень пренебрежительно смотрел на него огромный черно-белый пушистый кот. Животное спрыгнуло с рук девушки, подошло и презрительно обнюхало вора, после чего заурчало-зарычало как-то уж очень сердито и нагло.

А третья мысль Огги была посвящена очень удобному кастету, который лежал рядом с ним на полу. "Как похож на мой!" — подумал пелаверинец, — "Что, я попал прибежище разбойников, и они меня ударили? Или…"

Тут девушка очень заботливо поинтересовалась, не ушибся ли сударь, помогла ему подняться и, когда Огги застонал, хватаясь за голову, подобрала кастет и посоветовала приложить к шишке.

Ньюфун, перестав мухлевать с настройкой весов, повернулся к Джое, когда та уже усаживала незнакомца за столик.

— Что надо? — нелюбезно спросил гном у человека.

— Я… это… — Огги напрягся, вспоминая приказы фрателлы Раддо. — Я комнату у вас тут хотел снять. И поужинать, — добавил он после минутной заминки.

— Напа сдает комнаты только гномам, — задумчиво проговорила Джоя.

Огги, который к этому времени уже пришел в себя, начал врать гораздо вдохновеннее:

— Ну, господа хорошие, мне только переночевать! Я тут, в уголочке где-нибудь перекантуюсь! Пожалуйста, ну, что вам стоит! Я заплачу!

Платить пелаверинец, конечно же, не собирался. Но, чтобы осторожно выяснить место пребывания мэтрессы Далии, ему позарез нужно было закрепиться в ресторации.

— Оставайтесь, — гостеприимно предложила Джоя, всего на секунду опередив собирающегося отказать Ньюфуна. — Он же заплатит! — шепотом объяснила она гному. — Сам же говорил, что тебе нужно оплачивать штраф!

Припомнив печальное начало дня, Ньюфун неласково потребовал:

— Деньги вперед!

Получив с человека серебряную монету, Ньюфун еле успел перехватить Джою, направившуюся в сторону кухни.

— Не входи!

— Почему? — удивилась девушка. — Я хотела приготовить ужин.

— А ты стряпать-то хоть умеешь?

— Нет, но я алхимик, значит, что-нибудь придумаю…

— И эта туда же, — заворчал Ньюфун, отпихивая Джою подальше от кухни. Мало ли что? Вдруг, чисто случайно, запомнит, что они с Айрой взорвали полдома, а потом Напе расскажет? Или Айра, составляющий план ремонтных работ, ей молоток на голову уронит? — Научилась у своей чокнутой Далии… Сам приготовлю! Кулинарить — это ж не фиг делать!..

Ворвавшись в разоренную взрывом кухню, Ньюфун провел быструю инспекцию кухонных шкафчиков и кладовых. Шкафчики: все вдавлены взрывной волной, сломаны, не пострадали лишь столовые приборы и запасы муки (муки было слишком много, и всю ее взрыв так и не смог развеять, а приборы все равно надо было переплавлять — и форма, и украшение их давно вышли из моды). Кладовкам, особенно подземным, повезло больше. В них остались окорок, колбасы, квашеная капуста, сотня яиц, несколько замороженных птичьих тушек… Ларь с овощами, соль, бутылка с оливковым маслом, бутылка с винным уксусом, спрятанные в самой дальней кладовке бочонки с вином и пивом…

Спустя несколько минут, насыщенных странным звоном, грохотом и гномьими "Фех-та! Шпацех уэш!", Ньюфун прибежал в обеденную залу и поставил перед клиентом ресторации тарелку, на которой лежало полкочана квашеной капусты, почему-то обгоревшей, основательно промасленная и щедро присыпанная солью луковица, большой кусок окорока, полускрытый горсткой муки, по которой растекалось три сырых яйца.

— Хорош кабан, — между тем вел ничего незначащую беседу Огги. — Сделан ну как живой! А зачем у него дырочка на спине?

— Это копилка, — объяснила Джоя.

— Мой родственник, Дюша из клана Кордсдейл, имел привычку собирать золото, — вклинился Ньюфун, подталкивая «ужин» гостю.

— По-моему, это замечательная привычка! — искренне восхитился пелаверинец, стараясь одновременно и следить за свинкой, и пристально рассматривать коллекцию серебряных украшений на груди у девушки. Грудь (хотя и неплохой формы, как заметил наблюдательный помощник господина Раддо) совершенно терялась под серебряными цепочками, медальончиками, шнурком с драконьим зубом, крупными витыми серебряными бомбошками, увязанными в ожерелье с мелким речным жемчугом и несколькими древними серебряными

монетками, еще одним шнурком, удерживающим клок длинной белой шерсти, и многим, многим другим.

— Вы ешьте, ешьте, — радушно предложила Джоя.

— И что, много ли золота собрал ваш родственник? — спросил Огги. Подсчитав точную стоимость мелодично позвякивающего клада, он счел его интересным, но не многообещающим, а потому решительно отвернувшийся в сторону копилки.

— Никто не знает, — ворчливо ответил Ньюфун, присаживаясь напротив гостя ресторации. — Потому как Дюша еще безбородым ушел из клана, чтоб посмотреть мир. Собирал золото где придется — не всегда для себя, иногда брался поучаствовать в сборе пожертвований на благотворительность, или, например, переправить деньги из одного города в другой, или, допустим, вернуть старый долг…

— Ой, — испуганно округлила глаза Джоя. — Должно быть, его часто грабили!

— Угу. Воры — они такие, мимо них никто не пройдет… — поддакнул Огги. Позволив себе увлечься рассказом, он автоматически подцепил на вилку какой-то кусок, проглотил его, а теперь усиленно пытался понять, что же *это* было. — Кхм… кхм… вина дайте… — еле-еле прохрипел пелаверинец некоторое время спустя.

— Еще две серебрушки! — потребовал Ньюфун.

"Грабеж!" — хотел закричал Рутфер, но, утирая выступившие от кашля слезы, решил не экономить на собственной жизни. Всё равно ночью, уходя, он ограбит эту милую ненормальную парочку!

Поэтому пелаверинец швырнул на стол горсть серебра, на которую тут же запрыгнул и прижал животом объявившийся из ниоткуда огромный черно-белый котяра. Всё время, пока Джоя заботливо стучала поперхнувшегося мужчину по спине, а Ньюфун бегал на кухню за выпивкой, наглое животное пристально смотрело на Огги, щурило золотистые глаза и, казалось, улыбалось каким-то своим, загадочным и кошачьим мыслям.

— Так вот, о грабеже, — вспомнил Ньюфун, возвращаясь на свой стул. — Хочешь — верь, хочешь — не верь, но Дюшу грабили лишь однажды, в молодости. Да и то случайно, когда он слишком много выпил в одной гостеприимной таверне. С тех пор — ни разу!

— Удивительно, — поразилась Джоя.

— Кхм, кхм, да уж, странно, — заметил Огги. Обретя способность снова дышать и говорить, он вдруг понял, что кормят его чем-то очень странным, и решил налегать на вино. Тем более,

что оно было неплохим тривернским. — И как это ему удавалось?

— Благодаря ей, — кивнул Ньюфун на копилку. Та ответила едва слышным «хогри-хок». — Он в нее всё, что собирал, складывал, а потом в нужный момент доставал.

— О, — с еще большим интересом посмотрел на металлическую зверюшку Огги. — Вы затем ее цепями к стене приковали, чтоб никто не украл то, что в ней лежит?

— Вроде того, — согласился Ньюфун. Джоя не ответила — ей внезапно пришла в голову идея сложить балладу, воспевающую подвиги Дюши Кордсдейла на ниве золотособирательства, и дацианка уже подбирала рифму к слову «топор».

— А что это — я пью, а вы сидите скучаете? — внезапно оживился Рутфер. — Мы ж с вами за знакомство не пили! Давай выпьем! Я угощаю!

Ньюфун посмотрел на улыбающегося пелаверинца — у мужчины передние зубы чуть-чуть не доставали друг до друга, отчего улыбка выглядела по-кроличьи наивно, — ввел полученные данные в формулу, результатом которой должна стать выплата наложенного Министерством Спокойствия штрафа, и согласился.

Бёфери, дом Бонифиуса Раддо

— Шеф, ваш ужин! — энергично возвестил Хрумп, буквально впрыгивая в кабинет фрателлы. Поставил поднос на рабочий стол, украл с тарелки кусок сыра и громко зачавкал.

— Пошел вон, — не отвлекаясь от бумаг и счётов, ответил Бонифиус. — Хотя нет, постой. Сейчас я напишу письмо, ты его отнесешь к магам на станцию(10) — его надо сегодня же доставить в Луаз. Понял?

— Понял, — кивнул Хрумп, сосредоточившийся на рассматривании подсвечников и картин, которыми был украшен кабинет хозяина. — Кому пишете?

— Мэтру Иллариану, — машинально ответил Раддо. Потом спохватился. — Но это не твое дело!

— А что, вы знакомы с этим старым развратником? — заинтересовался Хрумп. Подошел ближе к столу фрателлы и вроде как случайно слямзил с тарелки еще кусочек сыра и краюшку.

Полминуты Раддо сосредоточенно выводил руны на листе бумаги, потом все-таки не выдержал:

— Почему обязательно — развратнику? Просто мэтр чересчур жизнелюбив. У него широкая душа, почему бы не завести пару интрижек?

— Пару? — скабрезно хмыкнул Хрумп.

— Ну, десяток. Он ведь, гад, даже закон при этом не нарушает, — посетовал Раддо. — А то бы я так его шантажировал…

— Знаю, — кивнул Хрумп. — Мне еще бабка рассказывала, что если бы Иллариан женился на всех своих подружках, то вошел бы в историю как самый великий многоженец столетия…

Тут в глазах вора мелькнула мысль, и он, ухватив кусок мяса с хозяйской тарелки, принялся сосредоточенно ее думать.

Через некоторое время, когда Бонифиус отвлекся на то, чтобы поправить перо, Хрумп задумчиво произнес:

— Хозяин, а вы знаете, что за моей бабкой Иллариан тоже ухлестывал? Конечно, это было давно, и бабушка у меня в молодости была ого-го… Она у мэтра горничной работала. Месяцев шесть, пока не прихватила у него пару артефактов и не сбежала с моим дедушкой.

— Мне нет дела до морального облика твоей родни. Не мешай, мне нужно подумать.

— Нет, шеф, вы не понимаете! — захваченный идеей, Хрумп очень быстро заработал челюстями, одновременно жуя и рассказывая: — На те деньги, которые они выручили за два паршивеньких артефакта, они сыграли свадьбу, упоили в цилиндр полсотни гостей и еще две недели жили, припеваючи!.. Шеф, — оставив жизнерадостный тон, серьезно и по-деловому предложил пройдоха. — Давайте его ограбим!

Утратив интерес к чернильнице и остроте пера, Раддо вперил суровый взгляд в своего временного помощника.

— Я не граблю деловых партнеров, — со всей возможной убедительностью ответил Бонифиус некоторое время спустя. — По крайней мере, так явно…

— Вы просто не представляете, какой у Иллариана дом! — вдохновленный идеей вор и не думал сдаваться. — Когда я жил в Луазе, я столько раз был на улице Гортензий, я его собственными глазами видел! А сколько слышал! Мэтр ведь почти не колдует, и даже учеников берет раз в двадцать лет, он всё своё магичество пустил на торговлю артефактами. Колечки, с помощью которых можно переноситься в нужное место, волшебные кристаллы, зеркала, специально усиленные магией кольчуги, панцири, шлемы, зачарованные арбалеты, которые не позволяют промахиваться, пули для охоты на оборотней, специальные амулеты для оборотней, позволяющие оставаться в сознании даже в полнолуние… Шеф, да мы ж озолотимся!

Помощник говорил столь убежденно, что перед глазами Бонифиуса стали проступать контуры сложенных грудами волшебных вещиц. А потом они преобразились в еще большие по

своим размерам кучи золотых монет, чем вызвали в груди фрателлы очень теплое, щемящее чувство.

Потом перед внутренним оком Раддо появился мэтр Илларианн. С посохом, в мантии из лилово-золотой парчи, весь из себя жизнерадостный смуглый толстячок, как всегда, с десятком перстней, серег и толстыми золотыми цепями на могучей шее. Мэтр буркнул что-то жизнелюбивое, смешно дернув кольцом с махоньким рубином, которое носил в левой ноздре, поднял свой посох и послал в жадного фрателлу раскаленный огненный шар.

Раддо от неожиданности вздрогнул, уронил перо и нашел в себе силы сбросить наваждение:

— Подумай своей тупой башкой. Мэтр Илларианн — не дурак, он наверняка свой дом такими чарами защитными опутал, что ты, сделав шаг, сразу в какого-нибудь кролика превратишься…

— Почему сразу — я? — пошел на попятный Хрумп. — Что, лохов мало? Почему бы не найти какого-нибудь пня из деревни, насочинять ему сказок, пустить в дом Иллариана, а пока маг будет с этим чурбаном разбираться, маленько волшебника и пощипать…

Бонифиус принялся задумчиво барабанить пальцами по столу.

— Поручите это дело мне, шеф! Я знаете, как его выполню? Это ж будет…

— Знаю, — рявкнул, приходя в себя, фрателла Раддо. — Уже выполнил одно поручение, спасибо большое… Кто тебя просил убивать Фила Пункера?

— Это была самооборона! Мне даже спокушники кавладорские поверили! — закричал, оправдываясь, Хрумп.

— Ага, поверить — поверили, а на каторгу — упекли.

— Так ведь они откуда-то о прошлых моих делах вспомнили, опять же, я кралю одну чуть не прирезал у них на глазах, вот меня и повязали, — вспомнив печальные события, случившиеся пять недель назад, вор скривился, силясь выдавить из глаз слезу.

— Э-эх, — с оттенком презрения произнес Раддо. — Додумался — убивать женщин! Пошел вон, ты меня раздражаешь…

Хрумп, тем не менее, не спешил покидать кабинет. Он схватил с тарелки фрателлы очередной кусочек, быстро прожевал его и, с набитым ртом, продолжил философствования:

— Почему это сразу — убивать? Я, вообще-то, мирный и хороший. А женщин люблю….

Раддо строго глянул на временного помощника, и тот, вздрогнув, очнулся:

— Хозяин, вы не о том подумали! Я ведь исключительно того-

самого… лелею благородные помыслы!

— Лелей их где-нибудь в другом месте, а то мне тебя придушить хочется.!

— Я вам уже рассказал, как меня Огги с каторги вытащил? Счаз скажу. Смешно там вышло! Значит, меня и прочих хмырей везут в Тьюсс. Усадили, значит, на подводу, кто-то пешком следом тащится, а я сделал вид, что ногу набил, значит, сижу себе, отдыхаю. Мы уже почти до самого Тьюсса добрались, когда нас Огги догнал — он едет себе верхами, я, конечно, его сразу заприметил, но вида не подал. Через полчаса — смотрю, он посреди дороги с какими-то бабами буренавскими лясы точит. Они, значит, на телеге ехали, а Огги вроде как в них врезался. Кони уздечками зацепились, их растащить — плевое дело, да только та баба, которая помоложе, стала с Огги отношения выяснять. Кроет его на чем свет стоит, да так лихо, что у меня аж уши, как у ёльфа какого-нибудь, отрастать начали, так я ее заслушался. Тут дядька, который у охраны нашей за старшего был, усы, значит, поправил, брюхо под ремень спрятал, да пошел их разруливать. Эти бабы вдвоем такой ор учинили! — засмеялся Хрумп счастливым воспоминаниям. — Никто и не заметил, как мы с Огги смотались. Во-от, — протянул он, подхватывая остатки ужина, — А вы говорите, что я женщин не люблю. Да я их обожаю!..

— Ну-ну, — буркнул Бонифиус. Он, наконец-то, сумел найти нужные слова, дописал письмо, присыпал песком, чтоб высушить чернила, аккуратно сдул, сложил и теперь грел сургуч на пламени свечи. — Значит, так. Отнесешь письмо на станцию, отправишь в Луаз. Потом поспрашивай у магов, нет ли новостей из Омара, Аль-Миридо и Талерина. Вот тебе на расходы, — Раддо кинул пару мелких монет, — купишь новостной листок, если вдруг будет. И смотри у меня — делай всё быстро!.. А про то, чтоб тырить по мелочи, и думать забудь! — на прощание прикрикнул он на чересчур предприимчивого помощника. — Дамский, чтоб его, угодник… — заворчал Бонифиус. И вдруг задумался, глядя на пламя свечи. А ведь идея с «пощипыванием» мэтра Иллариана не так уж и плоха…

Придирчиво обдумывая «за» и «против» ограбления старого знакомого, фрателла потянулся к ужину… и принялся громко ругаться: разговорчивый и прожорливый Хрумп, оказывается, оставил хозяину лишь пару хрящей.

Вот и верь после этого людям…

Талерин, ресторация "Алая роза"

— Скалкой обласканы,
Шваброй побиты…
Пусть не колбаска мы,
Но мы любимы…

— выводили на два голоса Ньюфун и Огги. Гном и человек, обнявшись, сидели, подпирая опрокинутый стол. Черно-Белый Кот, после шестой порции копченостей согласившийся примерить сработанный Ньюфуном «доспех», распростерся рядом, выпятив вверх круглое после затянувшегося ужина пузо, отбросив в сторону хвост и вывернув круглую голову, наполовину спрятанную под каской. Глаза у Кота закатились, так, что из-под век были видны лишь молочного цвета белки. Дышал бедняга с перерывами.

А два собутыльника чувствовали себя прекрасно.

— Вечер затянется,
Ветер подует,
Коль не достанется,
Мы завоюем!..

Возможно, слова в романсе, сочиненном в честь королевы Пруденсии знаменитым менестрелем из Шуттбери, были другими, но Ньюфуну и Рутферу в настоящий момент было не до поэзии. Им море было по колено. Ну, Ньюфуну, может быть, чуть повыше — но он сам в этом виноват!

Да, никаких сомнений. Какой-то частью своего мозга славный мастер из клана Корсдейл понимал, что поступил не слишком дальновидно — выяснив, что клиент хорошо платит за выпивку, гном стал экономить на качестве, постоянно повышая градус напитка. В итоге к одиннадцати вечера заезжий гость из Пелаверино пил жидкость, которая использовалась в кузнице для закрепления рисунков, нанесенных на металл.

— Мы не противные,
Мы не плохие,
Мы очень скромные,
Мы — боевые!..

— тенорком выводил Огги, а Ньюфун солидности ради дирижировал своей знаменитой кружкой — той самой, которую

Далия подозревала в прямом сообщении с параллельными мирами, ибо налитое в нее пиво постоянно куда-то исчезало.

Спустившийся со второго (наполовину сметенного взрывом) этажа Айра, посмотрев на творящееся в обеденном зале безобразие, покачал головой и ушел ночевать в одну из кладовок под кухней; Джою Ньюфун выпроводил сам, еще когда находился в приблизительно трезвом рассудке — нечего младенцам мешать солидным гномам… ик!.. коротать вечерок за важной бесед… ик!.. ой…

Девушка что-то возражала, но Ньюфун так устал, весь вечер стараясь держать ее подальше от входа на кухню!.. Он драматическим шепотом потребовал, чтобы она спрятала в надежное место заработанное «ресторатором» за вечер, забрала свою кошку, вместе с гирями, а то что они по полу прыгают… Джоя послушно удалилась.

— Кис-кис-кис! — позвала она с лестницы.

Ньюфун подпихнул Кота, тот, покачиваясь, зазвенел «доспехом»: тот представлял собой сложное сооружение из стальных и бронзовых пластин с кольчужными вставками, своеобразной накидкой защищающей спину животного и крепящейся на шее, за передними лапами и на животе. Кроме «попонки» Кот обзавелся каской, лихо сверкающей начищенным до зеркального блеска козырьком. Сам головной убор, если честно, у любимца Напы не вызвал восторга — уши из-за него свернулись и оказались прижатыми к голове, но зато у каски был маленький, но очень острый шип, явно способный отравить жизнь всем окружающим. Оценив будущие беды, на которые он станет способен с этакой иголкой на голове, да еще защищенный гномьей сталью, где-то к середине веселого вечера ЧБК позволил подкупить себя дозой валерьянки и все-таки примерил и каску, и «панцирь».

С четвертой попытки Черно-Белый встал на лапы и тяжело поплелся на зов временной хозяйки. По лестнице он поднимался медленно-медленно.

— Споем еще? — спросил Огги.

— Не, я — работать, — отказался гном. Головой он старался не двигать, чтоб случайно не отвалилась.

— Как это — работать? Что, ты тут еще и ночным сторожем подрабатываешь?

— Нет, я тут немножко пороха взорвал… — честно ответил Ньюф. — Пойду чинить…

И он, величественный и важный, поднялся на короткие ножки, покачиваясь, добрался до дверей кухни; на этом его везение кончилось, и он рухнул, как невысокий, но тяжелый

пенек, внутрь разгромленного помещения.

— Я тоже пойду поработаю, — расплылся в довольной улыбке Огги Рутфер. — Вот только немножко посплю, и потом пойду вас грабить.

Пелаверинец пинком отбросил лежащие вокруг перевернутые плошки, гирьки, кость от съеденного Котом окорока, шлем Ньюфуна, коллекцию разновеликих гирек, съехал на пол, положил под голову кулак, пристроил шляпу на грудь и сразу же захрапел.

Забытые на каминной полке свечи спокойно оплывали в своих глиняных чашках, мягко освещая картину последствий мирного междусобойчика.

Приблизительно час спустя одинокий робкий тускло-желтый огонек мигнул. Фитиль зашипел, заискрился; пламя последний раз дёрнулось вверх и опало. Рубиновое зернышко, чудом задержавшееся на дне заполненной растопленным воском плошки, испустило длинную струю белесого дыма, совершенно растворившегося среди подступившего сумрака ночи.

От расположенных под потолком окон по обеденной зале побежали светлые лунные тени. Отразились от блестящей стали развешенной по стенам ресторации коллекции фамильного оружия. Запутались в чреве остывшего камина.

В углах зашуршало. Огги, вольготно разлегшийся у опрокинутого стола, почмокал губами и расплылся в счастливой улыбке — ему снилось удачное ограбление. Свинка-копилка, наверное, тоже спала — по крайней мере, она не издавала привычное «хогри-хок» и не делала попыток напасть на окружающих.

Тени, разбросанные по опустевшей зале, вдруг зашевелились, и из щели в полу протиснулся маленькое черное существо. Одно, второе… Спустя несколько минут целая стайка лоснящихся черных скорпионов — маленьких, вряд ли больше четырех дюймов длиной, разбежалась по опрокинутой мебели, перевернутым столовым приборам и лежащему на полу телу Огги. Добежали и до спящего на пороге между кухней и обеденной залой гнома, но он им чем-то не понравился, и больше внимания не привлекал. Человек же скорпиончиков заинтересовал, они собрались вокруг Рутфера, заползли на грудь, простреко тали ножками у лица. Потом существа провели небольшое совещание — во всяком случае, постороннему наблюдателю, случись такой в поздний час в "Алой розе", показалось бы, что скорпионы именно совещаются. Они сошлись в круг, солидно покачивая увенчанными ядовитыми иглами

хвостами, время от времени поднимая клешни, будто хотели взять слово, выступить перед почтеннейшей публикой. Через некоторое время, возможно, придя к какому-то решению, скорпионы собрались в сложную фигуру, напоминающую взъерошенную хризантему; те членистоногие твари, которые оказались в центре, вытянулись, устремив хвосты в неведомые дали. Неожиданно по этой сложной конструкции, собравшейся на груди спящего мужчины, пробежала зеленая искра. Мелькнув, она исчезла, и даже настороженно ожидавшая очередной попытки ограбления свинка не могла понять, куда.

Впрочем, свинке до каких-то там скорпионов, по сути, не было дела.

Поэтому уверенные в своей безопасности скорпионы разбежались с сухим едва слышным шелестом по спящему пелаверинцу и начали осторожно его исследовать. То касаясь клешнями лица Огги, то заползая ему в карманы, они действовали последовательно и методично. Спустя некоторое время из кармана куртки Рутфера настойчивый скорпион выкатил скомканную бумажку, содержавшую словесное описание мэтрессы Далии и зашифрованные полуграмотными закорючками инструкции фрателлы Раддо. Членистоногие снова собрались на совещание; пошептались, построились в «хризантему» и коллективными усилиями выкинули из себя зеленую искру, улетевшую за пределы ресторации. Получив, спустя достаточно долгое время, ответ, скорпионы разбежались по щелям ресторации.

Один завис над смятым листком. Через несколько минут коряво написанные руны начали расплываться под действием прозрачной жидкости, упавшей с хвоста членистоногого. Дождавшись, когда записи превратятся в неудобочитаемое месиво, скорпион сбежал в ближайшую щель.

Еще пять самых крупных экземпляров остались на груди Огги. Пошептались, примерились и, будто по команде, одновременно вонзили переполненные ядом хвосты ему в шею.

Яд подействовал мгновенно. Вот Рутфер мирно посапывает и улыбается во сне, чуть заметно шевеля пальцами, будто пересчитывая полновесные золотые; а спустя доли секунды уже задыхается, хрипит, царапает ногтями вздувшееся горло. Мужчину выгнуло дугой, изо рта у него пошла бледно-зеленая обильная пена, глаза бедняги закатились, и в лунном свете было заметно, как быстро двигаются под сомкнутыми веками зрачки.

Тонкий, захлебывающийся звук, издаваемый Огги, перепугал скорпионов, и они окончательно скрылись в ночной полутьме.

Спустя несколько минут дыхание Рутфера стало тише,

выровнялось. Еще через десяток минут он поднялся, тяжело вздыхая, ощупывая себя и удивляясь, как это его угораздило порвать ворот рубахи. Пощупал шею, но не заметил маленьких, будто нанесенных вышивальной иглой, следов уколов; встал и, покачиваясь, отправился выполнять задуманное.

Стараясь как можно тише скрипеть ступенями деревянной лестницы, он поднялся на второй этаж и принялся методично обшаривать комнаты. Конечно, главное, найти мэтрессу Далию, которую велел разыскать господин Бонифиус, но, может быть, в этом доме найдется еще что-нибудь интересное? Оружие, развешенное в обеденной зале, говоря по чести и совести, просто замечательное, но оно ведь тяжелое. Огги и так предстояло тащить мэтрессу, так что очень хотелось обнаружить какие-нибудь вещицы мелкие по объему, но огромные по цене.

Иногда сквозь пары алкоголя, бушующие в голове доверенного человека великого предпринимателя, проскальзывали умные мысли. Например, почему он вообще решил, что мэтресса Далия найдется именно здесь? Ответ: потому, что и сторож библиотеки, и лавочник, и пара случайных студентов — все хором отвечали, что Далия живет в ресторации "Алая роза". Возражение: но видел ли вечером, выпивая с гномом, Огги эту самую мэтрессу? Ответ: какая-то девица на горизонте мелькала. В черном, значит, алхимик. А значит, она и есть мэтресса Далия.

Спустя некоторое время Огги Рутфер добрался до мансарды. Приоткрыл дверь — та была не заперта, и увидел огромный, почти в человеческий рост, сундук с откинутой крышкой. В сундуке, уютно свернувшись и положив руку под щечку, почивала бледная девушка в черной ночной сорочке, с длинными черными волосами. На легком покрывале, охраняющем девушку от сквозняков, раскинулся одоспешенный Черно-Белый Кот, похрапывающий и довольный.

Хорошо, решил Рутфер. Вот вам алхимичка, нашлась. Осталось только переправить ее в Бёфери.

Он сгреб со стола серебряные украшение, которые Джоя сняла перед сном, положил их в сундук. Туда же отправились несколько предметов, которые Огги прихватил с собой в других комнатах.

— Так, всё ли я собрал? — спросил сам себя пелаверинец. Вроде бы, всё…

Аккуратно и осторожно Рутфер закрыл крышку сундука, навесил на него замок, заботливо прокрутил ножом несколько дырочек, чтоб похищенные не задохнулись, и начал расставлять по краям сундука составные части артефакта.

За него пришлось заплатить большую часть из тех денег, которые дал хозяин Раддо, но дело того стоило. Огги поставил на каждый из четырех углов вместительного ящика бронзовый штырек, покрытый рунами, по бумажке прочитал активизирующее заклинание. После чего запрыгнул на сундук.

Из бронзовых палочек вырвались светло-голубые лучи, опутавшие переносимый груз редкой сетью; прозвучало негромкое «умф», и через несколько секунд в мансарде ресторации "Алая роза" осталось только пятно серого тумана.

На пороге между разоренной кухней и обеденным залом Ньюфун перевернулся на другой бок и продолжил выводить рулады знаменитым кордсдейловским носом. Ему снилось, что он нашел большой серебряный самородок, родня, друзья и половина клана вышли на центральную улицу Орбурна встречать героя-рудокопа и восхищаться его удачей, а свинка дяди Дюши нахально подкралась и чуть не вырвала вожделенную добычу из рук. Гном пнул нахальный артефакт, проснулся, настороженно поглядел по сторонам, не увидел ничего примечательного, поворочался, подложил под голову очередной бочонок (судя по запаху — опять с порохом. Ох, Напа, в кого ты такая запасливая?) и уснул.

III. Дорога

Пятнадцатью часами ранее
Провинция Луаз

Нарядный черный экипаж, запряженной парой вороных (одним мохнатым, и одним змеисто-изогнутым) мчался по дороге из Талерина в Луаз. Не жалея подков, он пролетал мимо крестьянских подвод, движущихся в противоположном направлении, стучал колесами мимо деревушек, украшенной полями с соломенными чучелами, грядками огородов, стадами крупного и мелкого домашнего скота, охраняемых ковыряющимися в носу подпасками. Опередил путешествующего на ослике жреца в серой, с алым кантом мантии — знаком принадлежности к адептам Асгадира Внезапного… Кучеру не требовалось погонять лошадей — оба вороных, недовольно фыркая друг на друга, неслись быстрым галопом, не щадя сил.

По сравнению с центральными областями Кавладора провинция Луаз отличалась повышенной каменистостью и выраженной холмистостью почвы, а растительность здесь предпочитала держаться земли. На степном фоне выделялись островки зеленых деревень, где ухоженные белые домики прятались под тенью садов. Вдоль тракта иногда попадались высокие конусовидные тополя, и, гораздо чаще, непролазные чащи кустарников — ирги, боярышника, дикой вишни, шиповника и ежевики. Дорога из Талерина в Луаз считалась одной из основных транспортных артерий королевства, строилась, как и многие другие важные объекты, гномами, а потому была широкой, по большей части ровной, и пользовалась у путешественников заслуженным уважением.

В этом году содержатели расположенных вдоль дороги Талерин-Луаз постоялых дворов и маленьких гостиниц спешно учили новые цифры: известие о затевающемся в Великой Пустыне соревновании магов вызвало небывалый наплыв любопытствующих. Жители северных и центральных провинций Кавладора (и не только его) — торговцы, мошенники, азартные игроки и просто алчные до новостей сплетники, — спешили добраться до Луаза, чтобы потом отправиться в путь по Караванной Тропе через горы Шумерета, или, если позволит кошелек, телепортироваться в эльджаладский Аль-Тораз, величественный город, за которым начинались придалежащие Эмирату бесконечные желтые пески.

Кто-то пользовался ажиотажем вокруг Выборов Покровителя Года как оказией навестить родню (или деловых партнеров) в

далеких южных странах. Кто-то, наивный, трепетно прижимал к груди корзинку с ненаглядным домашним питомцем, уверенный в том, что случится чудо и именно Фифи (Пушистика, Хвостика или Дружка) первой пропустят к финишу все собравшиеся в Великой Пустыне магические твари. Кто-то точно знал, что, сколько и как можно на чужой глупости заработать. Кто-то надеялся на свою удачу. Кто-то — на чужую…И все эти «кто-то», включая стайки гоблинов, которые двигались в ту сторону, где больше вероятность украсть чего-нибудь съестного, ехали в Эмират Эль-Джалад. То есть — из Талерина, Триверна, Стафодара, Чудур и прочих городов в Луаз, а дальше как получится.

Ничего удивительного, что глава Министерства Спокойствия господин Жорез Ле Пле велел подчиненным забыть об отдыхе и следить за порядком в провинции Луаз во все глаза. А если своих не хватает — срочно спросить у магов…

Талерин, Министерство Спокойствия
Инспектору Клеорну
Дорогой инспектор!

Напа аккуратно вывела обращение и задумалась, покусывая кончик пера.

Карета наехала на случайную кочку, гномка высоко подпрыгнула — всё-таки рессоры у экипажа совершенно замечательно амортизировали дорожные неожиданности, и чуть не уронила походную чернильницу.

— Напа, — укоризненно произнесла Далия.

— Ой, извини, — очнулась от размышлений гномка. — На тебя попали чернила? Сейчас, сейчас…

— Нет, пустяки, — проверила госпожа алхимик краешек своего одеяния. Зевнула, прикрыв рот ладошкой, потянулась. Достала из кармана мантии часы. — О, скоро девять. Долго же я спала…

— Да уж, — согласилась Напа и воспользовалась возможностью поворчать: — Для чего было вставать на рассвете? Можно было бы отправиться в путь после нормального завтрака, и, кстати сказать, я вообще не понимаю, нас вроде как похитили? Или все-таки нет?

Сапиенсологиня придирчиво рассматривала себя в зеркальце и, вместо того, чтобы ответить на вопрос, принялась приводить в порядок косметику и прическу. Похоже, она решительно не хотела делиться секретами. В свою очередь, Напа была исполнена надежд выяснить, как в дальнейшем будет происходить их путешествие "из пункта А в пункт Б".

Гномам ведь все равно, какой гранит грызть — натуральный или предполагаемый.

— И зачем мы вдруг опять воспользовались экипажем? — спросила Напа, уверенная, что рано или поздно Далии наскучит молчать и она проговорится, — конечно, он очень удобен, все эти подушечки, мягкие сидения, лошади, опять же, резвые… Но нас ведь вроде как похитили, точно? Или все-таки отпустили? Разве нельзя было…

Прежде, чем гномка успела сформулировать свой вопрос, мэтресса прекратила красить ресницы и достаточно решительно заявила:

— Нет, нельзя. Я тебе уже объяснила: нас должны заметить. И, в идеале, запомнить.

Маленькая гномка смущенно почесала кончик носа.

— А потом — нас опять похитят?

— Совершенно верно, — подтвердила Далия. — Очень желательно, чтобы в следующий раз это произошло при свидетелях. А пока — мы просто едем. Как ты думаешь, наш экипаж достаточно бросается в глаза?

Обе девушки выглянули в окно и внимательно осмотрели достаточно однообразный пейзаж окружающих город Луаз земель.

— Думаю, — поразмыслила гномка, — мы выделяемся на фоне местного населения, как жемчужина в тарелке манной каши. Кстати, о каше. Позавтракаем?

Далия посмотрела на часы.

— Может быть, через полчасика? Через пару лиг, если верить карте, будет постоялый двор, там можно отдохнуть и перекусить.

— Согласна. А как ты думаешь, он, — Напа указала на стенку кареты, подразумевая кучера, — еще не проголодался?

— Не думаю, а знаю, что потерпит, — успокоила подругу алхимичка. — А кому ты опять пишешь письмо?

— Инспектору Клеорну.

— Зачем? — изумилась сапиенсологиня.

— Чтоб, если вдруг до него дойдут слухи о нашем похищении, он не волновался.

— Напа, — с укоризной произнесла Далия. — Я же просила тебя — тсс! Конспирация! Видишь, я даже от мантии отказалась, чтоб не быть чересчур узнаваемой.

— Ты стала похожа на Джою, — внимательно осмотрев наряд своей научной предводительницы, заметила гномка, — Только серебряных украшений не хватает.

— Спасибо, что напомнила, — спохватилась Далия и достала из бархатной сумочки связку серебряных цепочек. — Так лучше?

— Угу.

— Как ты думаешь, а на практикующую некромантку я похожа?

Напа пожала плечами:

— Пока не попросят упокоить ожившего мертвеца или победить вампира — даже очень.

— Когда попросят — тогда и буду беспокоиться, — легкомысленно отмахнулась мэтресса. — Что это? Мы тормозим?

Она высунулась в окно, чтобы посмотреть, что происходит.

— Нас снова грабят? — запаниковала Напа, отбрасывая планшет с недописанным письмом и шаря под сидением в поисках топора.

— Сейчас выясним. Только, Напа, прошу тебя, помни — тсс! Конспирация!

Дорогой инспектор!

Далия категорически запретила мне извещать вас о том, что нас похитили. Поэтому новостей, как таковых, нет. В дороге, оказывается, если тебя не пытаются убить или ограбить, невыносимо скучно, но я терплю и не поддаюсь на провокационные предложения мэтрессы повернуть обратно. Мы и так уже далеко от Талерина уехали… Если вдруг опять повстречаюсь с криминальными элементами — обязательно извещу. Знаете, инспектор, теперь, получив соответствующий жизненный опыт, я тщательно присматриваюсь ко всем странным или даже обыкновенным гномам, человекам и кентаврам, которые вдруг предлагают подвезти нас с Далией до ближайшей гостиницы, или даже просто спрашивают, который час! Преступники от меня не уйдут, я и арбалет перезарядила, и топор наточила!

Остаюсь с уважением — Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл (кавладорская ветвь).

— Спасибо, что согласились подвезти, ваше магичество, — в шестой или седьмой раз поблагодарил господин Вормель.

— Пожалуйста, пожалуйста, — мигом отозвалась мэтресса. — Всегда так приятно поболтать с интересным собеседником! Скажите, а вы часто путешествуете в Луаз?

Маленький, степенный господин Вормель приосанился и важно произнес:

— Уже в двадцать первый раз. Или двадцать второй, я уже сбился со счета.

— Вот как? Расскажите, это безумно интересно! — предложила мэтресса с любезной улыбкой.

Вормель улыбнулся в ответ — не потому, что ему было

радостно, а потому, что немного нервничал. Во-первых, обходительная путешественница, предложившая подвезти его до ближайшего постоялого двора, явно принадлежала к магической элите королевства Ллойярд — и платье у нее было черное, строгое у ворота, зауженное в талии и расширяющееся книзу, и на шее висел целый выводок серебряных украшений, и косметикой дама пользовалась, как строительным материалом. Под слоями пудры угадывались приятные черты, но черная помада, лак на ногтях и костяной гребень в прическе, украшенный искусно вырезанными скелетами дракончиков, портили всё впечатление. Во-вторых, спутница очаровательной некромантки, гномка из клана Кордсдейл(11), судорожно вцепилась в топор и как-то очень недоверчиво косилась на самого Вормеля. Возможно, потому, что Вормель на четверть был родственником этого клана — когда-то давно его бабушка соблазнилась доходами, умениями и домовитостью кузнеца, заехавшего в Мелансон из Орбурна, а не все гномы одинаково хорошо относились к полукровкам.

Так или иначе, гномка смотрела на Вормеля с подозрением, а тот, будучи весьма мирным человеком, полностью изжившим в себе воинственность дальней подгорной родни, вздрагивал всякий раз, когда карета подскакивала на кочке, вынуждая путешественников крепче перехватывать ручную кладь. Пока гномка писала письма и тратила свои усилия, чтоб перехватывать дорожную чернильницу, было еще неплохо, но когда она закончила с эпистолярным жанром и достала из-под сидения топор и начала править лезвие…

— Расскажите, господин Вормель! — продолжила уговоры мэтресса. — Уверена, все ваши путешествия были захватывающими, интересными и волнующими! Например, скажите, вас часто грабили?

— Восемьдесят четыре раза, — грустно поведал Вормель. Все-таки некромантка выглядела гораздо менее опасной, чем гномка, поэтому путешественник повернулся к сидевшей рядом ученой барышне и продолжил: — Последние лет пятнадцать я просто перестал брать деньги в дорогу, но меня всё равно грабили. Вот в этот раз — я сразу, как только перешагнул порог гостиницы, заявил, что денег у меня нет, а счёт за услуги надо переслать в луазский банк "Подковы и Метлы", но меня все равно ограбили! Украли пояс, плащ, хорошо хоть, сапоги оставили…

Жертва преступления грустно посмотрела на свои ноги. Мэтресса сочувственно вздохнула и оставила при себе мысль, что ни одному взрослому человеку сапожки Вормеля не подойдут по размеру, а гномы любят что-нибудь покрепче, поподкованнее…

— Опасное у вас занятие, господин Вормель, очень опасное, — посочувствовала мэтресса. — А чем, кстати сказать, вы занимаетесь?

Как по волшебству — хотя, учитывая стопроцентно некромантский наряд путешественницы, возможно, именно так оно и было, — в руках барышни появился блокнот и карандаш.

— Я зарабатываю тем, что собираю новости, — поведал Вормель. — Ну, знаете, как это бывает? Что-то произошло в Анжери, что-то — в Фраскароне, а что-то в Препелье, а я езжу по королевству, слушаю и потом пересказываю.

— А у нас в Талерине, — оживилась гномка. Мэтресса громко кашлянула, и гномка тут же исправилась, — я имею в виду, в Талерине, где живет мой родственник, все новости пересказывает газета.

— "Талерин сегодня", знаю-знаю, — подтвердил Вормель. — В Анжери тоже было подобное издание, но однажды королева Сиропия рассердилась, что ее парадный портрет получился излишне длинноносым, и разогнала всех нас, я имею в виду — сочинителей… Когда я работал на "Анжерийскую розу", — с ностальгией вздохнул маленький человечек, — мне оплачивали телепорт, если, конечно, речь шла о путешествии в большие города. У нашего редактора было даже кольцо с заклинанием телепорта, чтоб домой возвращаться откуда угодно, знаете, некоторые маги специально настраивают подобные артефакты под конкретного заказчика? А теперь приходится добираться старым испытанным способом. Дорога, конечно, дольше, зато новостей больше собирается…

— Понимаю, понимаю, — поддакнула мэтресса, записывая рассказ Вормеля в блокноте.

— Значит, — нахмурилась гномка, — вы специально выискиваете чужие секреты? Вы шпион?

— И на кого работаете? — уточнила ее спутница.

— Вы меня не так поняли! — перепугался сверкнувшего топора путешественник. — Я никогда, поверьте, не интересовался чужими секретами! Наоборот, я собираю те новости, про которые и так все знают! Понимаете, оставшись не у дел, я согласился на предложение одной сочинительницы, вы наверняка о ней слышали — Фелиция Белль, известная романистка…

— Мадам Белль?! О, конечно, я о ней слышала! — вскричала мэтресса. — Так, значит, вы с ней знакомы?

— Да, — подтвердил Вормель.

— Здорово! — искренне восхитилась гномка. Атмосфера внутри экипажа сразу же потеплела, и низкорослый собиратель новостей вдруг понял, что совершенно зря боялся этой Кордсдейл

— голубые глаза юной гномки загорелись восторгом, когда она с восхищением сказала: — Я просто восторгаюсь ее книгами!

— А мне до смерти интересно, где она берет сюжеты, — улыбнулась мэтресса. — Случайно, не вы их подсказываете?

Вроде бы, в поведении ученой барышни не было явной угрозы, но стреляный воробей Вормель просто спинным мозгом почуял, что зря он сидит на расстоянии двух локтей от некромантки, заговорившей о Смерти. И панически пискнул:

— Нет! Она сама! Мадам Белль — поистине гениальная сочинительница, она может закрутить сюжет о чем угодно!

— Знаю, — ядовито согласилась мэтресса. Прошипела пару проклятий, немного успокоившись, она вернулась к блокноту: — И какие новости сейчас вы собираете для мадам Белль?

— Ну, в последнее время только и было сплетен, что про Выборы Покровителя Года. Все прикидывают шансы на успех того или иного мага. Жаль, что наш министр по Чудесам, мэтр Адам, не специалист по Призыву всяческих созданий…

— Значит, — прищурилась, размышляя о чем-то важном, мэтресса, — шансы магов Брабанса на победу невелики?

— Как это — невелики? — оскорбился за соотечественников Вормель. — Есть мэтр Панч, великий специалист в магии Крыла и Когтя, есть много друидов…

— Таких же крутых, как в Иберре? — с тонкой иронией поинтересовалась мэтресса. Брабансец вскипел:

— Что значит — в Иберре? Иберрские чудики ни на что не годятся! Да если бы не тамошние эльфийские ренегаты, которые почему-то не ушли вместе с остальными кланами в иные миры, эти так называемые «волшебники» — тьфу, плюнуть и растереть! Нет, видите ли, мэтру Пугтаклю взбрело в голову остаться в нашем мире, мэтр Аэлифарра, полукровка, туда же… — Вормель обиженно всхлипнул. — Почему бы не ввести квоту на содержание эльфийской крови в жилах волшебников?

— Многие обидятся, — мудро прокомментировала гномка. Мэтресса, аккуратно зафиксировав основную мысль душевного переживания Вормеля, продолжила расспросы, повернув дискуссию в нужное ей русло:

— А что в отношении магов Фносса? Говорят, тамошние друиды — тоже ого-го, верней, иго-го!

— Шансы на победу у фносcцев, если быть честным, достаточно неплохи, — признал собиратель новостей. — Но всё дело не только в мастерстве магов, но и в том, какое создание имеет больше шансов пересечь Великую Пустыню. Я, признаться, не представляю, как будут ползти по горячим пескам Эль-Джалада все эти розочки, клеверочки и лианы, на которые щедры

специалисты Зеленой Магии. Вот животные, или, уж не обижайтесь, ваше магичество, мертвые кости — это другое, они повыносливее будут…

— Разгул стихий ожидается?

— Элементалей Природных Начал не обещают, — покачал головой Вормель. — Разве что попадется настолько сильный маг, что наплюет на правила и запустит какой-нибудь файербол, невзирая на запреты.

— Представляешь, — подмигнула гномка своей предводительнице. — Вдруг следующий год будет годом Огненного Плевка?

— Все лучше, чем сейчас, — проворчал Вормель, — додуматься — год Черного Лебедя! В природе такого не бывает!

— А вдруг? — возразила мэтресса, но тут же возвратилась к прежней теме: — Так что насчет хозяев? Я имею в виду Кадика ибн-Самума и его учеников? Как оцениваются шансы магов Эль-Джалада?

— Ну, — до путешественника вдруг дошло, что он разговаривает с потенциальной участницей состязаний, и он взглянул на мэтрессу совершенно иначе, придирчиво и оценивающе. — О них, как и о ваших соотечественниках, много чего болтают…

— Расскажите, — с милой улыбочкой попросила ученая барышня.

— Заплатите, — с такой же улыбочкой предложил Вормель. Вернее, попытался: губы низкорослого, безобидного человечка дергались в нервической гримасе. — Я, конечно, очень благодарен вам, мэтресса, что вы меня подвезли, но не считаете же вы меня каким-нибудь тупым буренавским ослом, чтоб я выбалтывал секретные сведения за просто так!

— А сам говорил, что никаких секретов не знает! — хищно раздула ноздри огромного носа воительница из клана Кордсдейл. — Давай его зарубим? На всякий случай, а?

— Нет-нет, — отмахнулась предводительница гномки. — Никого рубить мы не будем. Пока, во всяком случае. Может быть, мы сумеем договориться с почтенным господином Вормелем?

— Тридцать золотых, — решительно потребовал Вормель. Жажда путешествовать с комфортом, или, еще лучше, отправиться в Великую Пустыню телепортом и собирать новости для мадам Фелиции, услаждая себя прохладительными напитками, съедобными яствами и нормальным ночлегом, вдруг оказалась сильнее естественного страха быть превращенным в какую-нибудь нежить.

Гномка и ученая барышня обменялись многозначительными

взглядами. Секунду спустя топор как-то очень ловко поймал на острие лучик утреннего солнышка.

— Двадцать пять, — понятливо сбросил цену собиратель новостей.

Некромантка поправила гребень и задумчиво начала крутить шнурок с драконьим клыком.

— Пятнадцать, — смутился Вормель. Сгорбился, став еще меньше ростом, поерзал на сидении, сделал попытку спрятаться за подушку: — Десять!.. Мне ж еще новый плащ покупать! А потом за телепорт до Ильсияра платить! Помилосердствуйте! Пять, и это последняя цена! Хотя бы один золотой заплатите!.. — прорыдал раздавленный тишиной Вормель.

— У меня встречное предложение, — наконец, произнесла мэтресса. — Давайте, вы расскажете нам все-все, что знаете об участниках предстоящих Выборов Покровителя Года, о том, кто еще, помимо Фелиции Белль покупает ваши услуги…

— А как вы догадались о… — и Вормель резво закрыл рот обеими маленькими ручками, испуганно подтвердив блеф мэтрессы.

— И, так и быть, можете поведать нам о том, как эта романистка придумывает сюжеты своих романов, — удовлетворенно сверкнув красивыми серыми глазами, продолжила ученая барышня. — А в ответ мы не будем применять к вам ни моей, ни ее, — кивок в сторону гномки, — магии.

Глаза у Вормеля округлились до шарообразного состояния и предприняли отчаянную попытку сорваться с привычных орбит. Он испуганно перевел взгляд со скрытого пудрой, помадой и тушью лица некромантки на носатое идеально круглое голубоглазое лицо ее помощницы.

— Вы имеете в виду, — он шумно сглотнул слюну, — магию раскаленного железа, тисков и прочего?

— О, какая у вас богатая фантазия! — проворковала мэтресса. — Позвольте вас уверить — если не расскажете, вы узнаете о способностях моей ассистентки во всех подробностях…

Вормель затрясся, сделал неуклюжую попытку выскочить из кареты на полном ходу, но потом понуро сгорбился, сдался и принялся рассказывать.

Через некоторое время, пользуясь тем, что мэтресса занята подробным допросом сборщика новостей, гномка отложила топор и вновь взялась за планшет с письмом.

П.С. Инспектор, буквально две минуты назад я получила важную конфиденциальную информацию. Возможно, что брабанскую сочинительницу Фелицию Белль побьют. Конечно,

поквитаться с ней за ее сочинения мечтают многие, не только Далия, но и Фиона, и, если верить моей маменьке, половина населения Орберийских гор, но, боюсь, на сей раз Фелиции достанется наверняка. Уж очень подозрительно Далия расспрашивает этого человечка… Хотя, может быть, ее на самом деле интересуют гонки Выборов Покровителя Года? Зачем они ей сдались?.. В любом случае — желаю побольше Спокойствия на вашей нелегкой Службе!

Н.Л.Ф. из к. К.

Остановку сделали час спустя, на развилке с указателем, предупреждающим о том, что до ближайшей деревни около семи лиг. С Вормеля, отвечающего на вопросы «некромантки», пот лил в три ручья, потому как, подробно расспросив его о котировках магов на будущих гонках, мэтресса Далия по старой сапиенсологической привычке перешла к подробному анализу устремлений Разума его, господина Вормеля из Анжери, лично.

Смущенный и перепуганный маленький человечек попросился в кустики, Напа, шокированная натурализмом просьбы, крикнула кучеру притормозить. Стоило экипажу сбросить скорость, как Вормель выскочил из кареты и устремился в колючие придорожные заросли, будто за ним гнались голодные демоны.

— Ушел, — недовольно подытожила Далия. — Надо было связывать… Что, едем дальше?

Треск веток, через которые продирался, спасаясь, господин Вормель, поспешно удалялся. Напа легко вздохнула, проводила сбежавшего сборщика новостей тоскливым взглядом и снова потянулась к планшету с бумагой, перу и чернильнице.

— Поехали! — крикнула мэтресса кучеру. Сама же Далия потянулась к корзине, в которой были сложены припасы путешественниц, достала флягу с водой и принялась избавляться от некромантского макияжа. — Кому пишешь, Напа? — спросила она примолкнувшую гномку.

— Родителям в Орбурн, — ответила Напа. — А что ты делаешь с платьем?

Легкими движениями рук Далия превращала ллойярдскую моду в брабансский стиль. Рукава — долой, вырез — глубже, пышные кружева — чтобы замаскировать небольшие издержки самодельности. Белая пудра сменилась розовой, на щеки «прилетело» несколько мушек, серебряные цепочки вернулись в сумочку, а их место заняла элегантная бархотка. За несколько минут Далия изменилась до неузнаваемости.

— Отвлекись ненадолго, — попросила алхимичка подругу. —

Тебя тоже надо как-то переодеть.

— Делать из любимой кольчуги декольте на бретельках я не позволю! — вцепилась Напа в свои одежки, — Это аморально!

— Знаю, знаю, — согласилась Далия. — Мне всегда было интересно, как это вы, гномы, не вымерли со своей чрезмерно высокой моральностью… Поэтому для тебя я придумала другой способ. Смотри.

Напа осторожно перевела взгляд на то, что мэтресса достала из корзины.

— А мне не будет слишком…э-э… жарко? — осмелилась поинтересоваться гномка.

— Можешь высунуть язык, — великодушно разрешила Далия. — Видела, как собаки делают? Действуй так же. А я иногда буду тебя поливать водичкой.

— И зачем всё это? — проворчала Напа, послушно заворачиваясь в огромную собачью шкуру.

— Я же сказала — конспирация! Нам надо доехать до Луаза так, чтоб никто не узнал. В смысле — не узнал нас, мэтрессу Далию, алхимика из Талерина и Напу Леоне из кавладорской ветви клана Кордсдейл. Мы уже побывали волшебницей из Ллойярда, путешествующей в сопровождении знакомой гномки, теперь я буду дамой из Брабанса, путешествующей с… хмм… со своей собачкой…

Дорогая маменька!

Погоды в Луазе стоят жаркие. Даже очень. Почему-то вдруг вспомнилось, как дядя Дюша двадцать лет назад ездил по делам в Охохо. Кажется, он упоминал, что во время поездки избил серебряным подносом для дичи целую стаю оборотней. Так вот, маменька, сейчас я вдруг поняла, что тот поступок нашего родственника, безусловно, мужественный и славный, являлся актом неприкрытой агрессии в адрес шерстистого меньшинства. Теперь, войдя в собачью шкуру, я отчетливо понимаю это и от души сочувствую буренавцам…

А вот Далию я понять не могу. Сначала она мрачно предрекала, что нас похитят. Похитили! И что же? Я даже не могу пересказать подробности преступления, потому как грабители, по просьбе все той же Далии, заставили меня поклясться о соблюдении конспирации. Вынуждена хранить тайну! Но совершенно не понимаю, зачем надо тащиться в Луаз. Далия, правда, объяснила, что ей надо что-то узнать про Симона Пункера, составившего указания о поиске клада Тиглатпалассара, но можно было просто телепортироваться прямо в город, а не устраивать шоу с переодеваниями на дороге!.. Тем более, что Виг предлагал… В

смысле, он предлагал прямой телепорт, а переодевается Далия сама, я ей только со шнуровкой иногда помогаю.

Меня очень беспокоят медведи. Тройной Оракул точно о них упоминал, правда, в отношении мэтрессы, но где Далия — там и я. Или Оракул какую-нибудь другую Далию имел в виду? Нет, вряд ли. Еще одного подобного моей научной предводительнице экспериментатора Вселенная не выдержит…

Приближался полдень, солнце поднялось в зенит, и лишь желтая ткань занавесок спасала пассажиров несущейся по провинции Луаз кареты от раскаленного летнего зноя.

Далия и Напа, вынужденные занять одну скамейку, сосредоточенно рассматривали попутчиков — почтенное семейство, занявшее противоположное сидение. Посмотреть было на что. Высокая худая рыжая женщина неопределенно-стервозного возраста, рядом с ней — квадратный муж, а по бокам от родителей — дети. Двенадцатилетняя девочка, такая же рыженькая, как и матушка, сосредоточенно жующая пирожки (очевидно, дитя хотело как можно больше походить на отца) и мальчик лет восьми, прижимающий к груди плетеную корзинку.

Именно мальчик, единственный из пассажиров черной кареты, испытывал от путешествия настоящее удовольствие.

— Вы правда из Брабанса? — спросил он Далию.

— Мдау, — усиленно подражая акценту господина Вормеля, ответила алхимичка. — Из Мелансона.

— А это и есть собачка породы мелансон? — восторженно подпрыгнул отрок и принялся с жадным любопытством рассматривать Напу.

Гномка, и так угнетенная жаркой, пахнущей мокрой шерстью маскировкой, растерялась. Инстинкты клана Кордсдейл подсказывали, что ее только что оскорбили, и просто заставляли врезать нахалу чем-нибудь острым по шее. С другой стороны, человеческие дети были для Напы еще большей загадкой, чем взрослые. Может, он имел в виду что-то другое?

Перехватив всполошенный, молящий взгляд ассистентки, мэтресса пустилась в объяснения:

— Собачки-мелансоны — мелкие, мой юный друг. Они беленькие, на голове у них… — Далия изобразила прическу собачки. Девочка зафыркала, давясь пирожком и смехом.

— Мелких собак я не люблю, — авторитетно высказался мальчик. — Вот буренавские волкодавы, или, допустим, орберийские овчарки…

Он мечтательно причмокнул, и Далия мигом учуяла в малолетнем сорванце богатый материал для исследований.

Достала блокнот и вытянула из прически карандаш:

— Что, хорошо разбираешься в собаках? Только в собаках, или в их родственниках тоже? Волки, оборотни, лесничие, браконьеры?..

— У меня дома живет… — начал мальчик, но строгая мать тут же напомнила ему о приличиях:

— Терри, тебе не кажется, что мадам не хочет слушать обо всех тех мерзких тварях, которых ты пытался притащить в наш дом?

— Хочет, хочет, — в один голос ответили и Терри, и Далия.

Женщина посмотрела на мужа в поисках поддержки, но тот не отреагировал: для него вся Вселенная сейчас сосредоточилась на расстоянии от бархотки "брабансской дивы" до пышных кружев ее платья.

— Да, дорогая, — привычно согласился он после того, как жена пихнула его локтем. И продолжил наблюдение за универсумом.

— Между прочим, — заметила Далия некоторое время спустя, после того, как Терри подробно изложил свои взгляды на охотничьи и сторожевые породы собак, преимущества лисиц по сравнению с хорьками (в плане скорости удушения кур) и перспективы завести волка. Хотя бы карликового, его можно держать в комоде, вместе с носками. — Между прочим, сударыня, столь онтогенетически раннее формирование сферы интересов является признаком выраженных способностей. Вдруг Терри станет магом? Представляете, сударыня, ваш сын — вдруг вырастет специалистом в магии Крыла и Когтя? Уважение, всеобщий почет, стабильные доходы…

В глазах матери семейства зажегся маленький огонек интереса. Но Терри сам все испортил. Он вскочил и, чуть пошатываясь от раскачиваний быстро мчащегося экипажа, восторженно закричал:

— Тогда я себе дракона заведу! Настоящего! Чтобы плевался на двоюродную бабушку и учителей из Ордена Акимании!..

Его сестра засмеялась сквозь пирожок, мать перепугалась, а отец на секунду отвлекся от приятного зрелища. Судя по вытянувшимся лицам родителей, они знали, что такое обещание их отпрыска — не просто слова.

Корзинка, отброшенная мальчиком, согласно тявкнула.

— Что это у тебя? — подпрыгнула мать.

— Ничего, — фальшиво ответил Терри, возвращаясь на место и прижимая плетеную ношу к груди.

— Грр-тяв! — донеслось оттуда.

— По-моему, это собака, — дипломатично заметила Напа.

Рыжая женщина выхватила корзинку из рук сына, открыла крышку, и оттуда появилась голова щенка, родителями которого, по всей вероятности, были все породы, только что упомянутые в разговоре Далии и Терри. Крупная морда с брылями, вислые уши, широкий лоб, плотная темно-серая шерсть вряд ли обеспечили бы будущему барбосу приз на конкурсе красоты, но зато энергии и азарту маленького пса можно было только завидовать.

Несколько минут Далия сосредоточенно конспектировала экспрессивный монолог попутчицы, обвиняющей сына в непослушании, безалаберности, нарушении запрета на приобретение домашних любимцев и прочих грехах. Дочка спешно уничтожала пирожки, вызывая голодную слюну у щенка и поскуливающей Напы, а квадратный муж время от времени опытно поддакивал "Ты совершенно права, дорогая".

— Ты оставишь его на первом же постоялом дворе, — сурово приказала мать в конце обвинительной речи.

— Нет! — упрямо возразил малолетний собаковод. — И не подумаю! Я с Бобби решил выиграть гонки Покровителя Года!

— Как интересно! — вскричала Далия, совершенно заглушив возмущенный вопль матери Терри. — Умоляю, посвятите меня в подробности! Как вы планируете это сделать?

— В Луазе мы воспользуемся услугами магов-телепортистов, чтобы отправиться в Перуэллу, навестить родных. И ни в какой Аль-Тораз мы не поедем! Забудь об этих несчастных гонках! — завизжала женщина. Чувствовалось, что тема обсуждается невпервые.

— А я хочу в Аль-Тораз! — топнул ножкой Терри.

— А я сейчас спрошу у отца ремень, и кто-то будет основательно наказан!

— Между прочим, — вклинилась Далия в разгорающийся семейный скандал, — выборы Покровителя Года будут проходить в Ильсияре, вернее, в Великой Пустыне, которая расположена севернее этого города.

— Хочу в Ильсияр! — тут же переменил свое решение мальчик. — Поедем туда!

— Мы с твоим отцом приказываем выбросить эту дурь о гонках из головы!

— Это не дурь, это серьезный исторический прецедент, который наверняка займет достойное место в летописях всех королевств, — возразила Далия.

Рыжая женщина смерила ее злобным взглядом.

— Представь, мама! — чувствуя поддержку со стороны "брабансской мадам" оживился Терри, — следующий год может стать годом моего Бобби! И будет удача всем, приютившим

бездомного щеночка!

— Да вас с ним просто затопчут! — перепугалась женщина, явно представившая старт разнообразных магических созданий, от Альвинары до каких-нибудь ящериц, и своего сыночку, упрашивающего бобика выйти из корзинки.

— Не волнуйся, ма. Конкурентов всегда можно отравить, — задумчиво произнесла девочка, у которой как раз закончились пирожки.

— Потрясающе! — восхитилась Далия прагматичности подрастающего поколения. — Какой яд предполагаете использовать?

— Я знаю белладонну, наперстянку, — принялась перечислять девочка, — ягоды тиса, поганки…

— Сушеные мухоморы, конопля, — подсказал сестре Терри.

— Трицена ползучая… — вдруг вспомнилось Напе.

— Остановите карету! — завизжала мать семейства. — Мы выходим!

Муж попытался возразить, что, дескать, он еще не все окраины Вселенной изучил должным образом, и вообще, топать по жаре пять лиг до ближайшего забора он не согласен, но рыжая выпихнула его, выволокла детей и сделала попытку «забыть» вислоухого Бобби в карете.

— Маленький совет по воспитанию, — Далия придержала временную попутчицу за край платья. — У некоторых детей — причем чем ребенок способнее, тем эта закономерность более выражена, — наблюдается прямая зависимость между степенью привлекательности объекта желания и усилиями, необходимыми для его обретения. Другими словами, — спохватилась сапиенсологиня и перешла с научного диалекта на обычный кавладорский, — если вас кусают пчелы, значит, они хотят спрятать от вас самый сладкий мед. Чем больше вы детям что-то запрещаете, тем крепче они убеждаются в том, что именно это «что-то» им и надо. А если запретить очень крепко, — наслаждаясь значительностью собственной речи, Далия выдержала драматическую паузу, вложила в руки матери семейства корзинку с радостно пускающим слюни щенком и сформулировала главный вывод своих наблюдений: — Отравят.

Большая остановка была сделана на постоялом дворе "Пятая подкова".

На подъезде к деревеньке, гордостью которой являлось это двухэтажное сооружение под скрипучей вывеской, путешественниц пытались ограбить. Двое бродяг голодного, растрепанного вида сидели на обочине дороги и очень

правдоподобно изображали нищих, а Напе именно у них вдруг приспичило спросить, далеко ли расположена хоть какая-нибудь гостиница. Стоило экипажу притормозить, как обнаружился третий участник шайки, прячущийся в придорожном малиннике. Мужик выскочил и перехватил лошадей под уздцы, его сообщники ломанулись в дверцы кареты. Один из грабителей как-то очень ловко зажал Напу в угол, так, что ни разбежаться для атаки, ни даже выхватить из-под сидения топор или арбалет у нее не получилось.

— Кошелек или жизнь! — потребовали разбойники.

— Вопрос поставлен не совсем корректно, — заметила Далия, раскрывая блокнот на чистой странице. — Будьте любезны уточнить, какой именно кошелек и какая именно жизнь имеются в виду.

— Твой кошелек! — заорали на мэтрессу грабители. — Или твоя жизнь!!

— Вы настаиваете именно на такой формулировке вопроса? — нахмурилась Далия. — Что у меня где-то есть кошелек, я догадываюсь…

— Где?! Где он? — нетерпеливый вор принялся осматривать внутреннее убранство кареты. Заглянул под подушки, залез под сидение и вытащил корзину, заполненную припасами для дорожной маскировки. Второй грабитель придерживал Напу. Он совершенно обоснованно подозревал, что рядом с гномами, даже с безбородыми, обязательно найдется оружие, и твердо решил помешать данной конкретной маленькой гномке добраться до заветного топорика.

— А вот насчет жизни я готова поспорить, — приготовилась к содержательному диспуту мэтресса.

— Давай деньги! — нетерпеливый достал неприятного вида нож. — Или…

— Или, — Далия решила немного ускорить объяснения. — Вы отберете мою жизнь. Понимаю. Только одна проблема: видите ли, с точки зрения некоторых религиозных Орденов, наша жизнь — лишь мимолетный полет бабочки, случайно увлеченной ураганом событий. А с точки зрения других философов, особенно сильны при этом традиции восточного мистицизма, наша жизнь, как и наша смерть — всего лишь сон демиурга, доказательство существования которого сводятся к постулатам о…

Осторожный громко, со вкусом зевнул, разбудив медленно тонущего в лекционной коме нетерпеливого.

— Ты, это, — с опаской убирая из пределов досягаемости странной путешественницы острый предмет, произнес грабитель, — можешь всё не отдавать. Нам много не надо,

скажем, два или три золотых.

— Сумма действительно невелика, — согласилась мэтресса. Как раз перед вынужденной остановкой она развлекалась обдумыванием новых способов маскировки, и теперь рассудительный, понимающий тон прекрасно подходил к бархатным мушкам, переползшим с лица на бюст, черной помаде, сиреневым ресницам, золотистым теням для век и легкомысленным фисташковым румянам. — Может быть, вы просветите меня, почему именно эта сумма кажется вам достаточной? Хотите сделать запасы на зиму? Накопить на свадьбу родственника? Выполнить какие-то обязательства, требующие солидных материальных вложений?

— Не, мы выпить хотели, — почесав в затылке, ответил осторожный. — А эта монстра, хозяйка "Пятой подковы", больше в долг не наливает.

Снаружи, со стороны где, предположительно, третий соучастник преступления угрожал дубинкой кучеру, донесся сдавленный крик.

— Не отвлекайтесь, — попросила Далия с любезной улыбкой. — Значит, "Пятая подкова" — это…

— Постоялый двор, — объяснили грабители. — Раньше им Николь одна владела, ну, конечно, у нее там штуки три помощницы на кухне крутились…

— Полин!!! — вдруг заорала Напа, память которой среагировала на словосочетание "помощницы на кухне".

Грабители вздрогнули и начали оглядываться в поисках выхода.

— Я про нее совсем забыла! — объяснила гномка для Далии. — А вдруг я опять заперла ее в морозильнике?! Надо срочно писать Ньюфуну, чтобы он ее выпустил!

— Да не волнуйся, если что, замороженной она прекрасно сохранится до нашего возвращения.

— А если нет?

— Если нет, то, поверь, трупом больше, трупом меньше — на твою дальнейшую жизнь это никак не повлияет. Господа, простите, что нас отвлекли. Я вас внимательно слушаю: значит, раньше гостиницей "Пятая подкова" владела хозяйка, а сейчас… Куда вы, господа?

Дверца кареты, наконец, поддалась совместным усилиям, распахнулась, и оба грабителя выпали наружу. Гномка, на которую отрезвляюще подействовала внезапно обретенная свобода, выхватила из-под своего сидения заряженный арбалет и бросилась в погоню за горе-налетчиками.

Далия перехватила ассистентку за шиворот.

— Напа! Ты хотела писать письмо Ньюфуну, — напомнила она. — Или на тебя жара так действует? Что-то мне кажется странным перепрыгивание твоего Разума с темы на тему.

— Прости, Далия, — покаялась Напа. — Они же сами сказали про "помощниц на кухне", я вспомнила про Полин, как я прошлый раз на два дня заперла ее в кладовке, бедняжку, а потом они же вдруг и побежали, и… Жара действительно кошмарная…

— В Великой Пустыне будет еще хуже, — мрачно предрекла алхимичка. — Может, повернем назад? Нет? Ну, как знаешь. Кстати, арбалет у тебя заряжен?

Гномка рассеянно кивнула.

— Рязряди его, — потребовала Далия. — А то получится…

Снаружи кареты послышались шаги. За дверью начал вырисовываться силуэт высоко мужчины в шляпе.

— …как в прошлый раз, — закончила фразу мэтресса, наблюдая, как выпущенный случайным движением Напы арбалетный болт сбивает с кучера шляпу.

Несчастный человек, обязавшийся сопровождать алхимических барышень в их путешествии, со вздохом поднял головной убор, осмотрел дырочку, оставленную стрелой, и спросил:

— Ну что, вы живы?

— Ага, — радостно улыбнулись обе путешественницы. — Едем дальше!

Постоялый двор "Пятая подкова" был заведением с вековой историей. Здесь издавна останавливались торговые караваны, идущие из Вечной Империи Ци в западные земли; шестьдесят лет назад здесь почти полгода прятался знаменитый бандит из Вертано Жан Д'Айк; в этом двухэтажном доме — вернее, в том здании, которое сгорело перед тем, как было возведено нынешнее строение, — во времена Луазской кампании располагался на ночлег отряд Октавио Громдевура, тогда еще не генерала и даже не лейтенанта, но погуляли ребята на славу… "Здесь был Вася", — нацарапал кто-то гвоздем на стене, и хозяйка гостиницы Николь по прозванию Кружка объявила, что оторвет руки тому идиоту, которому приспичило поупражняться в саморекламе.

Иначе говоря, место известное.

Карета проехала под аркой ворот, растрепанный подросток бросился открывать дверцы экипажа, а чуть покачивающийся солидный мужичок, выгребая солому из бороды, вышел из распахнутых дверей конюшни, чтобы помочь вознице с лошадьми.

— Мы — обедать, — важно объявила Далия, выбираясь из кареты. Твердо убежденная в необходимости конспирации, она

предстала перед обитателями "Пятой подковы" с чисто умытым лицом, стянутыми в тугой узел волосами, огромных очках в металлической оправе и черной пелерине. Накидка закрывала фигуру алхимички от шеи до середины бедер, и в сочетании с черным платьем смотрелась как наряд практикующей учительницы из Ордена Акимании Дельфийской.

Следом за мэтрессой выкатилась гномка, в такой же черной длинной пелерине. Огненно-рыжая гномка. С маленькой шелковистой бородкой цвета меди. Длинные косы апельсинового цвета спускались из-под шлема до поясного ремня.

Нет, но вы заметили, что эта гномка бородата?! Она такая симпатяга с этой рыжей полосой на подбородке!

— И лошадям пора перекусить, — ответил кучер. — У вас есть полчаса, или минут сорок…

— Лучше час, — попросила Напа. — Я уже устала сидеть… Хочется размять ноги, пройтись…

— Вы обещаете, что продержитесь час без своих обычных глупостей? — подозрительно уточнил кучер. Из-за того, что он закрывал лицо от дорожной пыли цветастым платком, голос звучал глухо и неразборчиво.

Далия фыркнула:

— Тоже мне, умник выискался… Пошли, Напа. И не трогай бороду руками, вдруг отвалится!..

Барышни прошли внутрь дома, а их сопровождающий вернулся к лошадям.

— Хорошие кони, браток, — осклабился местный конюх. Кивнул на конягу, запряженного слева: — Смотри, даже не вспотел нисколько! Второй упрел, бедняга. Шкура у него чего-то мохнатая…

Конюх сделал попытку погладить ближайшее животное, но то как-то дернулось, захрапело, да и хозяин экипажа подоспел:

— Я сам. Вы лучше не трогайте, они кусаться могут.

— Ну, сам, так сам. Мне ж забот меньше. Распрягать будешь? Надолго твои кикиморы к нам пожаловали? — конюх выудил из бороды соломину и принялся ковыряться в зубах.

Немногословный возница отрицательно покачал головой.

— Мне только напоить лошадей, и мы дальше, кхм, поедем. Где вёдра?

Конюх показал на большой каменный желоб, выполняющий при "Пятой подкове" функции водопоя.

— А где у вас можно купить молоко?

— Молоко-о? — недоверчиво протянул конюх. На его памяти большинство кучеров предпочитали напитки покрепче и попрозрачнее. — Тебе сколько? Кружку, две? Кувшин? Или флягу

наполнить?

— Мне — два ведра, — честно ответил спутник мэтрессы и ее ассистентки. Заметив изумление в глазах собеседника, он откашлялся и уточнил, что всего лишь выполняет требования владельца лошадей — тот велел поить молоком, значит, надо поить. Будут ли лошади пить или не будут, это другой вопрос, можно даже сказать — философско-онтологический…

— Ну-ну, дело, конечно, подневольное, — задумчиво согласился конюх. Потом, не спуская глаз с лошадей, махнул рукой и коротко объяснил, как найти требуемую жидкость в ближайших окрестностях.

Кони действительно были замечательные. Особенно тот, змеисто-изогнутый, который явно проделал дальний путь, по летней жаре, но не вспотел ни капельки. Воспользовавшись тем, что кучер экипажа ушел по своим делам, конюх обошел, посмотрел, оценил серебристый отлив вороной гладкой шкуры, сильные ноги, точеные копыта. Потом обошел и полюбовался на второго коня — мощный битюг, шерсть, конечно, немного странноватая, слишком длинная, с бурым отливом, но в целом коняга хороший. Сильный, выносливый…

Задумчиво прожевав соломину, конюх принял решение и поспешил к черному ходу гостиницы.

— Куда прешь, кобеляка? — неласково отреагировала на появление на кухне конюха кухарка. — Навозу приташшишь! А мне потом с пола не моги ничего в котел бросить!..

— Уймись, не до тебя! Лучше скажи, где хозяин?

— Да где и раньше, — объяснила кухарка. — Стоит у стойки, рядом с хозяйкой. Ждет, шоб кто-нить выпивку попросил. Да только никто не спрашивает. Фигу хозяин сегодня, а прибыль дождется.

— Это почему? — мимоходом полюбопытствовал конюх.

— Так ить божеские люди сегодня у нас кушать изволят, — с проникновенным, можно даже сказать — истовым видом произнесла женщина. Вареная картофелина, которую она выкладывала на большое блюдо, вдруг юркнула под стол. Кухарка подняла, поплевала и аккуратно протерла беглянку передником: — Божеские, — повторила она и понесла угощение в обеденный зал.

Конюх прошмыгнул следом.

Приблизительно полгода назад Николь-Кружка сочеталась законным браком со своим давним знакомым, Куртом, который частенько заглядывал в "Пятую подкову" на пути из Луаза или в Луаз. Родом Курт был из Пелаверино, но свою принадлежность к герцогству тщательно скрывал, потому как… Одним словом, были

причины.

Скажи путешественникам, что они оказались в гостях у предприимчивого пелаверинца — они ведь развернутся и отправятся обедать или ночевать в другое место, где народ почестнее, верно?

За полгода семейной жизни Курт начал набирать вес, и теперь, важный, задумчиво теребил второй подбородок, разглядывая собравшуюся в обеденной зале публику.

— Хозяин, — потянул Курта за рукав конюх. — Хозяин, есть дело!

— Чего тебе? — рассеянно спросил пелаверинец.

— Хозяин, ты уже видел, к нам приперлись две дамочки? Одна — акиманка в очках, а другая — гномка из Моргенштернов.

— Ну, — буркнул Курт, принимаясь протирать стаканы и кружки.

— А ты карету их видел?

— Хорошая карета, — вздохнул Курт. — Черная, лак новенький, подушки плюшевые. Только ведь белый день на дворе, увести ее по-тихому не получится.

— А коней ихних ты видел?

— Ну. Видел.

— За них полсотни дать могут, — шепотом, из уважения к возможной стоимости чужого имущества, поведал конюх. — Этот, который потощей, видать, из Эмирата, я про тамошних скакунов наслышан, ветер на скаку обгоняют; а второй — ну мощняк! Его каким-нибудь графьям Умбирадам на развод породы продать — озолотимся!

Хозяин задумался. Выглянул в окно, где объекты обсуждения потряхивали гривами, трясли головами и перебирали копытами в ожидании своего молочка, задумался.

— И карета, наверно, дорогая. Новая, ее в Вертано выгодно пристроить можно, — пробормотал Курт.

— Ты на коней посмотри! Ну красавцы ведь! Жалко отпускать!

Курт, наполнив кружку пивом из жбана, задумчиво сделал глоток.

— А где, говоришь, их кучер?

— Пошел за молоком, — не слишком внятно уточнил конюх. И, в свою очередь, поинтересовался: — А их хозяйки?

— Вон, заходят в зал; — должно быть, за время семейной жизни Курт отрастил не только брюшко и второй подбородок, но и глаза на затылке, потому как иначе заметить приближение двух посетительниц не мог. — Попрошу Николь угостить их чем-нибудь особым. Ты чего?

Воспользовавшись тем, что внимание начальства сосредоточилось на важных делах, конюх быстренько нацедил себе кружку пенного напитка и теперь торопливо, давясь и обливаясь, поглощал его.

Курт отвесил мужичку затрещину.

— Бей, ибо любой труд, даже столь приятный, угоден Степенному! — прокомментировали действие хозяина "Пятой подковы" ее посетители. Конюх и Курт недовольно покосились на оккупировавших обеденные столы святош, сосчитали потенциальных противников и обострять отношения передумали.

— Идем, подумаем, что можно сделать, — потащил Курт за собой вяло упирающегося конюха.

Как раз в это время Далию и Напу, чуть задержавшихся, чтобы посетить некое дощатое сооружение позади гостиницы, провожала к столу Николь-Кружка.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ворковала хозяйка. — Присаживайтесь. У нас заведение чинное, порядочное, вот и собратья ваши у нас обедать изволят…

Далия осмотрелась. Хотела улыбнуться покосившимся на нее посетителям, да вовремя одумалась.

— Они из какого Ордена? — строго спросила мэтресса хозяйку.

— Мегантирцы, чтоб их… — пробормотала Николь-Кружка.

— Мегантира, работника и труженика, верные сыны! — радостно добавила кухарка, щедрой рукой подкладывая вареную картошку в тарелки гостей. — Во славу его!

— Работай, работай, себя не жалей! И будешь прославлен вовеки, ей-ей! — хором подтвердили мегантирцы.

Далия и Напа уселись за предложенный столик, попросили время, чтоб обдумать заказ. Стоило Николь отойти в сторонку, как гномка тут же схватилась за подбородок. Алхимичка зашипела:

— Напа! Тсс! Брр! Фрр! То есть — фу! Короче, убери руки от подбородка! А то клей не выдержит!

— Ты приклеила мне бороду! *Бороду!* — в панике ответила гномка.

— Я не поняла, ты этим фактом восторгаешься или испугана?

— Но это же *нечестно*! Носить *фальшивую* бороду!.. — возмущалась Напа. — Гномы так *не делают*!

— Тсс! Конспирация! Ты обещала, что будешь меня слушаться, так что терпи, — поддерживая разговор с подругой, Далия осторожно оглядывалась кругом. Пересчитала поклонников Мегантира Степенного (их оказалось восемнадцать мужиков в возрасте от пятидесяти лет и старше), с

неудовольствием отметила паутину под потолком, а в углу, кажется, мелькнули тараканьи усы.

— Кушайте, кушайте! — выражала восторг и солидарность с мегантирцами кухарка. — В погребе еще свекла с прошлого урожая лежит! А в огороде редиска поспела! Накормим мы вас! Кушайте, кушайте!

— Любая еда во благо, коли заработана своим горбом, — наставительно проговорил старший из святош. — Спроси хозяйку, добрая женщина, как нам отблагодарить ее за хлеб-соль?

— А соли могло быть и побольше, — проворчал кто-то.

— Цыц! — со всего маху стукнул деревянной ложкой старший. — Работай челюстями, брат, работай!

— Может, починить что надо? — спросил еще один мегантирец — у этого крестьянина, мужчины обходительного, вежливого, борода была широкая, наполовину седая, наполовину — русая. — А то эти огороды, которые мы по пути пропалываем, нас просто задолбали…

— Смирись, брат, смирись! — не унимался старший, бодро перемелывая голыми деснами картошку.

— Давно уж смирился, — ответил обладатель пегой бороды. — Да вот ночью мне снилась гречневая каша, которую жена моя варила. Сама-то рассыпчатая, зернышко к зернышку, — я о каше, если кто не понял. Жена моя, светлая ей память, бывало, кусок маслица в кашу положит, размешает, масло тает, а каша паром так и исходит. Ну, а жена кашу — в горшок, туда же — грибы белые, жареные, да с лучком золотистым, мясца шматочек…

Энергия, вырабатываемая сейчас быстро двигающимися челюстями братии Мегантира Степенного, покровителя крестьянского труда, сравнялась по мощности с выбросом небольшого землетрясения.

— Все, значит, в горшок, перемешает хорошенько, да в печь томиться поставит…

— Работящая жена у тебя была, — вкрутился в паузу Старший. — Это хорошо, когда женщины работают!

И тут Далия поняла, что кто будет следующей темой для разговора. Та-ак…

— Вот и сестры наши, — указал Старший на скромно притихших в уголке "сестер Ордена Акимании". — Наверное, со мной согласятся!

— Согласны, согласны, — торопливо кивнула Далия. — Эй, хозяюшка… мы, кажется, готовы заказ сделать… Где она?

— Работаете ли вы с утра до ночи? — взревел Старший, не позволяя жертвам грядущей проповеди избежать своей участи. —

Болит ли у вас спина от непосильных тяжестей? Должным ли образом прикладываете вы руки свои к улучшению мира?

— Да! — честно ответила Напа.

Во взгляде, которым мегантирец смерил маленькую гномку, можно было заметить легкий оттенок одобрения.

— А ты, дочь моя? — обратился он к Далии.

— Ну, — попыталась соврать мэтресса. Перехватила чистый взгляд ассистентки, и чуть замялась. Жрец, опытный в уличении чужих грехов, тут же предпринял попытку наступления:

— Что, грешница, ты позволяешь себе спать до обеда?! Что, заблудшая твоя душа, небось, питаешься белым хлебом да ворованным у пчел медом?! Ты мозоля, мозоля нам свои покажи, беспутная лентяйка!

Кто-то из крестьян, последователей Мегантира, смотрел на Далию с оттенком сочувствия — должно быть, знали, как любит их предводитель морально издеваться над "тунеядцами и бездельниками". Но большинство смотрело хмуро, постепенно понимая, что ткань «рясы» сестры слишком хороша, чтобы носить такой наряд в огороде, что белое личико не сохранить, пропалывая по пятнадцать грядок в день, что настоящей, порядочной работящей девушке положено с утра до вечера накачивать мускулатуру, орудуя маслобойкой, или, на худой конец, полоща белье в ближайшей проруби…

— Вы что, — завопила Далия, сама не замечая, как вскочила на стул. — Хотите сказать, что я не работаю?! Да я с утра до вечера, как какая-нибудь цинская рабыня, пашу! учу этих недорослей! Вбиваю в их головы азы наук!

Поднялся небольшой гул. Всем известно, что кентавресса Акимания Дельфийская прославилась тем, что сумела научить рунному алфавиту жителей десятка деревень в королевстве Фносс, боевую дружину викингов, около сотни гномов из Илюмских гор, и даже одного дракона. Правда, потом дракон учительницу съел…

Конечно, с полноценным крестьянским трудом жертвы и подвиги Акимании и рядом не стояли, но подавляющее большинство мегантирцев, в силу возраста, прекрасно знали, чего стоит заставить непослушное чадо учить руны и циферки, а потому отнеслись к признанию «акиманки» с пониманием и сочувствием.

— Пороть их надо! — поддержал Далию кто-то. — С поркой учение лучше идет!

— А порка — это тоже работа, — наставительно поднял палец другой. — А значит, грешить, дочь наша, будешь меньше!..

Голос Далии потерялся в шуме:

— Да я с таким усердием лекции выговариваю, что у меня потом щеки болят! Голос трижды в год теряю! От сидения в библиотеке глаза слезятся!.. А если…

— Тише, — шикнула Напа на разбушевавшуюся алхимичку: — Не вздумай говорить, как ты экономишь на одежде и украшениях, чтоб купить очередную книгу — не поймут.

Переведя дух, мэтресса опустилась на стул:

— Откуда такие познания в религии людей, Напа?

— Они же следуют по пути Мегантира Степенного, — пожав плечами, объяснила гномка. — Тот считал, что чем больше работает человек, тем лучше. И пытался, как мне бабушка рассказывала, прибиться к гномам. Дескать, мы тоже всегда трудимся и очень уважаем свою работу. Вот только Мегантир считал, что нельзя ни обменивать результаты своего труда на деньги, ни получать вознаграждение за интеллектуальные и физические усилия…

В сердце Далии шевельнулось сострадание ко всем этим жилистым, бородатым мужикам, одетым в коричневые домотканые рубахи и штаны и самодельные лапти.

— Их можно как-нибудь спасти? — с сомнением спросила алхимичка и потянулась к спрятанному в кармане юбки блокноту.

— Успеешь? — спросила Напа. — Мы через пятнадцать минут поедем дальше. Давай, что ли, действительно пообедаем…

Услышав посетительницу, подбежала Николь-Кружка:

— Чего уважаемые барышни изволят? Есть мясной суп, пирог с курятиной и пирог с грибами, клубника со сливками, вертуны сладкие, вертуны сытные…

— Вертуны — это такие блинчики с начинкой, — объяснила Напа Далии. — Очень вкусные. Мне, пожалуйста…

— Вы что, их *мясом* кормить собираетесь? — страшным голосом закричал подслушавший чужой разговор Старший.

— Они едят мясо, если только сами его ловят, — прокомментировала Напа, великий знаток человеческих безумств. — А иначе оно считается не заработанным. Собственно, они вообще едят или то, что сами сготовили, или что отработали честным трудовым потом…

— Я буду вареное яйцо, — громко объявила Далия, отчаянно подмигивая и гномке, и хозяйке гостиницы. — Мы нашли гнездо у дороги. И нам пришлось изрядно потрудиться, прежде чем мы его отыскали!

— Перепелка сбежала при нашем появлении, — догадалась, чего от нее хотят, Напа.

Лицо Николь вытянулось. Муж просил подсыпать дамочкам снотворное, но как этот фокус проделать с вареным яйцом, она не

представляла.

— Может, вы будете пиво?

— Нет, — хором возразили Напа и все мегантирцы. По лицам крестьян было видно, как они страдают.

А юная Кордсдейл, примерившая парик цветов клана ее жениха, наоборот, ответила совершенно искренне:

— Чтобы я пила пиво, сваренное людьми? Не дождутся!

Тем временем во дворе, где отдыхали после долгого перегона замечательные кони путешественниц, назревало преступление.

Конюх и хозяин постоялого двора примеривались, как бы свести лошадей так, чтоб кучер не заметил. Кстати, где он?

Увидев, как парень с завязанным цветастым платком лицом возвращается, нагруженный двумя ведрами молока, конокрады совершили тактическое отступление — спрятались в конюшне.

— Он действительно поит лошадей молоком? — на всякий случай уточнил Курт. — Или Николь меня подпоила паленым самогоном?

— А что, у тебя и самогон имеется? Гномий, или у старухи Шарлотты купил? — облизнулся конюх. Потом опомнился, взял себя в руки и, выдавая себя за умного, объяснил, что так парню велел владелец лошадей. Вряд ли простой человек — обычный, законопослушный трудяга такую великолепную пару скакунов не купит. Значит, или родовой дворянин, или разбогатевший маг, или какой-нибудь вор… Украсть у любого из перечисленных богатеев хоть швейную иглу — благое дело! Может, перевоспитается и честнее станет?

Кучер, не подозревая, что за каждым его шагом установлено пристальное наблюдение, оглянулся по сторонам, не заметил ничего подозрительного, достал из сумки, спрятанной под козлами, две склянки. Содержимое одной из них было до странности похоже на свежий липовый мёд, а вторая…

— Что за красная жидкость? — не понял Курт. — Если бы я не знал, что он везет сушеных селёдок из Ордена Акимании, подумал бы, что он поит их кровью, как какого-нибудь вампира с Даца.

— Хозяин! Я понял! — в экстазе завопил конюх. — Это какая-то магия! Посмотрите!

И действительно, отведав молока с секретными добавками (бурый — с медом, а извилисто-змеевидный — предположительно, с кровью), кони буквально на глазах стали еще более бодрыми, задышали легко, с энтузиазмом, как вышедшие на старт борзые, шерсть их заблестела на солнце, выдавая прекрасное самочувствие…

— Надо брать, — решился Курт. Он уже понял, что, продав секрет таинственного допинга, сможет кардинально изменить расстановку сил на бегах рысаков в Вертано. А чем демоны не шутят — может, стоит рискнуть и поучаствовать в Выборах Покровителя Года? — Держи лошадей и спокойно, как ни в чем не бывало, заводи их в конюшню.

— А он? — показал конюх на парня.

— Я с ним разберусь, — сжал Курт кулаки. — Эй, любезный! — крикнул хозяин гостиницы, выходя на дневной свет. — Любезный! Как вас там…

— Что-то случилось? — вежливо ответил кучер.

— Зайдите, пожалуйста, в конюшню.

— Зачем? — переспросил парень, закашлявшись в свой цветастый платок.

— Вас там спрашивает… ну, ваша хозяйка там спрашивает, — несколько коряво объяснил Курт.

Парень оставил лошадей наслаждаться напитком, поправил шляпу и пошел вслед за хозяином гостиницы в темноту сарая.

"Справится ли Курт?" — вдруг подумал конюх. Парень был высокий, молодой, сразу видно, силушкой не обижен. Но сомнения тут же развеялись: хозяин "Пятой подковы" тоже был малый не промах, он на себе Николь-Кружку женил, а это, знаете ли, подвиг не из простых…

Представив себе, какой его ожидает ужин, если сделка окажется удачной и хозяин решит поблагодарить верного помощника, конюх прошелся к лошадушкам, еще раз оглядел их стати и вздохнул от восхищения. Полсотни золотых монет за пару точно можно получить, а если получится поторговаться…

В этот момент конюх, продолжающий наблюдать за тем, как кони, опустив морды, пьют молочко, уловил какую-то неправильность, неточность, странность в поведении животных. Обычные, вроде, кони, ну да, красивые… Нет, померещилось…

А хороши, собаки! — подумал мужичонка. И на всякий случай решил проверить, а как у коняг с возрастом, здоровьем и зубами, для чего подошел к мохнатику, поднял его большую голову и ловко раскрыл пасть.

Увидел зубы. Замечательные, здоровые зубы. Очень острые, прямо как у волка или медведя. Плюс огромные, выделяющиеся по размеру и расположению клыки.

Одним словом, совершенно не лошадиные.

Конюх застыл, чувствуя, как к горлу подступил горький ком. То ли на солнце перегрелся, то ли пиво у хозяйки действительно того…

На всякий случай мужичок посмотрел в пасть «коню» снова.

Осторожно убрал руки и отошел на полшага. Ему показалось, или мохнатик действительно смотрит на него и улыбается наглой лошадиной мордой?

Тут второй, извилисто-змеевидный, с серебристым отливом коняга оставил ведро в покое, поднял голову, посмотрел на человека и облизнулся. Длинным, раздвоенным змеиным языком.

— Ой! Мамочки! — ойкнул конюх и бросился наутек. — Хозяин! Хозяин! — заверещал он, врываясь в сарай.

— Он это… отдохнуть прилег, — невнятно пробормотал парень, прикрывая лицо. — Помоги ему.

Конюх бросился к сваленному у стены стожку, на котором лежал Курт.

— Хозяин, вы живы? Ой, хозяин! Я вам сейчас такое расскажу — вы просто умрете от ужаса!

На лице пелаверинца расплывался огромный кровоподтек; стоило конюху чуть приподнять голову хозяина гостиницы, как тот отозвался душераздирающим стоном.

— Я отведу вас к Николь, хозяин, — пообещал конюх. — Она мне наверняка за хлопоты кружечку нальет…

А кучер, не тратя времени понапрасну, уже отогнал карету к воротам.

— Где они? — проворчал он, оглядываясь в поисках своих пассажирок. — Что Далия опять учудила? Будет ругаться — скажу, что она наконец-то угадала с переодеванием и в памяти местного населения останется как «кикимора». Так ей и надо, — пробормотал кучер, входя в гостиницу.

В обеденном зале уже не обедали. Адепты Мегантира Степенного стояли, повернувшись к забравшейся на стол Далии, которая, размахивая вареным яйцом, громко скандировала:

— Посей сейчас, чтобы выросло позже! Даешь труды на ниве общественного образования! Пожни плоды Разума в макроэргическом пространстве реальности! Даешь преодоление трудностей и открытие тайн множественной Вселенной!

— Ее ведь когда-нибудь побьют, — печально вздохнул рыцарь дальней дороги. Однако по странному стечению обстоятельств желание причинить «акиманке» физический ущерб изъявлял лишь бывший старшина крестьян-мегантирцев. После каждого озвученного звонким голосом ученой барышни лозунга он задумчиво душил деревянную ложку.

А остальные посетители "Пятой подковы" слушали с большим одобрением. В том числе и Николь, и…

— Свободу работникам кухни! — вдруг закричала, забираясь на другой стол, кухарка.

Далия хотела возмутиться, что ее перебивают, но

протолкавшийся через ряды агитируемых слушателей кучер решительно сгреб ее в охапку и понес к выходу. Напа, суетливо извиняясь, пробралась следом.

— Позор дар-ррмоедам! — взывала кухарка. Ее речь сопровождалась бурными аплодисментами.

Появление в обеденной зале избитого Курта и перепуганного, подпрыгивающего конюха имело очень странные последствия: Николь вдруг поняла, что, пока она в поте лица старается усыпить и обобрать путешественниц, ненаглядный супруг квасит на пару с корешем. Хозяйка "Пятой подковы" прилюдно закатила Курту затрещину, конюху пообещала семь казней пентийских(12), и, полная чувства духовного родства с последователями Мегантира Степенного, принялась потчевать дорогих гостей пирогами и разносолами…

Правда, ни Далия, ни Напа, ни их верный спутник этого торжества внезапно просветлившихся душ не застали. Черная карета, запряженная черными… хмм… по количеству ног, форме туловища и функциональному назначению — все-таки лошадьми, спешила в Луаз.

5-й день месяца Барса, ближе к вечеру

Луаз

Город, возведенный в центре каменистой равнины, у быстрой маленькой речушки, поражал своим великолепием. Старая часть города, крепость, возведенная в давние времена и сохранившаяся благодаря могущественному волшебству, возвышалась на небольшом пригорке; по кругу от нее располагался Новый Город — жилища именитых дворян, зажиточных купцов, городская ратуша и прочая привилегированная недвижимость. Стену, когда-то защищавшую Новый Город, снесли после того, как Луаз был завоеван Лорадом Восьмым — разобрать остатки оказалось дешевле, чем пытаться отремонтировать. Поэтому граница между собственно городом и предместьями, заселенными ремесленниками и горожанами попроще, была неявной, затертой. А роль городских укреплений сейчас выполнял насыпной вал, украшенный то здесь, то там табличками: "Здесь будет крепостная стена. Внеси посильный вклад в ее возведение!" Судя по тому, насколько выгорела надпись, или жители Луаза задумали строительство стены высотой и протяженностью в Шан-Тяйский Хребет, или все-таки решили обойтись без оборонительных сооружений…

Правда, ворота были. Величественная каменная арка возвышалась среди новых домишек, а торговцы цветами использовали ее в качестве опоры для своего товара.

Заплатив небольшую пошлину и предъявив подорожную грамоту, подозрительно не похожую на ту, что демонстрировалась на выезде из Талерина, путешественницы въехали в столицу восточной провинции Кавладора.

После краткого знакомства с историей войн последнего царствования у Напы Леоне сформировалось твердое убеждение, что жители мятежного города, попытавшегося объявить о своей независимости и выйти из-под власти династии Каваладо, должны испытывать стыд, или хотя бы неловкость за свой самоуправный поступок. Да, позиция горожан понятна, Ранну Четвертому Сонному не следовало злоупотреблять своим королевским статусом и проигрывать провинцию Луаз пелаверинскому герцогу Роберто Третьему(13) в карты. Но короли Кавладора — думала Напа, — так извинялись! Ведь можно было их простить!

Вместо этого спор о том, кому принадлежит Луаз и ближайшие земли, Пелаверино или Кавладору, дошел до логического абсурда; а уже с абсурдом справился Лорад Восьмой, решительно завоевавший Луаз — фактически у себя самого, и положивший конец всяким там попыткам сепаратизма.

В свое время Напа слышала рассказы о Луазской Кампании и от родственников, которые продавали оружие и доспехи обеим враждующим армиям, и от непосредственных участников событий — в частности, ветеранов партизанских отрядов гномов провинции Триверн; да и Фиона, помнившая прошедшую войну по рассказам отца, много подробностей поведала… Маленькая гномка внутренне была готова к тому, что в Луазе ей придется проявлять чуткость, тактичность и сдержанность, чтобы лишним словом или намеком не напомнить горожанам о гражданском конфликте тридцатилетней давности.

Вместо этого, к откровенному ужасу юной Кордсдейл, буквально на каждом шагу попадались свидетельства прошедшей войны.

"Здесь стояла правая нога короля Лорада VIII, когда он командовал штурмом Луаза," — прочитала гномка на бронзовой табличке, утопленной в мостовой. "На этом месте располагалась батарея бомбард, залп которой едва не оторвал королю Лораду VIII голову", — памятная доска у основания дома. "Купите на память о визите в наш замечательный город стрелу, которая чуть не изменила исход Осады Луаза!" — зазывал уличный торговец. Аргумент, что "это не кузнец выпил лишнего, а предыдущий владелец выщербил меч, воюя за Луаз", был самым частым в оружейных рядах. "Персонал одобрен *ским полком", — прочитала Напа на двери какого-то заведения, но Далия почему-

то напрочь отказалась объяснять, услуги какого рода привели в восторг бравых вояк.

А в остальном город Напе понравился. Конечно, не родной Орбурн, где на каждом углу стучит кузнечный молот, но тоже неплохо. Улицы, опять же, широкие, — заметила гномка. Чтоб проехать по этим улицам, карету не приходится разбирать на половинки…

Оставив лошадей и экипаж на попечение их молчаливого надежного спутника, Далия вместе с Напой отправились "разведывать что-нибудь относительно Симона Пункера", как выразилась мэтресса. Правда, госпожа алхимик не стала ни искать родственников старика Пункера, ни объяснять им, что тот первую половину жизни был дипломированным историком, виднейшим специалистом по Империи Гиджа-Пент.

Вместо этого Далия и Напа прогулялись по кварталу, в котором продавали золото, серебро и антиквариат, перекусили в трактире, хозяин которого, по слухам, играл с покойным мэтром Симоном в "Короля и Звездочета" каждую субботу в течение тридцати лет. Наслаждаясь мороженым с миндальной крошкой и прохладной тенью, дарованной диким виноградом, Напа с любопытством рассматривала жителей Луаза.

Рядом, на улице, голосили под гитару три бродячих менестреля. Бездомные кошки грелись, распластавшись на мостовой. Важный маг телепортировался прямо перед ювелирной лавкой, и выходящий приказчик стукнул его открывшейся дверью. "Так ему и надо," — решила гномка. Конечно, судя по обилию золотых украшений на шее, пальцах, запястьях, ушах (даже в носу у мага покачивалась серьга с рубином!) как покупатель волшебник был неплох, но, право слово, для истинного гнома не всё измеряется выгодой. Есть еще и чувство прекрасного, чувство камня — хотя, если честно, для подземных жителей это одно и то же… Есть еще и наслаждение победой, чувство гордости за хорошо сделанную работу…

По увитой виноградом террасе, где отдыхали Далия и Напа, прошли новые посетители — сухой, желчный старичок, судя по всему — давний приятель хозяина трактира; два важных гнома из шан-тяйских Анкенштреков, обсуждающих луазские цены на металл, симпатичная темноволосая девушка в платье по иберрской моде, заказавшая плотный полдник, шумное семейство, набросившееся на местное мороженое, как на последнюю надежду…

— Сударыни! — вскричал, поднимаясь на террасу, еще один посетитель. — Только сегодня и только для вас — я могу предсказать судьбу всего за пару серебряных монет!

Судя по красному носу и потертому виду «предсказателя», лучше всего ему удавалось предвидеть дармовую выпивку. Почему-то в Далии он заподозрил легкую добычу — честное слово, виной тому было розовое шелковое платье, которая мэтресса одолжила на время поездки у Изольды, — и двинулся на путешественниц с целеустремленностью эльфийской стрелы.

— Окажется ли удачным наше предприятие? — сразу задала вопрос Напа.

Предсказатель картинно нахмурился, взял гномку за руку и принялся изучать линии ладони.

Далия фыркнула и уточнила, имеется ли у господина волшебника лицензия на оказание магических услуг.

— Имеется, имеется, — задумчиво пробормотал «ясновидец». — Мантию я давно пропил, а вот лицензия именная, так просто ее не пристроишь… Значит, — спохватился он и начал старательно изображать титаническое напряжение магических сил. — Увенчается ли успехом ваше предприятие? Хмм… Вижу темные силы! Вижу препятствия! По Караванной Тропе поедете в Эмират? — уточнил он.

— Нет, — ответила Напа.

— Да, — перебила ее Далия.

— Опасайтесь засады! Вижу стрелков, засевших за каменной грядой! Вижу ползучих гадов и злых остроухих эльфов!.. хмм, а эльфы-то откуда взялись? — удивился собственным словам предсказатель.

— Напа, все эти беды я тебе уже предсказала, — заворчала Далия. — Между прочим, абсолютно бесплатно.

«Ясновидец» улыбнулся не распознанной им алхимичке с выражением явного превосходства:

— Между прочим, милая барышня, одной из причин, по которой ваше предприятие находится под угрозой, является то, что вас — лично вас, — кто-то недавно проклял.

— Фе, — фыркнула Далия. Правда, не слишком уверенно. — Подумаешь…

— А кто проклял? — заинтересовалась Напа.

— Сейчас, сейчас сконцентрируюсь, — нахмурился волшебник. — Сейчас, сейчас… Какая-то ведьма…

— Хотя бы — за что ее прокляли? — спросила гномка, доставая из недр своего одеяния три серебряные монеты. — Вы можете сказать?

— Сейчас, сейчас я скажу имя… — театральным жестом закрыл глаза предсказатель.

— А ну, пошел вон отсюда! — закричал подошедший к столику хозяин заведения. — Ишь, выискался специалист! А вы

поберегите деньги, сударыня, он вас дурит!

— Обманывает? — перепугалась Напа. Далия не упустила шанс объявить, что "так она и знала!" — Он не волшебник?

— В том-то и дело, что да, — разгневанный трактирщик поднял мошенника за шиворот и потащил к выходу. — Но только он не будущее предсказывает…

— Предсказываю! Предсказываю я будущее! — попытался оправдаться пойманный с поличным бедняга.

— Ничего он не предсказывает, он мысли ваши, сударыня, читает! Я тебе говорил, чтобы ты не смел появляться в моем трактире? Говорил, или нет? — громовым голосом заорал трактирщик, замахиваясь полотенцем. — Я на тебя в Городской Совет пожалуюсь! Жалобу в Министерство Чудес напишу! Пошел вон отсюда! Пошел, пока я стражу не вызвал!..

Менестрели поддержали выволочку бодрым свистом, а сонные кошки не сочли нужным даже открыть глаза.

— Подумаешь! Не очень-то и хотелось обедать в твоей вонючей забегаловке! — отойдя на противоположную сторону улицы, крикнул разоблаченный обманщик. Нахохлился и поспешил уйти из поля зрения рассерженного хозяина заведения.

Далия проводила его пристальным взглядом.

— А вот подобных эксцессов мой план не предусматривал. Ты закончила с мороженым, Напа? Кажется, нам пора отправляться дальше.

— Я хотела спросить у здешнего повара пару рецептов. Знаешь, соус к жареной дичи я готовлю немного иначе, и хотелось бы…

— Спросишь на обратном пути! — решительно отрубила Далия. Гномка обиделась: с трактирщиком мэтресса разговаривала совершенно иначе, была прямо-таки нежным кленовым сиропом. Должно быть, проклятие испортило алхимичке характер, решила Напа и поспешила следом.

Минуту спустя расплатилась за еду и исчезла с увитой виноградом террасы тихая незаметная темноволосая девушка в светлом платье по моде Аль-Миридо.

Лек-Притворщик не стал спорить с разгорячившимся тракщирщиком. Не по чину магу, пусть даже мелкому, прилюдно выяснять отношения с каким-то разжиревшим повелителем котлет и жареных кур. Он повернулся и пошел прочь, стараясь выглядеть поникшим и опечаленным.

Однако в глубине души Лек вопил от восторга. Удача! Какая удача! И даже больше — две удачи в течение одного дня!

Не напрасно он страдал все эти годы — Судьба просто

выбирала момент, чтоб преподнести телепату-неудачнику неожиданный сюрприз. Он, Лек-Притворщик, чьих способностей едва хватало дурить головы заезжим крестьянкам, стал обладателем тайны, великой тайны, тайны великолепной, захватывающей, сногсшибательной…

Лек на секунду остановился, перевести дух и сделать глоточек из маленькой фляжки. Так, ничего не забыл? Образы, подсмотренные в памяти простодушной гномки, ярко заполыхали перед внутренним взором горе-волшебника золотыми грудами. Если честно, «подслушанная» с помощью телепатии информация грешила массой неточностей: гномку явно больше интересовали пески, глина и камни, которые придется перевернуть, чтоб добраться до сокровища, плюс точное местоположение клада, скорее всего, сама гномка представляла достаточно смутно. Но клад был! Точно! Никаких сомнений! Занесенный песками Великой Пустыни клад царя Тигла-чего-то-там!

Так, сделал еще один глоток Лек-Притворщик. Теперь надо решить, кому продать эту замечательную информацию. Конечно же, — пришел ответ во время следующего глотка, — Иллариану! Говорят, у старого распутника полно друзей в Пелаверино, он наверняка сумеет и организовать поиски, и добыть сокровище, и даже отбрехаться от жадных эльджаладцев, буде они воспрепятствуют вывозу ценностей из их пустыни… Но ведь тогда придется делиться, вдруг понял Лек. Может, рискнуть самому? А что, дело нехитрое. Собрать команду, в пять-шесть доверенных человек. Нанять двух или трех троллей, чтоб защищали кладоискателей по дороге. При такой организации поисков Лек получит бо́льшую часть найденных сокровищ. А потом…

При мысли о несметном богатстве, достойном королей, на душе Лека-Притворщика потеплело.

Прохожие шли по улице и временами оборачивались на застывшего с блаженной пьяненькой улыбкой потасканного неудачника.

Кто-то задел Лека и чуть не сшиб с ног. Притворщик очнулся от приятных дум и с неудовольствием понял, что сочиненный план потребует существенных материальных затрат. Где бы взять деньжат на первые расходы?

И снова Лек-Притворщик вспомнил о мэтре Илляриане. Собственно, ведь первая удача, которую Лек «встретил» за полчаса до судьбоносной встречи с гномкой, тоже имела отношение к известному в Луазе торговцу артефактами: прогуливаясь мимо станции магов-телепортистов, Притворщик почувствовал ауру сложного, сильного магического предмета. Долго приглядывался, «принюхивался», выражаясь

профессиональным сленгом, к суетящимся на станции путешественникам. Потом пошел за невысокой, изящной темноволосой девушкой в светлом платье, сшитом по моде Иберры, пытаясь выяснить, почему от нее фонит Силой. Потом сообразил — где-то под одеждой у незнакомки спрятан артефакт, но что это за вещь, какими качествами обладает, Лек так и не догадался.

В этом не было ничего необычного — уверенный в своих способностях задурить голову любой крестьянке, Лек в годы давно прошедшей молодости не налегал на учение. Но вот что действительно было загадкой — то, что телепат не смог уловить ни одной мысли незнакомки. Постоянно мешал ментальный шум, издаваемый мельтешащими по улицам горожанами. Нонсенс! Загадка! Он ведь действительно неплохой телепат! Потому-то Лек и поднялся на террасу трактира — хотел незаметно приблизиться к таинственной девушке, подслушать мысли с меньшего расстояния.

Может, ее загадочный артефакт был рассчитан именно на то, чтобы оберегать свою хозяйку от магического подслушивания?

Надо вернуться, выяснить, куда она направляется, — принял решение Лек-Притворщик. Пойти следом, потом продать наводочку на магическую вещицу Иллариану, на купленные деньги собрать экспедицию, тихо-мирно выкопать клад, а потом жить, долго и счастливо, в собственном замке, где подвалы будут забиты мешками с золотом и бочками с лучшим вином с виноградников Триверна, Химериады и Сан-Тиерры.

Он повернул обратно к трактиру. И — вот она, третья улыбка госпожи Удачи! — увидел изящную фигурку темноволосой девушки. Иберрская красавица как раз свернула в темный, безлюдный переулок. "Не знает, бедняжка," — нервно облизнулся Лек, — "Что в таких переулках, где высокие стены закрывают солнце и глушат любой звук, грабить — милое дело. Надеюсь, артефакт не предупреждает о злых намерениях окружающих? И не удесятеряет силы носителя?"

Лек догнал незнакомку в самой середине переулка.

Она повернулась на звук его шагов. На симпатичном большеглазом личике читались испуг и растерянность.

— Сударыня, — откашлявшись, сказал Лек, приближаясь и пытаясь угадать, где незнакомка прячет свое сокровище. На шее? Платье с глухим воротом, так что — может быть. Или на груди? Вон как прижала руку к сердцу. — Могу вам чем-нибудь помочь?

— Я заблудилась, — прошептала девушка.

— Давайте, я провожу вас, — он подал ей руку.

Легкое ментальное усилие, чтобы «прочитать» жертву, и…

Что?!

Лек-Притворщик хотел закричать, но всего лишь всхлипнул. Подавился собственным криком, отшатнулся, сделал два неверных шага и тяжело рухнул на мостовую.

Осторожно подобрав юбки светлого платья, девушка наклонилась над умирающим волшебником. Решительно выдернула у него из сердца невзрачный стилет, посмотрела, как толчками выливается из раны темная кровь, и, убедившись, что всё кончено, ушла.

До телепортационной станции, совмещенной с большой стоянкой наемных карет, нужно было пройти всего пару кварталов, так что очень скоро Напа и Далия снова усаживались в свой комфортабельный экипаж.

— Мы взяли тебе бутылочку тривернского вина, пирожков и половину цыпленка. Поешь в дороге, — заботливо сказала гномка кучеру.

— Спасибо, Напа, — ответил парень, явно тронутый вниманием.

Далия нервно оглядывалась по сторонам.

— Ты успел покормить живность? — спросила мэтресса у кучера.

— Покормить-то покормил, только, боюсь, заклинание уже начало рассеиваться. К утру от наших «скакунов» останутся лишь счастливые воспоминания. Так что — поехали скорее. Садись в карету. Тебе помочь?

— Сейчас, — отмахнулась алхимичка, напряженно о чем-то размышляя.

— Что?

— То есть? Что означает твое «что»?

— Мое «что» означает, что я хочу знать, чем вызван твой перепугано-злоумышляющий вид. Давай, рассказывай. Неужели ты снова впуталась в неприятности?

— Почему сразу «снова»? Почему что ты, что Напа, постоянно считаете, что я только и делаю, что нахожу проблемы на свою несчастную голову? Между прочим, если бы не ты, твои ненормальные тетки, твои дурочки-кузиночки и псих работодатель, если бы не Напина упертость, твердолобость и желание чего-нибудь покопать, я жила бы спокойную жизнь! Сидела в библиотеке и читала книжки!

Парень благоразумно промолчал, вытер цветастым платком пот, выступивший на лбу, поправил шляпу, чтоб лучше затеняла лицо, подождал, и на шестидесятой секунде тишины Далия, наконец, справилась с раздражением и выдала важную

информацию:

— Сейчас в трактире какой-то местный хмырь подкатил к Напе, вроде как хотел предсказать, будет ли успешным наше предприятие. Но потом выяснилось, что хмырь — телепат, и я боюсь, что он мог залезть Напе в голову. Мог ли он за несколько минут разговора прочитать ее мысли? Как думаешь?

— Кажется, у нас нет амулетов, защищающих от ментального сканирования, — нахмурился парень. Он снова замотал платком лицо, готовясь встречать клубы дорожной пыли, и его голос звучал очень тихо. — Да с гномами это и не требуется — с ними магия Четвертого Шага практически не работает.

— Маги не могут навязывать гномам свою волю. А прочесть воспоминания, или, как в данном случае, «услышать» назойливую идею — вполне возможно. Мне Лотринаэн в свое время проговорился, — объяснила Далия. Посмотрела на своего спутника с нетерпеливым ожиданием. — Ну, давай, придумывай что-нибудь! Надо как-то отреагировать на возможную опасность!

— Что я могу придумать? Поехали отсюда быстрее, это единственное, что я могу предложить!

— Уехать — мало. Надо что-нибудь сделать, что-нибудь этакое, чтобы наш отъезд запомнился! Придумала! — вскрикнула Далия. — Давай, ты взорвешь что-нибудь! А я закричу, что это сделал ты и вроде как брошусь за тобой в погоню!

— О, боги! Далия, помилосердствуй!

— Городские ворота! — предложила алхимичка, сверкая глазами. — Точно! И как раз по пути отступления! Ты взял с собой какие-нибудь реактивы? Где они?

— Далия, я отказываюсь разрушать город ради твоих капризов!

— Фри-Фри, если ты будешь со мной спорить, я пожалуюсь твоей маме! — с угрозой прошипела алхимичка.

— Моя драгоценная коллега, — зашипел в ответ неуступчивый Фриолар, — поверь, нельзя использовать один и тот же аргумент, сначала чтобы заставить меня пуститься в это сумасшедшее путешествие, а потом еще раз, чтобы я выполнял любые твои прихоти! Перестань рыться в моих вещах! Там нет бомб!

— А где они есть? — мигом сориентировалась алхимичка и стала искать возможные заначки под скамейками внутри кареты.

Вокруг спорщиков шумела обычная для телепортационных станций публика. Как правило, воспользоваться услугами магов могли позволить себе горожане с доходом выше среднего; поэтому вполне можно было ожидать от посетителей некоторой

степенности, самоуважения, тактичности… Однако сегодня вокруг телепортационной башни царил ажиотаж, достойный какой-нибудь сельской ярмарки. (Причем село — отдаленное, а ярмарка — первая и последняя в нынешнем веке).

Ученики магов и многочисленные слуги бегали то внутрь башни, то на стоянку наемных экипажей. Путешествовать с помощью телепорта легко лишь на первый взгляд. Маг должен точно представлять себе координаты места перемещения, а следовательно, «прыгать» по малоизвестным деревням, пещерам или даже замкам, могли далеко не все волшебники. Поэтому в крупных городах большие станции-башни магов соседствовали с наемными конюшнями, где путешественники меняли магический транспорт на гужевой и обратно. Солидные работники почтовой службы его величества переносили из карет в башню и обратно мешки с корреспонденцией. Важные дамы и господа, обремененные детьми, ручной кладью и даже павлинами в клетке выстроились в длинную очередь, ожидая, когда придет их черед вступить в выложенный мозаикой с рунными заклинаниями круг, послушать бормотание мага и переправиться… куда-нибудь, по назначению. Время от времени в очереди вспыхивали споры — кто должен уступать, именитые или платежеспособные. Вопрос был принципиальный и разрешался, только если прибывал конный отряд полиции. Или, другой распространенный вариант, какой-нибудь из магов-телепортистов истерически начинал кричать, что не может работать в таких кошмарных условиях и пытался бросаться в шумную публику шаровыми молниями и ледяными копьями.

Тогда полиция завязывала мага нюртанговыми (14) узелками…

Некоторое время назад — века три-четыре — телепортисты ввели в практику небольшую подсказку: чтобы ученики легче запоминали координаты места назначения, пол в каждой из «приемных» зал башни-станции, был выложен особым орнаментом. Оказавшись в незнакомом месте, учили маги своих подопечных, главное — посмотреть под ноги. Черная мозаика с золотыми вкраплениями — королевство Кавладор. Если видишь дуб, опутанный цепью — значит, оказался, в Талерине, если видишь золотую иглу на фоне желудя — Ла-Фризе…

— Каменная гора в окружении дубовых листьев — знак Луаза; пушки на фоне гор — город Триверн. Количество пушек разное, чтобы обозначить координаты жилищ гномов разных кланов, — тоскливо повторял ученик, семнадцатилетний оболтус. Прямо за окном, у которого он устроился, красотка в розовом шелке о чем-то спорила с кучером, лицо которого было скрыто

цветастым платком. Девушка чем-то напоминала оболтусу его мамочку — такая же въедливая и, судя по экспрессивным жестам, настырная. Ученик мага от душе посочувствовал бедняге-кучеру, которого угораздило связаться со столь требовательной пассажиркой, и вернулся к заданному уроку.

Перевернул страницу справочника и продолжил зубрежку:

— Город Тьюсс, на северо-западе Кавладора… Серые воды на белом фоне, обрамленные черной каймой с отдельными золотыми искорками. Можно не учить, — шумно плюнув на палец, оболтус пролистнул несколько страниц. — На эту каторгу никто, кроме купцов и каторжан, добровольно не стремится. Так, читаем дальше: отличительным признаком телепортационных станций королевства Иберры является красный с золотом орнамент; город Сан-Тиерра…

Совсем рядом с учеником вдруг закружилось серое облачко — то самое, которое обычно предупреждает о том, что в указанном месте вот-вот кто-то совершит межпространственное перемещение. Впрочем, оболтус не отреагировал: он выбрал местечко у окошка специально так, чтобы не попадаться на глаза ни наставнику, ни будущим коллегам, ни жаждущим перемещения в Эль-Джалад клиентам… Эх, самому бы отправиться в Пустыню! Говорят, южные красотки — это нечто…

Серое облако ученик благополучно проморгал, но вот появление двух путешественниц — заметил. Тем более, что они выпали из телепорта практически на него.

— Ааа! — закричал перепуганный ученик. И начал рефлекторно отбиваться справочником.

— Ааа! Чтоб тебя! Чтоб тебя! ААА!! — на два голоса заголосили вновьприбывшие и принялись плеваться, пинаться и царапаться.

Избиение оболтуса продолжалось минуты четыре, после чего юноше удалось, поднявшись и прикрываясь оплеванным расцарапанным справочником, отступить. Отступление вышло на редкость коротким: буквально сразу же ученика догнали, схватили за горло и, одновременно, за левую коленку, подняли…

Держала, приподнимая добычу на дюйм от пола, девица. В жутком розовом сарафане, сшитом по буренавской моде, в зеленых крупных бусах и натуральной, свекольно-сметанной, с добавлением сажи, косметике. Растрепанная блекло-соломенная коса, по всей вероятности, принадлежавшая богатырке, находилась в руках сгорбленной низкорослой бабки, которая придерживала пойманного ученика мага за коленку. Бабка тоже была одета по буренавской крестьянской моде, в нечто, напоминающее дырявую собачью шубу.

— Маг? — рявкнула девица.

— М-мм… мм-может быть… — пролепетал пойманный оболтус.

— Быстро колдуй нас отсюда! — потребовала путешественница. — Немедленно! Кому говорю?!

— Я не… того… ннне-е умею, — прозаикался несчастный.

— Мамо, кусайте его! Кусайте! — приказала девица. И бабка, к совершеннейшему ужасу начинающего волшебника, послушалась.

Через штаны и мантию было практически не больно, но вдруг через минуту эта ненормальная девица потребует его, несчастного, убить? Мамочки!

— Колдуй нас немедленно, кому сказала! Отправь куда-нибудь! Или я тебя… — террористка перехватила свою косу из рук преданной матушки, размахнулась, скривив при этом перепачканные в саже брови.

Пусть я не маг, но жизнь всего дороже, — закрыв глаза, решил ученик и прошептал трясущимися губами стандартное заклинание телепортации.

Через секунду сила, удерживающая школяра в поднятом состоянии, исчезла, и он рухнул на пол. Вот тут уж бедняга перепугался по-настоящему.

— Куда ж я их? — огляделся он по сторонам. Шум, раздавшийся за окном, дал ответ на этот вопрос.

Девица и бабка приземлились прямо в центре небольшой площади у телепортационной башни, в середину и так подогретой долгим ожиданием толпы. Розовый сарафан тут же кинулся в драку, бабка, если отслеживать ее по собачьей спине, кусала всех снизу…

— Хвала богам, — искренне порадовался начинающий волшебник. — Их не расщепило, они не угодили в иной мир к демонам… Не наблюдается разрывов пространственно-временных континуумов… Все обошлось!

Стоило оболтусу поздравить себя с удачным заклинанием, как раздался подозрительный громкий треск.

Школяр замер, пытаясь сообразить, рушится ли это башня, или просто кто-то ломает мебель этажом выше.

Треск повторился. Посыпалась штукатурка.

Деревянная панель, украшавшая ближайшую стену, вдруг расплылась, как кусок льда, попавший в раскаленную лаву, и из образовавшейся дыры в коридор вышло странное создание.

Это был… даже не гном, а карлик. На редкость нескладный и неправильный — тонкие кривые ножки в башмаках с длинными острыми носами, загнутыми вверх и привязанными к лодыжкам;

грушевидное туловище облачено в темный камзол странного покроя, тоненькие ручки заканчивались непропорционально длинными пальцами. Шеи у карлика почти не было, тем более, что переход от узких плеч к большой лысой голове закрывало пышное кружевное жабо. Лицо странного существа выглядело пародией, злой и почти неприличной, на отличительные черты половины крупных гномьих кланов: у него был большой острый, как соколиный клюв, нос, длинные треугольные уши без мочек плотно прилегали к голове, лоб широкий, но какой-то неровный, выпирающий подбородок и близко посаженные маленькие сердитые глазки, над которыми нависали ярко-рыжие брови.

— Шеп'аз туих? — сказало существо.

— Ч… что? — пролепетал школяр. Уж лучше бы остались те буренавские скандалистки!

Карлик поднял ручки и поправил длинными пальцами какую-то пуговичку на своем камзоле. После чего заговорил более понятно:

— Я спрашиваю, что это?

— Что? — рискнул уточнить юноша. И честно, ибо на ложь не осталось душевных сил, ответил: — Урод.

— Что ты урод, я прекрасно вижу, — прищурился карлик. — Я спрашиваю, что тут за город?

— Лу… Луаз, — чуть более уверенно ответил ученик мага. И язык сам собой выговорил слова, которые повелел выучить наставник: — Мы рады приветствовать вас в Луазе, столице восточной провинции королевства Кавладор.

— Ишь ты, — пробормотал карлик, теряя интерес к собеседнику. — А прошлый раз был столицей западной провинции герцогства Пелаверино. Все меняется…

Он повернулся, и, смешно шаркая тоненькими ножками, пошел прочь.

Начинающий маг, совершенно не знающий, как вести себя в подобных ситуациях, сделал то, чего, как показало ближайшее будущее, делать явно не следовало: он подошел к зияющей в стене темноте и заглянул внутрь.

Карлик, не оборачиваясь, прищелкнул пальцами. Стена сомкнулась.

— Ой… — донесся приглушенный неуверенный голос ученика. Его оставшееся снаружи тело затопало ногами и застучало свободной рукой по деревянной панели. — Ой-ёйёйёй! Спасиииитеееее!!

— Всё меняется, и только глупость — вечна, — ухмыльнулся карлик. С каждым шагом его очертания размывались, терялись, и очень скоро стали совершенно невидимы.

— Не волнуйся, — успокаивала Далия несговорчивого спутника. — Тебе практически ничего не придется делать! Ты всего лишь заложишь свою бомбочку, подожжешь ее, убежишь — а панические вопли и организацию твоего преследования я беру на себя!

— Далия, не смей, — Фриолар пытался вырвать из цепких рук алхимички склянку с загадочно поблескивающим содержимым. — Отдай! Отдай немедленно, или я оставляю тебя здесь и аннулирую все ранее достигнутые договоренности!

— Ха, — самоуверенностью Далии можно было только восхищаться. Желательно — издали, потому как она обращалась со склянкой весьма беспечно. — А как объяснишь Вигу, почему вдруг бросил нас на произвол судьбы? По-твоему, он обрадуется, услышав, что из-за твоих капризов сорвался *его* Великий Эль-Джаладский Проект?

— Не беспокойся, — с ехидцей ответил секретарь волшебника, он же, по совместительству, кучер двух авантюристок. — Я расскажу в подробностях, как тебя взрывом разнесло на корпускулы.

— Может, хватит ссориться? — выглянула в окошко кареты Напа. — Вы же сами заставляли меня торопиться. Поехали!

— Нам надо замаскироваться, Напа! — прорычала мэтресса. — Так, чтобы на нас никто не обращал внимание! А у меня идеи, в кого переодеваться, временно закончились!

— Не волнуйся, — «утешил» алхимичку Фриолар, воспользовавшись ситуацией и выхватывая склянку из рук террористки от науки. — Ты можешь изображать хоть русалку, хоть рыцаря королевской гвардии, хоть мумию царя Эпхацантона — тебя, знаешь ли, легко вычислить по взбалмошным идеям и манере ведения допроса!

— Не допроса, а опроса. Научно-исследовательского, — буркнула Далия, лихорадочно прикидывая, а не попробовать ли образ зингской валькирии? Кольчуга есть, вот только как уговорить гномку ею поделиться?

— Далия, поехали! — еще раз попросила Напа. — Ой, смотри! Там какая-то буча поднялась! — показала гномка на внезапно оживившуюся толпу путешественников. — На нас никто и не смотрит! Поехали, Далия, воспользуемся моментом!

— И верно, — решила алхимичка. Фриолар тут же, не давая девушке опомниться, подпихнул ее внутрь кареты, захлопнул дверцу и быстро взгромоздился на козлы. — Там что, кого-то бьют? — полюбопытствовала Далия, пока карета разворачивалась, чтобы выехать на улицу.

— Да, кого-то в розовом платье, — присмотрелся секретарь волшебника.

— Тпру! Стоять! — через десять секунд завопила Далия. — У меня есть план!

Так как у Фриолара буквально на четверть секунды раньше мелькнула в голове та же идея, он послушался.

Похищение двух скандалисток, нарушивших работу телепортационной станции Луаза, прошло в великолепном стиле сочинений мадам Фелиции Белль. Когда богатырку в розовом сарафане, хлеставшую налево-направо растрепанной косой, приперли к стене, а у бабки в драной шубе онемел язык от слишком частого попадания по нему "челюстного оружия самообороны", появилась карета, разумеется, черная, и запряженная парой вороных лошадей. Мохнатый, черно-бурый конь взревел, красиво и качественно подражая рассерженному медведю; от второго коня, змеисто-изогнутого, с серебристым отливом гладкой шкуры, дружно шарахнулось в сторону всё собрание претендентов на звание Покровителя Года, перевозимое в корзинках и за пазухами путешественников. Воспользовавшись суматохой, кучер, чье лицо до глаз было закрыто почему-то не черным, а цветастым платком, очень ловко хлестнул кнутом, набросил на шею сопротивляющейся богатырки тугую петлю и таким своеобразным арканом подтянул ее к экипажу. Дверца распахнулась, и две кольчужные руки — одна, вроде бы, человеческая, длинная, а вторая короткая, как у гнома, — втянули деваху внутрь. Бабка выдала пронзительный крик шантяйских воинов-отшельников и с умопомрачительной скоростью запрыгнула следом. Вылетела в дверь с противоположной стороны, развернулась в полете, снова запрыгнула в карету, пролетела ее насквозь, вырвалась через первую распахнутую дверь, врезалась в стену, наконец-то потеряла скорость, сознание, голос и была благополучно втянута следом за дочерью.

Прежде, чем кто-нибудь успел опомниться, возница снова хлестнул кнутом, кони взяли быстрый старт, и очень скоро можно было видеть только столб пыли, поднявшийся за спешно удаляющимся от города Луаза экипажем.

IV. В поисках стога сена

5-ая ночь месяца Барса
Чудурский лес, Башня

Из Триверна в Аль-Миридо…
тихим сумраком ночей…
я ползу, как бы ставрида,
и пугаю саранчой…

— мурлыкал под нос почтенный мэтр, споро прихрамывая по лаборатории. В тиглях кипели выпариваемые жидкости, бурлило темное варево в серебряной чаше, украшенной лиственным орнаментом. Белки, еноты и верный Корвин, выполнявшие при волшебнике роль домашних питомцев, помощников по хозяйству и восхищенных зрителей (а иногда — и участников) магических экспериментов, — сидели по углам.

— Та-ак, отличненько, — радостно похвалил себя маг. — Пойдем готовить вторую порцию ездовых животных. Добровольцы? Где тут мои добровольцы?

Пушистые зрители шустро рванули прочь из лаборатории. Остался только Корвин, но и он предпочел перелететь с длинного лабораторного стола на самый высокий стеллаж.

— Что, нет добровольцев? Алхимия, почему нет добровольцев? А, он же поехал выполнять мое поручение, — щелкнул себя по лбу забывчивый маг. — Ладно, проведет среди зверья воспитательную работу, когда вернется. А пока обойдемся тем, что есть.

Подхватив котелок с зельем, Виг, покряхтывая, перебрался через подоконник единственного в лаборатории окна, откуда и пролевитировал вниз, под сень окружающих Башню лесных великанов.

— Фьють-фьють! — посвистел волшебник, подманивая какую-нибудь живность. — Выходите, а то хуже будет!

Из кустов очень осторожно высунули носы лисица, жук-переросток (размером с табуретку), кукушка, дятел и пара зайцев.

— Кто из вас быстрее бегает? — на секунду задумался Виг. Животные разом вздрогнули и приготовились демонстрировать свои умения.

Уффф, хорошо, что не понадобилось — маг очень быстро определился в своих желаниях и подхватил обоих зайчиков за уши.

— Сидеть, — велел он перепуганным ушастикам и указал пальцем на площадку перед Башней, на которой отпечатались следы множества шаровых молний, огненных взрывов и других последствий магических экспериментов. — Дозу, что ли, увеличить, чтоб волшебство покрепче взялось? А вдруг рванет, как в прошлый раз?

Зайцы, по счастью, не поняли, что речь идет о них.

Мэтр Виг покрутил кончик бороды, высчитывая тонкости будущего колдовства. Потом с сомнением полил каждого подопечного пятью ложками зелья, присыпал сухими травами, бросил горсть чего-то, похожего на сушеную гвоздику и семена кориандра, громко, с выражением, прочитал над трясущимися от страха серыми комочками заклинание и интересом истинного натуралиста принялся ждать результата.

Буквально сразу же зайчики начали трансформироваться. Их ноги изменились, стопы превратились в копыта, туловища изрядно увеличились, шеи вытянулись, появились гривы… Через несколько минут перед волшебником стояли два коня светло-серой масти — правда, маленькие, чуть больше кошки. Виг вылил на них еще по десять ложек зелья, прочитал еще одно заклинание, и «кони» стали медленно подрастать.

Велев енотам и белкам срочно обеспечить подкормку в виде морковки, капусты и чего-нибудь кроличьего, Виг ласково потрепал обоих «скакунов» за ушами — они так и остались чуть больше обычного.

— Подрастайте, касатики, — с умильной улыбкой попросил волшебник. — А я пойду, проверю, как там дела продвигаются…

Вернувшись в Башню, в свое любимое кресло напротив зачарованного зеркала, Виг пронаблюдал за тем, что происходит в городе Луазе. В частности, он с большим вниманием проследил за тем, как его личный алхимик, он же — секретарь с фырчаще-кошачьим именем, которого Виг пока не запомнил, расспрашивает у какого-то стражника, какие кавладорские маги уже переправились через Луаз в Эль-Джалад, а какие еще только собираются. Также была отмечена зрительскими симпатиями информация о том, каких гадов и монстров перегоняют в Эмират караванщики из Вечной Империи Ци — умница-секретарь потолкался на рынке, где торговали живностью.

Выяснение отношений между Далией и секретарем, и последовавшее сражение богатырской девицы с луазцами Виг смотрел, помирая со смеху. У него даже свалились тапочки, столь самозабвенно дрыгал ногами старый волшебник.

Потом, правда, стало совершенно не интересно. Богатырку с бабкой алхимичка и гномка усадили к себе в карету (им, Вигом,

между прочим, сработанную карету!) и поехали по Караванной Тропе в сторону пиков Восточного Шумерета, коротая время за пустыми, ничего не значащими разговорами.

Зевнув, волшебник собрался поужинать и прилечь отдохнуть. Только надо бы перед сном проверить живность, как она там…

Бывшие зайцы уже подросли до размеров ллойярдских догов.

— Еще морковки! — велел Виг енотам. Те охотно послушались — в конце концов, не медведя, как в прошлый раз, откармливают, заяц уж точно их за десерт не примет…

— Надо пойти, проверить, как поживает моя прелесть, — вернулся Виг в лабораторию. — Кто-нибудь помнит, какой пароль в моем сейфе?

Корвин промолчал — умный ворон жил в Башне давно, и твердо выучил: Виг легко забывает нужную информацию, но то, что шпионов полагается душить, знает точно. Это даже не знание — это что-то вроде жизненного кредо, основополагающего морального принципа, действующего на уровне спинного мозга.

— Ладно, по дороге вспомню…

В секретном хранилище было много всякой всячины — Виг имел привычку хранить на чердаке припасы к магическим зельям, особо ценные артефакты, подарки от преданных друзей и вообще всё то, что по каким-либо причинам не годилось на то, чтобы быть использованным в обстановке остальных четырех этажей Башни. По Флосвиллю и ближайшим лесным деревушкам, до Фраскарона и Литтл-Джока, ходили легенды, что в своем тайнике на чердаке Виг хранит настоящие сокровища. Эта информация, увы, не соответствовала истине — золото и прочие блестящие побрякушки маг держал в подвале, или, что в плане сохранности было еще надежнее, закапывал под ближайшими деревьями и отдавал под опеку особо доверенным лесным обитателям. А здесь, под защитой самых мощных охранных чар, были собраны вещицы для души. Ну, если честно, Тройной Оракул хранился в «сейфе» потому, что из подвала он мог самостоятельно выбраться.

Другими словами, переступившего порог хранилища Вига встретило не мерцание золотых груд, а поскуливание соскучившегося по хозяину питомца.

— Ах ты, мой маленький! — ласково потрепал Виг зверя по загривку. — Скушал барашка? Еще принести? У, ты лапонька! У, ты моя кисонька! Давай поиграем, давай, давай…

Волшебник повалил звереныша на пол, тот вывернулся, обхватил когтями руку человека — не больно, а играючи, облизал тонким розовым языком и забил хвостом, показывая, что готов и побегать, и попрыгать, и полетать…

— Скоро, скоро, мой хороший. Еще несколько дней — и

будешь бегать в свое удовольствие! Мы с тобой покажем этим неумехам, ты да я — мы ведь Сила! Которая Магия и не только она! Ты у меня…

Зверь смутился от подобной похвалы и стал прятать морду у старика в ладонях.

— Хороший, хороший, — приговаривал Виг. И вдруг почувствовал… почувствовал…

— А ну, выходи, кто прячется! — строго скомандовал волшебник. Зверя он потрепал по загривку и загородил собственной тощей персоной. — Я тебя чую! Выходи, а то кастану чего-нибудь — ты меня полтыщи лет будешь помнить!

Кроме зверя, его кормушки и корзинки (не в которой он спал, а о которую он тренировал кусательно-жевательные функции), на чердаке сейчас хранился багаж, оставленный путешественницами. Виг искренне предложил Далии оставить ее сундуки и баулы в подвале, под охраной змей и ядовитых пауков, но она почему-то отказалась. И все собранные запасливой гномкой узлы с оружием, связки книг самой мэтрессы, сундук с запасной одеждой, перенесли, пока Напа и Далия оставляют для возможных преследователей память о себе в провинции Луаз, на чердак.

Сейчас внимание Вига привлек сундук, украшенный бронзовыми гвоздиками. В этом, на первый взгляд, не было ничего странного — почтенный маг за свою долгую жизнь проявлял искренний интерес ко многим вещам, в том числе и переносным предметам интерьера. Но на самом-то деле данный конкретный сундук был лично Вигом зачарован так, чтобы нейтрализовывать воров! Почему из него доносится постороннее шебуршание?! Что, неужели Виг настолько стар, что стал путаться в творимой магии? Или кто-то сумел обмануть его — его, Вига! — и проникнуть в тщательно охраняемое помещение с целью пошпионить за новейшими криптозоологическими разработками мэтра?!

Шпионов Виг (см. выше) не любил.

Между пальцами приготовившегося к схватке волшебника сверкнула льдисто-голубая искра.

— Мэтр! Не надо!!! — запищал сундук. Вернее, кто-то, прячущийся между рубашками Далии. — Мэтр, я просто не могу выйти, меня этот… сундук держит! Пожалуйста! Не убивайте меня… не убивайте меня еще раз! Я хорошая!

— Хмм… Что-то странное, — догадался Виг. Решил вступить в переговоры. — И кто же ты?

— Меня зовут Касси! Касси, мэтр! Вы должны меня помнить!

— Да? — удивился мэтр Виг. Приосанился, пригладил бороду и прокомментировал для насторожившего уши звереныша: — Лет

пятьдесят не слышал подобных признаний от женщин. Или пятьсот? Но в любом случае — так приятно… И откуда, милая, я тебя знаю? — уточнил волшебник.

— Год назад, помните? Вы бегали по горам! И спасли меня от зомби! Помните?

— Я? Бегал по горам? Спасал кого-то? — удивился маг. Ответил честно: — Не помню. Быть такого не может. Разумеется, в горах я бывал, и не однажды — но путешествовал степенно, с достоинством… или сносил горы, чтоб дорогу не загораживали… Но *бегать*? Я даже в молодости подобными глупостями не занимался…

Запертая в сундуке Касси, судя по всхлипам, заплакала:

— Ну как же, мэтр?! Умоляю вас, вспомните! Там еще грифон был! А потом взрыв! И вас на магию перемкнуло, вы и та, вторая, эльфийка которая, колдовать не могли! И вы послали меня собирать ингредиенты для зелья! И еще сказали, что друзья, духи, странствующие пилигримы, путешествующие прокуроры могут заглядывать к вам на огонек когда угодно!! — зарыдала девушка.

Когда Виг откинул крышку сундука, она выплыла на свет, размазывая слезы по лицу.

Призрачные слезы. По несуществующему лицу.

— Что это с тобой, милая?

— Меня… у-уу… убили! — пролепетала Касси. — Мэтр, я случайно в сундуке оказалась! Честно, я не хотела ничего воровать! Лишь посмотреть одним глазком! Должны же быть у призрака какие-нибудь слабости!

— Ну-ну, успокойся, — заботливо попросил Виг. Была бы девчонка настоящей, он бы обязательно дал ей какую-нибудь конфету, чтоб перестала плакать, а так оставалось лишь добавить в голос сострадания и сказать утешающе: — Пошли, поговорим…

— Как — идти?! — сочувствие от постороннего человека сломало что-то внутри Касси и призрачные слезы полились бурным потоком. — Я в этом сундуке завязла!..

Звереныш заскулил, сопереживая девушке.

Волшебник подобрал с пола косточку от скушанного питомцем барашка и предложил призраку перебираться на новый материальный носитель.

— Разве так можно?

— А ты не знаешь?..

— Не… знаю… — снова заплакала Касси.

— А ну брось сырость разводить! — прикрикнул Виг. — Не знаешь — объясню, чего тут плакать? За кость держишься? Пошли в гостиную, вина выпьем… Цыц, кому говорю! Если я сказал, что ты будешь пить вино, значит, будешь, и никаких возражений! Маг

я или не маг?

— Вы некромант, мэтр? — всхлипнув, спросила Касси. — Клянусь, я никому не скажу!

— Так, умею кое-что, — отмахнулся волшебник, пробираясь между куч собранных на чердаке вещей к выходу. — Все эти мертвые кости меня мало привлекали, но ради общего развития… Опять же, с дочкой позаниматься, а то она в маменьку удалась, мне два или три дома разнесла, пока научилась способности контролировать…

— У вас есть дочь, мэтр? — призрак Касси начал успокаиваться.

— Даже две. Одна нормальная, а вторая вышла замуж. Нет, я что-то путаю, — спохватился Виг. — Одна нормальная, а вторая на маменьку похожа. Нет, снова не то. Одна нормальная, и она же сбежала из дома… Вот демоны рогатые…

— Да, хозяин? — подобострастно отозвалась мраморная маска.

— Отстань, не до тебя. — Маг застыл на пороге, усиленно припоминая. Мраморный демон, девушка-призрак и зверушка смотрели на него с сочувствием: — Про одну дочь я знаю точно. Она была нормальная. Хорошая такая девчушка, меня однажды гномьими фейерверками чуть не сожгла. А вот вторая… Как-то совершенно стерлось из памяти, — пожаловался старый волшебник.

— Может, у вас одна дочь была? — подсказала Касси.

— Может быть, — пожав плечами, согласился Виг. — Очень даже может…

В глубокой задумчивости он направился к лестнице.

— Хозяин! — окликнул мага сторожившй сейф демон. — Хозяин! У вас там что-то свистит!

— Где? — Виг вернулся и заглянул в тайник. — А, это какой-то сигнальный оберег!

— И о чем он сигналит? — поддерживая беседу, спросила Касси.

Возникла небольшая пауза. Призрак девушки в экстравагантном — очень коротком, открывающим ноги до колен, платье, испорченным кровавым пятном на груди, терпеливо ждал ответа. Мраморный демон корчил рожи, подмигивал красавице и, выпятив губки, приглашал к более близкому знакомству — ты, дескать, уже мертвая, я — ненастоящий, так чего же зря вечность терять?

— Наверное, он предупреждает меня о чем-то очень важном, — рискнул предположить почтенный мэтр после долгих раздумий.

— Может быть, он просто сломался? Ведь может оберег просто сломаться! — выдвинула еще одну гипотезу Касси. Призрак наслаждался благоуханием вина из Сан-Тиерры, сладкого и ласкового, как солнце родной для бедняжки Касси Иберры.

— Что, все сразу? — закричал на девушку Виг. — Мои обереги не ломаются! Я, по-твоему, кто? Школяр? Недоучка какой-нибудь, чтоб делать ошибки на ровном месте?! Или, может, ты где-нибудь у меня видишь уши, как у беззаботного самоуверенного эльфа?! Я маг! Магистр! Мои артефакты будут работать! Будут, или я переплавлю их на собачьи кормушки! Будут, я сказал!..

С наэлектризованной бороды и седых волос старого волшебника сорвались искры.

— Тогда, мэтр, — испуганно пролепетала Касси. — Вам не о чем беспокоятся. Вот они, ваши изделия. И действительно — работают…

После небольшой инспекции в тайнике обнаружился не один сигналящий оберег, а целых восемь. Громче всех свистел крупный голубоватый кристалл, вплавленный в округлый черный камень. Маленькая, буквально в пол-ладони, серебряная корова время от времени издавала приятное слуху "муу!" и качала головой вверх-вниз. Деревянная игрушка, по-деревенски простая и по-детски незамысловатая, периодически издавала громкий стук — мужик и медведь «рубили» топорами вечный пенек. Звонкий серебряный бубенчик, найденный в самом дальнем углу «сейфа», время от времени звенел, причем, по мнению Касси, делал это всё чаще и чаще. Широкий медный браслет с вплавленным сердоликом, покрытый странными знаками, то нагревался, испуская розово-красное свечение, то остывал. Браслет тоже был опознан хозяйственным магом как сигнальный артефакт, и вот теперь мэтр пытался вспомнить, о какой беде хотел предупредить себя с его помощью. Три оставшиеся вещицы — завязанная крепким узлом веревка, засохший букетик и брошка, выполненная в виде гномьей двусторонней секиры, были признаны почти выдохшимися от постоянного срабатывания в течение последних двух-трех сотен лет и буквально доживающими последние годы своего артефактного существования.

— Ведь я их сам создал, — сердито закричал Виг. — Значит, я их создал для чего-то! А следовательно, должен помнить, зачем! Алхимия!.. где же он? Алхимия! — заорал волшебник на всю Башню.

— Мэтр, вы хотите сменить род деятельности? —

поинтересовалась Касси. Открыв для себя способ поглощения алкогольных паров, девушка-призрак немного переусердствовала и еще более, чем это свойственно для трезвых нематериальных созданий, утратила контакт с реальностью. — Последние полгода я прожила в библиотеке талеринского Университета, и могу рассказать вам про тамошних алхимиков столько забавных историй…

— Где мой секретарь?! — орал Виг. — Почему он не напоминает мне о том, что я забыл?! Где он?! Так, сиди здесь! — внезапно приняв решение, скомандовал он призраку. — Следи за оберегами, может, поймешь, о чем они меня предупреждают! — и, подхватив полы длинной мантии, побежал вниз по лестнице.

Вернулся буквально через минуту:

— Посмеешь проглядеть что-то важное, я тебе голову оторву!

— Мэтр, не надо меня пугать, — с грустью ответила Касси. — Меня убили еще прошлой осенью… — и задумчиво погладила голубой посвистывающий кристалл.

Призрачные пальцы обожгло холодом.

Восточный Шумерет. Дорога из Луаза в Аль-Тораз

Дорогой Ньюфун!

Наконец-то, пользуясь минутой тишины…

— После чего я пошла доить корову, но оказалось, что у нее на спине спит чужой котяра; да такой большой, откормленный, просто страсть! Я, конечно, подойник уронила, кричу, кричу, меня никто не слышит, а сердце мое так и бьется! Надо, конечно, идти корову спасать, всё ж тяжким трудом нажитое, всё ж своим горбом заработанное, не дареное, не сворованное, доить ее, опять же, надоча, так я-ить боюсь! А вдруг кошка ее покусала! Кошки, оне ведь такие негодники! Мне еще бабка моя, которая ведьмой была, про них такие страсти рассказывала! Особенно про черных! Жуть, жуть, жуть, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, но я ведь и не запомнила, кошка-то на корове черная спала, или обычная, полосатая!.. От полосатых-то ведь тоже добра не жди — вот бабка моя, которая ведьмой была, всегда говорила…

Спасенная в Луазе женщина говорила, не закрывая рот ни на секунду. Ее дочь, наоборот, сердито буркнула приветствие и замолчала. При ближайшем рассмотрении «богатырка» оказалась вовсе не близкой родственницей троллей, а вполне обычной девушкой лет…э-э… во всяком случае, меньше тридцати, выше среднего роста, а так вполне вписывающихся в стандартные человеческой расы пропорции и габариты. Иллюзию богатырского телосложения создавали пышные рукава вышитой рубахи, а также мощные, уверенные движения девицы. Если говорить честно, то

больше всего богатырско-воинственного было в ее лице — нет, хвала богам, это были не борода, тяжелый подбородок или какие-нибудь застарелые шрамы. Это был всего лишь взгляд светло-голубых глаз, пристальный, оценивающий и расчетливый, как у наемника с Дикого Рынка. Обладателю — и обладательнице — подобного взгляда явно было всё равно, кого резать — курицу, врага или друга, и не вина Любомарты, что ей до недавних пор чаще приходилось иметь с курами…

Матушка Любомарты как где-то в предместьях Луаза начала благодарить алхимичку и гномку за их чудесное спасение, так и продолжала. Вот уже третий час подряд. Без перерыва на перекус — Любомарта, которой требовалось восстановить силы после учиненного в Луазе побоища, без спросу схватила котомку, которую приготовила Напа для Фриолара, и с шумом сожрала все припасы. Опять же, первое впечатление о Ханне, матушке Любомарты как женщине почтенного возраста, не подтвердилось: ей было от силы лет пятьдесят пять-шестьдесят. С гномьей точки зрения — вообще не годы. Но было что-то такое противно-старушечье в этой маленькой, согнутой, сморщенной бабке с хитрыми маленькими глазками, сжатым в гузку ртом, закутанной в старую собачью шубу…

Раз уж зашел разговор об ошибках первого впечатления, следует сказать, что к Буренавии Любомарта и ее мать имели весьма далекое отношение. Или близкое? Другими словами, они всего-навсего жили в деревеньке, которая располагалась на полпути между кавладорским Тьюссом и буренавскими Чудурами. Что понадобилась деревенским «красавицам» в Луазе, а вернее, в Аль-Торазе, куда их любезно пригласила довезти Далия, бабка обещала рассказать, и вот… выполняла свое обещание. Третий час подряд.

Далия громко всхрапнула, резко уронив голову назад. Очнулась. Обвела сгустившийся сумрак в карете полубезумным взглядом. Увидела Любомарту. С густо подведенными сажей бровями, чуть размазавшимся свекольным румянцем, щечками, за которыми хранились еще не до конца пережеванные пирожки, соломенной косой, которая никак не хотела возвращаться на законное место и упорно не привязывалась к собственной кургузой косичке девушки. Перевела взгляд на стеклянный фонарик, висевший над Напой. Вслушалась в бормотание бабки.

— А потом-то ясно стало, что корова-то была не моя! Не моя, а мужа моего четвертого, который от лихорадки помер! Ой, смеху-то было! А ведь и кошку я зря гоняла! Обычная приблуда была, а я уж думала, оборотень! Пришла, на перину упала, кричу: доча, доча, спасай, маму рыси съели!.. Она, конечно, прибежала,

рученьки белые заломала, и плачет, и плачет, аж сердце мое разрывается…

Далия глухо застонала и снова сделала вид, что спит.

Впрочем, рассказчица в слушателях не нуждалась.

— Племянник, брата моего сын, пришел, меня за руку взял, говорит: прощайте, тетушка, мы вам на могилку редьку посадим, или горчицу какую, чтоб цвела пользительно, я-ить помирать-то и приготовилась…

Напа зачеркнула слово *тишины*, и исправила:

…пользуясь минутой относительного спокойствия, я спешу сообщить, что мы с Далией живы, спешно сбегаем от возможных преследователей, теперь готовимся к попытке вооруженного грабежа со стороны шумеретских разбойников, а в остальном — всё замечательно.

Пожалуйста, проверь кладовки реставрации. Все кладовки. Если сразу их не сможешь обнаружить — список и карту с инструкциями я спрятала в своей комнате, шестой тайник в левой стене. Только будь осторожен — я, когда делала тайник, экспериментировала с пружинами и самострелами. У меня почему-то на сердце не спокойно, так и кажется, что в кухне или около нее может случиться какое-нибудь печальное недоразумение…

Как чувствует себя Айра? Скажи ему, что я скучаю. На самом деле сапиенсологические выверты Далии не дают мне возможности поскучать по-настоящему, но Айре скажи, что я очень соскучилась. Если он не ответит, что тоже ужасно хочет меня увидеть, воспользуйся молотом из коллекции.

Не забывай кормить Черно-Белого Котика. Ты знаешь, что тебя ждет, если он вдруг за время моего отсутствия похудеет хотя бы на пол-унции. Привет Джое. Ну, и всем остальным тоже.

С сердечным приветом — твоя сестра Напа Леоне.

Уже стемнело, и Фриолар перестал гнать «лошадей». Дорога шла в горы, не хватало только по собственной глупости съехать в какую-нибудь пропасть.

Он вглядывался в окрестности, не мелькнет ли где огонек постоялого двора. По плану сапиенсологини, который Фри-Фри так опрометчиво утвердил, предполагалось остановиться на ночлег в каком-нибудь людном месте, а к полуночи тихо слинять, оставив карету, «лошадей» и девицу в розовом сарафане в качестве утешительного приза тому, кто вдруг последует за Далией и Напой. И очень хорошо, что к Любомарте прилагалась ее бабка в собачьей шкуре — если не придираться, то издали она чуть-чуть была похожа на Напу. Конечно, Напа — красавица, особенно по гномьим стандартам, а бабка — тьфу, но

преследователей, хоть на некоторое время, можно сбить со следа…

О том, зачем Далии понадобилось прилагать столько усилий, чтобы замаскировать их путешествие в Эль-Джалад, Фриолар предпочитал не думать. Даже для его тренированного мозга это была слишком серьезная проблема. Почти как деление неопределенно большого числа на ноль.

Нет, ну где же постоялый двор? То встречались через каждые две лиги, то ни одного… А он, признаться, проголодался…

Вместо гостиницы за очередным поворотом обнаружился мэтр Виг. Старик левитировал над дорогой, высматривая своего подчиненного и прилагающихся к нему дам; при виде кареты он с радостным клекотом спикировал к Фриолару.

— Алхимия! Выручай!..

— Тише, мэтр, пожалуйста, — Попросил Фриолар. И объяснил драматическим шепотом: — у нас в карете две особы, которых Далия обрабатывает новейшими сапиенсологическими методиками.

— Да дрыхнет твоя алхимичка, что ты мне голову морочишь? — возмутился Виг. — Выволакивай своих подружек и быстрей в Башню, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

— Я готов, мэтр, — Фриолар сложил поводья, и карета начала терять скорость. — Только… Чтоб усилия мэтрессы не пропали даром, скажите, можете ли вы… — и зашептал на ухо волшебнику одну идею, которую обдумывал вот уже который день.

— О чем разговор! — захихикал Виг. — Сейчас сделаю! Смотри!..

Экипаж остановился посреди каменных валунов. Вдруг, без предупреждения, дверцы кареты резко распахнулись и два страшных зверя — что-то наподобие гигантской черной обезьяны — выхватили со скамейки спящую Далию и задумавшуюся над письмом Напу, и утащили прочь, за каменные груды. Те даже не успели вскрикнуть.

А Любомарта успела.

Она визжала, визжала и визжала, потом, когда поняла, что матушка поддерживает, передоверила визжать ей, и лишь иногда издавала особо пронзительные звуки, перепугавшие всю горную живность на многие лиги вокруг.

Спустя некоторое время, почувствовав неприятное жжение в перетруженном горле, Любомарта замолчала и, после долгого размышления, рискнула выглянуть из кареты.

Вокруг были камни. Тишина. Летняя ночь. А от страшных

чудовищ, как и от недавних попутчиц, не осталось даже воспоминания.

— Мамо, визжите дальше. Пугайте их, мамо, я пойду, проверю, лошадей тоже съели или как…

Конечно же, съели. Пустая сбруя лежала на земле, а в отдалении слышался сытый медвежий рев.

Правда, буквально в четырех шагах от кареты испуганно жались друг к другу две серые лошадки. Низкорослые, с ушами, которым иной осёл обзавидуется, но явно годные на то, чтобы продолжить путешествие.

Ждать, что из темноты вдруг появится еще одна шайка похитителей, было бы верхом наивности. Не пугая себя рассуждениями о правильности или законности действий, Любомарта решительно присвоила коняшек, загнала их в хомуты, кое-как впрягла и под завывание добросовестной родительницы черная таинственная карета поспешила прочь. Куда-нибудь…

6-й день месяца Барса
Чудурский Лес, Башня

Из восьми артефактов больше всех старался серебряный бубенчик. Корова и "мужик с медведем" вели себя относительно пристойно, а голубой кристалл продолжал свистеть, не меняя ни громкость, ни интенсивность звука.

— Интересно, правда? — с восторгом рассматривала Напа магические изделия.

Далию заинтересовала стоящая на краю лабораторного стола бутылка из-под вина. На донышке плескались остатки, а всё остальное пространство сосуда занимала таинственная прозрачно-розовая субстанция. Кажется, какой-то газ, но вот какой? И почему не вытекает, даже если перевернуть бутылку вверх дном?

— Фри-Фри, что это? — спросила алхимичка у Фриолара, когда тот поднялся в лабораторию.

— Ты забыла — после того, как по моему наущению тебя в очередной раз похитили милые, благопристойные, исключительно хорошо выдрессированные гориллы, ты со мной не разговариваешь, — хмуро ответил секретарь волшебника. Судя по красным глазам, он не выспался, тогда как Далия и Напа, наоборот, провели ночь на перинах в гостевых комнатах Башни, сладко досматривая сны, навеянные бормотанием бывшей попутчицы.

— Не сомневайся, Фри-Фри, я не имею привычки забывать подобные оскорбления. Так что ответь на мой вопрос, а я, так и быть, не буду рассказывать, какой великолепный завтрак мы с

Напочкой только что приговорили к немедленному уничтожению.

— Блинчики с жареными грибочками, — тут же проговорилась известный конспиратор Напа Леоне. — Когда мэтр спустится в столовую? А то вдруг они остынут, надо будет разогреть…

— Сейчас он медитирует по цинской методике: рисует с закрытыми глазами акварель, в надежде, что нарисованный образ мистическим образом раскроет ему какую-нибудь тайну.

— Мэтр умеет рисовать акварели? — в один голос спросили девушки.

Снизу, со второго этажа, где располагалась комната Вига, раздались вопли, проклятия и чавкающие звуки, будто кто-то пинал что-то мокрое.

— Собственно, не столь важно, — умерила женское любопытство Далия. — Так всё-таки, Фри-Фри, что за вещество содержится в бутылке? Твое изобретение? Я всегда знала, что благодаря твоему таланту классическая алхимия обогатится каким-нибудь замечательным открытием.

Алхимик скептически ухмыльнулся. Ага, конечно же, когда ей что-то нужно, он, оказывается, и открытия совершает, и талантом обладает, и вообще… Что ж, надо убить женское любопытство правдивым ответом.

— Вообще-то, это не мое изобретение, а что-то из припасов мэтра. Судя по всему — призрак. А видимым он стал потому как, скорее всего, переусердствовал с поглощением винных паров — мэтр знает пару хитрых способов, позволяющий пьянствовать даже неживым созданиям.

Когда до Далии дошло — а дошло очень быстро, — что всего лишь хрупкое стекло отделяет ее от непосредственного контакта с духом умершего человека, более того — с духом, который наклюкотался винных паров до… до *видимости*, она резко отшвырнула бутылку подальше от себя, и буквально через секунду уже составляла Корвину компанию высоко на стеллаже.

Фриолар подхватил бутылку, чтоб не разбилась, на всякий случай запечатал ее пробкой и поставил на полку, как можно дальше от сапиенсологини.

— Так, значит, твой мэтр, помимо всего прочего, и некромантией увлекается? А твоя мама, между прочим, велела следить, чтоб ты не попал в дурную компанию, — строго погрозила Напа своему бывшему подопечному. Семь лет назад, когда Фиона уехала со своим вторым мужем, вождем Граткхом на север, она поручила «малыша», то есть пятнадцатилетнего недоросля Фриолара, заботам своих сестер и Напы, справедливо рассудив, что, если сын будет жить у хозяйки ресторации, то, как

минимум, не останется голодным. Гномка очень ответственно относилась к выполнению порученных обязанностей, поэтому Фриолар поспешил дать исчерпывающий ответ прежде, чем вдруг Напа состряпает очередной донос в Министерство Спокойствия, или, того больше, решит разобраться с неблагонадежным волшебником сама, топориком.

— Мэтр вовсе не некромант. Он просто вежливый, радушный хозяин, и, если вдруг в Башню занесет какого-нибудь бедолагу, убитого в Лесу разбойниками, или пропавшего в болотах, он, естественно… э-э…оказывает теплый прием. Между прочим, запрет на практикование Магии Смерти вовсе не означает, что нельзя общаться с духами, призраками и прочими привидениями. Кошки, а также некоторые дуаморфы, изначально имеют способность видеть ауры и астральные проекции, плюс ведьмы, плюс потомки эльфов, некоторые творчески одаренные натуры — всех не перечислишь! И поверь, если вдруг кто-то видит привидение — это вовсе не то же самое, что поднятие мертвецов, управление вампирами, или что-то другое, такое же некромантское… К тому же, мэтр Виг отдал все свои способности на постижении магии Крыла и Когтя, даже Природные Начала он знает постольку поскольку, а уж на третью магическую специализацию у него таланта не хватит.

Напа задумалась над ответом. Посмотрела на Далию, ожидая ее мудрой подсказки.

Та подарила Фриолару ехидную улыбочку:

— Значит, говоришь, отдал все свои способности магии Крыла и Когтя? Скажи-ка, любезный Фри-Фри, а не увлекался ли мэтр в последнее время медведями? Меня немного смущает пророчество, сделанное Тройным Оракулом. В какую берлогу ты хотел завлечь меня и Напу, умник?

Проведя детские годы в компании восемнадцати кузин и воинственного дедушки, отставного капитана лафризских бомбардиров и героя Осады Луаза, Фриолар умел точно рассчитывать момент, когда пришла пора отступить с обороняемых позиций, перегруппировать силы и дать противнику насладиться временной победой.

— Медведь был абсолютно ручной, — изобразив глубокое раскаяние, ответил секретарь, он же кучер, он же, по совместительству, пособник чересчур талантливого мага, а вдобавок ко всему — прирожденный алхимик. — К тому же, до вас ему не было никакого дела, ведь я подкармливал его молоком и медом строго по расписанию! Просто, когда возникла необходимость в быстром, а главное, надежном средстве передвижения, Виг сделал акцент на силу и выносливость. А

медведь в этом отношении куда выгоднее лошади. Знаешь ли ты, например, что среднее мускульное усилие тяглового животного…

— Мэтр превратил медведя в лошадь?! — изумилась Напа. — Вот здорово!! А он поможет мне сделать из котика сторожевого минотавра?

— Напа, пожалуйста, не позволяй Фри-Фри увести разговор в сторону. Так, с одной лошадью разобрались. А вторая?

— Вы только не волнуйтесь, вашей жизни абсолютно ничего не угрожало! Это очень и очень надежное заклинание, — Фриолар начал с главного. — Виг работал над ним лет семьдесят, и сейчас оно срабатывает без ошибок.

— Напа, бери перо. Пиши: "Дорогая Фиона! Приезжай немедленно: малыш Фри-Фри нуждается в твоем внимании…" — скомандовала Далия.

— Призванный Змей, — сдался Фриолар. — Очень, и очень модифицированный, как вы могли заметить — у него даже грива, хвост и ноги отросли. Напа, Далия! Да чего ж вы боитесь?! Во-первых, «вороные» свое уже отслужили и перевоплотились обратно, а во-вторых, я же был рядом! Я бы ни за что не позволил вам попасть в беду! И вообще…

— А карета? — вдруг осенило Напу. — Карету мэтр Виг тоже сделал волшебную?

— Да, Фри-Фри, а наш прекрасный экипаж из какого зверя был сработан? — поддержала любопытство гномки мэтресса.

— Из тыквы, — скрестив пальцы, ответил Фриолар.

Далия посмотрела на коллегу с подозрением. Тот отвечал чистым, незамутненным взглядом, который выработал, отвечая на вопросы кузин, к лицу ли им новые шляпки. Пока двое алхимиков играли в гляделки, выжидая, не допустит ли противоположная сторона грубых ошибок в своем поведении, Напа, получив ответы на свои вопросы, потеряла интерес к карете — всё равно ее пришлось бросить в горах, и вернулась к посвистывающему оберегу.

Затянувшуюся паузу нарушил мэтр Виг, который тяжело, согнувшись и всем видом выражая старческую немощность, поднялся в лабораторию.

— Удалось что-нибудь вспомнить? — спросил Фриолар.

Вместо ответа Виг протянул свиток тонкой рисовой бумаги, на котором в художественном беспорядке было раздавлено несколько клопов. Напа ревниво выхватила «акварель» из рук волшебника и, закусив губу, начала изучать новую художественную технику.

— Тогда надо попробовать другой способ решения проблемы, — с оптимизмом посоветовала Далия, спускаясь со

шкафа. — Давайте попробуем применить сапиенсологию!

— Сначала мы попробуем логику, — возразил Фриолар. — Я тут подумал, мэтр…

— Ну? — Виг доплелся до лабораторного стола, плюхнулся на табурет и в отчаянии посмотрел на не устающие сигналить обереги.

— Сигнальные обереги используются для того, чтобы о чем-то предупреждать, — с важными интонациями, которые обычно используются для оглашения королевских указов, высказался Фриолар.

— Поздравляю, Фри-Фри, ты сформулировал величайшее научное открытие последнего века, — съязвила Далия.

— Я тебя тысячу раз просил не называть меня этим детским прозвищем, Далия. Давай, ты хоть пять минут не будешь надо мной подкалывать?

Виг, не тратя слов понапрасну, выстрелил в Далию большим пауком-птицеедом. Переставляя мохнатые ножки по столешнице, паукообразное двинулось в сторону мэтрессы, которая от ужаса совершенно потеряла голос, опять забралась на стеллаж и всем своим видом принялась сигнализировать о том, что спешно нуждается в спасении.

Увы, всё внимание рыцаря от Алхимии сейчас было сосредоточено на восьми безделицах.

— Так вот, продолжая намеченную в первом тезисе линию рассуждений, мы легко приходим к выводу, что, раз обереги сработали, значит, произошло какое-то событие, о котором вы, мэтр, хотели быть предупрежденным.

— Гениально! — шепотом, чтоб не слишком нервировать паука и Вига, пробормотала Далия. — Мир не слишком велик, происшествий в нем вчера случилось всего-то миллиона четыре-пять, не больше…

Секретарь волшебника строго посмотрел на Далию и продолжил:

— После этого нам надо всего лишь разделить произошедшие за последнее время события на незначимые и важные, действительно важные, настолько интересующие вас лично, что вы предпочли не доверять случайностям, а создать артефакты, предупреждающие о наступлении или приближении подобных ситуаций.

— Как-то всё запутано, — пожаловался Виг после минутного размышления.

— Всё не так сложно, — не сдавался Фриолар. — Берите перо и бумагу, мэтр, и начинайте составлять список событий, которые способны нарушить ваше душевное равновесие, ближайшие

планы или, допустим, причинить вам физический или моральный ущерб.

— Не волнуйтесь, мэтр, — подала голос Напа. — Вы среди друзей, который ни за что и никогда не позволят этому списку стать достоянием общественности! Я даже могу для него тайничок сделать! — предложила гномка.

И Виг, вздохнув, придвинул ближе письменный прибор.

Луаз, квартал золотых дел мастеров

Господин Осиновик, работавший приказчиком у мастера Томазо из тривернского клана Данкенхольф, явился в лавку рано утром. Повернул на двери табличку «открыто», чтоб клиенты знали, что здесь готовы их обслужить, устроился за прилавком и погрузился в чтение газеты. Господин Осиновик, в жизни которого все события исчерпывались житейскими проблемами, чтением нотаций непослушным детям и регулярными, раз в три месяца попыткам ограбления лавки какими-нибудь самоуверенными типами из Пелаверино, очень любил издание "Талерин сегодня". Столько новостей, сплетни из жизни высшего общества! Почитаем, почитаем… Может, столичные журналисты расскажут что-то новенькое о подготовке свадьбы принцессы Ангелики?

В глаза бросался крупный заголовок:

СЕНСАЦИЯ! ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА!

Господин Осиновик аж крякнул от удовольствия. Сразу видно — живут господа в столице. В Талерине, а не где-нибудь!.. У нас-то, в Луазе, мало что происходит…

Тут Осиновик вспомнил, как вчера, ближе к ночи, за три переулка от их с мастером Томазо лавки нашли убитого Лека-Притворщика, поёжился и, чтоб защитить себя от прозы жизни, вернулся к чтению газеты.

Ограблен дом тайного советника Джиобарди!

Как стало известно нашему специальному корреспонденту, в ночь с третье на четвертое число месяца Барса ограблен дом тайного советника Министерства Золота господина Ф. Джиобарди. Украдена коллекция БАСЛОСЛОВНОЙ ЦЕННОСТИ! Отдел сыска и тайных расследований Министерства Спокойствия ведет расследование!

Ведущий специалист Министерства, лично курирующий дело об ограблении дома Джиобарди, инспектор Клеорн так ответил на вопрос о ходе следствия: "Похитили? Да, да, да, их похитили!.. Я спасу!.. Держитесь, я спасу вас!.." И наш долг сделать эту клятву отважного сыщика достоянием общественности. Преступники, трепещите! Инспектор Клеорн идет по вашему следу!

Нам удалось выяснить, что преступник гигантского роста проник в дом тайного советника, обезвредил магические ловушки, сломал хребты буренавским волкодавам, сделал неприличное предложение кухарке тайного советника и его мажордому, после чего…

Господин Осиновик с громким шуршанием перевернул лист и, охая от удивления, прочитал подробный отчет о совершенном злодеянии. Ужасно! Просто ужасно! Куда смотрит полиция?! Злоумышленники встречаются просто на каждом шагу! Конечно, всегда можно себя успокоить тем, что среди жителей Кавладора количество преступников на душу населения немного меньше, чем в Пелаверино, но… Но надо что-то делать!.. Ловить их как-нибудь, связывать, потом исследовать, чтобы выяснить, какая железа их ущербного мозга работает неправильно, что воры, грабители и налетчики потеряли способность различать свое и чужое! Лишенный удовольствий бурной жизни, господин Осиновик очень верил в Науку.

Дверной колокольчик издал мелодичный звон. Приказчик посмотрел поверх прилавка, но не заметил вошедшего. Опять детишки шалят, — подумал господин Осиновик. А может… и воспоминание о смерти Лека-Притворщика, безобидного пьяницы, выдававшего себя предсказателя будущего, вдруг затрясло некрепкие колени лавочника.

Нет, это разгулялось проклятое воображение. Кому он, скромный приказчик, нужен?

Вдруг на лакированной поверхности прилавка появились чьи-то длинные, бледные пальцы. Их появление было столь внезапным, что Осиновик лишь целую минуту спустя сообразил, что их хозяином является не страшный зомби, неведомо как и для чего заявившийся в ювелирную лавку, а самый обычный посетитель, правда, очень маленького роста.

Осиновик перегнулся через прилавок и, нервно улыбаясь, предложил посетителю присаживаться и объяснить, что за приятная необходимость привела его в лавку мастера Томазо.

Одетый в темный бархат, с кружевным жабо на шее, тонконогий и толстозадый карлик забрался на высокий стул, который Томазо держал для своей гномьей родни, и строго посмотрел на Осиновика поверх огромного носа.

— Мне нужно кольцо, — без предисловий, после короткого обмена приветствиями, сказал он.

— Прекрасно, что вы обратились именно к нам! Мастер Томазо — большой… э-э… мастер по изготовлению украшений. Какое кольцо вы бы желали? Можно изготовить обычное, с гравировкой. Или вы желаете перстень с личной печатью?

Никогда не выходит из моды!

— Мне нужен перстень с голубым брильянтом, — шевельнув длинными пальцами в знак нетерпения, ответил карлик. — Камень круглой огранки, небесно-голубого цвета, совершенно прозрачный, без вкраплений или неровностей, размером с зуб тролля.

— Эу… — чуть сбился Осиновик. Нахмурился, припоминая, имеются ли подобные алмазы в личных запасах ювелира. — Очень хорошо, что вы решили заказать работу с таким замечательным камнем именно мастеру Томазо! Знаете ли, клан Данкенхольф, к которому он принадлежит, прекрасно чувствует душу драгоценностей…

— На мой взгляд, — покачал головой карлик, — у мастеров из клана Гогенбрутт получается еще лучше. Но не буду спорить. Тем более, что я не собираюсь заказывать новое кольцо — я ищу вполне старое. Украшению, о котором идет речь, лет… хмм… кажется, триста.

— Ой, — по-детски растерялся приказчик. — Простите великодушно, сударь, но таких диковин у нас нет. Вы же знаете этих гномов, — развел руками Осиновик. — Для них дело чести — торговать исключительно собственными изделиями. Единственные старые вещи, которые у нас имеются — сделаны родней мастера Томазо, но, к моему величайшему сожалению…

— Что ж, очень жаль, — забренчал длинными бледными пальцами по прилавку карлик. — Простите, что отнял у вас время.

— А может быть, сударь, вы все-таки взглянете на некоторые работы здешних ювелиров? — радушно предложил Осиновик.

— Нет, моя хозяйка хочет вернуть именно это колечко. Полтора века назад потеряла, а теперь вдруг вспомнила, и подавай его, и никакое другое. Капризы, вы же знаете этих женщин… — пожал узкими плечами карлик.

— Да уж… Найти одно колечко, даже со столь примечательным камнем, на землях Кавладора — всё равно, что иголку — в стоге сена, — искренне посочувствовал Осиновик.

— Позволю себе с вами не согласиться, сударь, — покачал головой карлик. И, покряхтывая, стал слезать с высокого стула. — Развеять сено в поисках иголки, или запустить в него дюжину огненных саламандр, чтоб они спалили всё лишнее — моей госпоже раз плюнуть. А вот найти стог, в который упала иголка, да еще выяснить, в стог ли ее угораздило, или в какое-нибудь болото, северный айсберг или горный ледник — вот это действительно работенка…

— Эй, — вдруг осенило приказчика. — Господин хороший! А

колечко, которое вы ищите, случайно, не волшебное? Тогда спросите мэтра Иллариана! Он живет на улице Гортензий и торгует артефактами! Может, он что-то слышал о вашей пропаже…

— Благодарю, — проворчал карлик. Доковылял до двери, сухо попрощался, звякнул колокольчиком и скрылся из виду.

— Эй, сударь, а может, вашу госпожу заинтересуют какие-нибудь ожерелья? Или диадемы? Мастер Томазо прекрасно их делает! — закричал Осиновик, выскакивая следом.

Увы, улица была пуста — странный посетитель просто растворился в воздухе. Пожав плечами, приказчик вернулся к своему чтению. Самая полезная, с его точки зрения, информация оказалась на последней странице "Талерина сегодня".

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Министерство Спокойствия королевства Кавладор разыскивает по подозрению в организации побега опасного преступника, Хрумпа из Пелаверино, свершившегося в четвертый день месяца Барса в окрестностях Тьюсса:

1. Любомарту из деревни Нижняя Исподвысковочка. Приметы: девица пяти локтей шести дюймов роста, волосы светлые, цвета соломы, замаскированы фальшивой косой того же колера. Глаза светлые. Лицо красит. Рот большой, голос громкий.

Особые приметы: путешествует вместе с матерью, Ханной.

2. Ханну из деревни Нижняя Исподвысковочка. Вдову Афеногона из Чудур, Жерома Толстого из Тьюсса, Буньиго-Пьяницы (место рождения неизвестно), Семеона из Водеяр, Людовика из Анжери, Людвига из Талерина, Самуэля из Литтл-Джока, Нестора Подушки из Флосвилля, немного свинопаса из Верхней Исподвысковочки, брата Трудолюбие из Ордена Мегантира Степенного, Ваньки Вяленого из Охохо и Казимира Тощего из Тьюсса.

Приметы: возраста обманчивого, росту четыре с половиной локтя, спина постоянно сутулая, голова маленькая, прическа темная, всклокоченная. Рот маленький, но болтливый. Лицо старушечье.

Особые приметы: при виде Ханны очень хочется плюнуть и сбежать подальше. Говорит много, но без толку.

Помимо указанного обвинения от Министерства Спокойствия, Ханна разыскивается Министерством Чудес по поводу ее не лицензированной ведьмовской практики.

Дамы и господа! Будьте бдительны! При появлении поблизости этих опасных преступниц (смотри картинки) зовите на помощь полицию (смотри инструкцию в картинках, как это делать правильно и научно обоснованно)!

Так как других посетителей, помимо странного карлика, в

лавке не наблюдалось, Осиновик сложил газету и занял наблюдательный пост в дверях, готовый звать полицию при первом же удобном случае.

Судьба любит пошутить. Поэтому ни в этот день, ни в следующие пятьдесят лет, с господином Осиновиком больше ничего странного не случалось.

Талерин, ресторация "Алая роза"

Пробуждение было кошмарным.

Нет, всё понятно — и похмелье, и муки совести, связанные с тем, что он, Ньюфун из клана Кордсдейл, дошел в своем стремлении к наживе до того, что, как какой-нибудь человек, обманывает посетителей ресторации собственной сестры… И похмелье… Оно было столь значительным, что заслуживало многократного упоминания.

Но больше всего проснувшийся Ньюфун страдал от женщины.

Красавица Изольда разбудила его, если выражаться по факту, а не по степени цинизма действия, поцелуем. Гном пытался отмахнуться, тем более, что ему снилось, будто он заночевал в лесу, и, как персонаж какого-нибудь слезливого романчика, стал объектом поклонения лесных обитателей. Но Изольда лишь крепче приложилась сначала к щеке почивающего в полуразрушенной кухне гнома, потом добралась до его кончика носа, потом принялась что-то такое делать с бородой…

— Ты чего? — проснулся Ньюфун и отодвинулся как можно дальше от навязчивой пробудительницы.

— Ах, Ньюфун! Доброго тебе утра! — закатив глазки, ответила Изольда. Она сидела рядом и маньячески настойчиво тянула к нему, славному гному из орбурнского клана Кордсдейл, свои жадные ручки. — Приветствую тебя и сердечно поздравляю с началом новой жизни!

Ньюфун задумался.

— Чьей жизни? — уточнил он.

— Нашей, разумеется, нашей! — прочирикала Изольда и снова сделала попытку поцеловать Ньюфуна. Попала куда-то в шлем. — Ах, дорогой, как я счастлива!

— С чего это? У тебя что, канарейка сдохла? — поинтересовался гном. Утрата канарейки, или другой маленькой птички, которую удобно носить с собой в небольшой клетке, была единственным событием, которые суровые жители гор считали оправданием странностей в поведении своего собрата (или сосестры). Обычно птички дохли, если гном путешествовал по отдаленным шахтам и вновь пробитым подземным ходам, что, как правило, сопровождалось вдыханием выделяющихся из стен и

штолен странных газов, или даже взрывами, пожарами и сотрясением. Как повезет — мозгов или земли, но обычно и того, и другого. Ничего удивительного, что многие гномы начинали вести себя странно при смерти *любой* комнатной пичуги, даже если находились в сотне лиг от потенциальной опасности.

Изольда, разумеется, о гномьих традициях, комплексах и приметах понятия не имела, поэтому, не тратя силы на размышления, продолжила атаку. Она обняла Ньюфуна за широкие плечи, пристроила голову ему куда-то между кольчужным плечом и шлемом, и прошептала:

— Ах, дорогой, теперь нас ждет райская жизнь!

— И не такое уж страшное у меня похмелье, — осторожно, стараясь не двигаться, ответил гном, отстраняя от себя странную девушку, — И хуже бывало.

Изольда нежно улыбнулась, посмотрела Ньюфуну в лицо, легонько чмокнула его в кончик носа.

— Мои родители согласны. Я их вчера уговорила. И они подсказали мне, что твоим родителям лучше сделать сюрприз. Они любят приятные неожиданности?

— Маменька — да, — Ньюфун сделал еще одну попытку отодвинуться от девушки. Да человеков с такими странностями поведения связывать надо! А может, это у нее сезон такой? Или действительно, канарейка сдохла? Ньюфун из клана Кордсдейл был воспитанным гномом, хоть и умело скрывал этот факт грубоватой манерой поведения, а потому знал: если на вас вешается женщина, ни в коем случае не роняйте ее на пол. По крайней мере, оглядитесь, вдруг рядом с вами возведена виселица, и немедленно перевесьте даму как-нибудь понадёжнее.

Да, но почему именно эта женщина вешается именно на него, Ньюфуна? Что, человеческих мужчин ей мало?

— Маменька у нас последние пятьдесят лет занялась торговлей редкостями и странностями, поэтому очень любит, когда кто-то неожиданно двое понижает цену, или, наоборот, плохо разбираясь в искусстве, покупает втридорога… А папенька у нас суров. Ему подавай сталь, он из нее сделает механизм, потом снова — сталь, снова механизм, механизм — сталь, сталь — механизм, ну, иногда он, конечно, позволяет себе изобрести новую пушку, но не более того. А что?

— Я заранее обожаю все его изобретения, — с чарующей улыбкой ответила Изольда. Она смотрела на Ньюфуна так нежно, так ласково, что гном вдруг почувствовал себя… хмм… *небритым?* — И уже предвкушаю, как мы подружимся с твоей маменькой! Где мы будем жить? — перешла к деловым вопросам девушка. Осмотрела кухню, требующую срочного ремонта. —

Здесь?

Выкарабкавшись из объятий Изольды, Ньюфун подумал, что догадался, зачем она вдруг заявилась в "Алую розу":

— А, ты по поводу того, что случилось у тебя в спальне…

— Да! Ты запомнил! — обрадовалась Изольда. И снова бросилась целоваться. Гном, морщась от отвращения, подставил шлем:

— Ты не думай, я все компенсирую. Кирпичи, цемент и доски я уже нашел, вечером приду, стену залатаю, всё будет, как новенькое. Это ж не фиг делать — поставить на место несколько кирпичей да починить сломанную ножку кровати…

— Можешь не спешить, я, пожалуй, поживу здесь. Комната Далии сохранилась? — Изольда вышла из кухни в обеденную залу и по-хозяйски оглядела помещение.

— Не думаю, что она разрешила тебе пользоваться ее вещами, — осторожно заметил гном.

— Ах, Ньюфун, но ведь Далия — всего лишь квартирантка Напы, а я — ее родственница. Почти. Конечно, свадьба еще не состоялась — но это пустая формальность…

Ньюфун нахмурился:

— Погоди, я не совсем понял про «родственницу». Ты что, приходишься родней мелансонским Кордсдейлам? Нет-нет, я ничего не имею против смешанных браков, — спохватился вежливый и воспитанный гном. Ну, в глубине души он был именно таким. — Всякое бывает. Правда, обидно, что это случилось с нами, Кордсдейлами, а не с какими-нибудь Шнапсштельмайерами или Штрудельгольцами… Хотя про Гогенбруттов вообще ходят слухи, что когда-то давно они водились с *эльфами*… бррр…

Вежливого, воспитанного, а главное — тактичного гнома перекосило от отвращения.

Изольда, блистая ослепительно-белой улыбкой, золотыми кудряшками и чем-то шелковым, розовым, что в портновской лавке имело наименование "наряд Легкомыслие", подошла к Ньюфуну, присела, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и проворковала нежно и трепетно:

— Это прекрасно, что ты человек… в смысле, гном широких взглядов. Я обож-жаю, — страстно прошептала она, — решительных мужчин. Поцелуй же меня, и поспешим к священнику! Отец Джером из Обители Отдохновения Ночного редко спит, так что он сможет обвенчать нас уже через полчаса!..

— Эй, ты что, с дуба рухнула?! — отступил гном, выворачиваясь из длинных цепких ручек красавицы. Хотя какая она красавица? У нее и рост, по гномьим меркам, зашкаливает, и

силы никакой в руках не чувствуется… И вообще, она какая-то безбородая… — Ты б постеснялась! Вот еще — лезет целоваться средь белого дня! Что приличные гномы о тебе или обо мне подумают?..

— Ах, какое мне дело до условностей! Тогда, ночью, когда ты, окутанный огнем страсти, ворвался ко мне в спальню…

— Не было никакого огня! — запаниковал Ньюфун. — Так, взрывом подожгло мне куртку, не более!..

— И закричал о своей любви!..

— Я не кричал, я ругался!

— А я твои слова услышала как любовное признание. Ну-ка, повтори, что ты тогда говорил?

Гном густо покраснел. Узнает папенька, *какие* слова и выражения использовал для определения своего состояния сын, пролетающий Университетский квартал и таранящий одно строение за другим, ведь выпорет. Не посмотрит на то, что отпрыску уже семьдесят семь лет.

— Ага, врожденная стыдливость мешает тебе раскрепоститься и дать свободу своим желаниям! Не волнуйся, — поспешила утешить Ньюфуна Изольда, — когда мы поженимся, ты познаешь всю глубину моей страсти!..

— С чего это я на тебе женюсь?!!

— А с чего это ты решил, что можно забираться ночью в спальню к порядочной девушке, а потом на ней даже и не жениться? — возмутилась Изольда. Но тут же одумалась, укротила раздражение и вернулась в романтический образ: — Ты покорил мое сердце! Твой звон… Звон, ты… нет, как-то не так. Погоди, — она достала из сумочки шпаргалку, сверилась, и продолжила монолог: — Звон твоей кольчуги отозвался грохотом по наковальне моей души!.. Люблю тебя, мой горнорудный!

Ньюфун похлопал глазами, поразмыслил, и стал очень осторожно отодвигаться от девушки, открывший ему свои объятья.

— Чего ждешь? — спросила Изольда, которая немного устала стоять с вытянутыми для поцелуя губами. — Ньюфик, любимый, давай не будем тратить время зря! Поцелуемся — и к священнику…

— *Ньюфик*?! — подпрыгнул гном. — *Любимый*?!!! Так ты что, серьезно?!

— А ты думал, я шутить такими вещами буду? Конечно, серьезно. Свадебный контракт составлять будем? Конечно, я понимаю, что гномы живут дольше людей, но вдруг ты захочешь прямо сейчас подарить мне что-нибудь ценное — чтоб не было потом, при разводе, разговоров о том, имею ли я право сохранить

за собой подарок… Кстати, Ньюфик, дорогой, а сколько, приблизительно, ты зарабатываешь в год?

У Ньюфуна затряслись борода и губы, он выдал несколько "тыр… быр… мыр…", после чего, наконец, вспомнил нужное имя и заорал на весь дом:

— Джоя! Эй, малохольная, как тебя! Джоя! Госпожа будущий алхимик! Сударыня! Барышня Джоя! Объясните, как поступают человеки в таких ситуациях?! Если я поточу об эту *асан'к-тэ* топор, меня в тюрьму посадят, или только заставят на виселицу смотреть?! Барышня Джоя! — так как Изольда не унималась и снова тянула губы к его драгоценной особе, Ньюфун не выдержал, и, забыв не только о солидности, но и о фамильной агорафобии, рванул вверх по лестнице, вопя: — Помогиии-иите!..

Мансарда, которую занимала вторая напина квартирантка, была пуста. То есть, конечно же, там были и письменный стол, и стул, и развешанная на шкафу одежда, вот только Джои там не было. Как и огромного сундука, в котором она имела привычку спать.

— Где же она? — запаниковал Ньюфун. Бросился на второй этаж. Заглянул в комнату мэтрессы Далии, в соседнюю, в огромную напольную вазу с сухим букетом (наследие прежних владельцев ресторации)… — Барышня, вы где?

— Я здесь, любимый! — отозвалась из обеденного зала Изольда.

— Тьфу на тебя! где Джоя? Она же должна быть здесь! Где она? Где?!!

Слушая, как носится по верхним этажам ресторации перепуганный гном, Изольда улыбнулась, поправила рукава платья и стала задумчиво прикидывать, сколько можно выручить, если продать коллекцию оружия, собранного Напой Леоне на стенах ресторации. Девушка не зря вот уже четвертый год посещала занятия в Университете — слово «учиться» по отношению к этим посещениям не рисковали применять ни преподаватели, ни сама Изольда. В любом случае, что-то в память просочилось, хотя возможно, это был побочный эффект ношения черной мантии. Поэтому Изольда знала, что с течением времени стоимость всего это боевого железа может только повышаться. Да, но, может быть, она уже достаточно повысилась, и сможет компенсировать предприимчивой возлюбленной низкий рост и чудаковатость объекта ее устремлений?

— А ты что такое? — спросила Изольда у металлической свинки, прикованной цепями в углу. — Жаль, что тебя так расцарапали. А то я бы тебя продала монет за десять-двенадцать…

— Не трогай! — завопил Ньюфун с лестницы. Потом опомнился: — Хотя нет, тебе можно! Айра, где Айра?!

Он сбежал вниз и бросился искать соучастника порохового взрыва:

— Айра!

— Что… Я еще сплю, — пробурчал рыжий мастер, почивающий в кладовке.

— Где Джоя? И где ее сундук?! Как теперь я узнаю, куда она спрятала деньги, которые я вчера заработал нелегким кулинарным трудом? И где — только сейчас заметил — тот пьяница, которого я вчера подпаивал?! Он должен лежать здесь, у стола, и мучиться кошмарным похмельем, а его нет!! Никого нет!!

— У тебя есть я, — проворковала Изольда. Свинья уже была забыта.

— Куда все подевались?! Почему никого и ничего нет на месте?! Это всё чокнутая алхимичка научила мою бедняжку-сестру беспорядку! Только у Напы могло хватить мозгов покупать дом, который то взрывается, то позволяет теряться своим обитателям!..

В этот момент в разоренную кухню, где устраивал скандал гном-растеряха, залетел большой черный ворон. Громко хлопая крыльями, приземлился на холодную плиту, протянул лапу, к которой был привязан свиток; дождавшись, когда его освободят от ноши, он каркнул, взлетел, сделал круг по кухне, уронил на Изольду белое пятнышко и вылетел в окно.

— Это для тебя, — прочитал Айра подпись. — Судя по почерку, Напа. Как она? — с печалью спросил он у Ньюфуна.

— Скучаешь? — уточнил Ньюфун.

— Очень, — вздохнул Айра.

— Любовь — это так прекрасно! — восторженно завопила Изольда.

— Ладно, рыжий, поверю, — почесал бороду Кордсдейл. — Вот только кто уже успел донести Напе про взрыв на кухне? Это, случайно, не по твоей просьбе она просит меня особое внимание уделить кладовкам?.. Нет? Тогда давай разбираться по порядку. Значит, ты сейчас берешь в руки инструменты и начинаешь убирать следы взрыва из ресторации.

— Хорошо, — легко согласился Айра. — Я и так планировал этим заняться… Вот только позавтракаю.

— Ешь, — разрешил Ньюфун. — Только, смотри, кого ты ешь — если вдруг попадется Черно-Белый Кот… Если он вдруг отыщется внутри кастрюли, сваренным… — Борода Ньюфуна вдруг приобрела сверхъестественные свойства и верно угадала, какое будущее — вернее, полное его отсутствие — ожидает ее

после возвращения Напы. Ньюфун приказал воображению знать меру и попытался вернуться к реальности: — Если вдруг окажется, что кто-то вчера, по пьяни, приготовил из него шашлык…

— То я его есть не буду, — понятливо согласился Айра.

— Да, а то Напа нам устроит… А я пойду, поищу Кота, Джою и ее сундук по окрестностям. Не могли они далеко убежать! Сундук тяжелый, Кот его в одиночку не утащит. Хотя…

— А в ходе поисков мы заглянем к отцу Джерому! — ласково погладила Ньюфуна по шлему Изольда.

— Нет, я отведу тебя в Обитель Премудрой Прасковии, может, тебя вылечат!..

— Я хочу к отцу Джерому!

— Отстань от меня!

— Любимый, не сердись…

— Брысь!

— Ах, мой тугоплавкий! Ты разбиваешь мне сердце!..

Оставшись на кухне "Алой розы" в одиночестве, Айра из клана Моргенштерн задумчиво почесал голову и пожал плечами. Интересно, конечно, узнать, какие события произошли, пока он отсыпался после трудового дня, но кирпичи, раствор и инструменты ждать не будут.

И он пошел работать. Как обычно, с именем Напы Леоне на устах.

Луаз, улица Гортензий

Мэтр Илларион вовсе не был единственным, заслуживающим упоминания, магом Луаза. Он даже не был самым могущественным или самым именитым среди волшебников и чудотворцев, населяющих восточную провинцию Кавладора. Тем не менее, как показывала практика, именно мэтр Илларион всплывал в памяти жителей Луаза, если вдруг требовалась консультация по магическим вопросам.

Мэтр Илларион обладал счастливым, незлобивым нравом, никогда не доводил отношения с окружающими до открытого противостояния, занимался благотворительностью (редко), устраивал пышные праздники (часто), умел быть полезным, умел быть учтивым и тактичным, а еще… еще он был неравнодушен к прекрасному полу. Это «неравнодушие» привело к тому, что приблизительно пятнадцать процентов горожан считали Иллариана практически родственником. Да, все понятно, пока злословят завистники, пока вам шлют в спину проклятия адепты высокоморальных Орденов, признавать, что ваша родственница, обязательно — дальняя и почти не знакомая, завела интрижку с

каким-то там чудиком… Кхм, неловко, право слово, неловко. Но лет через двадцать неприятности забываются, а хорошие отношения с мэтром Илларианом — остаются.

Женился маг преступно редко — раз лет в пятьдесят. Свадьбу обычно играл в Обители Святого Париса, покровителя всех, совершивших супружескую измену, чтоб, значит, заранее предупредить супругу о том, как будет развиваться их семейная жизнь…

В год Черного Лебедя Илларион находился в состоянии интенсивного поиска дамы сердца. В прошлом году, путешествуя по Буренавии, он не удержался, завел интрижку с женой советника короля Мирмидона. Обманутый муж, вот незадача, оказался ревнивцем и большим приятелем капитана Саблезубов(15). Составляющие полк Саблезубов оборотни вняли призыву своего командира и устроили форменную охоту на любвеобильного путешественника, вынудив не только сбежать из Лугарицы, забыв там половину собранных для переправки в Луаз артефактов, но и искать пристанища в глухомани. Скрываясь от настойчивых преследователей в Чудурском Лесу, Илларион оказался в деревеньке с кошмарным, переполненным безысходностью и тоской названием Нижняя Исподвысковочка, где его угораздило связаться с местной первой красавицей, Любомартой. Первое время отношения были вполне хорошими, да еще матушка Любомарты, старательно выдающая себя за ведьму, помогла избавиться от волчье-барсового сопровождения. Правда, потом, почувствовав, что спасительницы всерьез решили выйти за него замуж, перебраться в благословенный Луаз и оккупировать его трехэтажный особняк на улице Гортензий, мэтр Илларион впал в панику и, страшась возможного скандала, сбежал уже из Исподвысковочки.

Случившиеся побеги были серьезным ущербом для самомнения волшебника, а значит, обязывали всю эту историю как можно скорее забыть.

Поэтому шестой день месяца Барса, начавшийся для мэтра с чтения столичной диковинки, газеты "Талерин сегодня", вышел печальным и исполненным раздумий. Если верить столичным собирателям сплетен, Любомарту и Ханну искали в связи с побегом опасного преступника; может быть, долг Иллариана — помочь им?

Но ведь поможешь — мало того, что рискуешь нарушить закон, так еще и жениться, не допусти Парис, придется на этой… Вспомнив роскошную, истинно Исподвысковочковую красоту Любомарты, Илларион содрогнулся.

Когда слуга тихим шепотом поведал, что мэтра желает видеть

посетитель, Илларион был рад отвлечься от решения моральной дилеммы. Он поправил тяжелую цепь с аметистами на шее, серьгу с рубином в ноздре, пересчитал кольца на руках, взял свой самый красивый и ценный магический посох и спустился на первый этаж в гостиную, где увидел на редкость уродливого карлика, изучающего развешанные на стенах художественные полотна.

— Вертанская школа живописи, — с удовольствие похвастался мэтр Илларион. — Посмотрите сюда: прославленный шедевр маэстро Брюля, "Завтрак на троих".

Карлик посмотрел на холст, где три тролля на фоне валунов жадно ссорились из-за полуразделанной кровавой туши, и выразил должный восторг:

— Прекрасное чувство цвета. Композиция неплоха… Художник принимает заказы?

— К сожалению, он умер лет триста назад, — с приличествующей случаю печалью ответил мэтр Илларион.

— Жаль. Я бы заказал ему пару портретов, — карлик покачал круглой головой.

— Если вас интересует живопись, могу познакомить с несколькими ценителями, — предложил Илларион, прищуриваясь, чтобы разглядеть ауру незнакомца.

— Благодарю, — сухо отказался карлик. — Этого не требуется. Я здесь по делу. Ищу, знаете ли, кольцо с голубым бриллиантом.

Волшебник нахмурился. Что за… Что за штучки?! Аура карлика расплывалась, будто кто-то специально отводил Иллариану глаза. Но ощущения Силы, волшебной мощи от коротышки Илларион не улавливал, нисколько. Что за демонова свадьба?!

А, вот в чем дело!.. Карлик-то не так прост. На нем — как минимум дюжина артефактов, да, видать, не слабеньких…

— Мне посоветовали спросить у вас, — между тем продолжал посетитель, — Как у лучшего знатока артефактов к востоку от Талерина.

— Я лучший во всем Кавладоре, — гордо засопел задетый за живое Илларион. Рубин в носу дернулся. — А что, это кольцо…

— Нет, оно не артефакт, — поспешил заверить карлик. — Никаких волшебных свойств своему обладателю не придает, да и пророчеств, связанных с ним, лично я не знаю.

Чувствуя, что незнакомец чего-то не договаривает, Илларион добродушно улыбнулся (серьга в носу снова дернулась) и предложил поведать ему любой секрет. Он, мэтр Илларион, хранить их умеет.

— Вообще-то, — с оттенком смущения карлик сложил

«домиком» длинные пальцы. — Это самое кольцо… Оно не то, чтобы потерялось… Мм… Моя госпожа — вы же знаете этих женщин, каждый день — новый каприз, — полтораста лет назад подарила колечко в знак своего расположения некоему рыцарю. То ли он спас ее от волков, то ли от разбойников, то ли она хотела посмотреть, подходит ли камень кольца по цвету его глазам — уже не важно. Но существует проблема: видите ли, кольцо, по традиции наших мест, вручается отважному, славному воину. Тот рыцарь, видимо, этому критерию удовлетворял. Но удовлетворяет ли этому важному требованию нынешний владелец камня? Вот в чем вопрос! Дарить наш камень каким-то наследникам, или, допустим, жадным перекупщикам, грабителям и мошенникам, мы не собираемся.

Илларион понял из этого объяснения самое главное:

— Простите мне мое любопытство, но верно ли я разобрался, что ваша госпожа — волшебница?

Карлик хмыкнул. Потер кончики пальцев.

— Будем считать, что я ответил «да».

— Должно быть, очень могущественная, если судить по вашим амулетам и артефактам, — пробормотал Илларион. Карлик расчетливо прищурился, наблюдая за волшебником. — Странно, что я не слышал о коллеге, которая…

— Держит на службе маленького уродца? — подсказал карлик со злой иронией.

— Имеет привычку вознаграждать отважных воинов драгоценными кольцами, — вовремя исправился Илларион. Он принял решение выяснить как можно больше о даме, способной творить столь хитрые и… хмм… интересные вещицы — с каждой секундой разговора Илларион убеждался, что артефакты, которыми пользовался карлик, сделаны истинным мастером и могут принести неплохой доход.

А может, она, к тому же, окажется недурна собой, и можно будет скрепить ее талант и его предприимчивость священными узами брака?

— Мой долг — помочь коллеге по Магическому Искусству. Я сегодня же свяжусь со своими друзьями в других городах и узнаю, не встречалось ли им кольцо вашей госпожи. Где вы остановились, господин..? — Илларион сделал выразительную паузу, ожидая, что карлик сейчас назовет свое имя.

Тот проигнорировал подсказку.

— Нигде не остановился. Я вообще очень быстро бегаю…

— Тогда бы почему вам, пока идут поиски, не пожить в моем доме месяц или два? — радушно улыбнулся Илларион (серьга с рубином подпрыгнула). "И дать мне возможность изучить… хотя

бы пуговицы вашего камзола?! Это ж прелесть — избирательный телепорт, материализованный в столь прагматической и внешне очевидной вещи! А остальное? Да лишит меня Святой Парис очередной тещи — я, даже я, не смотря на всю свою квалификацию, лишь почувствовать спрятанные у маленького уродца артефакты, но не понять принцип их действия!" — У меня прекрасный повар, в подвалах найдется отменное вино, мы будем коротать вечера в беседах о живописи!..

— Лучше я зайду к вам через несколько недель. Если, конечно, вы к тому времени будете живы… — мрачно смерил волшебника взглядом карлик. Илларион был чуть ниже среднего роста, но по сравнению с щуплым, недотягивающим до трех локтей роста коротышкой выглядел истинным гигантом.

— Я не собираюсь умирать, — засмеялся луазский маг.

Карлик растянул в косой улыбке тонкие губы, скрывая насмешку в маленьких глазках. Убедившись, что его злобный вид не остался не замеченным оторопевшим собеседником, коротышка схватился за четвертую пуговицу камзола, включил артефакт невидимости… и исчез.

Добежал до двери, с шумом отворил и захлопнул ее, а потом, стараясь держаться подальше от мельтешащих по дому слуг, на цыпочках прокрался в лабораторию мэтра.

Неумеха, — мысленно ворчал карлик. — Узнал пару фокусов — туда же, мага из себя корчит! Имеет наглость предлагать мне — мне!!! — свою помощь!

Воспользовавшись тем, что Илларион остался в гостиной, карлик открыл шкатулку с корреспонденцией мага и начал изучать послания от тех, с кем хозяин дома поддерживал деловые отношения. Вот еще… просить неумеху познакомить с другими, такими же неумехами, чтобы те развели руками и накормили просьбами подождать месяцок-другой, дав им время на поиски?

Нет, ему надо действовать быстро. Пока гранды Магического Искусства не очнулись от сладких грез и не поняли, кто заявился к ним в гости. А то получится, как в прошлый раз…

Так, надо посетить Вертано, Лугарицу… Аль-Миридо? Хмм, и поздороваться с Пугтаклем? При воспоминании об эльфе карлик скривился и стал еще активнее читать чужую переписку.

В шкатулке нашлись письма из Шуттбери, Филони и Химериады. Пожалуй, надо начать с кентавров, решил карлик. А поиски в Ллойярде и Кавладоре оставить на потом. А то действительно, получится, как в прошлый раз…

Злым тихим словом поминая женскую привычку отличать заслуженных воинов, дарить им кольца, а потом посылать верных слуг на поиски — не воинов, хвала богам, а всего лишь

колечек! — карлик покинул кресло, запер шкатулку, осмотрелся… Заметил на ковре выпавший листок. Хм, какой-то Раддо просить спешно раздобыть артефакт для сканирования памяти и спрашивает, всё ли готово у Иллариана к победе в Великой Пустыне. Спасибо, неизвестный Раддо, что напомнил — надо еще будет заглянуть в Хетмирош, вдруг тот рыцарь добрался до Эмирата и оставил кольцо там?

Хмм, речь идет о каком-то сражении? Что значит — победа в Великой Пустыне? Они снова развлекаются магическими войнами, а нас не пригласили?

Обязательно надо заглянуть в Хетмирош, решил карлик. Госпоже будет любопытно, чем сейчас развлекаются маги этого мира…

Он нажал на верхнюю пуговицу, открывая в ближайшей стене переход; дождался, когда мелькнет зеленая травка известного ему заповедного луга, расположенного неподалеку от столицы Фносса, и покинул дом на улице Гортензий.

Талерин, Министерство Спокойствия. После полудня

У входа в Министерство Спокойствия стояли два охранника — один вооруженный странной формы пикой, а второй — огромным ятаганом, — и подозрительно осматривали каждого посетителя с головы до ног. Ньюфун смутился. Нервно разгладил бороду, поправил шлем, взял боевой топор на плечо, совсем было решился войти, но в последний момент чего-то испугался. Поплевал на ладонь, протер едва заметное пятнышко грязи на плече, подергал поясной ремень, чтоб не сбился на бок, посмотрел, сверкают ли пряжки на сапогах…

— Может, всё-таки сначала к священнику, а потом займемся составлением контракта? — снова повторила свое предложение Изольда. И снова сделала попытку пристроиться к гному поближе. Так как целовать его она, как ни старалась, не успевала, пришлось придумать новую тактику: при каждом удобном случае Изольда лезла обниматься.

Ньюфун уже устал отбиваться от навязчивых предложений; однако инстинкта самосохранения еще не потерял. Поэтому он не стал рубить Изольду топором на части, а всего лишь увернулся из ее рук и бросился в здание Министерства.

— Мне инспектора Клеорна. По важному делу, срочно!

В Министерстве Спокойствия, по сложившейся традиции, стоял дым коромыслом, и горела земля под ногами чересчур исполнительных сотрудников. Изольда, девушка видная и приметная в любом обществе, была сразу же обнаружена бдительными стражами Спокойствия Кавладора, вследствие чего

с ней начали сталкиваться с обидным постоянством. Пользуясь относительно низким ростом, Ньюфун убежал далеко вперед, правда, заблудился в коридорах Министерства, но все-таки нашел нужного человека.

— Инспектор!..

— Тсс, не будите его, — попросил Лео. — Лучше помогите мне довести его до кабинета штатного мага-телепортиста.

— Вы собираетесь куда-то? — сделал мудрое наблюдение гном, подставляя плечо.

Мэтр Лео, транспортирующий сонного Клеорна по коридорам Министерства, счел необходимым объяснить:

— Нас отправляют по служебной необходимости в Луаз. Не беспокойтесь, это буквально на несколько дней.

— Да-да, вернуть! Вернуть их немедленно! — очнулся Клеорн. Вернее, попробовал очнуться, обвел пространство безумным взглядом, уронил голову и снова захрапел.

— Похоже, у инспектора индивидуально-специфическая реакция на успокаивающий эликсир, — покачал головой Лео. — Пусть его проспится до вечера.

Ньюфун сосредоточенно подумал над информацией.

— А я ведь с ним по делу поговорить пришел… Слышь, ты, твое магичество! ты ведь тоже сыщик?

— Ну, в какой-то мере, — гордо похвастался Лео. — Я, конечно, волшебник, но и на сыщика прилежно учусь. А что, у вас что-то пропало?

— Да. Девица.

Лео посмотрел по сторонам, заметил Изольду и прошептал:

— Она сзади, любезничает с каким-то капралом.

— Да не эта, а другая, которая жила в мансарде у моей сестрицы. А с ней — кот. Тоже пропал. Я уже был на кладбище, в мясном ряду рынка, прошел половину рыбных лавок города — ни Кота, ни девушки! Мне кажется, ее похитили!

— Похитили! Ее похитили! Я спасу, непременно спасу вас, Далия!.. — пробормотал Клеорн, не выходя из бессознательного состояния.

Эксперт Министерства по вопросам волшебства и магии сделал умное лицо:

— С чего вы взяли, что ее похитили, господин Ньюфун? Вдруг она — Джоя, так ведь? — куда-нибудь ушла сама, или с друзьями?

— Я уже был в Студенческом Доме. Все приятели Джои, которые там отыскались, сказали, что не видели ее со вчерашнего дня. А еще, — вспомнил Ньюфун о подозрительном факте, — из ресторации пропал клиент, которого вчера я упоил до отключки.

Может быть, его тоже похитили?

— Когда происходит похищение, — глубокомысленно изрек Лео. — Обычно приходят послания от злоумышленников с требованиями выкупа. Вы получали какую-нибудь корреспонденцию утром?

— Получал, — признал Ньюфун. Достал из шлема письмо от Напы и протянул магу.

На мэтра Лео впервые в жизни смотрели… Ну, снизу вверх на него, если честно, уже глазели, те же самые дети советника Штрау Штрудельгольца. Но никогда раньше на мэтра Лео не смотрели с такой надеждой, с таким ожиданием — в полном смысле этого слова — Чуда… Разве что прекрасная Элоиза, тогда, в парке замка Фюрдаст…

Сравнение Ньюфуна Кордсдейла и Элоизы Росинант отрезвило замечтавшегося волшебника и вернуло его к требованиям актуального момента.

— *Дорогой Ньюфун… Пожалуйста, проверь кладовки ресторации… Скажи, что я скучаю… сапиенсологические выверты Далии не дают мне возможности… Не забывай кормить*…Здесь нет требования выкупа. А о шумеретских разбойниках явно упомянуто вскользь. Думаю, вам не о чем волноваться!

— У тебя, твое магичество, явно не было младшей сестренки, — разочарованно ответил Ньюфун. — И тебе не устраивали головомойку всякий раз, когда она влезала в неприятности — дескать, что это за старший брат, который не может приглядеть за малышкой!.. Да если Кот и девица к ее возвращению не найдутся, знаешь, что маменька с папенькой мне устроят? Не знаешь — я вот тоже не знаю.

— Дорогой! — прощебетала Изольда, подходя к разговаривающим мужчинам. — Я узнала, где тут составляют завещания. Пойдем, навестим нотариуса!..

— Ладно, пойду сам поищу свою пропажу, — вздохнул Ньюфун, бросил инспектора и мага на произвол судьбы и ловко ускользнул от жадных объятий Изольды.

— Мой камнедробильный! Куда ты! — побежала девушка за гномом.

Лео зафыркал от сдерживаемого смеха. Доволок не приходящего в себя Клеорна до кабинета штатного телепортиста и попросил перебросить их в Луаз. Официальные расследования Министерства — ждать не будут!

Луаз. Через несколько часов

Инспектор Клеорн очнулся рывком, сразу. И несколько секунд моргал, не понимая, где находится. Мягкий свет

склонившегося к горизонту солнца озарял простецкое, небогатое убранство незнакомой комнаты. У интерьера было бесспорное достоинство — здесь было чисто. Чрезвычайно чисто — после небольшой ревизии памяти, Клеорн опознал господствующий в помещении запах. Это было хорошее, качественное мыло с добавлением травок и эссенций.

"Неужели меня похитили какие-нибудь мыловары?" — прокралась в сознание сыщика мысль. Потом в комнату, где на жесткой деревянной скамье отдыхал инспектор, вошел мэтр Лео и второй мэтр Лео, который при ближайшем рассмотрении оказался его матерью. Хотя, если бы не женское платье, передник и лишних тридцать лет, украсивших лицо морщинами, Клеорн готов был поклясться, что волшебник таинственно раздвоился.

— Это моя матушка, — расплывшийся в счастливой улыбке Лео начал церемонию знакомства, — А это — мой начальник в Министерстве Спокойствия. Самый лучший сыщик, знаменитый инспектор Клеорн!

Матушка мэтра поприветствовала гостя неуклюжим книксеном и, высказав необходимость приглядеть за ужином, удалилась.

— Сейчас батюшка закроет лавку, и сядем за стол.

— Где это мы? Почему здесь ваши родители, Лео?.. Мы ведь не в Талерине, а где же? В Луазе?! Как мы здесь оказались? — закричал Клеорн. — Зачем?! Я должен спасать Далию! — схватил с каминной полки сложенную газету (мимоходом отметив, что это завтрашний, то есть от шестого числа, выпуск "Талерина сегодня") и приготовился атаковать ближайшего возможного противника.

— Не получится, инспектор. Господин министр поручил вам разобраться с убийством, которое вчера совершилось здесь, в Луазе.

— Да? Что-то я не помню такой просьбы…

— Утром. На совещании, — напомнил Лео. — Господин министр спросил — есть ли добровольцы, и вы сразу…э-э… напомнили о себе.

Волшебник решил не уточнять, что сам факт присутствия Клеорна на совещании, как и его согласие руководить расследованием запутанного дела, выраженное своевременным наклоном головы, было результатом его собственных, мэтра Лео, упражнений в левитации громоздких предметов.

На самом деле молодой маг вовсе не собирался издеваться над своим непосредственным начальником. Наоборот, Лео всячески желал Клеорну успеха — ведь дело, которое инспектор раскроет, так или иначе бросит отблеск славы на его самого, сына

скромного лавочника из Луаза. И чем преступление значительнее, — а по словам министра Ле Пле таинственное убийство Лека-Притворщика было именно таким, — тем больше фанфар достанется на долю сыщиков, его раскрывших!

Из этих же соображений Лео не препятствовал добравшимся до Клеорна журналистам брать у инспектора интервью.

— Что это?!! — заорал инспектор, показывая на заметку, в которой вдруг обнаружилось его имя. — Когда я такое обещал?! Кто тот писака, который посмел такое выдумать!!! Подать его сюда! Уж я-то ему обеспечу новости…

И разгневанный Клеорн, яростно потрясая кулаками, бросился к выходу.

— Инспектор! Вы только не волнуйтесь, инспектор! — побежал Лео следом. — Целители велели избегать вам стрессов, а то швы вдруг могут разойтись!

— Напомни мне посадить Ньюфуна Кордсдейла за то, что он держит в доме опасный для здоровья окружающих артефакт, — потребовал сыщик. — Сударыня, сударь, — он коротко поздоровался с родителями Лео, прибежавшим на шум. — Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство и откланяться. Где моя шляпа?

Матушка Лео спешно отыскала и шляпу, и плащ.

— Лео, за мной! — Клеорн едва сдержался, чтобы в присутствии пожилой пары не скомандовать их сыну "Ату! Фас!" — У нас нет лишнего времени! Мы должны как можно быстрее распутать все преступления! А главное, — добавил он драматическим шепотом. — Найти Далию!

Талерин, ресторация "Алая роза"

Изольда бегала вокруг запертой ресторации кругами, стучала в окна кухни, благо, трудолюбивый Айра уже вернул на место стекла, и выкликала своего ненаглядного, сталеварного и горнодобывающего.

— Ты уверен в том, что хочешь сделать? — еще раз спросил Айра у Ньюфуна.

— Больше всего на свете я хочу, чтобы этим занялся кто-нибудь другой. Например, ты. Но ты ведь с этой дурындой не сладишь…

Гномы посмотрели на прикованную в углу тускло-серую свинью-копилку. «Хогри-хок», — свински ухмыляясь, ответила она.

— Когда дядя Дюша меня на несколько лет брал в помощники, я худо-бедно привык с ней справляться. Будем надеяться, что и она меня сразу не съест.

— Может, всё-таки доверим искать Джою и Кота сыщикам? — осторожно подсказал Айра.

— Девчонку-то они, может быть, и найдут. Рано или поздно. На фига она кому-нибудь сдалась — даже подковы делать не умеет, — согласился Ньюфун. — А вот насчет Кота я этим человекам не доверяю. У нас, в Орбурне, таких пушистых, откормленных кошек и вампирам продают, и буренавские меха из них делают… нет, нельзя людям доверять гномьих котов! Я как-нибудь сам.

— Ну, тогда — желаю удачи.

И Айра из клана Моргенштерн торжественно вручил Ньюфуну из клана Кордсдейл кирку.

— Спасибо, — патетически ответил Ньюфун. Закинул кирку к топору, то есть за спину, поправил мешок с припасами, привязанный спереди, с благодарностью принял от Айры булькающую походную флягу, сверток с пирожками заложил в шлем. После чего очень осторожно освободил свинью-копилку от части пут. Самую длинную цепь Ньюфун намотал на кулак, чтоб свинка вдруг не потерялась.

— Давай, — скомандовал Кордсдейл.

Айра с превеликой осторожностью опустил перед свинкой ожерелье из серебряных витых бомбошек с речным жемчугом и древними монетами — одно из любимых украшений Джои.

— Мы хотим найти хозяйку ожерелья, — медленным речитативом проговорил Ньюфун. — Мы хотим найти хозяйку этого ожерелья! Ищи ее! Ищи!

— Она нюхает! Как настоящая! — восторженно воскликнул Айра.

— Хогри-хок, — согласилась свинка. И без предупреждения взяла резкий старт.

— Ой-ей-ей-ёёёёёё! — закричал Ньюфун, все-таки не удержавшийся на ногах. Копилка протащила его по обеденному залу ресторации, через всю кухню и увлекла в темные лабиринты выкопанных запасливой Напой кладовок.

— Надо все-таки поискать план здешних подземелий, — почесал под шлемом мастер Айра. — Интересно, где они заканчиваются?

Через час Ньюфун узнал ответ на этот вопрос. Клятая копилка выскочила из-под земли в лесу, лигах в пяти, если не больше, к востоку от Талерина. Гном только и успевал, что материться — неутомимая свинка волокла его по лесным кореньям, кочкам, через завалы и буреломы. Хорошо еще, что кольчуга и шлем спасали от травм, но вот мешок с дорожными

припасами не выдержал и пятнадцати минут путешествия.

Потом Ньюфуну повезло. Свинка вдруг чуть изменила направление, сбавила скорость и, наконец, застыла у большого гранитного валуна, лежащего на обочине проходившей через лес дороги.

Гном тяжело поднялся на ноги, перевел дух и, не отпуская цепь, рискнул подойти к копилке поближе.

— Уи-уи, — просигналила свинка, показывая на маленькое углубление под валуном.

— Зараза магическая, — ответил Ньюфун. — Переплавить бы тебя за твои фокусы…

— Уи? Уиуи?

Гном заглянул под гранитную глыбу. Наскоро прикинул, долго ли лежит закопанное под ним, может ли кто-нибудь увидеть в этом глухом месте, в сгущающихся вечерних сумерках его, Ньюфуна из клана Кордсдейл, после чего, крадучись, запустил в углубление руку и после недолгих поисков вытащил клад.

Он был невелик — всего-то три большие золотые монеты чеканки столетней давности. Но Ньюфун воспринял найденные сокровища как знак удачи в задуманном предприятии.

— Хогри! Хогри! Хогри-хок! Уиииииии! — заверещала свинка, интенсивно качая головой.

— Да не визжи так, оборотней распугаешь! Запомни: эти деньги — мои, ты их мне вернешь в случае необходимости! — Ньюфун вразвалочку подошел к артефакту; досадуя на его малые размеры, устроился на свинке верхом, сжал цепь-поводья и опустил монеты в прорезь на спине копилки.

— Уиииии! — обрадовалась свинка, резво срываясь с места.

К утру Ньюфун уже видел поднимающиеся к небу пики Тривернских гор.

Луаз, вечер

Визит инспектора Клеорна впечатался в память служащих луазского департамента Министерства Спокойствия.

Он появился — прихрамывающий, разгневанный, стремительный, будто пышущий жаром и недовольством болид. Серый мундир с эмблемой Министерства, начищенные до блеска сапоги, серый плащ за спиной, шляпа, которую несет подпрыгивающий позади недотепа в лиловой мантии волшебника… Правильные черты лица искажены выражением неприкрытого скептицизма, усы… ах, нет, после того, как пришлось конспирироваться под горничную герцогини Мелорианы Тирандье, Клеорн еще не успел вернуть усы на их

законное место, но если бы они были — наверняка вызвали у самых слабонервных сотрудников истерику, а то и две.

Потребовав предъявить ему убитого, свидетелей, допросные листы, подозреваемых и возможного преступника, Клеорн не терпящим возражений голосом дал понять, что лучше бы луазским коллегам раздобыть требуемое, иначе… Коллеги не стали ждать объяснений, они и так, в общих чертах догадались, и бросились врассыпную, руководствуясь принципом "не найду, так согреюсь".

— Один точный удар в сердце, — осмотрел Клеорн предъявленного Лека-Притворщика. Незадачливый телепат был единственным, кто нашелся сразу. — Чувствуется рука профессионала. Царапин, синяков, ссадин, прочих следов борьбы нет… Похоже, он просто стоял и ждал, когда кто-то прицелится и вонзит сталь ему в сердце. Удар нанесен… хмм, ну-ка посмотрим… стилетом дюйм шириной и шести с половиной длиной. Один точный удар в сердце… — сыщик насупился, по привычке поднес руку к лицу, намереваясь подкрутить ус. Увы, буквально на днях с пышными, ухоженными усами пришлось попрощаться — ради того, чтобы войти в доверие к Мелориане Тирандье, Клеорн некоторое время изображал ее горничную.

А без привычной растительности на лице инспектору не вспоминалось. Что-то такое он где-то слышал, об убийстве, совершенным подобным образом. Но вот что? Где? А главное — кем было совершено убийство?

— Наш подозреваемый — профессиональный наемник, какой-нибудь брави с Дикого Рынка, верно? — подсказал Лео. Он чувствовал необходимость активного участия в расследовании. Иначе как Элоиза будет гордиться его подвигами?

— Лео, вы когда-нибудь были в Вертано?

— Нет, — честно сознался молодой человек. — Но прочитал от корки до корки сочинение мадам Жермуаны Опасной "История Жана Д'Айка, похитителя сердец".

— А с наемными убийцами дело когда-нибудь имели?

— Да спасут нас боги! Конечно же, нет!

Клеорн протянул руку, сгреб Лео за горло, встряхнул и хрипло спросил:

— Тогда какого лешего ты мне советуешь?!! Значит, план дальнейших действий. Сейчас вы, мэтр, подробно изучаете все странные происшествия, которые случились в Луазе за последние пять дней. Абсолютно все! Собранные сведения доставляете мне при первой же возможности.

— Слушаюсь, инспектор! А вы… позвольте спросить, куда?

— Конечно же, в Талерин! Расследовать похищение мэтрессы

Далии! Вы меня туда телепортируете?

— Почту за честь, — растерявшись, ответил волшебник. — Только…

— Что — только?

— Как же вы будете расследовать преступление, совершенное в Луазе, если будете в Талерине?

— С помощью вас и интеллекта! — рявкнул Клеорн. Ответив, он вдруг и сам заметил несуразность своего поведения. — Хмм, мэтр… А вы случайно не можете… Знаю, у вас, волшебников, полно самых разнообразных штучек на все случаи жизни, — в этот момент до сыщика дошло, сколь многим он рискует, доверяясь артефактам, сработанным *мэтром Лео*, и он примолк.

— Можно купить кольцо с телепортом, чтобы перемещаться из Талерина в Луаз и обратно, у моего бывшего наставника, мэтра Иллариана, — по счастью, Лео разделял сомнения инспектора в своей компетенции как творца артефактов. — А я придумаю что-нибудь, чтобы извещать вас о результате своих поисков как можно быстрее. К мэтру Иллариану?

— Пожалуй, — согласился Клеорн.

И буквально через минуту они оказались у дверей шикарного особняка на улице Гортензий.

В первую минуту, увидев недоросля, который несколько лет назад постигал азы Магического Искусства под его чутким руководством, мэтр Илларион расплылся в радостной улыбке. Узнав, что спутник Лео желает приобрести кольцо с телепортирующим заклинанием, Илларион вообще почувствовал себя на седьмом месте от счастья. Пожалуйста, сударь, пожалуйста! Тоненькое колечко с одноразовым заклинанием я вам даже предлагать не буду, подобная безделица недостойна столь уважаемого господина. вот, полюбуйтесь на этот перстень, украшенный гравировкой в виде переплетенных гербов двух городов: вы сможете путешествовать между Талерином и Луазом двести раз без подзарядки! Вот особый «авральный» артефакт: почувствовав, что состоянию здоровья уважаемого господина нанесен серьезный урон, он переместит вас сам, надо только задать точные настройки, куда. Кстати, почему уважаемого господина интересует лишь телепорт? Не желаете ли амулет-переводчик? Амулет, охраняющий вашу память от случайного телепатического сканирования?

— Нам такие обереги мэтресса Хлоя делает, — отказался Лео.

— Хлоя? Конечно же, слышал, прекрасный специалист в магии Четвертого Шага, — согласился Илларион.

— А у вас, случайно, не найдется амулет, которые позволяет

вычислять преступников? — заинтересовался Лео.

— Вообще-то, сканирование чужой памяти без согласия владельца воспоминаний считается вмешательством в личность и противоречит Закону о Магии, — добропорядочно отчитал бывшего ученика суровый наставник. И тут же спросил, вроде как из любопытства: — А почему интересуетесь?

— Инспектор Клеорн, — представил Лео своего молчаливого спутника, придирчиво выбирающего будущую покупку, — сейчас занят расследованием запутанного преступления, а я просто… интересуюсь для общего развития…

— Ин…ин… инспектор? — жизнерадостность схлынула с Иллариана, как морской прибой. — Так вы сыщик, и занимаетесь расследованием преступлений?! Я никогда, никогда, — затряс посеревшими губами и внезапно потерявшим блеск кольцом в носу, перепуганный торговец волшебными вещицами, — Я никогда не имел дел с преступниками! Я ничего не знаю! Нет! Никогда…

— Не знаете — о чем? — уточнил Клеорн. Впрочем, достаточно рассеянно: он заинтересовался колечком, стоимость которого как раз соответствовала его запросам и возможностям кошелька, и совершенно не хотел тратить лишние усилия, чтобы выяснить, не продавал ли перепуганный толстяк артефакты с сомнительным прошлым. Наверняка пара или тройка разложенных перед возможными покупателями предметов сменила хозяина не совсем законным образом, но инспектор Клеорн считал себя слишком хорошим сыщиком, чтобы интересоваться подобными мелочами.

— Я вообще ни о чем не знаю! — замахал руками Иллариан.

— А я слышал, — задумчиво проговорил Лео, не замечая, как при этих словах переменился в лице его бывший наставник, — что в королевстве Ллойярд для расследования преступлений привлекаются специалисты из Восьмого Позвонка. Допустим, когда находят убитого горожанина, вызывают некроманта, он беседует с покойным и таким образом узнается имя убийцы…

— Помилосердствуйте! — замахал утяжеленными перстнями руками Иллариан. Он искренне обрадовался ляпу молодого человека как причине раздуть скандал. Всё, что угодно — только бы переключить внимание сыщика от своей драгоценной персоны! — Лео, мальчик мой, куда вас заносит?! Какая некромантия?! Весь цивилизованный мир, кроме Ллойярда и Эль-Джалада, давно уже забросил эту ветвь Искусства! Да и в Эмирате, насколько мне известно, толковых специалистов раз-два и обчелся!

— Зря, — не согласился Лео. Скорее из чувства

противоречия, чем действительно по убеждениям, — А то можно было бы сэкономить массу времени, всего лишь побеседовав с покойным Леком-Притворщиком…

— Лека убили? — переполошился Иллариан. — Какая трагедия!..

— Ага, хоть надевай накладные копыта и беги в амфитеатр Химериады, соревноваться с кентаврами в умении слагать хвалебные оды покойникам, — рассеянно согласился Клеорн. Он, наконец-то, выбрал артефакт: — Сколько я должен за эту вещицу?

— Пять серебряных монет! — пискнул Иллариан.

— Почему так дешево? — заподозрил неладное сыщик. — Его что, Лео делал?

— Нет-нет, как вы могли такое подумать! Просто сегодня… сегодня… скидки в честь дня рождения моей бабушки! И рекламная кампания в поддержку рудников клана Шнапсштельмайер!

— Ну, ладно…

Совершив сделку, Клеорн согласился подождать пять минут, пока Иллариан настроит кольцо на нового владельца. Воспользовавшись паузой, сыщик, понизив голос, приказал своему недотепистому помощнику:

— Мэтр Лео, сейчас вы делаете следующее. Напрашиваетесь к вашему бывшему наставнику на ужин…

— Как я могу? Это невежливо!

— Не спорьте, мэтр, а то я устрою вам экскурсию в Тьюсс, будете пытаться избавить каторжан от болотных насекомых, — кротко пообещал Клеорн. — Значит, напрашиваетесь на ужин и расспрашиваете о Леке-Притворщике. Что Иллариан знает об убитом, не было ли у них общих дел, знакомых или врагов…

— Вы что? Подозреваете мэтра Иллариана?! — не сдержал изумления Лео.

— Ах, мэтр, за какие грехи вами наказали наше Министерство?! Скорее мыло вашего батюшки взбесится и побежит вдогонку за чернопятым троллем, чем этот чудик кого-нибудь зарежет! Конечно же, я не подозреваю Иллариана, но он может что-то знать, что-то подозревать, а потому — оставайтесь и попытайтесь получить какую-нибудь информацию.

— Ну… хорошо, — со вздохом согласился молодой волшебник.

— Благодарю вас за согласие сотрудничать, — ядовито поблагодарил Клеорн. — И помните: при расследовании преступлений нельзя упускать ни одного, даже мельчайшего и на первый взгляд бесполезного, факта! Увидимся, когда у вас появятся для меня новости, мэтр.

"…Во время третьей перемены блюд (был подан фазан, фаршированный изюмом, орехами и рубленой зеленью), мэтр Илляриан признался, что хорошо знал семью покойного Лека-Притворщика еще сорок восемь лет назад, когда его мать (то есть Лека) была им беременна. К факту беременности мэтр Илляриан, по собственным словам, отношения не имеет, отцовство отрицает, доказательств, что знал Лека-Притворщика в его (опять-таки Лека) первые годы жизни, не представил. За десертом (взбитые сливки, фрукты, сдоба с корицей) мэтр И. рассказал, что участвовал в выездном заседании комиссии Министерства Чудес в год Оранжевого Павлина, когда Лек был рекомендован в качестве ученика мэтрессы Юджинии, специализирующейся в магии Четвертого Щага. Далее мэтр, одновременно с дегустацией сорта муската из Сан-Тиерры, урожая года Ароматного Яблока, поведал мне о своей сердечной привязанности к мэтрессе Юджинии, которая умерла восемь лет назад от колик в желудке. Не привязанность, конечно, а госпожа Юджиния.

По словам мэтра И. Лек-Притворщик оказался способным, но нерадивым учеником, который смог завершить лишь базовый пятигодичный курс образования. После чего получил лицензию Министерства Чудес на право оказания магических услуг населению. Встречались Лек и Илляриан относительно редко, как правило, инициатива встреч принадлежала Леку, который иногда продавал мэтру И. редкие артефакты, иногда просто забегал на огонек, поговорить об общих знакомых и поинтересоваться сплетнями в среде волшебников.

Возможность того, что Лек-Притворщик продавал ему краденые вещи, мэтр И. отрицает категорически."

Что бы еще добавить? Утомленный затянувшимся за полночь ужином, Лео потер красные глаза. Стоит ли приводить в отчете душераздирающий вопль мэтра Иллариана о том, что он ни в чем не виноват, повторявшийся с завидным постоянством каждые двадцать минут? Пожалуй, и навязчивые признания в том, что Илляриан никогда не был ни в Вертано, ни в Бёфери, тоже можно исключить.

В таком случае пора ставить точку.

Лео дописал абзац до конца, вывел подпись, свернул отчет в тугую трубку, перевязал усиленной простым заклинанием ниткой. *Призванный* ястреб деловито поднял лапку, всем своим видом показывая, что готов лететь в Талерин со скоростью молнии.

— Надо будет завести постоянных почтовых птиц, — решил Лео. — Архимагистры магии Крыла и Когтя именно так и делают.

Вот только как научить животных отличать Клеорна от других сыщиков? Да, неудобно получится, если мои почтари вдруг испачкают министра… Обдумаю эту проблему при первой же возможности.

Устраиваясь на ночлег, Лео попытался вспомнить собственные впечатления от Лека-Притворщика. В памяти всплыл унылый, не слишком опрятный человек в потрепанной одежде, или слишком мучающийся похмельем, или слишком хорошо похмелье «пролечивший», а потому веселый и несерьезный. По сведениям, которые Лео почерпнул из разговора с матушкой и старухой Лиина, выходило, что Леку очень повезло, что он не загремел в кутузку еще лет пятнадцать назад, когда он начал помаленьку приторговывать «украденной» из чужих воспоминаний информацией. За руку его никто не ловил — у Лека доставало способностей и смекалки избегать встречи с полицией; но старуха Лиина точно знала, что купца, живущего на улице Водовозов, ограбили *после* того, как телепат-неудачник проспал целый день у его дома, наверняка подслушивая мысли торговца и его домочадцев.

Впрочем, старуха была готова обвинить самого Лео в том, что именно им *призванные* мыши забрались в прошлый вторник к ней в сарай и устроили там кавардак, поэтому строить какие-то версии на ее словах Лео остерегался.

А всё-таки, кто его убил? Кому мог помешать не слишком молодой, хронически незадачливый телепат?

Лео взбил подушку, перевернулся на другой бок и заснул.

Уинс-таун. Глубокой ночью

Серое марево, состоящее из смеси тумана и дождя, полностью закрывало взошедшую луну и звезды. А еще оно ловило и удерживало, как в паутине, громкие звуки. Цоканье копыт проезжающих экипажей, отдельные фразы, которыми обменивались редкие прохожие, звук выливающихся из водосточных труб дождевых потоков, шуршание крыльев пролетающих над городом горгулий — всё это столица Ллойярда. Тихая, сонная, затянутая пеленой дождей и туманов…

Но если вы знаете, что ищете, то сможете найти в Уинс-тауне гораздо более интересные места. Одной из достопримечательностей столицы Туманного и Дождливого Королевства был городской архив, располагающийся в подземелье бывшего аббатства. Мистический Орден, которому когда-то принадлежало аббатство, дошел до экзистенциального кризиса и самораспустился; вокруг большого, красивого здания некоторое время шли споры — да кто хозяин земли, да кто

больше жертвовал на возведение, да почему кто-то присваивает себе чужие кирпичи… Чтоб горожане не ссорились и не впадали в грех стяжательства, его величество приказал здание снести, а подвалы — которые располагались *под землей*, а значит, вообще, теоретически, не существовали в природе(16), — отдать на общественные нужды. Больше всего город нуждался в архиве — в силу некоторых религиозных и магических традиций Соединенного королевства Ллойярд-и-Дац, уничтожать документы, свидетельствующие о жизни подданных, после их смерти не рекомендовалось. Вот подземелья аббатства и стали архивом.

Поздней ночью, когда до полуночи оставались считанные минуты, в архиве, разумеется, не было ни одной живой души. Мыши — летучие и бегающие — не в счет. Магические кристаллы, закрепленные высоко под сводчатым потолком, тускло светили, скорее умножая тени, чем разгоняя их. Многоцветная мозаика на торцовой стене большого, уходящего вдаль, помещения, изображающая свадьбу принцессы Фани и Уфгаса-Медведя… вдруг подернулась рябью и выпустила неуклюжего карлика.

— Так и знал, что придется тащиться в Ллойярд, — фыркал он. — А у меня, может быть, ревматизм! У меня, может быть, от здешней погоды насморк! Ааапччхи! — оглушительно чихнул он. Пожаловался летучим мышам и мозаичным викингам: — Вот, уже начинается! Заболею и умру, чтоб ей икалось! Почему, спрашивается, отважный рыцарь посмел оказаться ллойярдцем? Хотя нет, почему — понимаю; здесь неделю проживешь, забудешь, что такое страх и подпишешься на совершение любого подвига, лишь бы согреться. Но зачем он вернулся сюда помирать? Не мог умереть в Химериаде? Почему, спрашивается? Там же так тепло, солнечно, лежишь на пригорочке, на тебе цветочки колосятся, пчелки… что-то там выделывают… Нет, его понесло в дождь, в сырость! Ааапчхи! — Найдя в кармане огромный белый платок, кровожадный карлик оглушительно высморкался. — Надеюсь, он перед смертью долго мучился. Так, где мне тут его искать…

Короткие ноги в странных башмаках с загнутыми ногами, прошлись мимо нескольких стеллажей с папками и переплетенными в кожу томами.

— Генри фон Пелм, Генри фон… ага, руна Плау. Паа… Паб… Пак… Пар… Сколько ж вас! — проворчал карлик. Так как ему приходилось с трудом карабкаться на верхние полки и рассматривать надписи в тусклом свете магических кристаллов, недовольство можно было понять. — Нет, чтобы сделать нормального голема, который бы отвечал на вопросы

любознательных посетителей! Или вообще сжечь здесь всё дотла…

А еще лучше, мысленно и очень-очень тихими мыслями, добавил карлик, — было не делать кольцо из нюра(17). Так его можно было бы легко и просто найти с помощью волшебства. Втемяшится же в голову некоторым, что черный нюр хорошо оттеняет их магическую бледность! У, бабы… Вас бы сюда, в эту проклятую сырость…

Очередной чих спугнул какую-то тень в глубине архива и отозвался приближающимся шорохом. Карлик, замерев, снова активизировал артефакт невидимости. Потом на цыпочках прокрался в сторону и высунул любопытный нос за стеллаж.

Огромная черная мышь залетела через приоткрытую дверь архива и прошелестела над рядами стеллажей. Пролетев по одному из боковых коридоров, уводящих из главного зала архива в темноту и неизвестность, летун снизился, трансформировался и превратился в молодого человека в ярко-алом камзоле. Молодой человек смахнул со лба длинные черные волосы, поправил чуть выпирающие из-под верхней губы зубы, активизировал какой-то артефакт, вспыхнувший в его ладони крошечным огненным смерчем, и зашел в дверь маленькой комнатки.

Его встретил оглушительный рев приветствий.

Скрытый хамелеоновыми чарами карлик проверил, кто там прячется.

Ага, так он и думал. Вампиры. Сколько их?.. пятеро? Судя по вычурным нарядам — молодежь, не набравшая и полусотни лет псевдоживого существования. Нет, куда, позвольте вас спросить, катится несчастный мир? Видано ли дело, чтобы вампиры, как какие-нибудь демоны, рядились в красное и баловались огнем? А одна девица с ними вообще — в *белом* муслиновом платье *с рюшами*…

— Да у них тут гулянка! — с неудовольствием отметил карлик после четверти часа интенсивного наблюдения. — Сейчас наклюкаются свекольного сока, пойдут ловить горгулий или попытаются ограбить серебряных дел мастера… Хочется им острых ощущений — идите в лес, нанимайтесь помощниками лесорубов или жуйте осиновые опилки! Ишь, с огнем взялись играться! Как бы чего не подожгли, меня, например. И как я могу работать в таких условиях?! Даже луны не видно!..

Впрочем, не смотря на отсутствие ночного светила и периодический смех, возгласы и песни веселящейся нежити, карлик справлялся совсем не плохо. Через сорок минут, он нашел папку, содержащих записи о жителях Уинс-тауна, чья фамилия начиналась со слога «Пел», еще немного — и нашелся Пелм,

Генри фон — барон, годы жизни, копия купчей на дом, копия завещания, безутешная вдова, дети… Внимательно изучив записи и вернув папку на место, карлик вздохнул, одновременно и радостно, и горько. Хорошо, что стог сена… то есть, отважный рыцарь нашелся. Обидно, что придется тащиться дождливой ночью на кладбище в поисках его могилы.

— А вот и не пойду! — возмутился карлик, очевидно, адресуя своей высказывание той таинственной Госпоже, которая устроила ему прогулку за пропавшим колечком. — Скажу, что хотел переждать дождь, рассчитывая на то, что утром он прекратится, а значит, могильщики, сторожащие склеп фон Пелмов, будут приветливыми и радушными. — Карлик попробовал изобретенную отговорку на вкус, посмаковал и был вынужден признать: — Нет, она не поверит. Я бы точно не поверил… Надо будет сказать, что утром обещали заморозки, и я решил, что подмороженный скелет будет охотнее отвечать на мои вопросы. Точно, так и сделаю! — со второй попытки коротышка все-таки придумал причину, не позволяющую ему немедленно продолжить поиски пропажи.

Издав злорадный смешок, карлик захлопал себя по карманам в поисках артефакта, способного сделать ложь былью…

V. Профессиональное соответствие

Королевство Иберра, Аль-Миридо
Придворному магу его величества
Фабиана VIII ***мэтру Аэлифарре***
Дорогой отец!

Надеюсь, ты пребываешь в добром здравии. Немного обеспокоена тем разговором, который случился у нас несколько дней назад, когда ты приезжал навестить нас на День Лета(18). Ты говорил, что поедешь соревноваться с магами Эль-Джалада, хочешь, чтобы твои приручённые виноградники стали Покровителями следующего года. Дорогой отец, ты уверен, что поступаешь правильно? Я не хочу подвергать сомнению твою высокую квалификацию в Магическом Искусстве, но… Но я слышала, что мэтр Пугтакль(19) решил игнорировать эти гонки. Я ни в коей мере не отговариваю тебя, просто мне кажется, что придворные маги будут находиться в двусмысленной ситуации. Особенно если сравнивать их влияние и возможности с обычными волшебниками, не занимающими в своих королевствах высоких официальных должностей. Получится, что выиграет (или проиграет) не маг, как специалист, не адепт Магического Искусства, а всё королевство в целом. Гудеран и я решительно отговариваем мэтра Фледеграна от подобной авантюры.

В любом случае, мы все беспокоимся о тебе. Постарайся не переусердствовать с заклинаниями. Не промочи ноги, если вдруг соберешься в длительную экспедицию.

Что касается наших новостей, то главная — это, конечно же, предстоящая свадьба Ангелики. Мы с девочками помогаем ей с организацией торжества. Правда, дорогая сестра моего обожаемого супруга пребывает в растерянности — ей так и не удалось найти достойную кандидатуру, которая займет место патрона (или патронессы) Министерства Чудес вместо нее. Старейший волшебник королевства, мэтр Виг, на авторитет и квалификацию которого она так рассчитывала, серьезно болен и, боюсь, долго не проживет. Я усиленно пытаюсь помочь Ангелике, но пока не придумала, что тут можно сделать. Разрешить некромантию? Тогда возраст и жизненный статус не помешают Вигу занять столь важный и ответственный пост…

Буду очень признательна, если ты выскажешь свое мнение по этому вопросу.

Передавай Пабло привет от всех нас. Надеюсь, дорогой братик не отважится ехать в Великую Пустыню, демонстрировать обрывки магических заклинаний, которые ему все-таки удалось

выучить? Прости мой тон — это была шутка. Наш шут вот уже две недели как уволился, и поэтому приходится изобретать каламбуры самостоятельно. Или делать вид, что понимаешь шуточки Роскара и Громдевура — брат моего мужа и жених Ангелики как-то уж очень хорошо нашли общий язык…

С пожеланиями здоровья и благополучия — твоя любящая дочь, мое величество королева Кавладора Везувия.

7-й день месяца Барса. Талерин, Королевский Дворец

Важный мажордом степенно подождал, пока королева допишет и запечатает письмо.

— Претенденты собрались? — уточнила Везувия после того, как мажордом переложил запечатанный свиток на серебряный поднос. Она посмотрелась в зеркало и чуть-чуть поправила золотую диадему, украшенную рубинами. Вообще-то, синим очам Везувии больше подходили сапфиры, но и Ангелике, что очень досадно, они тоже подходили.

Будучи крайне заинтересованной в том, чтобы провести дорогую сестру через свадебную церемонию и, наконец-то, скинуть ее со своей шеи замуж, Везувия вообще была готова носить домотканую рубаху или какие-нибудь буренавские лапти.

Впрочем, даже примерив столь экстравагантный наряд, выглядеть замарашкой перед гостями у Везувии просто не получилось бы. Эльфийская кровь, что поделать, так просто не теряется…

— Да, ваше величество, — с поклоном ответил господин Олбер на вопрос королевы. Пышные бакенбарды и парадный черный с золотом камзол придавали королевскому мажордому солидный, немного львиный вид.

— А мэтр Фледегран занял детей чем-нибудь полезным, как я просила? — королева чуть освежила аромат духов.

— Ее высочество Анна и ее высочество Дафна изволили сообщить мне под большим секретом, что всё утро будут готовить поздравление-сюрприз для ее высочества Ангелики и генерала Громдевура. Они отбыли в Фюрдаст, вместе с придворным магом и своей горничной.

— Очень хорошо, оч… Погоди, — отвлеклась Везувия от любования своим синеглазым отражением. — А где Арден?

— Его высочество Арден вместе с детьми советника по делам провинции Триверн, господина Штрау из клана Штрудельгольц… — издалека начал мажордом.

— Где он и что задумал? — перепугалась королева.

— Они тоже готовят сюрприз для принцессы Ангелики, — затрепетав, ответил мажордом.

— Олбер, что за сюрприз готовит мой сын? — строго нахмурилась Везувия.

— Праздничный салют, — с отчаянием выдал секрет мажордом.

— И кто подал Ардену столь замечательную идею?! — вспылила королева. — Только не надо рассказывать, что брат моего мужа еще не вернулся с охоты! Олбер, почему ты молчишь? Я жду! Просто подтверди, что затея родилась в тупой баш… хмм… не слишком остроконечной голове принца Роскара!

— Никак нет! — вытянулся по стойке «смирно» Олбер, демонстрируя старую армейскую выправку. — Насколько мне известно, принц Арден и Штрудельгольцы воодушевились праздничным салютом, который увидели в День Леса, в Фюрдасте, и не спрашивали советов у его высочества Роскара.

— И то правда, — спохватилась Везувия. Потом ей пришло в голову, что Роскар, великий знаток рыцарских поединков, скорее всего, сам плохо представляет, как и из чего делается праздничный салют, и королева успокоилась. Что поделать — похоже, до салюта Арден додумался самостоятельно.

Умный мальчик, сообразительный… Мамин любимец, папина гордость…

— Олбер, вы ведь служили под командованием генерала Октавио? — вдруг вспомнилось королеве. — Вы, случайно, не знаете, он во всех этих взрывах, бомбардах и…

— Петардах, ваше величество, — подсказал учтивый мажордом.

— И этом — разбирается?

Олбер скрестил пальцы свободной руки и очень, очень тщательно контролируя выражения лица, осторожно признал, что генерал Громдевур — человек множества скрытых талантов.

— Попросите Октавио, только очень тактично, чтобы он проследил за мальчиком. Уж если Арден заинтересовался порохом, пусть, по крайней мере, с ним рядом будет человек, который сможет вовремя разглядеть опасность и предупредить нежелательные последствия.

— Да, ваше величество, — поклонился Олбер. — Все сделаю.

— Тогда хорошо. Пожалуй, пора идти, — решила Везувия, когда ее облик приблизился к совершенству. Рубиново-красный цвет платья удачно оживлялся золотыми вставками длинных рукавов и тонким золотым шитьем корсажа, в искусно простой прическе — тонкий обруч с рубинами, в руках — изящный флажок, расписанный очаровательными фольклорными сценками. Очередной раз убедившись в том, что во всем мире нет королевы, прекраснее ее, Везувия поплыла к гостям.

Олбер, шествуя с таким видом, будто на серебряном подносе лежало не письмо, а, допустим, королевский скипетр, спустился по боковой лестнице.

На втором этаже, куда выходили двери малого зала приемов, его уже ждали.

— И чего там? — спросил принц Роскар.

— Да? — поддержал дядюшку принц Арден. Малолетние Скузя, Кув и Поддув Штрудельгольцы выразили свою заинтересованность в разведданных молча.

Оба принца и три маленьких гнома были серьезно испачканы в саже, а от их одежды, местами прожженной, исходил крепкий запах пороха.

— Ее величество знает о ваших экспериментах с пушками, — признался Олбер. Раздался гул недовольства.

— Теперь она пожалуется отцу, и он снова всё запретит! — собрался пустить слезу принц Арден.

— Отставить панику! — приказал Громдевур, появляясь из бокового коридора. Он был чист, абсолютно чист, а местами даже мокр, облачен в парадный мундир, буквально хрустящий новизной, но от бравого генерала тоже исходил крепкий запах пороха.

Что поделать — салюты с первого раза никогда не получаются. И пороховая сажа имеет привычку трудно отмываться…

— Так что, говоришь, известно королеве? — уточнил Октавио у старого боевого товарища.

Олбер, коротко отсалютовав генералу, подробно доложил о состоявшемся разговоре с ее величеством.

— И она повелела просить вас, ваше благородие, объяснить его высочеству тонкости обращения с бомбардами, — закончил передачу сообщения мажордом.

— Ура!!! — закричали дети. — Теперь нам можно не прятаться!

— Мелкота, слушай мою команду! — скомандовал Громдевур, пока детские крики не достигли болевого порога. — Порох — раздобыть! Порцию "пыльного грома" (20) — высушить! Обед — съесть, домашние уроки — выучить! А потом, когда мы с Роскаром разберемся с чу…

— Кхм, — дипломатичный Олбер поспешил напомнить бывшему командиру о необходимости выбирать выражения.

— Я хотел сказать — разберемся с *чудесами* вашей тети Ангелики, встречаемся в дворцовом парке на прежнем месте. Постреляем…

Малолетние банд… бомбардиры поспешили выполнить приказ.

Роскар ухмыльнулся:

— Давно бы так! Ну что, где там престарелые чудилы? Пора идти, потусоваться с гостями…

— Простите, ваше высочество, — спохватился мажордом, — но неужели вы пройдете к гостям именно в этом наряде?

— А что? — удивился Роскар. Посмотрел на себя — так как сегодня он не собирался ни на охоту, ни на турнир, он позволил нарядить себя в черный плотный шелк. Местами прожженный, но издали это не очень-то и заметно…

— Там будут дамы! — объяснил Олбер. Так как принц продолжал изображать непонимание, мажордом объяснил еще проще: — В том числе и дочь графов Росинант, дама Элоиза, и дочь герцога Тирандье, дама Мелориана, и троюродная сестра королевы Сиропии Брабансской, маркиза Сюзетт Ле Штанк…

— Другими словами, все те партизанки, которые будут рады выскочить за тебя замуж, — посмеиваясь, перевел с дворцового на обычный кавладорский Октавио.

— Тогда тем более я пойду именно так! Эх, надо было забыть побриться, — заупрямился Роскар. Так как кавладорский принц был почти шести локтей роста и весьма крепкого сложения, задержать его у Олбера не получилось. Мажордом только и смог, что напомнить его высочеству о запахе сгоревшего пороха…

— М-да, кто-нибудь может учуять и догадаться, что мы хотим повторить эксперимент алхимиков, которые запустили гнома через половину Университетского квартала, — пробормотал Громдевур. — Эй, Олбер, а где в Королевском Дворце можно раздобыть бутылку дешевого бренди?

— Но ведь еще утро, мой генерал… — осмелился противоречить мажордом.

— Неси, да побольше! — угадав мысль друга, Роскар подтолкнул Олбера в направлении кухни. — А если и в самом деле прилюдно напиться — как думаешь, Мелориана от меня отстанет?

Октавио пожал плечами.

— Не уверен. Наоборот, ее папенька может решить, что раз ты пьяница — значит, тем более годишься в качестве добычи для его доченьки.

— Если бы ты знал, как меня раздражают все эти напомаженные слезливые девицы! А их игра на арфе или лютне? Брр… хоть бы одна умела играть, как следует! С ними даже поговорить не о чем! Если завести речь про турнир — сразу начинают вязать на мою бедную шею свои шарфы. "Ах, будьте

моим славным рыцарем"! Тьфу, слов не хватает! Втыкают в мои доспехи свои розочки, чтоб, значит, если противник меня мечом не достанет — хотя бы шипом поранить наверняка. Про охоту они знают только то, в каком наряде должно на ней появиться, но даже через обычный крестьянский плетень перепрыгнуть в своих платьицах и шляпках с фазаньими перьями не могут! Заехали в лужу — ревут, сломали ноготь — плачут, подстрелили кролика — вообще истерика на неделю, как он, бедняжка, теперь будет жить… Чего смеешься?

— Радуюсь, — фыркнул Громдевур, вытирая выступившие от смеха слезы, — что Ангелика не такая.

— Да, — после краткого раздумья признал Роскар. — Ты прав. Моя сестра — одна на миллион.

Единственная и неповторимая принцесса Ангелика в этот день была хороша, как никогда. Платье традиционного покроя, которое она выбрала для официального приема, было лимонно-желтого цвета и расшито синими колокольчиками, васильками, ромашками и пшеницей. Корсаж и длинные рукава украшали ленты, синие драгоценные камни мерцали в темно-русых косах принцессы. Минимум украшений — ни диадемы, ни ожерелья, ни колец, — с одной стороны, чтобы обозначить полуофициальный статус встречи, с другой — чтобы подчеркнуть, что Ангелика является не просто младшей сестрой короля, но выполняет в королевстве важные государственные обязанности.

Быть патронессой самого склочного из Министерств — это вам не фунт изюма скушать.

Кроме Везувии и Ангелики, которые расположились в креслах, установленных на королевском возвышении, в малом зале приемов — узорчатый паркет, полуколонны белого и черного мрамора, высокие окна, золото канделябров, — присутствовало около трех дюжин претендентов, придворные дамы, важные господа и гномы.

— Надо было позвать кентавра, — шепнула Ангелика Везувии.

— Зачем? Во всем Кавладоре их человек… э-э…штук… э-э… то есть, я хочу сказать, что они у нас редкость.

— Тем более надо было обеспечить присутствие представителя этнического и биологического меньшинства. А вдруг потом кентавры заявят, что мы игнорировали их волю, выбирая патрона Министерства Чудес без их участия? Надо быть корректными и тактичными по отношению ко всем подданным Короны, а не только к самым…э-э… двуногим.

Везувия посмотрела на Ангелику, выгнув изумительно

красивую, идеально ровную бровь. "Два дня," — напомнила себе королева. — "Через два дня Гудеран выдаст ее замуж, они с Громдевуром уедут до конца лета в Фюрдаст, потом — в Луаз, где генерал будет командовать Восточной Армией, и я навсегда буду избавлена от ее занудных поучений. Я выдержала четырнадцать лет под одной крышей с сестрицей мужа, и два последних дня как-нибудь продержусь. Должна продержаться. Всего два дня!"

— Олбер, — позвала королева.

Мажордом после секундного ожидания материализовался рядом.

— Доставьте сюда кентавра.

— Э… — чуть растерялся верный Олбер. — Какого именно?

— Живого и достаточно трезвого, — подсказал Громдевур, который бесшумно приблизился и, как оказалось, слышал беседу своей невесты и королевы.

— Будет сделано, ваше величество, — склонился в поклоне мажордом и тихо исчез.

— С кого начнем? — Громдевур с любопытством оглядел группу присутствующих в зале претендентов на должность патрона Министерства Чудес.

Везувия посмотрела на Ангелику в ожидании подсказки. Будучи дочерью придворного мага короля Иберры, Везувия с ранних лет научилась полностью игнорировать чужую чудаковатость. Один маг, или другой, — право слово, никакой разницы.

— Уступим первенство дамам, — решила принцесса. Сверилась с записями, которые элегантно маскировала раскрытым веером. — Пусть пригласят госпожу Жедянику.

В центр залы вышла красивая, статная женщина среднего возраста в традиционном наряде практикующей ведьмы — остроконечная шляпа, темный плащ, строгое платье, которое, тем не менее, удачно подчеркивало округлые, зрелые формы претендентки на высокую должность.

Поприветствовав королеву и принцессу поклоном, Жедяника встала в красивую позу и звучным голосом принялась перечислять свои достижения и планы:

— Получив классическое ведовское образование у матушки Седойус под Стафодаром, я посвятила свою жизнь составлению гербария магических растений Кавладора, а также краткого аннотированного справочника по зельям, эликсирам и микстурам, изготавливаемых на их основе. Подготовила трех учениц, неоднократно оказывала… кхм… услуги проезжающим через наш лес рыцарям…

За время речи ведьмы появился в зале появился Роскар,

благоухающий ароматами пороха и дешевого бренди, коротко кивнул невестке, сестре, претендентам и оживившимся при его появлении барышням брачного возраста, уселся на ступени, ведущие к королевскому возвышению и вдруг спросил:

— Подробнее про услуги, если можно.

— Я являюсь неоднократным победителем проводящихся в Стафодаре конкурсов прях, — с достоинством ответила госпожа Жедяника. — Шерсть, которую я пряду с использованием заклинаний, обладает целительным эффектом, а также может использоваться в качестве указателя, если вдруг кто-то потеряется в лесу… А вовсе не то, — чопорно поджала губы ведьма, — что вы, молодой человек, имели в виду.

— Прекрасно, — тактично улыбнулась Ангелика. Ее младший брат, к сожалению, сидел слишком далеко, чтобы она могла управлять его поведением ненавязчивыми ударами туфельки. — Может быть, вы расскажете нам о тех перспективах, которые ожидает Министерство Чудес под вашим руководством?

— Обязательный экзамен на физическое соответствие, — тут же ответила Жедяника. — Ведьма, да и вообще любая женщина, должна выглядеть пристойно. Уметь ухаживать за собой, подбирать или изготавливать наряд к лицу, владеть элементарными заклинаниями иллюзий, и, конечно же, быть сведущей во врачевании.

— Заметь, — шепотом прокомментировал Громдевур, склоняясь к очаровательному ушку невесты. — Ни одного слова про то, что должен уметь и знать мужчина.

— Издержки профессии, — поддерживая любезное выражение лица, так же тихо ответила Ангелика.

— Прямая угроза для всех попавших в поле зрения самцов, — не сдавался генерал. — Уж можешь мне поверить, я родом из Стафодара, а там про ее привычки наслышаны… Кстати, попроси ее принять истинный облик.

— Октавио, это же невежливо! — возмутилась Ангелика. — Какое нам дело, что она маскирует своими чарами? В конце концов, вдруг у нее на носу — бородавка?

— На войне как на войне, любимая. Что такое бородавка? Тьфу, мелочь по сравнению с оторванной ногой. Попроси.

— Не будет ли госпожа Жедяника так любезна, — громко обратилась принцесса к ведьме, — принять свой истинный облик.

— Чтобы продемонстрировать уровень своего высочайшего мастерства, — поддержала сестру Везувия. Юность, проведенная в обществе мэтра Аэлифарры, а также братцем Пабло, научили королеву не жалеть сиропа, когда речь идет о чьем-то владении Магическим Искусством.

Жедяника несколько раз открыла рот, колыхнула грудью, собираясь возражать. Увы, ее просила сама королева… А эти сволочи, прочие претенденты, уже скалились в хитрых улыбках, разминали руки, готовясь помочь магическими пассами, ежели что…

Серое плотное облако укрыло женщину с головы до ног, а когда оно развеялось… Мелориана Тирандье посчитала своим долгом продемонстрировать тонкую душевную конституцию и со стоном упала в обморок.

Оказывается, лет Жедянике было по меньшей мере сто. А всё остальное — рот с единственным зубом, согнутая спина, бултыхающаяся пустым кошельком грудь, редкие седые космы — было следствием преклонного возраста.

— Э-э… — на секунду растерялись Везувия и Ангелика. Принцесса, однако, быстро нашла, что сказать:

— Ее величество и я рады отметить, что госпожа Жедяника явила нам удивительное единство моральных принципов и собственных жизненных свершений. Благодарим вас, сударыня. Пожалуйста, попросите следующего претендента.

Двое слуг по сигналу Олбера помогли трясущейся ведьме дойти до стены и, по приказу королевы, усадили на пуфик.

Вторым претендентом выскочил отец Хонг из Ордена Асгадира Внезапного. Как правило, монахи этого Ордена носили серые мантии с алым кантом, но наряд Хонга наоборот, был красным с тонкими серыми полосками на рукавах.

— Ваше величество, ваше высочество! И вы, ваше высочество, — подмигнул жизнерадостный священник Роскару. — Дамы и господа! Позвольте представиться: Хонг из Ордена Асгадира Внезапного. Уверовал восемнадцать лет назад, когда после сильной грозы потерял на пожаре свою овчарню, — подвижное лицо на секунду исказило выражение муки и едва удерживаемых слез. Потом Хонг с заметным усилием справился с собой и продолжил, патетически повышая голос с каждой фразой: — С тех пор считаю своим долгом помогать всем, кто в том нуждается. Предупреждаю об опасности, о внезапностях, по воле Асгадира спасаю…

Три солидных гнома вышли из толпы гостей и глухим рокотом подтвердили, что благодаря своевременному предупреждению отца Хонга спасли имущество своей мастерской. Пожар в ней возник по причине того, что кто-то продал им уголь, в котором спал черный котенок. Или кот сам залез? Одно несомненно: когда мастер отправил порцию угля в печь, часть угля вдруг замяукала, вырвалась и, разбрасывая искры с длинной шерсти, бросилась по всей мастерской…

— Что скажете? — шепотом посоветовалась Ангелика с Октавио и Везувией. — Асгадир Внезапный, возможно, не самое влиятельное божество, но, на мой взгляд, его последователи — те, кто помогает полиции сохранять порядок во время народных гуляний, устраивают моления вокруг потенциально опасных строений и предупреждают о пожарах, — зарекомендовали себя как люди, способные не только отстаивать собственные интересы, но и работать на благо общества.

— Можно уточнить у Ле Пле статистику пожаров, но, мне кажется, подобный специалист в масштабах королевства будет весьма полезен, — согласилась королева.

Глава Министерства Спокойствия будто почувствовал желание ее величества: министр Ле Пле протолкался через группу пышно разодетых придворных дам и поднял руку, прося дать ему возможность выступить.

— Ваше величество! Ваши высочества! Позвольте изложить некоторые факты! Дело в том, что Хонг…

— Отец Хонг, — ревниво поправил священник. Ле Пле не сдавался:

— …до тех пор, пока не стал последователем Асгадира Внезапного, имел множество проблем с полицией. Вызывающее поведение, отсутствие трезвости, многочисленные пропажи имущества, в которых он был виновен…

— Асгадир испытывал меня! — закричал отец Хонг. — Проверял, готов ли я идти им проложенной дорогой!

— А когда он попался на краже, — продолжал министр Спокойствия, — то сбежал и попал в Орден не просто так, а с полицейским преследованием за спиной! Жулик! — не выдержали нервы у Ле Пле. — Дармоед!

— Тоже мне, праведник с дубинкой! — не остался в долгу Хонг.

— Плут! Поджигатель!

— Не докажешь, начальник! Фигу ты поймаешь, а не меня!..

Октавио и Роскар получали от сцены истинное удовольствие. К сожалению, гномы, ранее свидетельствовавшие о заслугах отца Хонга перед общественностью, не разделяли их энтузиазм:

— Вы, господин, сказали, что он поджигатель? — уточнил первый гном, пока второй и третий подхватывали асгадирца под локотки. — Это точно, или как обычно у человеков бывает, приблизительно?

— Мне не разрешили расследовать! Сказали, чтобы мои сыщики не смели вмешиваться во внутренние дела Орденов! — закричал Ле Пле. Ангелика смущенно потупилась и шепотом объяснила невестке и жениху, что она хотела, как лучше…

— Поможем долговязым? — спросил гном у двух своих собратьев. Те согласно покачали бородами. — Мы буквально на пять минут!..

И три мастера утащили вопящего и сопротивляющегося отца Хэна из парадной залы. Кое-кто из гостей и претендентов поддержал инициативу бородачей аплодисментами.

— Кто следующий? — пригласила королева.

Следующим оказался мэтр Нюй, главный королевский астролог. Настороженный и вздрагивающий от любого шороха, он вышел, обнимая огромную кипу свитков. Вежливо согнувшись в поклоне перед королевой и принцессой, он запутался в расшитой созвездиями мантии лилового бархата, уронил свою ношу и отчаянно струсил.

Тем более, что Громдевур и Роскар принялись позевывать, глядя на Нюя глазами сытых котов, никогда не отказывающих себе в удовольствии придушить лишнюю мышку.

— В-ввваше величество, ваши высочества, — запинаясь, проблеял звездочет. — В ожидании вашего решения назначить кого-нибудь патроном или патронессой Министерства Чудес я позволил себе составить новый множественный гороскоп…

Роскар зевнул душераздирающе громко. Нюй почувствовал, что охотиться за ним будет не кот, но тигр.

— И обнаружил интереснейший факт: оказывается, Кавладор ожидают бесчисленные беды, если вдруг во главе Министерства Чудес станет человек, потомок эльфа или даже гном, родившийся сорок четыре года, восемь месяцев и одиннадцать дней тому назад. Вот, посмотрите, Солнце входит в лунную дверь четвертого гнезда Гусыни… — для наглядности мэтр Нюй шумно развернул схему.

— Йес! — крикнул кто-то из задних рядов. Претенденты расступились и с укором посмотрели на вскрикнувшего священника, на этот раз принадлежащего к редкому культу, насчитывающем не более тысячи верующих во всем мире. В Обитель Отдохновения Ночного, поклоняющуюся божеству сновидений с трудно произносимым именем Гьюпсюэ, приглашение доставили скорее из вежливости, чем действительно рассчитывая на то, что их священник может оказать реальную конкуренцию прочим чудотворцам.

Отец Джером сделал вид, что для него громкие бессвязные вопли — дело привычное, с достоинством выдержал пристальное внимание коронованных, важных и могущественных гостей и ответил:

— Позвольте поблагодарить мэтра Нюя за своевременное предупреждение. Ваше величество, ваше высочество, простите

меня, я не по своей воле участвовал в этом маг-отборе, а исключительно печалясь об общественном благе! В связи с вновь открывшимися фактами пророчества торжественно, при свидетелях, беру самоотвод! Да не будет вам улыбаться Гьюпсюэ в темную полночь! — широким жестом благословил собравшихся отец Джером, вывернулся и нырнул в ближайшую дверь.

— Кхм, — закашлялся Нюй, всё это время что-то тщательно исправляющий в свитке с предсказаниями, — С вашего разрешения, я продолжу. Значит, особенно неблагоприятно будет назначение патроном Министерства Чудес мужчины — прошу прощения, но звезды точно указали пол; — шестидесяти девяти лет от роду, имеющего темное пятно на левом ухе, — мэтр снял с головы бархатную шапочку, вроде как чтобы проветрить лысину, и Сюзетт Ле Штанк с милым брабансским прононсом завизжала на весь зал, что искомый субъект уже найден! Посмотрите, посмотрите на левое ухо астролога!

Непотопляемый Олбер скомандовал слугам: Нюя увести, а Ле Штанк срочно как-нибудь обеззвучить. Можно пирожными; лучше, конечно, арбалетной стрелой промеж глаз, но… Не будем портить настроение ее высочеству Ангелике.

Следующий претендент явился в сопровождении воздушных элементалей. Стихийные воплощения, красиво перетекающие струйками густого серебристого дыма, вынесли за мэтром Левеном прекрасно иллюстрированную инкунабулу, которую, оказывается, маг сочинил сам.

— Я посвятил свою жизнь изобретению новых заклинаний! Я открыл двенадцать новых способов использования толченых рогов минотавра! Я разработал метод, позволяющий…

Мэтр Левен — бодрый старик, очень живой и подвижный, произвел весьма благоприятное впечатление. Для своих лет он отличался весьма приятной внешностью — благородная седина коротких волос, ровная бородка, аккуратная мантия, отороченная соболями, посох без всяких там черепов, но зато с красивыми, переливающимися кристаллами, — одним словом, образцовый волшебник.

— Ихс… истинный облик пусть при…хрр…примет… — прохрипела из своего угла Жедяника, которая как раз пришла в себя настолько, что почувствовала спешную необходимость испортить жизнь окружающим.

К этому времени мэтр Левен произносил девяносто третье предложение, начинающееся с местоимения «я», поэтому коллеги поддержали Жедянику громким гулом.

— Позвольте! — возмутился мэтр Левен. — Но зачем? Вы что, во мне сомневаетесь? Я, слава богам, не женщина, чтобы прятать

свои годы! Мне сто шестьдесят один год, но я еще крепок, полон сил, и собираюсь прожить еще лет триста! Я буквально на днях изобрел омолаживающий эликсир — поверьте, ваше величество, — волшебник обернулся к королеве, явно ища ее покровительства, — как только он будет доведен до совершенства, я почту за честь представить его на ваш суд…

— Вы полагаете, я спешно в нем нуждаюсь? — сузив прекрасные очи, поинтересовалась Везувия. Ангелика фыркнула, выражая солидарность невестке.

— Братцы, кто из вас мастер иллюзии развеивать? — верно сориентировался в ситуации Громдевур. — А ну, по моей команде…

— Не надо! — закричал Левен.

— Раз! Два! Три!.. ой-ёй…

Поток магии, направляемый дюжиной грандов различных магических школ, приподнял мэтра задаваку, легонько подбросил его к потолку, после чего почти без травм опустил на пол.

Вернее, опустилась мантия, бархатная шляпа и, с глухим стуком, упал посох с переливающимися кристаллами.

— Вы зачем его… совсем-то? — прошептал Олбер. Исключительно потому, что именно ему предстояло в недалеком будущем руководить уборкой помещения.

Под ворохом одежды что-то шевельнулось, потом показалась рука… вернее, ручка, принадлежащая младенцу не старше полутора лет отроду.

— Я же просил — не надо!! — захныкал голосом мэтра Левена ребенок, выползая из-под мантии. Маленький и голенький, он поднялся на нетвердые ножки и сделал неудачную попытку поднять посох.

Гости потеряли дар речи. В напряженной тишине отчетливо прозвучал хриплый, каркающий смех ведьмы Жедяники.

— Мэтр… Левен? — прошептала Ангелика. — Как вам помочь? Что мы можем для вас сделать?

— А, — отмахнулся младенец. Громко чихнул и, потеряв равновесие, рухнул на попу. — Мне б до своей лаборатории добраться, а уж там у меня и противоядие почти готово, и планы усовершенствования молодящего эликсира ждут практического воплощения… Правда, если бы мне особым королевским указом пожаловали пенсию как безвинно пострадавшему ради Магического Искусства… — прозрачно намекнул мэтр Левен. Ангелика засуетилась.

— Конечно, как скажете! Допустим, сто золотых в месяц, пока вы не поправитесь.

— Лучше двести, — подсказал Левен. — А то поправляться

придется долго…

Принцесса уже диктовала министру Ле Пле текст распоряжения.

Октавио заглянул через плечо главы Министерства Спокойствия, посмотрел на Ангелику, на ковыряющегося в носу младенца-мага, и спросил господина министра:

— То есть, если я правильно понял, ты, моя дорогая, будешь платить мэтру Левену пенсию, чтобы он как можно скорее довел до совершенства свой омолаживающий эликсир, который затем…

— Я преподнесу в дар его величеству и ее величеству! — гордо ответил Левен.

— И на сколько, вы говорите, этот эликсир омолаживает? — уточнил Октавио.

— Ровно на сто шестьдесят лет!

Везувия крутанула флажок, явно желая остудить разгоряченную подсчетами голову. Ле Пле и Ангелика сообразили одновременно.

— То есть мы будем оплачивать изобретение того, что сможем использовать лет через семьдесят после своей смерти по причине глубокой старости? — уточнил Роскар. — Ну ты и хитер!

— Но позвольте! Послушайте! Я хотел, как лучше! — закричал мэтр Левен. Олбер, повинуясь знаку королевы, поймал возмущенного младенца под мышки, завернул в мантию и понес к выходу. — Оплатите мне хотя бы услуги кормилицы! — кричал он уже из-за двери. — Пожалуйста, ваше величество! Ваши высочества! Ма-маааааа!!! — сбился Левен на откровенный рев.

Судя по оживлению у стайки придворных дам, возглавляемой рыженькой Мелорианой, дочерью герцога Тирандье, малыш Левен мог рассчитывать на вспомоществование от общественности.

Между тем смотрины будущего патрона или патронессы Министерства Чудес шли полным ходом.

Доставили кентавра (скромного садовода из Ла-Фризе), и он громко икал, смущенный вниманием сиятельных персон. Мелориана Тирандье и Сюзетт Ле Штанк шептались, обсуждая достоинства и недостатки косметики, приготовленной ведьмами; при этом родственница королевы Брабанса завлекательно улыбалась стоящим в королевского возвышения гвардейцам, а юная герцогиня пыталась поймать взгляд принца Роскара. Элоиза Росинант грустно вздыхала, сожалея неизвестно о чем — скорее всего, что из-за затянувшегося магического отбора задерживается официальный обед. Или, что тоже весьма вероятно, что на смотрины чудотворцев не пригласили кого-нибудь моложе тридцати лет — допустим, мэтра Лео, мага-консультанта Министерства Спокойствия…

Из специалистов проявили себя: друид, вырастивший для принцессы Ангелики куст роз (Везувия попросила цветок, уколола палец, и друид спешно завял); заклинатель огня (21), который по просьбе Роскара зажег свечи на подвешенной к потолку люстре (Роскар же и спас несчастного пироманта, попавшего под дождь из растаявшего воска); кузнец из клана Данкенхольф — не будучи священником или магом, он единственный из всех кандидатов озвучил относительно связную концепцию развития Министерства Чудес. Все маги королевства, способные чувствовать Природные Начала, должны были взять лопаты и кирки, и перекопать Шан-Тяйский Хребет, а всякие там растение- и животноводы обеспечивать своевременное снабжение провизией — пока гномы клана Данкенхольф, плюс их товарищи из Анкенштреков и Шнапсштельмайеров, будут извлекать подземные ископаемые из Шан-Тяя и перевозить их в Триверн. Специалистов в магии Четвертого Шага, целителей и прочих священников тоже обещали пристроить для подсобных работ.

Размах задуманной операции впечатлял.

Министр Ле Пле серьезно выслушал Данкенхольфа, тщательно законспектировал его предложения и попросил выйти из залы, для согласования деталей. Везувия и Ангелика очаровательно улыбнулись, попросили Олбера угостить собравшихся вином и высказались в том ключе, что очень важно поддерживать мир и добрые отношения с Вечной Империей Ци.

Всех претендентов внимательно выслушивали, вежливо поощряли демонстрировать свои таланты и — благодарим вас, госпожа Жедяника, за очередное напоминание, — истинный облик, пока не наступил черед мэтра Григо, ректора Университета.

Алхимика в шесть рук вытолкнули на середину зала. Напомнили про поклоны и "ваше величество, ваши высочества".

— Ваше величество, и вы, ваше высочество и ваше высочество, а так же все вы, дамы и господа! — обратился мэтр Григо ко всем собравшимся. — Сейчас, познакомившись со столькими замечательными коллегами…

— Пустая колба тебе коллега, — прошептал какой-то раздосадованный собственным неудачным выступлением маг.

— Или залитая чернилами азбука, — добавил один из священников. — У, логик, доберутся до тебя демоны, посмотрим, как ты от них формулами отбиваться будешь!..

— Познакомившись с теми, кто вершит чудеса в королевстве Кавладор, я понял, что с моей стороны будет крайним проявлением бестактности и самонадеянности выставлять свою кандидатуру на должность патрона Министерства Чудес! Поэтому

позвольте от лица всех алхимиков замолвить словечко о том человеке — вернее, о той прекрасной, очаровательной, умной и талантливой женщине, которая единственная достойна занимать этот высокий и ответственный пост. Я говорю о ее высочестве Ангелике! — указал мэтр Григо на не ожидавшую такого подвоха принцессу. — Я отдаю свой голос за нее! Вручаю ей ответственность за судьбы кавладорской Алхимии!

Секунду стояла тишина. Потом кто-то из священников — кажется, жрец Святого Париса, оконфузившийся при попытке прочитать Ангелике сонет в присутствии генерала Громдевура, — поддержал речь Григо аплодисментами. Еще через секунду аплодировал весь зал. Ритм задавал принц Роскар.

— Ну, братец, — прищурился Громдевур на брата своей невесты. — С тобой я еще разберусь. — И напустился на вернувшегося после разговора с гномом Ле Пле: — Вас кто учил подобные мероприятия делать открытыми для публики?! Что, по-тихому провернуть эти […] слушания ума не хватило?! Э-эх…

Увы, идея оставить Министерству Чудес прежнюю главу уже была озвучена и, как модная песенка, внедрилась в умы присутствующих. Судя по растерянному выражению лица Ангелики, для нее этот сюрприз оказался не самым приятным.

А уж для известного мстительностью и хорошей памятью Октавио Громдевура…

— Мэтр! — догнал Октавио алхимика в парадной черной мантии, спешно удалявшегося из малой залы приемов. — Мэтр, постойте!

— О, ваше благородие господин генерал! Простите, я так спешу, так спешу… — мэтр Григо умело сохранял дистанцию между собой и преследователем.

— Куда же вы спешите, мэтр? я с вами, может, по делу хочу поговорить…

Они уже добежали до парадной лестницы.

— Ой, мне надо срочно вернуться в Обитель Праматери Прасковии, — придумал оправдание Григо. — Понимаете, ваше благородие, у меня спазм…

— А я думал, сотрясение мозга, — генерал ловким прыжком преодолел разделяющие их десять ступенек и перехватил мэтра за мантию. — Что, ваша ученость, поговорим?

— За что? — всхлипнул ученый. — Что я вам сделал?!

— Нет, ты лучше скажи, что Ангелика тебе сделала, что ты ее так подставляешь? Ты что, стеклянный глаз, если хорошему человеку жизнь не испортишь, считаешь, что день зря прошел?! Да я тебя…

— Не губите! — взмолился мэтр Григо. И заговорил очень быстро, нервно глотая окончания слов: — Мы ж всем Университетом искали достойного! Кто мы — а что завтра?! А если завтра в поход, если снова в далекой-предалекой Галактике рванут очередные звездочетские войны, если там — ого-го, а мы ж — поди ж ты… Алхимия мне друг, но истина дороже; ценовая политика развитых стран генерирует по центробежной экспоненте; можно ли исчислить выгоду от торговли артефактами, если Мю равно Лямур, а окружность копыта среднестатистического кентавра равно косинусу, разделенному на трех ослов? Если тебя назвали плоскодонкой, это еще не значит, что голова у тебя скороспелая, единообразие первого поколения нарушается при повторном дигибридном скрещивании, осуществляемом не спеша-а…

И еще полтысячи слов того же уровня согласованности.

Октавио разжал кулаки и осторожно отодвинулся от чокнутого мэтра в черной алхимической мантии и золотых очках.

— Так я пойду, ваше благородие? — уточнил мэтр Григо, чувствуя, что его уже ничто не удерживает.

— Ага… может, вам наемную карету вызвать, мэтр? — на всякий случай уточнил Октавио.

— Благодарствую, но меня тролли ждут.

— Ну, если тролли, тогда оно ж понятно… — прошептал Громдевур и задумчиво запустил пятерню в затылок.

"Фуууух ты,"- с облегчением выдохнул мэтр Григо, сбегая вниз по лестнице. — "Мэтресса Далия, вы просто гений! Какая остроумная и простая метода запудривания мозгов любому начальству! Ничего удивительного, что мне не удается заставить вас работать с полной ответственностью… Что ж, обидно признать, но таков удел любого начальника: или у него подчиненные инициативные, или профессионально соответствующие…"

Уинс-таун, замок Восьмой Позвонок

Пребывание мэтра Карвинтия в Башне Алхимиков не могло похвастаться наивысшей степенью удобства и комфортабельности. Оно-то и до середины предполагаемой шкалы измерений дотягивало с трудом — высоко, по лестнице тяжело подниматься, горгульи залетают в окна и нахально гадят… Особенно досаждал настойчивый запах, проникающий в щели дверей и пола. Дело в том, что за годы работы в Университете королевства Кавладор, алхимик-метеоролог привык к прочному аромату мяты, мятных пряников и пропитанных ментоловым экстрактом свечей — таким своеобразным

воздушным забором мэтр защищался от натурального амбре своих предсказывающих заморозки, дожди и жару похрюкивающих испытуемых. О, где ты, любимая вязанка сушеной мяты?! В Башне Алхимиков очень уважали классическую отрасль науки, много и часто экспериментировали с фосфором, серой, ртутью, мышьяком, их производными и всевозможными комбинациями…

Одним словом, совершенно зря радовался Карвинтий, что ему выделили апартаменты на верхнем этаже Башни Алхимиков: большинство открытых коллегами газов были легче воздуха и устремлялись в небо, попутно отравляя существование метеоролога.

Правда, у Восьмого Позвонка было несомненное преимущество перед Талерином: здесь не было мэтрессы Далии. До недавнего времени Карвинтий жил счастливо и не подозревал о существовании этой демоницы в образе человеческом; да, конечно, будучи мужчиной в самом расцвете лет, он, естественно, обращал внимание, что кто-то из коллег имеет женственные формы и симпатичную мордашку, но не более того. Она сама пришла в его каморку за Университетом! Соблазняла, строила глазки! Интересовалась погодой!

А потом натравила на него гномку. Брр… страшно вспомнить.

Дело в том, что Карвинтий был неплохим метеорологом. И действительно обнаружил много странных закономерностей, касающихся смены погоды. В одном из докладов он научно доказал, что дожди и туманы королевства Ллойярд есть следствие обилия тяжелых паров, выдыхаемых гномами. Карвинтий не имел в виду ничего дурного, он просто изложил свою точку зрения, объективно и независимо, как и подобает алхимику, но кланы Орберийских гор почему-то обиделись и затаили на мэтра обиду. Были и тяжкие телесные, и нанятые зомби, порушившие Карвинтию сарай с испытуемыми, и прочее… Короче, Далия не имела права так Карвинтия пугать.

Доводами, окончательно убедившими мэтра Карвинтия поменять Талерин на Уинс-таун были не только персональное приглашение от мэтра Мориарти прочитать курс метеорологии в Восьмом Позвонке, но и сознание того, что гномы — никудышные волшебники, боятся высоты, а значит, вероятность встречи с ними под крышей известного на весь цивилизованный мир замка, оплота практической некромантии и прочего волшебства, практически равна нулю.

Ладно, придется сказать правду: на самом деле, мэтр Карвинтий всерьез стеснялся того факта, что точность сделанных

им предсказаний погоды колебалась от 6,1 до 8,45 процента. С Уинс-тауном в этом отношении все обстояло куда проще: вероятность угадывания, что ожидается завтра, дождь или туман, изначально составляла пятьдесят процентов.

Утро седьмого дня месяца Барса началось для мэтра Карвинтия неплохо. Разбудил его (и прочих соседей) коллега, живущий тремя этажами ниже. Вернее, живший. Рвануло так, что стена пошла трещинами; потом прибежали скелеты с комьями заговоренной магами из Башни Земли глины и начали всё спешно приводить в порядок. Пока нежить суетилась, Карвинтий прогулялся до Обсерватории: тонкая башенка поднималась на такую высоту, что дух захватывало. Дрожа под порывами ветра, Карвинтий, отчаянно вцепившись в страховочный тросик, прослушал лекцию мага-звездочета о том, что установленный в Обсерватории огромный телескоп целых восемьдесят четыре года изготавливался гномами клана Кордсдейл, что линза этого телескопа является самым большим куском стекла в мире, и что в хорошую погоду отсюда видны острова Хага, Зинг и Ритт. Не подскажете ли, господин алхимик, когда эта хорошая погода вдруг настанет, может, нам удастся рассмотреть Литтл-Джок и буренавские Чудуры?

Мрачно отделавшись невнятными обещаниями, Карвинтий сбежал от греха подальше, поболтал с Йори (мэтр болтал, а Йори, не перебивая, слушал), посмотрел, как спецы по Когтям и Крыльям прогуливают во внутреннем дворике сфинксов, минотавров и единственную на всё королевство прирученную гидру (волшебники явно себе льстили — гидра чуть не сожрала Йори и лишь чудом удалось ее уговорить на половину бараньей туши), как носятся по галереям элементали и призванные твари, собирая господ магов для экспедиции в Эль-Джалад…

И что всем этим чудикам понадобилось в жарких песках Эмирата? — размышлял мэтр Карвинтий, вернувшись в спешно отремонтированное жилище и готовя поздний завтрак на спиртовке. Общей столовой-едальни в Восьмом Позвонке не было. И потому, что магистры не доверяли своим ученикам (вдруг решат отомстить за низкую оценку на экзамене), и потому, что специалисты магии Крыла и Когтя, Зеленой школы и Четвертого Шага наотрез отказывались есть то, что им приготовил сотворенный специалистами магии Смерти замковый обслуживающий персонал.

Конечно, — признал алхимик, — если тобою созданное животное, нежить или растение станет Покровителем Года, это очень почетно… А еще по Восьмому Позвонку сплетничали, что король Тотсмит обещал вознаградить того волшебника, который

утрет нос задавакам из Эль-Джалада, Кавладора, Фносса и Брабанса. Короче, со всех сторон участие в предстоящем мероприятии выгодно, но, увы, специалиста по научному прогнозированию погоды туда никто не приглашал…

Коротко вздохнув, Карвинтий снял кастрюльку с огня и попытался угадать, что сварилось — суп или каша. Ладно, ингредиенты использовались съедобные, значит, есть девяностопроцентная вероятность, что отравление, если и случится, будет не смертельным.

В дверь постучались, когда Карвинтий отчаянно солил варево с целью улучшения его вкусовых качеств.

— Иду, иду, — готовностью отозвался алхимик. Открыл дверь и увидел… увидел…

Карвинтий шумно сглотнул слюну, тщась подобрать подходящее слово для определения представших пред ним экземпляров.

Бесспорно, это были скелеты. Но не обычных людей, и даже не обычных животных, а кого-то… чего-то… Одним словом, мэтр Мориарти постарался на славу. Они были высотой с тролля и приблизительно столь же грациозны; мощные костяки, будто украденные у медведей или каких-нибудь малорослых драконов, несли на себе доспехи, сработанные из многих слоев кожи и расписанных сложными рунами заклинаний; но хуже всего были глаза. Настоящие. То есть круглое свинцовое «яблоко» с вплавленным кристаллом. Кристаллы светились злобным зеленоватым огоньком из-под низко сдвинутых круглых шлемов, что еще больше усиливало идущее от монстров ощущение ужаса.

— Мэтр Кар-вин-тий? — дёргая челюстью, спросил правый супер-скелет. Скорее всего, чтобы создать эту челюсть, какого-нибудь стоматолога познакомили с «ручной» местной гидрой.

— Да… я… да… — со страху не смог соврать алхимик.

Два пришедших по его душу супер-скелета подхватили перепуганного мэтра и потащили куда-то вниз.

Не приятное, но достаточно скорое путешествие закончилось, когда мэтра Карвинтия скелеты вывели за стены Восьмого Позвонка, а потом швырнули перепуганного алхимика к ногам прогуливающейся у замкового рва мэтрессы Вайли.

Волшебница сосредоточенно рассматривала свой посох, украшенный искусно сработанным скорпионом (в какой-то момент Карвинтию даже показалось, что членистоногое двигается), но ради прибытия мэтра отвлеклась.

— А, уважаемый господин метелкоролог! Ты ведь метелкоролог, не правда ли?

Стуча зубами, Карвинтий поправил уважаемую леди, что

метлы до недавнего времени его интересовали слабо, в отличие от погоды.

— Вот-вот, об этом-то я и спрашиваю! Скажи-ка, дружок, — с улыбкой заботливой тетушки поинтересовалась волшебница, — А в заморозках ты разбираешься?

— Конечно! Внезапное похолодание наступает, когда год переходит через месяц Чаши к Вуали и Лютне, что связано с приходом северного ветра и, очень часто, очередным нашествием викингов на Ллойярд и Буренавию, — отрапортовал Карвинтий. Присутствие костяных гигантов за спиной весьма нервировало.

— Викинги? Ты думаешь, они снова пытались нас ограбить? — задумчиво переспросила мэтресса Вайли. — Ладно, эту версию мы потом проверим. А сейчас, — она обратилась к вздрагивающему алхимику, — я хочу, что бы ты высказал взвешенное и грамотное мнение кое о чем.

— О чем же?

Вайли заговорщицки подмигнула, подошла к Карвинтию поближе, пристукнула посохом и прошептала короткое заклинание.

Через минуту они оказались… о боги!!! За что?!!! За что меня сразу на кладбище?!! — взвыл Карвинтий.

— Как это "за что"? Я что, тебя за что-то тащу? За чуприну или за ухо? Просто иди за мной, мэтру Мориарти нужны твои ответы, — и мэтресса Вайли, потеряв интерес к алхимику, поспешила вдоль по аллее, над которой печально развесили мокрые ветки грабы и лиственницы.

В конце аллеи, у гранитного склепа — когда-то величественного, а теперь начинающего зарастать мхом и сорняками, — стоял высокий, представительный черноволосый мужчина с остроносым лицом, на котором ясно читалась печать безумной гениальности. Или гениального безумства. В любом случае, мэтр Мориарти всегда производил впечатление, что смотрит куда-то за линию горизонта, одновременно сосредоточившись на той козявке, которая сейчас закопошилась у него на кончике носа. Мантию он носил черную, цвета ночи, с зеленой отделкой, на шее у него была цепь из черепов — золотых, серебряных, свинцовых, железных, чугунных, медных… Поговаривали, что один из этих черепов сработан из блокирующего магию нюртанга — иначе гениальный некромант уже давно бы *поднял* всё умершее до настоящего момента население Ллойярда, Даца и пары-тройки ближайших островов.

Глава Министерства Чудес Туманного Королевства стоял у гранитной усыпальницы и меланхолично рисовал волшебным посохом, сработанным из черной кости неизвестного

происхождения, узоры на выступившем на камнях инее.

Казалось, что на данном участке кладбища внезапно наступила суровейшая из зим Буренавии — насыщенно-синий иней, смерзшаяся, буквально звенящая льдом земля, умерший от холода куст, лопнувшая от мороза каменная стена…

— А, дорогая, — не оборачиваясь, поприветствовал Мориарти мэтрессу Вайли. — Что удалось узнать?

По щелчку пальцев волшебницы Карвинтия приподняло потоком воздуха и подтащило к беседующим некромантам поближе.

— Вот, спроси сам, — ответила Вайли. Говорили маги, по укоренившейся привычке, так, будто присутствующее тело не способно их понять. — Говорит, что заморозки начинаются тогда, когда дует северный ветер и с нашествием приходят викинги.

— Я говорил не это! — возмутился столь вольному цитированию Карвинтий. — Я говорил, что метеорология располагает неопровержимыми доказательствами зависимости толщины снежного покрова от обилия снегопадов, случившихся в данной конкретной местности! Что заморозки приходят исключительно перед приходом зимы! Что более всего подвержены холодам королевство Буренавия и острова Риттландии, особенно Тирба и Одиле! Я говорил, что…

— Какой-то он слишком разговорчивый, — задумчиво констатировал Мориарти. Карвинтий мгновенно захлопнул рот. — Знаешь, Вайли, я думаю, что все-таки это был криомант. Заклинание развеялось, поэтому его присутствие выдает только смерзшаяся земля. Ты чувствуешь? Нет привкуса характерных усилий, подпитывающих мага Силой, нет отголосков маскировочных чар, я даже не могу почувствовать, человек создал эту глыбу льда, или потомок эльфов. Нет, я, как всегда прав, — скорее всего, это дело рук криоманта, чьи узконаправленные способности сводятся к возможности превращать мир в ледяную пустошь. Но, конечно же, навязывать свое частное мнение я никому не собираюсь, — проговорил волшебник, задумчиво перебирая цепь из черепов. — Может быть, это действительно случайное явление природы, или, какой-то весьма и весьма могущественный артефакт… Но у кого хватило бы Силы сделать артефакт столь впечатляющей мощи? Я чувствую, как холод убил всю почвенную мелочь на два локтя глубины…

— Как скажешь, — пожала плечами волшебница. — Меня в любом случае больше беспокоит наглость и нахальство неизвестного — подумать только! Творить волшебство на нашем кладбище, посреди нашего королевства, буквально у нас под боком, и надеяться, что мы ничего не заметим!

— Когда мы выясним, кто отважился на подобную глупость, я позову тебя исследовать его мозг, моя дорогая, — с проблеском теплоты в голосе пообещал Мориарти. — А пока оставим всё, как есть. Пожалуй, нам пора, — заявил некромант и неожиданно легко — для человека шести сотен лет от роду, — повернулся к коллегам.

Вернее, к мэтрессе Вайли — Карвинтий уже успел отползти в сторону, прячась за гербовым щитом, лет двести назад украшавшим вход в гробницу. С тех пор щит переместился вниз, разбился, прикрылся зеленым мхом и серо-сизой плесенью, но даже сейчас можно было разобрать рисунок крепостной стены и первую руну, Плау, с которой начиналась фамилия обладателя герба.

— Да, вернемся в замок, — согласилась мэтресса. — У меня от этого холода все скорпионы заснули…

— Я имею в виду — нам пора в Эмират, — ответил мэтр Мориарти. — Если кто-то думает, что баловство Силой в Ллойярде сойдет ему с рук, с нашей стороны будет разумно и вежливо дать понять, что мы — два червяка с интеллектом осенней мухи, и заняты исключительно собственными проблемами…

Мэтресса Вайли наградила дорогого коллегу тонкой понимающей улыбкой:

— Пусть думает, пусть будет уверен, что мы забыли о его фокусе… Хорошо, Мор, как скажешь. По счастью, мы и так планировали отбыть в Эмират через три дня, и у большинства наших коллег почти всё готово. К вечеру отправимся… Пожалуй, надо проследить, как идет последний этап приготовлений к нашему выигрышу, — и мэтресса, пристукнув посохом со скорпончиком, исчезла.

— А у вас найдутся теплые вещи? — спросил Мориарти, безошибочно угадывая камень, за которым прятался Карвинтий. При этом некромант смотрел куда-то вдаль, возможно даже, в таинственные глубины завтрашнего дня.

— За-зачем?

— Вы тоже едете в Эль-Джалад. Будете рассказывать мне о погоде, — снизошел до объяснений мэтр.

Карвинтий обдумал предложение. Присоединиться к команде, которой почти наверняка светит выигрыш? К команде, каждой из которых король обещал золотую премию? К команде *повелителей смерти*? Вот уж, задачка…

— А зачем мне в Эль-Джаладе вдруг могут понадобиться теплые вещи? — осторожно уточнил алхимик.

— Мало ли… — отстраненно-загадочно улыбнулся мэтр

Мориарти. — Может, у меня получится изобрести заклинание, производящее похожий эффект, — и маг указал на расколовшуюся от мороза стену гробницы и смерзшуюся землю на два тролльих шага(22) в округе. — А может быть, и не получится… Надо пробовать. На ком-нибудь…

К вечеру мэтр Карвинтий чувствовал себя верблюдом. Правда-правда. Всеми правдами и неправдами он уговаривал коллег и сотрудников Восьмого Позвонка одолжить ему тулупчик, валенки или пуховой платок ради экспедиции в Эль-Джалад. С алхимиком не спорили, наоборот, зазывали остаться, выпить чашечку-другую напитка, что в Восьмом Позвонке было знаком расположения и доверия, кое-кто даже пообещал вылечить скорбного разумом Карвинтия, если, конечно, тот согласится, чтобы результаты терапии будут опубликованы, абсолютно конфиденциально и безвозмездно, в служебном вестнике "Восьмой Позвонок. Путь к мозгу".

Мэтресса Вайли, недовольная темпами сборов Карвинтия, прислала к нему на помощью двух уже известных алхимику гипертрофированных скелетов.

— Как вы их называете? — дрожа челюстью, поинтересовался мэтр некоторое время спустя.

— Энбу, — пожав плечами, ответила некромантка. Она внимательно следила, как скелет ее горничной (или ее горничная-скелет?) упаковывает фарфоровую чашку с черепом, кофейник и походные обеденные приборы в соответствующую корзину, и волшебнице было не до глупых разговоров.

— А что это слово означает: энбу?

— Энбу, значит, энбу, — проворчала Вайли. — Мы с мэтром Мориарти потратили на их создание восемнадцать сотен маго-часов, и тратить еще столько же, чтобы догадаться, почему мы назвали их именно так, нам не хочется. Ты готов?

Карвинтий судорожно посмотрел, как собранные им вещи грубо завязывают в один большой узел два свинцовоглазых энбу, и решил, что спорить не будет. Да, готов. Практически — ко всему.

— Чаю хочешь? — вспомнила о правилах гостеприимства Вайли. — На травах.

— Нет, — категорически отказался алхимик.

— А что так? Ты такого наверняка никогда не пробовал. Попробуй, может, успокоишься…

Все волоски, которые только сохранил Карвинтий к тридцати восьми годам, поднялись дыбом.

— Нет, спасибо… У меня, знаете ли, тетушка, сестра отца —

ведьма, я, когда у нее в гостях бывал, практически все известные Магическому Искусству снадобья попробовал…

— Да, ведьмы — они такие, — согласилась Вайли. Достала из большой деревянной резной шкатулки сдобное печенье, предложила алхимику, а когда он отказался, захрустела сама. — И на чем твоя тетка специализируется? Родовспоможение? Предсказания? Целительство? Составление ядов?

Карвинтий попытался припомнить.

— Ну… Кажется, на замужестве.

— Надо же, какая глупость, — фыркнула мэтресса.

— Не скажите, ваше магичество, — осмелился возразить алхимик. — Там, где живет тетя Ханна с дочерью, удачно выйти замуж — уже подвиг, а ей это удалось проделать двенадцать раз в течение жизни.

— И где же она живет? — весьма равнодушно переспросила волшебница. Прикончив печенье, она достала из шкатулки (уже другой, изящной, выполненной из переплетенных металлических нитей, на которых танцевали скелетики эльфов) несколько брошек, цепочки, колье и принялась примерять, что взять с собой, а что оставить дома.

— В Чудурском Лесу, ближе к северу, к границе с Буренавией, — ответил Карвинтий. Голодное брюхо, в котором одиноко плавали три наспех проглоченных ложки супа (или каши?), забурчало, подсказывая, что беседа перешла в мирное русло, и, чем демоны не шутят, может, стоит попробовать травяного чая уважаемой волшебницы? — Слышали, вероятно: деревня Нижняя Исподвысковочка.

— Какая?! — в голосе Вайли послышался восторг и удивление.

В этот момент на столе волшебницы сработал кристалл «глаза». Появившийся над ним фантом мэтра Мориарти строго спросил, почему мэтресса, ее вещи, энбу и ручной алхимик еще не готовы к телепортации в Эмират?

— Представляешь, Мор?! — волшебница не сдерживала радостный, профессионально некромантский попыхивающий смешок. — Деревня называется Нижняя Исподвысковочка! В жизни не слышала ничего смешнее! Исподвысковочка, да еще и Нижняя!.. Представляю, что за высококлассная ведьма может там жить…

Чудурский Лес, Башня

Шестой и седьмой день месяца Барса, в отличие от двух предыдущих суток, прошли для Напы и Далии тихо и лениво. Мэтр Виг, величайший криптобиолог Кавладора, заперся в

лаборатории, где бегал вокруг стола, воскурял освежающие память грибы шаманов Риттландских островов, давил разноцветных клопов по цинской медитативной методике, и отчаянно пытался составить список событий, которые, как утверждал его алхимик-секретарь, возможно, и заставили создать могущественные артефакты-обереги.

Далию и Напу Виг едва не прибил — после того, как мэтресса поделилась информацией, что некоторые маги, в частности, ее знакомый, мэтр Лотринаэн из Министерства Чудес Кавладора, положительно высказывались о пользе шаровой молнии для лечения некоторых проблем Разума. Ах, нет, Виг осерчал на Далию совсем не из-за этого, а тогда, когда алхимичка всё-таки нашла (с помощью верной ассистентки) в запасниках мага два больших штыря — медный и цинковый, и показала, какое именно лечение она имела в виду.

Хорошо, что пробовала Далия на старом деревянном ящике, который Виг уже отдал жукам-древоточцам на окончательную утилизацию; если бы в результате опыта пострадало хоть одно животное, возможно, мэтр вообще отказался бы иметь дело с экспериментирующей сапиенсологиней…

А пока Далия и Напа, еще не пришедшие в себя после чувствительного эффекта шаровой молнии, расплавившей штыри, а ящик разнесшей в мелкую пыль, тихо сидели в гостиной. Фриолар принес и поставил перед ними волшебное зеркало — вовсе не для того, чтобы девушки увидели, во что превратило электричество их прически, а для того, чтобы быть в курсе происходящего в королевстве и за его пределами.

— Если где-то стоит прочная магическая защита, как, например, в Королевском Дворце или Охотничьем замке, зеркало, конечно, работать не будет, — объяснил Фриолар. — Но если защиты нет, то попытаться можно. Видите вот этот темно-синий кристалл?

Задетые взрывом Далия и Напа, ритмично покачиваясь, хором ответили, что да, видят.

— В него надо четко и громко называть имя того, кого хотите увидеть. Вообще-то, волшебники пользуются специальным жезлом и ментальными усилиями, но в вашем случае… — Фриолар посмотрел на Напу и Далию. У гномки шлем висел в десяти дюймах над головой, чудом зацепившись за вздыбленные каштановые кудряшки. У Далии, которая руководила экспериментом, и оказалась к шаровой молнии ближе всех остальных, прическа была как у одуванчика. Молодой человек понял, что добивать пострадавших от собственного любопытства девушек с его стороны будет свинством. Поэтому воздержался от

подробных указаний и сам настроил волшебное зеркало: — Одним словом, вот вам волшебное зеркало, следите, что в мире происходит. Если что — зовите нас с Вигом. Ладно?

Далия и Напа сосредоточенно и глубокомысленно, как две фносские статуи, смотрели перед собой.

— Нельзя было позволять девочкам баловаться с молниями… — вздохнул Фриолар и отправился в лабораторию, лечить вигову амнезию. — Ладно, одна из них — умная, вторая — еще умнее, авось, выживут. А вот у мэтра, боюсь, не амнезия, — вынес приговор алхимик где-то посередине лестницы. — Это уже маразм…

Где-то в горах мчалась, подпрыгивая на кочках, черная лакированная карета. Две серые лошадки с крупными ушами испуганно взвизгивали, когда их погоняла крепкая деваха в когда-то розовом сарафане. Карета иногда завывала скрипучим, сорванным голосом.

Короче, ничего интересного. И волшебное зеркало скользнуло дальше.

— Кажется, это мэтр Лео, — с интонациями деревянной куклы сказала Далия, пронаблюдав, как молодой темноволосый и кареглазый маг, чем-то неуловимо похожий на спаниеля, беседует с перепуганным школяром в черной ученической мантии. Разговор происходил, кажется, в телепортационной станции — по крайней мере, пол был выложен мозаикой в виде горы, окруженной дубовым венком.

— Ага, — согласилась Напа. Так могла бы говорить чугунная чушка.

Зеркало показало еще несколько сцен мирной или почти мирной жизни Кавладора.

— Айра, — расплылась в безвольно-радостной улыбке Напа. — В моей «Розочке»…

— И инспектор Клеорн, — повторила Далия абсолютно с тем же счастливо-дурашливым выражением лица. — Его допрашивает…

Кристаллы управляющего зеркалом жезла мягко поблескивали. Зачарованное стекло мигнуло и показало другую последовательность картинок.

— Ой, а это где? — вдруг нахмурилась Далия. — Что-то плохо видно…

— Это Уинс-таун, — узнала Напа. — Я там когда-то жила, пока училась резать по мрамору, и этот туман очень хорошо запомнила. Если сейчас там туман, к вечеру дождь пойдет…

Устав показывать затянутую дождем пустую улицу, зеркало

чуть прибавило ясности, и девушки увидели сцену, опять косвенно связанную с телепортационной станцией. На этот раз солировала посетительница — женщина лет пятидесяти, очень сухая, небольшого роста, с буйными кудряшками пегого цвета, одетая с претензией на шик. Дама о чем-то спорила с магом-телепортистом, но тот, очевидно, закаленный ученичеством в Восьмом Позвонке, по соседству с традиционными зомби и новейшими разработками мэтра Мориарти, не поддавался на угрозы. Маг пожимал плечами, и, судя по некоторым жестам, объяснял, что за деньги, которые готова заплатить мадам, он может лишь перенести ее сумочку из одного угла комнаты в другой. Этот вариант услуг, однако, не устраивал даму, из-за чего и разгорелся спор.

— Что это она делает с волшебником? — не поняла Напа, когда конфликт перешел в следующую фазу.

Далия чуть заметно покраснела, искоса посмотрела на гномку и объяснила:

— Пытается всучить взятку.

— Надо будет запомнить и использовать в случае необходимости, — нахмурилась Напа Леоне. — Оказывается, метод немного странный, но действенный…

И в самом деле, волшебник, которого настойчивая дама пыталась соблазнить своими увядшими прелестями, телепортировал ее куда-то, только чтоб избавиться от неприличных домогательств.

Представив, как Напа будет кого-то уговаривать на противоправный поступок под угрозой собственных поцелуев, алхимичка тайком похихикала и продолжила созерцание магических картинок.

Теперь весь простор зачарованного стекла занимали бесконечные, бескрайние пески. Прочерченная следами животных пустыня поражала мистическим, сверхъестественным спокойствием.

— Ах, скорее бы копать… Когда мы поедем? — нетерпеливо атаковала вопросами Напа. — Если бы мы не играли в твои сапиенсологические игры, мы бы уже доехали… до Аль-Тораза мы бы уже точно доехали!

— Если бы мэтр не согласился помочь нам с телепортом, мы бы как раз уже подъезжали всего-навсего к Луазу. Это при условии, что лошади выдержали бы безостановочную гонку, что нас не попытались бы ограбить, что нас бы не похитили…

— Опять ты завела эту песню! Да сколько ж можно! Нас никто не пытается похитить! Все эти бредовые идеи с похищениями существуют исключительно в твоей голове!..

Как бы отвечая на слова гномки, в зеркале мелькнул солидный, высокий человек, похожий на вышедшего на заслуженный отдых льва. Господин пил вино, придирчиво оценивал заметки, прочитанные в газете, или отвлекался от чтения и подсматривал за кем-то в подзорную трубу.

— Напа, — строго возразила Далия. — Я тебе объясняла уже десяток раз. Единственный способ вести раскопки древнего клада, не отвлекаясь на драки с наемными убийцами, ворами и конкурентами, не споря о том, кому этот клад принадлежит, не дрожа каждую секунду за собственную шкуру — это абсолютная тайна миссии. Моя задумка сохранить секрет Симона Пункера благополучно провалилась, ведь ты половине Талерина рассказала, куда мы едем и зачем…

— Ну, может, и обмолвилась пару раз… — нехотя признала Напа. — Но вот про клад я точно молчала.

— В любом случае, — продолжала мэтресса, теперь — с интонациями лектора, возвращающего на грешную землю витающего в фантазиях школяра. — В любом случае, джинн оказался выпущен на свободу…

— Так мэтр Виг и джиннами умеет управлять?! — восхитилась гномка.

— Я говорю образно, — вздохнув, объяснила Далия. — В том смысле, что, раз тайну сохранить не удалось, надо как можно больше всё запутать. Пусть нас ищут по всему Кавладору — пусть все, кому придет в голову нас искать, думают, что мы поехали в карете, а…

— А на самом деле воспользовались телепортом!

— Умница. Причем не стали обращаться на станцию Талерина, где, при желании, можно разговорить дежурного мага и… — мы только что по зеркалу видели, как мэтр Лео это делает, — узнать, кто куда отправился. Мы обратились к мэтру Вигу, который может нас переправить в любое известное ему место. По счастливой случайности, он неплохо знает Эль-Джалад, окрестности города Ильсияра и замок эмиратских магов, Хетмирош.

Гномка хмыкнула. Уловив свое отражение в зеркале, снова вернувшемуся к показу пустыни, Напа Леоне попыталась навести порядок в области шлема. Далия, достав из кармана юбки гребешок, занялась тем же.

— А почему ты не попросила Лотринаэна? — вдруг спросила гномка. — Он же эксперт Министерства Чудес по межпространственным перемещениям, и, к тому же, он мог бы раскапывать город царя Тиглатпалассара вместе с нами…

— Хочешь сказать, что готова делиться работой с

полуэльфом? — удивилась Далия.

— Нет, что ты, работой делиться я даже с тобой не собираюсь, — отрицательно покачала головой Напа. — Просто… просто… ты же сказала, что нас могут преследовать наемные убийцы и воры… Вот я и подумала: зачем подвергать опасности малыша Фри-Фри? Лотринаэн старше, он маг, а значит, живым не дастся…

— А еще он сын эльфа, — продолжила логическую цепочку гномки Далия, копируя ее интонации, — что в переводе на традиционный гномий уровень любви к ближнему означает: если его и убьют — не жалко…

— Ты шутишь, а я говорю серьезно! Знаешь, что сделает со мной Фиона, если вдруг Фри-Фри пострадает?

— Напа, ради всех богов, очнись! Парню двадцать два года! Он полностью совершеннолетний, самостоятельный, умный и весьма прагматичный молодой человек, и только такая сверхзаботливая мамаша, как Фиона, этого не понимает! В эти годы его папенька воевал в королевской армии! Его величество Гудеран короновался на двадцать третьем году жизни! Принц Роскар совершает подвиги с пятнадцати лет — правда, тому виной волшебный эликсир, которого он хлебнул в детстве, вымахал наше кавладорское высочество с хорошую оглоблю, вот ему подвиги воевать никто и помешать не может…

— Фри-Фри еще совсем маленький гном! — возразила Напа.

— Фри-Фри не гном, он человек, — отрубила Далия. И добавила последний штрих: — И вообще, он сам предложил свою помощь.

— Да?

— Да. Виг спросил, готов ли он провести остаток жизни, прячась от цапель в ближайшем болоте, и Фриолар тут же согласился на все наши условия.

Волшебное зеркало всё еще показывало пустыню. По бесконечным барханам на великолепных скакунах неслось около двух дюжин всадников. Одетые в яркие восточные одежды, нещадно лупящие соперников плетками, они погоняли лошадей, яростно сражаясь за лидерство…

— Тренируются… — протянула Напа. Потом ее гномий, а потому — весьма острый, хотя и с односторонней заточкой ум уловил чуть заметную нестыковку в рассуждениях алхимички. — Скажи, Далия… Только честно.

— Я постараюсь.

— А почему это мэтр Виг решил нам помогать? Ты что, его родственница?

— О, боги! — чуть не упала с кресла алхимичка. — Конечно

же, нет!

— Тогда — зачем? Ведь он наверняка весьма ценит свое колдовство! Те же самые лошади…

— Которые, как оказалось, на самом деле — медведь и Змей, — уточнила Далия. И содрогнулась от воспоминаний.

— В образе лошадей они смотрелись очень неплохо, я, честно говоря, оценила бы их в тридцать золотых каждая! Это ж… это ж огромные деньги! Ты что, как та ллойярдская дама, которую мы только что видели, всучила мэтру взятку?

Прическа Далии, уже почти вернувшаяся в нормальное состояние, в ответ на столь смелое предположение снова встала дыбом.

Алхимичка посмотрела на свою ассистентку спокойно-безумным взглядом.

— Похоже, мне действительно придется сказать тебе правду, — неторопливо произнесла мэтресса. — Только это — самый большой из возможных секретов, и, пожалуйста, не говори о нем никому.

— Хорошо, не буду.

— Даже в письмах не упоминай. И не рассказывай, что я тебе об этом секрете запретила рассказывать. Слово?

— Слово Кордсдейла, — важно поклялась гномка.

— Отлично. — Далия выключила волшебное зеркало, развернулась к гномке и произнесла с подобающей случаю торжественностью: — Мэтр согласился нам помогать в обмен на обещание, что мы поможем ему выиграть выборы Покровителя Года.

Информация пробиралась в разум гномки постепенно. Но все-таки добралась:

— ЧТО?!! Он хочет, чтобы мы бежали наперегонки с магическими тварями всего континента?!

— Тебя никто не заставляет бегать по пустыне, — кротко и ласково пояснила Далия. — И вообще, термин «бежать» в данной ситуации не применим принципиально. Мы должны сделать так, чтобы покровителем следующего года стала зверушка мэтра Вига, и никто другой.

Несколько минут в гостиной Башни царила тишина.

— Может быть, — робко спросила Напа, с гномьей дотошностью высчитав вероятность успешного завершения этой авантюры, — еще не поздно отказаться?

Уинс-таун. Замок Восьмой Позвонок, вечер

Ведущие специалисты ллойярдского Министерства Чудес покидали замок торжественно, вызывая у невольных свидетелей

— слуг, учеников, редких посетителей, одним словом — у всех, кроме одинокого низкорослого шпиона, мокнущего за стенами замка под серым плащом — душевный трепет.

Ради того, чтобы поразить эльджаладцев стройными рядами устремленных к победе участников будущих магических соревнований, в Восьмом Позвонке на недолгое время сняли защиту от межпространственных перемещений и начертили во внутреннем дворике огромный круг из рун заклинания.

Облаченный в парадную черную мантию мэтр Мориарти отбыл первым, за ним — столь же великолепно-мрачная, чуть припорошенная сахарной пудрой и крошками сдобы мэтресса Вайли в сопровождении слуг и алхимика; потом несколько учеников затащили в круг, затянутый туманом телепортирующего заклинания, сундуки и припасы; потом настал черед специалистов попроще. Маги-укротители волокли на длинных цепях рыжего сфинкса — не то, чтобы тварь вырывалась и пыталась на кого-то наброситься, наоборот, после плотного обеда хотела поспать в тишине и спокойствии; почти ручная гидра при подходе к перемещающему кругу всё-таки поймала седьмой головой замешкавшегося зомби. Визжащую и рычащую мелочь ученики и помощники несли в корзинах, два скелета торжественно сопровождали клетку, закрытую пологом; выводок горгулий прогулялся до телепорта сам, смешно перебирая слишком короткими нижними лапами.

Большой портал работал едва ли не четверть часа, перенося на другой конец континента магов, их помощников, живых и мертвых слуг, разнообразное зверьё и имущество, пока с величественной неспешностью магические руны не начали гаснуть, означая, что телепортация успешно завершена.

Разумеется, не успели оставшиеся без присмотра начальства школяры и прочие обитатели Восьмого Позвонка обрадоваться, как телепорт заработал снова. Вернулась Вайли — оказывается, она забыла какую-то важную шкатулку в своих апартаментах; потом прибыли запыхавшиеся, взъерошенные маги, специализировавшиеся на призыве насекомых — оказывается, корзинка, в которой перевозили зачарованных блох, по прибытии оказалась совершенно пуста. Дайте новых! — завопили бедолаги, и некоторое время в замке царила суета и всеобщее помешательство. Наловив блох, а также по три раза вернувшись за забытыми посохами, ценными свитками, заклинаниями, защищающими от солнечных ожогов, и — самая частая причина возвращений — оставить до лучших времен непромокаемую мантию и зонтик, — мэтры все-таки отбыли в Эль-Джалад.

— Бездари и идиоты, — прокомментировал карлик. Чтобы

наблюдать за происходящим в Восьмом Позвонке, он активизировал артефакт, первоначально выглядевший как птичка-свистулька. В отличие от игрушек, которые заботливые родители покупают детишкам на ярмарках, свистулька была не глиняной, а вырезанной из камня.

После активации пичуга проскользнула в замок — благо, по причине плотной пелены дождя, прятаться особо не пришлось, — устроилась на открытой галерее пятого этажа, совершенно потерявшись среди ручных горгулий местных магов.

Сам "шпион поневоле" спрятался под большим серым плащом, купленном по случаю в городе; плащ был снабжен водоотталкивающим заклинанием, которое карлик раскритиковал на всевозможные лады. Наверное, плащ как-то догадался, что им не восторгаются, и действительно промок до последней нитки.

В итоге карлик оглушительно чихал, шепотом клял магов-недоучек, женские капризы, умерших в Ллойярде рыцарей, а особенно — дур, которые не дают лежать спокойно костям предков.

— И как только этой дурной козе пришло в голову оставить кости прадеда у некромантки? — ворчал карлик. — Интересно, у нее хоть капля мозгов имеется?! Хотя о чем это я? Голодные царсари оставляют в разгрызенной кости больше содержимого, чем отродясь было у этой… этой… тьфу, чтоб ее!

Речь шла не о пичуге-артефакте, а о баронессе Тильде фон Пелм. Урожденной, по мужу она была госпожой Азено.

После неудачи на городском кладбище, когда, истратив «льдинку» впустую, карлик так и не смог побеседовать с покойным Генри фон Пелмом, он не придумал ничего лучшего, как отправиться к потомкам славного рыцаря. Правда, в том доме, который когда-то принадлежал барону, их не оказалось — его продал еще внук фон Пелма, батюшка ныне здравствующей единственной законной наследницы рода. Потратив еще полдня на поиски баронессы Тильды, карлик был полностью деморализован плохой погодой, необходимостью держать в секрете свою запоминающуюся внешность, а главное — оглушительными чихами, которые производил его нос.

— Как, скажите, пожалуйста, мне быть невидимым, если мой чих… Аппчххии! — слышно аж в Иберре? — ворчал карлик. Невидимость как средство маскировки действительно пришлось временно исключить, да это и хорошо — артефакт не будет разряжаться от постоянного использования. Бедолаге пришлось истратиться на артефактный плащ местных горе-волшебников, а потом таиться темными переулками, старательно подражая

гномьему топоту и металлическому лязгу, разыскивая, куда ж баронесса переехала в очередной раз.

Дела у Тильды и ее муженька явно шли не лучшим образом. Как выяснил карлик, за последние десять лет они четырежды меняли место жительства, потому как им приходилось рассчитываться с долгами. Еще в двух квартирках супруги Азено числились как неблагонадежные должники, которые "буквально сразу же" обещались вернуться за оставленными в качестве залога вещами, но вот уже три года где-то задерживаются. А в предпоследнем, с позволения сказать, «жилье» карлика схватили за ворот камзола, подняли и приставили нож к горлу с требованием немедленно вернуть деньги, которые занимала под честное баронское слово Тильда и ее благоверный, или больше не чихать ему собственным носом…

— Меня ж могли ограбить, — ворчал карлик, вспоминая неприятного вида громил, с которыми пришлось договариваться с помощью изумрудной запонки с правого манжета.

Запонка, как и многие другие взятые в путешествие вещи, была с секретом. Когда громилы, восторгающиеся богатыми уловом в виде наряда карлика, "с мясом" вырвали ее из полотна рубашки, «изумруд» вывернулся, упал наземь, и, услышав тихое слово, *выпустил* на свободу царсари.

Как понял карлик, подобные твари в Ллойярде не водились. По крайней мере, те двое громил явно не знали, что делать с огромной тварью величиной с буренавского снежного тигра, у которой вместо шерсти — плотная кожа, собирающаяся жесткими складками в своеобразный панцирь, сила зимнего шторма и огромные «сабельные» клыки. Один громила попытался ударать, второй швырнул в тварь самого карлика, чего делать не следовало: рассердившись, коротышка не стал останавливать честно заслужившего дополнительную кормежку спасителя.

— И всё равно, — поежился карлик, вспоминая, как царсари расправился с обидчиками. — Меня *могли* ограбить, а то и убить! Одолжить на время свою ручную кошечку, которая не даст меня в обиду она, видите ли, может, а плюнуть и забыть несчастное кольцо, видите ли, нет! И плевать, что из-за количества нюра, истраченного на его изготовление, способны переругаться все маги здешнего Восьмого Позвонка! Пусть ругаются, пусть ссорятся, дураков не жалко!.. — язвительный тон последних фраз явно относился не к Тильде, а к Госпоже, отправившей карлика с ответственным поручением. Эх, женщины, что ж вы делаете с мужчинами…

Наследница барона фон Пелм отыскалась в бедном, полном ворья и хлама переулке, расположенном неподалеку от портовых

складов. Судя по скудости обстановки маленькой полутемной комнатушки, семейство бедствовало, но новенькая табличка на двери — "Баронесса Тильда Капликария Сайкен фон Пелм с супругом" утверждала обратное. "Вы желаете заявить о себе в обществе?" — поприветствовала карлика сухонькая невысокая женщина лет пятидесяти. Ее волосы, очень кудрявые и взбитые в какую-то немыслимую прическу, казались пегими из-за обильной седины и рыжеватого оттенка пудры. Наряд у дамы был парадный, кое-где даже с позолотой, но почти театральный в своей аляповатости и вычурности. — "И это абсолютно правильно. Все люди и гномы должны быть равными по своим возможностям?"

— О чем вы, сударыня? — не понял карлик. Ему показалось, что она, как и многие другие, издевается над его непрезентабельной низкорослой внешностью.

— О том, что если имя ваших предков не делает вас знатным и богатым, — говорила Тильда фон Пелм очень гладко, наверное, часами репетировала роль, — ваш долг перед самим собой — приобщиться к громким заслугам, сделанным кем-то другим!

Карлик выразительно посмотрел на баронессу, дескать, что за чушь, но она уже объясняла без дополнительных подсказок. Для успешности вашего бизнеса не хватает громкого титула? Купите у нас небольшую табличку: "Рекомендовано баронессой фон Пелм", смело приколачивайте ее на дверь своей мастерской или фургончика с товарами и будьте уверены: вас обязательно заметит высшая знать! Буквально через неделю вас толпами начнут осаждать денежные клиенты! Она, Тильда Капликария Сайкен, не кто-нибудь, она наследница гордого баронского титула, ее прадед заслужил рыцарство, титул и герб собственным мечом, а следовательно, знает, о чем говорит. А если вы заплатите всего-навсего четыре золотые монеты, вы сможете приобрести табличку и говорить всем своим знакомым, что ваши предки или даже вы сами служили у славного рыцаря в оруженосцах! — подмигнула Тильда непонятливому клиенту. Торг уместен, намекнула баронесса, не дождавшись восторга со стороны карлика. А если хотите, я помогу табличку разукрасить золотой краской. А еще я подтяжки вышивать умею…

Карлика подвело соображение, что торговать собственным именем всяко честнее, чем просто воздухом, и на долю секунды он позволил эмоциям взять верх над разумом. Поэтому он не только рассказал баронессе, что пришел, чтобы разыскать кольцо ее прадеда, когда-то подаренного барону Генри его Госпожой; но и назвал цену, за которое готов выкупить украшение.

— Ах, фамильные украшения, — смутилась Тильда, — да, в

нашем роду есть легенда о том, что барон Генри где-то нашел сокровище баснословной ценности. И спрятал, чтобы у наследников не было соблазна потратить фамильное состояние на какие-нибудь пустяки… Но что старик в этом понимал? Для него это пустяк, а для моего мужа — вполне нормальная сделка. И мой дед, и мои сыновья, и я сама — причем совсем недавно, — пытались искать тайник. Искали и в доме, который когда-то принадлежал барону Генри, и в бывшей усадьбе, даже фамильный склеп проверили, но, оказывается, прадед настолько хорошо его спрятал, что все поиски не увенчались успехом. Я даже к некроманту обратилась, чтобы поговорить с духом барона, только… Сколько, вы сказали, вы готовы заплатить за это кольцо?

— Двадцать пять тысяч золотом, — повторил карлик. На самом деле, учитывая стоимость нюра и качество работы, оно могло стоить и немного дороже, но — действительно, его ж могли убить, пока он бродил по темным, пахнущим соленым морем и тухлой рыбой, кварталам Уинс-тауна. — Если угодно — монетами местной чеканки, но мне удобнее расплатится с вами драгоценными камнями.

Маленькая голова под кудряшками и пудрой пыталась осмыслить названную сумму:

— Двадцать пять ты… тысяч? *Тысяч?* — и после короткой паузы Тильда завизжала, потрясая кулачками.

Карлик перепугался до невозможности. Госпожа, вдруг оказавшись в расстроенных чувствах — насколько вообще была способна чувствовать хоть что-либо, — обходилась разбитыми кристаллами, может быть, лишним потоком ледяных игл, брошенных в сторону осмелившегося мешать ее раздумьям. А баронесса фон Пелм, по мужу госпожа Азено, вопила с такой громкостью, что перепугала местных крыс, а потом даже рухнула в обморок.

Пришлось вылить на нее графин несвежей воды, похлопать по щекам, но даже очнувшись, женщина продолжала бредить:

— Я богата, богата, богата! Я выкуплю мужа из долговой тюрьмы, заставлю старшего сына вернуться с Даца, а младшего — бросить свое дурацкое рыболовство, и мы начнем новую жизнь! Я богата, богата!!!

Известие потрясло Тильду настолько, что она порывисто обняла карлика, поцеловала в макушку, а потом попросила небольшой задаток, всего-то двадцать монет, чтобы второй раз попытать счастья с некромантом.

— Вы не беспокойтесь, я и сам справлюсь, — ответил карлик, открывая кошель, чтобы найти среди прочих взятых в дорогу припасов амулет, позволяющий вызывать духи умерших. — Вы,

когда с кладбища своего прадеда забирали, череп взяли, ведь верно? Давайте его сюда.

Баронесса Тильда на секунду растерялась:

— Так он у магички остался! — захлопала она глазами. — Но у меня другие кости имеются, я еще не успела их в склеп вернуть…

В тот момент карлик впервые заподозрил женщину в патологической глупости. Вздохнув, он объяснил, что, согласно старым магическим исследованиям, дух имеет самую тесную связь с той частью бывшего своего вместилища, которую в первую очередь привык считать собой. Другими словами, — с собственным лицом, с тем, что приветствовало его по утрам, когда он, то есть, нынешний покойник, шел умываться и всматривался в себя, ненаглядного, в зеркальном или водном отражении. Конечно, можно обойтись и любой другой косточкой, но если вдруг случится одновременный «вызов» от двух магов, дух явится к тому волшебнику, который располагает черепом, а не фалангой мизинца.

Тильда захлопала глазами, явно не понимая половины объяснений, и карлик обиделся. Да, очередной раз. Что поделать, если все так и норовят уязвить побольнее тех, кто меньше ростом!

Итак, он обиделся и просто велел принести, что есть.

И, разумеется, вместо ожидаемого зеленоватого облачка в виде мужественной рыцарской физиономии над старой изжелта-серой костью поднялся пшик. Никаких задушевных разговоров. Барон Генри фон Пелм очень занят и имеет честь пребывать вне зоны действия заклинания.

А истерика, приключившаяся с Тильдой Азено после сообщения стоимости пропавшего колечка, была просто ласковым солнечным деньком по сравнению бурей, которую она учинила, узнав, что оказалась в дураках.

Это, сударыня, не "в дураках". Поверьте, когда заядлого "морского волка" Судьба возрождает жуком-навозником в самой засушливой из пустынь множественной Вселенной — она и тогда более благосклонна к нему, нежели к вам…

Одним словом, карлик потратил день зря. Единственная надежда, которая оставалась — пробраться в Восьмой Позвонок, как-то разыскать череп Генри фон Пелма, забытый дурындой-правнучкой у волшебницы, мэтрессы Вайли, и тогда, наконец-то, поговорить напрямую. Как мужчина с мужчиной.

Хотя, учитывая, что Генри давно мертв, и от него остались лишь старые хрупкие кости… Лучше сказать — как карлик — с рыцарем.

Цель была близка и при этом недосягаема. Защитные

заклинания, опутывающие фундамент и стены Восьмого Позвонка, не позволяли пройти их насквозь направленным порталом. Делать ставку на невидимость в условиях промозглой сырость и — ааапчхи! — прогрессирующего насморка было глупо. Надеяться, что никто из школяров и слуг, крутящихся по Восьмому Позвонку, не обратит внимания на странного чужака, — ха… конечно, можно, но лучше не надо.

О, Госпожа, пожалуйста, пообещайте, что вы не будете дарить драгоценные кольца рыцарям иных миров!

Увы, Госпожа счастливо пребывала в своем Замке, уверенная, что ее доверенный помощник всё устроит ко всеобщей выгоде. Поэтому пришлось профессионально соответствовать и на ходу выдумывать способ проникнуть в замок магов.

Карлик выдернул несколько нитей из никудышного плаща, вымазал их в грязи — уж чего в Ллойярде всегда было много, так это хлюпающей от сырости серой земли; — прилепил на лицо, которое тоже испытало на себе действие придорожной «косметики»; натянул капюшон плаща как можно ниже, достал из кармана украшенный льдистым бисером кошелек и, старательно прихрамывая, пошел к воротам замка.

— Чего надо? — прохрипел привратник. Тот, который лет тридцать назад был человеком. Второй страж ворот, который еще существовал и был троллем, лишь грозно рыкнул.

— В-вай-лии, — прогудел карлик. Он понимал, насколько сильно рискует — говорящих зомби могли *поднимать* лишь сильные некроманты, а вдруг его сейчас спросят, кто его хозяин? Поэтому карлик тряхнул кошельком и снова «объяснил»: — Ввай… ли…

— Чего? — не понял зомби-привратник.

Тролль, гордясь тем, что он в кои-то веки сообразительнее человека, объяснил:

— Он к Вайли идет. С деньгами. Та их возьмет и пиво на них купит. Или даже еду, — и жадно облизнулся. Карлик, признаться, струхнул.

— Иди, — прохрипел привратник. — Быстро иди.

Карлик не заставил себя долго упрашивать и послушно заковылял во внутренний дворик. Как и следовало ожидать, никто не стал присматриваться к очередному «мертвому» слуге, малорослому, серому и с перешитым несколько раз лицом, явно спешащему доставить кому-то из магов принадлежащий ему кошелек.

Добравшись до ближайшего закоулка, остановившись, чтобы тайком прочихаться, и понаблюдать за обитателями замка, он сделал неприятное открытие: оказывается, пользовались

подъемником лишь живые визитёры Восьмого Позвонка, а мертвые слуги, чей образ четверть часа назад показался карлику идеальной маскировкой, тащились пешком по многочисленным лестницам и галереям.

Это ли не свинство? Опять маленьких обижают!

Злой, как голодная акула, карлик доковылял до Башни Ночи. Благодаря следящему артефакту, он уже знал, что ему придется подниматься на шестой этаж.

— Сволочная баба, — ругался карлик в перерывах между чиханием. — Ведь наверняка могла бы выбрать себе апартаменты где-нибудь пониже! Скажем, прямо на земле… Нет, мне делать больше нечего, только гулять по здешним коридорам, ждать, когда заметят и попытаются поймать…

Дверь с изображением скорпиончика, как и следовало ожидать, была закрыта на замок и опечатана защитными чарами. Пришлось потратить время, ковыряясь в замке отмычкой, как какой-нибудь гном, а довершение бед — окончательно распростившись с чувством собственного достоинства, уподобиться миму или канатоходцу и вытанцовывать между мрачно-зелеными линиями охранных заклинаний. Оказавшись в уютном, пропахшем сдобным печеньем и какими-то травами жилище, карлик приступил к решительным действиям.

Он заглянул в каждый сундучок, в каждый угол принадлежавших мэтрессе Вайли апартаментов — небольшой приемной, внушительной лаборатории, просторной спальни и пары кладовок. По стопке толстенных фолиантов карлик забрался на высокий узкий подоконник и посмотрел, нет ли тайника за стрельчатым окном. Обнаружил укромное местечко, в котором мэтресса хранила свою косметику. Внимательнейшим образом исследовал расставленные в лаборатории по шкафам и стеллажам запасы к зельям и необходимые для ритуалов ингредиенты. Отыскал полторы сотни разнообразных «припасов» на черный день — начиная с надкусанных пряников, явно впопыхах отложенных на полочку из-за неожиданного визита, и заканчивая склянками с надписью: "Принимать трижды в день перед медитацией для профилактики излишней задумчивости". Он нашел упавший за изголовье кровати дневник мэтрессы, который она, судя по датам, потеряла триста лет тому назад, и потратил некоторое время, пытаясь расшифровать рифмованные строки, которые она посвящала таинственному незнакомцу, пленившему ее некромантское сердце. Он даже извлек из-под половиц сундучок, до краев заполненный полновесными золотыми с профилями дюжины последних по счету монархов Ллойярда. Явив блестящие таланты шпиона, карлик нашел

замаскированный магический тайник — потребовалось три артефакта из взятых запасливым путешественником дорожных припасов, чтобы он смог разрядить подготовленные волшебницей ловушки для возможных воров и добраться до субпространственного «кармана».

В том тайнике отыскался главный секрет мэтрессы Вайли, то, что она действительно хотела скрыть от посторонних глаз — длинный список осмелившихся вызвать ее неудовольствие. Одним из последних в списке значилось имя баронессы Тильды фон Пелм с пометкой: "Долг 19 злт. + мор. ущерб. Пркл: вспмн-ие заб. — х"

Самый большой сюрприз карлик получил уже за полночь, тяжело рухнув в кресло и обведя тщательно обысканное помещение усталым, злым взглядом.

Никаких черепов, тем более — черепа Генри фон Пелма — в покоях мэтрессы Вайли обнаружить не удалось.

— Ненавижу, — проворчал карлик.

Талерин, Королевский Дворец, вечер

Ужинали в узком семейном кругу. Король с королевой, принцессы, принцы и генерал Громдевур. Разговор кружился вокруг визита его величества Гудерана к королю Мирмидону, — поездка в Буренавию и была той таинственной, государственно важной причиной, по которой король не смог присутствовать при знакомстве с потенциальным главой Министерства Чудес. Сохраняя на устах очаровательную улыбку, Везувия пользовалась каждой второй сказанной за столом фразой, чтобы во-первых, выговорить мужу свое мнение по поводу утреннего отсутствия, а во-вторых, уговорить Гудерана категорически запретить мэтру Фледеграну даже думать об участии в выборах Покровителя Года.

Не то, чтобы королева сомневалась в квалификации и профессиональном соответствии придворного мага, вовсе нет. Гораздо больше Везувия была заинтересована в том, чтобы кто-нибудь (скажем, король Иберры Фабиан) запретил придворному магу, мэтру Аэлифарре и *всем его помощникам*, включая непутевого братца Пабло, путешествия в Великую Пустыню. Но Фабиан-то сам не догадается. Ему нужен соответствующий пример. Почему бы королю Гудерану не послужить достойным образцом для королевского подражания?

Погруженные в какие-то свои мысли Ангелика и Октавио рассеянно и невпопад соглашались с обеими сторонами — и с агитирующей за бойкот магического дерби королевой, и увлеченно повествующего о происходящем в Лугарице короля. Оказывается, еще месяц назад в столицу Буренавии собрались все

более-менее скорые на ногу (или на лапу?) оборотни северного королевства; и организованно — в зубах котомка, на спине — сверток с запасной одеждой, — потрусили по Караванной Тропе через Пелаверино и горы на юго-восток, в Ильсияр. Король Мирмидон отправил с ними ученика придворного мага и какого-то лейтенанта из Саблезубов, и теперь те каждый второй день присылают отчеты — столько-то лиг пройдено, столько-то лап чувствуют себя хорошо, а столько-то подков нуждаются в спешном ремонте.

А еще, — с восторгом подростка жестикулировал король поддетым на вилку куском, — как сообщили Мирмидону шпионы, засланные им в Лаэс-Гэор(23), иберрские маги наводят последний блеск на панцирь огромного Золотого Жука — специально для соревнований выведенного монстра величиной с трех лошадей. И это еще не считая тысячи разнообразных растений, любовно выпестованных тамошними друидами: и Альвинары, умеющей разговаривать с людьми, и Тьялтидосы, которая любит охотиться на коз и овец, и всевозможных карза-нейсс(24), ползающих, цепляющихся, ядовитых, цветущих…

Везувия наградила супруга улыбкой, одинаково и ослепительной, и ядовитой, и, чтоб не позволить врожденному темпераменту вылиться в семейный скандал, спросила дочерей, как прошел их день. Девочки восторженно, наперегонки бросились пересказывать урок по истории и дипломатии, ради которого придворный маг пригласил их в замок Фюрдаст:

— А потом, — перебивали друг дружку Анна и Дафна, — мэтр Фледегран рассказывал нам о сражениях года Синюшной Птицы, когда произошла размолвка между магами Эль-Джалада, Иберры и Кавладора…

— Ничего себе «размолвка», — прокомментировал Октавио, — если бы почтенные мэтры вовремя не подсуетились, Эмират заграбастал бы себе весь Шумерет и ближайшие земли, от Перуэллы до Луаза.

— Именно для отражения подобных угроз и был возведен замок Фюрдаст, — подал голос Арден. И удивился тому, какими взглядами наградили его заботливые родители. — Что не так? Вы ж сами заставляли меня учить историю!

— Вообще-то, — глубокомысленно проговорил генерал. Легкая ленца, звучащая в его голосе, указывала на то, что мысли Октавио сейчас заняты чем-то другим, более важным, чем застольная беседа, — Фюрдаст, хоть и хорошая крепость, но в войнушке магов решающей роли не сыграл. И не мог сыграть. Эльфы и наши маги сумели перехватить инициативу и затеяли бучу в тылу врага, устроив несколько крупных диверсий в

Великой Пустыне, из-за чего тогдашний правитель Эль-Джалада был вынужден умерить захватнические аппетиты и повернуть войско назад.

— А дедушка Аэлифарра сказал нам, — прочирикала Дафна, — что соревнования Покровителя Года, будут проходить как раз там, где четыре с лишним века назад сражались маги. Интересно, а не осталось ли в Великой Пустыне каких-нибудь не сработавших вовремя заклинаний?

— Осталось, — после недолгого размышления уверенно ответил Роскар, буквально на секунду опередив столько же однозначный вывод Громдевура. — Мне Кром рассказывал, а он, в свою очередь, знает достоверно, потому как в Великой Пустыне погибло несколько его предков. Эх, надо бы помочь эмиру Джаве помочь нейтрализовать возможную опасность, а то вдруг покрытые пылью монстры и всевозможные стихии решат наброситься на соревнующихся бобиков… — нарочито безразличным тоном проговорил принц и против воли ощупал пояс, где нашелся всего лишь кинжал.

Прямой клинок отменной гномьей стали человек меньшего роста вполне мог использовать, как меч, но герою народных сказаний, всекавладорскому любимцу Роскару милее был прадедовский двуручник. Увы, фамильный меч, как и остальные доспехи, был арестован любимой сестрицей, категорически запретившей участие младшего брата во всякого рода заварушках, стычках и сражениях до финала свадебных торжеств.

На самом деле, никакого значения, кроме формального, этот запрет не имел: Роскар вполне мог обойтись собственными кулаками, любым клинком из арсенала Королевской Гвардии, или даже прогуляться до квартала оружейников, купить что-нибудь новенькое для души и по руке. Но он дал слово. Торжественно, при свидетелях — придворном маге и министре Спокойствия — поклялся, что ни-ни, никаких подвигов — если только не вынудят сверхважные обстоятельства.

Разоруженные кулаки Роскара чесались от бездействия. Одно хорошо — седьмой день месяца Барса считай что пережили, завтра главное — не попасть под горячую руку Везувии, ее личному отряду поваров и армии горничных под командованием Олбера, а там, наконец, и свадьба…

Размечтавшись о том, как отправится на охоту в Чудурский лес сразу же после окончания торжеств, Роскар пропустил тот момент, когда Везувия и Ангелика уловили крамолу в щебетании девочек.

— Дедушка Аэлифарра *сказал* вам? — переспросила Везувия, резко меняя неспешный ход застольной беседы. — Сказал? Вы

что, виделись с ним?

Анна и Дафна испуганно округлили глаза, подавились очередной новостью и застыли, мигом заинтересовавшись чем-то на дне своих тарелок.

Ангелика, до поры до времени тихо размышлявшая кого же назначить вместо себя присматривать за Министерством Чудес, фыркнула и ответила за племянниц.

— Совершенно очевидно, что да. Вы были в Иберре, или мэтр Аэлифарра навещал мэтра Фледеграна в Фюрдасте?

Девочки потупились, не зная, что ответить.

— И о чем беседовали почтенные мэтры? — поинтересовался Гудеран, игнорируя возмущение жены и смущение дочерей. — Меня и Мирмидона больше всего волнует, заявит ли о своем желании участвовать в гонках Пугтакль и его ручные растеньица. Если эльф все-таки решит тряхнуть стариной, то девяносто девять из ста претендентов просто бессмысленно потратят ману на путешествие…

— Гудеран, прошу тебя! — всплеснула руками королева. — Все, абсолютно все, как сговорились, просто бредят этими пустынными гонками! Да как же вы не понимаете, что эти выборы Покровителя Года — лишь очередная, далеко не первая, и не последняя, стычка между магами Эль-Джалада и Ллойярда! Вот уже пятьсот лет мэтр Мориарти и Кадик ибн-Самум друг друга терпеть не могут и пользуются каждой возможностью, чтобы уколоть друг друга побольнее! Каждый год, когда чудотворцы Кавладора, Эль-Джалада и Ллойярда собираются и читают знаки Судьбы, чтоб составить гороскоп на предстоящий период, благочинное и солидное совещание просвещенных превращается в настоящий балаган, шумный, полный оскорблений и взаимных обид! Каждый, кто отправляется участвовать в этом магическом дерби, на самом деле льет воду на мельницу двух беспринципных интриганов и мошенников от Магического Искусства!

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — усомнилась Ангелика.

— Ха! Преувеличиваю?! Все сколько-нибудь могущественные маги шести королевств отправляются в Эмират, и ты считаешь, что я преувеличиваю?! — обиделась Везувия.

— И в самом деле, — подал голос Громдевур. — Я, право слово, могу только приветствовать чье-либо намерение решить спор в честной схватке. Действительно, непонятно, зачем господа маги задействовали столько народу. Вышли бы вдвоем в Великую Пустыню, швырнули друг в друга пару заклинаний посильнее… Подумаешь, образовалась бы вторая Великая Пустыня…

Ангелика ласково погладила жениха по руке: она целиком и

полностью была согласна с его точкой зрения, какой бы она ни была, но, право слово… Чуть больше деликатности и такта, мой дорогой…

— А я о чем говорю! — почувствовала поддержку со стороны Октавио Везувия

Принц Арден, напряженно слушающий разговор взрослых, осмелился подать голос:

— Может, им захотелось блеснуть своими магическими изобретениями? А то — магические войны случаются редко, даже, можно сказать, практически вообще не случаются… А я, если честно, не понимаю — почему? Потому, что короли запрещают магам сражаться, а, пап? Ведь дворяне дерутся на дуэли, почему магам нельзя?

— Ну что ты, Арден, — ответил Гудеран, — здесь немного иной принцип. Самым печальным итогом дуэли будет взаимная смерть соперников — прискорбно, нежелательно, но, увы, такое случается. А если вдруг маги увлекутся сражением, или, предположим, умрут, прежде чем нейтрализуют какое-нибудь из брошенных противником заклинаний, то дело одним или двумя трупами очень даже не обойдется. Иногда мне кажется, что маги не затевают подобных войн исключительно из соображений итоговой целесообразности, а вовсе не потому, что страдают чрезмерной законопослушностью или человеколюбием.

— Чихать маги хотели на всякие законы. Единственное, что сдерживает склочность и воинственность волшебников — подозрение, что противник может оказаться сильнее, — коротко, по-простому, объяснил Роскар. — А что вы на меня смотрите, будто я пригласил кентавра на шашлыки? Разве не правда?

— Совершенная правда, — поддержал Октавио. И повернулся к Ардену: — Видишь ли, маги — люди особые. Запрети им ломать дом, они поднимут его каким-нибудь ураганом, перенесут на другое место, и скажут, что прямого запрета не нарушили. Магические Сила и Искусство — хитрые штуки, они могут самого законопослушного горожанина превратить в маньяка, уверенного в своей безнаказанности. Для чего, ты думаешь, каждое королевство посчитало необходимым учредить, а потом еще и содержать Министерство Чудес? В том числе и потому, что министерский совет из самых сильных магов всегда готов наложить наказание, а то и просто растоптать незаконопослушного коллегу в мелкую пыль.

— Именно поэтому, — попытался преподать отпрыску урок тонкой государственной политики король Гудеран. А заодно и избежать ссоры с женой, которая слушала разговор с явным намерением напомнить, что уж ее-то родственники — ни дед,

эльф Аэллиас, ни отец, ни даже брат никогда не проявляли якобы свойственных магам противозаконных устремлений, — Именно поэтому я не могу ничего запрещать мэтру Фледеграну. Это, знаешь ли, просто невежливо и бессмысленно, требовать сделать что-либо, не будучи способным проконтролировать исполнение приказа. Но у нас есть новый министр Чудес, и вот его-то мы и попросим намекнуть придворному магу, что его участие в споре между ллойярдцами и эль-джаладцами не уместно. Правда, дорогая?

Везувия и Ангелика невесело усмехнулись.

— А кстати, кого выбрали преемником Ангелики? — уточнил Гудеран.

— Большинство глав Орденов и лучшие маги королевства однозначно высказались за кандидатуру прежней патронессы, — со вздохом ответил Октавио.

— А я никак не готова принять такую ответственность. Хочу всю себя посвятить семье, — подхватила Ангелика. И подарила жениху теплую улыбку.

Арден не очень понял про ответственность, но зато он очень любил тетю — не тогда, когда она в очередной раз читала ему лекции по дворцовому этикету, а такой, какой она была в обычное время — рассказывала всяческие смешные и занимательные истории, сочувствовала разбитой коленке или помогала не доводить до сведения родителей важную, с точки зрения младшего принца, информацию.

— Тогда, тетя, лучше разреши мэтру Фледеграну участвовать в соревнованиях магов. Ну, чтобы он не сбежал от нас тайком, да вдруг еще, убегая, заколдует кого-нибудь страшным заклятием…

Взрослые рассмеялись детской наивности, а Анна с Дафной обменялись еще одним испуганным взглядом. Явно желая что-то обсудить между собой, девочки поднялись и вежливо попросили разрешения выйти из-за стола.

Когда юные принцессы, а следом за ними и схвативший из фруктовой вазы целую пригоршню спелой черешни Арден, удалились, Гудеран достал трубочку, раскурил ее и сказал задумчиво:

— Может быть, назначить Ле Пле патроном Министерства Чудес?

— Не думаю, — возразила Ангелика. — Видишь ли, очень трудно найти того, с кем сотрудники моего министерства не будут ссориться — кто-то, по их мнению, недостаточно компетентен, кто-то недостаточно умен, кто-то наоборот, слишком хорош, а значит, с ним будут спорить из принципа. Единственный критерий, которому они не решаются возражать —

это возраст, и поэтому до недавних пор Министерство возглавлял самый старший из волшебников или божественных посланников. Меня иногда смущает подозрение, что даже мою персону господа специалисты от Чудес терпят исключительно потому, что я твоя сестра, и никто не хочет брать на себя ответственность за зачаровывание особы королевских кровей.

Октавио хмыкнул, соглашаясь с невестой, а потом посмотрел на ковыряющегося в пироге Роскара. Спустя несколько минут головы короля с королевой тоже повернулись к принцу.

— А что, я согласен, — высказался его высочество. — Если вы назначите меня главным над чудиками, будет очень весело!

— Скорее, печально, — поправила Везувия. Но шепотом, чтобы не прослыть братоненавистницей.

Гудеран и Ангелика нахмурились. Попытались обдумать выдвинутое предложение, но тут вмешался Октавио. Он как раз покончил с последним куском пирога, допил вино и поднялся из-за стола. Ближайшие планы генерала включали прогулку по парку Дворца в компании с Ангеликой, созерцание луны, любование розами, и, может быть, сонет-другой, прочитанный по складам, но с самым искренним восхищением. Завтрашний день у невесты и самого жениха был расписан по минутам: последняя примерка свадебного наряда, встреча важных гостей, окончательное согласование регламента торжественной церемонии… Даже поцеловаться лишний раз не получится. Поэтому сегодня Октавио не намеревался позволять драгоценной Ангелике тратить вечер на всяческие пустяки.

— Если согласен, тогда кончай жрать, — не слишком тактично, зато энергично, посоветовал Роскару Октавио. — Иди к Фледеграну и делай, что тебе говорит ее величество и ее высочество. А мы, пожалуй, пройдемся по парку.

— Ты всех нас очень выручишь, Роскар, — улыбнулась Ангелика младшему брату.

— Если тебе удастся навести порядок в Министерстве Чудес, это будет настоящим подвигом, о котором я прикажу сложить балладу в сто дюжин строк! — подбодрил Роскара старший брат. — Да, и, раз уж ты ввязался в это дело, сгоняй в Аль-Миридо, передай Фабиану, чтобы тот призвал придворных магов к порядку… Ведь ты именно об этом просила, любимая? — проворковал король, протягивая руку жене.

Везувия согласилась.

В какое-то мгновение, заметив теплые, полные благодарности взгляды, подаренные ему сестрой и невесткой, у Роскара в душе взвыли фанфары и застучала барабанная дробь. Подвиги? Отлично! Он каждую минуту своей жизни готов к подвигам!

И младший брат короля, свежеиспеченный патрон Министерства Чудес его высочество принц Роскар отправился в башню придворного мага.

К моменту появления Роскара в покоях мэтра Фледеграна было шумно. Представительный «спокушник» штурмовал дверь в апартаменты придворного мага, а министр Ле Пле отчаянно защищал ее.

— Кхм, — солидности ради откашлялся Роскар. Так как штурмующий «спокушник» не услышал и продолжил ломиться в закрытую дверь, принц положил ему руку на плечо.

Тот попытался вывернуться из захвата и как-то сумел ударить непрошенного миротворца под коленку. Пришлось поймать шустрика и немного подержать в воздухе, чтобы перестал махать кулаками, осознал, с кем он дерется и успокоился.

— Да что ты… Ой, ваше высочество, — перепугался инспектор Клеорн. — Я не знал, что это вы, ваше высочество! Я правда не знал!

— Нападение на членов королевской фамилии! — радостно заверещал Ле Пле, выскакивая из-за двери. — Пять суток ареста!..

Клеорн дёрнулся в направлении министра, явно намереваясь ухватить его за полы камзола и начать в пятый раз объяснять то Важное Дело, которое он собирается расследовать, как только получит неделю отпуска. Министр попытался скрыться в покоях придворного мага, но принц, который хорошо поужинал и намеревался в течение ближайшего часа отбыть в страну крепких глубоких сновидений, перехватил обоих спорщиков и потребовал ему объяснить, что происходит, где мэтр Фледегран, и почему министр Спокойствия подает пример столь… хмм… беспокойного поведения?

— Инспектор Клеорн, — поспешил объяснить министр, и показал на своего преследователя, — вместо того, чтобы заниматься порученным ему расследованием убийства, совершенного в Луазе, просит неделю отпуска для каких-то там личных дел! Вы представляете, ваше высочество? Сейчас, когда в Талерин съезжаются все знатные фамилии королевства, чтобы присутствовать на свадьбе принцессы Ангелики, когда все маги и счастливые обладатели беговых свиней, бойцовых петухов, быстроползущих улиток, борзых собак, — я уж не говорю о мастерах соколиной охоты и заводчиках скаковых лошадей, — отправляются в Великую Пустыню участвовать в выборах Покровителя Года — он, видите ли, отказывается поддерживать порядок и спокойствие в королевстве! Только из уважения к вам, Клеорн! Только потому, что я знаю о вашем добросовестном

отношении к порученным обязанностям, и потому, что я ценю ваши дедуктивные способности — я не разжалую вас немедленно! Отправляйтесь в Луаз, Клеорн, я, так и быть, прощу вашу самовольную отлучку. Но до тех пор, пока не расследуете то убийство, не возвращайтесь!

— Но здесь ведь тоже совершено преступление! — отчаянно взмолился инспектор. — Как вы не понимаете! Мэтрессу Далию похитили!

Роскар нахмурился. Он честно пытался разобраться в сути происходящего, но пока понял только, что министр требует расследовать убийства, а его подчиненный почему-то питает необъяснимое пристрастие к похищениям. Хмм…

— Мне нужда всего неделя! Неделя, господин министр! — умолял Клеорн. Вид у него был отчаянный и растрепанный. — Неделя и придворный маг в придачу!

— Постойте, — попросил принц немного тишины. Его явно заинтересовали полицейские страсти: как оказалось, наяву следить за тем, как разворачиваются детективные истории занимательнее, чем читать о них в романах Жермуаны Опасной или Мергалотты Бимз. — А зачем вам маг?

— Я хочу проверить версию, что похищение барышни Джои произошло с помощью артефакта, а консультант нашего Министерства — мэтр Лео, — в настоящий момент как раз занимается расследованием того важного дела в Луазе, которое вы нам поручили, господин министр, и отсутствует в Талерине, — к концу объяснения к Клеорну вернулась толика профессионального спокойствия. — Я попытался найти других магов, но решил сначала спросить вашего разрешения задействовать дополнительный специалистов, господин министр, — извинился инспектор. — А заодно и попросить всего лишь семь дней на выяснение всех обстоятельств совершенного преступления…

Министр Ле Пле открыл было рот, чтобы что-то возразить, но Роскар его опередил:

— Что ж, не думаю, что мэтр будет возражать. Он у себя? — и осторожно приоткрыл дверь, которая буквально чудом пережила разгоревшиеся вокруг нее полицейские страсти.

— Да-да, ваше высочество, я здесь! — подал голос придворный маг из глубины своего кабинета. — Заходите, прошу вас! Признаться, я краем уха услышал шум, который вы устроили…Как дети малые, право слово…

— Я шел обсудить некоторые кандидатуры их тех, кто сегодня пытался пролезть в руководство Министерством Чудес! — оскорбился Ле Пле.

— А мне нужна срочная консультация! — решительно потребовал Клеорн. Похоже, инспектор находился в том состоянии, когда всё равно, кого арестовывать и кого громить Сводом Законов: особу магического звания, королевских кровей или вообще какого-нибудь демона.

— А я, — солидным баском перебил сыщика и министра принц, — пришел передать вам просьбу короля! И королевы, разумеется… Вообще-то, именно Везувия весь этот разговор затеяла, ну, вы ж понимаете — женщина, каким-то боком эльфийка, существо тонкое, а потому нервное и постоянно готовое сидеть на диете. А тут такой повод — свадьба Ангелики, три наряда для официальной церемонии, четыре платья для танцев, дюжина вееров, если вдруг возникнет необходимость…

— При чем тут?.. — попытался вспылить Клеорн. Но Фледегран, прекрасно знающий стиль общения Роскара, лишь кинул в разговорчивого сыщика заклинание потери голоса, и поддакнул:

— Да-да, ваше высочество, мы прекрасно вас понимаем. Так что хотела мне сообщить королева?

— Их величества просят, чтобы вы перестали собираться в Эль-Джалад! — решительно заявил о главном Роскар. — Чтоб, значит, не поощряли и не способствовали!

— Всегда рад выполнить просьбу их величеств, — не моргнув глазом, ответил мэтр Фледегран.

— Да? — с издевкой протянул Ле Пле.

Маг наградил его ответной улыбкой:

— Сказано *перестать собираться* в Эль-Джалад, — поверьте, я уже прекратил это делать. Что-нибудь еще, ваше высочество? — степенно поклонился Фледегран.

— Да, собственно, нет. Я, пожалуй, пойду… — Но у самой двери принц вдруг остановился: — Хотя мне тут стало интересно, кого похитили и как вы их собираетесь спасать. Можно, я посмотрю?

— Конечно, ваше высочество! — с профессиональным терпением ответил придворный маг.

Клеорн наскоро объяснил, что требуется; предъявил улики — изрядно замызганный стакан, на котором отпечатались жирные следы пальцев бывшего владельца и осадок выпитой им жидкости; черную ленту, которой могла бы пользоваться молодая красавица, отвертку, которая могла принадлежать кому-то из подземных жителей, и основательно зачитанную книгу.

— Так, посмотрим, посмотрим, — забормотал маг, раскладывая предметы на длинном лабораторном столе. — Кто владельцы этих вещей…

— Я, вообще-то, догадываюсь. Мне б узнать, похитили ли их, и сделано это руками или артефактами, — начал было инспектор, но министр и принц, которым было интересно, шикнули на всезнайку.

— Отвертка принадлежит кому-то из клана Кордсдейл. Деловитое, полное оптимизма и потенциальных изобретений существо, — объяснил маг. — Лента… хмм… давненько я не чуял подобных аур… Девушка из земель, где весьма приветствуется некромантия. Ллойярд или остров Дац. Стакан… опять же, принадлежит гномам…

— Ух ты, как вы всё знаете, мэтр! — восхитился принц. Фледегран решил не уточнять, что на донышке стакана стоит клеймо клана Кордсдейл, а наоборот, попытался еще больше поразить его высочество и угадать, кто последним пил из данного сосуда.

— В ауре явно чувствуется Шлейф Тени; судя по количеству грязи, которое он оставил на стакане, излишней опрятностью или сдержанностью в привычках он не страдает… Обычный вор, может быть, чуть удачливее, чем его собратья, но не более того.

— А что о владелице книги можете сказать? — уточнил Клеорн, добросовестно запоминая каждое слово волшебника.

— Книга принадлежит… — маг пролистал несколько страниц. Указал на фиолетовый штамп. — Библиотеке Университета королевства Кавладор.

— Я имел в виду — можете ли вы сказать, где та женщина, которая последней читала эту книгу? Прошу вас, мэтр! — повторил Клеорн. — Ее похитили, и, может быть, именно от вас зависит судьба всей моей дальнейшей жизни!..

Министр и принц одновременно посмотрели на пребывающего в спутанных чувствах инспектора, а придворный маг с несвойственной ему покладистостью уже раскладывал вырезанную на тонкой деревянной доске карту, специально подготовленную для магических поисков.

Взяв в левую руку предмет, принадлежащий пропавшим особам, а в правую — кристалл на длинной нити, мэтр Фледегран прочитал заклинание:

— Так, ллойярдская барышня изволит пребывать… в герцогстве Пелаверино. Близко от Бёфери, точнее не скажу, — кристалл кружился над значком, обозначающим город, но упорно не желал останавливаться. — Магическая защита вокруг нее, что ли? Или мощный артефакт рядом работает? Такой необычный фон; совершенно мешает нормальной работе. Хмм… Смотрим дальше. Вор в фазе первичной алкоголизации… вы не поверите, но он находится там же, буквально рядом.

— Надо ехать в Бёфери! — вывел промежуточный итог магического эксперимента Роскар. И от души хлопнул инспектора по плечу.

— А гном в настоящий момент находится… В Триверне. Нет-нет, он движется дальше на восток…

Кристалл на нитке дергался, отмечая путь, проделанный таинственным путешественником.

— Очень странное путешествие. Похоже, нашего Кордсдейла уводит то в одну, то в другую сторону… Или ему попался пьяный кучер?

— Но куда движется?

Над картой склонились и министр, и инспектор, и принц. Придворный маг, которому тоже вдруг стало интересно, осторожно проследил за возможным направлением. Принц же просто провел линию между двумя точками, которые отметил волшебный кристалл и продолжил прямую дальше на восток.

— Держу пари, — вдруг догадался Роскар. — Он тоже едет в Бёфери!

— Во-первых, не он, а она, — поправил принца Клеорн, — а во-вторых — как по-вашему, простите за нескромное любопытство, ваше высочество, — можно сохранять идеально прямую траекторию, если путешествуешь в горах? Горы — они ведь неровные…

— Можно путешествовать под горами, — заупрямился Роскар. — А что? У гномов полно подземных ходов…

— Значит, — подвел итог Клеорн, — в заговоре участвует кто-то из тривернских кланов. Ну, пусть только похитители попадут мне в руки… А что можете сказать о владелице книги, где ее искать?

Фледегран очень хотел ответить, что истинный владелец издания — Университет, а он уже четыре века не сходит со своего места посреди одноименного квартала. Но не стал разочаровывать принца — на мужественной физиономии Роскара был написан такой восторг, как будто ему снова было четыре года, а придворный маг опять, как в добрые старые времена, рассказывал ему сказки о подвигах великих героев прошлого, иллюстрируя батальные сцены с помощью собственноручно сотворенных фантомов.

— Эта женщина… она… хмм… очень быстро движется на юго-восток.

Кристалл вдруг подпрыгнул и одним движением переместился на точку с подписью «Луаз».

— Благодарю вас, мэтр, — с глубоким чувством ответил Клеорн. И повернулся к министру. — Благодарю вас, господин

министр. Теперь, когда вы открыли мне глаза на то, каким малодушным и себялюбивым выглядит мое стремление потакать низменным эгоистичным интересам, я раскаялся и прошу дозволить мне искупить мою вину добросовестным служением Закону, Порядку и Спокойствию Кавладора!

Ле Пле прочувствовался:

— Конечно же, инспектор! Хорошо, что вы справились со своими разбушевавшимися нервами! Отправляйтесь в Луаз, занимайтесь расследованием убийства…

Клеорн отсалютовал министру, отвесил глубокий поклон придворному магу и испросил разрешения удалиться. Куда? Конечно же, в Луаз! Расследовать похищ… убийство, господа, он собирается расследовать убийство!

Роскар вышел следом за инспектором, вслух выражая свое восхищение, как, оказывается, умеют хорошо работать наши кавладорские сыщики, да и маги у нас не промах…

Придворный маг и министр Спокойствия остались вдвоем.

— Ну, что удалось выяснить? — спросил мэтр Фледегран у господина Ле Пле. Он не стал убирать карту, расчерченную для магического поиска, а наоборот, расставляя по резной деревянной поверхности кристаллы и бронзовые пирамидки.

— Я проверил всех тех магов и ведьм, о которых вы упоминали в прошлый раз.

— Отлично! Теперь проверим, чем они занимаются. Не пришла ли им дурная мысль поехать в Эль-Джалад и осмелиться конкурировать со мной и коллегой Аэлифаррой…

Манипулируя кристаллами, пирамидками и нашептывая заклинания, мэтр добился того, что в волшебном зеркале проступили контуры (неясные, ибо четкости изображения препятствовала защита от магического наблюдения) первого конкурента из списка господина министра.

— Только я не совсем уловил, как могут быть связаны ваши теперешние манипуляции и обещание не интересоваться выборами Покровителя Года, — с усмешкой проговорил Ле Пле некоторое время спустя.

— А, — отмахнулся придворный маг, выразительной гримасой объясняя, какого невысокого он мнения об умственных способностях принца Роскара.

— Просто немного странно, что не Ангелика призывает вас к порядку и дипломатии, а принц…Уж не доверил ли его величество его высочеству…

— Руководить Министерством Чудес? — умная мысль пришла к министру и магу одновременно. Фледегран нахмурился:

— Ангелику с ее тщательностью, пунктуальностью и формализмом мы как-то терпели, так что, нам теперь к Роскару придется приспосабливаться? А что, если Роскару придет в голову жениться на Мелориане Тирандье, и жадный герцог решит давать его высочеству советы, как лучше управлять всеми нами? Надо чем-нибудь занять нашего чересчур послушного принца… Подсказать идею очередного подвига. Это всегда срабатывает.

— Какой подвиг? Вы должны помнить — он дал нам слово, что до конца свадебных торжеств никаких драк, стычек и сражений? — намекнул министр.

— Если не будет важного повода! — поднял палец мэтр, показывая, что помнит клятву своего принца дословно. — Как думаете, спасение девы из беды — достаточно серьезный повод? К тому же — как я понял из смутных и сбивчивых объяснений вашего подчиненного, она студентка Университета, а все алхимики находятся под покровительством Министерства Чудес. Вот пусть принц бросает все дела и спешно профессионально соответствует высокому званию. А, хорошо я придумал?

— Мэтр, вы гений!

— Тогда идем, поработаем с его высочеством, а потом вплотную займемся подсчетом шансов кавладорских магов стать победителями на выборах Покровителя Года. Эх, как не вовремя заболел Виг! — пожалел мэтр Фледегран. — С его привычкой выигрывать он бы возглавил наш список претендентов!

— Только не забудьте, мэтр, — напомнил господин Ле Пле, — в ответ на свою помощь я жду, что вы расскажете мне о каждом из наших кавладорских специалистов — на какие преступления он способен, какими вредными заклинаниями владеет… Пусть преступлений они пока не совершили, мой долг заранее знать, кто может быть опасен и почему!

— Я помню, — и два профессионала еще раз подтвердили ранее достигнутые соглашения крепким рукопожатием.

VI. На исходных позициях

Дорогая Фиона!

У нас с Далией выдалось относительно спокойное утро, а потому я решила известить тебя о самочувствии и успехах твоего сына. Сейчас наблюдаю за малышом Фри-Фри через прицел своего арбалета, и с радостью готова отметить, что пока что он жив, здоров, и даже, по сравнению с теми лягушками, которых мэтр Виг скармливает своим змеям, отменно весел.

Мэтр потратил трое суток, чтобы вспомнить, о чем он хотел себя предупредить с помощью сигнальных оберегов, но пока его успехи весьма скромны. Он бегал по лаборатории и вокруг Башни, рвал на клочки бороду, стучал головой об стену, но в итоге смог всего лишь сочинить список восьми локтей длину, чего он, теоретически, может бояться в этой жизни, но никак не вспомнить, чего и в самом деле побаивается. Что именно обозначает эта фраза, я из объяснений Далии не поняла, а буквально четверть часа назад мэтр объявил, что пора выдвигаться на исходные позиции и отправляться в Эль-Джалад.

Наконец-то… Я уже который день не могу туда добраться!

Надеюсь, что уже в ближайшем времени начну что-нибудь копать. Или раскапывать. В крайнем случае — прикопаю Далию на огороде мэтра В., чтоб не мешала мне добраться до сокровищ.

Извини, пора бежать. Остаюсь с уважением и пожеланиями благополучия — Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл (кавладорская ветвь).

Паутина чуть заметно дернулась. Еще, еще раз…

Тварь напряглась и застыла в ожидании.

Человек двигался очень медленно, тщательно выбирая, куда сделать следующий шаг. Он шел по старым, скрипучим доскам пола, стараясь избегать разбросанных нитей паутины, и некоторое время был убежден, что его хитрость работает, что притаившаяся тварь не слышит его шагов, не чувствует, как падает сквозь щели между ссохшимися половицами горячий песок… Паутина дрожала едва заметно, буквально на пределе чувствительности, лишь чуть сильнее, чем это бывало, когда в выбитые окна старого, заброшенного дома врывался поток горячего пустынного ветра и разбрасывал по углам пригоршни колючего песка…

Паутина дрожала. И тварь уже успела почувствовать добычу.

Человек шел вдоль стены, там, где дощатый пол был крепче всего, и явно не собирался подходить ближе к прекрасной дыре,

которую тварь пробила во время одной из своих успешных охот. Ну да ничего, мы его везде отловим…

Он сделал еще один шаг, и от движения человека куча песка рассыпалась, просочилась сквозь щели и попала прямо в глаз притаившемуся чудовищу. Тварь взревела и передумала терпеливо ждать, когда добыча сделает ошибку; резко ударила щупальцем вверх, в деревянную непрочную преграду, отделяющую ее от вожделенного куска горячего мяса… Доски взвизгнули и рассыпались, а человек побежал, уже не думая о том, что по всему помещению разбросаны нити паутины. Он бежал, а пол подскакивал, разбиваемый снизу ударами могучих щупалец, человек пытался петлять по маленьким каморкам, но каждый его шаг прекрасно слышало притаившееся под дощатым настилом чудовище… Человек бежал, а твари было достаточно плавно перетекать из одной части себя в другую и выстреливать вверх новым щупальцем, а иногда двумя сразу — потому как прятаться здесь было негде. Тварь занимала весь дом — вернее, нижнюю его часть, прочно осев разъевшимся, огромным телом на прочный каменный пол первого этажа. Второй этаж, начинавшийся в десяти локтях над бесформенным комком мускулов, желудков, следящих глаз, жвал и до поры до времени отдыхающих щупалец, еще держался, защищая неспособное покинуть старый полуразвалившийся дом чудовище от невзгод пустыни.

И приманивая добычу.

Редкий путник, путешествующий к Ильсияру через Великую Пустыню, найдет в себе силы пройти мимо старенькой развалюхи, похлопывающей гостеприимно приоткрытыми ставнями: а может, там, во дворе дома, есть колодец? А может, удастся укрыться от горячего ветра и начинающейся песчаной бури за стенами чужого жилища? А может, в этом доме стоит переждать нежелательное внимание других путников — мало ли путешествует по пустыне всякого народа?

И они приходили. Перелезали через стену и, выкрикивая хвалу своим богам, бежали к колодцу, полному вкусной воды. Заходили в дом… Те, кто был осторожнее, залезали через пустые проемы окон верхнего этажа…

Но в любом случае они задевали нити разбросанной по дому и двору паутины, будили тварь и, испугавшись появления первого щупальца, бежали, испуганно петляя… Не зная, что каждый их шаг слышит и чувствует спрятавшаяся огромная голодная тварь…

Человек появился очень кстати. Что-то давно в дом никто не заглядывал, так, вороны-ящерицы. Отсутствие впечатлений и редкая кормежка, а может быть — банальная старость погрузили

чудовище в глубокий сон, и вот, наконец, сегодня… Сегодня она вознаградит себя за длительное ожидание! Куда ты бежишь, человек? Да и зачем?

Человек петлял по комнатушкам второго этажа, будто хотел спрятаться. Налево… прямо… направо… Куда бежишь, дурашка? Там тупик! И там будет тебя поджидать…

Толстое щупальце, снабженное присосками, тихо поднялось в старую дыру и замерло, поджидая, когда бегущий человек прекратит петлять по соседним отнорочкам и придет сюда, на свидание со смертью. Шаги приближаются… Человек бежит… Он так быстр, что наверняка не успеет остановиться… Он совсем рядом!..

В щупальце ударило что-то тяжелое. Присоски прижались к добыче — непривычно гладкой, но обнадеживающе тяжелой; и щупальце торопливо опутало попавшееся тело, не позволяя ему вырваться или, как бывало не раз, ткнуть в себя холодной острой палкой. Теперь — быстрее вниз.

Щупальце упало, поднесло пойманную добычу к огромной пасти, которая разверзлась посреди бесформенной туши. Жаль, что у твари не было не только лица, но и головы как таковой — не на чем было отпечататься выражению восторга, которое испытало чудовище, завтракая впервые за несколько десятков лет.

А может, и, обедая — глазки у твари едва-едва могли уловить свет и тьму, а нюансы вроде мелких отрезков суток для них были тьфу, сливовой косточкой…

В любом случае, добыча благополучно погрузилась в бездонный мешок, заменявший чудовищу желудок. Загнавшие человека в ловушку щупальца вывернулись из пробитых ими дыр, сложились в привычный хаос, тварь несколько раз двинула жвалами, разрушая кости пойманной еды…

Что-то большое и быстрое пробежало по едва держащимся доскам второго этажа. Чудовище насторожилось, попробовало понять, откуда взялась вторая добыча, среагировать на колебания длинных нитей паутины, выбросило самое длинное из своих щупалец, чтобы поймать странного пришельца, и тут…

Далия уговорила Вига, что следить за событиями разумнее всего одновременно и вживую, и по волшебному зеркалу. И теперь жалела, что ее желание исполнилось: кажется, у любопытной мэтрессы были неплохие шансы заработать косоглазие. Стараясь одновременно присматривать за полностью погрузившимся в магические манипуляции волшебником, и отслеживать, как там чувствует себя чудовище, спрятавшееся в старом полуразвалившемся доме на окраине пустыни, алхимичка

грызла от волнения кулачки, трепетала и ахала — особенно когда видела, как трудно Фриолару уворачиваться от хитрых щупалец. Когда тварь разминулась с "малышом Фри-Фри" буквально на несколько дюймов, мэтрессе стало дурно по-настоящему, и она почувствовала необходимость получить моральную поддержку от верной ассистентки.

— Не дрейфь, Далия, — высказалась Напа. Гномка выразила свое отношение к разворачивающейся военной операции тем, что надела панцирь, наручи, ботфорты, ослепительно сияющий на солнышке шлем, вооружилась верным арбалетом и залегла в засаде у курятника. Отсюда до полянки, на которой колдовал мэтр Виг, было всего десять шагов, и Напа смело могла не бояться промаха.

До стены Башни, у которой стояло волшебное зеркало, было шагов двадцать. Поэтому Далия прекрасно видела, как тварь поймала вожделенную добычу.

— Оно его глотает, — слабым голосом возвестила Далия, пасуя перед накатившей дурнотой, — вид жующего чудовища был на редкость отвратителен.

— Отлично! — порадовался мэтр Виг. Поднял посох, приказывая серому облаку портала держаться, держаться, держаться, пока…

Пока через него не выпрыгнул Фриолар. В момент пространственного перехода что-то схватило его за ногу, он споткнулся, инстинктивно выбросил вперед руки, чтобы смягчить падение. Упал, проехался по траве, уже зная, что хитрая тварь все-таки догнала его, сумела поймать, что сейчас присоски отвратительного щупальца уже вонзились ему в сапоги, а через доли секунды гибкая конечность обовьет его туловище, сожмет, ломая кости, и…

Когда серая огромная «змея» вырвалась следом за Фриоларом, Далия закричала, Напа нажала на спусковой крючок, мэтр стукнул посохом, закрывая портал, а тяжелый глиняный кувшин, до краев наполненный новейшими открытиями мэтра Фри-Фри в области классической алхимии и парой изделий мэтра Вига из области Первого, сиречь — Огненного Начала, благополучно смешал свое содержимое с желудочными соками голодной твари, последовала реакция.

Короткая, бурная и, как это свойственно для опытов многих магов и почти всех алхимиков — с выбросом энергии.

Перепуганная Далия вдруг обнаружила, что рубит щупальце чудовища, спасая Фриолара, причем не топором, а кем-то из обитателей вигова птичника.

Перепуганная перепелка укоризненно смерила мэтрессу

взглядом, и руки Далии непроизвольно разжались.

— Хватит мне зверье пугать, — проворчал Виг, подходя ближе. Он прошептал короткое заклинание, освобождая своего секретаря от смертоносных «объятий». Оторванное, обугленное у основания щупальце рухнуло на траву, еще раз перепугав Далию и впечатлив местных белок, енотов и соек.

— Ой, как тут здорово рвануло! — с восторгом подала голос Напа, которая подбежала к волшебному зеркалу. — Фри-Фри, иди сюда, посмотри, как замечательно получилось!! Тварь на кусочки разнесло! Кишки аж выше крыши подкинуло!

Далия почувствовала, что ноги ее не держат.

— А один глаз прямо в колодец булькнулся! — продолжила гномка.

Земля, покрытая зеленой травой, вдруг и без предупреждения приблизилась к мэтрессе.

— Подвинься, гнома моя, — попросил мэтр Виг. Оценил итог своих усилий и секретарского самопожертвования. — И в самом деле, знатно. Причем, что особенно хорошо — часть дома осталась целой.

— Да я его в два счета починю! — самоуверенно заявила Напа.

— Будешь чинить, обязательно проверь подвал — если увидишь там большие бледно-желтые мешки, как бы из слизи и жира, меня сразу зови. Конечно, маловероятно, чтобы оно дало потомство, а вдруг? Я, правда, не помню, самцом я его делал или самкой, столько времени прошло… — мэтр покрутил кончик бороды.

К обсуждающим проект реконструкции здания гномке и волшебнику осторожно, прихрамывая, подошел Фриолар.

— Молодец, алхимия! — похвалил помощника маг.

— Спасибо, что так точно переправили кувшин с огненным припасом, мэтр, — ответил Фри-Фри. Потер бок, на который приземлился, сбегая от жадных объятий ныне сдохшей твари.

— А ты заметил, что я тоже внесла свой вклад в победу над монстром? — похвасталась Напа. — Я, как увидела, что щупальце тебя хватает, сразу в него из арбалета — р-раз!

Молодой человек вспомнил, как просвистела над ухом арбалетная стрелка, инстинктивно проверил, не попала ли заботливая Напа ему в голову, и согласился, что вклад гномки в победу был неоценим.

А теперь, дорогая Напа, не будешь ли ты добра привести в чувство Далию? А то та лежит на травке и как-то слишком тихо реагирует на попытки енотов шлепать ее по щекам…

8-й день месяца Барса, вечер
Бёфери, дом Бонифиуса Раддо

Империя Гиджа-Пент вошла в историю человечества как самая значительная из древних империй. Она начиналась на берегах Пентийского Моря и простиралась до гор Шумерета на севере, до плато Кватай на востоке и до жарких болот современной Бирмагутты на юго-востоке. Древние императоры провозглашали себя потомками богов, тем самым повергая в закономерное удивление эльфов, гномов и западные, тогда еще совершенно дикие человеческие племена.

В империи Гиджа-Пент процветали магия, искусства и ремесла. Именно здесь были сформулированы первые законы человеческого сообщества — их утвердили первые цари династии Гиджа, после чего приказали высечь утвержденные правила на каменной стеле. Именно благодаря самоотверженности древних жителей империи было экспериментально опровергнуто общепринятое в те далекие времена мнение о целесообразности рабства, ибо на каждый собранный рабом кувшин зерна приходилось шесть попыток побега и сорок плевков в вино для господина-рабовладельца…

Фрателла Бонифиус шумно плюнул на пальцы, перевернул несколько страниц читаемой рукописи. Про то, как пытались бороться за свою свободу гиджа-пентийские рабы, ему было не интересно — к тому же господин Раддо имел по поводу дармового труда свое личное, весьма обоснованное мнение.

Расцвет империи приходится на время, когда потомки богов из династии Гиджа заключили несколько обоюдовыгодных договоров с могущественными магами, называвшими себя последователями учения Пенталиакнос, то есть Дороги Силы. Активное участие магов в жизни империи и несколько династических брачных союзов привели к тому, что в течение нескольких столетий власть фактически была разделена между императором и магами. Подобная традиция, с одной стороны, ослабляла империю, создавая условия для постоянной конкуренции между одаренными людьми с магическим талантом и людьми не менее одаренными, но лишенных оной способности; с другой, позволила оставить в далеком прошлом попытки магов основать общество на основе магократии, наглядно доказав, что волшебники не умеют договариваться между собой и доверять друг другу, а также не позволяют себе вовремя остановиться и оценить, правильно ли они используют собственное могущество.

В частности, весьма показательна история царя Эпхацантона, осиротевшего в юности и воспитывавшегося мачехой-некроманткой…

Бонифиус вздохнул, отпил глоток вина и перевернул еще несколько страниц, на которых в подробностях излагалась легенда о царе Эпхацантоне и четырех сотнях его мумифицированных советников. А он-то, наивный, радовался, что похищенная алхимичка не пытается сбежать, не зовет на помощь, даже не протестует! Он-то, глупый пень, сам лично приказал доставить девчонке столько бумаги и чернил, сколько потребуется! Даже велел кормить ее три раза в день, причем учитывать пожелания пленницы!

И что он получил взамен? Шестьдесят три исписанных неровным, витиеватым почерком страницы, на которых в подробностях изложена история возвышения, расцвета и дальнейшего падения империи Гиджа-Пент?

Да что эта глупая девчонка-алхимичка о себе возомнила?! Она что, издеваться над Бонифиусом Раддо вздумала?

Хотя, может быть, о царе и его Золотом Городе девчонка написала где-то в конце? Бонифиус пролистнул несколько страниц и вдруг увидел что-то знакомое.

… попытка царя Тиглатпалассара объявить себя богом. К сожалению, одним из негативных итогов строительства новой столицы империи было резкое обмеление реки Дхайят: большое количество вырытых для заново перепланированной ирригационной системы каналов привело к тому, что буквально за десять лет река полностью высохла. Первое время изначальное русло Дхайят пытались наполнить магическими способами, потом постарались вернуть воды реки в прежнее русло, но усилия и строителей, и волшебников не увенчались успехом.

Некоторые представители наследственной аристократии воспользовались ситуацией и обвинили потомков Тиглатпалассара в том, что царь прогневал богов. Последовал период внутренней смуты, который закончился окончательным разрушением Золотого Города, так и не ставшего столицей империи. Лишенное сильной центральной власти государство подверглось атаками со стороны агрессивно настроенных соседей, в частности, империи Кватай (ныне не существует; разрозненные племена кватайцев ушли на юго-восток и смешались с коренным населением Бирмагутты), владык Шумерета (тоже умерли), и отдельных западных племен.

Переживающая трудности империя распалась на несколько провинций: южные, относительно спокойные, сохраняющие традиции магократии и верность старым законам династии Гиджа; северные — постоянно враждующие с племенами Шумерета, восточные — страдающие от засухи и соседства с переживающей эпоху завоеваний империи Кватай, и западные. Западные провинции проявляли умеренно-агрессивные тенденции,

потому как, с одной стороны, рядом с ними находились цветущие, плодородные земли и леса эльфов, а с другой стороны — просто так за яблоками в эльфийский сад лучше не лазить, пальцев не досчитаешься, а если не повезет — вообще считать будет нечего и нечем…

Как свидетельствуют отдельные письменные источники, сохранившиеся до наших дней, постоянные пограничные стычки, вражда, зависть и внутренние склоки привели к тому, что в северных и западных провинциях Империи Гиджа-Пент резко сократилось число магов; вследствие чего обострилась старая вражда между представителями наследственной и магической власти. Чтобы доказать свое умение и значимость для разваливающейся на куски империи, маги предприняли беспрецедентную по своей отчаянности попытку: они собирались перевернуть горы, чтобы вернуть в прежнее течение реку Дхайят и, одновременно, восстановить природную водную границу между собой и кочевниками Кватая. Мощное землетрясение обрушило плато Кватай, практически уничтожив восходящую одноименную империю, но при этом воды Дхайят окончательно ушли, что и привело к появлению на северо-востоке Империи Гиджа-Пент огромной безводной области, известной ныне под названием Великая Пустыня.

Надо же, — подумал Раддо. — А я и не знал, что тамошние маги, оказывается, такие мастера устраивать волшебный трам-тара-рам! Надо с ними поосторожнее, а то одну империю они уничтожили, вторую под монастырь подвели…

И, против воли заинтересовавшись чтением, Бонифиус вернулся к рукописи.

За десять лет, последовавшие за Падением Гор, Империя Гиджа-Пент прекратила свое существование: лишенные поддержки магов северные и западные провинции пали под ударами завоевателей, нашедших пристанище на территории современного Кавладора и Иберры, а южные и остатки восточных провинций, привыкшие к сытой, спокойной жизни, вообще не смогли оказать сколько-нибудь значимого сопротивления варварам.

На тринадцать веков лет Империя Гиджа-Пент была забыта. Остатки ее населявших племен расселились по берегам Пентийского моря, ушли в горы Шумерета, в земли, ныне принадлежавшие Вечной Империи Ци (кстати: свое название она получила после того, как убедилась в том, что пережила и империю Гиджа-Пент, и империю Кватай), в далекую Бирмагутту.

Шесть сотен лет назад начался процесс объединения пустынных кочевых племен с оседлым населением побережья Пентийского моря. Пятьсот семьдесят лет назад завоеватель

Джала объединил под своей властью сто племен и объявил получившееся государство эмиратом, дозволив увековечить свое имя в его названии. С этого времени новопровозглашенный эмират Эль-Джалад ведет исключительно экспансивную политику.

Была предпринята попытка завоевания Иберры — воспользовавшись разногласиями, издавна существовавшими между эльфийскими кланами и людьми, эльджаладцы покорили территории от Перуэллы на севере до Аль-Миридо на юго-западе. Собственно, нынешняя столица Иберры — город Аль-Миридо был основан жителями пустыни для того, чтобы обозначить западные границы растущего эмирата.

Потом было несколько попыток завоевать западные земли Вечной Империи Ци, которые повторяются до настоящего времени. Постоянно возникают пограничные стычки в Южном и Восточном Шумерете, а следовательно, и кавладоро-эльджаладские и иберро-эльджаладские конфликты.

Ныне здравствующий эмир Джава в своей коронационной речи, прозвучавшей пятьдесят четыре года назад, объявил курс интеграции Эмирата Эль-Джалад с мировой цивилизацией, а следовательно, о политике невмешательства во внутреннюю жизнь соседних государств как самом желательном политическом курсе. К огромному сожалению, вынуждена отметить, что миролюбие Джавы сочетается с экспансивно-милитаристскими намерениями его советников, в том числе и главного мага Эмирата, Кадика ибн-Самума.

А еще у старого Джавы есть сын Джаафарет, официальный наследник, вспомнил Раддо. «Молодой» принц отметил в позапрошлом году полувековой юбилей, милостиво дозволив организовать празднество "варварам севера". После ужина, приготовленного пелаверинским поваром, вина, доставленного пелаверинцами из Триверна и Фносса, и красавиц, которых Раддо, Мильгроу и прочие фрателлы собрали по всему миру, принца Джаафарета развезло, и он принялся жаловаться, как недальновидно поступил, отравив в молодости своих старших братьев. Сейчас хоть было бы заговор против кого составлять, а тут сидишь один как хрен на бахче, отец помирать не думает, в сотый раз женился…

Собственно, Бонифиус был согласен с Джаафаретом — девяностолетнему эмиру давно пора на покой. Пример Симона Пункера мог бы объяснить старикашке, что слишком долго жить при таких наследниках, каким был Филеас Пункер, или является в настоящий момент эльджаладский принц, не рекомендуется. Хотя у эмира наверняка есть штатные дегустаторы, да и личная охрана всяко лучше, чем была у старого антиквара…

Вспомнив о Филе, Раддо вспомнил и о том, ради чего велел Огги похитить из Талерина алхимическую девчонку, ради чего он ее который день держит взаперти в надежном уютном подвальчике и даже кормит трижды в день.

Кстати, весьма любопытно: то, что девчонка настоятельно просит приносить ей сырую рыбу, это что, пример утонченного алхимического издевательства над не имеющим крупных рек и выхода к морю Пелаверино? Или просто попытка досадить похитителям, заставив их тратиться на самую дорогую, в относительных ценах местного рынка, еду? Или девчонка, даром, что алхимик, с головой не дружит и действительно сырую рыбу ест?

Брр, это ж такая гадость! — сморщился Раддо. И снова принялся листать рукопись в поисках упоминания о кладе царя Тиглатпалассара.

Официальная валюта Эль-Джалада — золотой динар (равен по стоимости 0,6 кавладорского золотого), серебряный фаир (1 динар равен ста двадцати фаирам), медный алат (1 фаир можно обменять на 60 алатов).

Ну, такие подробности Бонифиус Раддо знает получше многих… Ищем дальше.

Основные виды хозяйства Эмирата: поливное земледелие на побережье Пентийского моря и на десяток лиг вглубь страны; кочевое скотоводство на севере и крайнем юго-востоке (овцы, лошади, верблюды, козы. Овцы. Очень много овец. И козы. Просто не знаю, кого больше, но очень много и тех, и других). Восточные земли (бывшее плато Кватай, ныне Великая Пустыня) — оазисное земледелие, изредка — скотоводство. Много финиковых пальм.

В Эль-Джаладе процветают ковроткачество, выделка кожи, гончарное ремесло, ткацкое, сапожное, коптильное и сладкобулочное…

Из чего складываются доходы Эмирата, Бонифиус тоже прекрасно знал. Например, он был в курсе, что клан Гогенбрутт вот уже четвертое, если не пятое столетие торгуется из-за медных рудников, расположенных поблизости от Аль-Тораза. После того, как Филиппо I поставил точку в попытках Эмирата завоевать Иберру, по мирному договору кусочек гор Шумерета достался южанам. Гномам стало жарко от одного названия «Эль-Джалад», к тому же бытующую в эмирате традицию многоженства их железные головы иначе, чем разврат, воспринимать не могли. Одним словом, Гогенбрутты сам ушли, а потом посмотрели, как люди попытались продолжить их меднодобывающее дело, и возмутились. Ан нет, господа Гогенбрутты, что вы отдали, то теперь наше, и не суйте носы в наши шахты, ответили им

эльджаладцы.

Собственно, попыткой завоевания Шумерета конфликты между гномами и владельцами медных рудников даже не считались, потому как происходили каждые полгода с завидной регулярностью.

Раддо искренне поддержал бы обе конфликтующие стороны, останься в тех рудниках хоть крупица меди…

Так, а где ж алхимичка рассказала о том, как искать клад древнего царя? Бонифиус начал читать плотно исписанные страницы заново.

Традиции многоженства и содержания гаремов…

Нет, не то. Гаремы, конечно, хороши для того, чтобы обеспечить прибыль фрателле Раддо, но сейчас как-то не до них.

Наиболее распространенная религия…

Тьфу на нее, только в религиозные дрязги Бонифиус еще не ввязывался… Дохода с этих идейных баталий — пшик, а шума, грохота, споров… Нет, господа, настоящие фрателлы в столь сомнительные проекты не ввязываются… Да где же здесь..?

Иногда в Великой Пустыне находят осколки глиняной посуды, фигурки божеств-покровителей дома, предметы домашнего обихода или даже древние украшения, относящиеся ко временам Империи Гиджа-Пент.

На этой фразе рукопись заканчивалась.

И как сей алхимический бред следует понимать? — задумался Бонифиус. Отпил вина, потом, когда до него дошло, что хитрая девчонка над ним посмеялась, фрателла Раддо единым глотком опустошил бутылку, запустил ею в дверь и заорал:

— Огги! Иди сюда, паршивец! Хрумп! Зови сюда Огги!

Через некоторое время в дверь просочился Хрумп. В руках — уже откупоренная для разбушевавшегося босса бутылка, на губах — ехидно-угодливая улыбочка, глазки сальные, так и шарят по кабинету, высматривают, какой ящик неплотно заперт…

— Где Огги? — потребовал более надежного помощника Бонифиус.

— Он того-самого… — ответил Хрумп. — Опять страдает, бедняга.

Лекарь, на которого был вынужден потратиться Раддо, сказал, что Рутфера укусило какое-то насекомое, плюс бедолага травануся каким-то недодержанным гномьим самогоном. Вот уже три дня зеленовато-несчастный Огги бревном валялся в мансарде дома Бонифиуса, постанывая и требуя привести какого-нибудь священника, он-де желает покаяться в грехах. Хрумп, на которого свалились обязанности Рутфера, уже несколько раз

ошибался (наверное, по причине пострадавшего во время ареста в Кавладоре уха) и вместо священника приводил к приболевшему товарищу ушлых сговорчивых девиц.

Бонифиус матерился, девицы согласно повизгивали и убегали, Хрумп получал выволочку, Огги — очередную порцию лекарств и бутылочку вина, чтоб запить микустуру, а на следующий день все повторялось сначала.

— Девчонка, которую он украл, смеет финтить и обманывать! — Раддо смял в кулаке несчастный трактат.

— Обманывать вас, босс? Это круто. Но недальновидно, — мудро высказался Хрумп.

— Надо прочитать ее воспоминания. Сходи-ка на станцию к магам, узнай, не получали ли они для меня посланий из Луаза.

Хрумп хлопнул себя по лбу.

— Забыл! Простите, совсем я забегался по вашим поручениям — кто ж знал, что у вас столько дел, хозяин?! — помощник выудил из кармана камзола помятое, затертое на сгибах письмо. — Вот, уже второй день ношу с собой. Ответ от мэтра Иллариана.

— Ты что, посмел читать мои письма? — взрыкнул аки старый лев фрателла Бонифиус.

— Никак нет! — смело соврал Хрумп. — Да там и читать особо нечего, он просто отказывается вести с вами дела, вот и все…

Раддо торопливо сорвал печать, развернул лист и прочитал:

Уважаемый фрателла Раддо, на Ваше послание от пятого числа текущего месяца имею честь сообщить, что меня не заинтересовало Ваше предложение. Как я не устаю повторять своим ученикам, и прошлым, и тем, кто еще попадет мне в руки, я маг добропорядочный, чту Закон, Порядок и Спокойствие Кавладора.

За сим остаюсь — мэтр Илларион из Луаза.

— Он что, передумал поставлять мне волшебные зелья для участвующих в выборах Покровителя Года скакунов? — не понял в первую минуту Бонифиус. — Кто чтит Спокойствие Кавладора — этот старый плут, скупающий краденные магические штучки со всего Востока?! Да я ему!.. Я его!.. Он у меня…

— А ведь он — маг, — напомнил Хрумп, как бы случайно прикладываясь затяжным глотком к вину хозяина. — Вдруг кастанет на вас что-нибудь этакое…

— Он у меня дождется, — кровожадно пообещал Раддо. Сжал кулак: — Он у меня вот где будет сидеть и молить о пощаде, брехливый самохвал, магический бабник, тьфу с посохом…

Хрумп еще раз приложился к бутылке. Посмаковал вино,

прикинул, что да как, и осторожно уточнил:

— Может, теперь-то вы решите ограбить дом мэтра?

— Кому — что, а тебе лишь бы грабить, — в сердцах бросил Бонифиус. От души пришлепнул алхимической рукописью залетевшую в кабинет муху. — Сам пойдешь на дело?

— Я? — подпрыгнул от удивления Хрумп. Осторожно вернул бутылку на стол. — За что, хозяин? Я ведь служил вам верой и правдой! А вы меня — в магические ловушки отправляете! Можно сказать, на верную смерть… За что?!

— А говоришь — грабить собрался… — ехидно подвел итог дискуссии о возможном ограблении Иллариана фрателла.

— Так ведь я на вашего кавладорского самородка рассчитываю… — неосторожно обмолвился помощник.

Раддо зыркнул на него сердито и настороженно.

— Откуда знаешь?

— Огги, когда принял меня и Кошечку Рилу за священников, проговорился, — нехотя объяснил Хрумп.

— Какая еще Кошечка? Я кому велел перестать водить в мой дом своих девок?!! Ты у меня дождешься, скотина!.. — запустил бутылкой в хитроумного помощника Раддо. Следом в жилистую спину Хрумпа полетела чернильница, пресс-папье, канделябр на пять свечей и рукопись с древней и нынешней историей Эль-Джалада.

Некоторое время спустя, устав кидаться в верткого помощника разнообразными предметами, Бонифиус устало перевел дух.

— Прибери тут всё, — велел он, указывая на разгромленный кабинет. — И будь готов рассказать моему специалисту всё, что ты знаешь о доме Иллариана на улице Гортензий. Но если хотя бы слово, хотя бы имя моего нового компаньона выйдет за пределы этих стен… — Раддо поймал Хрумпа за отвороты камзола; поднимать и встряхивать не стал, но заглянул в глаза с таким искренним и честным выражением, что у помощника фрателлы застучали зубы от страха. — Ты об этом пожалеешь.

— Не беспокойтесь, хозяин, я никому ни полсловечка, — пообещал Хрумп. — Тем более, что я и не знаю имени вашего самородка… Как его зовут-то? Чтоб я знал, о ком докладывать, когда он появится у нас на Бурдючной улице.

— Она, — рассеянно поправил Бонифиус. И, напрягшись, как перед официальным заседанием консорциума "Фрателли онести", отправился серьезно побеседовать с похищенной алхимичкой.

Когда Хрумп с шумом начал возвращать раскиданные темпераментным боссом вещи, из угла, из едва заметно щели, выскочил маленький угольно-черный скорпион. Помощник

господина Раддо сначала спутал членистоногое с обыкновенным тараканом, топнул, рассчитывая испугать непрошенного гостя; в ответ на что нахальный скорпион шевельнул хвостом и сделал весьма однозначную попытку напасть на человека. Хрумп завопил, запустил в трехдюймового агрессора многострадальной рукописью и от греха подальше сбежал.

Скорпиончик понюхал-полазил по распавшимся листам бумаги и шмыгнул обратно под пол.

9-й день месяца Барса. Раннее утро.
Чудурский лес, Башня

Восемь действующих оберегов продолжали ненавязчиво напоминать о том, что историю их создания Виг забыл крепко-накрепко.

Далия задумчиво оценила художественные достоинства каждого из артефактов, примерила браслет с сердоликом, убедилась в том, что украшение сделано на гораздо более полную руку, чем ее собственная, и, когда в лабораторию вошел Фриолар, уточнила:

— А где тот список возможных тревог, который мэтр составил?

— Не думаю, — осторожно ответил секретарь мага. — Что среди тех полутора тысяч мыслей, которые иногда тревожат мэтра, ты сумеешь найти те восемь, которые послужили причиной создания этих оберегов.

— Ах, Фри-Фри, брось! Мы взрослые люди, я как-нибудь переживу, если вдруг встречу в этом списке указания на интимную жизнь мэтра или на описание деликатных свойств его, с позволения сказать, физиологии. Давай список, мне надо что-нибудь почитать, отвлечься на какую-нибудь постороннюю проблему.

Фриолар не слишком охотно достал из запертого шкафчика длинный свиток, передал Далии и заботливо спросил:

— Ты как, отошла после вчерашнего? Что-то у тебя вид слишком бледный…

— Во избежание недоразумений, — твердым голосом ответила мэтресса, — предупреждаю тебя, Фри-Фри: сцена охоты мерзкой твари за тобой, а также последующее разнесение оного чудища на кусочки, мне категорически НЕ понравилась. Вспоминать ее я не собираюсь, и надеюсь, что когда-нибудь совсем изгоню прочь из своей головы…

— А, так ты ради этого интересуешься списком мэтра? — улыбнулся Фриолар. — Учишься у профессионалов, как обзавестись выборочной амнезией?

Далия угрожающе замахнулась бумажным свитком на насмешника.

— Не сердись, — извинился алхимик. — Между прочим, могла бы оценить работу и высшую квалификацию мэтра Вига — единственный в мире сухопутный восьминог… был. Мэтр его когда еще создал, три столетия, если не больше, почти не вспоминал, а глядишь ты — выжила тварь, не сдохла…

— У него было не восемь ног, а гораздо больше… — содрогнулась Далия.

— Ага, штук сорок, — согласился Фриолар. — И на каждом щупальце — присоски с мерзкими такими маленькими крючочками, чтоб добыча не выскользнула…

— И клочья паутины кругом разбросаны…

— Так то не паутина, то слюна была. Но если подумать и разобраться в сути вопроса — учитывая, что для создания сей твари мэтр колдовал с разными видами моллюсков и насекомых, вполне возможно, что это настоящая паутина и была. Только восьминог ее не прял, а выплевывал…

— Фри-Фри, я тебя убью! — очнулась Далия. — Прошу же, не смей напоминать мне этот кошмар!

Секретарь волшебника изобразил раскаяние. Не слишком глубокое и исключительно формальное.

— Ладно, не буду. К тому же через несколько дней ты наверняка увидишь еще более занимательные сцены. Я имею в виду — когда будет дан старт гонкам, и все многоногие, крылатые, ползающие, кусающие, рыгающие, ввинчивающиеся под кожу и кровососущие твари бросятся к победе.

— Тогда — какого лешего вы с Вигом убили сухопутного восьминога? — проворчала алхимичка. — Заманивали бы конкурентов в его нору…

— Мэтр слишком стар, чтобы во время пребывания в Ильсияре жить в походном шатре или на собственноручно выращенной финиковой пальме. А тот дом — какая-никакая собственность. Крыша над головой… Ладно, не буду преувеличивать насчет крыши, но стены и фундамент там точно имеются. Муравьи мэтра уже собрали остатки туши…

— Фри-Фри, пожалуйста, — взмолилась Далия, живо представившая, как происходил означенный процесс. Фриолар осознал свою вину и немного подкорректировал текст сообщения:

— Напа еще вчера закупила во Флосвилле воз досок и вовсю ремонтирует первый этаж, подлатала крышу — хотя ее оправдания, что вдруг пойдет дождь, лично мне кажутся весьма надуманными. Короче, я пришел, чтобы сказать тебе — через пару-тройку часов можно будет переправляться в пустыню.

— Почему так рано, Фри-Фри? — возмутилась мэтресса.

— Ничего не рано! Питомцу мэтра нужно время, чтобы привыкнуть к жаре и сухости!

— Насчет звереныша я не спорю. Просто сегодня в Талерине будет свадьба принцессы, я тут подумала — а что, если полюбоваться на торжество через волшебное зеркало Вига? Ну пожалуйста, Фри-Фри! Неужели ты откажешь мне в такой мелочи?

Секретарь волшебника пожал плечами:

— Зеркало не мое, волшебство — тем более. Так что — пользуйся на здоровье. Отдыхай, пока есть возможность…

Талерин, Королевский Дворец

Церемония бракосочетания ее высочества Ангелики из правящей династии Каваладо и командующего Восточной Армией Кавладора, генерала и рыцаря Октавио Громдевура началась для господина Олбера, мажордома и главного распорядителя торжества, на рассвете. К восьми часам утра Олбер уже дважды заправился успокоительными микстурами, изготовленными придворным лекарем именно для подобных случаев, получил дозу внушения от мэтра Фледеграна — по старой доброй формуле "Я спокоен, я совершенно спокоен!" — и теперь был морально готов ко всему, вплоть до нашествия драконов и попытки гоблинов украсть свадебный торт включительно.

— Стройсь! — завопил Олбер в начале девятого утра бестолково мельтешащим по дворцу горничным. Девицы испуганно затаились, пропуская свадебный наряд принцессы, который пронесли бледные от важности порученной миссии пажи. — Стоять насмерть! — велел мажордом конюхам, приготовившим к десяти часам парадный выезд королевского семейства. Лошадка принца Ардена перепугалась и сделала попытку превратиться в маленькую незаметную мышку. — Держи цель! — командовал отставной вояка Олбер лакеям, расстилающим в половине одиннадцатого ковровую дорожку по мраморной лестнице дворца. — Пли! — наконец, закричал он в четверть двенадцатого. Трубачи, не менее взволнованные оказанным им доверием, чем сам мажордом, верно разобрались в ситуации, и фанфары радостно взревели, отмечая начало празднества.

Свадебный кортеж проследовал от Королевского Дворца через главную площадь, на которой возвышались памятники предкам невесты, к Вечному Дубу. Эта маленькая часовня, возведенная вокруг первого дуба, бывшего в незапамятные времена свидетелем взаимных обещаний, данных эльфийскими и

человеческими вождями друг другу, была своеобразным символом государственной власти. Давно уже покинули земли Кавладора эльфы, сам Первый Дуб благополучно прожил свой век, но лесные исполины, проросшие из его желудей, продолжали хранить покой королевства.

Часовня была на редкость скромной, особенно по сравнению с возвышающимся на противоположной стороне площади Королевским дворцом. Собственно, это была всего лишь каменная стена, огораживающая крохотную дубовую рощу от шумного города.

У старых, выщербленных ступеней часовни король Гудеран спешился, помог сестре сойти с коня, подождал, пока Роскар и слуги помогут королеве и детям, и на правах главы семьи ввел невесту, постукивающую от волнения зубами, под сень живого зеленого шатра.

В глубине часовни, у огромного, в четыре обхвата, дуба ожидал появления невесты смертельно взволнованный жених.

Так как свадьбу готовили в великой спешке, лишь за двадцать часов до официальной церемонии выяснился один мелкий, но наипаршивейший момент: по старым традициям жених и невеста должны быть одеты в цветы родовых гербов. С Ангеликой-то всё понятно — отрез роскошной черно-золотой парчи был приготовлен еще тринадцать лет назад, когда о помолвке своей дочери и генерала Громдевура объявил сам король Лорад. К тому же королева Везувия выразила готовность шить собственными руками платье для золовки, или даже пешком отправиться в ближайшую гномью мастерскую, чтоб сковать что-нибудь соответствующее, лишь бы обеспечить дражайшей сестрице участие в торжественном мероприятии.

А вот всё родовое дворянство Октавио Громдевура с него самого начиналось, и — пока что — им самим заканчивалось. Прибывшие из Стафодара братья отважного генерала никаких гербов не имели, а потому искренне уверяли, что в часовнях и храмах им быть вовсе не обязательно. Вот на пиру, особенно когда все напьются, они и появятся…

Поэтому весь вчерашний день Гудеран и Октавио потратили на то, чтобы согласовать и утвердить официальные регалии командующего Восточной Армией. Король выражал убеждение в том, что военный столь высокого уровня должен быть прежде всего придворным, дипломатом и разить блеском своего сияния всех наповал. Но победил, как всегда, Октавио. Теперь он встречал невесту, одетый в простой черный мундир и серебристую легкую кирасу с изображением королевского герба.

Под живым зеленым шатром, дарящим прохладу в жаркий

летний полдень, в присутствии своих родных, жених и невеста преклонили колени перед Вечным Дубом и произнесли свадебные клятвы.

Когда молодые супруги завязали на ветвях дуба ленты, подтверждающие их союз, и обменялись кольцами, королева Везувия, опирающаяся на руку Роскара, прослезилась.

— Могу чем-то помочь? — спросил принц у ее величества, когда молодожены и их родные вышли из часовни.

— Ах, братец, дайте мне что-нибудь… — сквозь слезы ответила Везувия.

Растерявшийся Роскар достал из кармана носовой платок и подал королеве.

— А теперь какой-нибудь чепчик, — попросила королева, промокнув влагу в уголках глаз. Заметив удивление на лице деверя, она пояснила: — Хочу подбросить его в воздух и закричать "ура!" И вообще, почему до сих пор никто не ликует, ведь такой день, такой праздник…

Криков и ликования в девятый день месяца Барса Талерин услышал достаточно. Молодые супруги почтили своим посещением двенадцать крупнейших соборов города, выслушав благословения, призываемые на их головы служителями разных богов; живописная кавалькада проехала по улицам города, одаряя горожан золотыми и серебряными монетами и получая в ответ целые поля цветов и колосьев: по народным приметам, именно такой дар обещает молодой семье настоящие закрома счастья.

Потом, чтобы уж точно удовлетворить потребность королевы Везувии в чем-то шумном и ликующем, был грандиозный пир. Весь Королевский Дворец был заполнен гостями, лакеи, горничные и пажи сбились с ног, выполняя истерические приказания Олбера "кабана на левый фланг", "жареных лебедей — в центр и мёдом его, мёдом, мёдом!", и, "нарезкой по окорокам — не жалей себя, братушки!" Виночерпиям приходилось хуже всего — Олбер велел им "стоять насмерть!!!" что, учитывая, как часто провозглашались здравницы, было просто невыполнимо.

За стенами Дворца, на королевской площади вокруг зажаренных на огромных вертелах бычьих туш и бочек с вином шло народное гуляние. Жонглировали зажженными факелами акробаты, пели менестрели, танцевали все остальные, и даже воры-карманники, вместо того, чтобы заниматься своим нелегким трудом, решили взять выходной и оттянуться на славу. Особо неугомонные гости — например, принц-консорт Генрих, супруг брабансской королевы Сиропии, — совершили десяток переходов с площади во Дворец и обратно, чтобы быть уверенным в том, что не пропустят ни малейшей толики развлечений.

С точки зрения Ангелики, самым милым сюрпризом свадебного пира была старинная эльфийская баллада о любви, исполненная принцессой Дафной под аккомпанемент лютни принцессы Анны. Октавио больше понравился праздничный салют, которым распоряжался напыжившийся от сознания оказанного доверия принц Арден. Сначала дюжина разноцветных фейерверков, потом огромная огненная шутиха, расцветившая половину неба, потом — волшебный смерч, запущенный учениками магов из Охотничьего замка, а на закуску — залп из трех пушек, причем из бронзовых жерл выскочили три гнома и в полете развернули транспарант: "Счастья молодым!"

С точки зрения Гудерана и Везувии, которые вдруг вспомнили собственную свадьбу пятнадцать лет назад, расчувствовались и теперь утешали друг друга, шепча на ушко милые глупости — главное, что они все-таки выдали Ангелику замуж.

Умело избегающий общения с придворными красавицами принц Роскар посмотрел на веселящихся гостей, раскланялся с министром Ле Пле, улыбнулся графу Умбираду — тот, абсолютно счастливый и, как всегда, на пол-пути к бревноподобному состоянию, поведал его высочеству о ближайших планах выиграть гонки Покровителя Года, коротко переговорил с Олбером, и, убедившись, что в ближайшие несколько суток Кавладору угрожает лишь одна опасность — всеобщее похмелье, пошел искать придворного мага. Свое слово он сдержал — нечеловеческим напряжением воли заставил себя пережить предшествующую неделю и не ввязался ни в одну драку. Теперь настала пора наверстать упущенное.

Ах да, еще по пути надо не забыть освободить какую-то похищенную алхимичку, ибо он, Роскар, теперь в ответе за всех отмеченных волшебством и излишними знаниями кавладорцев…

Выполнить свой долг перед страной и Короной — это ли не главное в жизни?

Между Ильсияром и Хетмирошем. Вечером того же дня

Шумный разноцветный праздник — десятки кружащихся в оживленном, быстром танце пар, менестрели всех сортов, от чинных арфистов и лютнистов, свято чтящих традиции Кленового Века, до деревенских скрыпачей и дударей, играющих по принципу "громко — значит, хорошо", залпы фейерверков, довольные, сытые гости, подбадривающие собственное пение постукиванием кружек, — всё это и многое другое едва вмещалось в огромное темное стекло, заключенное в тяжелую бронзовую раму. Повинуясь воле волшебника, зачарованное

зеркало показало кружащихся в танце Октавио и Ангелику, преданно и влюблено смотрящих в глаза друг другу; выхватило из толпы гостей тонкий профиль королевы Везувии и лихо сдвинувшего набекрень корону короля Гудерана; мелькнул мэтр Фледегран — маг наколдовал фонтан, заставив зависнуть в воздухе содержимое винной бочки, и теперь уговаривал хмельные струи сплестись в какие-то замысловатые рисунки, а придворные дамы ахали и рукоплескали его таланту…

Ученик, приставленный наблюдать за происходящим в Королевском Дворце Талерина, настолько проникся духом народного гуляния, что принялся напевать на ломаном кавладорском и отбивать ритм очередного танца стоптанным башмаком. За что и поплатился — на его круглую коротко стриженую голову с размаху опустился сухой старческий кулачок.

— О… господин, — подскочил ученик и поспешил согнуться в почтительном поклоне.

Старший из магов Эмирата, великий Кадик ибн-Самум разразился в ответ гневной тирадой: о, за что великие боги Пустыни послали ему столь нерадивых, бесполезных учеников? За что покарали, наградив этих учеников излишним любопытством? Почему, о, почему никто — ни слуги, ни духи, ни ученики — не желают делать то, что им велят? Почему…

— Но вы ведь сами велели следить за праздником в Талерине, господин, — осмелился осторожно возразить Далхаддин по прозвищу Улитка. — Еще утром вы приказали мне, недостойному, следить за тем, как будет проходить свадьба этих варваров-древопоклонников, о господин.

— А радоваться я тебе тоже приказывал?! — закричал старик. — Приказывал подпевать их нечестивым молитвам?!

Далхаддин совсем было собрался ответить, что ничего молитвенного в распеваемых крепко выпившими гостями народных фривольных песенках нет, но его не зря прозвали Улиткой — ученик верно оценил момент и согнулся в еще более низком поклоне, одновременно прикрывая голову руками.

Поэтому палка, которую Кадик ибн-Самум использовал в качестве опоры и самого доходчивого из технических средств обучения, лишь слегка задела плечо Далхаддина.

Старейший из магов Эмирата через два года готовился встречать семисотлетний юбилей, а потому экзекуция была скорее данью традициям, чем действительно подразумевала нанесение какого-либо вреда здоровью нерадивого ученика. Ученики все нерадивы — это закон мироздания; и если возникнет нужда проучить их по-настоящему, так не старой узловатой палкой воспользуется Кадик ибн-Самум, а чем-нибудь более

грозным и разрушительным, — например, специально вызванной для педагогических целей песчаной бурей. Зная, что для старика возможность помахать палкой является чем-то вроде утренней (хотя в данном случае — вечерней) разминки и укрепляет его веру в то, что для своих лет он еще вполне бодр и крепок, Далхаддин стоически вытерпел несколько несильных ударов, а потом с поклонами поблагодарил за науку и помог учителю добрести до кресла.

Настал черед Кадика ибн-Самума лично насладиться картиной талеринского праздника, транслирующейся волшебным зеркалом.

— Воистину, — скрипуче и торжественно провозгласил волшебник спустя несколько минут. — Воистину, Духи Пустыни услышали мои мольбы! Именно они, могучие и несравненные в величии своем, вернули варварам-древопоклонникам самого наимерзейшего из них!.. Ах, как я был бы рад скормить демонам его печень, — кровожадно, но, увы, издали, проворчал Кадик, наблюдая за Октавио Громдевуром. — Но каждому успеху — свой час, и я еще подарю Духам Пустыни его гнилые кости! Обещаю!

Ученик сделал соответствующее случаю понимающе-сочувствующее выражение лица. Во время неудавшейся попытки Эль-Джалада отвоевать Южный Шумерет, когда Кадик ибн-Самум внезапно открыл для себя, что генерал варваров Октавио Громдевур является реинкарнацией какого-то особо вредного божества, Далхаддину было десять лет, и воспоминания о сражениях былых времен исчерпывались для него байками, которые рассказывали старший брат, два дяди и прочие родственники. Причем уже тогда Далхаддин догадывался: раз родственники рассказывают о подвигах, а сами, заслышав о приближении любого человека в официальном халате, прячутся — значит, не подвигами прославились дядья-братья, а, скорее всего, дезертирством.

— Я, скудоумный, еще сомневался и осмелился гневаться на Духов Пустыни, когда услышал о возвращении этого шакала, — продолжал Кадик. — Но теперь-то передо мной открылся их истинный замысел: Духи Пустыни вернули эту демонову отрыжку, чтобы помочь нам в грядущей победе! Теперь-то, когда весь Кавладор погрязнет в разлагающем души и тела разврате, нам никто не помешает раздавить мерзких ллойярдцев! — старик засмеялся. Так как выглядел Кадик ибн-Самум на все свои почтенные годы — то есть был очень сухим, сморщенным, как мумия, дочерна загорелым, согнувшимся от тяжести огромного парчового тюрбана и роскошного халата с соболиными хвостиками, — смех у него был соответствующий: хриплый и

прерывистый. Далхаддин даже иногда побаивался, что старик когда-нибудь захлебнется собственным хехеканьем и, да не допустят Духи Пустыни, помрет…

— А за нашими "сырыми гостями", да выклюет вороньё их нечестивые глаза, ты смотрел? — строго потребовал отчета волшебник. Ученик тут же поспешил ответить, что — да. Пытался.

И в доказательство своих слов прочитал заклинание и перенастроил зеркало.

— Только мэтры из Восьмого Позвонка создали защиту от магического наблюдения над своим лагерем, — прокомментировал Далхаддин темно-серые силуэты на фоне расплывчатых очертаний палаток и походных шатров. — Ничего не видно…

— Сам вижу, что не видно! — возмутился Кадик. — И что, ты предлагаешь мне удовлетвориться этим ответом?! "Ничего не видно"! Если ты не умеешь пользоваться глазами, значит, они тебе не сильно-то и нужны, — с угрозой проскрипел старик и в его левой, свободной руке начало собираться неприятное темно-фиолетовое облачко. — Какие ж глаза тебе вставить? Грифа? Варана? Кобры? Или, может быть, ты не в глазах новых, а в мозгах пособразительнее нуждаешься?..

— Господин! Не губите! — взмолился Далхаддин, падая на колени. — Умоляю! Дозвольте мне сделать еще одну попытку! Смилуйтесь! Я пойду и сам лично буду шпионить за ллойярдцами! Узнаю все их секреты! Дозвольте мне служить вам верой и правдой, господин!

— Что ж, иди, раз сам вызвался, — с неохотой согласился Кадик. — Но смотри, если не узнаешь того, что мне нужно — я… — и фиолетовое облачко, сжатое сухим старческим кулачком, вдруг лопнуло, оставив вокруг себя тошнотворный запах гнили и тления.

— Я выполню все ваши приказы, господин! — с поклонами и обещаниями отступил к выходу перепуганный ученик. Нет, уж лучше пусть старик дерется палкой, чем показывает свои волшебные фокусы…

— Да, и замаскируйся как-нибудь, — устраиваясь перед волшебным зеркалом поудобнее, напомнил Кадик ибн-Самум. — Чтоб тебя ни вражеские, ни наши патрули не заметили…

— Как прикажете, господин, — не стал спорить Далхаддин-Улитка.

Одной из милых странностей старейшего и самого могущественного из магов Эль-Джалада было убеждение, что сейчас вокруг Хетмироша бушевала война. Кажется, магическая — Далхаддин сделал этот вывод, поскольку чаще всего Кадика

«пробивало» на построение защитных чар вокруг оплота магов. Но иногда волшебник заговаривался и начинал подготавливать ритуалы, целью которых были уничтожение легионов противника или чума (холера, тиф, почесуха, колики, косноязычная картавость), насылаемая на вражеского военачальника. Так или иначе — Кадик ибн-Самум жил в какой-то своей, особенной вселенной, каждое утро в которой начинается с ревизии побед или военных потерь.

Правда, учитывая, что каждый эмир, кроме ныне здравствующего Джавы (да правит он три сотни лет), считал своим долгом отобрать у соседей хоть одну деревню, городок или шахту — Кадик был не так уж и не прав. Просто… Годы взяли свое, и превратили для него столетия мира, перемежаемые краткими годами войны, в одну бесконечную войну… которая иногда затихала настолько, что казалась миром.

Больше всего Далхаддина удивляло, как это учитель дал согласие на то, чтобы изменить традицию выборов Покровителя Года. Уже два, если не три тысячелетия в месяц Посоха маги и звездочеты трех стран — туманного западного Ллойярда, зеленого плодородного Кавладора и юго-восточного пустынного Эль-Джалада, — собирались, читали Знаки Судьбы, всматривались в грядущее и объявляли, какое существо берет под свое заботливое крыло (или, тоже очень частый вариант — лапу) мир людей, эльфов, кентавров и гномов. В последний раз всё пошло наперекосяк — предсказатели из Восьмого Позвонка явно «прочитали» в расплавленном гадательном воске фигуру лебедя; да и иберрские звездочеты, которым было дано право совещательного голоса, увидели фигуру огромной летящей птицы в рисунке созвездий… Да, но почему — Черного? Почему именно Лебедь, а не, допустим, журавль, который прилетает переждать зиму на побережье Пентийского моря? Почему не дракон — из тех, кто живет в Южном Шумерете или Великой Пустыне, то есть — наш зверь, эль-джаладский?! Почему это покровителем года выбрали ощипанного гуся из болот Ллойярда?!

Так, слово за слово — и Далхаддин, присутствовавший на совещании высших волшебников в качестве самостоятельно передвигающегося предмета меблировки, едва не оказался на той самой магической войне, которой грезил наяву его учитель. Сдержаться и не выдать на-гора пару-тройку сверхмощных заклинаний и мэтру Мориарти, и мэтру Фледеграну, и друиду Закарваусу, не говоря уже о вспыльчивых цинцах и эль-джаладцах, стоило великого труда.

Потом у кого-то — кажется, у мэтра Аэлифарры, или у того же Мориарти — родилась идея. А почему бы не дать Судьбе шанс

проявить себя открыто? Пусть подаст знак и отметит — причем прилюдно, не скрываясь, — кого из магических созданий она считает достойным покровительствовать следующему году?

Мысль была настолько новой и оригинальной, что сразу вызвала восторг у большинства присутствующих. Более того — Кадик ибн-Самум не стал плеваться и, по своему обыкновению, призывать Духов Пустыни пожрать того нечестивца, который осмелился демонстрировать свою глупость, — а наоборот, поднялся, опираясь на плечо Далхаддина, и с вежливой улыбкой пригласил организовать выборы Покровителя Года в их Великой Пустыне.

"Пустыня мигом расставит всё на свои места," — ехидно прокомментировал учитель чуть позже, когда они с Далхаддином вернулись в Хетмирош, — "Пустыня не прощает ни глупости, ни самодовольства, ни грёз о величии. Пустыня пожрёт наших врагов, и тогда они поймут, насколько глупо было бросать нам вызов!"

О предстоящем состязании в Магическом Искусстве Кадик ибн-Самум высказывался так пространно, искренне и прочувствованно, что Далхаддин-Улитка некоторое время задавался вопросом: неужели во всем мире найдется хоть один человек (кентавр, гном, потомок эльфа — неважно), который всерьез отнесется к предложению эльджаладского волшебника? Ведь даже глупой козе его, Далхаддина, троюродной бабушки понятно — Кадик ибн-Самум приглашает в гости, только если готов отравить "дорогих гостей"… А уж их давние счеты с мэтром Мориарти…

К изумлению Далхаддина, в байку о Честных Соревнованиях Магов поверили многие. "Добром это не кончится," — решил для себя ученик волшебника. Но делать было нечего, и он отправился шпионить за прибывшими в Пустыню два дня назад ллойярдцами.

Хетмирош не был замком в красивом и величественном смысле этого слова, не был и крепостью, если воображение отказывается представить крепость без стен, башен и прочих укреплений. Правильнее всего было бы назвать Хетмирош городом (а если быть честными до конца — то и деревней), рыхлым холмом возвышающимся у Великой Пустыни. В отличие от Восьмого Позвонка или Лаэс-Гэора Хетмирош никто не возводил — он возник сам, в трех лигах от Ильсияра, за многие столетия, в течение которых звездочеты, чародеи и колдуны искали уединения и места средоточия Силы. Волшебники селились на холме, на склоне которого бил родник с чистой водой; постепенно к ним присоединились ученики, а где ученики

— там и слуги, сарайчики для осликов и верблюдов, домики для жён — куда ж без них, небольшие палаты для приезжих — ведь все эти гороскопы, заклинания и амулеты рано или поздно должны найти своего хозяина. Так, постепенно, на холме вырос большой человеческий муравейник; на вершине — каменный дворец, в котором происходили совещания сильнейших волшебников Эмирата и который считал своей личной собственностью древний старец Кадик ибн-Самум, чуть ниже — башни и лаборатории магов, еще ниже — дома для учеников, жен и прислуги, еще ниже — все остальные…

Как уже говорилось, от Хетмироша до Ильсияра было три лиги пути, практически безлюдных, если не считать нескольких еле живых лачуг бедняков и старого полуразвалившегося дома, считавшегося нечистым, злым местом (поговаривали, что там живет чудище-людоед).

К великому удивлению Далхаддина, спустившегося с вершины холма, он увидел, что всё это пространство перемигивается редкими огоньками походных костров. Да-а, кто ж знал, что в мире столько легковерных…

Вообще-то, слухи, что начиная с месяца Горы в Ильсияр потянулись будущие участники магических состязаний, до Хетмироша доходили и раньше. Однако Далхаддин, считая себя образованным человеком, отказывался представить себе истинный размах предстоящего состязания. Подумать только, да здесь столько народа, что хватит основать еще один Хетмирош!

Что примечательно — и в самом Эмирате нашлись умники, по-своему истолковавшие правила грядущих соревнований, верно заметив, что никаких особых условий, какими магическими или сверхъестественными качествами должны обладать бегущие наперегонки твари, нет. А значит, и обыкновенные лошади, верблюды, ишаки и даже куры-несушки вполне могут стать Покровителем следующего года. Правда, если сумеют пережить недельное пребывание в Великой Пустыне. Поэтому торговцы бегающим, лающим, летающим и блеющим товаром со всего Эль-Джалада и ближайших земель тоже потянулись в Ильсияр, вызвав небывалый ажиотаж на местном рынке.

Поговаривали, что кто-то из вельмож Вечного Императора пообещал пригнать для участия в соревнованиях лучших жеребцов из своего племенного табуна, а несколько купцов из Бирмагутты наоборот, решили никуда не уезжать, пока их главное транспортное средство, огромный серый слон, не раздавит всех конкурентов и не научит уважать себя, великолепного.

После небольшого размышления Далхаддин пришел к

выводу, что среди погонщиков скота и варваров-пришельцев его лиловый халат, расшитый звездами, будет слишком бросаться в глаза. Кто знает, может, среди пришлого люда найдется кто-нибудь, разбирающийся в традициях обучения эльджаладских волшебников, и поймет, что три серебряные звезды означают, что данный ученик свободно владеет тремя дюжинами заклинаний, а одна золотая звездочка — что достиг заметных (по мнению старших магов) успехов в одной из классических дисциплин. Для Хетмироша самыми почитаемыми отраслями Магического Искусства считались изготовление големов, предсказания, заклинание Духов Пустыни, общение с мертвыми и демонология, — увы, успехи Далхаддина в вышеперечисленных искусствах были весьма скромными. Но у него был несомненный талант, который оценили еще в детстве, когда всей деревней собирали медяки, чтобы послать Далхаддина магам в ученики — он чуял воду. Для жителей Великой Пустыни этот Дар был великим благом, которым могли похвастаться далеко не все волшебники, и которые дали право Далхаддину на маленькую золотую звездочку, вышитую на плече.

Еще четыре таких же звезды — и он будет считаться полноценным, самостоятельным волшебником. Ну, если не удастся поразить старейших магов своими талантами — то хотя бы еще девять серебряных звезд. Как говориться — есть куда приложить свои таланты и усердие…

Далхаддин-Улитка заглянул в небольшой караван-сарай на окраине Хетмироша и за горсть медяков обзавелся послушным осликом и получил в придачу "одеяние варвара". Хозяин караван-сарая предлагал кольчугу и меч, но осторожный от природы ученик выбрал наряд мирного, как уверял ушлый купчина, обитателя северных земель: черный… хмм… как бы халат, но застегивающийся на пуговицы, со строгим подступающим к горлу воротом и обилием кармашков в широких рукавах и длинных полах. Выучив, что наряд называется «мантия», и что его носят, по странному совпадению, ученики варварских магов, Далхаддин сел на ослика и потрусил в стан потенциального соперника. На разведку.

Путешествуя в сторону Ильсияра, мимо разбитых на каменистой земле палаток, блеющих стад, небольших табунов, фургонов, карет, мимо костров, где звучала речь на нескольких языках, Далхаддин не уставал удивляться разнообразию и величию мира, в котором он, оказывается, жил. Воистину, велики и милосердны Духи Пустыни — создав собственное царство бесплодных песков и злых ветров, они дозволили всему остальному миру жить своим умом… Зрелище, как несколько

кентавров помогают своему друиду вырастить у дороги маленькую зеленую полянку, вызвало у Далхаддина острый приступ зависти — эх, ему бы так научиться! И одновременно, ученик испытал тоску — этих бы друидов, или хотя бы их заклинания, да в его бывшую деревню, какие бы урожаи можно было бы собирать…

Лагерь, разбитый магами Ллойярда, "сырыми гостями", как желчно прозвал их Кадик ибн-Самум, выделялся порядком и организованностью. Четыре высоких парадных шатра — явно приготовлены для старших магов; несколько палаток попроще, но все — выстроившиеся строгими рядами. Одна, две, три… Далхаддин насчитал полторы дюжины закрытых от посторонних глаз заклинаниями клеток, от больших, рассчитанных на сфинкса или пустынного льва, до маленьких, подходящих для какой-нибудь совы или другой средней величины птицы. Несколько лошадей плюс два крупных лошадиных скелета, привязанных чуть поодаль, мирно похрупывали овсом.

Вокруг шатров суетились люди — главным образом, по направлению к благоухающему вкусной снедью котлу; у клеток несли дозор зомби, слуги — и живые, и мертвые, разносили вечернюю похлебку запертому в клетках зверью. Далхаддин успел порадоваться, что хозяин караван-сарая ему не соврал, действительно, несколько ллойярдцев щеголяло в похожих на его собственную черных мантиях, а потом заметил, как у входа в один из парадных шатров мелькнул профиль мэтра Мориарти.

Осторожно, крадучись, Далхаддин начал продвигаться в ту же сторону. Спустя некоторое время ученик оказался под шелковой «стеной», упал наземь, и, до предела напрягая слух, попытался подслушать, о чем беседует главный ллойярдский волшебник и… да, эту женщину он уже видел раньше, — мэтресса Вайли.

— Успокойся, моя дорогая, — вежливо и мягко увещевал мэтр Мориарти чем-то расстроенную коллегу, — Ничего страшного не случилось. Отрицательный результат — и ты прекрасно знаешь об этом, — это в нашем деле тоже результат, и порой весьма желательный…

— Легко тебе говорить, Мор, — наморщив носик, будто собираясь плакать, ответила мэтресса Вайли. Впрочем, слез на ее глазах не было — был жадный азарт, ибо непосредственно в поле зрения магессы стояло огромное блюдо с халвой, орешками, отборными финиками и сладкими коржиками. — Это ведь не тебя пытались ограбить! Подумать только, какая наглость! Через несколько часов после моего отъезда, буквально у меня на глазах! Нет, ну какая наглость! — еще раз возмутилась Вайли и решительно атаковала сладкую гору, возвышающуюся на

блюде. — И, что самое паршивое, заклинание на грабителей почему-то сработало с опозданием… Если бы не защита от телепортации, я бы успела перехватить вора на месте преступления, а так — пока я переправилась обратно в Ллойярд, пока растолковала глупому Йори, что мне срочно надо домой, пока он меня узнал…

— Да, надо будет пересадить Йори мозги посовершеннее, — согласился мэтр Мориарти. В отличие от своей прожорливой коллеги, он ограничился бокалом вина. Подслушивающий Далхаддин жадно втянул ноздрями дух жидкости — она, как он и подозревал, оказалась отменным терпким, бодрящим вином с иберрских виноградников. Вообще, как отметил эльджаладец, "сырые гости" устроились с комфортом: в шатре стояла тяжелая резная мебель темного дерева, походная кровать мэтрессы была убрана яркими коврами, на полу расстелены несколько шкур, хрусталь на столе, опять же, вино…

Погрузившись в медитативную сосредоточенность, Далхаддин еще раз *вчувствовался в* ауру напитка мэтра Мориарти. К насыщенному винному цвету примешивались чуть заметные горько-желтые и глухо-темные нотки эликсиров и зелий, притаившихся в шкафчике у противоположной стороны шатра — нотки резкие, незнакомые, а потому чуть не приведшие к провалу миссии: от непривычного ощущения ауры эльджаладец громко всхлипнул-всхрапнул, прощаясь с пережитым трансом и возвращаясь в привычную реальность.

И почти сразу же услышал чуть позади себя, у противоположного шатра, громкий чих, который чуть не принял за свой собственный.

— Что это? — насторожился мэтр Мориарти.

— Запеченный сыр, — пробормотала с набитым ртом Вайли. — С изюмом, курагой, сливами… Хочешь?

Вместо ответа некромант сделал резкий жест рукой, будто рисуя в воздухе круг, и Далхаддин *увидел*, как по направлению к нему побежали темно-зеленые магические тяжи.

Он резко подскочил и, насколько мог, прикрылся "щитом Айи" — магические линии разбились о преграду из сырой глины, выросшей между ними и учеником Кадика ибн-Самума.

— Шпион! — закричала Вайли, почувствовавшая чужое колдовство. Мэтр Мориарти, не тратя времени на пустые слова, в доли секунды подготовил и бросил следующее заклинание, вспыхнувшее зеленым светом и ясно обозначившее на фоне вечернего сумрака фигуру улепетывающего со всех ног противника.

Сказать, что Далхаддин перепугался до смерти, было бы не совсем верно. От природы осторожный, да еще привыкший к взрывному характеру и вечной боеготовности учителя, он уже давно перестал реагировать на всякие там смертоносные заклинания, даже направленные против него лично. Спасибо Духам Пустыни — прятаться он умел, закрываясь глиняной коркой "щита Айи" или даже спешно телепортируясь — не далеко, всего лишь на расстояние дюжины локтей, но этого обычно хватало, чтобы сбить преследователя с толку.

На этот раз всё вышло как-то на редкость суматошно и… и очень даже неудачно: практически сразу, отбегая от шатра, Далхаддин столкнулся с кем-то низкорослым; буквально перелетел через него, не сумев удержать равновесие, чуть не попал в костяные руки прибежавшего на зов Мориарти скелета, а потом… Потом всё стало еще хуже: ллойярдцы бросили в убегающего ученика проклятие немощи, от которого он едва успел прикрыться своим уродливым, неполноценным "щитом Амоа", а потом и вовсе натравили на Далхаддина огромных скелетов — защищенных чарами и вооруженных тяжелыми дубинками.

Ученик подхватил полы мантии и побежал, не различая дороги, впопыхах творя телепорты — свои, ученические, всего-то на дюжину шагов, но заставляющие преследователей метаться из стороны в сторону, сбивая стоящие на пути палатки, врезаясь в клетки и пугая живых обитателей лагеря.

— Наш друг криомант? — уточнила Вайли, наблюдая с порога своего шатра, как идет погоня.

— Не думаю, — прищурившись, Мориарти просканировал ауру беглеца. — Ты видела его "щит Амоа"? он должен быть ледяным, а если сей назадачливый шпион — действительно тот самый криомант, «пошаливший» на кладбище Уинс-тауна, то его лёд должен быть подлинно смертоносным. А у нашего любопытного незваного гостя щит расплылся водяным потоком. Похоже, это какой-то ученик, имеющий склонность к Третьему Природному Началу. Хотя, весьма вероятно, гидромант и криомант действуют заодно. Интересно, что им от тебя нужно?

— Какая разница? — пожала плечами Вайли. Она вышла из палатки и что-то искала на земле, под стенками шатра. — Они всё равно ничего не получат!

Волшебница, наконец, обрела искомое — отчетливый, ясно различимый след, оставленный беглецом на сырой глине. Мрачно ухмыльнувшись, мэтресса Вайли прочитала над следом заклинание, пристукнула посохом, заставляя землю мгновенно высохнуть, расступиться и выпустить на свободу стайку

скорпионов — на сей раз больших, темно-коричневых, буквально прозрачных от наполнявшего их яда.

Агрессивность членистоногих была различима даже в темноте; они взяли резвый старт и побежали, стараясь держаться плотной стайкой, в сторону, куда уходила погоня за горе-шпионом.

Второй шпион, которому сегодня вечером откровенно повезло, дождался, когда мэтру и мэтрессе надоест вслушиваться в шумы переполошенного охотой десятка энбу за неизвестным лагеря. Убедившись, что Вайли вернулась к своим сластям, а Мориарти — сидит в ее шатре, читает очередной магический манускрипт и потягивает вино, карлик осторожно выбрался из соседней палатки, куда он залетел после резкого столкновения с эльджаладцем.

— Интересно, что эльджаладцам-то тут понадобилось? И почему он в алхимической мантии? — спросил себя карлик. — Хотя что это я, вдруг опустился до подобных глупостей? Какая разница — что, почему и зачем, главное — как мне выкрасть череп Генри фон Пелма!

Длинные пальцы карлика пробежались по ряду пуговиц-артефактов, потом перебрали содержимое кошелька. Наконец, шпион добрался до круглого стеклышка на самом дне кармана, вставил его в глаз и с чувством выругался: оказывается, шатёр мэтрессы Вайли был весь, от волочащегося по земле края до верхнего шпиля, укрыт пологом из магических чар. А «читающий» мэтр Мориарти вплетал новые и новые заклинания, делавшие простую операцию "войти, взять и выйти" практически невыполнимой.

На этот раз карлик даже не стал объявлять о своей ненависти к поручениям "пойди туда, не знаю куда, и принеси мне мое кольцо", к рыцарям, прячущим сокровище в недоступном тайнике, к предусмотрительным некромантам и дурам-наследницам, раскидывающихся черепами предков. Он просто зарычал, негодуя от растерянности и собственного бессилия, и стал напряженно обдумывать выход из создавшегося положения.

Старый полуразрушенный дом вздрагивал от стука гномьего молотка. Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл критично и добросовестно оценила строение с точки зрения гномьего и человеческого комфорта, нашла его весьма многообщеющим, и вот уже вторые сутки всячески улучшала. Вручив малышу Фри-Фри метлу и поручив разобраться с песком и мусором на полу первого этажа, оставшимися после муравьев и прочих подручных виговых созданий, сама гномка решительно ремонтировала

лестницу, когда-то соединяющую первый и второй этажи. Всё тот же Фри-Фри помогал Напе разметить балки, доски и лаги, чтоб отремонтировать второй этаж, подавал мастерице гвозди, страховал во избежание падения, оценивал, не надо ли сделать ступеньку чуть повыше или ниже — одним словом, Напа Леоне и Фриолар встретили свой первый вечер в пустыне погружением в хозяйственные хлопоты по самую макушку.

Мэтр Виг и мэтресса Далия разобрались с делами максимально кратко, продемонстрировав единственно верный научный подход к их организации: просто сложили весь скарб путешественников в большую неустойчивую пирамиду посреди старого дома. Теперь маг и алхимичка сидели среди хозяйственной суеты — причем Далия, еще не проникшаяся доверием к месту, где совсем недавно обитал сухопутный восьминог, сидела на собственном сундуке, поджав ноги и подобрав края мантии, — и сосредоточенно наблюдали с помощью волшебного зеркала за праздником в Королевском Дворце. Иногда Виг и Далия обменивались репликами — например, что-то при королеве Сиропии не видно ее придворного мага — где, спрашивается, мэтр Адам? Уж не переправился ли он в Ильсияр, умножать подлую противовиговую конкуренцию? Также не осталось не замеченным отсутствие придворного мага Аэлифарры при особе иберрского короля, и тот факт, что король Мирмидон из Буренавии появился в Талерине с каким-то крайне молодым, еще безбородым мэтром, охотно развлекавшим гостей частичной трансформацией в снежного тигра и обратно.

— Пижон, — мрачно отреагировал мэтр на вопрос Далии, а умеет ли он также превращаться в зверя и обратно. — Мне что, мой истинный облик не дорог? Хотел бы я посмотреть, как этот выскочка колдует в состоянии трансформации! И вообще, не верю я этим новомодным заклинаниям…

— Да уж, мэтр, вы специалист по хорошо забытому старому, — подколола алхимичка.

Взятые волшебником из Башни еноты и белки старательно убирали пыль и остатки восьминожьей «паутины» со стен, Напа чинила лестницу, Фриолар пытался приладить ставни, чтобы закрыть пустые проемы окон от ночного ветра, уютно поблескивал угольками очаг, на котором пыхтел ужин путешественников… Далия сочла, что обстановка достаточно умиротворяющая, отвлеклась от созерцания свадебного пира и достала из рукава мантии список тревог Вига.

— Мэтр, я тут почитала ваши… хмм… откровения, — осторожно начала алхимичка. — И обнаружила кое-что весьма интересное.

— Правда? — удивился мэтр. — А я вот сколько лет себя знаю — как-то привык, что я маг обычный, тихий, мирный…

— Кстати, мэтр, сколько вам лет? — уточнила Далия.

— Не помню, — отмахнулся Виг. — Да и зачем мне такую ерунду в голове держать?

— Ну, например, чтобы составить гороскоп — очень многие так поступают, чтобы избежать нежданных напастей.

— Фр, какая дурь! — возмутился волшебник. — Я астрологов с детства на дух не переношу, а чтобы слушать их бредовые предсказания — такого в жизни не будет!

— А кто-нибудь из ваших друзей или родственников, — не сдавалась Далия, — может помнить дату вашего рождения?

Виг задумался. Почесал жезлом от волшебного зеркала в затылке.

— Кто бы это мог быть… У Аниэль даже в годы нашей молодости память была хуже, чем у меня, с Аэллиасом и Пугтаклем мы пили, но на дни рождения друг друга не звали, это ж замучаешься, годы эльфа, да еще мага, считать… Фледегран меня моложе, Панч и Адам — вообще сосунки, откуда им знать, когда я родился… А почему ты спрашиваешь?

Далия указала на список:

— Вот, смотрите, мэтр: под номерами семьдесят шесть, сто девяносто и двести четырнадцать стоит как возможная причина ваших тревог "А вдруг кто-нибудь закажет меня по гороскопу". Понимаете? Теперь, когда мы выяснили, что дата вашего рождения практически никому не известна, мы можем смело вычеркивать все эти тревоги из списка!

— Хитро, — признал Виг. Потом спохватился: — А что, если вдруг кто-то знает? Вдруг кто догадается у моей жены спросить?

— Разве вы женаты, мэтр? — спросила Далия и быстро-быстро начала искать что-то в списке.

— Вдовый я, — четко ответил Виг. — Похороны своей дорогой и ненаглядной хорошо помню, как будто вчера были. Помню и то, что сразу, еще на свадьбе, ее предупредил — любим друг друга, пока смерть не разлучит нас. Разлучила — всё, договор выполнен и на изменивших жизненный статус супругов не распространяется…

Далия почти не слышала бормотания волшебника, она нашла нужную запись и едва ли не подпрыгнула от радости:

— Вот, мэтр, смотрите! Номера шестьдесят один, сто двадцать, двести тринадцать, триста четыре и так далее! "А вдруг жена узнает о моих встречах с Паулиной", "с Жанетт", "с Аниэль", "с Зарой"… Мэтр, а вы шалун, оказывается!

— Был грешен, — с самодовольной улыбкой ответил Виг. —

Ах, где мои пятьсот с хвостиком! Вот, например, этот самый дом. Я его купил специально, чтобы дочки не гвоздили меня вопросами, куда я ухожу, с кем встречаюсь, да кого собрался приводить в дом, — честно говоря, жениться мне второй раз не хотелось. А здесь Зара чувствовала себя хозяйкой. Как сейчас помню — красивая была женщина, домовитая, приветливая. Цветы любила, я даже во Фносс к Ксанту бегал, чтоб только ее чем-нибудь порадовать…

— Значит, дочери у вас все-таки были, — уловила Далия рациональное зерно в пространных виговых воспоминаниях и снова бросилась перелистывать список.

Вдруг волшебника осенило. Он судорожно захлопал себя по карманам.

— А где..?

— Где — что?

— Где все мои обереги? — перепугался маг.

— У меня в сундуке. Я на всякий случай прихватила из Башни, — честно ответила Далия, заражаясь его паникой. Подскочив, она открыла свой багаж; мэтр юркнул в нутро сундука, вытащил старый засохший букет и, потрясая им как волшебным жезлом, счастливо вскрикнул:

— Вспомнил! Вспомнил! Я эти цветы Заре собирался подарить!.. Да, а почему не подарил? — нахмурился мэтр, снова погружаясь в пучину своей избирательной памяти.

Мэтрессу Далию вдруг молнией поразила жуткая догадка:

— Мэтр, а ту мерзкую многоногую тварь вы поселили в этом доме *до* вашей встречи с Зарой, или, может быть…?

— Намного позже, — отмахнулся Виг засохшим букетом. — Она ж от меня замуж к кому-то в Хетмирош сбежала, неверная и коварная женщина… Половину моих секретов своему мужу выболтала, вот и пришлось оберегать свои владения и прочие секреты подручными средствами. Потом, когда Эль-Джалад в очередной раз воевать с нами задумал, этот домик нам с Пугтаклем пригодился — эльф, хоть и лоботряс порядочный, оказывается, сражаться умеет… — И волшебник с выражением задумчивой рассеянности бросил раскрывший свой секрет сигнальный оберег в очаг. Далия хотела было возмутиться, но Виг объяснил: — Я делал амулет на случай, если Зара вдруг передумает и решит ко мне вернуться. Видать, все-таки передумала. Но не вернулась — ну так и демоны с ней. А ты, оказывается, неплохо умеешь колдовать! — во взгляде старого волшебника, которым он наградил девушку, проскользнуло что-то похожее на уважение. — Конечно, по-своему, по алхимически, но, оказывается, зря я всех алхимиков недоделками считал.

— Совершенно зря, мэтр, — подтвердила Далия. И собралась демонстрировать свои сапиенсологические таланты дальше, как неожиданно взвыл один из прихваченных из Башни енотов.

Волшебник поспешил успокоить переполошившуюся алхимичку:

— Не волнуйся. Что означает данный конкретный сигнал, я прекрасно помню: кто-то подбирается к нашему дому.

Внезапно затявкала, сверкая резко пожелтевшими глазками, белочка, разбиравшаяся с пылью, скопившейся над окном.

— О, — поднял палец маг. — Нежданный пришелец — маг. Где мой посох? Сейчас я его встречу, сейчас мы поговорим о своем, о мажьем, сейчас он у меня получит, мерзкий подлый шпион…

Решительно настроенный волшебник, постукивая магическим посохом, а следом за ним — переполошившаяся Далия, собравшийся пресекать возможное смертоубийство Фриолар и настроенная не упускать живых свидетелей Напа — выбежали из дома во двор.

Через забор, переживший века исключительно благодаря хлопотам местных жителей, иногда укреплявших его с *наружной* стороны, медленно, с усилием, переваливался молодой человек, одетый в черную алхимическую мантию. В первый момент Далия подумала — вот, она же предупреждала Напу, что алхимиков в пустыне подстерегает тысяча опасностей; во второй, когда Виг подбросил в воздух светящийся магический шар, сапиенсологиня заметила редко встречающуюся среди коллег прическу (очень короткая стрижка и тонкая, буквально из десяти волосков, косичка на затылке), смуглый цвет лица… Третьим итогом наблюдений был напрашивающийся вывод, что молодой человек сейчас умрет: или рассердившийся Виг прибьет его посохом, или… или… по какой-такой причине нежданный гость тяжело дышит, плюется белой пеной и закатывает глаза?

— Мэтр, что с ним? — испуганно спросила Напа. Фриолар уже подбежал к рухнувшему без сознания «алхимику», пощупал пульс и с коротким воплем откинул прочь обнаружившегося в складках чужой мантии скорпиона.

— Что-что, — буркнул мэтр, не спеша подходить ближе. — Это ж даже без магии понятно: скорпионы его покусали. Сейчас помрет…

— Мэтр, спасите его! — попросила Далия.

— Зачем это?

— Из человеколюбия, — хором ответили Далия и Фриолар. Впрочем, секретарь волшебника, прекрасно осведомленный о том, какого невысокого мнения Виг о человечестве, поспешил

уточнить:

— Мэтр, неужели вы хотите разбирательств с местной полицией по поводу чужой смерти? Вдруг подумают, что его ваши скорпионы покусали.

— Вот еще! — фыркнул Виг. — Да пусть сперва докажут! Я, если хотите знать, никогда на таких мелочах не попадаюсь — мои скорпионы кусаются змеиным ядом, а змеи — плюются кислотой, как гидры…

— А потом, — продолжил Фриолар. — Неужели вам неинтересно, кто и чего ради бродил по пустыне близ вашего дома?

— Это-то как раз понятно, — хором ответили Далия и Виг. Переглянулись, и мэтресса продолжила: — Судя по внешности — он местный, а раз маскировался под алхимика — значит, шпионил…

— А значит, пусть мрёт, не жалко, — подытожил Виг.

— Я как раз хотела сказать, — возразила Далия. — Что, раз он шпион — пусть поделится с нами своими наблюдениями. Ведь вы со мной согласны, мэтр Виг? Надо его вылечить, а потом Фри-Фри и я с ним побеседуем, и он сам не заметит, как выболтает нам свои секреты…

Коварный план алхимички старому волшебнику понравился. Он нехотя поднял посох, подошел к пострадавшему поближе и прочитал заклинание, изгоняющее из крови яд скорпионов — сопроводив действие краткой лекцией на тему, что вообще-то он не целитель, просто любой яд в хозяйстве рачительного мага может пригодиться…

— Если он откажется отвечать на ваши вопросы, — проворчал маг, наблюдая, как Фриолар заносит пострадавшего, едва живого «гостя» в дом, — *я призову* парочку огромных обезьян вам в помощь…

10-й день месяца Барса
Между Ильсияром и Хетмирошем

Травяной отвар был горячим и бодрящим; Далхаддин сделал глоток и зажмурился от удовольствия. Это, знаете ли, большое счастье — пить горьковато-кислую обжигающую жижу, наслаждаясь тем, что еще жив и вполне способен оценить, какая ж мерзость травяные отвары варваров-древопоклонников.

— А теперь скажи ему, чтобы заел зелье мёдом, — велела Далия. — Не знаю, правда, нужно ли, но чем больше целебных веществ он употребит внутрь, тем вероятнее выживет.

Фриолар перевел:

— Нынче отведайте меда, о уважаемый гость! Ибо лишь так

возможно наполниться жизненной силой и исцелиться от ран, полученных в пережитом вами ночном бою.

— О, луноликая! — взвыл Далхаддин, употребив предлагаемый продукт по назначению. Во-первых, он обрадовался, что снова может говорить — ибо зелье было настолько кислым, что скулы у несчастного пустынного жителя едва не связались до конца жизни. Во-вторых, темный, тягучий мёд был отменно хорош и совершенно не похож на те слипшиеся крошащиеся кусочки, которые Далхаддин видел на рынке в Ильсияре. А в-третьих, спасительница, взявшая на себя труд выхаживать искусанного скорпионами путешественника, действительно заслуживала всяческих похвал. — О, светлокожая! Если б Луна с неба сошла и увидела стан твой изящный, если б узрела, как темны твои очи и изнежена кожа, то устыдилась бы собственной тени! Тогда не видать бедным людям ночного светила отныне! Скройся, прекрасная, спрячь свое тело в глубоком колодце, ибо иначе весь мир распроститься с Луною!..

Слушая поток слов на языке жителей пустыни, Далия вежливо улыбалась и покачивала головой. Когда излеченный пришелец закончил длинную фразу, алхимичка поулыбалась еще какое-то время, потом коротко, но чувствительно, напомнила сидящему рядом Фриолару, что дама желает понять, о чем идет речь.

— Он советует скрыться тебе в колодце, — мстительно перевел Фриолар. — Дескать, иначе твой бледный вид смущает людей и ночное светило…

— Да? Надо же, — посетовала Далия. — Вот хам! А с виду такой приличный! На себя бы посмотрел — выжжен солнцем до черноты, что твоя головешка…

Далхаддин потянул переводчика за рукав и умолящим выражением лица дал понять, что очень хочет постичь, что ответила на его комплимент луноликая и прекрасная.

— Она говорит, что вас, уважаемый, должно быть, очень любит дневное светило, — «перевел» Фриолар.

Начинающий волшебник засмущался от похвалы и, скромно потупившись, ответил:

— Да, Духи Пустыни благоволят роду моего предка; наслав на меня скорпионов, они подарили возможность лицезреть воплощение истинной женской прелести! О, как я могу отблагодарить несравненную красавицу за ее доброту и заботу? За тот напито… э-э… мёд, который вернул мощь моему бедному телу?

Фриолар не отказал себе в удовольствии подвергнуть слова гостя небольшой редакторской правке — источником которой

было то соображение, что если бы не Далия и ее желание потворствовать Напиной копательной мании, мэтр Виг провел бы лето в своей Башне, уютной и безопасной, не заставляя секретаря обезвреживать чудивищ. И, между прочим, гонки только начинаются, и неизвестно, какие еще сюрпризы ожидают алхимика в Пустыне…

— Он говорит, что скорпионы, которые чуть не отправили его на тот свет — просто прелесть по сравнению с тобой. И спрашивает, чем тебя отблагодарить? Если позволишь высказать мое мнение — наконец-то парень созрел для конструктивных предложений.

— Конструктив — это, конечно, хорошо, но за намеки по поводу скорпионов он у меня еще попляшет, — чуть сузив глаза, пообещала Далия. Будь Далхаддин не учеником в Хетмироше, а студентом в Талерине, он бы знал, что подобный взгляд чреват на экзамене луноликой преподавательницы дополнительными пятью вопросами.

Увы, горе-шпиона подвела тысячелетняя традиция магов Хетпироша принимать в свои ряды исключительно представителей сильного пола: даже если бы Далхаддин успевал понимать замечания на беглом кавладорском, которыми обменивались Фриолар и Далия, ему просто не могло прийти в голову, что женщина может всерьез угрожать мужчине.

Да и за что угрожать-то? Подумаешь, не знал Далхаддин, что черный халат странного покроя, купленным им у торговца, в северных и западных землях носят лишенные магических способностей знатоки природы, языков и книг. Хмм… Если подумать, лишенные магических способностей образованные люди в Хетмироше тоже ценились — чуть меньше, чем красивая молодая жена, но всяко больше, чем обыкновенные гончары и сапожники…

Хотя, учитывая, насколько трудно сделать качественную глиняную заготовку для голема… Ладно, не будем преувеличивать. Но то, что хороший чтец, способный обучать детей грамоте, ценится больше, чем пьющий сапожник, — сомнению не подлежит (25).

Итак, Далхаддин, едва придя в себя, почувствовал неизъяснимую симпатию к прекрасной незнакомке, которая спасла ему жизнь, приютив в старом полуразвалившемся доме и излечив от скорпионьего яда. Поэтому он принялся всячески превозносить ее красоту, доброту и прочие прелести, попутно рассказывая о своем житье-бытье в Хетмироше под руководством великого Кадика ибн-Самума, не стесняясь преувеличивать, что для своего учителя он, Далхаддин — вернейший помощник,

можно сказать, правая рука…

Виг, который категорически отказался знакомиться со спасенным бедолагой из соображений "тсс! конспирации!" и который был вынужден замаскировать себя архисложными хамелеоновыми чарам(26), сидел на верхнем краю отремонтированной гномкой лестницы и внимательно подслушивал происходящий на первом этаже разговор.

Старик немного понимал наречие жителей Пустыни; он лишь усмехнулся, когда поощряемой любопытной алхимичкой незваный гость принялся рассказывать о мерах, которые маги Хетмироша собирались принять ради безопасности гостей и участников гонок выборов Покровителя Года. Когда Далхаддин, тая от внимательного взгляда алхимички, заговорил о том, что Кадик собирается использовать особое заклятие крови, чтобы исключить возможность жульничества со стороны участвующих в соревнованиях магов, подслушивающий Виг резко поскучнел, задумался и принялся крутить кончик бороды, явно раздумывая, а стоит ли ему ввязываться в *честную* драку…

Используя красоту в личных корыстных целях, Далия заполняла в блокноте страницу за страницей, подробно узнавая обычаи и традиции жителей Пустыни, цены на скот в Ильсияре, магические заклятия, которые использует Кадик ибн-Самум для обеспечения безопасности Хетмироша, любимую поэму Далхаддина, его любимый сорт дынь, время вызревания персиков в саду эмира Джавы, особенности ритуалов для вызова демонов и т. п., и т. д.

Когда же Фриолар, притомившись переводить метафоры и гиперболы цветистого языка восторженного эльджаладца, прибежал к Вигу жаловаться на чрезмерное любопытство коллеги, волшебник ответил, что "хороший волчок знает, у какой ярочки сладкий бочок" и посоветовал учиться у профессионала. Подобный высочайший уровень мастерства допросов, причем без использования раскаленного железа, дыб и купания в ледяной проруби, он, Виг, за всю долгую волшебную жизнь не встречал…

— О прекрасная сказка, чьи уста — словно амброзия, а очи подобны сияющим в ночи звездам! — от вострога Далхаддин говорил всё патетичнее и заковыристее. — Нежная верблюдица, дарящая тепло и свет каждому дому! Мне надо уходить, но я оставляю свое сердце в твоем доме! Пусть будут благословенны твои предки! — эльджаладец поклонился в ноги сурово нахмурившейся, сложившей руки на груди и постукивающей каблучком Напе. — Пусть будет удача твоему брату! — поклон Фриолару. — Пусть над твоим домом пройдет дождь, о прекраснейшая!..

— Еще скажи — да ударит в меня молния, — проворчала Далия.

Фриолар добросовестно перевел. Далхаддин немного удивился, но с охотой пожелал луноликой и молнии, если она того желает.

Когда счастливого, умиротворенного и подпрыгивающего от благостных чувств эльджаладца выпроводили за ворота (предложив заглядывать на огонек, отведать глоток воды из колодца и поделиться новостями из Хетмироша в любое удобное время), Напа уточнила:

— Я не совсем поняла, что этот парень говорил о верблюдах. Как верблюд может дарить свет и тепло?

— Понимаешь ли, Напа, — начал Фриолар издали и деликатно. — Как ты могла заметить, в пустыне много песка, но мало растительности… А топить чем-то очаг, чем-то согреваться — всем, даже пустынным кочевникам, хочется.

— Ага. И что? — все еще не понимала гномка.

— Он хочет сказать, — нашла нужную запись в своем блокноте Далия; на развеселившегося коллегу она посматривала строго. — Что стадо верблюдов при необходимости может заменить местным жителям дровяной сарай.

— Вот как? — удивилась Напа. — Надо же! Про то, что свинки ищут трюфели, я слышала, а что верблюды могут находить залежи каменного угля, даже не подозревала… Или они на нефть натасканы?

Фриолар засмеялся, получил от Далии чувствительный удар локотком и подтвердил: да, местные верблюды учены до ужаса…

Ллойярд, Орбурн
Мастерская Нокса Кордсдейла,
моей маменьке Нийе Фью
из клана Кордсдейл
Дорогая маменька!

Погоды в Эль-Джаладе жаркие. Сегодня, пока мы с Далией и Фри-Фри собирались на прогулку до Ильсияра, я перегрелась настолько, что стала подумывать, а не снять ли мне вторую кольчугу. Конечно, я этого делать не собираюсь, поэтому, во избежание вредных мыслей, попросила мэтра Вига сделать мне персональную систему охлаждения. Он наколдовал мне кусок льда под шлем — и что ты думаешь? Лед совершенно растаял за каких-то полчаса!

Правда, потом я думала, как мне отчистить кольчугу и металлические нашивки на куртке от возможной ржавчины, и на жару не обращала внимания.

Цены в Ильсияре кусаются, как стая нецивилизованных

оборотней в конце затяжной зимы. Фри-Фри, которому надоело, что все встречные мужчины требуют от него переводить их восторги Далии, купил для нашей алхимички амулет-переводчик аж за пятьдесят фаиров. Ужас! Грабеж средь бела дня!

Приценилась к верблюдам — может быть, если в кладе царя Тиглатпалассара найдется хоть десяток золотых монет, куплю вам с папенькой одного. Хотелось бы выяснить, чем отличаются верблюды, натасканные на поиск нефти, от обыкновенных домашних, от которых получают шерсть и навоз… Фри-Фри советует искать верблюдицу, нежную, как Далия, Далия советует искать самца с коэффициентом умности как у Фриолара, — и кто разберет этих человеков, смеются они или говорят серьезно?

В любом случае, я постараюсь как можно быстрее начать раскопки. Надо успеть прежде, чем эта несносная жара расплавит меня и мои доспехи…

П.С. Кстати, пока мы гуляли до Ильсияра и обратно, в лагере магического народа, собравшегося к началу гонок Покровителя Года, видела много забавных зверьков. Не таких забавных и хорошеньких, какого приготовил к гонкам мэтр В., но тоже ничего.

Хотя на что рассчитывают хитрецы, пригнавшие в Эль-Джалад стайку ташунов, я не поняла.

Где-то в провинции Триверн

Дорогая Напа!

Где бы ты сейчас ни была, очень прошу — возвращайся скорее. Твое наследство чувствует себя хорошо, чего нельзя сказать обо мне. Учти, перед тем, как в следующий раз оставить меня распоряжаться твоей ресторацией, тебе придется предусмотреть расходы на мазь от ссадин и ушибов. Или на цепи покрепче…

Одним словом, мы где-то под Тривернскими горами. Свинья разыскала восемь кладов (общей суммой на девяносто две золотые, сто двадцать три серебряные и четырнадцать медных монет) и две полуобвалившихся, заброшенных штольни. Местные пытались нас поймать, но пока у них ничего не выходит. Да и не родился еще тот Данкенхольф, который поймает Кордсдейла.

В любом случае — долго сторожить твою копилку от посещения золотых тривернских рудников и местных мастерских по обработке драгкамней я не собираюсь. Твоя свинья — твои проблемы, поняла, мелкая? Я так, только присматриваю… И за ресторацией, а не за твоим хрюкающим наследством.

Ньюфун на минуту отложил карандаш, чтобы почесать в середине бороды — и таким способом стимулировать приход очередного приступа вдохновения. Металлическая свинья-копилка чуть слышно хрюкнула, мелкими шажками

приблизилась, и, улучив момент, когда гном чуть отвлечется — поправить закрепленный на шлеме свечной огарок, — набросилась на последнюю оставшуюся в распоряжении Ньюфуна ценность — обломок карандаша.

— Клятая волшебная скотина! — заорал Ньюфун. Свинка отпрыгнула в сторону и нахально заявила: "Хогри-хок! Хогри! Хогри!"

— Да где ж у тебя глушитель, чтоб ты золото мое не жрала?! Как же тебя выключить?! — бушевал гном. Впрочем, подходить близко к имуществу своей сестрицы он опасался: свинья уже проглотила пряжку с левого сапога храброго Кордсдейла — в первую же ночь, когда Ньюфун заснул, опрометчиво привязав "транспортно-розыскное" средство на расстоянии всего лишь двух локтей от собственных подметок. Теперь бывшее имущество старого Дюши Кордсдейла охотилось за пряжкой с правого сапога и узорчатых металлических пуговиц на куртке гнома… — Как же я теперь напишу Напе, что с ее котом, да пожрут его демоны, всё в порядке? Ты об этом, кабанятина, подумала?!

— Хогри-хогри, — самодовольно ответила свинка.

— Саг'лиэ бъяу! — выругался Ньюфун. Посмотрел на недописанное письмо. — И как я теперь его отправлю? Да и вообще, — вдруг осенило гнома, — с чего это я пишу, что я в Триверне, когда, по официальной версии, я приглядываю за "Алой розой" в Талерине? Это все ты на меня так действуешь! Шпацех уэш! — гном замахнулся, явно намереваясь стукнуть копилку от всей возмущенной души.

Свинка как-то нехорошо обрадовалась, приоткрыла металлическую пасть, показывая ровные ряды металлических же зубов, и Ньюфун передумал.

— На, жри, — протянул он обрывок, на котором сочинял слезное послание сестрице Напе. Артефактная копилка с удовольствием приняла подношение. — Что, клятая волшебная скотина, наелась? Теперь поехали дальше… И куда эту малохольную деваху украли? — возмущался Ньюфун, забираясь свинке на спинку. — Очень надеюсь, что Кота Напиного пока никто не съел… Не то обидно, что отравятся, а то, что, получится, зря я на этой вражине магической всю задницу себе отбил…

Слабый огонек, едва живой от постоянных сквозняков, освещал ближайшие каменные стены — Ньюфун догадывался, что забрался в самые глубины Тривернских гор, что еще немного — и он станет первым в мире гномом, все-таки отыскавшим путь к Центру Земли. Перспектива первооткрывателя, учитывая, как настороженно относились кланы ко всяческим мертвякам и прочим неформатным обитателям подземелий, не радовала.

Ньюфун очень хотел бы выйти на поверхность, посмотреть на свежий воздух, еще больше — нормально пообедать, ибо бутерброды давно кончились, а в подземельях, как ни странно, ни харчевен, ни трактиров, ни просто пивнушек, не находилось. Да, иногда вдали мелькали крысиные хвосты — но разве успеешь поохотиться, когда тебя тянет за собой клятая магическая кабанятина?!

Да куда ж девчонка и ее хитрый Черно-Белый Кот пропали? Ньюфун уже был не рад, что согласился на просьбу сестры присмотреть за ее имуществом. Сейчас бы он, как все порядочные, мастеровитые гномы, спешил бы в Великую Пустыню, в город Ильсияр, подковывал бы разных магических тварей…

— Хогри-хогри-хогри-хок! Уиии! — радостно завизжала свинка, закладывая крутой вираж и выскакивая в очередной коридор.

VII. Фальстарт

Всем участникам магических состязаний по выбору Покровителя Года необходимо:

— Зарегистрироваться у Распорядителя соревнований, помощника главного судьи Ильсияра господина Иолинари (проживающего по адресу: Ильсияр, улица за колодцем Слезы Неба, д. 1)

— Предъявить господину Иолинари существо-претендента. Внимание! Существо предъявлять в его естественном виде, без маскирующих чар, без воздействия магических зелий и эликсиров, и без всяческих увеличивающих силу, скорость и выносливость амулетов.

— Заплатить сбор за право участвовать в состязаниях, равный девяти динарам, или пяти кавладорским золотым, или четырем с половиной ллойярдским голденам, или десяти буренавским рубликам.

— Дать клятву Честного Участника состязаний, для чего разыскать в Хетмироше или поблизости ученика Величайшего из Магов, Кадика ибн-Самума, Далхаддина. Ознакомиться с текстом клятвы можно у господина Иолинари или непосредственно у Далхаддина. Клятву подписывать собственной кровью, использование магических заменителей или другие способы подделки будут караться дисквалификацией.

Также дисквалификацией будут караться попытки заколдовать, отравить, украсть или иным способом навредить существу-претенденту, являющемуся собственностью другого участника; грубые нарушения порядка и спокойствия подданных эмира Джавы (да правит он три сотни лет!); разрушение, затопление, поджог или противоестественное использование чужой частной собственности, и прочее. Полный список причин, по которым Участника могут отстранить от участия в состязаниях, есть у господина Распорядителя. Но во избежание недоразумений предупреждаем сразу: ночной вой оборотней совершенно точно попадает под действие пункта о нарушении спокойствия и порядка в городе Ильсияре.

Также напоминаем, что любые попытки колдовать, угрожать, соблазнять, подкупать или иначе воздействовать на Распорядителя соревнований не допустимы и могут повлечь за собой штрафы, взыскания и дисквалификацию…

10-й день месяца Барса, после обеда. Ильсияр

Господин Иолинари был в восточных провинциях Эмирата

весьма уважаемым человеком. Во-первых, он был потомком почтенного рода — в разлапистой чаще его родословной заблудились двоюродные сестры пятой жены эмира Джавы (да правит он триста лет!), несколько весьма обеспеченных торговцев из Омара и Ильсияра, дворяне из Брабанса, купцы из Фносса и даже парочка эльфов. Во-вторых, он прослужил несколько лет писарем в эльджаладском посольстве в Аль-Миридо, еще пять лет — личным помощником Шестого Визиря Эмирата, и вообще считался специалистом компетентным и знающим. А в-третьих, главному судье Ильсияра, унаследовавшем этот высокий пост от своих предков, было восемь лет, и все более-менее важные дела по традиции передавались на рассмотрение помощника судьи, господина Иолинари.

Поводом для знакомства мэтрессы Далии и мэтра Фриолара с почтеннейшим господином Иолинари послужил досадный инцидент, случившийся средь бела дня на городской площади, прямо у колодца Слезы Неба.

Если выражаться языком официальных протоколов, имел место случай нарушения общественного порядка, реализовавшийся путем перекапывания грунта, принадлежащего городу Ильсияру, забрасывание мокрой глиной прилегшего прикорнуть на дневной сон местного пьянчужки, Айляня Раскидайки, и вопиющее неповиновение городской страже. Если объяснять коротко и по существу: Напа Леоне не выдержала и начала копать.

— Мэтр, поймите же… — объясняла Далия получасом позже, будучи препровождена пред очи городского судьи как очевидец и возможный соучастник преступления.

— О почтеннейший, — поправил алхимичку Фриолар. Он, в отличие от Далии и Напы (которую вообще хотели связывать, ибо выпускать из рук фамильную секиру гномка отказывалась в максимально резкой форме), пришел сам, по собственной воле.

— Фри-Фри, не вмешивайся! — прошипела Далия.

— Далия, — сквозь зубы проворчал алхимик. — Не смей! Здешние патриархи еще не привыкли к женскому равноправию! Ты всё испортишь! Замолчи и дай мне всё уладить.

— Ладно, даю тебе две минуты, — нехотя признала правоту коллеги мэтресса. — Только скажи им, что Напа ни в чем не виновата! Они сами за своим колодцем плохо присматривают! Там целая стенка потрескалась, а они даже не почесались ее отремонтировать! Да если бы не Напа, их колодец с пафосным названием давно бы уже развалился на части!..

— Зато теперь, благодаря Напе, — возмутился Фриолар. Шепотом, чтоб не пугать судейских писарей и стражников раньше

времени. — У них целых два колодца! И оба — с осыпающимися стенками!..

Убедившись в том, что оскорбленная в лучших чувствах Далия временно нейтрализована, то есть молчит и подбирает ядовитые фразы для будущей отповеди, Фриолар обратился к помощнику городского судьи.

— О, почтеннейший!..

— Господин Иолинари, — подсказал писарь, согнувшийся над разложенным на коленях письменным прибором.

— О, почтеннейший господин Иолинари! Дозвольте мне сказать слово в оправдание глупого поступка этих двух недостойных! — широким жестом он указал на Далию и взъерошенную, упревшую после копательных работ Напу. — Будучи от природы не слишком сообразительными, они решили, что единственный способ добыть воду в пустыне — выкопать яму поглубже. Мучимые жаждой, они взяли лопату и принялись рыть землю, не заметив, что буквально рядом находится уже выкопанный колодец и в силу природного скудоумия не сообразив, что ковшик воды вполне можно купить за один медяк у ближайшего разносчика…

— О чем он говорит? — дернула мэтрессу за полу мантии гномка. Сэкономив на амулете-переводчике, она не понимала речей, ведущихся между малышом Фри-Фри и почтенным судейским в расшитом полумесяцами халате.

— Он копает себе могилу, — загробным голосом прокомментировала Далия.

— Да? А что ж меня не попросил? Я бы ему помогла, — простодушно расстроилась гномка.

— Не волнуйся, Напочка, — ехидно ответила алхимичка. — Ты и так сделала всё, что было в твоих силах…

Гномка опечалилась еще больше. Вообще-то, она понимала, что, может быть, поступила опрометчиво, начав раскопки клада царя Тиглатпаласcара прямо посреди шумного города, но… но… В конце концов, Далия сама виновата! Она первая настояла на том, чтобы посетить Слезы Неба, якобы полюбоваться на беломраморное оформление единственного колодца востока Эль-Джалада, не пересыхающего в самые жестокие засухи. А ведь Напа абсолютно точно помнила, что именно этот колодец упоминался в дневнике покойного Симона Пункера!

Но вместо того, чтобы поступить, как поступил бы на месте Далии любой трезвомыслящий гном — то есть начать раскапывать ближайшее подозрительное углубление, — алхимичка вдруг отправилась изучать исторические достопримечательности! Ах, какая непростительная глупость!

Зачем, спрашивается, сапиенсологине понадобилось выяснять происхождение полуразрушенной каменной колонны? Да таких каменных столбов по всей Пустыне полно! Вон, рядом с домом мэтра Вига один покачивается… В смысле, там верхняя плита покачивается, чудом удерживаясь, чтобы не рухнуть с подточенного ветрами и песками основания — Напа еще вчера улучила момент, сбегала, оценила, нельзя ли приспособить бесхозный «камушек» для ремонта их временного пристанища. Но не взяла же… Поняла объяснения Фриолара, что этот ряд каменных колонн, начинающийся у Слез Неба и уходящий далеко в Великую Пустыню, является археологической собственностью жителей Эмирата!

Ну, и, естественно, оказавшись в прямом доступе с потенциально кладоносным объектом, Напа решила проверить свои подозрения. Так как в самом колодце с претенциозным названием Слезы Неба, постоянно брали воду — гномка решила рыть рядом. В пяти шагах.

И ведь, что очень примечательно, буквально за четверть часа, пока вернулся замешкавшийся со спасением Далии от попыток залезть на древнюю колонну, Фриолар, Напа докопалась уже до мокрой глины! Еще немного — и у местных горожан было бы два глубоких колодца! А, чем плохо?

— Поэтому я еще раз повторяю: причиной бездумного поступка этих двух несчастных скудоумных иноземок является врожденная глупость и естественная для человека и гнома жажда! И нижайше прошу проявить снисхождение! — с поклоном закончил свою вдохновенную речь Фриолар.

Почтенный господин Иолинари — узкоплечий, не слишком высокий мужчина лет сорока, с морщинистым лбом, выдающим хронического язвенника, печалью в глазах (а это — следствие столь же хронической трезвенности) и длинной черной бородой, посмотрел на компанию оценил хмурое выражение лица Далии, искреннее раскаяние, нарисованное на круглом личике гномки, весьма скучный серый камзол Фриолара и совершенно неожиданно заговорил на кавладорском:

— Если я не ошибаюсь, черная мантия этой милой юной дамы свидетельствует, что она является алхимиком из западных земель, точно?

— О, — не сдержалась Далия. Оказывается, почтеннейший понимает нормальный язык! Значит, с тем же успехом произнести речь в защиту гномьих копательных рефлексов могла и она сама!

Но возразить мэтресса не успела.

— Точно так, господин Иолинари, — подтвердил Фриолар.

— И рискну предположить, что она, как и ее спутница-

гномка, появились в нашем благословенном городе с целью участвовать в состязаниях Покровителя Года, не так ли?

Далия, до которой дошло, к какому выводу вот-вот может прийти помощник городского судьи, медленно закрыла рот. Даже прижала губы ладошкой — чтобы не сболтнуть лишнего.

— Уверяю вас, о почтеннейший господин, — с легкой улыбкой ответил Фриолар. — У сей скудо… э-э… недальновидной ученой дамы совершенно нет намерений заявлять в качестве существа-претендента нашу общую подругу, Напу Леоне Фью из клана Кордсдейл!

— Да уж, объявить Год Гнома было бы чистым безумием. Ведь всё, что надо и не надо перекопают, — пробормотал Иолинари. И тут же спохватился. — Но в любом случае — мой долг предупредить участников состязаний о необходимости соблюдать порядок и законность! Иначе вас ждет пожизненная дисквалификация, юная барышня! — строго пригрозил помощник судьи Далии. — А на вас, юная гнома из клана Кордсдейл, я налагаю штраф за порчу городского имущества и смущение покоя горожан! Шесть динаров. Уплатите в казну и ступайте, закапывайте выкопанную вами яму…

Фриолар и Напа, радуясь, что всё закончилось столь просто и быстро, громко выдохнули, потерли ладошки и посмотрели на Далию. По каким-то собственным, не озвучиваемым причинам и гномка, и секретарь волшебника считали, что казной их маленькой компании заведует именно сапиенсологиня. Во-первых, она была самой старшей, во-вторых, считала себя самой умной, а в-третьих, Напа как-то привыкла во всем полагаться на подругу, а Фриолар, вкусивший прелестей жизни в маленьком провинциальном Флосвилле, просто отвык держать в карманах сумму большую, чем стоимость хорошего обеда.

— А что вы так на меня смотрите? — удивилась Далия, когда писарь с намеком протянул руку. — Я не собираюсь платить!

— Но почему? — поразился Фриолар.

— Потому, что есть вероятность, что данное решение суда — всего-навсего фальсификация с целью выманить взятку у участника соревнований выбора Покровителя Года! — сложила руки на груди алхимичка. — Вот так вот. И мы имеем дело с обыкновенным вымогателем!

Господин Иолинари, вот уже пятнадцатый год страдающий от трех жён, которые совершенно запилили его на тему, почему за свою долгую карьеру так и не научился брать взяток, возмутился до потери дара речи.

— Ты с ума сошла! — перепугался Фри-Фри. Он повернулся к судейским чиновникам, выдал нервную улыбку и поспешил

заверить, что сам, собственноручно, заплатит за скудоумную даму штраф. Только, умоляю, почтеннейшие господа, дайте два часа — сбегать за деньгами и обратно.

— Посмейте только не разрешить, — добавила Далия, отодвигаясь от Фриолара подальше, чтобы он не успел остановить поток ее гневных речей. — Мы пожалуемся послу Кавладора, а потом еще и нашему Министерству Чудес, что иноземных участников соревнований заранее подставляют и всячески третируют! Вот увидите, какой международный скандал можно раздуть, если посметь задеть алхимика!

— Далия, — прохрипел Фриолар.

Господин Иолинари еле-еле справился с нервным тиком, встал, расправил официальный халат, расшитый золотыми полумесяцами и степенно проговорил:

— Прошу занести в протокол, что госпоже Далии предоставлена отсрочка выплаты штрафа на два часа. Если по истечении этого времени штраф не будет уплачен, дело о злостном выкапывании колодца будет передано на рассмотрение его милости судьи Раджа. А пока — госпожа Далия и госпожа гнома из клана Кордсдейл будут содержаться под стражей в здании суда!

— Фри-Фри, — умоляюще посмотрела Напа на едва сдерживающегося, чтоб не придушить Далию, Фриолара. — Пожалуйста, поторопись! У меня столько дел запланировано на вечер! Мы ж не успеем, если будем сидеть в местной тюрьме!

Впрочем, Фриолар прекрасно понимал, что терпение даже уважаемого и разнаипочтеннейшего господина Иолинариа не бесконечно, поэтому обещал торопиться изо всех сил.

Далию и Напу отвели в одну из заставленных стеллажами с пыльными свитками, старыми книгами и шуршащими по углам мышами полуподвальных комнат.

— А местный люд знает, что связываться с алхимиками чревато последствиями, — удовлетворенно заметила Далия, разглядывая заполненные шкафы.

— Ты не сердишься на меня? — понуро спросила Напа.

— Сержусь?! Да что ты, Напочка! Если бы не твоя копательная инициатива, нам пришлось бы изобретать способ как-нибудь попасть в здание городского суда!

— Зачем нам сюда попадать? — гномка задумчиво почесала шлем. — Что мы здесь забыли?

— Как это — что? Реестр, список, перечень — назови как угодно, но целью нашего сегодняшнего похода является тот официальный документ, в котором перечислены все участники состязаний и их существа-претенденты. Еще бы достать свиток, на

котором все подписываются кровью как Честные Участники… Мэтр Виг что-то бормотал на тот счет, что наслать проклятие по капельке крови человека — это ж раз плюнуть. Да еще мы в Эль-Джаладе, где темные Магические Искусства не запрещают, а наоборот, всячески лелеют и часто практикуют, — задумчиво оценила перспективы Далия. Со вздохом признала: — Но Далхаддин говорил, что этот перечень будет храниться в личном сейфе Кадика ибн-Самума, а забираться в Хетмирош я не рискну.

Напа подумала, оценила шансы и с восторгом предложила:

— Как говорит мой братец Ньюф — да не фиг делать! Крепость местных магов выстроена на холме, надо только выяснить, из чего холм — песчаник, гранит или прочие старые кости, да раскопать его! Давай, я…

— Успокойся, Напа, — остановила подругу сапиенсологиня. — Громить Хетмирош мы будем в самом крайнем случае. Сейчас нам надо разыскать перечень Участников состязаний.

Напа схватила с ближайшей полки первый попавшийся свиток и расчихалась от облака поднявшейся пыли.

— Пчхх… Апп… Чхххии! Ой, я вспомнила, что не умею читать эльджаладские иероглифы, — спохватилась гномка некоторое время спустя.

— Я тоже, но Фри-Фри умеет. В любом случае, сам список — дело десятое… Нам нужен вовсе не он… Слушай, а ты можешь пробить лаз вот тут, в углу?

— Если пробить стену здесь, мы не сбежим, а всего лишь окажемся в соседнем помещении, — предупредила Напа.

— Начинай дробить камень…

— Здесь кирпич, — сурово поправила гномка.

— Короче, ты работай, а я пока объясню, что мы делаем. Значит, как ты, наверное, догадалась, все те люди, кентавры, гномы и потомки эльфов, которых мы видели сейчас по пути в Ильсияр…

— А также несколько троллей и дюжины две гоблинов. Правда-правда, гоблины сидели на мусорной куче, я собственными глазами видела!

— Куй кирпич, пока не убежал, Напочка. Или что там с кирпичами происходит при встрече с гномами? В любом случае — не отвлекайся. Продолжаю: как ты могла заметить, участников предстоящих гонок уже много — а ведь еще больше недели до их официального старта. Как ты думаешь, все ли участники будут играть честно?

— Ну, — на минуту задумалась Напа, рассеянно закусывая бочок вынутого из стены кирпичика. — Если взять за образец

тебя, то честно играть никто не собирается…

— Поражена твоими инсинуациями, — чопорно возмутилась алхимичка. — Я — образец искренности, порядочности и алхимической верности букве Закона. Но где-то в чем-то ты угадала, — признала правоту подруги Далия, — играть по правилам никто не собирается… А следовательно, будет — угадай, что?..

— Послушай, я понимаю, что тебе нравится звук собственного голоса, но давай поближе к выводам. Я до сих пор не могу пережить то, что ради нашего спасения от потенциальных грабителей ты превратила милого, честного, патологически добропорядочного малыша Фри-Фри в этакого террориста от Алхимии… К тому же — дыра готова, добро пожаловать на другую сторону.

Далия скептически оценила получившееся в результате Напиных трудов отверстие, сняла мантию, опустилась на четвереньки и с писком просочилась в соседнюю комнату. После чего выпрямилась, отряхнула пыль и продолжила:

— Если желаешь короче, то пожалуйста. Нам надо знать, кто из участников будет нарушать правила. Чтобы сдать их Распорядителю Состязаний, или, как вариант, прочим участникам. Причем — предупреждаю! — сдавать тогда, когда выгодно нам, а не абстрактной Справедливости вообще. Долг Алхимии — уберечь мир от незапланированных бессмысленных преступлений! А запланированные и осмысленные — кроме алхимиков и осуществить-то толком никто не сможет…

— То есть — список Участников ты воровать не собираешься? И мэтр Виг не будет насылать проклятия на своих конкурентов?

Вместо ответа Далия, успев проинспектировать развешенные по углам официальные халаты, бочонок чернил, стоящий на почетном месте, и пару сменных беспятых тапочек, догадалась, что они попали в комнату отдыха местных писарей. Примерила чей-то тюрбан, накинула поверх своей черной мантии халат с полумесяцами, на всякий случай брызнула себе на кончик носа капельку чернил…

— Значит, Напа, пока я отправляюсь на поиски плана здания, твоя задача — сделать что-нибудь — подкоп, дыру или отмычку, на твой вкус, — чтобы мы могли попадать сюда в любой момент.

— Подкоп, дыру в стене, отмычку, — забормотала гномка, напряженно рассчитывая, какой способ будет оптимальным. — Подкоп, отмычку, или… Далия, — вдруг очнулась Напа от геометрическо-шпионских вычислений.

— Что, гнома моя?

— Зачем тебе подкоп? — строго спросила гномка.

— Не мне, а тебе, Напуленька. Это ты будешь каждый вечер приходить сюда и сторожить список Участников состязаний. Да, и сразу уж — отведи боковой коридор к дому Иолинари, на него явно будут покушаться, а ты будешь присматривать, как бы покушения не увенчались успехом раньше времени…

— Я не об этом! — решительно нахмурилась Напа. — Ты что, специально придумываешь мне бессмысленные задания?! Ты что, специально делаешь всё, чтобы я не могла посвятить всю себя поискам Золотого Города Тиглатпалассара?!

— Совершенно верно, — подтвердила Далия. Так как секиру Напа, повинуясь увещеваниям обоих алхимиков, сдала на временное хранение Фриолару, хитрая мэтресса не опасалась за свою жизнь, озвучивая сей честный, но совершенно издевательский ответ. — Во-первых, — повысив голос и наставительно подняв палец, продолжила она, — во-первых, потому, что я пока еще не вычислила, где именно спрятан клад. Слезы Неба — действительно упоминается в дневниках Симона Пункера, но как отправная точка для дальнейших поисков. Во-вторых, искать клад в Ильсияре бессмысленно — еще четыреста лет назад здесь была маленькая деревушка, а потом ее всячески улучшали и отстраивали специально нанятые Гогенбрутты. Как считаешь — могли ли гномы из Шумерета просмотреть, что под городом спрятано сокровище?

— Гогенбрутты могли, — с подростковым апломбом заявила Напа. И почти сразу же сникла, — но вряд ли.

— А следовательно, нам надо двигаться в сторону Великой Пустыни. По счастью, нам даже не придется прибегать к маскировке: именно туда мы и отправимся восемнадцатого числа месяца Барса, когда будет дан старт состязаниям разнообразных существ, претендующих на то, чтобы стать Покровителем следующего года. И, продолжая сию логическую цепочку, мы приходим к третьему доводу, объясняющему то, зачем и ради чего ты будешь действовать так, как было обозначено мной выше. А именно: можешь ли ты, о Напа Леоне из славного клана Кордсдейл, прожить спокойно неделю и не закопать нас — Фриолара, мэтра, его зверьё и меня, — в каких-нибудь мокрых глинах?

Напа Леоне, прекрасно сознавая, что мэтресса Далия опять права, особенно в последнем пункте, все-таки обиделась. И, тяжело сопя от расстроенных чувств, с силой стукнула кулачком в ближайшую стену, прикидывая, где разумнее делать подземный ход…

Приблизительно тридцатью часами ранее

Окрестности города Бёфери

В маленькое окошечко, до которого Джоя доставала с трудом, только если встать на цыпочки на край сундука и придерживаться за неровную стену, были видны черепичные крыши домов. Ни высоких деревьев, ни ярких, запоминающихся архитектурных изысков, на каких-нибудь географический достопримечательностей — наподобие, допустим, Черной Скалы, острым зубом поднимающейся над гаванью острова Дац. Ничего, кроме желто-серого камня стен и выжженных солнцем крыш.

И можно гадать — гадать до скончания века, какой же город виднеется в маленькое окошечко из темницы, в которой однажды недобрым летним утром оказалась Джоя.

Собственно, разнообразными гаданиями, как же ее угораздило быть похищенной, кем, ради чего, и куда, девушка время от времени и занималась. Например, вчера, после тяжелого разговора, когда похитивший студентку господин весьма недвусмысленно пообещал, что перестанет кормить пленницу, если она не поведает тайну скрытого в Великой Пустыне сокровища, Джоя достала из угла закопанные воображением куриные кости и попробовала раскинуть их. То есть — Джоя пробовала, а воображение весьма деловито помогало.

Получилось, что таинственный город, куда ее перенесли вместе с сундуком и воображением — скорее всего, Водеяр, порт у Ледяного Океана.

Воображение облизнулось и согласилось с выводом.

Если честно, Джою немного смущало, что Водеяр — город Буренавии, а похититель общался с пленницей на не слишком правильном кавладорском с пелаверинским акцентом, но студентка, посоветовавшись с воображением, списала эту странность на сложный замысел вывести ее, Джою с острова Дац, из душевного равновесия.

Воображение предложило пяукусауть мяуррзавца, но Джоя рассеянно отказалась и предложила чем кусаться, лучше сбежать. Так похитителю будет обиднее. А если воображение желает — пусть идет и кусается, неужто она, Джоя, в конце концов, зверь, запрещать своим агрессивно-настроенным фантазиям спонтанную самореализацию?

В ответ воображение потерлось о ступеньки уводящей наверх, к свободе лестницы, выкусило блоху на пузе и ответило, что пяусмоутрит.

И Джоя начала готовиться к побегу. Если бы злоумышленники действительно были бы пелаверинцами, а выжженный солнцем город из желтого камня — Вертано или Бёфери, выстроенными на каменистом плато, девушка и не

подумала бы, что побег возможен. Пожалуй, в этом случае она бы сдалась, покорилась Судьбе и попробовала бы объяснить похитителям, что действительно, правда-правда, честное алхимическое слово, ничего, совершенно ничегошеньки не знает ни про какой клад, закопанный в Великой Пустыне. И, в конце концов, хватит величать ее чужим именем! Получить ученое звание бакалавра, а тем более — магистра Алхимии и приставку «мэтресса» к своему имени, конечно, лестно, но Джоя искренне обижалась на господина Похитителя. Она ведь уже пять раз повторила, что зовется Джоей! И родом с острова Дац!

А ей почему-то не верили…

Ну, а если мы все-таки в Водеяре, то почему бы и не попробовать?

Воображение почесалось, вылизало под хвостом и согласилось. Тогда Джоя начала готовить подкоп.

Что нужно, — поразмыслила студентка, — для полноценного подкопа? Хмм, гномы используют лопаты; герои книг Фелиции Белль, Жермуаны Опасной, Мегалотты Бимз и — самое любимое — Муркона Ниппельвинтера обходились серебряными ложками, вязальными спицами или даже пилочками для ногтей, переданными разнообразными сочувствующими персонажами под видом пирогов со специфической начинкой.

Джоя, вооружившись интеллектом, переложила проблему на свое воображение.

Если что-то и беспокоило будущую мэтрессу Джою те три дня, пока она находилась в подвале дома с каменными стенами, маленькими окошками и расположенного демоны знают в какой стране мира, так это именно воображение. Нет, правда: способностями к стихосложению Джоя, истинная дочь острова Дац (ну, вы понимаете — не сколько самого острова, сколько потомственных шутов династии местных правителей), гордилась; гибкостью мыслительных процессов, иногда свивавших из трюизмов и совершенно обыкновенных логических посылок настоящие кудели выводов, отличалась… Но когда с ней заговорил Черно-Белый Кот, принадлежавший хозяйке ресторации "Алая роза"… Да, подмяукивая на сложных словах, да, говоря иногда совершеннейший бред и сводя каждую вторую фразу к просьбе угостить его «мур-мр-рыбкой» или «вяуяуяулеуррьянкой»…

Короче, Джоя искренне обрадовалась просьбе господина Похитителя написать всё, что она знает об Эль-Джаладе, ибо в этом историко-географическом труде видела свое спасение от разгулявшихся фантазий.

Фантазии благополучно наслаждались жизнью: пока Джоя

сосредоточенно записывала всё, что когда-то рассказывал ей призрак прабабушки Ванессы о юго-восточных землях, бред, принявший облик Черно-Белого Кота, вольготно спал в сундуке дацианки, пугал шуршащих по углам крыс, жрал всё, что находилось — сырую рыбу, еду Джои, собственных блох, вычесывался и — вот, вот она, патология идеального! — натирал до блеска каску, которую носил на голове, и затачивал о стены панцирь, которым была защищена его спина…

Открыв присутствие материализовавшейся фантазии в непосредственной близости от себя, Джоя рассуждала так: Черно-Белый Кот — что-то очень привычное, домашнее и по-гномьи надежное. То, что Кот разговаривает — маловероятно, но чем волшебники ни шутят… То, что домашний питомец семейства кошачьих вдруг примерит броню — вероятно гораздо менее, ибо это кот, а не боевой жеребец умбирадской породы, не от крыс же ему обороняться… Дальше Джоя воспользовалась логическими доводами, которые иногда слышала от мэтрессы Далии, умножила маловероятное на практически невозможное, получила абстрактно-бессмысленное и, тем самым доказав, что говорящий Кот-в-доспехах является плодом ее разгулявшегося воображения, совершенно успокоилась.

Длинными осенними вечерами, когда шумит море за стенами островного замка, когда призраки собираются в какой-нибудь продуваемой ветрами башенке и поют баллады о любви, а призрак бабушки Ванессы, блестя дождевыми каплями на эктоплазме, вдохновенно им дирижирует, Джоя и не про такие страсти слыхала. В конце концов — это ведь ее собственное чуток сдвинувшееся воображение, как-нибудь уживутся…

— Как же отсюда выбраться? — вслух посоветовалась девушка с задремавшим воображением.

Кот-фантазия открыл золотой глаз, презрительно смерил студентку с головы до пят, фыркнул и посоветовал почесать ему за ухом — так лучше думается.

Джоя побарабанила пальчиками по каске, увенчанной очень острым шипом. Подражая привычкам Напиного питомца, воображение громко заурчало-замурлыкало, довольно зевнуло и, лениво потянувшись (лязгнув при этом спинным панцирем), встало на лапы. Нехотя, подчеркивая каждым движением, что делает девушке великое одолжение, фантазия поднялась по ступенькам к двери, ограничивающей подвал, в котором держали Джою, от выхода наружу.

Дверь в подвальчик была дощатой, но достаточно прочной. Из-за двери иногда появлялась неразговорчивая угрюмая женщина, с вечной трубкой в зубах, перевязанная крест-накрест

растянувшимся платком, в клетчатой юбке, рябчато-линялой кофте и чрезвычайно заляпанном переднике, приносила еду и спрашивала, не надумала ли девка перестать упираться и рассказать свои секреты — дескать, иначе Господин осерчает и перестанет с ней церемониться. Каждый раз при приближении сторожихи Кот прятался — между прочим, этот факт еще более убеждал Джою, что кот — не настоящий, а фантастический; но сейчас, видимо, решил, что настала пора явиться во всей красе. Кот сел на верхней ступеньке лестницы, прямо под дверью, и принялся орать.

— Мяууу! Мау! Ммма… Мяулоукауу!!! Ммма! Мняууу!!!

— Шего надоть? — спустя некоторое дверь приоткрылась и появился мясистый, ноздрястый нос и неизменная трубочка. — Шего кричишь?

— Мне? — удивилась Джоя. — Ничего.

Женщина заворчала, закрыла дверь и с металлическим грохотом заложила снаружи засов.

Увы, этой короткой секунды хватило, чтобы воображение снова спряталось и вдруг заупрямилось, не желая выходить на зов девушки. Пришлось Джое, весьма сомневающейся в успехе задуманного предприятия, взять одну из недоглоданных фантазией куриных «гадательных» костей и начать расшатывать камни, из которых были сложены стены.

Труд утомительный. Но, как предполагает мэтр Питбуль из Ллойярдской Алхимической Ассамблеи, именно труд может создать из бестолковых воришек-гоблинов еще одну высокоинтеллектуальную расу…

Пока Джоя царапала косточкой цемент, скреплявший каменные глыбы, Черно-Белый Кот осваивался в новом для себя пространстве. По всей видимости, дом, где спрятали похищенную девушку, был чем-то вроде постоялого двора. В этом предположении Кот утвердился, когда выскользнул в длинный коридор, пробежался мимо других спусков в подвал, через большую комнату с очагом, и просочился в полураскрытую входную дверь. Выйдя на дневной свет, Кот увидел, как в огороженном высоким забором дворе несколько человек и два тролля перегружают с одних телег на другие какие-то тюки, ящики и корзины. Съестным от поклажи не пахло, поэтому Кот мгновенно потерял интерес к трудягам (тем более, что повышать свой IQ он принципиально не собирался) и попытался разнюхать, как здесь обстоит дело с кошечками, валерьянкой или хотя бы коровами — нет, в самом деле, Кот он или не Кот?! Все рыба да рыба, крысы да студентка — а как насчет вечного? В смысле —

молочка или даже свежих сливочек, мряу?

Кот метнулся к возвышающемуся поблизости от покосившегося домишки с необъятными подвалами сараю, рассчитывая, что в тамошних яслях найдется что-нибудь, достойное его внимания, и через несколько шагов был вынужден шарахнуться в сторону — по двору к обиталищу Джои и ее сторожихи шел жилистый самоуверенный парень, пиная солому пижонски начищенными сапогами.

Ни сапоги, ни парень Коту не понравились, и он зашипел, вздыбив усы и угрожающе наклонив голову — так, чтобы шип каски смотрел точно на возможного противника.

— Эй, Луса! Луса! Парни, вы не видели Лусу? — спросил Хрумп у возчиков. Двое покачали головой, тролль недовольно оскалился, дескать, почему этот человечек тут ходит, а бараны, как ни странно, нет? А еще один трудяга показал рукой на дверь дома:

— Там она.

— Эй, Луса! — крикнул Хрумп, проходя в дом.

Луса, как всегда, курила и вязала что-то неприятно пестрое, покачиваясь в старом рассохшемся кресле-качалке у зажженного очага. Несмотря на летнее солнце, буквально сжигающее Бёфери и окрестности там, снаружи, здесь, в старых каменных стенах, было прохладно.

— Я от босса, — объявил помощник фрателлы.

— Шего тебе? — неласково пыхнула табачным дымом Луса.

— Шеф спрашивает, как девчонка — не передумала? Может, сказала, что хватит с нее секретов, решила рассказать всё, что знает?

— Мне откель ведомо… Вон, молока шпрошила, а так молчит.

— Молока-а? — хмыкнул Хрумп. — Может быть, еще и птичьего? Ну-ка, дай-ка, я с ней поговорю, намекну ей, что хозяин специально для разговора с ней мага вызывает, всамделишного. А ведь пока — такого, чтоб мысли ее прочитал, а там, чего доброго, и до некромантов дело дойдет…

И самоуверенный вор, не дожидаясь приглашения, пробежался по коридорчику до нужной двери, откинул засов и резво спустился в каморку, где держали пленницу.

— Ой, — сказал Хрумп, когда девушка, услышав шаги, отошла от стены и выпрямилась, откинув длинные черные волосы, упавшие на лицо. — А босс не говорил, какая она хорошенькая…

Как по волшебству, грудь вора поднялась-выпятилась, как взбитая перина, глаза зажглись бедовыми огоньками, по лицу

поползла приторная улыбочка… А потом всё это скрылось, смазалось одним ловким ударом линялой тряпки, которой Луса огрела наглого визитёра.

— И думать не моги! Ш тебя хозяин шкуру шпуштит, да я добавлю!

— Нет, а чё? Я ж исключительно познакомиться… — отбивался Хрумп, пока сторожиха вытаскивала его из подвальчика.

— Пошел вон! — заругалась Луса. — Кому говорю?!

— Нет, ну чё ты, чё? Я по делу пришел! Сказать ей, что хозяин злится, чтоб рассказывала, всё, что знает, как можно скорее, а то хуже будет! Да, и кормить ее хозяин велел лишь однажды в день, чтоб поняла, что он не шутит! Пусти, я ей скажу! — выворачивался Хрумп, но Луса свое дело знала. Она подобрала стоящую в углу метелку и решительно огрела молодого человека — тот едва успел прикрыться локтем.

— Эй, ты, шлышала? — стукнула Луса в дощатую дверь. Джоя нехотя отозвалась, что да…

Еще бы кто-нибудь объяснил бы, что ж такое она должна вспомнить и рассказать…

— А ты пошел, пошел, у, котяра… — сердитая Луса схватила Хрумпа за рукав и решительно потащила вон, пыхтя трубкой, как сердитый дракон.

— Да, — задумчиво протянул вор, пока, понукаемый тычками сердитой сторожихи, шел на выход. — Обидно будет такую красавицу резать…

— Што за чушь нешешь? Кто ее резать будет? — удивилась Луса.

— Фрателла Бонифиус и будет. Ну, не сам, конечно, мне прикажет…

— Дурак ты, — ответила Луса. — Ешли думаешь, што такой умный шеловек, как Бони, не найдет, шем уломать глупую девшонку, то ты как ешть дурак, шкотиняка и штарых законов не знаешь. Бони, штоб ты знал, еще тогда, когда тощим мальцом бегал вот по этим шамым штупенькам, настоящим вором был! А ты — тьфу, наплевать да размазать!..

Хрумп вывернулся, отбежал на пару шагов и скорчил Лусе рожу. Дескать, хотели мы ваши поручения…

— Што, думаешь, удача-то у Бони отчего? — хитро прищурилась Луса и выдохнула струю сизого дыма. — А вот от того, что он шекрет штарый знает, поэтому!

— И что за секрет? — заинтересовался Хрумп. Вошедшая в поговорку удача старого фрателлы ему, если честно, самому бы пригодилось.

— Удача любит шмелых, — на полном серьезе ответила Луса. — Но никогда — тех, кто подкупает ее чужой кровушкой, — и выпустила колечко дыма.

— Что за чушь, — отмахнулся Хрумп. — Совсем, старая, головой плоха стала! У тебя мозги, случаем, не сгорели, дымишь целыми днями, как гномья кузница?

Луса вытащила трубку изо рта, выколотила ее о ближайший чурбачок, обтерла передником и, избавившись на время от причины своей шепелявости, проникновенно, подробно и с истинно пелаверинским азартом объяснила Хрумпу, кто есть он сам, его родители, его подружки, и о чем мечтали лошади, мимо которых Хрумп смел проходить мимо…

На самом деле у Бонифиуса Раддо был план, как заставить упрямую алхимичку рассказать, какие секреты Великой Пустыни, а заодно — и спрятанного под песками Золотого Города, она знает. План включал, во-первых, неделю лечебного голодания, во-вторых, вторую неделю лечебного голодания, в-третьих, прилюдное зарезание свинки — на слабонервную ученую барышню, по расчетам фрателлы, должен был должным образом подействовать предсмертный визг несчастного животного; в-четвертых, удовольствие видеть Лусу, обонять ее табачок и питаться ее варевом и взрослые-то закаленные мужчины, да что мужчины- тролли! — не выдерживали более десяти дней. А уж изнеженную сидением в библиотеках алхимичку, думал Раддо, Луса должна была «добить» дней за шесть. Три прошло, идет четвертый — значит, через пару дней упрямица сдастся и, наконец, поведает свои секреты…

Увы, о планах господина Раддо ничего не знал Черно-Белый Кот. Вернее, доспехоносное котообразное создание Джоиного воображения. Вернее… одним словом, никто ничего не знал.

В сарае, который Кот подробно проинспектировал, не оказалось ни кошек, ни коров, и даже валерьянка, что было верхом наглости с ее стороны, отсутствовала. Поэтому Кот, чувствующий себя оскорбленным в лучших побуждениях, сожрал двух подвернувшихся мышек, повалялся в соломе, поигрался парой подков, загнав их в щели пола, потом уронил на себя сверток старых пыльных мешков… и вдруг ослеп.

Один из мешков, зацепившихся за шип каски, полностью лишил Кота способности ориентироваться на местности. Да, можно было воспользоваться нюхом — но Кот что, вам собака что ли? И плод мрачной фантазии уроженки острова Дац с утробным ревом понесся стремглав, не выбирая пути…

Ему встретились чьи-то ноги, успешно протараненные

усиленным каской кошачьим лбом. Ему встретилось что-то деревянное — в чем шип каски благополучно застрял, и пришлось упираться всеми четырьмя лапами, чтобы освободиться из деревянного плена. Потом самодвижущийся мешок, орущий дурным кошачьим мявом, один из грузчиков пришиб качественным, злым, умелым ударом кнута — работяга, к несчастью, не знал, что спина Черно-Белого защищена творением добросовестного гнома, и что коты всегда дают сдачи…

Оба тролля задумчиво ковырялись в носах, наблюдая, как по двору носится старый пыльный мешок и набрасывается на всех людей подряд. Когда ж злодей (то есть мешок) развернулся, раскрылся и показал в одной из своей дыр черно-белую кошачью лапу, тролли сообразили, что имеют дело с подлым человеческим колдовством, и, не рассусоливая, ломанулись сквозь забор, подальше от возможной опасности.

Пока во дворе народ шумел и искал виноватого, а также, не обладая воображением студентов Университета королевства Кавладор, пытался осмыслить возможную причину оживления пыльной тары из грубой холстины, Луса готовила обед. Повесив на крюк в камине большой медный котелок, она вдохновенно бросала туда овощи, подсыпала пшено и гречу, время от времени помешивала, скрупулезно отмеряла большую деревянную ложку соли, соли и еще раз соли, а, чтоб совсем уж было не скучно, время от времени запивала табачный дым глотком из глиняного кувшина.

Жидкость, содержащаяся в кувшине, приводила Лусу в благодушное состояние, звала к кулинарным подвигам, и заставляла добавлять в котелок рыбьи головы, подозрительную траву, совершенно безопасные на вид малосольные огурчики и кусок мела… Ах, нет, мел попал в котелок по ошибке. Да ладно — не вылавливать же?

Жаль, что Раддо не велел кормить девчонку — он присылал со своими слугами для пленницы нормальную пищу, которой Луса иногда закусывала, а нынче, видимо, придется, как обычно… Пararим-парара, — напевала Луса, очевидно, представляя себе, что не обед для грузчиков она готовит, а, как минимум, парадное блюдо для королевского обеда…

К тому времени, когда котелок начал закипать, побулькивая и распространяя запах многочисленных ингредиентов, составляющих его содержимое, Луса употребила столько жидкости из кувшинчика, что зрелище ползущего по полу мешка на кошачьих лапах ее не очень впечатлило. Когда мешок глухо стукнулся о дверь стоящего в углу буфета, вызвав переполох в рядах глиняных мисок, Луса лишь выпустила кольцо дыма и

задумчиво принялась жевать листок крапивы, которая использовалась ею в качестве узеленителя варева. Когда после нескольких фальстартов Мешок вдруг подпрыгнул вверх и повис, уцепившись за повешенный на гвоздь старый дорожный плащ, Луса от удивления икнула. Когда же Мешок сполз по плащу, прекратив одеяние в набор лоскутов, брякнулся, издав хорошо слышимый металлический лязг, и принялся возмущенно материться на чистом кавладорском, иногда с вкраплениями просторечных буренавских идиом, Луса поняла, что что-то в мире пошло неправильно и взревела раненой медведицей.

Коту, разумеется, стало интересно, какая игрушка издает столь завлекательные звуки, он пошел, куда глаза… э-э… очень плохо через холстину глядят; Луса бросилась прочь, отмахиваясь от угрозы поварешкой, высоко подхватив юбки и часто пыхтя трубочкой.

Сделав несколько кругов вокруг старого кресла и корзины с жутким рукоделием, убегающая от Мешка Луса нашла идеальный выход. Из положения — почему-то сейчас найти выход из дома у нее не получилось. Преодолев коридор в рекордно короткое время, сторожиха влетела в каморку пленницы, с визгом пересчитала пятой точкой ступеньки лестницы, рухнула в сундук, закрыла за собой крышку и принялась громогласно воспевать хвалу Асгадиру Внезапному, прося его защитить бедняжку Лусу от всевозможных иногда случающихся бед…

Джоя осторожно постучала по крышке сундука. Все-таки собственность, собрат по несчастью, так же, как и сама дацианка, похищенный из уютной мансарды талеринской ресторации…

— Изыди! Изыди, демон! Тьфу на тебя! — закричала Луса и выпустила из-под крышки струю табачного дыма.

Джоя не поняла, чем вызвана подобная реакция, посмотрела по сторонам, увидела свое воображение — оно выпростало увенчанную шипастой каской голову из холстяного мешка и довольно облизывалось у распахнутой настежь двери, и решила, что это ее шанс сбежать.

Поднялась по лесенке, выбралась во двор — порядком удивилась, увидев постанывающих грузчиков, валяющихся на утоптанной земле и две дыры в заборе, очертаниями напоминающих силуэты троллей, и поспешила выйти за ворота.

Может быть, этот побег и не соответствовал канонам детективного жанра, — размышляла Джоя, — но ей хотелось как можно быстрее оказаться в Талерине, в уютной и безопасной мансарде ресторации "Алая роза".

Черно-Белый Кот на секунду опоздал — его мешок зацепился за какой-то торчащий гвоздь. С хрустом избавившись от

надоевшего одеяния, плод алхимической фантазии пошел следом за Джоей на юг, в сторону самой короткой тени, которую отбрасывало полуденное светило.

Сначала Джоя и Кот шли по неровной тропе, стараясь как можно быстрее покинуть пределы негостеприимного дома с глубоким подвалом; потом вышли на широкую, мощеную дорогу, где, немного нервно оглядываясь на город из желто-серого камня, девушка спросила у проезжающих, как добраться до Стафодара. Почесав круглые умные головы, погонщики небольшого каравана (три фургона и одна телега), махнули рукой и подробно объяснили, что идти надо на северо-запад, но лучше — просто на север, а потом дать небольшой крюк на юго-запад. В этот момент Джоя поняла, что в данной конкретной местности Буренавии свила гнездо многоголовая гидра пелаверинской экономики: подозрительные путешественники говорили не на буренавском, которого Джоя не знала совершенно, а на пелаверинском, который угадывала по некоторым отдельным словам. Поэтому девушка решительно направилась в совершенно противоположном направлении, а Кот, промурлыкавший цветистую благодарность за совет и тем самым доведя погонщиков до состояния, в котором даётся зарок трезвости, пошел следом, гордо подняв хвост.

Спустя некоторое время, решив, что уже ушла на юг достаточно, Джоя завернула, как ей показалось, к северо-востоку. Пейзаж не отличался оригинальностью — каменистая почва, камни, выжженные солнцем редкие былинки по обочине дороги, снова камни и снова каменистая почва. Что очень странно — ни одного дерева из тех, которыми славится Северное королевство.

Поэтому, завидев вдали дом, стоящий чуть на отшибе возвышающегося посреди каменистой равнины города — розовато-оранжевого в лучах заходящего солнца, под темно-терракотовыми черепичными крышами, — уставшая Джоя и категорически голодный выкормыш воображения поспешили к нему, как к последней надежде.

Пробравшись через большую, размером с тролля, дыру в деревянном заборе и мимоходом подивившись безалаберности обитателей, бросивших телегу с товаром прямо посреди двора, беглецы пробрались в сарай, забрались на самый верх, под крышу, где было сложено прошлогоднее сено, и сладко заснули.

Почти в тот же самый час, когда фанфары в Королевском Дворце Талерина радостно возвестили начало торжественного обеда по случаю свадьбы принцессы Ангелики, господин

Бонифиус Раддо спустился в столовую своего дома номер 13 по Бурдючной улице города Бёфери, придирчиво обозрел уставленный яствами стол и приступил к трапезе.

Компанию ему составил Огги Рутфер — основательно осунувшийся, с темными кругами под глазами, он уныло вздыхал над тарелкой овсянки. Хрумп, которому выпала честь прислуживать фрателле за столом, крутился рядом, подливал Бонифиусу вина, подавал закуски, воровал кусок за куском — короче, вёл себя, как обычно.

У господина Раддо было великолепное настроение — он, наконец-то, придумал, как испортить жизнь мэтру Иллариану, также предприимчивый делец провел ревизию одного из складов и обнаружил запасы некоего зелья, повышающего шансы кавладорской борзой по кличке Сонечка выиграть состязания в Великой Пустыне, а еще… а еще сегодня-то уж точно генерал Громдевур не появится на пороге дома фрателлы и не попробует в очередной раз набить главам консорциума "Фрателли онести" морды… На фоне повышенного оптимизма у Раддо случился приступ расположения к ближнему, и он поинтересовался, почему у Огги столь бледный и замученный вид. Вроде, лекарь сказал, что ты без пяти минут здоров, верно? Врал, поганец клизменный?

— Может, и врал, — печально согласился Рутфер. Поковырял овсянку, вздохнул и решительно отложил ложку. — Я вот что думаю, фрателла… Не случайно со мной все эти неприятности случились.

— Мм? — вопросительно промычал Раддо, сосредоточившись на бараньих ребрышках.

— То знак мне. Свыше. — Уточнил Огги. И, набрав воздуху, как пловец — перед решительным заплывом, бросился в омут с головой. — Мне кажется, что моя неожиданная болезнь — предупреждение, что пора завязывать с вашими поручениями.

— Гы-гы, — засмеялся Хрумп, уверенный, что Огги таким нестандартным способом разыгрывает хозяина. Бонифиус тоже, кстати сказать, так подумал.

— Я серьезно, — нахмурился Рутфер. — Пока я лежал там, наверху, меня вдруг осенило, что если бы я вел праведную жизнь, ничего подобного со мной не случилось бы. И я решил уйти в монастырь.

Бонифиус и Хрумп обалдели настолько, что Хрумп — подвинул стул, сел за обеденный стол и засунул в ненасытную пасть котлету с хозяйской тарелки, а Раддо всё видел, но не сказал ни слова.

— Вот только никак не могу выбрать, в кого ж я уверовал, — пожаловался Огги. — Может, вы подскажете, хозяин?

— В Вечное Колесо, — быстро нашелся Хрумп. — Не слышал о таком Ордене? А я слышал. Он в Шань-Тяйских горах располагается. Говорят, там где-то спрятана золотая нога ихнего бога, которое и пнул однажды Вечное Колесо, заставив его вращаться. Да и Колесо, сказывают, непростое, а всё насквозь драгоценное… Ты, главное, иди в тамошние монахи, а я — пойду следом за тобой. И, когда ты вызнаешь, где нога, а где колесико спрятано, мне свистнешь, веревку через стену скинешь — или, допустим, ворота ночью отопрешь, а дальше мы уж справимся…

Огги не успел возмутиться — он ведь, между прочим, вполне серьезно высказывал намерение как-нибудь очистить свою душу, а Раддо не успел вообще ничего сказать — помешал глоток вина, который он сделал как раз перед судьбоносным признанием помощника; именно в этот самый момент в дверь столовой осторожно постучались.

— Ну, кто там еще?! — заорал Бонифиус.

— Я, Бони, — в столовую осторожно просочилась Луса. По случаю визита в хозяйский дом она была при полном параде — то есть, в дополнение к трубке, юбке, кофте, фартуку и перекрещенному на груди платку добавился еще один, в ярких цинских павлинах, укрывших растрепанные вихры достойной дамы от лишних глаз. — Сидишь, обедаешь? Приятного тебе, Бони, аппетита.

— Спасибо, — буркнул Бонифиус. Неласково. Что и говорить, внешность Лусы была на любителя, причем — на любителя табака, поскольку дымить трубочкой она переставала в редкие исключительные минуты. — Чего пришла?

— Проверить, как ты жив, здоров, да и просветить тебя, что сегодня боги к тебе особенно милостивы, дорогой ты наш Бони, чтоб тебе торговать да не переторговывать, чтоб тебе выигрывать да не перевыигрывать, чтоб тебе спать, да не переспать, чтоб тебе выпивать, да не поперевыпивать всё, что награблено-наворовано непосильным трудом… — начала Луса, с тоской поглядывая на графин с рубиновой жидкостью, стоящий на столе.

Раддо нахмурился и решительно грохнул кулаком по столу.

— А и гой тебе еси, добрый ты наш Бонифиус, — заголосила Луса, — Ножки твои стоялые, спинушка дебелая, животик кругленький…

"О боги," — подумал Бонифиус, не в силах скрыть содрогание при виде того, как изменилась за последние сорок лет девчонка, которая жила по соседству и которая когда-то, лет тридцать назад, казалась ему идеалом красоты, — "какое счастье, что я на ней все-таки не женился!"

— Ты как посмела?! — заорал он вслух. — Как посмела опять

напиться! Ты что, думаешь, я тебя не выгоню?! Да пошла вон отсюда… — заклокотал разгневанный фрателла, не в силах подобрать правильное наименование безответственной работнице.

— Ни в одном глазу, — оскорбилась Луса. — Как демона увидела — сразу, прям на месте, и протрезвела я, дорогой ты мой Бонечка. Вот что угодно у меня спроси — как мы с тобой сорок лет назад в городском фонтане голышом купались, как ты за яблоками в дом тогдашнего фрателлы Ступеняя лазил, да волкодав евонный клок из штанов твоих выгрыз — помню; как мы сено с тобой крали в год Снежной Куропатки, тоже помню прекрасно…

К моменту упоминания о том, что Луса, оказывается, прекрасно помнила и грандиозную порку, которую устроил Бонифиусу заботливый отец, когда маленький Бони вернулся домой, пошатываясь от первой украденной рюмки водки, лицо фрателлы приобрело насыщенный малиновый оттенок. И, если бы не спасительное вмешательство Огги, кто знает, не хватил бы Раддо удар в его самый, казалось бы, счастливый день жизни.

— Какой демон? — уточнил Рутфер. Луса взмахнула рукой с зажатой трубкой и объяснила, что демон был огромен, грозен и пылён, как старый мешок, при этом гавкал, мяукал, орал и матерился, как взаправдашний человек, тыкался острыми иголками, и вообще… Он девицу вашу унес. Так что демон действительно был…

— Погоди, — пробрался через словесный шум Бонифиус. — Ты вообще о чем?

— О демонах, дорогой ты мой Бони, золотой ты мой человечек, — с доброй улыбкой ответила Луса. — Я их, энтих демонов, и не боюсь, вот нисколенько. Только он как явился — усища во, шлёйф за ним — во, весь в пыли, тролли разбежались, а сам-то матерится, сердешный-окаянный, как будто вчера его тёща навестила…

Фрателла еще раз громыхнул по столу, заставив посуду испуганно подпрыгнуть, а Лусу, наконец-то, приблизится к истине.

— А когда он начал меня похищать, я-ить грудью встала на защиту! Ей-ей, — гордо выпятила свой "естественный щит", перевязанный платком, отважная воительница. — А тока он все равно девчонку спер. Видать, по вкусу она ему пришлась… Да уж, по вкусу, — задумчиво завершила доклад о произошедших событиях Луса и печально уставилась на хозяйские разносолы.

— Ты хочешь сказать, — медленно, едва сдерживаясь, чтобы тут же, на месте, не придушить женщину, которая сорок лет назад

была веселой смешливой девчонкой, вдохновлявшей его на воровские подвиги, уточнил фрателла Раддо. — Что мэтрессу Далию, которая есть ключ к древним сокровищам, которые должны спасти меня от мести Громдевура, который, стервец, до сих пор не может простить мне каких-то шести месяцев тьюсской каторги… Ее похитили?!!

Огги вдруг понял, что исчезновение девушки, которую он сам несколько дней назад похитил из Талерина, есть еще один Знак, и еще больше озаботился выбором божества, в которое сегодня, как никогда, готов уверовать. А Хрумп, не забывавший хватать со стола всё более-менее съедобное, загыкал с набитым ртом:

— Туда ей и дорога, этой гадине! — Заметив удивленный взгляд полупросветлившегося Рутфера, Хрумп объяснил: — Помнишь, я тебе говорил о крале, которую чуть не прирезал в Талерине и из-за которой меня, в конечном итоге, и отправили на каторгу? Именно из-за той клятой мэтрессы! Значит, демоны ее украли? Так ей и надо, гадюке…

— Эх, ты, шкотиняка, — торжественно провозгласила Луса. — А утром говорил — крашивая, еще и познакомитшя поближе хотел, а нынче вон как заговорил, кобелина ты этакая…

— Не, та девчонка, которую ты сторожила, очень даже ничего была. Конечно, вся такая бледненькая, мрачная, так и хочется ее приласкать, объяснить, что не всё так в жизни плохо…

На лицах Огги и Лусы возникло одинаково гадливое выражение — очевидно, им пришло в голову, что после такого объяснения всё действительно станет еще хуже. А Хрумп тем временем продолжал:

— А мэтресса Далия — совсем другая. Она, правда, тоже на рожу ничего, и подержаться за что у нее имеется, — движениями рук он обозначил изящный силуэт, — но характер такой паршивый, такой вредный… Так что, босс, вы слишком-то не расстраивайтесь. Демону самому будет хуже, что он с этой дурной алхимичкой связался, по собственному опыту знаю…

Господин Раддо, который не принимал участия в оживленной дискуссии, потому как у него внезапно резко заколотилось сердце, сидел, обмякнув в кресле и прижимая к груди ладонь.

— Повтори, что ты сейчас сказал… — прохрипел он.

— Вы о чем, хозяин? — не понял Хрумп.

— О мэтрессе Далии… Говоришь, девушка, которая сидела в подвале у Лусы, не она?

— Зуб даю, что нет! — с охотой предложил Хрумп. И полез в карман за оригинальной вещицей, которую пару дней назад выиграл в кости у одного из телохранителей фрателлы Зунорайе.

Бонифиус перевел взгляд на Рутфера и тот побледнел еще

больше.

— Я не… В той ресторации только одна алхимичка и была! — принялся оправдываться Огги. — я и подумал, что… Я хотел… Вы ж сами сказали — действовать быстро… Что ж вы не сказали, что в той ресторации алхимичек полным-полно!.. Спросите лекаря, он скажет вам, что я собой не владел на момент похищения!..

— Я тебе так спрошу, — хриплым шепотом пообещал Раддо, — что твоих костей ни один некромант не сыщет, — и хватил по столу так, что самые нервные из тарелок поспешили слететь на пол. — У вас, засранцев, двадцать четыре часа, чтобы разыскать обеих — и мэтрессу, и ту девчонку, которая сбежала от Лусы…

— Не сбежала, — педантично поправила Луса, набивавшая трубочку, — ее демон унес.

Лицо Раддо приобрело цвет спелого баклажана.

— Чтобы найти обеих, иначе — пеняйте на себя, мерзавцы…

— Фрателла, — хитро улыбнулся Хрумп. — Да не серчайте так, сердечко свое поберегите, в самом-то деле! К чему лишние угрозы? Вы ж человек старый правил; как и подобает хорошему вору, чужую кровь не льете, а что с меня, что с Огги, кроме запасных штанов, и снять-то нечего… Давайте договоримся так: мы, конечно, стараемся, но за честную долю от будущей прибыли. Сколько, вы говорите, сокровищ в том кладе, к которому Далия знает дорогу?..

Наглость временного помощника подействовала на Раддо как чудодейственная микстура. Кровь отлила от головы, сознание прояснилось, и Бонифиус взглянул в глаза Хрумпу со стылым, ледяным выражением.

— Не беспокойся, дружок, ни одной лишней капельки твоей крови не пропадет зря. Эй, кто-нибудь, зовите сюда Фломмера!

С Хрумпа мгновенно слетело показное бахвальство, и он, вслед за более добросовестным Огги, поспешил с поклонами отступить к двери, уверяя фрателлу, что сей же час, сей секунд отправится на поиски… Ибо есть время думать о душе, а есть время — спасать бренное тело, избегая встречи с лучшим из наемников господина Раддо…

Когда оба помощника убежали, Бонифиус угрюмо посмотрел на Лусу — та, пользуясь моментом, добралась до вожделенного графина и теперь "лечилась от нервов".

— Ты не боись, Бони, — истолковала по-своему взгляд Раддо его верная помощница. — Демон, который стащил девчонку, уже наверняка сытый, твоих парней не съест… А коли и съест — так невелика потеря… — И с наслаждением затянулась трубкой. — Давай, что ли, выпьем, как в добрые старые времена…

Фрателла промолчал в ответ. Он барабанил пальцами по подлокотнику, усиленно соображая, что же делать… Как, о всемогущие боги, как получилось так, что его замечательный план дал сбой? Или какой-нибудь подлый чернокнижник наложил проклятие неудачливости, позавидовав успехам фрателлы Раддо? А что, такое проклятие на самом деле известно некоторым магам. Мэтресса Вайли когда-то, по просьбе Бонифиуса, зачаровала злостной колдовской неудачей ныне покойного фрателлу Ши…

Но Бонифиус был убежденным материалистом, поэтому в случайные просветления, запланированные ошибки и черные чары не верил. Он верил в то, что в нужный момент в нужном месте должен найтись верный человечек, способный принести выгоду ему, фрателле Раддо…

Он решительно встал, швырнул на пол салфетку и, покачиваясь мощными плечами, поднялся наверх, в свой кабинет. Царапая пером бумагу, ибо справиться с нахлынувшими чувствами не было сил, фрателла писал:

Луаз, гостиница "Пять коней"

Донне Кассандре Аурелии де Неро

Уважаемая донна Кассандра! Обстоятельства заставляют меня пересмотреть планы, а потому прошу прибыть ко мне в Бёфери за инструкциями как можно скорее.

— Ну, вот, — сказал Раддо, сворачивая письмо и запечатывая его сургучом. — Кажется, я смогу убить одним выстрелом двух зайцев: приструнить Иллариана и найти управу на шустрого Октавио Громдевура… И что б ему просто не сдохнуть, — в сердцах посетовал Бонифиус. — Одно хорошо — если он когда и решит пойти войной на Пелаверино, уж точно не будет делать этого сегодня, в день своей свадьбы.

Фломмер был своеобразной легендой Дикого Рынка Вертано — удачливый наемник сумел пережить сорок восемь своих нанимателей, сорок девятого торжественно доставил в приют Премудрой Праматери Прасковии, на вечное излечение, а потому пользовался дурной славой. Не остерегайся фрателла Раддо генерала Громдевура гораздо больше, чем каких-то там примет, он бы тоже побоялся нанимать этого громилу с внешностью, неоднократно «подправленной» клинками, дубинками и прочим губительным оружием. Росту Фломмер был шести с лишним локтей, телосложением напоминал быка, и, как какой-нибудь минотавр, рожу имел угрюмую, с низким лбом, выпирающей челюстью и мощными надбровными дугами. Возможно, в роду наемника имелись те самые минотавры, а может, и тролли — но, к сожалению, Алхимия побоялась возможных открытий, а потому

оставила родословную достойного господина Фломмера без изучения.

В любом случае, милой шалостью сего храбрейшего из сильных и сильнейшего из храбрых была привычка ломать людям (и не только людям) шейные позвонки. Фломмер мог задушить человека одной рукой, за пять секунд, на спор, — за что фрателла Раддо уже раз восемь выплачивал штрафы(27), с каждым разом всё более проникаясь доверием и расположением к этому молчаливому исполнительному убийце. К сожалению, для поручений тонких и деликатных, истинно воровских, Фломмер не подходил совершенно — поэтому и пришлось на время болезни Огги приблизить Хрумпа, но когда дело касалось мордобоя…

Одним словом, лишь упоминание о Фломмере подействовало на проштрафившихся помощников господина Раддо так, как действует колючка, засунутая верблюду под хвост. Хрумп и Огги собрались в рекордно короткие сроки, буквально десять минут — и они стояли у ворот, ожидая, когда конюх приведет им оседланных коней и решая, действовать сообща, или же разделиться.

— Я пойду искать девчонку, — решил Огги Рутфер. — Моя вина, что я так облажался, не ту алхимичку украл… Мало ли, что с ней случилось, вдруг и в самом деле демоны украли…

"А попутно," — подумал помощник фрателлы, — "подумаю, в какой же монастырь податься, чтоб Фломмер меня не нашел…"

— Ладно, — легко согласился Хрумп. — Тогда я — за мэтрессой Далией. У меня еще с весны к ней счёты, вот заодно и разберемся…

— Не вздумай! — спохватился Рутфер. — Хозяин хочет с ней поговорить, так что ты не очень-то усердствуй.

— Да я — сама нежность, — ответил Хрумп. — Честное слово, не буду ни ножом, ни дубинкой ее трогать…

"Еще чего," — мысленно добавил вор, — "Я к этой крале и на лигу не приближусь. Мне б только исчезнуть из этого дома так, чтобы Фломмер меня не придушил…"

Проводив товарища за ворота Хрумп немного поразмыслил и побежал на конюшню, сменить поданную ему лошадку на более дорогую, чтоб было с чего начинать новую жизнь. Там, в углу, поскуливала от одиночества и вынужденного бездействия подтянутая борзая, черная, как безлунная ночь. Рядом, за загородкой, стояли три кобеля — два рыжих и черный с подпалинами, и облизывались на недосягаемую прелестницу.

— Что, други, завидно, что не вас отправляют в Великую Пустыню, соревноваться за право быть Покровителем Года? — захихикал Хрумп. — Хотя почему — не вас?

Остальное было делом техники.

Найти сажу (на кухне, в очаге, а заодно и украсть кольцо колбасы и краюху хлеба, якобы по приказу Раддо), вымазать черного с подпалинами до исчезновения рыжих пятен, завернуть Сонечку в плащ, и, придерживая, как младенца (упирающегося, длинноногого и так и норовящего высунуть из-под плаща острую длинную морду), уйти из дома номер 13 по Бурдючной улице.

— Пожалуй, я поищу Далию в Эль-Джаладе, — размышлял Хрумп, выбирая, по какой дороге покидать гостеприимный город Бёфери — южной или западной. — Если меня поймают до того, как Сонечка выиграет гонки Покровителя Года, отбрешусь, скажу, что искал мэтрессу, поэтому и поехал туда. А если собака выиграет, как фрателла и планировал, — вор посмотрел на длинноногую холеную борзую, трусившую следом, — то это я буду жить на Бурдючной улице, пить целыми днями лучшее вино и отдавать приказы какому-то Бонифиусу Раддо…

Беда пришла, когда ее совсем не ждали.

Ровно в десять часов вечера, когда чинная Бурдючная улица укладывалась спать, натянув на уши ночные колпаки или чепчики, по мощеной булыжником мостовой застучали копыта боевого коня.

Жеребец необычайно светлой для умбирадской породы масти — практически белый, как ночь полнолуния, с достоинством потряхивая гривой, вывез своего всадника к совершенно темному, без единого светящегося окна, дому номер семь с половиной, располагавшегося в самом центре Бурдючной улице, и стукнул копытом по мостовой.

Всадник, снаряженный по всем традициям рыцарского поединка — в стальной доспех, закрывавший его от шеи до пяток, с огромным двуручником, — откинул забрало шлема и громогласно объявил, что требует на поединок злодеев и похитителей.

Залаяли собаки. Сторожа, которым обитатели Бурдючной улицы доверили хранить свой ночной покой, осторожно высунули носы за калитки, поинтересоваться, кому ж на ночь глядя неймется.

Убедившись в том, что на поединок злодеи и похитители не торопятся, рыцарь решительно послал коня "стучаться в ворота". Вообще-то, для таких целей подошло бы длинное копье, но увы, руки были заняты мечом. Поэтому жеребцу пришлось пробежаться вдоль Бурдючной улицы и попинать задними копытами каждый из заборов.

На этот шум проснулись уже не только сторожа, но и

телохранители фрателл, которым по долгу службы было положено реагировать на столь явные «сигналы».

К тому времени, когда вышли за ворота домов своих работодателей охранники фрателлы Зунорайе и фрателлы Мильгроу, рыцарь пребывал в растерянности. Кому, спрашивается, он демонстрировал великолепное искусство вольтижировки, кому бросал вызов, ради чего вооружался, если драться не с кем? Увидев потенциальных соперников, рыцарь возликовал, его умбирадец издевательски заржал, и оба забияки отправились на подвиг.

— Вызываю вас на поединок! — легко, как кинжал, поднял вверх огромный меч таинственный воитель. — Сражайтесь, трусы! Или отдавайте похищенное вами!

— Ага, счаз, — засучивая рукава, ухмыльнулись «трусы», к которым постепенно присоединялись коллеги, находящиеся на службе у других фрателл. Вышедший из ворот дома номер тринадцать Фломмер молча сжал кулаки и двинулся напролом.

Рыцарь, занятый выдумыванием, как побольнее оскорбить нахалов, и не заметил приближения наемника, но верный конь выручил — когда Фломмер приблизился, жеребец развернулся, поднялся на дыбы и отбросил нападавшего ударом передних копыт.

Фломмер проехался по мостовой, затормозил, врезавшись в фундамент дома Раддо, и принялся трясти головой, прогоняя звон в ушах.

— Эк ты, братец, хитер, — почесали в затылках телохранители (к этому времени к людям Зунорайе и Мильгроу добавились бойцы еще пяти фрателл). — Так, лошадью, да еще железками увешавшись, каждый дурак могёт драться. Ты давай на кулачках, по-честному…

— Мое благородное происхождение не дозволяет мне опускаться до примитивного кулачного боя, — с сожалением ответил рыцарь. Потом вдруг вспомнил: — Хотя — я ж забыл! Я здесь инкогнито! — и откровенно обрадовался. — Давайте!

Телохранители переглянулись между собой и поняли, что, кажется, их коварный план не удастся.

К тому времени, как шестнадцать телохранителей украсили собой мостовую, постанывая, сетуя на сломанные руки-ноги и с грустью вспоминая зубы, которые у них были до сегодняшнего вечера, известие о большой драке достигло фрателл.

Фрателлу Раддо разбудили одним из первых.

— Господин, — осторожно позвала горничная. — Господин, там ваших людей бьют!

В этот момент кого-то стали бить о ворота, и этот кто-то

заголосил пронзительным голосом. Бонифиус проснулся, натянул, что подвернулось под руку, и, в домашних шлепанцах, спустился вниз, к театру… вернее, улице военных действий.

— Я… вас… научу, как уважать… магов!.. ведьм!.. алхимиков!.. и звездочетов! — увесистыми ударами награждал отважный воитель изрядно деморализованных телохранителей. — Отдавайте похищенное! Хуже будет!

Наемники — те, кто оставались на ногах, и те, кто, постанывая, лежал в обнимку с мостовой, — были уже согласны на любые условия… Вот только что отдавать? *Всё* похищенное? Или так, выборочно?

Мимо Бонифиуса, остановившегося, чтобы понять, из-за чего возникло сражение, прошествовал Фломмер. Физиономия наемника несла отпечаток подковы на лбу и являла намерения всех задушить. Или всех порезать, как получится.

Очевидно, наемник рассчитывал на эффект неожиданности, нападая сзади, а также на то, что ради «честной» драки пелаверинцы уговорили пришлого рыцари не только покинуть спину лошади, но и снять большинство доспехов. Даже помогали, чтоб незнакомец быстрее высвободился из стальной защиты. Из всего великолепного вооружения у рыцаря остался только шлем на голове, но это не помешало ему отреагировать на приближение Фломмера — должно быть, услышав грозное сопение за спиной, он развернулся и встретил очередного врага прицельной зуботычиной.

Р-раз, впечатался кулак рыцаря в щеку наемника; два — зазвенел шлем от удара Фломмера. Дзинь — упал кинжал телохранителя на мостовую, а дальше следить за дракой стало не интересно — удары, капли крови, звон, мат, удары…

Жиль Мильгроу, совершенно смешной и нелепый в ночном халате, на котором ему жена вышила розовых кроликов, поднял панцирь, сброшенный борцом за справедливость на мостовую, и о чем-то задумался. Раддо пересек улицу, подошел к старому приятелю и спросил, в чем дело.

— Видишь? — Мильгроу щелкнул слуге, прося принести фонарь, и показал Бонифиусу панцирь.

На гладкой полированной стали выделялось гравировка в виде раскидистого древа.

— Эу, — мгновенно проснулся Раддо. Испуганно посмотрел на сцепившихся в решительном бою рыцаре и Фломмере. — Неужели это…

Нет, конечно же, нет, — спустя секунду догадался фрателла. Громдевур — чуть выше среднего роста, а этот детинушка — не меньше шести локтей. Возможно, конечно, что Октавио подрос за

годы странствий, но у него ж сегодня — брачная ночь, неужели он настолько ненавидит консорциум "Фрателли онести", что решился…

Тут прицельный удар Фломмера снес шлем с головы его противника, и фрателлам стало ясно, что визита рассерженного Громдевура им удалось избежать.

Всё было гораздо хуже.

— Эй, — скомандовал Бонифиус, — кто-нибудь… — Подоспела та самая расторопная горничная. Господин Раддо показал ей на огонек, мелькающий на втором этаже дома господина Приво. — Сбегай туда, скажи, чтоб их аркебузир не вздумал стрелять. Если промахнутся — так ладно, а коли попадут — на этом штрафе всё герцогство разорится, по миру пойдет…

Мильгроу и Раддо еще немного понаблюдали, как Фломмер и брат короля Кавладора мутузят друг друга.

— Эй, Самсон! Иди, для тебя есть работенка! — крикнул Мильгроу, в то время, как Раддо печально и молча страдал, наблюдая, как лучшего из его телохранителей превращают в отбивную. Может, действительно кто-то поколдовал, что несчастья просто сыплются на самого Раддо и на его подручных? — Прикажи своим людям выкатывать бочки, дружище Бони.

— А чего это — сразу мои бочки выкатывать? — спохватился Бонифиус.

— С меня — Самсон, — напомнил Мильгроу. — Или ты не хочешь от принца Роскара отвязаться? Кстати, о каких похищениях и каких алхимиках он талдычит?

Раддо предпочел игнорировать вопрос.

В некотором смысле Самсон, находящийся на службе у Жиля Мильгроу вот уже двенадцатый год, был не менее достойным сотрудником консорциума "Фрателли онести", чем уже упоминавшийся Фломмер. А в каком-то смысле — даже более. Ибо кому-то повезло родиться похожим на помесь стенобитного тарана и минотавра со спиленными рогами, а кому-то нет, а мастерством употреблять хмельные напитки, сохраняя некоторую ясность ума, обладали многие наемники.

Самсон был среди этих многих истинным гением.

В его родословной — абсолютно точно, ибо этим фактом наемник фрателлы Мильгроу несказанно гордился — был оборотень, превращенный какой-то осерчавшей ведьмой в жабу. После того, как ведьма немного успокоилась и посчитала проклятие исполнившимся, честный вервольф на три дня в месяц стал покрываться буро-зеленой кожей и квакать на луну. Не

вынеся такого позора, оборотень пошел, покусал ведьму, и она вроде бы расколдовала несчастного окончательно… Так думали, когда спустя два года новорожденный сыночек этого самого оборотня в первое же полнолуние своей жизни не превратился в большую зеленую лягушку, а потом лет до двадцати искал прекрасную деву, которая согласилась бы поцеловать его в трансформированном состоянии… Эта история произошла давно, лет двести тому назад, проклятие частично выветрилось, но Самсон действительно ощутимо зеленел каждую четвертую неделю своей жизни, а с водой и прочими жидкостями был, что называется, исключительно "на ты".

Он мог выпить две десятиведерные бочки самого крепкого вина и лишь слегка захмелеть.

Поэтому ничего удивительного, что консорциум "Фрателли онести" всерьез считал Самсона своим тайным орудием, пригодным в случае, если на город вдруг нападут войска разозленного генерала Громдевура… или других, не менее злопамятных бывших партнеров по бизнесу.

Когда принц Роскар, основательно упревший после затяжной битвы с Фломмером, остановился, чуть пошатываясь и утирая кровавую юшку из разбитого носа, к нему мягкой походкой подошел низкорослый толстячок — большеротый, лысый, глазки чуть навыкате, а в руках — объемистая оловянная чарка.

— Почто серчаешь, дружище? — спросил толстячок, отпивая глоток вина и, вроде как вспомнив о правилах гостеприимства, предлагая чарку отважному рыцарю.

— Да вот, гады, драться не захотели, — Роскар решительно запил обиду. Потом, отдавая пустую чарку, огляделся, увидел, что, как всегда, остался победителем, и задумался, что делать дальше.

Как-то непривычно, в самом деле, отвечать за благополучие целого Министерства… Для Роскара, специалиста по совершению подвигов, главным всегда было выйти на ристалище и достойно поприветствовать противника направленным ударом в зубы. Этим все проблемы обычно и заканчивались. А тут… Подраться он подрался, только похищенную студентку ему пока возвращать никто не спешил.

Поэтому Роскар решил действовать тонко и дипломатично.

— Эй, как тебя…

— Самсон, — представился большеротый толстячок.

— Господин Самсон, ты сходи-ка, объяви фрателлам, что я шибко серчаю, и, пока мне не вернут похищенное, не уйду.

За короткое время, необходимое для произнесения фразы, к рыцарю и толстячку подошла, повиливая бедрами, жуткая

женщина, перевязанная платком крест-накрест, с яркими шелковыми павлинами на голове и вонючей трубочкой в зубах. Угодливо улыбаясь и пыхтя дымом, она налила в чарку из большого бурдюка. Толстячок поблагодарил и отпил. Потом, спохватившись, снова угостил рыцаря.

Роскар охотно выпил и, не желая утруждать посредников, сам подставил чашу — вино у странной женщины было отменное.

— Вы, господин, объясните, что у вас похитили, — дипломатично намекнул Самсон, доставая вторую, запасную емкость и приступаю к выполнению намеченного фрателлами Мильгроу и Раддо плана. — Так оно вернее найдется. Может быть… — на всякий случай добавил Самсон, который, не смотря на сомнительное происхождение, считал себя честным человеком, а жабой — лишь на один жалкий процент…

Луаз

Второе пришествие инспектора Клеорна в луазское отделение Министерства Спокойствия впечаталось в память местных сотрудников еще крепче, чем первое.

Оно просто ворвалось в их мозговые клеточки, оставив за собой шлейф из припаленных суровым взглядом столичного инспектора макушек, подорванных в спешном, но увы, запоздалом желании выслужиться задниц и жуткое ощущение подгибающихся коленок, когда точно знаешь, что вроде бы знал, что делаешь, но, оказывается, ни хрена ты не сделал из того, что знал, и теперь с тобой сделают всё, что ты и так прекрасно знаешь…

За каких-то четыре дня инспектор Клеорн сумел перевернуть всю правоохранительную систему города и ближайшей части провинции не то, что с ног на голову — а и туда, и обратно, причем несколько раз. Стоило сыщику нахмуриться и предложить последовательно, логически объяснить, что сделал проштрафившийся сотрудник ради того, чтобы очистить город, выбранный резиденцией для ее высочества Ангелики на ближайший год, от всяческой преступности, как моральный дух и сознательность сотрудников (не говоря уже о количестве взаимных доносов) росли, как на дрожжах.

К вечеру одиннадцатого дня месяца Барса в Луазе были арестованы триста одиннадцать воров, находящихся в пожизненном розыске, раскрыто восемьсот тридцать шесть краж (в том числе шесть процентов — столетней давности и еще двадцать три процента — с давностью совершения до полувека), обнаружены и…э-э… нейтрализованы более четырехсот борделей, чьим сотрудницам было предложено самим, добровольно

покинуть город, не дожидаясь, когда грозный инспектор спустит на них каких-нибудь морально устойчивых проповедников…

Мэтр Лео, наблюдающий за творящимся беспределом, насаждающим Закон, Порядок и Спокойствие в восточной провинции Кавладора, бледнел, вжимал голову в плечи, поил Клеорна бодряще-стимулирующими зельями по первому же требованию, и предпочитал не противоречить инспектору. Надо искоренять преступность — значит, надо, и каждый вечер он добросовестно ходил к мэтру Иллариану, узнавать, не вспомнил ли он о погибшем Леке-Притворщике еще каких-нибудь подробностей.

В одну из таких встреч мэтр, расплакавшись, поведал, что когда-то у него был страстный роман с матерью Лека, давно, еще когда будущему телепату было три годика от роду, что он еще долго вспоминал блестящую красавицу и томную чаровницу и именно в память о ней поддерживал неудачника Лека, иногда подкидывая ему работенку или покупая бесполезную информацию; но это было единственным итогом расследования мэтра Лео. Таким образом, следовало признать, что молодой волшебник ходит в гости к своему бывшему наставнику исключительно ради вкусных ужинов.

Давно следовало нагрузить на мэтра Лео другие, более ответственные дела, но увы, Клеорну не хватало для этого времени. Он искал, искал, и снова искал, где в Луазе спряталась мэтресса Далия. Где ее могут прятать похитители (под эту лавочку были раскрыты десять дел о похищении), вдруг украли (пять случаев подпольной работорговли), вдруг удерживают где-то против воли (визит в замок наследного аристократа, который… гмм… ну, он не хотел ничего дурного, просто любовь такая штука, которую не все понимают однозначно… Ах, оставьте нас, инспектор, третий в таких делах лишний! Хотя… Может, останетесь? Вам дать плетку или ошейник?).

Устраивая погром… э-э… официально — все-таки обыск — в гостиницах, Клеорн обнаружил перепуганную барышню Изольду. Она, оказывается, еще седьмого числа, вечером, отправилась Луаз, чтоб навестить здесь больную тетушку. Убедившись, что инспектор не желает ей ничего дурного, Изольда отрекомендовала Клеорну «тетушку», оказавшуюся отцом Хонгом из Ордена Асгадира Внезапного. По версии отца Хонга, он познакомился с молодой симпатичной студенткой после того, как его со скандалом вышибли из Королевского Дворца, и он сам предложил девице свои услуги, включая моральное утешение и оплату услуг телепортиста до Луаза, чтобы разыскать пропавшего жениха Изольды. Он вовсе не собирался устраивать тотальный

террор всем гномам! (хотя коротышки — и отец Хонг заявляет это официально — избили его до… короче, избили. И очень чувствительно…)

Хонг откланялся при первой же возможности, и Клеорну пришлось некоторое время отбиваться от атак Изольды, требовавшей, чтобы инспектор разыскал Ньюфуна из клана Кордсдейл, якобы жениха прекрасной студентки. Встреча с Ньюфуном, как возможного свидетеля в деле о пропажи мэтрессы Далии и Напы Леоне, конечно, отвечала интересам Клеорна, но вот найти гнома оказалось не так-то просто. Мэтр Лео просто не почувствовал присутствия Кордсдейла, другой, более опытный маг, сказал, что для розысков Ньюфуна ему нужен какой-нибудь из принадлежащих объекту поиска предметов… Короче, не получилось.

Разыскать же мэтрессу Далию и вовсе оказалось делом запутанным и сложным. Единственное, что подтверждало ее визит в Луаз — наспех нацарапанная запись в книге прибытия, что "мэтресса Далия и Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл, в сопровождении кареты, двух тягловых животных и кучера, проездом", сделанная 5-го числа… После этого — никаких известий. Никаких зацепок. Никаких упоминаний…

Одним словом, мэтр Лео всерьез начал беспокоиться за рассудок своего начальника.

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое Клеорн разбудил мэтра Лео, дремавшего в обнимку со служебными отчетами, и потребовал немедленно, сей же час, пуститься в путешествие. Зевая, Лео вышел во двор полицейского участка, выбранного Клеорном в качестве базы, и с трудом, отчаянно пытаясь справиться с дремотой, вскарабкался на спину смирной лошадки.

— Куда едем? — уточнил Лео, когда Клеорн сел на вторую лошадь и потребовал бежать галопом.

— В погоню за Далией! Я всё разузнал, — самым быстрым лошадиным ходом покидая Луаз, объяснил инспектор. — Вечером пятого числа на здешней телепортационной станции вышел большой скандал.

— А-а, — протянул Лео, изо всех сил помогая себе левитацией не свалиться с седла. — Помню, помню. Еще тогда этого… ну, в общем, ученика одного из местных мэтров, какой-то странный карлик заманил в стену и замуровал, причем так качественно… Хотел бы я знать, как у карлика получился тот фокус с пространством?

— Оставьте ваши глупости, мэтр! — рявкнул Клеорн. За прошедшие четыре дня сумасшедшей работы и безумных поисков

лицо инспектора осунулось, а красные воспаленные глаза испугали бы любую нежить. — В тот вечер в ресторанчике рядом с телепортационной станцией видели красивую особу в розовом шелковом платье, чей словесный портрет полностью соответствует описанию мэтрессы, причем с этой особой была гномка — судя по огромному носу — из клана Кордсдейл.

— И что? А еще, если верить слухам, которые принес Иллариану один профессиональный сплетник, гномка из клана Кордсдейл путешествовала с некой неизвестной некромантткой из Ллойярда… Кстати, хотел бы я с этой дамой познакомиться… В смысле, — поспешил объясниться мэтр Лео. — Ради того, чтоб она побеседовала с духом убитого Лека-Приторщика. Ведь дело о его убийстве вы, инспектор, не в обиду вам будь сказано, так и не раскрыли…

Инспектор Клеорн крепче вцепился в поводья. Целую секунду он хотел сказать, что описание безбородой гномки из клана Кордсдейл и дамы в розовом его привлекло именно тогда, когда он изучал показания свидетелей относительно смерти Лека-Притворщика — именно этим посетительницам убитый телепат пытался навязать сеанс «предсказания», именно они исчезли сразу же, стоило Леку отойти на несколько шагов от трактира… Но ведь тогда придется разыгрывать официальное лицо до конца и признать, что ищет уже не просто мэтрессу Далию, самую красивую сапиенсологиню Университета королевства Кавладор, а женщину, подозреваемую в убийстве… Нет, на такое расследование у инспектора Клеорна просто не было душевных сил!

Копыта звенели по Караванной Тропе, и два всадника точно повторяли маршрут, по которому несколько дней назад таинственная черная карета унесла даму в розовом и ее низкорослую спутницу…

Где-то. Рано утром (неизвестно, каким по счету, но теплым и относительно пасмурным)

— Что это с ним?

— Понюхай.

Сопение.

— Он *пил,* — с плохо скрытой завистью угадал незнакомый голос.

— Пил много, долго… И тривернское вино, — снова сопение, — и иберрское… и даже эльфийское…

— Не, ты врешь! — не согласился еще один голос. — Эльфы еще когда наш мир покинули — всё их вино уже давно выпито!

— Ну так уж прямо и всё, — не согласился другой голос. —

Что, и нам ничего не оставили?

— Не-а. — подтвердил третий голос. Печально и торжественно, как на похоронах.

— Вот сволочи! А ведь могли бы и поделиться! Правильно дедушка говорил, что остроухим нельзя доверять! По сусалам их, по сусалам!

— По шее! А еще лучше — топором по коленкам, и нам удобнее, и им вредней! — поддержали энтузиазм оратора остальные. Хор был нестройный, и полуживой Роскар так и не смог понять, сколько же существ его окружают.

То, что он лежит навзничь, на чем-то мягком, но местами колючем, что ноги немного замерзли, мочевой пузырь переполнен, а глаза упорно не желают открываться, Роскар угадал.

Обладатель сопящего носа тем временем продолжал обнюхивать лежащего с закрытыми глазами человека и перечислять спиртные напитки, им употребленные.

— Пиво он пил, — мстительно заявил нюхач. — Разное. Местное паршивое. Хорошее тривернское. И наше родное, орбурнское.

— Вот гад!! — возмутились хором все остальные. Дискуссия о необходимости надавать "по сусалам" эльфам вдруг заглохла, и Роскар даже сквозь похмелье почувствовал, что следующим пунктом обсуждения будет, а не надавать ли пинков вот этому самому человеку, благо он уже лежит и даже не сопротивляется.

— А еще он пил фносский кагор… Брабанский мускат… Северную пшеничную…

Голоса заворчали, и Роскар просто кожей почувствовал приближение хорошо заточенных хищных лезвий.

— Стафодарскую особую на бруньках… ллойярдское виски…

— Нет, ну почему?! — истерически закричал кто-то. — Почему каким-то верзилам достается все то, что должно доставаться нам?!

Над головой Роскара разгорелась дискуссия. Здесь явно пахло не примитивным "по сусалам", и даже не обычными топорами. В перешептывании явно звучали подстрекательство к бунту и намерение взорвать на фиг первое же попавшееся под руку королевство, ибо иначе никак…

— Ребята, — замогильным шепотом возвестил нюхач. Дискуссия смолкла, а Роскар вдруг почувствовал, что испугался. Впервые за последние двадцать лет. Однако…

— Ребята, — торжественно провозгласил нюхач. — Вы не поверите, но он и наш самогон пил.

Роскар не выдержал, открыл глаза и увидел семь очень

острых лезвий грозных громьих топоров, нацеленных прямо ему в переносицу.

Яркая молния, пронзившая голову отважного принца при попытке как-нибудь этой самой головой двинуть, заставила Роскара снова зажмуриться, застонать и без сил рухнуть в колючее сено.

— Ребят, — осторожно сказал один из гномов, — чего ждем? Давайте его убивать, раз уж он такой пьяница…

Роскар хотел было возразить, но из его горла вырвался лишь сдавленный полухрип-полустон.

— Не, — возразил самый уверенный из спорщиков. — Давайте просто подождем, пока сам умрет.

— Давайте, — хором поддержали его все остальные.

На несколько минут над лежащим Роскаром и столпившимися вокруг него гномами повисла напряженная тишина. Поверженный принц пытался справиться с жуткой головной болью, гномы думали о чем-то своем.

— Ребята, — осторожно подал голос один из гномов. — Он чёй-то не умирает.

— Давайте ему поможем! — бодро предложил непрошенный советчик.

— А как? — с энтузиазмом спросил третий. — Ты посмотри, какая у него шея! Топор с одного раза не возьмет, а ко второму удару он, чего доброго, проснется и поднимется!

Действительно, — мысленно согласился Роскар. — Надо подниматься прямо сейчас, пока и в самом деле не угробили. Встать, представиться, объяснить…э-э… нет, наоборот, попросить их, чтоб объяснили, где это я, почему ногам холодно, голове погано… Ой, что скажет Ангелика, когда узнает, как я облажался!.. Ох, что скажет Гудеран, как посмотрит Везувия… Но главное — Ангелика. Он же будет меня пилить и воспитывать, пилить и пилить, вредная сестрица… А я ведь не нарочно, я эту хотел спасти… ох, не помню… имя такое короткое…

— А давайте, — вдруг выдвинул рациональное предложение еще один непрошенный советчик. — А давайте его как-нибудь иначе убьем. То есть, я хотел сказать — не топором. У кого-нибудь удавка есть?

Удавки, на счастье Роскара, ни у кого не нашлось. Кто-то громогласно объявил, что в этом сарае, должно быть не человеки обретают, а настоящие тролли, а может быть, даже тупые гоблины — даже веревки нет! Всё украли! Опять добрым работящим гномам ничего не оставили!

— Знаю! — вдруг осенило еще одного рационализатора. О боги, дайте сил открыть глаза и подняться! А то ведь и вправду

убьют, мелкие настойчивые твердолобые коротышки…

— Давайте заставим его пить до тех пор, пока он сам не окочурится! Так, у кого есть?

Сосредоточенное похлопывание по кожаным курточкам, укрепленных стальными и бронзовыми заклепками, привело к неутешительному выводу:

— Ну вы и жадины! Сами всё выпили! Неужели не могли предвидеть, что понадобится?!

— Так мы ж не эльфы, — осмелился кто-то возразить предводителю. — Ясновидением не отличаемся…

— И тут они нас обошли, — сердито буркнул главный. — Заразы остроухие… Ну, давайте тогда травить его, чем есть…

К губам Роскара прижали узкое горлышко фляжки и вполне целенаправленно принялись вливать в него жидкость. Принц дернулся, несколько капель пролилось мимо, но потом Роскар учуял вполне однозначный запах и перестал сопротивляться. Ведь мэтр Фледегран не однократно говорил, что валерьянка — весьма полезное растение, а его настой — одно из самых часто использующихся зелий. Другое дело, что спиртовой настой валерианы придворный маг рекомендовал фрейлинам Везувии и Ангелики, а сам Роскар зарёкся употреблять магические настои да ведьмины зелья еще в детстве, после того, как по ошибке хлебнул эликсира, предназначавшегося для отца…

После хорошего глотка отдающего крепким травяным духом спирта в голове Роскара начало потихоньку проясняться.

— Гляди-ка ты, он глаза открыл, — прокомментировали следующий подвиг принца столпившиеся вокруг него гномы.

— На нас смотрит.

— И чего-то помирать не собирается. Может, его еще чуток подпоить?

— Не знаю, — сказал тот гном, который, по всей видимости, был хозяином фляжки.

Роскар тем временем осматривался. Так, лежит он действительно на сене… в какой-то подозрительной хибаре… Сарай или конюшня? Вдоль стены огорожено место, где, теоретически, можно держать пару коров, но кормушка пустая… Одинокие ржавые вилы стоят в углу… Ведро без дна… Наверху сквозь дощатый настил проглядывали клоки сена — и там, наверху, вдруг кто-то заворочался, засуетился, отчего сухие травинки полетели прямо в лицо Роскару.

Он сморщился и поднял руку, чтобы убрать травяную труху.

— Пои его! — суетливо приказал один из гномов собрату с фляжкой. — Пои, а то совсем очнется!

Гном весьма решительно склонился к Роскару, отвинчивая

крышечку походной фляжки, но тут из-под крыши донесся громкий отчаянный рев.

— Ау мнияяуууу?!!!

Гномы, как по команде, подняли вверх бороды и принялись сосредоточенно размышлять. Сначала из фляжки с целебным настоем сделал глоток ее хозяин, потом передал сосуд соседу. Тот — своему, и так пять раз.

— Хоуучууу!!! — завыло прошлогоднее сено, еще активнее осыпаясь на приподнявшегося Роскара.

И кто-то очень злой и решительный начал царапаться в непрочные доски сарая.

— Ребята, пора сваливать? — уточнил самый пугливый из гномов.

— Не-а, — ответил самый храбрый. Ну, или тот, которому досталось три глотка настойки, по сравнению с двумя, которые успели сделать его собратья. — Еще не пора. Вот если он сумеет проломить потолок…

В этот момент одна из досок (треснувшая, как снизу было видно Роскару), с оглушительным звуком переломилась, и стожок прошлогоднего трухлявого сена высыпался на почивающего в сене свеженьком его высочество принца Роскара из династии Каваладо.

Вместе с сеном на принца упали…

— Демон! — заверещал самый наблюдательный гном, швыряя в мелкое утробно рычащее существо фляжкой с валерьянкой.

— Вампир!!! — поправили его шестеро товарищей, споро подхватывая топоры и устремляясь к выходу. — Тикаем!

— Вампирша кошкой не наелась, спасайся, кто может! — истерически объяснил самый разговорчивый из гномов, плотно закрывая за собой дверь.

Через секунду Роскар услышал, как дверь усиленно забивают по периметру — должно быть, десятидюймовыми гвоздями и абсолютно точно — осиновыми досками.

Правда, всё это было не важно. Чрезвычайно спокойный принц понял, что вместе с сеном на него свалилась девушка. И кто-то еще, кто с утробным рычанием сейчас елозил металлическую фляжку по бывшему хлеву…

— Ой, извините, пожалуйста, — проговорила девушка, выбираясь из объятий своего невольного спасителя. Она весьма чувствительно наступила на Роскара и снова извинилась, сославшись, что здесь темно… Чтоб этим гномам оставить дверь открытой, а то ничего не видно…

Пять секунд общения с милой барышней плюс сделанный

ранее глоток валериановой настойки окончательно протрезвили принца. Он поднялся и галантно предложил выбить дверь.

— Нет, лучше вот тут, в стене сдвинуть пару досок, — предложила девушка.

Через несколько минут, когда указанная операция была проделана, принц вышел за пределы сарая и помог выбраться своей очаровательной неожиданной спутнице.

Она действительно была очаровательна. Среднего роста, худощавая, бледная, с длинными черными волосами, в которых очаровательно запутались сухие травинки, в очень простом черном платье по лллойрдской моде, то есть узкое в талии и плечах и расширяющееся книзу. Но самое главное — она, от души поблагодарив нежданного спасителя, протянула ладошку и сказала:

— Вы, случайно, не знаете, как пройти в Талерин?

— Гмм? В Талерин? — уточнил Роскар, ненароком проверяя свой внешний вид. Штаны и рубаху ему оставили, а вот где сапоги, куртка, доспехи, меч и конь, оставалось только гадать. — Зачем вам в Талерин?

"Там Везувия с ее вечным снисходительным взглядом и Ангелика, которая будет рада прочитать мне очередную лекцию о добронравии… Ах, нет, Ангелика и Октавио, должно быть, уехали в Фюрдаст. Стоп, а какой сегодня день? Позже разберусь," — подумал Роскар. Ответ девушки его приятно удивил.

— Понимаете, я учусь в Университете королевства Кавладор. А здесь я оказалась, потому как меня похитили! Кстати, меня зовут Джоя.

— Точно! Я же помню — имя короткое! — обрадовался Роскар.

— Что? — не поняла Джоя.

Принц отмахнулся. Дескать, так, пустяки, ничего серьезного. А кто же вас похитил, о прекрасная Джоя? Укажите мне его, и негодяй пожалеет, что родился на свет!

Вид похмельного молодого человека — да, высокого и статного, но такого забавного с сеном в волосах, темными кругами под глазами, синяками на скуле и переносице и распространяющего запах валерьянки, заставил девушку улыбнуться. Всерьез испугавшись, что у «героя», чего доброго, хватит отваги отправиться в бой немедленно, сию же минуту, Джоя поспешила успокоить неожиданного спасителя:

— Вы не волнуйтесь, я от них сбежала.

— А всё же, кто они были? — допытывался Роскар. Сделав одну половину дела — обнаружив искомую девицу, он вдруг захотел провернуть и вторую половину подвига, примерно

наказав похитителей.

— Какие-то буренавцы, — честно ответила Джоя.

Такой ответ всерьез огорчил Роскара, который, как вслед за своим батюшкой и братом, был уверен, что причинами всех бед Кавладора является восточный сосед, герцогство Пелаверино, с ушлыми "Честными братьями" во главе.

— А я-то напал на Бёфери! — покаялся Роскар. — Хорошо, что город не сжег… Или все-таки сжег?! — вдруг обнаружил принц провал в своей героической памяти. — Вы вчера пожара здесь, поблизости, не видели? Э-э… а где это мы?

— Не знаю, — пожала плечиками Джоя. — Да и какая разница? Я уже который день путешествую из Водеяра в Стафодар, и, знаете, все дома, которые я встречаю на пути, подозрительно похожи между собой…

— Тогда действительно, разницы никакой, — согласился Роскар. — Ну, тогда, барышня Джоя, позвольте мне проводить вас до Стафодара… Или в Талерин?

— На самом деле, — честно ответила дацианка. Ей бесконечно понравилась вежливость молодого человека и та легкость, с которой он согласился с ее мнением. — Мне надо в Аль-Тораз. А оттуда — как-нибудь добраться до Ильсияра. Понимаете, у меня есть подруга, которую и хотели похитить те злоумышленники, которые в итоге похитили меня. И я должна предупредить Далию, что ей угрожает опасность…

За эту недолгую речь принц Роскар неожиданно для себя самого пережил жуткий шок. В дыре, через которую буквально пять минут назад они с Джоей покинули уютный сарай, вдруг показалось странное создание. Оно было похоже на кота — этакого огромного, раскормленного добросердечной хозяйкой черно-белого пушистого барина, повелителя мышей и грозу сладких свежих сливок. Но у создания имелась на голове вполне натуральная стальная каска, увенчанная острым шипом, а также диковинного вида «попонка» из стали и бронзы.

— Только не оборачивайся! — драматическим шепотом велел Роскар, вмиг забыв об этикете и сжимая кулаки, готовый драться с таинственным существом не на жизнь, а на смерть.

Золотые глаза животного, сошедшиеся к переносице, полыхали солнечным светом, а пасть, раскрываясь, издавала странные звуки.

Самым странным в этих звуках была осмысленность…

— Бяуваааали дняуу вяуселые… гууляуул яуу мяулоудой! Фрр… Фрр… чую, геуройским духом пяухнет… Дайте мне коуня и моулоудца… Коунь на завтраук, моулодец на ужин… А обеуд я и таук съем… Дайте мне пауру геурроев, и я перевеуурну этот

мир!!! — лапы Черно-Белого Кота расползлись и он, забыв перебраться через дыру в стене, повис на деревянной доске стираной тряпкой.

— Что это? — с душевным трепетом спросил Роскар.

Джоя посмотрела. Увидела свое воображение. И застенчиво объяснила:

— Вообще-то, ничего материального…

— Тогда дело плохо… — решил Роскар, не в силах отвести взгляда от котообразного чудовища. — Похоже, у меня белая горячка началась. Всё, нельзя мне домой возвращаться! Меня сестра, брат и невестка просто съедят! Опять начнут воспитывать: да как я мог, да какой пример подаю детям…

— У тебя есть дети? — удивилась Джоя.

— Его детям, братовым, моим племянникам, значит, — уточнил принц. — Кстати, зови меня Оск.

— Джоя, — еще раз представилась девушка. И мило засмущалась, вспомнив, что уже называла себя.

Ей шло смущение. Ей шла бледность, растрепанная прическа, некоторая помятость платья, источником которой — Джоя рассказала, пока они выбирались на столбовую дорогу — были несколько дней, прошедших со времени ее побега. Ей шли стихи, которые она процитировала, когда Оск пожаловался, как, оказывается, его будут ругать родные за то, что допился до потери вооружения, коня и немотивированной агрессии в адрес консорциума "Фрателли онести" в полном составе. Ей шло внимание, с которым она слушала рассказы Оска о том, как, оказывается, нелегко быть младшим братом умного старшего братца и въедливой средней сестрицы. Ей шла искорка смеха, с которой она выслушивала рассказы своего неожиданного рыцаря о его подвигах — и Роскар смеялся вместе с ней над чудаками-менестрелями, которых хлебом не корми — дай приукрасить действительность… Одним словом, ей шло всё, даже пыль дальней дороги и легкое недоумение всякий раз, когда вой странного создания напоминал принцу о том, что он болен белой горячкой…

Наверное, сама Судьба подпилила ту злополучную… вернее, счастливую доску, — понял Роскар к концу дня. Они прошли большой кусок пути, встретили путников, которые объяснили им, как добраться до Вертано, встретили разбойников, которые хотели их ограбить, а в итоге поделились с Оском сапогами, кинжалом, курткой, тремя метательными ножами, десятком серебряных монет, а с Джоей мирным послушным осликом и почти новым шелковым плащом. Теперь путешественники отдыхали, глядя, как горит костерок, в котором запекались

обмазанные сырой глиной пойманные Роскаром перепелки.

Судьба, она же — Черно-Белый Кот, ковылял следом, мучаясь валерьяновым похмельем, недоумевая, что же за клятая тяжесть давит ему спину и почему уши вот уже который день плотно прижаты к голове… Ох, встретит он… Так, присел Кот и шумно почесался задней лапой. Кого бы встретить? А хоть медведя! Он, Кот, такой голодный…

Медведи, на их счастье, в герцогстве Пелаверино не водились. Водились лисы, а также стаи одичавших собак, мало отличавшихся от волков, забредающих с севера. Но какая разница, кто из них, привлеченный запахом жареной дичи, сунулся под утро в импровизированный лагерь Джои и Роскара?

Через несколько часов, добравшись до маленькой деревушки, на единственной улочке которой возвышалось одинокое здание постоялого двора, Роскар продал две шкуры и, после короткого соревнования с местным людом, у кого кулаки крепче, утвердил за собой, своей спутницей и белой горячкой в каске и панцирной попоне место в караване, спешащем в Вертано.

К этому времени принц Роскар из династии Каваладо понял, что данная конкретная алхмичка — пускай еще не настоящая мэтресса, но уже невыразимо прекрасная в своей образованности, загадочности и невозмутимости, — есть любовь всей его жизни.

"Домой возвращаться нельзя," — решил Роскар, вернее Оск, наблюдая, как белая горячка сосредоточенно расправляется с ворованной у хозяина каравана колбасой. — "Ангелика и Везувия, как узнают, в кого я влюблен, опять будут читать нотации… Надо срочно что-нибудь придумать. Чтоб раз и навсегда отвадить их от воспитания меня, непутевого. Жаль, что я не маг, как Пабло. Выиграл бы я гонки Покровителя Года, все бы меня уважали, может, и жениться на студентке родом с Даца позволили бы…" Потом Оск посмотрел на девушку — ее профиль, ее глаза, разметавшиеся по плечам черные волосы…

На сердце потеплело, а в голову великого героя Кавладора вдруг постучалась умная мысль: а почему бы, собственно, и не попытаться?

16-й день месяца Барса, вечер
Аль-Миридо, замок Лаэс-Гэор

Мэтр Лео вышел из телепорта, выманил следом за собой бесчувственное тело инспектора Клеорна и, чуть робея, постучал в огромные деревянные ворота волшебного замка. Зеленые ветви шевельнулись, почувствовав присутствие незнакомого им мага, посовещались между собой; короткое сообщение шорохом пронеслось по веткам, листьям и побегам, из которых был

сотворен чудесный Лаэс- Гэор, потом в одной из створок прорезалось корявое лицо — не в смысле «уродливое», а в смысле из коры дерева, и голосом Лотринаэна пригласило заходить внутрь, чувствовать себя, как дома.

Лео так и поступил. Хотя чувствовать себя "как дома" в волшебном замке иберрских магов, наследников эльфийских тайн, у него не получалось. Волшебник шел, раскрывая рот от удивления перед многочисленными цветами, листьями и растительными узорами (причем не всегда угадывая, где красоты естественные, а где — сотворенные гением художника), наполнявшими "Лиственный холм"; инспектор Клеорн левитировался следом…

Мэтр Лотринаэн, ведущий специалист Министерства Чудес Кавладора по межпространственным перемещениям, встретил гостей у небольшого фонтана, чье веселое журчание было, пожалуй, единственным звуком, нарушавшим покой Лаэс-Гэора.

О тишине, столь необычной для места, населенном волшебниками и их учениками, Лео и спросил, едва закончив с церемонией приветствия.

— Все уехали в Эль-Джалад, — хмуро ответил Лотринаэн. — Кто-то, как мэтр Аэлифарра, повезли своих претендентов, кто-то, как Тэффифи, Пабло и остальные ученики — просто поболеть за наших… Даже отец в конце концов не выдержал, сказал, что хочет посмотреть, как Кадик ибн-Самум и мэтр Мориарти будут сажать друг друга в лужу и отправился в Ильсияр.

— А ты чего?

— Пустяки, всего лишь настроение никудышное, — отмахнулся Лотринаэн.

— А-а, — глубокомысленно протянул мэтр Лео. И в самом деле, что-то неуловимо изменилось в облике товарища: Лотринаэн казался… хмм… старше, что ли. Нет, он по прежнему выглядел на неполные тридцать, пепельно-серебристые длинные волосы убраны в небрежно заплетенные косы, одет по-домашнему — мягкие полусапожки, штаны, рубаха, небрежно распахнутая у ворота… Что-то изменилось во взгляде, наверное, то путешествие, итогом которого стало возвращение генерала Громдевура(28), триумфально свершившееся в День Леса, как-то подействовало на полуэльфа…Заметив невысказанный вопрос в щенячьем взгляде Лео, Лотринаэн раздраженно отмахнулся:

— Мне просто надо поразмыслить. И не надо смотреть на меня так, будто я хороню любимого хомячка! — между делом полуэльф проводил гостей (вернее, учитывая, что Клеорн был тих и покорен, как березовое полено, все-таки гостя) в свои покои в западной ветке… то есть, стороне Лаэс-Гэора. На балконе, где Лео

было предложено располагаться и чувствовать себя, как дома, росло деревце — жалкое, сникшее, и как нельзя лучше опровергавшее самоуверенное утверждение Лота о том, что с ним всё в порядке. Магическое творение чувствовало, что с зачаровавшим его друидом не всё так хорошо, как кажется на первый взгляд, а потому усиленно желтело, теряло листья и кукожилось.

— Мы в Охотничьем Замке по тебе соскучились, — ответил Лео. — Мэтресса Хлоя велела сказать, если мы вдруг встретимся, что видеть тебя не желает, а мэтресса Ивонна пригласила тебя на медовые коржики…

— Я в отпуске, — буркнул Лотринаэн. — Можешь сказать принцессе Ангелике, что прохожу курсы самосовершенствования, учу новые заклинания и так далее… Чего пришел? То есть, — спохватился Лот, вспомнив, что Лео не имеет совершенно никакого отношения к тому магическому кризису, который он испытал в недавнем прошлом. — Давай, выкладывай, в какие неприятности ты влип на сей раз.

— Мне очень стыдно, — сразу же объявил Лео. И кивнул на сгруженного в углу балкона Клеорна. — Но мне очень нужна помощь. С инспектором что-то неладно, а я уж и не знаю, что думать…

— Сейчас посмотрим, — ответил Лот. Щелчком пальцев заставил Клеорна подлететь ближе. — Ты что, освоил усыпляющие чары? Вроде бы магия Четвертого Шага не про тебя…

— Вообще-то, — покраснел мэтр Лео. — Он сам свалился и слегка ударился головой. А потом, — еще больше покраснел волшебник, став похожим на шкодливого спаниеля, искупавшегося в свекольном соке, — я призвал пару модифицированных змеек, и они его чуток покусали… Вовсе не ядом! То есть ядом, конечно, но он действует как сильное снотворное. Ты не представляешь, что творится с инспектором в последние дни!

— И что же с ним творится? — лениво и почти равнодушно спросил Лотринаэн, сканируя астральные жилы-токи пациента.

— Ты не поверишь, — замогильным голосом ответил Лео. И поведал повесть печальную, как завещание казначея.

Покинув Луаз, инспектор решил отыскать мэтрессу Далию в горах Шумерета. Восточного ли, Южного ли — неважно, главное, отыскать. Наверное, ему вскружили голову чинопочитание, уважение и содействие, которые являли сотрудники луазкого отделения Министерства Спокойствия, ибо Клеорн двинулся на разбойничьи банды, тролльи стаи и прочих шумеретских

обитателей, вооруженный всего лишь хмурым взглядом и мэтром Лео. Лео, человек глубоко мирный, сразу же раскаялся в том, что относится к Клеорну с почтением и уважением, ибо отбиваться от агрессивно-настроенных обитателей гор *призванными* барсами, медведями и верблюдами долго и качественно он не умел.

Безостановочная гонка, длившаяся трое суток, закончилась, когда лошадки, позаимствованные Клеорном у луазских коллег, едва не пали от чрезмерного истощения. Лео прочитал инспектору краткую лекцию о любви к братьям нашим меньшим, за что едва не получил в глаз. Пришлось волшебнику напрячься, *призвать* двух орлов, с помощью которых сыщики обследовали некоторую часть восточно-шумеретских пиков, потом в одном из ущелий они обнаружили что-то черное… что спустившиеся в скальную расщелину ящерицы мэтра Лео опознали как обломки черной лакированной кареты… и с Клеорном стало совсем худо.

— Знаешь, больше всего похоже, что кто-то проклял его безразмерной жадностью. Он случайно ложки серебряные воровать не начал? — спросил Лот.

— Боги с тобой, — поразился прозорливости коллеги Лео. — Он же сыщик!

— Ага, — сообразил Лотринаэн. Он еще раз, медленно и придирчиво просканировал погруженного в бессознательное состояние Клеорна. — И, наверное, сам не свой до поисков преступников был последние дни…

— А я тебе о чем говорю!

— Он никаких магических зелий не употреблял? — уточнил полуэльф.

— Обычное ранозаживляющее, — пожал плечами Лео. — Его свинья укусила, пришлось швы накладывать.

— Твоя свинья? — уточнил Лотринаэн, — натуральная? Или *призванная*? Просто свинья, или ты с ней поколдовать успел?

— Вообще не моя, — мигом поспешил оправдаться Лео. — Артефакт, выполненный в виде свиньи-копилки.

И он подробно описал бывшую собственность Дюши Кордсдейла, имевшую честь оставить на ноге инспектора Клеорна большую рваную рану.

— Колдовство изящное и стильное, — оценил Лотринаэн. — Интересно, кто из магов делает подобные артефакты? Ладно, потом выясним. Посиди здесь, я сбегаю в запасники, поищу, из чего можно сделать противоядие.

Через полчаса, когда процесс сотворения противоядия был в самом разгаре, а волшебники торжественно заключали мировую после чересчур бурного обсуждения состава будущего чудодейственного эликсира, подал сигнал кристалл «глаза»,

лежащий на рабочем столе Лотринаэна.

— Немедленно вышли нам в Ильсияр еще побегов Тьялтидосы, — потребовал фантом юного жгучего брюнета. — То, что мы взяли с собой, объелось местной бараниной, и ни для каких соревнований не способно!

— Пабло, иди на фиг, — вальяжно послал ученика собственного отца Лотринаэн.

В следующий раз (Лео и Лотринаэн как раз занимались сравнительной оценкой вин из Триверна и из Сан-Тиерры) «глаз» явил фантом ослепительной блондинки со слегка заостренными эльфийскими ушками и огромными голубыми глазами.

— Лот, милый, нам с мэтром Аэлифаррой срочно нужны сушеный "пыльный гром", мухоморы, семь свежих бледных поганок, отвар корней братеуса, восемь унций драконьей крови, порошок оленьего рога…

— Кто это? — восторженным шепотом спросил Лео, пока девушка перечисляла еще по меньшей мере пятьдесят магических ингредиентов.

— Тэффифи, ученица мэтра Аэлифарры. Не связывайся, у нее период разочарования в лучших чувствах.

— И восемь побегов Тьялтидосы, только проследи, чтобы она хорошо проголодалась перед отправкой, — с очаровательной улыбкой завершила блондинка.

— Милая Тэф, — ответил Лотринаэн. — Я хотел бы, чтобы твой наставник сам подтвердил заказ ингредиентов для эликсира "Драконьей силы", который, если мои сведения верны, включен в список запрещенных к использованию участниками гонок Покровителя Года. И передавай привет Пабло.

Еще через пять минут «глаз» подал сигнал в третий раз.

— Лотринаэн, — с умильной улыбкой обратился фантом мэтра Пугтакля. — Будь так добр, спустись в подвал под южным отростком…

— Башней, — поправил Лот.

— Постучись по корням и скажи "Энхари-нигма-доль-бани-туель-зан-варэ". Только — тсс! смотри, чтоб тебя никто не подслушал!

Подслушивающий Лео мгновенно смутился. А Лотринаэн, который, как ни крути, знал отца не первую сотню лет, вдруг понял, что является свидетелем уникального зрелища. Мэтр Пугтакль был явно навеселе. Спешите видеть! Единственный раз в столетие! Подвыпивший эльф!

— Короче, если корни отростка тебя не послушаются, гвозди их огненными шарами на полную мощь — более слабых они просто не почувствуют. Понял?

— Ты что, — осторожно уточнил Лот. — Договорился о чем-то тайном и дипломатическом с магами Эль-Джалада и теперь хочешь разрушить Лаэс-Гэор?

— Нет, мне просто очень нужно то, что хранится в тамошнем тайнике… Присылай сразу всё, у нас тут с мэтром Вигом очень напряженная магическая дискуссия…

— Интересно, что такое хранит мэтр Пугтакль в подвалах Лаэс-Гэора? — полюбопытствовал Лео. Лот отмахнулся:

— Знаешь, отец, я тут спускался в запасник, где хранятся ученические артефакты, магические припасы и прочая чушь, и заметил, что хрустальный череп — помнишь, странный такой? Вытянутый, и будто бы глазастый? Так вот, он посвистывает. И кажется, не первый день…

— Ах, оставь, — отмахнулся Пугтакль. — Пусть свистит… Присылай нам вино побыстрее, а то тут… Короче, поторопись, — и из кристалла вылетел фантом подзатыльника и весьма уверенно сделал попытку подбавить скорости мэтру Лотринаэну.

Лот пригнулся, Лео отшатнулся, и подзатыльник достался Клеорну.

— Далия?! — прохрипел он, обводя украшенный зелеными листьями и цветками лимона потолок, — Где Далия?!

— Ой, да здесь где-то. Я уж и не знаю, куда они вместе с гномкой спрятались после того, как вывели Аэлифарру и Фледеграна из состава Участников, — рассеянно ответил фантом эльфа. — Донна с весьма изворотливым воображением — я, признаться, даже не успеваю следить за их алхимической компанией… Поторопись с доставкой вина, Лот, а то у нас закуска может закончиться.

Фантом растаял, не успев объяснить подробности, а Клеорн уже вскочил и попытался схватить того, с кем поделилась неуловимая Далия тайной своего местонахождения.

— Далия… Далия… Где вы, мэтресса?!

— Тихо-тихо-тихо, — в четыре руки словили бойкого инспектора господа маги; дружно обездвижили заклинанием, влили в глотку едва успевший закипеть магический отвар, затолкали в Клеорна пригоршню льда, чтоб тот не жаловался на обожженный язык…

Инспектор все-таки выжил после столь решительного «лечения». Он продышался, с выражением объяснил волшебникам, что думает об их магических талантах, и завершил свою речь полумольбой-полустоном:

— О, где вы, мэтресса?! Почему я не могу вас найти?!

— Это не проклятие, — с грустью уточнил диагноз Лотринаэн. — Это любовь.

Лео вздохнул, став похожим на очень-очень мудрого спаниеля:

— Похоже, оно не лечится…

VIII. Опасные встречи

15-ая ночь месяца Барса. Ильсияр, площадь у колодца Слёзы Неба

Тиха и безлунна южная ночь. Очень тиха — если не обращать внимания на лай собак, нервничающих от многочисленных прохожих, осваивающих узкие улочки Ильсияра. Дня ведь не хватает — днем надо как-то разыскать господина Иолинари, зарегистрироваться у него в качестве Участника состязаний, потом добраться до Хетмироша, где потратить еще толику времени на поиски ученика Далхаддина… Хотя искать его надо совсем не в Хетмироше, а возле старого дома с колодцем — ну, видели, наверное, если шли от Ильсияра, такой старенький, с очень новой крышей? Единственный дом, возвышающийся над настоящим городом шалашиков, палаток и шатров, который вырос между Ильсияром и Хетмирошем за последние дни.

— Хитрецы и пройдохи, — шипел рассерженный карлик, пробираясь мимо беломраморного колодца. — Что мешало им посчитать, сколько прибудет пришлых магов на эти их "гонки века"? И каждому гостю построить маленький домик. Хотя бы в два этажа! Даже в один этаж, тоже будет ничего! Я, между прочим, не могу спать на горячем песке! У меня от него ревматизм обостряется!

Злой карлик пробежал по площади и оказался у стены здания городского суда. Он пошел вдоль стены, выбирая местечко потемнее, и буквально через пять шагов наступил на что-то…

С диким мявом сорвавшееся прочь.

— Кошки-кошки-кошки-кошки, — прошипел карлик. — Прочь! Вон отсюда! Терпеть не могу вашу мохнатую породу!! Чтоб вам! Тьфу! Прочь отсюда! — он громко топнул ногой, чтобы испугать тех существ, которые могли прятаться в густой тени. — Почему не светит луна? Что за беспредел тут творится? Всего-то одна луна на весь мир, и той нету! Ненавижу! О, как я здесь всё ненавижу!!!

Убедившись в том, что здание городского суда охраняется только младшим писарем в засаленном халате с одиноким линялым полумесяцем, карлик снял с плеча свернутую веревку, к которой был прицеплен стальной крюк. С третьей или четвертой попытки этот крюк был заброшен на окно второго этажа — не далее как сегодня днем карлику пришлось выложить настоящий рубин диаметром в осьмушку дюйма, чтобы мальчишка, подметающий на втором этаже, «забыл» это самое окно закрыть плотными ставнями.

Конечно, в здание гораздо легче было пробраться с помощью магии. Первый раз — дней этак пять назад — карлик так и сделал. И обнаружил, что от его манипуляций с артефактами из щелей суда ползут призраки, причем злые, голодные и разные — светящиеся алыми глазами кровососущие духи, которыми славятся маги Хетмироша, поблескивающие зелеными шлейфами эктоплазмы творения магов Ллойярда, а еще — всяческие колючие растительные плети, букашки-таракашки, перетекающие огненными струйками элементали Первого Начала… Сказать, что карлик не помнил себя от страха, когда улепетывал сквозь стены зала суда — причем на этот раз без всякого телепорта, просто пригнув голову и стараясь бежать быстро, чтоб ни один камень не упал на лысую голову, — значит, сказать, что в Буренавии бывают снежные зимы. Конечно, он давно догадался, что каждый прибывающий в Ильсияр маг считает своим долгом набросить на окрестности соответствующие охранные чары, чтоб отслеживать перемещения соперников или предугадать атаку на себя, любимого… Но кто ж знал, что они будут следить не только друг за другом, но и за всем Ильсияром?!!

Зарекшись появляться в здании суда, карлик попытался выяснить, на какое же создание делают ставку мэтр Мориарти и его лучшая подружка, мэтресса Вайли, с помощью старого доброго традиционного шпионажа. Он залег в засаде за каменными валунами, за которыми начинался лагерь "сырых гостей", и дни и ночи напрягал зрение, пытаясь выяснить, какое же создание скрывается в самой большой клетке. Клетка была укрыта мешковиной и чарами; чтобы до нее добраться, надо было пройти мимо шести собачьих скелетов и гидры — твари постоянно голодно щелкали челюстями и дрались на потеху толпе. То собачьи скелеты оторвут гидре голову, или даже сразу две; то гидра отживется и прицельными ударами разобьет какой-нибудь из скелетов на мелкие осколки.

Короче — решиться пройти мимо них мог только дурак либо самоубийца.

Обдумывая способы выманить Вайли из ее шатра, карлик проявил чудеса изобретательности. Он подкупил (чистый изумруд размером с муху) разносчика сладостей, и тот продал мэтрессе коржики, сдобренные солидной дозой снотворного зелья. И что же? Пока Вайли сладко похрапывала, мэтр Мориарти просидел в шатре волшебницы с добросовестностью верного мужа! Что, не мог почитать свою книгу в каком-нибудь другом месте?

Мэтресса Вайли спокойненько проспала двое суток, а потом скупила все сушеные финики, до которых смогла добраться.

Вообще, отношения между Мориарти и Вайли, за которыми карлик был вынужден наблюдать, казались шпиону всё более и более странными. Они относились друг к другу… для краткости скажем: так, как относятся друг к другу супруги, по недосмотру богов прожившие бок о бок лет восемьдесят. Все претензии, которые только можно придумать — уже сказаны. Все оскорбления давно нанесены, все извинения приняты, а любовь давно покрылась паутиной. При этом — карлик не поленился поспрашивать кое-кого из живых слуг ллойярдцев — официально женаты они не были, а наоборот, гордились своим независимо-одиноким состоянием. Одним словом — некроманты. У них всё не как у порядочных людей…

Некоторое время карлик обдумывал, а не появиться ли в лагере "сырых гостей" под видом гнома. Каждое утро, от семи до девяти часов, к ллойярдцам прибегала жизнерадостная юная гномка, судя по огромному носу — из клана Кордсдейл, и охотно чинила разные мелочи. Подковывала всех созданий, и живых, и мертвых, которые в том нуждались; ремонтировала сломавшиеся замки, проржавевшие кольчуги, и тому подобное. Гномке ллойярдцы были рады, может быть, они обрадуются и «гному»? Надо только подумать, как замаскировать отсутствие бороды и соответствующего опыта.

Идея была соблазнительная, но, увы… В тот единственный раз, когда карлик стащил у кого-то из стана кочевников кольчугу, завернулся в нее, и, привязав к подбородку украденный у одной из местных кобыл хвост, явился в лагерь, его угораздило стать участником эксперимента мэтра Мориарти. Некромант практически каждый день начинал с того, что издевался над каким-то алхимиком в черной мантии — превращал землю пустыни в лёд и пускал алхимика в центр заледененного пятна оценить глубину заморозки. Тот, дрожащий, стучащий зубами, пускающий быстро превращающиеся в сосульки сопли, добегал до середины замороженного участка пустыни, обычно спотыкался, падал и катился по гладкой корочке льда… Карлик, склонив голову, шел мимо, усердно стараясь не рассмеяться — эх, видела бы эти детские опыты Госпожа! Вот уж кто морозит, так морозит!

«Гнома» заметили и пригласили помочь. Сделать подковки на башмаках мэтра Карвинтия, или, допустим шипы ему в подметки, чтоб не скользил по льду… Мэтр Мориарти даже обещал заплатить десяток золотых, за срочность… По счастью, карлик заприметил, как настоящая Кордсдейл практически в тот же самый момент появилась в противоположном конце лагеря… Короче, удалось сбежать, а мэтр Мориарти, похоже, так и не понял, что подковывал его алхимика вовсе не тот гном, к

которому он обращался вначале.

После всех этих неудач и фальстартов карлик был вынужден вернуться к первой идее, самой трудоемкой, но, похоже, единственной, способной выманить мэтрессу Вайли из ее шатра. Зачем? Ха… хороший вопрос. Карлик долго размышлял, что он мог бы предложить некромантке взамен черепа Генри фон Пелма — при условии, что предпочитал вообще не связываться с местным магическим народом, да еще учитывая, что платежеспособность посланца Госпожи катилась к нулю со скоростью того самого алхимика, запущенного Мориарти с ледяной горки… И пришел к выводу, что единственный способ заставить Вайли отдать череп фон Пелма — украсть у нее то самое существо, которого она выставляет как претендента на звание Покровителя Года.

А чтоб похитить это существо, да еще и удерживать его некоторое время в плену — надо, как минимум, знать, каково оно из себя.

Для этого карлик решился на последнее средство. Он полез в здание городского суда. Сам, без всяких магических штучек. Авось, повезет, авось, получится…

Кряхтя, проклиная женскую глупость и все драгоценности мира, карлик поднялся по веревке на второй этаж. Когда он, дрожа от страха, перебирался на подоконник, его чуть не сшиб большой черный ворон, залетевший в раскрытое окно и стремительно удалившийся дальше, в темноту перепутанных коридоров официального здания.

Сигнализация не завыла — ни на ворона, ни на карлика. Значит… фууу… кажется, получилось.

Карлик осмотрелся — его глаза в темноте стали оранжевыми, а зрачок резко сузился, став похожим на кошачий. Еще раз посетовал на безлунность нынешней ночи и крадучись, на цыпочках, пошел искать, где помощник судьи, господин Иолинари хранит официальный перечень участников состязаний…

Большая черная птица неслышно и мягко неслась над Ильсияром. Ведомая магией, она безошибочно выбрала здание городского суда, залетела в приоткрытое окно, едва не столкнувшись с каким-то одетым в потертый бархатный камзол карликом (и это — учитывая жуткую жару, царящую в Ильсияре нынешним летом!), и полетела по темным коридорам, выискивая того, кому предназначался тугой свиток, привязанный к лапе.

Шшух… шух… — чуть слышно шелестел ветер, рассекаемый черными крыльями.

Адресат нашелся.

Ворон спустился, легонько тюкнул по стальному шлему, сообщая о своем присутствии прикорнувшей гномке, и, когда Напа Леоне проснулась, сунул ей свою когтистую лапу.

— Что? А, от маменьки, — обрадовалась Напа. Освободила ворона от ноши, почесала умную птицу, как какую-нибудь кошку, под подбородком и пообещала угостить утром, если та появится в доме мэтра Вига. Чем угодно — хоть печеньем, хоть червяками…

Дорогая Напа! — сообщалось в письме, которое Напа, утомленная ночными бдениями в здании суда, тут же кинулась читать. Придерживая на развернутом свитке кристалл, издающий приглушенный голубовато-фиолетовый свет, гномка с нетерпением приготовилась узнать, что случилось в родных шахтах, пока она тут, в Ильсияре, готовит плацдарм для раскопок клада царя Тиглатпалассара.

Дорогая Напа! У нас всё хорошо. Все здоровы, даже никто по пальцам молотком давно не получал… Ой, что там случилось с Нэмбом?

Короче, все здоровы, а синяк у Нэмба скоро пройдет.

Очень волнуемся за тебя — как проходит твое путешествие? Прочитав твое письмо, очень переживаю по поводу твоего пребывания в тюрьме. Если будешь делать подкоп, советую пользоваться лопаткой для торта и половником. Кстати, каждый заключенный имеет право на предметы личной гигиены, поэтому смело требуй от тюремщиков бритву. Не топор, конечно, но всё лучше, чем ничего.

Не встречала ли ты в своих путешествиях Ньюфуна? Вот уже который день от него нет известий. Может быть, с ним что-то случилось? Например, перепил холодного пива и теперь мучается больным горлом, бедняжка…

У нас в шахте три дня назад случилось Чрезвычайное Происшествие. Мы — то есть твой папенька, его брат, Нумур, Нэмб, тетушка Бонд, твои бабушка и дедушка — долго совещались, нужно ли сообщать тебе о нем, или ненужно. В конце концов, решили бросить монетку — я ее нашла, а значит, имею полное право принимать решение самостоятельно.

Итак.

Три дня назад в Орбурне появилась ее благородность баронесса Тильда Капликария Сайкен фон Пелм, по мужу Азено. Бродила по гномьим мастерским, пыталась заказать кольцо из черного железа с голубой стекляшкой, вроде как фальшивым алмазом. Представляешь, что стало с твоим дедушкой, когда ее благородность попробовала заказать ему подделку? Вот-вот, мне даже боязно стало за старика — он так посмеивался, повизгивал и

плакал от счастья кого-то обмануть, что чуть не обманул сам себя и не сделал кольцо с настоящим бриллиантом. Единственное, что его остановило — он не знал, каких размеров и огранки должен быть камень.

Пошел уточнять, плюс потребовать аванс от заказчицы, а та в ответ начала рыдать, утирая слезы его бородой… Представляешь, что произошло, когда об этом вопиющем акте безнравственного поведения узнала твоя бабушка? В королевстве Ллойярд чуть не стало на одну баронессу меньше.

Когда страсти немного утихли, твой дедушка вспомнил, о чем говорила ему Тильда Азено, пока в него плакалась. Оказывается, ее предок — барон Генри фон Пелм — доверил сокровище баснословной ценности кому-то из Орбурнских гномов. Представляешь?! У кого-то из наших хранится кольцо с голубым чистым бриллиантом размером с зуб тролля!

И никто, что самое паршивое, никогда не хвастался, что у него в сокровищнице имеется подобная редкость.

Печально сознавать, что даже среди клана Кордсдейл, населяющим город Орбурн в сердце гор Орбери, есть подобные жадины…Ну ничего, уж я-то разберусь, я уж доберусь до этого конспиратора, и он получит от меня на картошку! В конце концов, сокрытие такого раритета — прямое оскорбление торговли странностями и редкостями в моем лице, а прощать подобные секреты — значит поощрять твоего папеньку и дальше скрывать от меня сумму, которую ему заплатили маги Восьмого Позвонка за ремонт замков в здании!

Остаюсь с пожеланиями здоровья и благополучия — твоя маменька, Нийя Фью из клана Кордсдейл.

Папенька и братья желают тебе удачи. Привет твоей человечке.

Чтобы найти нужную комнату, где хранился список Участников и описание существ-претендентов, пришлось постараться, поблуждать по второму этажу. Карлик методично и последовательно отпирал кабинет за кабинетом, уверенный в том, что сразу узнает нужный документ, как только его увидит.

И он таки угадал!

Огромная книга — зажатые между деревянных дощечек листы пергамента — возлежала на специальной стоечке. Вокруг ажурной деревянной подставки сияли голубоватыми линиями заклинания (ага, привет от магов Иберры, догадался карлик, осторожно преодолевая первый рубеж обороны). Когда непрошенный гость подобрался ближе, с потолка спустился угрожающего вида ярко-фиолетовый цветок, хищно выставивший

полосатое, желто-черное жало (а это, если не подводит интуиция — творение фносских друидов). Карлик замер, дыша как можно спокойнее и стараясь казаться еще меньше, чем он был на самом деле. Цветок, раскачиваясь подобно ядовитой змее, спустился на высоту среднего человеческого роста, быстро ткнулся в нескольких направлениях, трепеща лепестками и разбрызгивая нектар с неприятным запахом, после чего, неторопливо, подтянулся вверх.

Карлик довольно улыбнулся. Так он и думал! Ни одному нормальному человеку, пребывающему в трезвом уме и полноценной памяти, не придет в голову лезть за тайнами, не заручившись магической поддержкой. А именно на присутствие магии и сработают затаившиеся огненные элементали, вязкая глина, поток ледяных игл, ядовитый ветер, или на что еще хватит фантазии у самозваных хранителей…

Он перешагнул через последнее препятствие — сладко почивающего цинского трехголового змея, — и, наконец-то, после стольких усилий, подобрался к книге.

Перевернув несколько страниц, карлик засмеялся. Чуть слышно, чтоб не разбудить примолкнувшую тишину пустого здания. Конечно, как он и предполагал: имя Участника записано вязью эльджаладских рун, а сам претендент запечатлен в виде четкой, замечательного качества картинки. Можно рассмотреть и оценить в подробностях… Золотой Жук. Паук-птицеед. Самоходное дерево — должно быть, этот участник имеет крепкие эльфийские корни. Виноградная лоза (хмм, не хотел бы карлик отведать вина из этих ягод!) Лошади — несколько десятков лошадей самых разных пород, от низкорослых северных лошадок до длинногривых, легких на ногу скакунов, разводимых жителями Пустыни. Верблюды, козы, павлин, курица… Да уж, Госпожа, жаль, что вас нет рядом — ваше ледяное сердце позабавили бы фантазии здешних обитателей. Собаки… снова собаки — охотничьи, сторожевые, комнатные, мощные и маленькие, красивые и, прямо скажем, не очень… А это? Длинный палец карлика остановился у картинки, изображающей некое загадочное существо. Доподлинно можно сказать, что существо было рыжей масти, хвостатым и… и… весьма нестандартным.

— Здесь водятся подобные монстры? Или залетело из другого мира? Хотя какая разница. Так, где у нас тут перечислены Участники из Ллойярда?

По счастью, книга была снабжена закладками — кожаными полосками, украшенными изображениями королевских гербов. Потянув за закладку с черной крепостной стеной и летучей

мышью, карлик открыл список, украшенный изображениями паучков, гидры, сфинкса, мыши, скелета первого, скелета второго…

К несчастью, именно в этот момент карлик понял, что находится в помещении не один. Возможно, он увидел едва заметный блеск боевой секиры, возможно, почувствовал, как к нему подкрадывается самозваный сторож, возможно, карлику просто повезло — но круглая лысая голова и добрая сталь разминулись буквально на четверть дюйма.

— Киияаа! — закричала Напа, выдергивая секиру из книги Участников и раскручивая ее над головой для следующего удара.

От вопля юной гномки цинская змея пробудилась и зашипела сразу в три глотки. Увы, тройственность сейчас оказалась лишней — все три пасти попытались ухватить тонкие лодыжки карлика, в итоге змея промахнулась и запуталась.

Сверху щелкал лепестками фиолетовый цветок, магические линии ощутимо нагрелись, явно посылая своим хозяевам сигнал опасности, и карлик решил не доводить дело до драки.

Напа, наоборот, как раз драки и жаждала. С боевым азартом она издала еще один клич и, размахивая секирой, бросилась за странным карликом в погоню. Карлик выбежал сквозь незапертую дверь — отчаянная гномка прошла сквозь ближайшую стену… Он подпрыгнул, уходя от лезвия секиры — она развернулась и нанесла повторный удар с немыслимой скоростью… Он побежал по коридору, на ходу срывая пуговицу и бросая ее в стену — она, размахнувшись, метнула секиру в ту же сторону… А потом карлик пробежал стену насквозь, буквально чудом увернувшись от стальной смерти, а Напа со всего размаху именно в эту стену (наружную, то есть тройной толщины и каменную) врезалась.

Ой, как больно…

16-й день месяца Барса, утро. Талерин

Замок Фюрдаст,
нашей возлюбленной сестре
ее высочеству принцессе Ангелике,
супруге генерала Громдевура
Дорогая сестра!

Даже не задаю вопрос, хорошо ли ты и твой супруг себя чувствуете, не донимает ли вас жара, обычная для этого времени года в замке Фюрдаст, и нет ли у вас для нас, твоих скучающих брата и сестры, каких-нибудь новостей. Уверена, что ты и Октавио безмерно счастливы.

У нас в Королевском Дворце царит скука. Гудеран приходит в себя после веселья, которое продолжалось со дня вашей свадьбы еще

четверо суток. Мелориана Тирандье, кислая и угрюмая, слоняется без дела и смеет мне — мне! — предъявлять претензии по поводу того, что, видите ли, его высочество Роскар не танцевал с ней после свадебного пира. А теперь вообще сбежал куда-то охотиться и вот уже неделю не возвращается.

Пожалуй, ты была права насчет нее. А я нет. Я думала, что Мелориана — девушка тихая, скромная, и ты совершенно зря обвиняешь ее в том, что она начала охоту на нашего младшего брата… Не думаю, что она всерьез увлечена Роскаром. Кому может понравиться молодой человек, в голове которого вечный сквозняк? Хотя — что это я? Ведь у моего младшего брата в голове не просто сквозняк, а настоящий ураган, да еще магического происхождения…

Общаюсь с Синтией и Элоизой Росинант. Графиня Умбирад до недавнего времени разнообразила наш круг, но буквально вчера вместе с графом отбыла в Эль-Джалад. Сама понимаешь, дорогая Ангелика, остановить нашего верного лошадиного подданного от участия в гонках не сможет ни полный паралич, ни королевский указ, ни… Ничто не сможет его остановить. Хотя его супруга намекала, что обычно крепкое тривернское вино оказывает эффект потрясающей силы. Вот так и оказывается, что королевством правит не монарх, а его виночерпий…

К сожалению, нам так и не удалось найти шута. Ардену хорошо, он дни напролет проводит с детьми советника Штрудельгольц или в покоях мэтра Фледеграна, где наблюдает с помощью волшебного зеркала за тем, как идет подготовка к состязаниями Покровителя Года, а я… Но, как уже упоминалось, общение с Синтией и Элоизой действует, как глоток животворного эликсира. Мы очень сблизились. И я вдруг подумала, а что, если Роскар женится на Элоизе? А что, они будут прекрасной парой. Она — дочь графа Росинант, он — тоже, если не обращать внимания на вечные охоты и подвиги, вполне благополучный молодой человек. Что ты думаешь об этом варианте?

В любом случае — наслаждайся медовым месяцем, дорогая сестра. Не забывай нас, пиши. Хотя бы о том, не мешают ли вам с Октавио своими проказами Анна и Дафна. Конечно, замок Фюрдаст большой, и две девочки, которые не могут представить себе летние каникулы без общества своей любимой тетушки, занимают не слишком много места… Но я все-таки чувствую себя неловко, что разрешила им отправиться к тебе. Будут мешать — прикажи им вернуться в Талерин. Без них я совсем заскучала…

С любовью, пожеланиями благополучия и ожиданием встречи — мое величество королева Везувия.

Между Ильсияром и Хетмирошем, приблизительно в то же самое время

— А потом я поняла, что ни карлика с оранжевыми глазами, ни моей секиры нигде нет! Представляешь?! Он просто прошел сквозь стену! Исчез неизвестно куда! — возмущалась Напа, вприпрыжку поспевая за мэтрессой Далией.

— А ты потом с противоположной стороны стены смотрела? — уточнила алхимичка.

— Нет, ты ж сама понимаешь — начали являться телепортом разные маги, и мне пришлось скрыться, чтоб не задавали лишних вопросов. Но не могли ни секира, ни тот странный карлик пройти стену насквозь!

— Почему?

— Они бы рухнули с высоты второго этажа! Разбились бы! То есть — карлик бы разбился, а секира — бабушкина, она бы выдержала…

И принялась размышлять о судьбе бабушкиного подарка.

— Не нравится мне эта история, — поразмыслив, ответила Далия. — Очень не нравится. Помнишь, ты говорила, что несколько дней назад видела рядом с шатрами ллойярдцев подозрительного гнома?

— Очень, — энергично подтвердила Напа. — Очень подозрительного.

— А в чем его подозрительность? Что, у него какие-нибудь уши неправильно оттопыривались? Кольчуга не блестела?

— Далия, не надо быть рабой предрассудков! Среди гномов всякие попадаются, особенно если кто-то испорчен общением с вами, человеками. Действительно есть те, кто чистят кольчуги не ежедневно, а всего лишь в неделю раз… — юную гномку пробрала дрожь, когда она представила себе подобного неряху. Брр, как неприятно… — А у того гнома кольчуга была сияющая — сделанная на человека, но сияющая, нос такой острый, большой, но не наш, не кордсдейловский… брови рыжие… борода черная…

— Фальшивая? — уточнила Далия.

— Что ты! Как может гном носить фальшивую бороду! — возмутилась Напа.

Алхимичка промолчала. Гномка прошла некоторое расстояние, не решаясь прерывать размышления подруги, потом не выдержала.

— Кстати, а куда мы идем?

— Я — на свидание к Далхаддину. Мы встречаемся у сухого дерева, на границе лагеря ллойярдцев, приблизительно через четверть часа. А ты — иди в дом к мэтру. Все очень ждут, когда

ты придешь с ночного дежурства в здании суда и накормишь их завтраком.

— Можно подумать, — заворчала Напа, — я нанималась готовить для этой сомнительной публики!

— Между прочим, утром вернулся Фриолар, — объяснила Далия, чуть уменьшая шаг, ибо за разговорами подруги почти достигли сухого дерева, близ которого у сапиенсологини намечалась встреча. — Думаю, он обрадуется, если ты накормишь его чем-то вкусненьким…

Напа обрадовалась, просветлела и поспешила к дому — уже не разваливающемуся, а вполне добротному, можно сказать — обретшего второе дыхание после капитального ремонта, который ему учинила гномка, жаждущая раскопок.

"Сомнительная публика", которая так жаждала кулинарных шедевров хозяйки ресторации "Алая роза", собралась в жилище почтенного волшебника за последнюю неделю. Утром одиннадцатого числа Фриолар, прогуливаясь по лагерю, разбитому Участниками соревнований, внезапно подвергся атаке со стороны добродушного господина, которой при ближайшем рассмотрении оказался мужем кого-то многочисленных подружек одной из восемнадцати кузин молодого человека. Более того, господин Вапути с Фриоларом был знаком — они были представлены друг другу в доме господина Певерила, супруга фриоларовой тетушки Дионы.

Господин Вапути прибыл в Ильсияр с намерениями чистыми, как недавно выпавший снег: он хотел сделать бизнес. Для чего и привез две подводы разнообразных вин. Вапути справедливо предполагал, что собравшиеся между Ильсияром и Хетмирошем люди, кентавры, гномы и прочая публика захотят время от времени пропустить стаканчик рубиновой терпкой влаги…

Правда, как объяснили господину Вапути в четыре голоса и Фриолар, и Далия, и Напа, и Виг, он глубоко заблуждался, пытаясь торговать вином прокисшим и вином с подозрительными маслянистыми разводами; но в целом идея была одобрена. После долгих уговоров Фриолара Виг сдал половину дворика, окружающего его дом, виноторговцу, где было организовано что-то вроде походной таверны — под натянутым тентом, рядом с открытым очагом, на котором посетители могли самостоятельно поджаривать любую принесенную с собой добычу… Все приходившие в импровизированную таверну гости дружно, как один, жаловались на Кадика ибн-Самума — вот, дескать, в Пустыню зазвал, а чем народ будет питаться, как умываться, не подумал. Из-за недостатка организации половина овец и коз, которые в будущем могли бы стать Покровителями следующего

года, обрели свое настоящее в виде шашлыков и самодельных копченостей и стали достойной закуской к винам господина Вапути.

За каких-то четыре дня образовавшийся консорциум — Вапути торгует, Виг поставляет телепортом бочки с виноградников Сцины, Илюма и Лалеты, Напа дегустирует, Далия ненавязчиво тестирует всех, кто забредает на огонек — не только окупил первоначальные вложения, но даже вышел в прибыль.

Четырнадцатого числа на огонек самодельной таверны "Песчаный Кот" заглянула самая настоящая полуэльфийка. У Напы, увидевшей подобное чудо, возникла потребность протереть глаза и быть ущипанной, у Далии случился редкий приступ критического отношения к своей внешности, закончившийся приобретением местного наряда. Блондинистая девица с острыми эльфийскими ушками, тарахтящая на хорошем иберрском, обрадовалась при виде мэтра Вига, с которым, оказывается, познакомилась еще в прошлом году, рассказала, что приехала в Ильсияр со своим учителем, мэтром Аэлифаррой, и что безмерно счастлива… Почему была счастлива Тэффифи, осталось невыясненным, ибо как раз в тот момент в "Песчаный Кот" зашел еще один человек с примесью эльфийской крови, тот самый мэтр Аэлифарра, который, как оказалось, знал Вига еще раньше и еще больше, чем его ученица, был рад видеть старого плута.

В итоге весь вечер Напа просидела в уголке, подкармливая зверушку, которую Виг заявил претендентом на участие в состязаниях и жалуясь бессловесной твари, что житья нет от этих остроухих. Хоть бери топор и прореживай…

А потом, после пары полуэльфов, шести четверть-эльфов и еще дюжины человек с еще более дробной эльфийской примесью, "Песчаного Кота" почтил своим присутствием один из немногих эльфов, оставшихся приглядывать за миром.

"Виг, дружище! Ты еще не сдох!" — "Пугтакль, поганец остроухий, тебя еще не задушили твои зеленые колючки!" — и два мага, не вспоминавшие друг о друге три сотни лет, радостно облобызались, похлопали друг друга по плечам и сели отмечать встречу. Выражаясь языком народным — квасить. Ибо как два дня назад оккупировали второй этаж дома, так и… Благодаря стараниям мэтра Пугтакля, пребывающего в легком подпитии и отличном расположении духа, весь второй этаж превратился в цветущий сад, с вполне натуральными плодовыми деревьями, плавающими лотосами, вьющимися по стенам огурцами, томатами, петрушкой и прочей закуской. А Вига под воздействием седьмого или восьмого кувшина отменного вина из Сан-Тиерры вдруг осенило, о чем ему напоминал оберег в виде

мычащей коровки. Оказывается, он еще сто тридцать шесть лет назад хотел завести в своем башенном хозяйстве корову! Но не сделал, ибо корова — существо большое, требует заботы и внимания…

В итоге на втором этаже, в дополнению к созданному магией бассейну, по которому плавали цветущие лотосы, появилось стадо круп… э-э… безусловно, рогатого скота. Две маленькие, чуть больше шан-тяйской болонки, черно-белые коровки и черный элегантный бычок. Шустрые еноты получили соответствующее заклинание от мэтра Вига и теперь надаивали от каждой коровы по стакану молока дважды в день.

Далия язвила, что еще неделя — и наклюкавшиеся Виг с Пугтаклем, чего доброго, оживят Великую Пустыню, ибо созданным магиями тварям уже тесно в небольшом домике. Вообще, настроение у алхимички было нервное, что Напа списывала на отсутствие эмоциональной разрядки: мэтресса уже успела перечитать все книги, взятые с собой в путешествие, копать не умела, вот и страдала от вынужденного бездействия.

Ради добродушного и оборотистого господина Вапути, эксплуатирующего кулинарные таланты гномки, а тем более — ради общения с Тэффифи и прочим иберрско-эльфийским контингентом, заполнившим двор старого дома, Напа ни за что спешить не стала бы. Фриолар — дело другое. Во-первых, Напа еще семь лет назад поклялась Фионе, что не будет оставлять малыша Фри-Фри без присмотра. Во-вторых, он наверняка голоден, а Напа не эльф какой-нибудь, чтоб заставлять человека сидеть на диете. А в-третьих, гномке было весьма интересно, какие такие поручения Фриолар выполняет последние дни. Неужели мэтр, по примеру Далии, специально нагружает своего секретаря делами, чтоб провернуть какую-то свою интригу?

И вообще, что опять скрывает хитроумная мэтресса от верной помощницы?

Надеясь, что на этот раз обойдется хотя бы без похищений, Напа поспешила к "Песчаному Коту". Ах, как там поживает любимый Черно-Белый Котик? Что-то давно от Джои и Ньюфуна не было вестей. Айра же (умница! Душа моя! Молоточек мой!) три дня назад порадовал; сообщил, что с ним всё в порядке, с ресторацией тоже все в порядке, Ньюфун взял на себя труд выгулять Кота и Джою, и с ними тоже всё в порядке. Он, Айра, безумно скучает и каждый вечер бьет себя по голове дубинкой, иначе бы давно засох от тоски по любимой Напе. Замечательное письмо. К тому же Айра вырезал его на прочной деревянной доске, так что можно перечитывать, вешать на стену, колоть им орехи, формовать тесто для пряников… Правда, жалко виговых

птиц, которые надорвались, переправляя «письмецо» из Талерина…

Проводив взглядом спешащую к дому мэтра Вига Напу, Далия обошла кругом сухого дерева, чей белый узловатый ствол служил своеобразным ориентиром в начинающейся Пустыне, посмотрела на суетящихся вокруг людей и не-людей и присела на ближайший валун. Аккуратно расправила на коленях платье — на второй день пребывания в Эмирате Далия почувствовала себя курочкой, аккуратно жарящейся со всей сторон в раскаленной печи, и немного поменяла стиль. Черная мантия отныне одевалась исключительно по торжественным случаям, а в остальное время Далия отдавала предпочтение местным нарядам: легкой хлопковой робе, украшенной сложным орнаментом по вороту и рукавам, полосатой накидке (женскому варианту традиционного для восточных земель халата), штанишкам и кожаным беспятым туфлям. Собираясь на встречу с Далхаддином, Далия немного приукрасилась, то есть повесила на шею серебряные побрякушки в некромантском стиле, одолженные у Джои, и воткнула в завязанный на затылке узел волос не карандаш, как обычно, а настоящее страусиное перо. А что? Квасящие мэтры утром потребовали яичницу, да с похмелья не сразу сотворили курицу. Не пропадать же добру! Вон, господин Вапути застолбил за собой шкуру крокодила, на сапоги…

— О, луноликая! — издали услышала Далия. — О звездоокая! О, радость очей моих!

— Привет, — поздоровалась мэтресса. В общении с учеником эльджаладского мага она стойко придерживалась тактики суровости и прагматизма. — Что ж опаздываешь?

— Прости, газель моей души, меня задержал господин Кадик, — повинился Далхаддин. — Мы буквально только что вернулись из Пустыни, и я сразу побежал к тебе, моя нежная верблюдица, моя вечно прекрасная крокодилица, плещущаяся в мутно-зеленых водах моей любви…

К «верблюдице» Далия уже начала привыкать, но вот «крокодилица»… "Ну, патриарх этнически-деформированный, зоофил-словесник, ты у меня получишь "мутные воды", ты у меня попляшешь… Хотя что это я? Он ведь не инспектор Клеорн, чтоб относиться к его словам серьезно, можно и потерпеть. А потом… потом — отомстить обязательно. Жестоко и коварно," — решила алхимичка, а потому спросила, улыбаясь крокодильей улыбкой:

— Что ж вам понадобилось в Пустыне? Вроде состязания начнутся только через два дня…

— А, работали с бронзой, — отмахнулся Далхаддин. Всё утро, пока достойнейший Кадик гонял его по Пустыне, он сочинял

поэму в адрес несравненной красоты, доброты и прочих визуальных и скрытых достоинств прекраснейшей Далии, а потому спешил излить вирши из глубин влюбленного сердца, пока не забылись. — Послушай, что я сочинил в твою честь: *В хладных водах, в мерзкой слизи я искал твой образ нежный…*

"Так. Теперь слизь. Парень, ты нарываешься!"

— Только не говори, что вы с учителем играли в гномов. Что за бронза?

— А, всего лишь средство магической связи. Эльфы в таких случаях всегда предпочитали работать с кристаллами, а наши — с металлами. Делается бронзовая заготовка — тринадцатиугольник — зачаровывается и потом работает на передачу информации. Вот мы с учителем и пробежались по основным ориентирам, где будут проходить состязания, подновили старые диски, установили новые… — Но ты слушаешь мою поэму, о длинноносая? — ревниво осведомился Далхаддин. Далия тут же ответила голоском певучим и нежным:

— Конечно, конечно, я вся внимание! Продолжай. Про слизь — звучало так здорово, свежо, неординарно!

— *Падал в мусорные кучи, чтоб найти тебе подобных…*

Пока Далхаддин, вдохновенный и поэтичный, рассказывал, какие невзрачные местности посетил, прежде, чем встретил прекраснейшую из ученых женщин, Далия, с усилием сохраняя на лице выражение добродушного восхищения словами поклонника, любовалась на лагерь участников магического дерби. Вот группа оборотней — на диво экономные буренавцы предпочитали ночевать под плащами, растянутыми на колышках, но зато чрезвычайно трепетно относились к любым попыткам пересечь невидимую границу *их* территории — попытки строго карались, возникали громкие споры, не менее громкие разборки, и господин Иолинари каждое утро начинал с того, что объявлял дисквалификацию очередному участнику-претенденту. Чуть в стороне совещаются между собой юные адептки Премудрой Праматери Прасковии. Через плечо перекинуты холщовые сумки с вышитой эмблемой ордена, напоминающей анкх с лебедиными крыльями, на лицах — готовность перебинтовать кого-нибудь, залить кому-нибудь в глотку успокаивающий эликсир, прооперировать, зафиксировать… Или сначала фиксировать, а потом уже резать? Девчонки-жрицы были совсем молоденькие, но в их глазах читалась решимость не посрамить свою святую покровительницу.

Живописнее всего смотрелись зеленые островки, взращенные иберрскими и фносскими друидами — маленькие полянки разнотравья, крошечные поля пшеницы и овса, невысокие

деревца, с помощью магии закрепившиеся на песчано-каменистой почве, приятно разнообразили пейзаж. Карза-нейсс, предназначенные для участия в состязаниях, «смотрели» на съедобно-декоративную растительность свысока, как и подобает чемпионам породы посматривать на отдаленных, слабых, немощных, полуслепых и только и умеющих, что фотосинтезировать, родственников.

Тролли, подгоняемые хозяйственным гномом из клана Гогенбрутт, волочили огромный ковер — проследив за ними взглядом, Далия увидела, как ковёр расстилается перед великим и несравненным, единственным на весь лагерь слоном. Его хозяева, купцы из Бирмагутты, отважились на откровенное жульничество — по крайней мере, на взгляд мэтрессы. Они пустили слух, что каждое прикосновение к бивню, уху или хвосту серого гиганта приносит удачу. Народ попроще — кентавры из Фносса, некоторые не-пелаверинцы, гномы, недавно покинувшие свои шахты и еще доверяющие людям, — купцам верили и платили медяки за право погладить живой «артефакт». Судя по тому, что купцы кормили своего слона самыми отборными овощами и фруктами, а теперь еще и бросили ему под ноги огромный ковер, дела у них шли неплохо…

— *Червячком сложившись вдвое, приползу к тебе под вечер…* — не унимался Далхаддин.

Прошелся гоголем жилистый молодой человек, в одежде новенькой, яркой и безвкусной. Следом за ним вышагивала очень красивая, породистая борзая с длинной черной шерстью — парень весьма неумело, зато очень крепко тянул за поводок всякий раз, когда собака отвлекалась понюхать чужие ноги. Растрепанная прическа молодого человека и общая сальность во взоре что-то напомнили Далии, она нахмурилась, припоминая, где могла бы видеть этого франта…

Но тут увидела зрелище еще более занимательное.

По лагерю, громко зазывая угощаться "баран-курыц-лепешк!" шел эльджаладец, торгующий едой. Халат расцвечен всем вышеперечисленным еще во времена правителей из рода Гиджа, на пузе — большая корзина, укрытая куском полотна, на круглом румяном лице — вечная улыбка довольного собой человека.

Оборотни, как по команде, начинали жадно принюхиваться и глотать голодные слюнки; Далия сама бы не отказалась попробовать чего-нибудь вкусненького, но тут откуда-то сбоку к торговцу подошли одновременно три покупателя. Две девочки — одна лет четырнадцати, другая года на два младше, — худенькие, с длинными темными косичками, заплетенными на эльфийский манер, обе в почти одинаковых костюмчиках ноского темно-

зеленого шелка, — такие наряды обычно выбирали юные дворяночки, чтобы упражняться в езде верхом, или других подвижных забавах.

А третьим покупателем был… вы не поверите. Карлик. Не гном, о, нет — за то время, пока Далия жила в ресторации "Алая роза" она повидала гномов самых разных кланов, так что ошибка полностью исключалась. У карлика была уродливая лысая голова, выступающий вперед острый длинный нос, густые ярко-рыжие брови, узкие плечи, на которых покоился кружевной воротник, черный бархатный костюм странного покроя… Вопрос: какова вероятность, что у этого странного создания есть брат-близнец, со светящимися в темноте оранжевыми глазами, проводящий ночи в попытках подобраться к Книге Участников состязаний?

— *Если будешь ты ужасна, как сейчас, отрада сердца,* — разорялся Далхаддин.

— Слушай, а колдовать-то ты умеешь? — невежливо перебила Далия вдохновенного поэта.

— Кто — я? Конечно, умею, — ученик мага чуть опешил, но достаточно быстро перестроился на новую тему разговора. К тому же — он *знал*, что рифма "белолица-бегемот*и*ца" как-то уж слишком притянута за уши…

— Можешь колдануть что-нибудь, чтоб проследить вон за тем странным созданием? — Далия кончиком пальца указала на карлика, шумно возмущающегося порцией завернутой в лепешку баранины, полученной от разносчика.

— Могу… — храбро соврал Далхаддин. — Только — зачем?

— Думаю, — прищурилась Далия. — Это один из тех злоумышленников, лелеющих тайные планы сорвать состязания по выбору Покровителя Года.

— Что? — изумился Далхаддин. — Да кому в голову могло прийти подобное коварство! Оскорбить наши чистые, благородные помыслы! Мы ведь с открытым сердцем предоставили Великую Пустыню для того, чтобы Судьба сказала свое веское слово, выбрав самого достойного! Сейчас я ему…

— Тихо! — ухватила за рукава пылкого поклонника алхимичка. — Действовать надо тонко и деликатно! А вдруг я ошибаюсь, и планы лелеет кто-нибудь другой? Проследи за ним. Просто проследи — надо узнать, что он будет делать дальше…

Девчонок карлик заприметил еще до того, как они практически одновременно с ним подошли к разносчику. Они бросались в глаза — весь их вид, красивый, лощеный, довольный жизнью, просто взывал устроить им какую-нибудь пакость. Сестрички появились в лагере Участников еще три дня назад,

вместе с магами из Лаэс-Гэора, визжали от восторга, наблюдая, как ворочается, устраиваясь в выкопанной посреди пустыни ямке, Золотой Жук (вот уж действительно чудовище! По всей видимости, способное проглотить корову и не подавиться), потом начали носиться везде и всюду, рассматривая прочие диковины. Они чуть не оглушили бедного карлика, оглушительно выразив свое удивление и испуг при виде энбу; потом их угораздило не заметить болотце — маленький рукотворный… вернее, маготворный водоем, сделанный специально для того, чтобы ллойярдские ташуны не погибли от засухи. Младшая сестричка оступилась и угодила сапожком в болотную жижу, пока старшая ее, причитая, вытаскивала, один из ташунов — самец с ярким разноцветным гребнем — попытался схватить шумную добычу. Визгу было…

Вчера, вроде бы, девчонки в лагере Участников не мелькали. Должно быть, догадался карлик, заметив тонкие золотые браслеты в эльджаладском стиле на запястьях старшей из девочек, и золотые же подвески, которыми украсила свои косички младшая, ходили в Ильсияр, покупали сувениры. И что б вам еще на пару дней где-нибудь не спрятаться? — пригвоздил суровым взглядом карлик младшую девчонку, когда та нахально пробежала мимо, чуть не наступив на загнутые носки его башмаков. Когда же сестрички совершенно бессовестным образом проигнорировали присутствие более старшего, чем обе они вместе взятые, господина и потребовали у разносчика, чтобы он обслужил их первыми…

Карлик взглянул на них пронзительно и затаил обиду.

Поучить малявок уму-разуму он решил чуть позже, после того, как старшая посмела недовольно скорчить носик, разглядывая его низкорослую персону, а младшая с детской непосредственностью заявила, что "в жизни не видала подобного уродца"… Ну, погодите, вы у меня попляшете…

И карлик сделал то, что делать ему совершенно не хотелось: ковыляя мимо сестричек, он споткнулся с показной неуклюжестью, выронил на зеленые сапожки старшей сестрички завернутое в лепешку поджаристое мясо, и, когда девчонка испуганно взвизгнула (опять! У нее что, флейта-пикколо вместо голосовых связок?!), расплакался.

В плане была хитрость — упасть так, чтоб девчонки не отскочили, а наоборот, бросились поднимать немощного маленького уродца.

Всё сработало, как надо. И подняли, и спросили (исключительно из вежливости, но спросили), что случилось с господином… Схватившись за зашитую в левом рукаве маленькую

пластинку и тем самым активизировав артефакт с заклинанием доверчивости, карлик начал сочинять какую-то историю о злой хозяйке, отправившей его с поручением, выполняя которое он не ест, не спит, потерял покой и физическое здравие (между прочим, почти не врал!)… Прежде, чем глаза девчонок затуманились от воздействия внушения, карлик успел заметить, что девчонки того… малость эльфийских кровей, одна шестнадцатая или того меньше, и убедился в том, что поступает правильно.

Так им и надо, остроухим…

— Вам совершенно нечего бояться, — уговаривал карлик, провожая девчонок к лагерю "сырых гостей". — Все здешние скелеты идеально контролируются, до вас им и дела нет. Вы просто подойдите во-оон к той клетке, скрытой покрывалом. Срежьте веревки, на котором полог держится — кинжал у вас есть?

Девчонки, хоть и щеголяли в одежке, которую в замке Госпожи носили пажи, оружия при себе не имели. Пришлось отвлечься, украсть нож из сапога ближайшего бродяги. Благо тот, ростом и сложением напоминая тролля, стоял и молча, зло следил маленькими глазками из-под нависающих бровей, за обитателями лагеря, с равным безучастием рассматривая и "сырых гостей", и фносских кентавров, и иберрцев, и прочих.

— Держите, — подал кинжал девочкам карлик. — Значит, вы режете веревки, сдергиваете полог, кладете под клетку вот эту монетку, — черный железный кружок, который карлик вложил в руки старшей сестренки, должен был снять заклинание невидимости. — И всё.

Девчонки согласно кивнули.

Карлик отошел в сторону и приготовился наблюдать великолепный спектакль.

Самоуверенные обладательницы эльфийских генов, пажеских костюмчивков, длинных косичек и превосходства по отношению к низкорослым карликам прошли между рядами палаток и шатров ллойярдцев, не вызвав ни тени подозрения. Эльджаладские детишки, прожорливые гоблины и бродячие собаки целыми стаями носились по лагерю Участников, так что сигнализацию давно «перенастроили», чтоб реагировала на кого-нибудь, осознающего себя старше подросткового возраста. Они прошли мимо шатра мэтрессы Вайли… Очень хорошо, еще десять шагов… Мимо гидры и собачьих скелетов — главное, чтоб не испугались!

Молодец Госпожа — ее заклинание полностью приглушило слабую полудетскую волю, и напрасно гидра клацала челюстями, и собачьи скелеты подняли лай… Девчонки прошли еще десять шагов, подошли к заветной клетке… Очень хорошо, очень…

Старшая решительно срезала ближайшую веревочку, удерживающую защитный полог на клетке, младшая кинула артефакт на землю, потянула тяжелую мешковину в противоположном направлении…

Есть! Существо отреагировало на свет, на секунду приблизив морду к прутьям решетки. Мелькнули костяные гребни, ужасная пасть с крепкими острыми зубами…

Ура! Заплясал карлик от радости.

Еще через секунду его радость исчезла — кто-то очень большой и сильный подхватил карлика за шиворот.

— Чего надо? — нелюбезно спросил шпион-самоучка у обокраденного им бродяги.

Тот рыкнул. Говорить, что ли, не умеет? Это плохо. Возможно, что договориться по-хорошему не удастся… Карлик потянулся к правому запястью и вдруг с ужасом вспомнил, что уже истратил артефакт для вызова царсари — тогда, в Уинстауне…

— Я чего? Я ничего, — тут же сбавил тон карлик. Указал пальчиком в сторону девчонок, всё еще не очнувшихся от действия внушающего заклинания и потому не понимавших, чем опасно приближение разгневанных магов и не менее разгневанных скелетов. — Твой нож у них. Во молодежь пошла! Средь бела дня, у достойнейшего из лю… тро… э-э… из достойных! Грабят и даже не стесняются!

Громила рыкнул второй раз. Кажется, несмотря на некую троллеподобность внешности, и близкое знакомство с подковами (отпечаток которой полузажившим синяком украшал лоб этого достойного индивида), он был не дурак.

— Эй, отпусти! — взмолился карлик. — Я заплачу!..

Но в ответ громила рыкнул третий раз, перехватил руки карлика, которыми он пытался обороняться, и, засунув ношу под мышку, потащил куда-то…

"Надеюсь, что карликов он не ест…"

— Как вы посмели! — закричала мэтресса Вайли, поднимая посох, увенчанный скорпионом.

— Кто позволил?!

— Кто допустил?

— Кто виноват?

— Кого убиваем? — нестройным хором, полным праведного гнева, поддержали ее коллеги. Мэтр Мориарти, занятый своими морозильными экспериментами, появился на месте происшествия последним, и сразу же, еще плывя по воздуху и не успев приземлится, не тратя силы на бесполезные вопли, бросил в

злоумышленниц полыхающий зеленым недобрым светом шар заклинания.

Когда проклятие было готово достигнуть цели…

Когда четыре неразговорчивых энбу, сжав в костяных руках по два бронзовых клинка каждый, появились из-за ближайшего поворота…

Когда скорпионы мэтрессы Вайли явились на Призыв и уже бросились в атаку, капая ядом с черных хвостовых игл…

Когда сорвавшиеся с места собачьи скелеты были готовы вонзить клыки в злостных нарушительниц…

Перед застывшими в растерянности девочками взметнулась песчаная стена. Поднявшийся вверх песок поглотил проклятие, смял и уничтожил скорпионов и запутал, сбил с пути, практически остановил костяных воинов. Обитатели лагеря Участников, и так нервничающие из-за неумолимо приближающегося дня старта, оторопели от удивления и, чего скрывать ужаса.

Какая-то женщина — одетая по эльджаладской моде, то есть в черную вышитую рубаху, черно-оранжево-серебристую полосатую накидку, но почему-то не с длинными косами, в которых болтается по десятку медных подвесок, а с пером дивной птицы, торчащем из-за уха, — отважно кинулась к остолбеневшим девчонкам и вытянула их из очерченного взвившимся ввысь песком круга.

— Бежим! — крикнула Далия, решительно дергая девчонок за руки.

Хвала всем богам — они послушались.

— Эльджаладцы! — закричала в этот момент мэтресса Вайли. Она ведь знала! Еще с той ночи, как был обнаружен шпион, она знала, знала, что с этих коварных злодеев станется повторить попытку шпионажа!

— Шпионы!

— Варвары!

— Дави песчаников!

— Эльджаладцы!

— Демоны!

— Где мой скелет? Не этот, а второй, запасной, покрепче? Как сломался?

— Эльджаладцы!

— Воры!

— Гады!

— Кто разбежался, гады разбежались?! Па-аберегись, здесь

гадюки расползлись!

— Пауков ловите!

— Кто опять перевернул корзину с блохами?!

— А ну не трожь поросенка! Это не шпион, это мой претендент на звание Покровителя Года!

— Эльджаладцы!

— Скелеты!

— Ллойярдцы! Бей всех, во славу Восьмого из Позвонков!

— Брабанс! Меч и Розы!(29) Да здравствует королева Сиропия, самая прекрасная королева в мире!..

— Ты нашу Везувию не видел, дурень! Вот уж кто по-настоящему…

— Ллойярд и Дац! Летучая Мышь, мы с тобой!

— Вива Иберра!

— Бей демонов!

Мэтр Мориарти, по прежнему безмолвный и сосредоточенный, взлетел над толпой и бросил полыхающее зеленым светом заклинание в сторону весьма подозрительно фигуры, наряженной в лиловый халат с несколькими серебряными и одной золотой звездочкой. Еще одно… еще заклинание…

Далхаддин бросился наутек, прикрываясь "щитом Амоа" — он немного поработал над ним, исключительно на всякий случай, и теперь на каждые десять шагов, которые он успевал пробежать, из песка вырастал глиняный голем. Сырой, конечно, долго драться не сможет… Зато на каждого энбу, бросившегося в погоню за убегающим эльджаладцем, приходилось аж пять противников!

— Посещайте таверну "Песчаный Кот", лучшее питейное заведение Великой Пустыне! Посещайте "Песчаного Кота"…

— Мыши! Мои мыши разбежались!

— Точу ножи, мечи, самовары паяю…

— Баран! Курыц! Лепе… ошк… шайтаны!!! — закричал не в чем не повинный торговец, бросая свою корзину в сторону, подхватывая полы халата и бросаясь прочь.

— Рррребята!! — зарычал от полноты чувств буренавец, поймавший отброшенную за ненадобностью кладь. — Халява!

Все летающие твари, сколько их было в лагере Участников, сделали попытку оторваться от земли. Все ползающие — отползти в сторону. Все, кто мог издавать какие-нибудь звуки — тут же их издали…Кто-то бросился сражаться с окаянным некромантами, кто-то — на помощь к своим, которых бьют, кто-то — срочно спасать имущество, девчонки из Ордена Праматери Прасковии решительно спасали всех, до кого могли дотянуться…

Одним словом, Пустыня наполнилась жизнью во всех ее

разнообразных проявлениях.

Замок Фюрдаст. Тот же день, время обеда

Талерин, Королевский Дворец,

Ее величеству королеве Везувии

Дорогая сестра!

У нас с Октавио все в полном порядке. Чего и вам с Гудераном желаем.

Пока.

П. С. Извини, не совсем поняла одну из фраз твоего послания. Что значит — не мешают ли нам Анна и Дафна? Разве девочки не в Талерине?

Скажи им, что тетя о них помнит, но тете сейчас немножко не до них. Привет мальчикам — Гудерану, Роскару, Ардену.

Ангелика.

Между Ильсияром и Хетмирошем

Когда высоченный громила, отмеченный лошадью, донес пойманного воришку до нужного места — а им оказался роскошный шатер почти у самого Хетмироша, — и бросил на яркий ковер под ноги роскошно одетому господину, напоминающему стареющего льва, карлик уже успел смириться с неизбежным. Судя по всему, звезды предвещали, что не видать Госпоже пропавшего колечка, как гоблином — собственных огородов.

— Что там за шум? Что-то случилось? — спросил господин.

— Чепуха, — с достойной восхищения краткостью объяснил громила. — Вот, вор.

Господин Раддо посмотрел на силящегося подняться карлика, смешно дергающего тонкими ножками, чтобы подняться, и спросил тоном прохладным, не допускающим возражений:

— Послушайте, любезнейший, не хотите ли вы немного заработать?

— Я? — вспылил карлик. — Я? Так что, этот тупой тролль тащил меня сюда, чтобы ты спрашивал меня, не хочу ли я заработать?

— Не хотите — не надо, — Раддо лениво взболтал осадок на дне бокала, показывая, что ему, собственно, всё равно, кому предлагать сделку. Фломмер принес карлика — будет карлик. Принесет кого-нибудь другого- будет другой…

Фломмер, словно прочитав мысли господина Бонифиуса, подхватил горе-шпиона за шиворот.

— Погодите! Постойте! — завопил карлик, отчаянно размахивая ножками и пытаясь ухватиться за руку, его

держащую. — Вы не так поняли! Конечно, я согласен заработать! Только объясните, что надо сделать!

В этот момент вмешался еще один участник разговора, присутствующий, если можно так выразиться, в палатке фрателлы Бонифиуса. Со стола, за которым сидел Раддо, подал голос парящий над активированным магическим кристаллом фантом милой, очаровательной юной девушки — темноволосой, темноглазой, стройной, одетой в изящное платье с коротеньким жакетом.

— Донна Кассандра-Аурелия, что скажете? — спросил Раддо.

— Дайте мне на него посмотреть, — попросила донна. Фломмер поднял карлика за шкирку и, как какого-нибудь щеночка, предъявил любопытной даме.

— Урод, — голосом отъявленной стервы заявила та. — Но сгодится. Дайте ему два глотка из большого флакона, мой милый фрателла. Хотя нет — лучше один, а то вдруг окочурится, не завершив начатое.

— Фломмер, — скомандовал Раддо, доставая из кармана шкатулочку, обтянутую темной кожей. Под крышкой обнаружился ряд хрустальных флаконч ков — дюжина маленьких, наполненных жидкостями бесцветными, слабо-зеленоватыми, чуть заметно синими, и один большой флакон, доверху наполненный кроваво-красной жидкостью.

— Не надо! — перепугался карлик, извиваясь, как червяк на крючке рыболова.

Наемник, совершенно не замечая тяжести, повисшей на его руке, поднес карлика к боссу и буквально залил несчастному воришке в глотку отмеренную дозу странной жидкости из большого флакона.

— Теперь можешь его отпускать, — разрешил Раддо.

Карлик снова плюхнулся на ковер. И почему все дылды так любят издеваться над маленькими? Сволочи…

— Слушай сюда, маленький уродец, — заявила донна Кассандра-Аурелия — голосом жёсткой, расчетливой гадины, странно противоречащей ее внешности юной невинной девы. — Ты выпил яд, который убьет тебя в течение сорока часов.

— Донна! — едва поднявшись, карлик снова рухнул на колени. — За что?!

— Но ты можешь избежать смерти, — с недоброй усмешкой объяснила Кассандра-Аурелия. — Если выполнишь то, о чем попросит тебя господин Раддо. В этом случае он объяснит тебе, как найти мое пристанище, и я отмерю тебе исцеляющий эликсир. — Фантом донны стервы поднял — так, чтобы карлик мог отчетливо видеть, — хрустальный флакон, в котором

переливалась тягучая золотистая жидкость. — В твоих интересах поторопиться, ибо иначе…

— Твоя смерть будет мучительна, — поддержал Бонифиус. — И совершенно бесполезна.

— Известите меня, когда возникнет необходимость, мой милый фрателла, — мурлыкнула Кассандра-Аурелия, и фантом развеялся лиловой дымкой, означая финал разговора.

— Так что я должен сделать? — пробурчал карлик. Он нахмурился, ссутулился; между делом запустил руку в карман и теперь сосредоточенно размышлял: можно бросить в злоумышленников «льдинку», можно запустить «ревунчика», можно ударить "стальным веером"… А-а, трен кайхай, всё бесполезно, всё бессмысленно! Даже окажись здесь второй царсари, раздобыть исцеляющее зелье не получится!

А значит, придется соглашаться и, как это ни унизительно, плясать под дудку подлых людишек.

— Ничего сложного, — улыбнулся фрателла. — Ты возьмешь вот это снадобье, — по знаку хозяина громила достал из сундука большую аптекарскую склянку с горлышком, запечатанным темным воском. — Пройдешься по лагерю Участников и будешь добавлять снадобье всем существам-претендентам, которых встретишь. Если животное меньше мыши — одну каплю на пинту воды, если меньше собаки — пять капель на пинту воды, если меньше козы… Вот памятка, здесь указаны пропорции.

— Да вы что, издеваетесь, что ли?! — вскипел карлик. — Как, по-вашему, я должен действовать? Подойти, попросить подержать склянку, выяснить, насколько создание велико, отмерить яд, а потом еще стоять, ждать, пока разгневанные хозяева прибьют меня?!

— Уверяю тебя, сия жидкость не имеет ничего общего с тем ядом, который ты выпил. Она вообще почти безвредна… Но не хочешь — не надо, я не смею настаивать на своем предложении, — с издевательской улыбкой ответил Раддо. — Фломмер, что мы можем сделать для нашего нового друга, чтоб он не слишком шумел оставшиеся тридцать девять часов пятьдесят восемь минут?

Фломмер снова попытался поднять низкорослого вора за шиворот.

— Не надо, — вывернулся карлик. — Ладно, уговорили. Всё сделаю, как сказали. Только… боюсь, не успею я обежать весь лагерь Участников. Сами видите, сколько здесь всех существ собралось. Кони, козы, верблюды, орлы, соколы, псы, не считая магических созданий…

— Начни именно с магических тварей, — посоветовал

фрателла. — Я уверен — ты что-нибудь придумаешь, если, конечно, хочешь жить счастливо, а главное — долго…

— Трен кайхай, — выругался карлик. Обнял склянку с неведомым зельем и, покачиваясь на тонких ножках, решительно вышел из шатра господина Раддо.

Во рту до сих пор сохранялся неприятный железисто-кисловатый привкус выпитого яда. Какой дрянью его опоили? Карлик догадывался, что он несколько отличается от многочисленных людей, гномов и прочих обитателей этого мира, а значит, есть широкий веер возможностей, как подействует на него яд. Во-первых, он может не подействовать совершенно, во-вторых, может подействовать слишком хорошо и убить не за сорок часов, а, допустим, за двадцать…А еще может быть в-третьих, в-четвертых и в-пятых…

Рискнуть обратиться за помощью к кому-нибудь из местных магов? Так ведь, чего доброго, припомнят былые подвиги, отравят еще чем-нибудь, на этот раз наверняка…

Способ спастись был. Несомненно. Нажать на татуировку, нанесенную на груди, где сходились грудина и ключицы, и тем самым позвать Госпожу. Она-то устроит всем похохотать, и самоуверенному дельцу, и стерве Кассандре-Аурелии, всем.

Но ведь и ему она тоже устроит… когда выяснит, что любимое колечко так и не нашлось.

Поэтому…

На секунду в круглую лысую голову закралась мысль, что, если хорошенько подумать, то Раддо, донна и громила использовали его так же легко и просто, как получасом ранее сам карлик «подставил» двух сестричек только за то, что не отнеслись к его особе с должным почтением.

Но эту мысль карлик отогнал как бесперспективную. Что было — то ушло прошлогодним дождем. Надо жить дальше.

И по возможности — максимально долго.

Мэтресса Далия протащила свою нежданную «добычу» через половину лагеря, петляя между веревками, удерживающими палатки и шатры, перепрыгивая через небольшие препятствия и искусно избегая встречи с препятствиями большими. Забежав в чей-то гостеприимно распахнутый шатер, Далия искренне и ретиво своровала первую попавшуюся под руки одежку, закутав одну девочку, а ее сестричку — укрыв собственной полосатой накидкой. Потом беглянкам повезло столкнуться нос к носу с очередным предприимчивым жителем Ильсияра, на этот раз — торговавшим изделиями из глины. Прочитав на бледном лице варварки что-то такое, что напомнило старые сказки о гулях,

пирующих на кладбищах, торговец безропотно обменял самое большое глиняное блюдо на страусиное перо, и дальше Далия и перепуганные, дрожащие девчонки передвигались, прикрываясь от любопытных глаз огромным керамическим диском.

Наконец, беглянки добрались до спасительно забора собственности мэтра Вига.

— Где находятся ваши сопровождающие? — строго спросила Далия, стучась в калитку условленным стуком.

— Кто? — перепугалась младшая из девочек. Старшая же быстро нашлась с ответом:

— Вы имеете в виду наших родителей? Они здесь, в лагере Участников…

— Да? Позвольте не поверить, — ехидно отозвалась Далия. Так как калитку никто не спешил открывать, она заколотила в дверь пяткой.

— О, они здесь, и мы буквально сейчас пойдем к ним, успокоим, скажем, что с нами всё в полном порядке, — округлили глазки обе сестрички, изображая вид честный и правдивый. — Мы благодарим вас за помощь, сударыня, мы безмерно благодарны вам за все, что вы для нас сделали… Кстати — меня зовут Нэн, а ее — Эфи.

— Мы уже встречались, ваши высочества, — если перевести выражение лица алхимички в жидкое состояние, им можно было бы плавить абсолютно всё, даже солнечный свет. — В замке Фюрдаст, перед Днем Леса. Разве вы меня не узнали?

— Вот свинство, — опечалилась принцесса Анна. — А мы ведь так старались замаскироваться…

Любопытная принцесса Дафна тут же уточнила, а по каким признакам мэтресса догадалась об их истинном статусе и положении? Ах да, она просто знает, кто они…

В этот момент на яростный стук Далии калитка открылась, и мэтресса благополучно провалилась внутрь двора.

— Прошу прощения, — печально возвестил господин Вапути. — Мы не торгуем до двух пополудни в связи с обслуживанием частной вечеринки…

— Это я, господин Вапути, — предупредила алхимичка.

— А, — отозвался торговец. Уронил голову вниз и увидел девочек. — Мы не продаем спиртное несовершеннолетним… Если б вы знали, сударыня, какие убытки мы терпим из-за этих вечеринок и прочих принципов…

— И хвала всем богам! Пошлите, ваши выс… Нэн и Эфи, побеседуем об искусстве конспирации…

В частной вечеринке участвовали: мэтр Виг, домовладелец,

мэтр Пугтакль, гость первый, мэтр Аэлифарра, гость второй, Пабло, гость для мелких поручений, мэтр Фриолар, гость, желающий остаться трезвым, и еще один мэтр, который присоединился к прочим господам буквально пару часов назад.

Молодой, полный сил и энергии, с чуть заметными черными усиками над верхней губой, просто лучащийся жизнелюбием, он объяснил свое опоздание тем, что "забегал навестить мэтра Левена, утешить бедолагу, что ему теперь лет пятнадцать придется вести праведный образ жизни"…

Опоздавшему налили штрафную, выпили, закусили, потом гости долго угадывали, что за дичь им подал господин Вапути, потом беседовали о наболевшем — то есть Аэлифарра и опоздавший мэтр долго и нудно жаловались на королей, которые постоянно отвлекают их от опытов какими-то мелкими поручениями… Мэтр Пугтакль и мэтр Виг переглянулись и дружно захихикали, всем своим видом говоря, что уж с ними-то подобный фокус ни за что никогда не пройдет, ибо…

Какое тайное средство противостоять королям знали эльф и маг из окрестностей Флосвилля, осталось секретом. Душевный разговор мэтров был прерван появлением женщины.

Одной, но в сопровождении двух девочек-подростков и огромного глиняного блюда.

Мэтры строго посмотрели на мэтрессу Далию. Убедились в том, что она вполне способна метнуть в них блюдо, ибо весьма рассержена и чихать ей сейчас на совокупное могущество трех школ Магического Искусства, сосредоточенных в верхних покоях старого дома, и перевели взгляды на принцесс.

Анна и Дафна сразу догадались, что нужно плакать.

— Дедушка! — пустила слезу Анна, бросаясь к мэтру Аэлифарре.

— Дядя Пабло! — подошла, понурая и несчастная, Дафна.

— Простите нас, мы не хотели! Мы думали, что просто пройдемся, на зверьков посмотрим, и что никому ничего плохого не будет…

— А потом чудовище на нас как бросится!

— Какое чудовище? — уточнил Виг. Далия охотно объяснила:

— Милых принцесс какой-то мерзкий уродец уговорил подойти к клетке, в которой ллойярдцы держат своего главного претендента, и сорвать с него защитный полог.

— И что? — встрепенулся опоздавший маг. — Кто оказался под пологом?

— Почему вы не спрашиваете, как мне удалось вытащить провинившихся принцесс из-под носа двух дюжин рассерженных некромантов? — рассердилась Далия.

— Потому, что сами прекрасно умеем совершать подобные подвиги! — дружно ответили Пугтакль и Аэлифарра.

— И все же, Далия, — повторил вопрос Фриолар. — Тебе удалось рассмотреть, кто…

— Гигантский ящер. Не дракон, скорее…

— Виверна? — оживился Виг.

— Совершенно не представляю, как можно назвать это создание. Очень большое, поджарое, задние и передние лапы практически одинаковой длины, между ними — кожистая перепонка, морда вытянутая, уродливая, голая — то есть ни гребней, ни шипов, ни усов, глаза… странные какие-то, — нахмурилась Далия, припоминая.

— А еще от него тухлятиной пахнет, как от горгульи, — добавила наблюдательная Дафна.

Мэтры задумались. Выпили, не чокаясь.

— Что, Мориарти как-то усовершенствовал горгулий? А что, прекрасная идея. Им не страшны ни солнце, ни песок… Правда, не понятно, как он регулировал манорасход… — задумался опоздавший мэтр.

Похоже, несмотря на все усилия алхимички, мэтры не собирались возвращаться в реальность — удивления, как это кавладорские принцессы оказались одни, далеко от дома, и буквально в шаге от гибели, никто не высказал; а вот созданные при помощи магии существа…

Талерин, Королевский Дворец

Письмо принцессы Ангелики доставил дежурный маг-телепортист через сорок пять минут после того, как оно было запечатано личной печатью госпожи Громдевур. Мэтр, скучающий — особенно если сравнивать летнюю тишину и истому, в которую погрузился Талерин, со сверхъестественной суетой, которая царила предшествующие полторы недели, — счел за лучшее передать лично и послание Везувии (повод побывать в Фюрдасте, навестить одну милую горничную), и ответ на него. Ибо делать все равно нечего.

Еще через десять минут Гудеран и Арден, устроившиеся у огромного зачарованного зеркала в башне придворного мага, услышали приближающийся топот быстрых шагов.

— Какая честь для меня! — вскричал мэтр Фледегран — он сидел в углу, чтоб не мешать королю и принцу следить с помощью магического стекла за событиями, разворачивающимися между Ильсияром и Хетмирошем. Пока король с сыном развлекались, наблюдая, как возникла какая-то склока в стане ллойярдцев и компетентно обсуждали достоинства лесной косули

из Брабанса, хохлатой цапли из Охохо и гаги с Ритта как возможных победителей гонок, маг читал, склонившись над книгой, разложенной на подставке. — Прошу, будьте моей гостьей! Присаживайтесь, располагайтесь. Какая нужда привела вас ко мне?

— Не стой в дверях, Везувия, дорогая, — предложил Гудеран. — Не бойся мэтра — он в последние дни всех так приветствует.

— Ага, — подтвердил малолетний принц. — Меня так вообще столько раз, сколько я захожу сюда за день…

— Гудеран, дорогой мой, — захлебываясь слезами, проговорила королева, протягивая мужу смятый листок. — Гудеран, наши девочки пропали…

— Что? — удивился король.

— Как это — пропали? — еще больше удивился принц. Он был уверен, что Анна и Дафна — самые скучные и предсказуемые сестры в мире. А тут… Надо же!

— Ваша проблема очень серьезна, — отозвался из своего угла мэтр Фледегран. — Я приложу все силы, чтобы узнать, как ее разрешить…

— Надо что-то делать, Гудеран! — закричала Везувия, наскоро объяснив причину тревоги. — Где они?! Что с ними?! Почему ты позволил им уехать в Фюрдаст?!

— А я тут причем? — сразу ушел в глухую оборону король. — Они сказали, что ты уже им разрешила, а я вовсе не хочу, чтобы меня считали каким-нибудь тираном, сатрапом или самодуром!.. А потом — они вовсе не Фюрдасте, а вообще неизвестно где…

— Но мне они сказали, — в ужасе пролепетала Везувия, — что это ты им уже все разрешил, а я не стала запрещать, чтоб не ронять твой авторитет…

— Однако, — поразился изворотливости сестриц Арден. — А все-таки они у меня молодцы…

— Марш в свою комнату! — хором ответили ему отец с матерью.

Король с королевой схватили друг друга за руки и продолжили причитать о том, что недоглядели, недопоняли, не предугадали, допустили…

Мэтр Фледегран степенно и сочувственно вещал в своем углу:

— А также прочитать справочники, словари, инкунабулы, посоветоваться с коллегами и совершить недельный медитативный пост с целью…

— Мэтр, почему вы сидите и ничего не делаете! — закричала Везувия, подскакивая к придворному магу. Она воздела руки к небу, призывая всех богов быть свидетелями ее горя и

отчаяния. — Немедленно начните поиски! Немедленно! Мы вам приказываем!

— Проблема сложна, — покачал головой мэтр Фледегран, — но вы не должны отчаиваться, ибо любое решение, если только оно принципиально возможно, будет найдено и осуществлено к общественной радости и личному благополучию. Рассматривая объективные причины возникновения субъективной трудности априори по отношению к субъект-объектности и первопричине рассмотрения…

— Мэтр! Мы приказываем! Немедленно начинайте поиски наших дочерей! — не выдержал король. В этот миг Гудеран Десятый — король, по общему мнению, весьма спокойный, выдержанный, — сталь донельзя похож на своего отца, Лорада Восьмого Завоевателя, а еще — на братца Роскара, когда тот прицеливался из арбалета в шесть голов очередной гидры.

Король был рассержен и зол — иначе как объяснить, что он подошел к столику, за которым продолжал мэтр свои ученые занятия и со всей силы жахнул по нему кулаками.

От удара подскочил нож слоновой кости, которым придворный маг пользовался для разрезания бумаг, перевернулся в воздухе, был отбит Везувией — она как раз всплеснула руками от удивления — и вонзился прямохонько мэтру Фледеграну в горло.

— Ух ты, — в полнейшем восторге присвистнул Арден. — Мам, пап, вы убили нашего придворного мага! При исполнении! Да еще сообща! Теперь вам грозит от двадцати лет до пожизненного и штраф в пятьсот тысяч золотом! Статья шестьдесят восьмая обновленного Уголовного Кодекса!

— Не шестьдесят восьмая, — слабым голосом ответил король, не позволяя супруге упасть в обморок и наблюдая, как придворный маг *вытекает* лиловой дымкой через рану. Нож для бумаг висел в воздухе, еще как-то держась в той субстанции, которая некоторое время столь успешно выдавала себя за почтенного волшебника. — И никаким штрафом он у меня не отделается…

Дом мэтра Вига

— Самое паршивое, Вигги, — говорил помолодевший мэтр Фледегран, — что я ведь поверил в твою болезнь! Поверил, что ты вот-вот сыграешь в ящик!

Виг демонстративно закашлялся.

— На самом деле, — ответил он старому приятелю, который благодаря открытию мэтра Левена выглядел точь-в-точь как в годы далекой молодости. Даже усики оставил… хотя еще

четыреста лет назад Виг говорил Фледеграну, что они похожи на раздавленного таракашку. — На самом деле я лежу в своей Башне, одинокий и всеми брошенный! А здесь мой усложненный фантом с вами беседы разговаривает…

Пугтакль фыркнул:

— Вигги, чтоб ты знал на будущее: фантомы, даже очень сложные, не пьют.

— Почему это? — возмутился мэтр Виг. — Ваши, может быть, и не пьют, а у моих фантомов — жизнь сложная, они только так спиваются…

В этот момент амулет в виде золотого солнышка, покачивающийся на груди мэтра Фледеграна, издал предупреждающий звон.

— Кстати, о фантомах, — опечалился придворный маг кавладорских королей. — Кажется, меня все-таки раскрыли. Пожалуй, надо ответить на вызов и успокоить, что я найдусь в самом ближайшем будущем.

— Может, не надо? — осторожно предложили Анна и Дафна.

— А, — беспечно отмахнулся Фледегран. — Лучше встаньте рядом, чтоб подтвердить в нужный момент — как усердно мы изучаем пыльные исторические хроники в Фюрдасте.

Мэтр Фриолар и мэтресса Далия благоразумно отодвинулись подальше, давая Фледеграну возможность сотворить соответствующее заклинание и превратить ближайшую стену в своеобразный портал, тем самым соединяя апартаменты Королевского Дворца и дома в пустыне…

"Приятно," — размышляла Далия, методично уничтожая разложенный хозяйственными енотами на глиняном блюде виноград, — "Приятно, что наши правители не забывают о физической подготовке, прекрасно разбираются в действующем законодательстве и не стесняются проявлять самые отвязные и смелые методы устрашения подданных…Ой, бедняжка Аэлифарра, повезло ему с зятем… Ой, бедный симпатяга Пабло! Как он будет жить с воспоминаниями о том, что собственная сестра чуть не сломала ему нос? Хотя не такой уж этот Пабло симпатичный — я, кажется, вспомнила, где видела его эльфийскую рожу. Уж не тот ли он недоучка, который в прошлом году устроил нам горное турне с разбойниками и препятствиями?"

— Виг, — спросил эльф после того, как отгремели последние залпы семейного скандала и оба придворных мага, Пабло и королевское семейство Кавладора, отбыли в Талерин, продолжать внутренние разбирательства, — Признавайся, старый пройдоха: ты специально подстроил всё так, чтобы внучки Аэлифарры

нашлись именно сейчас, за тридцать шесть часов до старта?

— Я вообще тут ни причем! — оскорбился Виг.

— Ага, так я тебе и поверил, — засмеялся Пугтакль.

Похоже, он не ошибся: предстоящая развлекуха в Великой Пустыне будет самым шумным событием за последние двести лет…

Хетмирош, покои Кадика ибн-Самума, несколько часов спустя

— В результате беспорядков, случившихся утром, его великолепию судье Раджу было подано двадцать три жалобы о нанесении телесных увечий, восемнадцать заявлений о пропаже имущества, это не считая тех травм и лишений, которые по каким-либо причинам не вошли в официальную статистику! — разгорячившись, господин Иолинари активно жестикулировал и не останавливаясь ходил из стороны в сторону по кабинету господина Кадика.

Его великолепие и благосклонность, сиятельный судья Радж сидел на месте почетного гостя, стараясь не шевелиться (чтобы не упал парчовый тюрбан, слишком роскошный и тяжелый для восьмилетнего мальчика), и с важным видом подтверждал каждое сказанное господином Иолинари слово.

— Мой долг довести до вашего сведения, господин Кадик, — Иолинари отвесил магу почтительный поклон, но в голосе помощника судьи звучали твердость и нежелание мириться с объективной глупостью происходящих событий. — Что за последние дни иностранцы, приехавшие ради состязаний, стали участниками множества правонарушений, случившихся в Ильсияре. Кражи, мошенничества, азартные игры, хулиганство… Пока Духи Пустыни милостивы, и не было убийств, но чует мое сердце — это пока…

— Твои слова звучат так, как будто ты обвиняешь в этих преступлениях нас, — оскорбился желчный старик Кадик. — Неужели вы, господин судья, тоже придерживаетесь подобной точки зрения?

Господин Радж задумался. Его четыре маменьки велели никогда не спорить с магами — впрочем, Раджу было восемь лет, и он уже прекрасно понимал, почему не стоит противоречить кому-нибудь из волшебников Хетмироша. С другой стороны… Эти же четыре маменьки велели ему во всем и всегда слушаться господина Иолинари, потому как он человек справедливый, достойный и образованный.

— Э-э-э… — после долгого раздумья выдал сиятельный Радж.

И Иолинари, и Кадик ибн-Самум приняли это высказывание

как подтверждение собственной правоты и смерили противника хитрыми взглядами.

— Могу ли я спросить вас, о досточтимый Кадик ибн-Самум, — спросил помощник судьи, — чего еще мне ожидать от толпы варваров, заполонивших земли между Ильсияром и Хетмирошем? Как они поведут себя, когда придет пора спустить их существ с поводка? Если мне не изменяет моя несовершенная память, весной, когда вы, уважаемый господин Кадик, объявили о своем решении созвать магов и определить Покровителя Года, вы предлагали существам-претендентам бежать самостоятельно. Теперь вот уже несколько дней до меня доносятся слухи, что избранные участники получили право управлять своими созданиями! Слухи это или всего лишь банальная ложь? Я спрашиваю исключительно потому, что практически уверен — нам не удастся избежать жертв среди наездников. А потому мне, недостойному, хотелось бы определиться заранее — считать все возможные смерти во время гонок несчастными случаями, рассматривать их как убийство с помощью магии, или же вы предложите какой-то другой вариант?

Радж активно кивнул, поддерживая своего умного помощника, вследствие чего чуть не потерял тюрбан и больше в беседу не вмешивался.

— Мне нет дела до этих варваров! — вскипел маг. — Пусть хоть все помирают — я буду лишь рад! — В сердцах Кадик пристукнул посохом. Выплеснув эмоции, старик снизошел к просьбам и ответил по существу. — Никому я ничего не разрешал. Я вообще хотел, чтобы принимали участие только существа, лишенные разума, но тут вмешались буренавцы… Хотя, когда их претенденты набросят звериные шкуры, ума в них, пожалуй, поубавится…

— Значит, после того, как будет дан старт, все участники — маги, их помощники, сочувствующие, болеющие — останутся в лагере? Просто так останутся и будут ждать финиша, не вмешиваясь в ход гонок и еще несколько дней нарушая мир и спокойствие Ильсияра? Ваша сиятельность, господин Радж, вы согласны, что подобное развитие событий недопустимо?

Радж очнулся от Великого Сражения с Тюрбаном и большими печальными карими глазами посмотрел на Иолинари. С одной стороны, он хотел согласиться. С другой — маменька, которая была любимой женой покойного папеньки в год, когда родился Радж, крепко-накрепко запретила соглашаться с чем-то, чего он не понял (30).

Кадик опять стукнул в пол посохом:

— Судьба должна сказать свое слово, ничтожный

самоуверенный крючкотвор! — зашипел он на Иолинари. — Эти твари явятся в Пустыню, и Она выберет достойнейшего! Тот, кто пересечет Великую Пустыню, кто выдержит жару, жажду и забвение — именно тот будет достоин называться Покровителем Года! А эти бездельники, самоуверенно называющие себя магами, пусть следуют за своим зверьем — только на отдалении, чтоб точно не вмешивались в промысел Судьбы.

— Мне кажется, что… — начал было господин Иолинари.

— А мне кажется, что ты испытываешь мое терпение! — рявкнул Кадик ибн-Самум. — Тебе сказано, что всё пройдет так, как я задумал, и не смей больше досаждать мне пустой болтовней!

— Посмею не согласиться, о мудрейший, — продолжал упрямиться Иолинари. — Если бы вы взяли на себя труд пройтись по лагерю Участников, вы бы убедились, что на каждом шагу встречаются доказательства того, что при организации состязаний не все проблемы были продуманы и не все обстоятельства должным образом оценены. Например, заметил ли достойнейший господин Кадик, что население Ильсияра в месяц Барса увеличилось едва ли не втрое? Колодец Слезы Неба, хвала Духам Пустыни, не иссякаем — иначе мы бы давно ощутили нехватку воды…

Нудеть о важном господин Иолинари — Радж знал по собственному опыту — был способен сутками напролет. Обычный, среднестатистический человек, просто удивился бы, если узнал, сколько тем Иолинари считает достойным своего нижайшего внимания.

Поэтому сиятельный господин судья выбрал из яств, которыми их потчевал хозяин Хетмироша, самый большой персик и задумчиво вонзил крепкие белые зубы в его бок. У него, если честно, было свое мнение, можно ли господам Участникам активно радеть за победу своего питомца, и как. Господин Раддо, который вчера нанес визит четырем маменькам сиятельного Раджа, все подробно объяснил. Главное, дозволить всем существам-претендентам иметь при себе подковы, ошейники — одним словом, какую-нибудь мелочь, которая, с одной стороны, будет свидетельством того, что существо — домашнее животное. Или, тоже вероятно, растение. Тоже домашнее.

А с другой стороны… Главное, чтоб в Правилах не было пункта о том, что вся сбруя должна быть обыкновенной…

Сиятельный Радж отбросил косточку персика и, пока Иолинари и Кадик ссорились, принялся за гроздь винограда. Скорей бы пустынные гонки начинались, что ли… Так хочется узнать, кому улыбнется Судьба!

Между Ильсияром и Хетмирошем, вечер 16-го дня месяца Барса

— Давай рассуждать логически, моя дорогая, — мэтр Мориарти двигался по шатру мэтрессы Вайли с размеренностью гномьей шестеренки. — Попытки обокрасть тебя начались еще до того, как мы прибыли в Хетмирош. Значит, ворам нужно что-то, что ты увезла из Восьмого Позвонка — если ты помнишь, кто-то рискнул забраться в Башню Ночи…

— Ты ошибаешься, Мор, — ответила Вайли в перерыве между булочкой со сладким творогом и пирожком с абрикосами, — две дурочки, что пробрались сегодня к клетке с джортом, явно шпионили в пользу Иберры — а именно маги Лаэс-Гэора наши главные конкуренты в предстоящих состязаниях. Нет, чую я, у сегодняшней заварушки была одна-единственная цель — украсть нашего главного претендента… Можешь не беспокоиться, — уверила Вайли, хотя мэтр Мориарти и не высказывал ни малейшего признака беспокойства, — я усилила охрану, теперь к нашему главному козырю и муха не проскользнет…

— Труд бесполезный, — скривился министр Чудес Ллойярда. — Потому как сам факт его существования уже раскрыт, но я рад, что ты избавила меня от хлопот…

Некромант задумчиво взболтал отвар, которым потчевала его радушная хозяйка шатра и осторожно принюхался, пытаясь определить его состав.

— Кстати, давно не спрашивала — ты уже придумал, как нейтрализовать желание нашего питомца залечь в спячку всякий раз, когда солнце печет особенно ярко? Я, конечно, молчу, — сказала мэтресса Вайли, всем своим видом показывая, что не критикует коллегу ни вот ни столечко… Просто молчит. Изо всех сил. — Но если джорт решит поспать в разгар гонок, все наши усилия по его созданию и сокрытию пойдут прахом…

Вайли хотела напомнить, что до старта остается всего лишь ночь, день и еще одна ночь, но потом вспомнила, что считает мэтра Мориарти самым гениальным магом современности вот уже четвертый век подряд, и промолчала.

— За последнюю неделю я серьезно продвинулся с заклинанием охлаждения, — ответил некромант, все так же размеренно вышагивая между осветительным магическим шаром, закрепленном на подставке, и столиком, за котором располагалась прожорливая мэтресса. — Мне удалось сконцентрировать смертельную силу холода так, чтобы она понижала температуру тела заколдовываемого объекта, немного замедляла течение его жизнедеятельностных токов, но не

наносила невосполнимого урона. Был бы испытуемый понадежнее, — поджал губы Мориарти. — Этот твой алхимик — просто головная боль! Такой ленивый, трусливый и бестолковый, что просто ужас!

— Почему сразу — мой? — обиделась Вайли. — Он алхимик нашего Министерства, можно сказать — общественное, восьмипозвонковое достояние! Тебя вообще послушать — так я только и делаю, что планирую гадости! И, по всей видимости, исключительно для тебя — другие ведь не жалуются…

— А что, разве это не так? — поддел Мориарти коллегу. — Скажешь, это не ты изобретаешь новые способы наложения проклятий по четыре в год? Я ведь знаю — когда к тебе приходят клиенты, ты ведь всякий раз радуешься, когда они вдруг отказываются тебе платить. Поскольку в этом случае ты с чистой совестью можешь их проклясть, — а потом наслаждаться, наблюдая, что из очередного проклятия получится…

На этот раз мэтресса Вайли обиделась еще сильнее:

— Ну, знаешь ли… Если, по твоему мнению, я такая гадкая, вредоносная и нечистая на руку, что ж ты, наш высокоморальный и знаменитый, делаешь в моем шатре? Может, твоей волшебной милости опасно быть рядом — вдруг я и тебя захочу проклясть!

— Не осилишь, — фыркнул Мориарти. И на всякий случай отставил чашку. Кто ее знает, эту Вайли… Конечно, как маг она слабее его, но если вспомнить, на какое коварство способна…

— А вот и попробую! — подбоченилась Вайли.

— Ну, — потребовал мэтр Мориарти, улыбаясь тонко и иронично. — Что-то я пока ничего не чувствую… Теряешь Силу, коллега… Уж не стареешь ли?

— Сам дурак! — обиделась Вайли. — Уходи, ты мне надоел!

Оставшись в одиночестве, Вайли обиженно поджала губу и пожаловалась скорпиончику, восседавшему на ее посохе:

— Совсем он меня не уважает! Надо срочно придумать что-нибудь убойное и жахнуть его чем-нибудь посильнее… Авось, поймет, что нельзя так недооценивать мои силы…

И госпожа волшебница, оскорбленная толстокожим коллегой в лучших чувствах, решила прогуляться перед сном, осмотреть еще раз многочисленные клетки с пауками, хорьками, проведать горгулий и ташунов, навестить джорта и, если очень повезет, придумать способ чуточку сбить спесь с гениального мэтра…

Именно эту ночь мэтр Карвинтий выбрал для того, чтобы отправиться в далекое-далекое путешествие. Родной Тьюсс манил тоскливыми болотами, обещал спасение от погодных экспериментов мэтра Мориарти под пологом Чудурского Леса, и

вообще… там чудеса простые, местечковые, самая обычная каторга, самые обычные преступники… И там никому не приходит в голову гордиться количеством сначала убитых, а *потом поднятых* соперников. И с чего это вдруг ему пришло в голову попытать счастья в Восьмом Позвонке? — думал мэтр Карвинтий, тайком выбираясь из своей палатки. Нет, пора домой. В Кавладор, в Тьюсс, а может быть — еще дальше, в деревню Нижняя Исподвысковочка, к тетке Ханне — родная кровь не выдаст, как-нибудь от ллойярдских некромантов спрячет…

Наверное, фоновое излучение Магии Смерти, которое, как утверждают компетентные специалисты, оказывает влияние на все живые объекты, попадающие в поле его действия, все-таки успело повлиять на господина алхимика за несколько недель пребывания в Восьмом Позвонке. Потому как — не успел мэтр Карвинтий вспомнить своих родственниц (сестру отца и ее дочуру), как мысль его посчитала нужным материализоваться самым что ни на есть волшебным образом.

Другими словами — когда Карвинтий, таясь и поминутно оглядываясь, вышел на дорогу, протоптанную обитателями лагеря Участников до Ильсияра, он впотьмах налетел на какую-то двойную, изобильно женственную фигуру, которая тут же завернула ему пощечину, огрела по шее какой-то странной волосяной плетеной веревкой и заголосила с интонациями любимой тетушки:

— Убивають! Убива-ва-ва-ююють! Спасиите!!! Ой, да спасайте ж нас, спасайте, люди добрыяя!

— Не помирайте, мамо! — а этот басок был странно похож на голос Карвинтиевой двоюродной сестрицы, Любомарты. — Я его, кобеля, щаз научу, как на порядочных женщинов кидаться! На тебе, паразит землеройный, на, на…

— Стойте! Люба! Тетя Ханя! Не убивайте меня! — заверещал Карвинтий, мигом забыв о конспирации и даже о приличествующей алхимику логике: поверить в то, что посреди эльджаладской Пустыни на него напали проживающие в самом северном уголке Кавладора тетка с сестрицей мэтру оказалось проще, чем поверить, что где-то в мире есть еще две женщины, похожие на них.

Любомарта еще несколько раз двинула крепкой крестьянской ножкой по почкам «напавшей» жертвы, после чего, хвала всем богам, ей показалось, что она узнала голос родственника.

— Чего пищишь? — спросила она у Карвинтия, поднимая с земли бездыханное тело и поворачивая его так, чтобы лицо мужчинки оказалось в пятне света, отбрасываемым ближайшим факелом. — Мамо! Да то ж Карвиша!

— Карвиша? — удивилась Ханна. Подбежала. Рассмотрела. Заголосила: — Ох ты ж мне, горюшко! Убили мово племянника, как есть убили! Изверги, живодеры, обормоты…

— Мм? — отреагировали на голос Ханны два проходящих мимо буренавца. — Да, некроманты — такие…

— От извращенца слышу, — уточнила мэтресса Вайли, совершающая вечерний променад. Посмотрела на Карвинтия, удерживаемого могучей дланью Любомарты. — В чем причина беспорядков? Мэтр, вас что, убили?

И такой энтузиазм прозвучал в невинно-вежливом вопросе некромантки, что мэтр Карвинтий ожил, причем без дополнительных целительских заклинаний.

— Нет, что вы, мэтресса Вайли! Я просто встретил родственников! Имею честь рекомендовать — моя тетка Ханна из деревни Нижняя Исподвысковочка, что в окрестностях Тьюсса, ее дочь Любомарта…

В первый момент Вайли нахмурилась, но потом припомнила:

— Ведьма, не так ли? — некромантка с интересом посмотрела на низкорослую Ханну.

Та сначала хотела категорически все отрицать, потом подтвердить, потом — сказать, что она вообще тут случайно — в итоге с собачьим доверием на лице воззрилась на дочь, а Любомарта, даже в темноте сумевшая с точностью до одной серебряной монеты вычислить стоимость наряда мэтрессы, активно подтвердила. Да, ведьмы мы. Чего надобно? — и исподвысковочковая красавица начала закатывать рукава рубахи.

— Что ж вы не познакомили меня с вашими дорогими родственницами раньше, мэтр? — попеняла Вайли Карвинтию. — Прошу в мой шатер. Поговорим, попьем чайку, поделимся опытом… — ласково пригласила мэтресса.

Ханна и Любомарта среагировали на "попьем чайку", и кинулись в указанном направлении наперегонки. Карвинтий нехотя похромал следом — что-то подсказывало ему, что лучше не выпускать родственниц из виду.

Если пересказать историю мытарств Ханны и Любомарты кратко — а именно так и придется рассказывать, чтоб не отвлекаться на многочисленные бессвязные вопли, вылетавшие из луженой глотки почтенной деревенской жительницы, двенадцатикратной вдовы и заслуженной хранительницы ведовского наследия Нижней Исподвысковочки, то дело было так. Любомарта, милое, невинное дитятко, единственная отрада маменькиного сердца, влюбилась в заезжего молодца. Молодец оказался сволочью и удрал, едва несчастная вдова начала

расспрашивать его, где планируют жить молодые после свадьбы — у нее в «хибаре-развалюшке» или свои хоромы поставят…

(На этом месте Карвинтий, прекрасно осведомленный, что его тетка живет в двухэтажном деревянном тереме, сработанном первым, седьмым и десятым из списка покойных мужей, поперхнулся и решил, что будет пить предложенный Вайли чай. Чтоб не сболтнуть лишнего.)

Ханна и Любомарта погоревали-поплакали, покуда хватило слез и причитаний, потом к ним на огонек заглянул Карвиша, путешествующий из Талерина в Уинс-таун (мэтр важно подтвердил достоверность сего факта), и велел перестать страдать и начать действовать. Подумали Ханна и Любомарта, подумали (Карвинтий захихикал в травяной чай, чтоб опять не сболтнуть лишнего) и решили, что с их стороны будет правильно вернуть сбежавшего жениха. Продали они корову, — "Любимицу, кормилицу! Отраду сердца! Звездочку мою остророгую!" — пояснила Ханна, — погрузили самый необходимый для путешествия скарб на телегу и отправились в путь.

Успели только выехать из чащоб Чудурского Леса — "Он-ить ого-го, от студеного моря и дальше вглыбь," — снова прокомментировала ведьма, — и добраться до Тьюсса. А по дороге из Тьюсса к Талерину случилась неприятность: какой-то "хлыщ столичный", как объяснила Любомарта, врезался своим мерином в их подводу. Кони сцепились сбруей, пока Любомарта разводила коней, пока требовала от «хлыща» извинений, набежала охрана располагающейся неподалеку каторги и ведьму с дочерью арестовала.

Самое-то главное — совершенно ни за что ни про что! Они ведь были тихи, как овечки! Ханна только и делала, что звала на помощь, а Любомартушка, доченька, любушка, красавушка, всего-то и подбила четыре глаза, вправила три челюсти, сломала один нос да еще двум молодцам врезала сапожком по… а не лезли бы, и не врезала б!

Отчаянно отстаивающих свои права, гарантированные им действующим законодательством как исправным плательщицам налогов (на мэтра Карвинтия напал хохотунчик), деревенских жительниц доставили в Тьюсс, где определили в городскую тюрьму. Там, в неволе, в сырости, хладе и гладе, они утешались мыслями о том, что справедливость — не любовь, не только за печкой найдет, но и вообще принципиально не дремлет. Когда ж их доставили к местному судье, оказалось, что зря они мечтали о снисхождении и прощении — судья с чего-то решил, что свара на дороге была затеяна Любомартой специально для того, чтобы из каторжного обоза сбежал хитрый преступник. А она-то даже не

знает, кто это! Ни сном, ни духом не ведает! А она-то (говорила Ханна о дочери) — дитя невинное, даже не понимает, за что людёв на каторгу определяют! А судья — человек суровый, матерный, горазд охаять всех подряд, назначил доследование…

Услышав незнакомое слово, Ханна с Любомартой не стали испытывать судьбу и бросились, куда глаза глядят. Глаза смотрели в сторону двери, которую Любомарта выломала хрупким девичьим плечиком, за дверью обнаружилась городская площадь и телепортационная станция. Ворвавшись на станцию, Любомарта скрутила в бараний рог ближайшего волшебника и велела колдовать их подальше; в итоге беглянки оказались в каком-то странном месте, где им попался под руку мальчишка-ученик. Любомарта скрутила и мальчишку, тот колданул их в шумный город, где разъяренная толпа пыталась разорвать ведьму с дочерью на кусочки…

Хвала всем богам, нашлись добрые люди, пусть даже и оказавшиеся наполовину гномами, которые извлекли Ханну и Любомарту из толпы и увезли в горы.

Дальше рассказ стал несколько непоследователен, ибо связно объяснить, куда делись "добрые наполовину гномы" и почему оставили попутчицам свою карету, путешественницы не смогли. Зато Ханна в лицах пересказывала их мытарства: как карета подпрыгивала на колдобинах, как пугали их выскакивающие из-за валунов тролли, как лошади сбежали от зайцев (мэтр Карвинтий, накушавшийся травяного чайку, представил сцену и заржал куда там мерину), как Любомарта сама впряглась в карету и тащила ее на себе, покуда та случайно не перевернулась и не сверзилась в ущелье… Путь Ханны и Любомарты через Шумерет был тернист и усеян поверженными врагами, испытывавшим к несчастным женщинам недружелюбные намерения. Какую-то часть пути они прошли пешком, потом «взяли» у какого-то каравана верблюда (посмотреть — Любушка ж такого зверя отродясь, детонька, не видала!) и на рысях добрались до Аль-Тораза. В Аль-Торазе Любомарта опробовала уже сработавшую схему — скрутила в бараний рог первого же похожего на мага старикашку — и вот они здесь. Хотели найти лошадку, чтоб, значит, домой возвернуться… Но раз уж тут и Карвиша, и люди такие хорошие, — добавила Ханна, угодливо улыбаясь мэтрессе Вайли, — они, пожалуй, задержатся, если их очень попросють…

Волшебница, порядком оторопевшая от обилия вываленной на нее информации, несколько раз хмыкнула. Дескать — да, хм-хм, понимаю; на вашу долю — хм-хм, выпали тяжкие, хм-хм, испытания… А вот правильно ли говорил мне мэтр Карвинтий, что вы, уважаемая госпожа Ханна, — не сочтите за оскорбление,

имеете честь быть ведьмой?

— Я? — уточнила Ханна. — Да ни в жисть!

— Тетя Ханя, — подал голос Карвинтий. — Вы не волнуйтесь: и мы сейчас не в Кавладоре, и мэтресса Вайли сама понимает толк в черной магии… Так что рассказывайте, как есть.

Ханна посмотрела, печально вздохнула и рассказала.

Оказывается, в их деревне от ведьм — просто продыху не было. В каждом поколении хоть одна девчонка да и имела особый талант — сглазить кого-нибудь, излечить увечного рыцаря, а потом ускакать с ним на белом коне замуж… А, нет, это из другой сказки. Короче, в их деревне ведьмы были всегда. Потому как оно, в смысле ведовство, в деревне завсегда сгодится — мужика приструнить, детишек сказочкой потешить, или курицу у браконьеров отобрать… И Ханне выпала честь быть соседкой самой сильной исподвысковочковской ведьмы. Старушка, умирая от зимней чахотки, передала все свои тайны, все знания, все колдовские рецепты милой и послушной соседушке, и вот, Ханна теперича тоже почти ведьма. Почти — потому как "академиёв не приканчивала", но ученее племянника, чтоб ему…

Рассказ был ярким, эмоциональным, изобиловал ненужными подробностями (в частности, Ханна в лицах пересказала отчаянное сражение старушки-ведьмы с медведем, который вылакал весь липовый мед, которым та собиралась лечиться от простуды) и поверг мэтрессу Вайли в ступор. Она даже подумала, а не переборщила ли с травяным отваром — потому как не чувствовала в деревенской выскочке магии ни на ломаный грошик… А может, это обман чувств? — решила некромантка, и попыталась выведать профессиональные секреты другим способом.

— Карвинтий рассказывал, что вам особенно удаются проклятия, — проворковала волшебница, подкладывая Любомарте еще сладких пирожков — девица ела за троих энбу…

— Энто могем, если надоть, — искренне обрадовалась Ханна. Достала из растрепанной кики шпильку, поковырялась в гнилом зубе, поцокала и предложила: — Кого вам надоть проклясть?

— Ну, как бы сказать, — с сомнением произнесла Вайли. Вид у путешественниц был не самым располагающим: Любомарта в грязном когда-то розовом сарафане, с жуткими зелеными бусами на шее нуждалась всего лишь в бане и хорошей стирке, но вот ее матушка… Эта песья лезущая клоками шуба, эта согнутая спина, маленькое сморщенное личико, угодливая улыбочка… Тьфу, и *это* — попробует проклясть Мориарти? — Знаете ли, я, вообще-то, предпочитаю сама… Чтоб, значит, не было лишних жертв, — не слишком понятно возразила Вайли.

— Не будет, — уверенности Ханны способствовали пять чашек особого чая, составленного из самых употребительных трав Восьмого Позвонка. — Я и того беглеца подзаборного, который Любушку мою бросил, в девках страдать оставил, прокляла, и кралю, которая Карвишу послала на все четыре стороны…

— Вы это о ком? — уточнила Вайли. Кажется, чай подействовал на гостей как-то не так: и мэтр Карвинтий засмущался, как красна девица, и Любомарта — наоборот, набычилась, как бывалый рубака…

— О мэтрессе Далии, — хихикая, ответил алхимик. — Она на меня спустила свою гномку! Из-за нее за мной охотился зомби!..

— И что? — спросила волшебница.

— Я ее и прокляла. Как пожоле… по-ло-же-но, — созналась Ханна. — Слепила восковую куклу, в нее, значит, лоскут с ее одежи, иголку поглыбже воткнула и говорю: чтоб тебя поманила в неизвестные дали петляющая дорога! Чтоб воры залезли в твой сундук! И чтоб тебе не было спасения от любви!

— Потому как от любви, кроме встречи с козлами, — пробасила, уточняя, Любомарта, — ничего хорошего не случается.

"Странное проклятие", — подумала Вайли.

Позже — когда день шестнадцатый благополучно передал полномочия своему семнадцатому собрату, мэтресса Вайли, ощущающая изрядный прилив вдохновения после шестикратно превышенной дозы отвара листьев липы обыкновенной, Тьялтидосы, лепестков подсолнечника, ягод тиса, мелко нарубленных шипов терновника, свежих мухоморов, сыроежек, девясила, корневища лютика весеннего, цветков мандрагоры и лапчатки драконообразной, все-таки решила испробовать проклятие по методу Ханны.

Она слепила фигурку из черного воска, вложила в нее волосок, подобранный с книги, которую Мориарти читал последние дни; чтоб подействовало наверняка — положила фигурку в чашу, наполненную кровью морской черепахи, пронзила серебряным кинжалом и торжественно изрекла:

— И не будет тебе спасения от любви!

Пронзенная фигурка как плавала, так и продолжила плавать.

— Надо добавить паучьего яду, — решила Вайли.

Добавила.

— Чего-нибудь сладенького.

Добавила сгущенный кленовый сироп, финиковую косточку и горсть изюма.

Фигурка плавала.

— И какой-нибудь мертвый компонент.

Сбегала, принесла черепок тушканчика.

Не подействовало.

— Может, всё следует сжечь? — поразмыслила некромантка.

Не получилось.

— Что ж, попробуем другое Начало… Может быть, Земля?

Мэтресса пробежалась до конца лагеря, вылила содержимое чаши в вырытую услужливым энбу ямку.

Посидела. Подождала.

Ждала, ждала, ждала, пока не заалел рассвет.

Ничего не происходило.

Плюнула, пристукнула посохом со скорпионом по мокрой глине и сказала себе, что больше никогда в жизни не будет слушаться ведьм.

Дом мэтра Вига и прилегающая таверна "Песчаный Кот"

Возможно, правы те маги, которые утверждают, что всё, происходящее в мире — есть проявление Музыки Сфер, где каждое событие связано со всеми последствиями, какой бы странной, незначительной и умозрительной ни казалась эта связь. Возможно, правы те, кто утверждает, что Вселенная живет по закону космического свинства, и здесь случается только то, чего ожидать нельзя и прогнозировать не получается. А возможно… правы и те и другие.

В любом случае, если бы мэтресса Вайли осталась ночевать в своем шатре, очень даже могло случится так, что некоторые события развивались бы совершенно в другом направлении.

Но увы, все произошло именно так.

Точкой притяжения для трех совершенно незнакомых между собой мужчин стала походная таверна "Песчаный Кот" и абсолютно естественное в половине первого ночи желание выпить чего-нибудь крепкого.

В час воров, вампиров и оборотней мэтр Карвинтий, изгнанный из собственной палатки теткой и кузиной, не смог заснуть — ворочаясь на тоненькой подстилке между болотцем ташунов и клеткой с хорьками, он размышлял о несправедливости жизни. Почему он, такой умный, образованный, интеллигентный, поддается на уговоры полуграмотной Любомарты? Та только нахмурилась, а он уже отдал им палатку. Слышите рокочущий гром и посвистывание? Вот, они уже спят… А тут, знаете ли, ташуны затеяли возню в болоте… Как прикажете засыпать, зная о неразборчивости и непривередливости сих представителей магической фауны в вопросах пропитания?

Карвинтий встал и отправился спасаться от бессонницы

старым дедовским способом.

В таверне, по ночному времени, уже не было так шумно как два-три часа назад. Часть посетителей спала, уткнувшись носами, мордами и клювами в столешницы. Часть продолжала затянувшееся веселье — и Карвинтий сразу стал подыскивать столик поспокойнее. Он нашелся — в самом углу накрытого тентом дворика, практически рядом с домом того единственного на всю Пустыню хитреца, который додумался обзавестись недвижимостью на время гонок Покровителя Года.

За столиком уже сидел молодой человек лет двадцати семи — тридцати, немного сальный, немного самоуверенный, одетый по моде герцогства Пелаверино. Он неторопливо потягивал вино из глиняной кружки, да время от времени подбрасывал своей собаке косточки. Холеная, с длинной черной шерстью борзая при виде Карвинтия всего лишь подняла морду и чуть заметно вильнула хвостом; вследствие чего была оценена алхимиком как воспитанная и заслуживающая доверия.

Карвинтий сел на противоположную сторону, заказал кружку лалетского сухого вина, куриных крылышек и, не вступая в бесполезные разговоры, принялся лениво наслаждаться жизнью…

Внутри дома кто-то бегал, шуршал, стучал крышкой сундука, раздавались голоса, к которым Карвинтий поневоле прислушался.

Низкий, хрипловатый будто спросонок, альт бурчал:

— И почему нельзя собираться в поход днем, как все нормальные гномы?

"Гномы?" — поперхнулся Карвинтий. Борзая умильно посмотрела на крылышко в руке алхимика.

— Я тебе объясняла несколько раз, — раздался более высокий женский голос. И в смысле тембра, и — если судить по тому, как легко доносился голос из-за полуприкрытых ставен, — дамы более высокого роста. — Во-первых, все нормальные путешественники, даже гномы, предпочитают пересекать Пустыню ночью, когда прохладно. Во-вторых, нам надо уйти сейчас, когда все нормальн…э-э… все более-менее вменяемые путешественники давно спят…

— Ты же говорила, что они по ночам не спят, а бродят по Пустыне!

— Есть те, которые бродят, а остальные уже набродились и отдыхают! Не сбивай меня, Напа! Вот, я уже забыла, что хотела сказать!

Карвинтий нахмурился. Знакомый голос! Ей-ей, знакомый!

— Девочки, вы собрались? — вмешался еще один собеседник, на этот раз — мужчина. — Поторопитесь, я пошел к лошадям.

— Надеюсь, на этот раз лошади — настоящие? — строго

осведомилась дама. — Напа, ну что же ты! Пожалей бедное животное, оно не унесет столько железа!

— Это не железо, это кайло, — строго ответила Напа. — Как, по-твоему, я буду искать сокровища, если у меня его не будет?

В этот момент дверь распахнулась, и из дома вышел высокий молодой человек, одетый в дорожную кожаную куртку; его голову прикрывала шляпа, а лицо — цветастый платок. Молодой человек нес плотно набитые дорожные сумки; неторопливо дойдя до привязанных у забора лошадей, он принялся возиться с упряжью.

Женские голоса внутри помещения ссорились, обсуждая достоинства разнообразных копательных инструментов. Карвинтий нахмурился: он не ослышался? Речь идет о сокровищах? Где? Чьих? Как до них добраться?

Как нарочно, компания, шумно обсуждающая подробности сегодняшней заварушки в стане ллойярдцев, взревела за соседним столом, бурно радуясь чьему-то подбитому глазу, и Карвинтий не смог разобрать подробности. А минуту спустя справа от алхимика с шумом опустился на наспех сколоченную лавку донельзя уродливый карлик, запустил длинный острый нос в кружку с пивом и начал шумно, с фырканьем и клекотом, поглощать ее содержимое.

День не задался. Что ж — бывает. Отравили, заставили, как какого-нибудь подлого гоблина, прислуживать какому-то расфуфыренному ничтожеству — что ж, всякие напасти случались за долгую жизнь… Карлик шумно прихлебывал напиток — на его вкус, достаточно противный, под стать мерзкому настроению, — и размышлял, как же ограбить шатер мэтрессы Вайли. Пойти напролом? Нанять какого-нибудь вора посмышленей? А что, прихваченных из Замка на мелкие расходы драгоценностей может хватить… Правда, насчет воров карлик иллюзий не испытывал: эту братию надо крепко держать за… хмм… одним словом, держать очень крепко, чтоб даже не пытались вырваться. Так что не так уж не прав самоуверенный торгаш, уверенный, что ради сохранения собственной жизни карлик свернет горы…

В течение второй половины дня карлик как пришпаренный носился по лагерю, изыскивая способы подлить отраву (пусть говорят, что в склянке — не яд, но он-то не наивное эльфийское дитя, чтоб верить!) в питье магических тварей. Сообразил достаточно быстро, занял стратегически важную точку у поворота на Ильсияр, откуда приходили водоносы с осликами, груженными глиняными кувшинами, и, важно разглагольствуя о несуществующем приказе, с самым официальным видом проводил ревизию воды. Добавлял по унции отравы в каждый большой

кувшин, якобы — средство от сглаза и прочей порчи, и отсылал водоносов с указаниями — это доставить фноссцам, это — иберрцам, это — в стан подданных Кавладора… Громила Фломмер, приставленный наблюдать за тем, как исполняется приказ ничтожества Раддо, удовлетворенно хмыкал, дескать, давай, урод, продолжай в том же духе. Хорошо еще, что троллеподобному охраннику надо когда-то отдыхать, а то он бы и сюда заявился, всем своим видом намекая на какое-нибудь вредительство и то, что жить карлику осталось часов тридцать с небольшим…

Ах, как бы выяснить, действует ли на организм карлика проглоченное зелье, или еще нет?

Карлик громко прокашлялся, набрал полный рот слюны и покатал ее во рту, пытаясь разобрать, нет ли привкуса, характерного для ядов, потом, сплюнув, как можно дальше высунул язык и громко подышал, проверяя, нет ли оцепенения мышц шеи и щек. Заметив странные взгляды, которыми его наградили ближайшие соседи — молодой хлыщ и средних лет мужчина в поношенном камзоле, карлик снова засунул нос в изрядно опустевшую кружку и принялся булькать пивом, размышляя, что ж делать дальше…

А потом его заостренные треугольные уши вдруг уловили знакомый голос…

— Ты, алхимия, меня не учи — ступай себе, ступай… — мэтр Виг спускался со второго этажа в сопровождении верных енотов, белочек и мэтра Пугтакля. Высокий сереброволосый эльф, чуть покачиваясь после затянувшейся «встречи», смотрел на собирающихся в поход алхимиков в полном восторге.

— Но, мэтр, я все-таки беспокоюсь за вас, — возразил Фриолар. — Вы уверены, что…

— Ну вот опять никто не верит в мой профессиональный уровень! — оскорбился Виг. — Я, чтоб ты знал, знаю такие заклинания, такие убойные ритуалы, такое колдовство!.. Так, а кто-нибудь знает, что я делаю на этой лестнице? — вдруг поинтересовался величайший криптозоолог современности.

— Ты хотел мне показать зверушку, которую приготовил к соревнованиям, — напомнил Пугтакль.

(За стеной, подслушивающий доносящийся из приоткрытого окна разговор, карлик нахмурился еще сильнее. И этот звучный, хрустальный голос он где-то слышал. Что, неужели проглоченный яд вызывает слуховые галлюцинации?)

— Да, точно! — спохватился Виг. — А ты его не сглазишь?

— Не сглажу, не беспокойся, — вальяжно пообещал эльф. —

Даже наоборот, могу благословить его чем-нибудь друидическим…

— Тогда сейчас эту беспокойную молодежь выпроводим, и пойдем знакомиться с моим Рыжиком. Вы собрались? — строго спросил Виг у алхимиков.

Далия, Напа и Фриолар нестройным хором подтвердили, что да.

И в самом деле — гномка была в кожаной курточке, шлеме, с тремя лопатами за спиной и нежно прижимала к груди кирку (взамен потерянной секиры), Далия в полосатом местном наряде обвешалась амулетами и оберегами, сработанными Вигом с учетом всевозможных пустынных неприятностей, плюс, конечно же, верная лупа, карандаш в прическе, сумочка из потертого бархата через плечо, через другое плечо — походная фляжка… И только Фриолар выглядел путешественником опытным: за спиной — дедовский меч, на плече — фляжка, сумка; решимость в глазах.

— Тогда — удачи! И сматывайтесь поскорее, вы мне уже надоели, — велел мэтр, провожая компанию к лошадям.

Фриолар забрался в седло легко, Далию эльф галантно подсадил, а гномку не менее галантно пролевитировал, помог устроиться за спиной мэтра Фри-Фри. Потом подал алхимичке горсть сухих апельсиновых косточек:

— На всякий случай, прекрасная донна. Вдруг вам захочется пить, а рядом не окажется источника.

Далия с благодарностью приняла подарок, еще раз напомнила мэтру Вигу, что все наблюдения и выводы, сделанные ею после изучения Участников и Претендентов хранятся в папочке, которую сторожит серая белочка с черным хвостиком, и не слишком умело направила свою лошадку вслед за Фриоларом и Напой.

Неужели, — думала гномка, вздыхая от одолевавших ее радостных чувств, — Неужели я все-таки смогу откопать сокровища Тиглатпаласcара?!

— А теперь давай, показывай своего зверя, — напомнил Пугтакль, когда алхимики выехали за ворота. — Так кто он? Какой-нибудь змей, таракан? Мои подчиненные Жука величиной с хороший дом умудрились сделать…

— Не поверишь — грифон! — радостно засмеялся Виг. С истинно волшебным пофигизмом игнорируя присутствие двух дюжин посетителей "Песчаного Кота", оглядывающихся на старика и эльфа, Виг прочитал заклинание, снявшее хамелеоновы чары с крошечного сарайчика, притулившегося к дому, и показал Пугтаклю — правда, только ему, остальные так ничего и не

разглядели в сером магическом облаке, — своего питомца.

Рыжий грифон поднял крупную, львиную лапу и радостно закурлыкал, приветствуя своего хозяина. Поиграем? — подмигнул звереныш круглым темным глазом. Ну, давай поиграем! — и острый клюв (куда там орлам!) щелкнул по доскам сарайчика.

— Скоро, скоро, мой хороший, полетаешь в волю! — ласково пообещал Виг. Повернулся к эльфу: — Что, не ожидал?

— Ну, почему же, — флегматично пожал плечами Пугтакль. — Ученица Аэлифарры, Тэффифи, как-то рассказывала, что видела тебя в Восточном Шумерете. Прошлой осенью, я не ошибся?

— Вот глазастая, — буркнул Виг. Он вернул хамелеоновы чары, снова маскируя присутствие сарая и своего ненаглядного питомца, доковылял, придерживаясь за ревматическую спину, до ближайшего столика и щелкнул пальцами, приказывая Вапути не задерживать продолжение дружеского банкета. — Я думал, что то беспокойное привидение — единственный свидетель, напою ее, посажу в бутылку из зеленого зачарованного стекла — никто о моей охоте за грифоном и не вспомнит…

— Что? — Пугтакль сделал вид, что не расслышал.

— Ничего, ничего, — спохватился Виг. И с удовольствием вернулся к теме своего создания: — Конечно, пришлось постараться, чтоб из ошметков шкуры, которую оставил тот залетный гость из другого мира, выросло что-нибудь путное, но оно ведь у меня получилось! Вот помяни мое слово — мой малыш выиграет гонки и станет Покровителем следующего Года!

— Ага, ведь Аэлифарру разгневанная дочь теперь на соревнования не выпустит, да и Фледегран остатками профессиональной репутации не станет рисковать, — как бы между делом ввернул эльф. Он сел напротив Вига, кратко и поэтично выразил свое мнение о напитке, который им осмелился предложить господин Вапути, положил на стол «глаз» и наскоро договорился с кем-то о доставке "специального заказа" из Лаэс-Гэора. — Сын, — коротко объяснил он Вигу. — Ему доверять можно, он и с охраной Лаэс-Гэора сможет справится, и вино нам сейчас переправит, по дороге не выпьет…

— У тебя есть сын? — удивился Виг. — Надо же! И сколько ему?

— Кажется, сто с небольшим, — пожал плечами Пугтакль. — Юнец, и как все юнцы — весьма самоуверенный. Рвется творить магию, а у самого еще ветер в голове гуляет…

— Что, тоже маг? — с сочувствием уточнил мэтр. Эльф развел руками — так получилось… — Да, дети с магическими способностями это нечто с чем-то, злейшему врагу не пожелаешь.

— Как вспомню, как ты со своей старшей дочурой мучился, мне все опыты Лотринаэна кажутся милыми шалостями, — припомнил Пугтакль события четырех… или все же пятивековой? давности. — Но ведь младшая дочь у тебя была без магических талантов, верно? Где она сейчас?

— Сбежала замуж, — с гордостью за сообразительную дочурку ответил Виг. — Помню, устроила мне погром в лаборатории, переколотила половину склянок, банки с сухими припасами, аквариум, два террариума и заявила, что видеть больше ни меня, ни сестрицу с ее моральными принципами не желает. Готова выйти замуж за первого встречного, только чтобы уехать из Башни… А ты ж меня знаешь, я скажу — так ведь сделаю, и она вся в меня пошла — буквально через неделю с первым попавшимся дурачком сбежала… Потом извинилась, письма писала, дескать, всё у нее хорошо, внучок у меня родился, потом другой, потом… — Тут Виг нахмурился: память, изрядно разогретая винными парами, вдруг забуксовала в виду отсутствия фактического материала. Да и полно, был ли мальчик? Вдруг младшая дочь порадовала засевшего в Лесу патриарха не внуком, а внучкой? — Короче, давно дело было. Давай я лучше тебе расскажу, как создавал грифончика!

Эльф как раз в этот момент создавал из воздуха и рассеянных отблесков звезд нечто воздушное и прекрасное, а потому рассеянно кивнул.

— Весной, как только прошел слух о том, что летом состоятся выборы Покровителя Года, я начал прикидывать, кого заявить в качестве претендента. Земноводные и насекомые отпадают сразу — ведь или нажрутся какой-нибудь пыльцы, воды наглотаются, или наоборот, недопьют, и, того гляди, уснут посреди Пустыни. Змеи, конечно, хорошо, но ведь — согласись, дружище Пугтакль, — подлые ведь твари! Вдруг какой брачный сезон затеют! Да и охотится на змеек, если они не больше тролльего шага в длину — проще простого; а если брать Змея посолиднее — его ведь не прокормишь!

Из света звезд на изящной эльфийской ладони вырастал тонкий чудесный колос. Пугтакль рассеянно подтвердил, что Вигу виднее… Особенно насчет подлости змей…

— Все пресмыкающиеся твари неравнодушны к Огненному Началу, — мудро заметил эльф, — Змеи заползут на самый теплый камень, да там и останутся, драконы вообще плоть от сущности Огня… Кстати, как думаешь, что придумал Мориарти для своего питомца? Если его ящер — родня горгульям, значит, он должен быть близок Второму Началу(31), и реагировать на избыточное тепло так же, как они — впадать в спячку.

— Ты думаешь, что этот костевед достаточно безумен, чтобы отсылать не имеющего защиты от жары ящера в Пустыню? — засомневался Виг. — Хмм… А он ведь безумен, значит, рассчитывает на что-то… Ладно. Разберемся. Значит, решил я со змеями повременить, а сотворить какую-нибудь птицу или зверушку, чтоб и умненькая была, и сильная, ну, и быстрая, куда ж без этого…Сначала думать вырастить царсари — ты ж помнишь, какие эти твари быстрые, живучие и мощные…

— Угу, — кивнул эльф, заставляя колос из звездного света кружиться, впитывая в себя бархатистое волшебство теплой южной ночи. — Как вспомню, сколько хлопот нам доставил тот хитроумный карлик, который пытался обворовать и поджечь Лаэс-Гэор, едва не спилил рог у Символа Ордена твоего друга Гильдебрана(32), чуть не выиграл у тебя в карты Тройного Оракула…

— Гад, ведь не выиграл! — со смехом припомнил Виг. — Я ведь так старался, жульничал, а он все-таки не выиграл!

— Да уж, вот был бы подарочек его хозяйке! — засмеялся эльф.

Оба почтенных мэтра вспомнили шалости своей — не молодости, но проказливой — куда там юности! — зрелости, и захохотали, едва ли не повизгивая от восторга.

Карлик прятался за большой кружкой с пышной пенной шапкой буквально в шести локтях от эльфа — того самого, которого совсем недавно, каких-то три столетия назад едва не ограбил на предмет таинственных магических растений, потребовавшихся Госпоже для очередного опыта, — и сидел ни жив, ни мертв. Они еще живы?! Ну, с Пугтаклем все понятно, хотя совершенно не известно, почему он остался здесь, а не ушел вместе с прочими эльфами искать новый мир. Но Виг? Он уже триста лет назад был стар! Он что, просто забыл, что смертен?!

Борзая Соня, категорически опровергая свою кличку, с любопытством следила за покачиванием странной блестящей травинки в руках остроухого златокожего человека. Ведь любопытно же! Если кошкам дозволено смотреть на королей, почему бы чистокровной борзой не посмотреть на волшебников? Чрезвычайно сосредоточенный на собственном занятии Хрумп на беседующих магов не отвлекался — все равно сидят далеко, карманы их не проверишь…

А вот мэтр Карвинтий вообще эльфа и мэтра Вига не заметил. Он размышлял о том, почему демоница Далия, из-за которой он лишился теплого местечка в Талерине, смеет прекрасно себя чувствовать, разгуливать по Ильсияру да еще собираться в поход за какими-то сокровищами?! Надо немедленно исправить эту

несправедливость Судьбы! Немедленно!

Но как?

Просмеявшись и вытерев кончиком пушистой белой бороды выступившие на глазах слезы, Виг продолжил:

— Но потом вспомнил, что царсари практически не поддаются управлению. Их хозяйка-то с ними ладит, что еще раз подтверждает — все женщины кошки, даже если прикидываются оскорбленными, когда им об этом напоминаешь… Ну, и решил я попробовать грифончика. Не могу сказать, что все получилось, как надо — тот крылатик, у которого я образцы взял, и говорить мог, и прикидывался, что разумный. А мой-то попроще будет. Я всегда говорил и буду говорить — разум — эволюционная лажа, без него мир прекрасно жил, и вполне способен жить и дальше…

Но эльф не слушал бравое бахвальство гордого собственным изобретением мага-экспериментатора. Нахмурив ровные серебристые брови, Пугтакль вспоминал:

— Слушай, а как того карлика звали? Помню, что имечко у него было такое… заковыристое…

Борзая жалобно заскулила. Эльф отреагировал на тихий звук, с улыбкой протянул животному руку, чтоб оно познакомилось с новым творением друида, Виг мимоходом отметил, что собака — породистая, холеная, наверняка вполне способна оказаться в двадцатке победителей, но его грифончику, конечно же, не конкурент, и бросил собачке косточку. Вот взял, сотворил косточку с хорошим шматочком мяса, да и кинул псинке.

Просто так. Без злого умысла.

Косточка полетела куда-то не туда (что поделать, подвел Вига нетрезвый образ жизни!), отскочила ото лба жилистого, вороватого молодого человека, одетого по пелаверинской моде и с громким «плюх» утонула в пенной кружке. Низкорослый посетитель — то ли гном, то ли просто не повезло с гормоном роста — прятавшийся за объемистым сосудом, отпрянул от неожиданности…

— Цогобас, — опешив, произнес Виг.

— Да, верно, имечко — демону под стать! — вспомнил Пугтакль. — А помнишь, как он…

— Он здесь! — закричал Виг. — Он пришел воровать *мое зверье*!

Дальше события развивались со стремительностью полета эльфийской стрелы. В мгновение до Вига дошло, что печально известный в магических кругах карлик находится всего лишь в дюжине локтей от ненаглядного и любимого грифончика, еще один миг потребовался, чтобы мэтр-криптозоолог вспомнил сразу

десяток убойных заклинаний родной магической школы, резко опустил ладони, форсировано набирая необходимую для активации заклинаний Силу…

Когда деревянный стол опрокинулся — по причине внезапно объявившегося в таверне огромного саблезубого тигра, — и прижал перепуганных Карвинтия и Хрумпа к каменной стене дома, карлик Цогобас уже бежал — в панике позабыв о том, в какой из пуговиц камзола скрывается телепорт, он бежал, спешно уворачиваясь от появляющихся из каменистой почвы ледяных шипов, петляя, чтоб не догнал сотворенный эльфом ураган…

Цогобас бежал. Стремительно, проворно, чего трудно было ожидать от существа его комплекции. Прикрывая лысую голову от злых птиц со стальными клювами и когтями, насланных на него Вигом, перепрыгивая через хищные клацающие зубами — то полосатых змей, то зеленых карза-нейсс, буквально на доли дюйма обгоняя огромных белых волков и огненных элементалей, отправленных за ним в погоню…

Он несся по лагерю Участников, не разбирая дороги. Залетая в палатки, мало заботясь о том, сумеет ли устоять шаткое укрытие после того, как через него «пройдутся» растительные, животные и элементальные преследователи…

Стоит сказать, что второй раз — наверное, по причине позднего часа, — скандал в лагере Участников вышел не таким громким, как утром. Мэтресса Вайли, экспериментирующая с новым проклятием, так вообще ничего не заметила, даже ухом не повела… Мэтр Виг, правда, хотел довести уничтожение Цогобаса до логического завершения и начал читать формулу вызова Великого Змея, но был остановлен рассудительным, и даже немного протрезвевшим Пугтаклем.

— Оставь, он уже скрылся, — сказал эльф.

— Нет, ну ты видел, каков наглец! Шпион в моем собственном доме! Ненавижу! — ярился Виг. От его всклокоченной шевелюры рассыпались лиловые искры.

— Перестань, ты людей пугаешь… Простите, молодые люди, — извинился эльф перед Хрумпом и Карвинтием — в первый момент, еще не разобравшись, где главные источник опасности, Пугтакль бросил заклинание, материализовавшее цепкие зеленые плети, так, чтобы нейтрализовать всех, сидящих за соседним столиком.

— Н-н-ничего, — пробормотал алхимик, когда эльф отозвал карза-нейсс. Вор, чрезвычайно впечатленный демонстрацией магической мощи местных обитателей, не тратя сил на вежливость, подхватил свою собаку за ошейник и поспешил удалиться, едва исчезли плотные зеленые побеги, удерживающие

его у каменной стены. — Я п-п-почти в п-ппорядке…

И правда. «Зеленые» заклинания эльфа были, на вкус жертвы магических экспериментов, гораздо лучше сияющих зеленым отблеском Смерти чар мэтра Мориарти.

— Вы кошелек обронили, — обреченно, уныло и вежливо напомнил господин Вапути, подоспевший на шум.

— Ага… спасибо…

Карвинтий подобрал с земли тяжелый кошелек, машинально сунул его в карман камзола и поспешил прочь от таверны "Песчаный Кот".

Чтоб он когда-нибудь еще… что он вообще хоть раз в жизни… да чтоб… да неужели… Мысли, челюсти и прочие конечности у мэтра Карвинтия дрожали, как желе. Хладный пот стекал со лба… Одно хорошо, — вдруг догадался алхимик. — Я ведь выпил три кружки, а ушел, не заплатив!

И он с удовольствием нащупал толстый кошелек в левом кармане.

Постойте…

Карвинтий остановился и с удивлением принялся исследовать карманы своей поношенной одежки. В правом кармане нашелся собственный кошель мэтра — он туда еще подкладывал камушки, чтоб кошель выглядел солиднее. А из левого был извлечен кошелек, сшитый из тонкой мягкой кожи, с льдистым бисерным узором, набитый…

Мэтр Карвинтий не выдержал, заглянул.

После чего ссутулился, втянул голову в плечи, спрятал кошелек на груди, моментально забыв о том, что только что собирался идти, разыскивать в "Песчаном Коте" законного владельца. Оглядываясь и постоянно хихикая нервным, полубезумным смехом, алхимик поспешил в собственную палатку.

На дне чужого кошеля сверкали красные, зеленые и синие искорки небольших, но чистых и ясных, как улыбка богов, драгоценностей — камни сияли даже в ночной темноте. А все эти бронзовые статуэтки, кристаллы, покрытые сложной вязью незнакомых рун кольца, брелоки… Выходит, не зря мэтр Карвинтий гробил здоровье, «помогая» мэтру Мориарти в исследованиях. Теперь он легко узнавал материальные носители чар, теперь, хвала всем богам, он не нуждался в дополнительных консультациях для того, чтобы понять — в его руки попало настоящее сокровище.

Разве можно после этого сказать, что чудес не бывает?

Примечания к I–VIII главам

(1) Мегантир Степенный — божество-покровитель крестьянских патриархальных семей, в широком смысле — всего, связанного с упорным, тяжелым трудом и традиционными ценностями.

(2) Хетмирош — небольшое селение неподалеку от города Ильсияр, где живут и проходят обучение маги Эль-Джалада.

(3) На золотых монетах, чеканящихся в Кавладоре, изображен герб — раскидистый дуб, а обозначение номинала окаймлено венком из дубовых листьев.

(4) Подробнее о книгах Симона Пункера см. "Труп в Библиотеке"

(5) Охотничий замок — замок неподалеку от Талерина, где располагается Министерство Чудес Кавладора. Далее по тексту — аналогичные функции выполняет Лаэс- Гэор для королевства Иберра, Восьмой Позвонок — для королевства Ллояйрд-и-Дац.

(6) Подвид хорей, отличающихся резким запахом и весьма специфическим чувством юмора. Как правило, приручается неблагонадежными магами и используется для создания в их жилище атмосферы чего-то таинственного и злобного.

(7) Около 101 см.

(8) Не путать нормальные фунты (в единицах нашего мира — 480 г) и пелаверинские (408 г). Изобретатели этой головной боли всех торговцев утверждали, что хотели всего лишь показать относительность любого измерения.

(9) Шлейф Тени (магическое) — наименование специфического изменения ауры разумного существа, которое возникает при деянии, нарушающего объективные границы субъективной влиятельности — то есть при преступлении.

(10) В данном случае речь идет о телепортационной станции. Маги, специализирующиеся на межпространственных перемещениях, за отдельную плату берутся доставить не только человека, но и небольшой груз — например, письмо, — в другой город. Условие: в том городе тоже должна быть телепортационная станция. В некоторых случаях, когда маг знает точно, где находится адресат, он может переправить послание "лично в руки". Второй способ переправки корреспонденции с помощью волшебников (менее распространенный) использует возможности магии Крыла и Когтя: маг *Призывает* существо, привязывает письмо к его, допустим, шее, и отправляет в путешествие по заданному маршруту. Срабатывает при условии, что призванное животное способно а) существовать достаточно долго; б) избежать

встречи с хищниками; в) действительно отдаст письмо, а не съест его.

(11) Каждый клан подземных мастеров отличается некоторой устойчивой чертой внешности. См. "Ночной сторож". Как правило, все Кордсдейлы чрезвычайно носаты, клан Моргенштерн — рыжий, Гогенбруттов можно узнать по тяжелым подбородкам и близко посаженным глазам, Штруденгольцы лопоухие, клан Данкенхольф может похвастаться носом-уточкой и постоянно розовым цветом лица; у гномов клана Шнапсштельмайер лбы широкие, плоские, а у гномов Анкештрек — выпирающие, нависающие над остальным лицом. Другими словами, слишком пристально вглядываясь в гнома, вы можете узнать массу лишней информации о его родословной.

(12) Семь казней пентийских — по легенде, Империя Гиджа-Пент славилась беспощадным преследованием преступников, казнокрадов и прочих недобропорядочных подданных. Достоверный исторический факт — особо провинившихся маньяков, в том числе и военачальников, осмелившихся напасть на Империю, казнили семь раз. Некромантия, если верить легендам, в Империи Гиджа-Пент, тоже была очень хорошо развита.

(13) См. Бестиарий и примечания

(14) Нюртанг — магически инертный сплав нюра, специально заговоренного серебра и железа высокой степени очистки. Препятствует использованию магической энергии; как бы «замыкает» ее внутри мага.

(15) Полк Саблезубов — личная гвардия короля Буренавии. Набирается из оборотней.

(16) И х нельзя ни увидеть (если вы не умеете смотреть сквозь толщу земли), ни осязать, ни услышать — значит, точно не существуют.

(17) Нюр — чрезвычайно редкий благородный металл. Сплав нюра со специально зачарованным серебром и железом высокой степени очистки — нюртанг, — часто используется в практике Магического Искусства. И нюр, и нюртанг блокируют действие магии. Секрет изготовления нюртанга известен лишь гномам.

(18) День Лета — праздник, отмечаемый через определенное количество дней после летнего солнцестояния. Введен друидами; олицетворяет собой торжество сил Природы, ее могущество и доброе расположение к разумным существам. Одним из элементов празднования Дня Лета является выбор королевы Зеленой Ветви — самой красивой девушки из присутствующих на празднике. В год Черного Лебедя празднование Дня Лета выпало на 1-е число месяца Барса.

(19) Мэтр Пугтакль — министр Чудес королевства Иберра, Верховный Друид Юго-Западного Побережья, один из старейших магов Иберры (специализация в Зеленой Школе, школе Природных Начал, Магии Жизни). Эльф девятисот четырнадцати лет от роду.

(20) Грибы, использующиеся гномами для производства фейерверков.

(21) Заклинатели (магическое) — Огня (пиромант), Смерти (некромант), Холода (криомант), Погоды (метеомант), Воздуха (аэромант) отдельных видов животных и пр. — одно из направлений Магического Искусства. Как правило, эти волшебники обладают природной, врожденной и рано проявляющейся склонностью к магическим манипуляциям в строго ограниченной области. Манипуляции с «естественными» для способностей мага объектами очень легки и чрезвычайно результативны, а с "не естественными" — наоборот, очень затруднительны или вообще невозможны, причем этот дефект не может преодолеть даже целенаправленное обучение.

Идеальный случай — естественная склонность плюс качественное обучение, которое позволяет раскрыться широкому спектру задатков будущего волшебника.

(22) Троллий шаг — единица расстояния, 4,4 м.

(23) "Лиственный холм", замок Министерства Чудес Иберры. Построен друидами, а потому скорее роща, чем собственно замок.

(24) Карза-нейсс — заклинание Зеленой школы, вызывающее к жизни длинный ползучий побег. В данном случае Гудеран использует название заклинания для обозначения всех вызванных к жизни магией растений.

(25) Когда Напа потребовала более точных объяснений, Виг, посмеиваясь, объяснил, что алхимиков в Эль-Джаладе нет. Как-то не прижились: весь более-менее сообразительный народ выдает себя за звездочетов, опять-же, чтецы, писцы, знатоки руд, пастбищ, целители, лекари домашнего скота, толмачи и просто хроникёры, конечно же, не голодают… Но чтобы выстраивать университеты и требовать уважения к ученым себе — такого в Эмирате точно нет.

(26) Хамелеоновы чары (магическое) — одна из разновидностей заклинания невидимости. Для специалистов школы Крыла и Когтя. Принцип — как хамелеон, объект имитирует окраску окружающих предметов.

(27) По законодательству герцогства Пелаверино в случае непредумышленного или случайного убийства убийца обязан заплатить штраф близким покойного.

(28) См. "Короли и Звездочеты", "Проверка на прочность".

Если кто-то пропустил эти фрагменты: Лотринаэн, являясь сотрудником МинЧудес Кавладора, может хозяйничать в Лаэс-Гэоре по праву близкого родства с министром Чудес королевства Иберры

(29) Меч и Розы, далее — Летучая Мышь! — традиционные кличи, которыми подбадривают рыцарей, выступающих под флагами Брабанса и, соответственно, Соединенного королевства Ллойярд-и-Дац.

(30) Еще были третья, четвертая и пятая стороны рассматриваемой проблемы: маменька, которая настоящая маменька, велела Раджу быть с Кадиком ибн-Самумом вежливым. Маменька, которая всеми правдами и неправдами сумела сохранить за Раджем пост городского судьи, считала, что иногда согласиться можно — если, допустим, потом подарят что-нибудь приятное. Маменька, с которой папенька чуть не развелся, а не развелся исключительно из-за того, что умер — утверждала, что все мужики — козлы, а значит, им доверять им нельзя по определению.

Иногда сиятельный судья Радж думал, как сложилась бы его жизнь, если бы он родился в какой-нибудь другой семье; или, допустим, не унаследовал от отца пост городского судьи, или, предположим, его отец оставил бы не четырех безутешных вдов, а хотя бы одну, что б не галдели все разом своими противоречивыми советами…

(31) Первое Природное Начало — Огонь, Второе — Земля, Третье — Вода, Четвертое — Воздух.

(32) Друг мэтра Вига — отец Гильдебран — долгое время был главой Ордена Единорога. См. "Алхимик, Маг и К."

IX. Ильсияриада

X. Беды и гадости

Вертано, ночь с 17-е на 18-е месяца Барса

Когда стало ясно, что торговый караван, с которым путешествовали Джоя, Оск и их разгульное воображение, успевает дойти до столицы герцогства лишь к семнадцатому числу, Оск начал нервничать. Дослужившийся за несколько дней до звания помощника торгового капитана — седоусый важный наемник, командовавший охраной каравана, оценил, насколько лихо проявил себя Оск при встрече с ватагой троллей и чуть позже, когда вышла небольшая стычка с конкурентами, — принц-в-бегах жаловался Джое, что ему очень, очень надо бы поспеть к началу состязаний по выбору Покровителя Года. Оск даже подумывал, а не бросить ли караван — ведь лошадью и кой-какими деньжатами он уже разжился, да и не двинуться ли в Вертано более быстрым ходом, прихватив лишь Джою да материализовавшуюся белую горячку…

Потом торгового капитана скрутил страшный враг под названием «люмбаго»: пожилой господин Бертирос, обложившись подушечками, скатками и мешками с мягкой рухлядью, храбро и мужественно терпел подскакивания и тряску фургончика, но ни о какой проверке ближайших дорог и ежечасном объезде каравана и речи не шло. Пришлось Оску принять командование. К восторгу Джои, ее спаситель справлялся с новыми обязанностями так легко, как будто родился с генеральским жезлом в руках. Конечно, не генеральским — девушка сама понимала, что не стоит сравнивать управление двумя дюжинами наемников и присмотр за тремя десятками фургонов с настоящим сражением, но воображению не прикажешь… В смысле, исконному, дацианскому воображению, а не тому плоду фантазии, который упорно тащился за Джоей и время от времени подавал подвывающе-мурлыкающий голос, комментируя поступки Оска (всегда язвительно), некоторые решения Джои (очень нахально), погоду, питание, пролетающих журавлей, шныряющих по кустам кроликов и прочая, прочая, прочая…

К вечеру семнадцатого дня месяца Барса караван достиг Вертано. Господин Бертирос заплатил Оску за его труды дюжину полновесных кавладорских золотых, Джое — целых три монеты за то, что облегчила ему стихами, притираниями, компетентными алхимическими рекомендациями и рассказами о призраках сражение с люмбаго, воображаемому коту-в-доспехах, ставшему проклятием всего торгового каравана, кинул на прощание копченое баранье ребрышко… И теперь, когда у

путешественников появились деньги, чтоб заплатить за телепорт до Аль-Тораза или Ильсияра, намерение Оска спешить в Эмират и участвовать в гонках вдруг резко его покинуло.

Причиной тому была сломанная ось кареты. Какой кареты? Да так, проезжал по улицам Вертано некий экипаж…

После ужина, первого горячего ужина за несколько дней, к тому же сервированного не в походных оловянных мисках, на собственных коленях, а на настоящем (не подпрыгивающем!) столе, на белой скатерти, поддельном, но все-таки фарфоре, со столовыми приборами (количеством больше одного ножа на всех), который настроил молодых людей и их общую нахальную фантазию на романтический лад, Оск предложил Джое прогуляться по ночному Вертано. Дескать, город знаменит своими пожарами… А вдруг увидим один из них? И ведь увидели! Правда, горел всего лишь второй этаж какого-то казино — местные прохожие объяснили, что подобные случаи могут быть и повеселее… Вон, когда прошлой осенью два мага разнесли в клочья заведение "Честный и грязный", так посмотреть на сверкающее молниями сражение прибежали жители половины Вертано! А тут…

Но и Джоя, и Оск не стали привередничать. Пожар в любом случае пожар, даже если маленький. А их навязчивая идея отправилась в первые ряды и внесла приятное разнообразие в действия пожарной команды, отдавая приказы завывающим голосом… У Джои даже возникла мысль, а не видят ли все прочие толстого пушистого черно-белого кота в странных доспехах, но тут Оск взял ее под руку и начал что-то бормотать, очень смущенное и возвышенное — дескать, ему нравится ее умение терпеть житейские неприятности, ее способность легко находить что-нибудь хорошее в самой сложной ситуации… Даже ее стихи, которых он, признаться, понимает не всегда, ему тоже нравятся своей оригинальностью и крайне нестандартным отношениям к прозе жизни… И как посмотрит сударыня Джоя на то, чтобы продолжить знакомство, скажем…

В этот момент Оска невежливо прервало ржание лошадей — неумелый возница не рассчитал поворот, и управляемый им экипаж зацепился колесом за угол дома. Кучер закричал на лошадей, лошади запутались, карета сделала попытку развернуться, что-то хряснуло, одно из колес слетело, а потом экипаж стал весьма уверенно опрокидываться. В то мгновение, когда карета опасно накренилась и вот-вот грозила обрушиться на мостовую, Оск уже оказался рядом, подставил свое сильное плечо, тем самым спасая и имущество, и его владелицу. Хрупкая сеньорита выпорхнула из экипажа и чуть ли не со слезами на

глазах бросилась благодарить отважного рыцаря.

Джое только и оставалось, что стоять в сторонке, слушать восхваления донны де Неро в адрес Оска — которого, говоря по чести и совести, дацианка уже успела классифицировать как собственного поклонника, — и сравнивать. Что такого есть у этой иберрийки, думала Джоя, когда донна де Неро пригласила их к себе, в гостиницу "Золотая Пика", отпраздновать чудесное спасение и не менее замечательное знакомство, — что такого есть у нее, чего нет у меня? Фигура? Да нет, меланхолично рассуждала Джоя. У меня тоже фигура имеется. Может быть, не такая… хмм… фигуристая, но ведь есть! У Джои и лицо, и телосложение скорее узкие, вытянутые, у Кассандры — и то, и другое приятно-округлое, но не слишком изобильное. Они обе темноволосы — только у Джои локоны цвета темной ночи, а у Кассандры-Аурелии, скорее, темного дерева — такие, с едва заметным оттенком очень крепкого кофе. Глаза у иберрийки темные, а у дацианки светло-голубые, но опять же — у Джои это просто органы зрения, а у донны де Неро — с каким-то таинственным огоньком внутри, этакие лавовые ловушки… Они даже были почти ровесницами, по крайней мере, Кассандра сказала, что ей всего девятнадцать, и потому предложила быть запросто "на ты", но Джоя… Джоя почему-то не поверила. Была в Кассандре-Аурелии какая-то старомодность, солидность, плохо соотносящаяся с юным возрастом, а может, это только казалось взгляду ревнивицы?

А вот чего точно не было у Джои — так это великолепных нарядов в иберрском стиле, то есть приталенных, антиобщественно коротких — все платья донны де Неро открывали лодыжки, а некоторые так вообще были еще на целых два дюйма короче! — и с обязательными жакетиками-болеро. Всё расшито великолепной вышивкой — виноградные грозди, рубиновые драконы, золотые пики, подсолнухи, зеленые веточки плюща и тому подобные радости, — все скроено точно по фигуре, подобрано так, чтоб отразить вкус своей хозяйки… Не было у Джои и великолепного изумрудного ожерелья, которое Кассандра-Аурелия, судя по всему, носила всегда — по крайней мере, оно было на ней во время путешествия, окончившегося столь печально, и позже, когда они ужинали в гостинице "Золотая Пика", донна не сняла драгоценное украшение, хотя к простому белому платью оно, на вкус дацианки, совершенно не подходило.

Одним словом, всё время второго ужина (куда более роскошного, чем первый, но куда менее приятного для Джои) Оск смотрел только на Кассандру-Аурелию. И глупел прямо-таки на глазах. Он смущенно хихикал, жесты его стали каким-то

суетливыми, замешательство и неловкость прямо-таки зашкаливали… С новой знакомой он был гораздо откровеннее, чем с Джоей — а с ней, как ни крути, он провел четыре ночи, когда они дремали на задней скамейке трясущегося фургончика, укрытые одним плащом на двоих, в обнимку с их общим воображением… И что, получается, их совместное путешествие — для Оска ничего не значит? Он что, теперь будет относиться к Джое как "к своему парню"?

Ах, да, спохватилась девушка. Он же видел меня ненакрашенной. Без косметики она вообще стеснялась появляться на людях, но это похищение, опять же, походные условия… Хотя та же Кассандра-Аурелия всего лишь подводит глаза темными стрелками, да губы — темно-розовой помадой, и ничего, Оску нравится… Вон как с ней любезничает! Рассказывает, что, оказывается, хотел участвовать в гонках Покровителя Года, чтоб заслужить уважение своей семьи. А Джое он этого не говорил… Значит, не доверял, значит, не такой уж она для него и друг, оказывается…

К концу ужина — уже за полночь, — Джоя совершенно случайно обнаружила, что вместе с Оском согласилась на предложение Кассандры-Аурелии сопровождать ее в некоторых поездках. Она ведь (говорила о себе иберрийка) всего лишь слабая девушка, ей нужна защита и опора, — и Оск, в глазах которого сияли отсветы покоящихся на груди соблазнительницы изумрудов, послушно соглашался. Донна де Неро должна быть в Вертано, ей надо согласовать несколько важных дел со своим компаньоном, а потом она планирует посмотреть на финал соревнований, которые начнутся утром в Великой Пустыне — а путешествие в Эль-Джалад небезопасно… И Оск, как болванчик, кивал, соглашаясь, что поедет с прекрасной донной в Эмират. И попробует что-нибудь сделать, чтоб ее путешествие стало успешным. И Джоя пусть едет с ними — не бросать же девчонку посреди незнакомой страны…

Девчонка? — задохнулась от возмущения Джоя. — Я — для него всего-навсего девчонка? И наверняка такая же глупенькая, как его племянницы, о шалостях и проказах которых он рассказывал.

Пожалуй, надо бы заплакать, — пришла к выводу дацианка. — И мои слезы будут струиться, как призрачный свет по Черной Скале, и насыщать море, плещущееся у стен Дацкого Замка… Нет, «насыщать» здесь плохо подходит. Надо подобрать слово повыразительнее…

И, озаботившись поиском адекватных ресурсов для выражения бушующих эмоций, Джоя сама не поняла, как

согласилась составить Оску и Кассандре-Аурелии компанию в их путешествии в Эль-Джалад. Заметила в какой-то момент, что устраивается ночевать не в той холодной, продуваемой сквозняками мансарде, которую сняла из соображений экономии, а в одной из комнат "Золотой пики" — оказывается, донна де Неро путешествовала с комфортом, а потому не мелочилась и заняла весь второй этаж гостиницы.

Ну и что, что она богата, — решила Джоя, пробуя устроиться на ночь в сундуке (тот был как минимум на локоть короче, чем нужно), — Оск просто проявляет вежливость по отношению к спасенной им девушке… Хмм, тогда и по отношению ко мне, выходит, он тоже всего лишь проявлял вежливость… Но в любом случае — скоро он поймет, что Кассандра — приторная, хитрая и какая-то ненатуральная. И тогда он будет смотреть только на меня, — решила Джоя и сомкнула глаза.

Сон не шел. Джоя поворочалась, пытаясь устроиться поудобнее, но в голову лезли непрошенные мысли — к полнейшему сожалению девушки, не всегда рифмованные; и осталось только следить за пятном лунного света, падающего через кружевные занавески и слушать тиканье часов с каминной полки.

Когда появился карлик, Джоя сначала приняла его за привидение. Во-первых, только призраки умеют неслышно проникать сквозь стены, а во-вторых, вид у карлика — серый, отчаявшийся, с потухшими оранжевыми искорками в глазах — как нельзя больше соответствовал загробному миру. В-третьих, карлик нес секиру — небрежно и неправильно, как какую-нибудь метелку, смахивать пыль — секиру Джоя прекрасно помнила по ресторации "Алая роза", ведь именно этим оружием так гордилась Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл. Как догадывалась Джоя, лишь смерть могла разлучить отважную гномку с оружием ее бабушки — значит, бедняжка Напа все-таки отправилась к Центру Земли, а по пути встретила карлика, дала ему поиграться с топориком… Что и является третьим несомненным доказательством того, что карлик — не настоящий, и можно лишь взгрустнуть о судьбе пропавшей Напы…

Девушка шумно вздохнула, вытерла выступившие на глазах слезы — и карлик, заметивший в полутьме чье-то присутствие, тут же насторожился. Перехватив секиру поудобнее (и ненароком порезавшись) карлик резво вскочил на ближайший стул и замахнулся на лежащую в сундуке девушку:

— Быстро отдавай противоядие, ты!.. Если посмеешь сказать, что у тебя его нет, я… я… я просто не знаю, что с тобой сделаю!

Давай его сюда, немедленно! — и, так как девушка, зажмурившись, сжалась в комочек, Цогобас уверенно закричал: — Немедленно! Чего молчишь?!

— А вы уже придумали, что будете со мной делать, если я скажу, что не знаю, о чем идет речь? — осторожно приоткрыв правый глаз, спросила Джоя.

— Да ты у меня… я… да… ой, — вдруг догадался карлик. — А ты ведь — не она, верно?

— Верно, верно! — обрадовалась Джоя. — Я вовсе не мэтресса Далия!

Так как на лице странного карлика отразилось недоумение, девушка отважилась уточнить:

— Вам ведь нужна мэтресса Далия, алхимик из Университета королевства Кавладор, верно?

— Нет, мне нужна стервочка, которая откликается на имя Кассандры-Аурелии, — поправил Цогобас. — Здесь имеется такая, или…

— Имеется, имеется! — обрадовалась Джоя. — Берите свою секиру, я провожу вас в ее комнату!

Они прошли по коридору, озаряемому тусклой лампой, и Джоя постучалась в комнату Кассандры.

— Донна де Неро! Донна Кассандра! Вас тут кое-кто спрашивает…

Карлик же, не дожидаясь ответа, решительно толкнул дверь — замок не выдержал и распахнулся — и вошел внутрь.

Сцена, которую застали Джоя и Цогобас, вполне могла бы войти в учебники как классическая сцена соблазнения. Мягкий приглушенный свет оплывающих в серебряных канделябрах свечей, художественный беспорядок из блюда с фруктами, графинов с вином, хрусталя и серебра на столе, огромная кровать под бордовым бархатным балдахином и почивающий на ней Оск. В своем естественном виде, как отметил последовательно впитывающий новую неожиданную информацию мозг Джои — то есть, одетый в тот измятый, нуждающийся в чистке и стирке костюм, который Оск собрал по пути в Вертано, — штаны, коленку которых Джоя штопала после неудачного захода волка, куртку с железными заклепками, совершенно скомканный нашейный платок… Только сапоги, бедняжка, успел снять перед тем как рухнуть и пропасть в царстве Гьюпсюэ — и то не сам, а донна Кассандра ему помогла. Так и стояла, в шелковом белом наряде, в котором была за ужином, даже изумрудное ожерелье не успела снять — и с двумя огромными сапогами в руках, буравя суровым взглядом нежданно вломившихся гостей.

— Что… что!.. что!.. — Джоя наставила на иберрийку пальчик

и строго потребовала объяснить ей, что здесь происходит. Нет, какая наглость! Не успела познакомиться с приличным молодым человеком (это Джоя подумала о себе), как его утаскивает какая-то недомалеванная иберрийская фря!

— Погоди-ка, — потребовал карлик. Он крутанул секирой как заправский гном, выдвинул нижнюю челюсть, нахмурил кустистые ярко-рыжие брови и решительно потребовал: — Занимай очередь, девочка: сейчас я буду с ней разбираться! Эй, ты, донна, подавай сюда противоядие! Мне некогда ждать! Давай его сюда, или я за себя не ручаюсь! — и карлик весьма умело подрубил у стола ножки.

Стойко пережив звон слетающей со стола посуды, донна Кассандра уронила сапоги Оска, отряхнула ручки и прошла к стоящей на комоде большой лакированной шкатулке.

— И вовсе незачем поднимать столько шума, — ответила донна де Неро голоском сахарным, как приманка для мух, — Можно подумать, что я кого-то обманываю, или отказываюсь исполнять взятые ранее обязательства…

— Ха! — истерически крикнул карлик. — Ты посмотри, какая наглость!

— Какая? — уточнила Джоя.

— По ее наущению меня отравили, а она тут разыгрывает святую невинность! Знаешь что, девонька, послушай моего совета — забирай-ка своего рыцаря и уводи его прочь, пока эта магическая стерва его окончательно не околдовала!

— Вы так не справедливы ко мне, сеньор, — голосом низким, полным самых искренних чувств, ответила Кассандра. — Джоя понимает, что я не желаю Оску ничего дурного, ведь верно, Джоя?..

Девушка в первый момент хотела согласиться, но скользнула взглядом по лицу спящего Оска — такому милому, хоть и нуждающемуся в хорошем умывании и тщательном бритье, — и нахмурилась. Нет, что-то перебарщивает Кассандра со своей заботой, чрезмерно перебарщивает…

— Держи, вот противоядие, которое обещал тебе наш общий друг, — промурлыкала Кассандра, доставая из шкатулки хрустальный флакон, в котором перетекала тягучая золотая жидкость. — Видишь, Джоя, я никого никогда не обманываю, всегда возвращаю то, что обещала…

Карлик сунул секиру Джое (девушка согнулась под ее тяжестью), резво подбежал к иберрийке и выхватил из ее рук хрустальный сосуд.

Несколько секунд — пока карлик, запрокинув голову, выцеживал из флакона золотистый тягучий напиток, а Джоя

оглядывалась по сторонам, выискивая, куда поставить тяжелую стальную штуковину, в комнате царила тишина, нарушаемая лишь сочным посапыванием почивающего героя. А потом…

Потом Цогобас закричал:

— Эу, да это ж обыкновенный мёд! — и с яростью зашвырнул флакон в угол.

Почти в то же мгновение он скорее угадал, чем заметил приближение опасности — в руке Кассандры-Аурелии, к которой он столь опрометчиво повернулся спиной, мелькнула стальная игла. Карлик сделал попытку — отчаянную, невозможную, — попытку увернуться, и острое жало стилета вонзилось ему в плечо, а не в середину груди. В следующую секунду донну попыталась остановить та странноватая темноволосая девушка — она весьма решительно атаковала противницу, однако не с секирой, которая осталась стоять в углу, а с серебряным блюдом, совершенно по-женски замахиваясь им, как будто пугала одинокого таракана.

Впрочем, помог сам факт нападения — Кассандре пришлось на секунду отвлечься, чтобы отшвырнуть девушку в сторону. Этого времени хватило, чтобы карлик сумел охнуть, скривиться от боли, догадаться, что живым его отсюда никто выпускать не собирается и приготовиться драться за собственную жизнь. Когда изящная, девичья рука, вооруженная хищной стальной иглой, вернулась, чтобы вторым прицельным ударом покончить с хитроумным карликом, Цогобас вцепился в запястье девушки, принялся суетливо и бестолково драться коленками, локтями, зубами…

Силы были неравны — тонконогий, тонкорукий карлик и молодая, крепкая девятнадцатилетняя девушка, весьма умело использующая любые преимущества в драке. Кассандра перехватила карлика за воротник, почти оторвав его при этом, развернула к себе лицом, чуть приподняла — так, что сияющее магической аурой изумрудное ожерелье оказалось точно напротив посеревшего, перекошенного испугом и отчаянием лица Цогобаса, — и легко, как кошка лапой, ударила пленного врага точно в сердце.

Уже чувствуя острую, нестерпимую боль, пронзившую грудину, Цогобас понял, что еще одни руки выхватывают его из цепкого захвата кровожадной донны. Он мог бы сказать Джое, что для полноценного действия заклинания телепорта, «спрятанного» в верхней пуговице камзола, нужно очень точно представлять место, где хочешь оказаться или, как минимум, находиться от него в пяти локтях, мог бы подумать, что теперь ему,

умирающему, не стыдно вернуться в Замок к Госпоже, мог бы… но не успел.

Время неизвестно. Где-то в горах провинции Триверн (кажется)

Тому, кто меня найдет! — вывел Ньюфун Кордсдейл на обрывке старого напиного письма.

И крепко задумался.

Куда завела его клятая магическая свинка, он не знал. Это плохо.

Кажется, он был где-то рядом с Триверном. Это еще хуже, потому как после того, как Ньюфун прошел насквозь несколько мастерских, что-то подсказывало ему держаться подальше от разозленных Анкенштреков, Моргенштернов, Данкенхольфов и Штрудельгольцев. Если его найдут именно они, то мало Ньюфуну не покажется.

Вопрос поиска пропитания встал особенно остро дня четыре назад, когда Ньюфун сжевал последнюю прихваченную из дома сестры горбушку; по счастью, он (Ньюфун из клана Кордсдейл, а вовсе не дом, не вопрос и не горбушка) никогда не страдал излишней переборчивостью. Нашел вполне съедобные грибы; потом, когда свинка завлекла его к какому-то подземному ручейку, наловил рыбы. Рыбу, правда, пришлось употребить сырую, но гномы ведь не эльфы, чтоб привередничать…

За время скитаний под землей Ньюфун дважды выбирался на поверхность. Ну, почти. Один раз он обнаружил большую круглую пещеру, над сводом которой виднелся крутобокий полумесяц ярко-голубого неба. Ньюфун долго вопил, бросал в дыру камушки, всячески пытался привлечь к себе внимание — но увы, его никто не услышал. Напрасно гном старался забраться к потолку пещеры, отчаянно цепляясь за стены… Напрасно кружил несколько часов поблизости, волоком таская за собой упрямую свинку, напрасно сооружал разнообразные подпорки-подставки, напрасно набил шишек…

Ладно. Пришлось отступить. Все-таки Ньюфун был уверен, что рано или поздно клятая магическая животина вытащит его из подземелий. И что же? Он оказался прав!

Свинка с разгону вырвалась на свежий воздух, в щель между камнями, за которой открывался бескрайний синий простор… в виде бездонной пропасти. Еще хорошо, что Ньюфун вовремя успел затормозить, а то бы рухнул в узкое ущелье, на дне которого виднелась едва различимая водная пыль. Копилке что — даже если она упадет вниз, всего лишь расплющится… А с настоящим гномом из клана Кордсдейл так поступать не

рекомендуется.

Осталось вернуться и попытаться найти еще один выход.

Тому, кто меня найдет, Ньюфун — исключительно на всякий случай, — решил оставить завещание. Дескать, обратите внимание на свинку-копилку из темно-серого металла, которая будет привязана цепью к моему бездыханному телу. Она кусается, визжит и может наносить травмы — от легких до качественных, — если вы попытаетесь заглянуть к ней в нутро, не будучи ее законным владельцем. Законный владелец — сестрица Напа, при ней свинка станет послушной и покорной… Вот только где она, Напа? И где, раз уж зашла речь о прикладной географии, сам Ньюфун?

Немного подумав, Ньюфун стал сочинять краткую инструкцию по эксплуатации копилки-свинки. С пунктом "ежедневный уход и чистка" справился легко — купать в колесном дегте раз в десять лет, полировать мягкой ветошью, начищать копытца и клыки стандартной смесью для доспехов N15/6, а вот с пунктом «питание» вышла заминка.

Хмм, размышлял Ньюфун. То, что копилка любит употреблять внутрь разнообразные ценности, причем с большим процентным содержанием драгметаллов, гном прекрасно выучил. А вот…

А вот как объяснить, что уже несколько часов свинка бежит все медленнее и медленнее? Вообще-то, Ньюфун думал, что снижение темпа передвижения связано с тем, что девчонка Джоя куда-нибудь ускакала… А может, — вдруг дошло до гнома, — магическому артефакту просто нужна подзарядка?

И тогда, наконец, она вынесет его на поверхность!

Чем больше размышлял Ньюфун Кордсдейл, тем более привлекательной казалась ему эта идея. А что? Как-то надо выбираться из подземелья! Да, он гном… но он не гидра какая-нибудь, и не цинская трехголовая змея, чтоб провести вечность в темноте, на жестких камнях, голодным и без пива!

Отлично, идея есть, теперь как ее воплотить? И Ньюфун Кордсдейл занялся поиском сокровищ.

Увы, в том отдаленном районе Триверна, куда занесла его артефактная свинка-копилка, с сокровищами дело обстояло крайне плохо. Скормив имуществу своей сестрицы пряжки с сапог и последние пуговицы, которыми Ньюфун согласился рискнуть исключительно из тех соображений, что в темноте его все равно никто не видит, а выбраться наверх, к гномам, хочется, мастер обнаружил две истины. Одну — хорошую, а другую — не очень.

Первая истина, хорошая, заключалась в том, что Ньюфун прав относительно существования прямой зависимости между

подкормкой в виде ценных вещиц и скоростью артефактной свиньи-копилки.

Вторая истина, прямо скажем, печальная, заключалась в том, что никаких ценностей у Ньюфуна не осталось, найти зарытый где-то поблизости клад не представляется возможным, а значит, скоро артефакт полностью остановится.

На этом путешествие Ньюфуна из клана Кордсдейл за Черно-Белым Котом и похищенной девчонкой закончится, и начнется длительное, тяжелое и окончательное путешествие к Центру Земли…

Через несколько часов

Как Ньюфун и думал, свинке-копилке старого Дюши Кордсдейла пришел конец.

Устав волочить за собой увесистое металлическое тельце, Ньюфун принялся готовиться к отбытию к Центру Земли.

Улегся посреди узкого каменного тоннеля. Положил на грудь записку "*Тому, кто меня найдет*", привычно намотал на кулак цепь, удерживающую копилку. Лег, закрыл глаза.

Почесал под шлемом.

Подождал.

Почесал бороду.

Подумал.

Еще подождал.

Увы, умирание оказалось куда более длительным процессом, чем рассчитывал хозяйственный и деловитый гном.

От нечего делать Ньюфун принялся размышлять, а сможет ли он выбраться на поверхность без помощи магического артефакта? А что? Почему бы и нет? Ведь всем известно, что гномы хорошо ориентируются под землей!

Потому, — ответила рассудочная часть спрятанного под шлемом гномьего мозга, — что гном хорошо ориентируется там, где хотя бы приблизительно знает, чего ожидать… Ну, могу я определить, где север, где юг, на сколько локтей вниз ниже уровня моря я забрался… — и Ньюфун рассеянно высек искру, резко проведя ногтем по ближайшему камню. Но как мне прикажете выбраться наверх, если приходится тащить на собственных плечах эту клятую магическую, переполненную собранными сокровищами скотину?

Если бы в этот миг на Ньюфуна вдруг свалился метеорит, и тогда бы искры, посыпавшиеся из глаз гнома, не были бы столь яркими. Конечно!!! Как он сразу не догадался!!! Ведь целая походная сокровищница, набитая несколькими фунтами золота, а возможно — целыми пригоршнями драгоценных камней! — всё

это время таскалась рядом с ним!

Если она захочет меня укусить, — решительно думал Ньюфун, вытаскивая копилку в очередную пещерку, где призрачным голубовато-фиолетовым светом поблескивали пятна лишайника, — значит, будем считать, что не так уж эта клятая скотина оголодала. А если действительно скончалась от питательного истощения… — мастер придирчиво обнюхал копилку и принялся извлекать из кармана куртки складную отвертку, — значит, точно кусаться не будет.

Несколько насыщенных часов забывший о голоде и усталости Ньюфун доблестно сражался с хитрыми замками, охранявшими собранные Дюшей Кордсдейлом сокровища от постороннего любопытства. Не обошлось и без сломанных ногтей, царапин, обязательного гномьего "шпацех уэш! саг'лиэ бъяу!" — но все-таки, учитывая дни, проведенные в гордом одиночестве, возможные скандалы, которые закатит Напа, если не обнаружит своего любимого Котика, а так же естественную смекалку, которой Ньюфун был наделен в полной мере, у артефакта не было ни единого шанса на победу.

Очередной раз скрипнула потайная пружинка… и вдруг голова и шея свинки повернулись на шарнире, открывая блестящее, мерцающее в призрачном свете лишайника, драгоценное нутро. Чего здесь только не было! Золотые монеты нескольких стран, и новенькие, едва от чеканщика, и вполне заслуженные. Монеты серебряные — потемневшие от времени и сверкающие. Камни граненые, камни полированные — сапфиры, рубины, несколько крупных изумрудов, алмазы; роскошное колье из серебра с янтарными вставками, не менее чудесная жемчужная нить, пряжка для плаща из крупных гранатов, в окантовке из мелких алмазов…

А еще внутри свинки обнаружился целый ворох бумажек. "Принято от князя Прфргжшлесского, на хранение. Из расчета четыре процентов годовых. Одиннадцатый день месяца Гусыни, год Горного Тигра". "Принято от купца Юзи Робкого для доставки из Охохо до Лугарицы. Из расчета пять процентов от общей суммы. Принято шестого дня месяца Кувшина, год Желтопузика, передано в двадцатый день месяца Восьминога, того же года. Плата получена." И тому подобное чтиво.

— Однако! у дядюшки Дюши бизнес шел куда как неплохо! — присвистнув, признал Ньюфун, обозревая богатство. Эх, сюда бы пару фонарей, чтоб прочитать все записки и с точностью до медяка высчитать, какое же наследство получила сестрица Напа!

Хотя — чему завидовать? — дошло до Ньюфуна. Ведь теперь, получается, Напа должна вернуть то, что всякие князья Прфр-

сские вручали Дюше на хранение!

И настроение у Ньюфуна повысилось еще немного.

Он сгреб бо́льшую часть сокровищ обратно в металлическое нутро свинки, оставив лишь золотые монеты и собственные пряжки с пуговицами — их он положил в карманы куртки, чтоб подкармливать артефакт по мере истощения. Осторожно затянул крепления — осторожничал Ньюфун потому, что копилка начала проявлять признаки активности и весьма подозрительно принюхиваться, — и, для порядку, проверил, все ли сокровища были возвращены на прежнее место.

Хорошо, что проверил — округлая серая коробочка, оказывается, откатилась чуть в сторону и вполне могла бы потеряться, если бы не дотошность мастера из клана Кордсдейл.

— Ну-с, а здесь у нас что? — полюбопытствовал Ньюфун.

Коробочка оказалась свинцовой, закрытой на потайной замочек. Гному потребовалось несколько минут, чтобы нащупать скрытый рычажок, нажать… и обнаружить большой, сделанный на мужскую руку перстень с крупным голубым бриллиантом.

— Неплохой камушек, — с уважением признал Ньюфун. Величиной с большой лесной орех, искусно ограненный, бриллиант, казалось, испускал лунный свет. — Тысяч на восемь золотом потянет. Только какой дурак додумался подобную редкость запаять в обыкновенное железо?

Гном был не справедлив — оправа камня была очень красива, покрыта сложным гравированным узором, — правда, плохо различимым в темноте.

— Хотя… какое-то странное железо, — спохватился Ньюфун и решительно попробовал колечко на зуб. — Постойте… это не железо! Это…

Кордсдейл решительно обнюхал перстень, потом поднес его к самым глазам.

— О Небесный Молот и Великая Наковальня! — от неожиданности у Ньюфуна подкосились ноги, и он рухнул на каменистый пол пещерки, прямо рядом со свинкой-копилкой. — Да это же нюр! Чистый нюр! У кого хватило ума сделать из чистого нюра какую-то человеческую побрякушку?! Да она же стоит… стоит…

Если взять за цену одной унции нюра тридцать тысяч ллойярдских голденов… Хотя кто покупает нюр унциями? Для изготовления фунта нюртанга берется всего лишь один или даже половина грана, ведь нюр — металл редкий, чрезвычайно редкий… Да сколько ж надо было выкопать шахт, чтобы найти нюра на это колечко?! Нет, поставим вопрос иначе — у какого хватило ума, вернее сказать — безумия, чтобы сотворить

подобную драгоценность?! И для чего?

Копилка сделала попытку выхватить драгоценный перстень из рук гнома, за что получила крепким кордсдейловским кулаком промеж глаз.

— Видишь? — строго спросил Ньюфун у артефакта. — Я кладу перстень обратно в коробочку, вместе с бумажкой… Что здесь написано? А, "Принято от барона Генри фон Пелма для передачи законной владелице. " И год… наверное, давно дело было. Так вот, теперь я разрешаю тебе, клятая магическая скотина, проглотить и хранить у себя в пузе драгоценный нюровый перстень, а взамен ты вынесешь меня на поверхность. Договорились?

Копилка выхватила свинцовую коробочку прежде, чем Ньюфун успел закончить речь. Довольно клацнула металлическими челюстями. Заверещала "Хогри-хогри-хогри-хок! Уиииии!" и бросилась по темному каменному тоннелю. Ньюфуну только и оставалось, что вцепиться в длинную волочащуюся позади артефакта цепь и проклинать того, кто «осчастливил» Дюшу Кордсдейла подобной экипировкой.

18-й день месяца Барса, приблизительно половина четвертого утра (время местное)

Вертано, Пиковая Площадь

Очень давно район, расположенный неподалеку от дворца Великого Герцога, населяли оружейных дел мастера — это было в те времена, когда Вертано еще не был столицей герцогства Пелаверино, а всего лишь маленькой, третьестепенной крепостцой на восточной окраине Кавладора. Название же свое Пиковая Площадь получила вовсе не из-за пик, а из-за нескольких лип, держащихся друг за дружку и упорно сопротивляющихся попыткам их срубить или использовать в качестве топлива. Максимум, на что соглашались темноствольные красавицы — служить подпоркой, спасением и ориентиром. В первом качестве — для влюбленных, залезающих на высоту дюжины локтей, чтобы увидеть предмет своего обожания, мелькающий в окнах верхних этажей расположенных поблизости зданий; во втором качестве — для заезжих менестрелей, жертв эстетических разногласий, а в третьем качестве — для всех бродяг, гуляк и путешественников.

Липы в герцогстве Пелаверино любили за сходство их листьев с наконечниками пик, изображенными на гербе, поэтому до сих пор своеобразное украшение Пиковой Площади не срубили и не украли. Семь высоких, тщательно подстриженных деревьев, поднимающиеся из выложенной брусчаткой площади, и окаймленные круглой мраморной скамьей, дарили прохладу и

шуршащую тишину.

Когда лет восемьдесят назад хозяева расположенных на площади гостиниц придумывали названия своим заведениям, они долго не могли избавиться от "липовой темы". Здешние гостиницы вполне могли получить название "Липовый цвет", "Липовые и дешевые", "Лыко не вяжем!" или еще чего похлеще. Но вовремя одумались. И гостиницы стали называться "Деревянная Пика", "Острая Пика" (там очень долго работал повар — странник-из-другого-мира(35), который готовил соусы, от которых пища просто пылала), "Тупая Пика" (специальное предложение для троллей), "Изысканная Пика" (для эстетов-оригиналов), «Серебряная», «Стальная» и «Золотая».

Огги Рутфер уселся напротив гостиницы "Золотая Пика", закурил и принялся рассуждать, что ему делать дальше. Кажется, девчонка, за которой посылал его господин Раддо, нашлась. Да, кажется именно она — тощенькая такая, бледненькая, черные длинные волосы, глазки в окружении черной туши… И ничего плохого с ней не случилось — вон, нашла себе какого-то защитника. Вместе на пожары ходят, любуются… Огги облокотился на прохладную морщинистую кору липы, украшающей собой Пиковую Площадь, и принялся угадывать, успела ли девчонка заявить в полицию о своем похищении, или же нет.

Под сенью зеленых пиковых листьев Огги закурил трубочку, прикидывая: если девчонка пожаловалась полиции местной, так это вовсе даже несерьезно, а если добралась до посла Кавладора при дворе герцога Роберто?

В таком случае возможны неприятности.

Воистину, решил Рутфер с мрачной торжественностью, много он грешил в своей жизни! А потому должен быть готовым отвечать за свои преступления!

Конечно, — выпустил Огги колечко ароматного дыма, — очень хотелось бы, чтоб ответ за преступления был… ну, как домашний арест. С одной стороны, чувствуешь, что искупаешь грехи, а с другой — искупаешь их без вреда для здоровья.

Эх, где б найти соответствующий монастырь, чтоб, значит, и покаяться… и чересчур с умерщвлением плоти, воздержанием, бедностью или другими способами искупления вины не переборщить?

Где-то, говорят, есть Орден Ожидания Очередного Откровения Создателя — надо бы поинтересоваться, берут ли туда закоренелых грешников, а если берут — то на каких условиях? Молиться, наверное, придется научиться, — прикидывал Огги, размышляя о своей дальнейшей судьбе. Жаль,

конечно, что за всю свою достаточно долгую и активную жизнь Огги так и не уверовал во что-нибудь сверхъестественное — хотя сейчас, после затяжной болезни, он вполне был готов, скажем… ну не уверовать, но хоть попытаться поверить.

И, как на грех, ничего сверхъестественного с Огги Рутфером не происходит. Ну ничегошеньки!

В этот момент зеленые липы зашелестели особенно громко — наверное, с ними столкнулся легкий утренний ветерок, гуляющий по узким мощеным улочкам сонно посапывающего Вертано, — и из соседнего ствола вышел странный лысый карлик. Бархатный темный камзол с драгоценными пуговицами, белый воротник, грушевидное тело, тонкие ручки и ножки, сердитый нос, нахмуренные рыжие брови…

— Гостиницу "Золотая Пика" не подскажете ли, любезный? — спросил карлик и небрежно взмахнул гномьей секирой, которую держал в правой руке.

— Вот, — указал Огги. — Вам именно «Золотая» нужна? А то вон там «Серебряная», на другой стороне площади, там цены ниже. А в "Стальной Пике" гномы обычно останавливаются…

— Благодарю вас. Мне нужна именно «Золотая», — ответил карлик. Подошел, шаркая смешными башмаками с загнутыми длинными носами, к самому входу роскошной гостиницы, потеребил пуговицы своего камзола… и вдруг исчез.

Огги осторожно выколотил трубочку, снова наполнил ее свежим ароматным табачком, и принялся размышлять, можно ли считать странного карлика каким-нибудь сверхъестественным существом, а его способность скрываться из виду — какой-нибудь божественным, или хотя бы, магическим Даром?

Не успел Рутфер сделать и десятка затяжек, как с третьего этажа "Золотой Пики" донесся приглушенный шум. Вор в состоянии предувеpования навострил ушки, но подробностей не разобрал. Так как никто не звал на помощь, Огги потихоньку отвлекся на более важные дела: он представлял, как может выглядеть поклонение странным карликам со стороны и какие, допустим, налоговые льготы может иметь подобная религия, если как следует распропагандировать ее среди гномов?

Очнулся Огги от того, что почувствовал на себе внимательный, изучающий взгляд.

Рутфер вытащил изо рта трубочку, выколотил ее о ствол липы, украдкой оглянулся — и увидел, наконец, то, о чем мечтал.

Сверхъестественное создание сидело рядом, буквально в трех шагах. Оно наклонило набок круглую голову, увенчанную круглой каской с торчащим вверх острым шипом, обвило лапы пушистым черно-белым хвостом, и внимательно рассматривало

курящего человека.

— Кис-кис-кис, — автоматически сказал Рутфер, еще не понимая, что его молитвы были услышаны всезнающей Судьбой.

— Саум кис-кис, — нагло вякнул Черно-Белый Кот. Встал, потянулся, звякнув при этом бронзово-стальным наспинным доспехом, грациозно запрыгнул на мраморную скамью и решительно начал драть когтями липовую кору.

Спустя минуту Огги решился уточнить:

— Ты что-то сказал, дружище? — и осторожно ткнул в сверхъестественное создание пальцем.

Кот мигом поцарапал палец, более того, он вцепился в запястье Огги и стал пробовать руку человека на вкус, после чего ответил:

— Саумфс дурак! Мрр, рыубки наум, мрмрмрыбки, рыбки…

— Сейчас украду где-нибудь, — растерявшись, пообещал Огги.

— И вяуляуррьяночки, — попросил Кот.

— Как скажешь, — согласился Рутфер. — Только я не знаю, где здесь ближайшая аптека, торговец сеном или хотя бы ведьма…

Кот выпустил свою законную добычу — то есть не Огги Рутфера, как самостоятельно мыслящую и принимающую решения личность, а его руку, сел рядом с человеком и громко заурчал, принюхиваясь и довольно жмурясь.

— Там, — Черно-Белый Кот указал кончиком хвоста на гостиницу "Золотая Пика".

— Серьезно? — удивился Рутфер. — Хорошо, пойду, спрошу, есть ли у них на вынос ведьма… то есть, рыба с валерьянкой…

Однако Кот, по личному опыту знающий, как коварны люди, не собирался верить каким-то философствующим пелаверинцам на слово. Он запрыгнул на Рутферу на шею, чтоб тот наверняка прочувствовал весомость его кошачьей сверхъестественности, и заурчал еще громче. Прямо как дракон на выходе из крутого пике.

Буквально у самого порога гостиницы темная брусчатка, которой была выложена Пиковая Площадь, вдруг пошла трещинами, как во время землетрясения, вздыбилась и задрожала. Огги отпрыгнул, едва удержав Кота на загривке; Кот зашипел и выгнул спину, едва удержавшись на шее у пелаверинца.

Сначала из-под земли показался поросячий пятачок — сделанный из темно-серого металла он, тем не менее, дергался, будто принюхиваясь. Потом из-под земли выбралась уверенно стоящая на металлических копытцах свинка-копилка, чуть помятая после столкновения с вертанской мостовой. За свинкой

волочилась цепь, к концу которой был прикреплен гном — порядком припорошенный пылью, паутиной, землей и прочими подземными субстанциями.

— Простите, — начал Ньюфун Кордсдейл, выкарабкиваясь на поверхность и поправляя сползший на глаза шлем. — Не подскажете ли, в какую местность забросила меня судьба?

— Это Вертано, столица герцогства Пелаверино, — ответил Огги со всей возможной торжественностью. Кому еще доведется беседовать с гномом, вернувшимся из путешествия к Центру Земли? Вот оно, сверхъестественное! Надо было всего лишь найти правильное место и настроиться на верный лад, чудеса как из рога изобилия посыпались! — Вы находитесь на Пиковой Площади. У порога гостиницы "Золотая Пика".

— Мрряк, — прокомментировал Кот.

— Уиии! Уи! Уиии! — рвалась с цепи переполненная магической энергией копилка.

— А не видели ли вы тут такую девушку, — продолжил расспросы Ньюфун. — Такую, знаете ли, печальную и местами умную…

В этот момент он, наконец, справился со шлемом, рассмотрел своего собеседника и от радости чуть не спустил свинку с поводка:

— Да это ж ты! Ты украл моего Кота?!! — закричал Ньюфун.

Кот и Огги от удивления ответили:

— Мр-Яу?

— А ну, вертай кошку! — приказал Ньюфун. Огги отступил на полшага, и гном решительно двинулся за ним: — Вертай, кому сказал!! Верни кошака, я прощу тебе долг за всё, что ты выпил!!!

Но Огги не хотел отдавать котика, а тем более — вспоминать о каких-то долгах давно минувших дней. Он отступил на полшага и осторожно уточнил:

— А вы, случайно, меня ни с кем не путаете? Я — смиренный… хмм… кошачий пастух. Вот, выгуливаю своего питомца…

— Мяуняу? — недовольно уточнил Черно-Белый.

— Верни кота! — закричал Ньюфун, наступая на пелаверинца. Гном принялся наматывать цепь от копилки на кулак; голубые глаза горели на фоне пропыленного лица, и общий вид заставлял вспомнить рассказы о ненормальных железнолобых коротышках, азартно разрубающих людей на части. — Верни кота, я всё прощу!

— Эй, слышь ты, коротышка…

— Это кто тут коротышка?! — вскипел Ньюфун. — Да я тебе сейчас… Отдай кота! Куда пошел?! ВЕРНИ КОТИКА!!! — и

бросился в погоню за отступающим человеком.

Огги Рутфер, не будь дураком, подхватил Кота-в-доспехах, чтоб не свалился, и бросился наутек.

Кот, наслаждаясь жизнью, прищурил золотистые глаза…

Огги бежал, громко стуча каблуками о мостовую, нежно прижимая к груди сверхъестественное существо. Сверхкошачье вцепилось когтями в одежду Огги и время от времени издавало утробное, довольное мурчание. Следом за длинноногим пелеверинцем бежал упитанный, весь в пыли и грязи, гном, упрямо наставив на врага защищенную шлемом голову, закусив бороду и оскалившись для пущего эффекта…Металлическая свинка неслась следом, настырно заворачивая гнома в сторону "Золотой Пики", похрюкивая и повизгивая на резких поворотах.

Гонки по Пиковой Площади могли продолжаться достаточно долго, но, хвала всем богам, вмешалось гномье здравомыслие.

Ньюфун остановился, тяжело дыша и, как только Рутфер сделал круг и оказался позади своего преследователя, подставил беглецу подножку.

— Хогри! Хогри! Хогри! — обрадовалась свинка-копилка.

— Слышь, ты, человечина, — Ньюфун подошел к растянувшемуся на мостовой человеку, подхватил ошарашенного падением Кота. — Я тебя как нормального спрашиваю: девчонку, случайно, ты здесь не видел?

Огги поднялся, отплевываясь и стараясь не упускать сверхъестественное существо из виду.

— Тебе что, девчонка нужна? Иди вон в "Серебряную Пику", там все горничные очень даже ничего. В «Изящную» я б тебе не советовал — там, на вкус гномов, ничего подходящего… Слушай, раз ты ищешь девчонку, зачем тебе кот? Давай, я у тебя его… куплю! — предложил Рутфер. Хотя на самом деле денег у него не было — но, единожды просветлившись, пелаверинец не собирался совершать преступления. Без серьезного на то основания.

— Как же! кто тебе настоящего гномьего кота продаст? — проворчал Ньюфун.

— Мдау, — согласился Черно-Белый. Он был зажат у Кордсдейла под мышкой; буквально растекся в пароксизме кошачьей релаксации и лишь время от времени вонзал когти в Ньюфунову одежку. Увы, или когти у Кота за время путешествия по герцогству Пелаверино слегка укоротились, или кожаная куртка оказалась гораздо толще, чем казалось на первый взгляд.

Гном с подозрением перевел взгляд на животное. Ему показалось, или тот действительно издал какие-то членораздельные звуки?

— И вообще, он кот моей сестры.

— Няу фсфакт, — возразил ЧБК. Перехватил удивленный взгляд гнома и уточнил: — Но зау вяулеуррьяночку соглаусен… Мрр… Ррыубки наум, рыбки, мрр…

— Странный ты какой-то. Еще б недельку среди человеков пожил, действительно говорить бы научился, — сказал Ньюфун Коту. Потом вернулся к более важной теме: — Так я не понял — к Коту девчонка должна прилагаться. Такая же, как он, черно-беленькая. Тощенькая, волосы длинные, на лицо падают, унылая вся такая… Ты ее не видел?

— Случайно, не из алхимиков?

— Студентка из Талерина. Что, знаешь, где она?

Огги Рутфер поднялся с мостовой, отряхнул одежду и уточнил:

— Насколько я понял, ты весьма нуждаешься в этой информации. А я, что удивительно, нуждаюсь кое в чем, что, как ты утверждаешь, является собственностью твой сестры. И как будем договариваться? — протянув руку, пелаверинец почесал Черно-Белое создание под подбородком.

Кот заурчал и от удовольствия выпустил когти. Надо же! Из-за него едва не подрались! Из-за него торгуются! Быть предметом споров гораздо приятнее, чем служить мишенью для разнообразного огнестрельного или холодного оружия.

Свинка-копилка, весьма недовольная тем, что ее остановили буквально в десятке тролльих шагов от искомого объекта, сердито хрюкнула.

В итоге на второй, привилегированный этаж "Золотой Пики" поднималась настоящая процессия. Первым шел важный, хотя и весьма перепачканный гном. Гостиничный портье попробовал препятствовать господину из клана Кордсдейл беспокоить гостей госпожи де Неро в четыре часа утра, за что ему вручили металлическую свинью-копилку на цепи и попросили беречь конечности.

Следом за гномом шел Огги Рутфер, улыбающийся медитативно и загадочно. На руках бывший помощник фрателлы Раддо нес большого Черно-Белого Кота, — а ремешок, крепившийся на шее котика, крепко держал в своих руках Ньюфун.

Добравшись до нужной двери, гном деликатно постучался.

Открыла ему девушка — темноволосая, молодая, но, к сожалению, совершенно не студенческого вида.

— Ой, привет… — оторопел от неожиданности Огги. — Это ты, что ли? Гном, знакомься: это знаменитая воровка,

оказывающая услуги моему бывшему хозяину, господину Бонифиусу Раддо. Как тебя здесь зовут? Как в Кавладоре, госпожа Кайт Кристо, или еще какое имечко выдумала?

На лице Кассандры-Аурелии не дрогнул ни один мускул. Потом мышцы вдруг вспомнили, что на подобные стрессы милым, приличным барышням полагается как-то реагировать, и зашевелились. Сначала дернулся правый уголок рта. Потом левый. Мышцы правой руки тоже сжались — особенно те, которые удерживали за спиной красавицы готовый к употреблению стилет.

— Здесь я инкогнито, — наконец, нашлась с ответом девушка. — Вас прислал Раддо?

— Нет, мы, собственно… — попытался объяснить Огги.

— Я тут это… ищу барышню Джою, которая родом с острова Дац, — объяснил свой ранний визит Ньюфун. Девица в ответ похлопала глазами. — Тощая такая, унылая, черно-белая, стихи читать могёт, очень странные. Ну, это, мне портье, чтоб я от свиньи его спас, сказал, что у вас какие-то гости имеются.

— У меня? — искренне удивилась донна Кассандра-Аурелия де Неро. Чуть приоткрыла дверь, позволяя непрошенным посетителям увидеть внутреннее убранство комнаты. Судя по опрокинутому столу, разбитой посуде и всклокоченному молодому человеку, почивающему на постели, у кого-то выдалась веселая ночка… — Вот все мои гости. Уверяю вас, больше здесь никого нет. Да и не нужно…

Огги, исполненный недавно обретенного благочестия, смутился. Ньюфун, если и угадал, к каким заботам не терпится вернуться сладкоголосой томной иберрийке, вида не подал — гном ревниво оценивал драгоценное ожерелье, украшающее девичью шею. Видя, что пауза затягивается, Рутфер потянул гнома назад:

— Тогда прощеньица просим, за беспокойство, значит… До свиданья, Кайт, удачи тебе в следующем ограблении! Пошли, что ли… Кошку делить будем.

— Не будем мы его делить! Я же сказал — он моей младшей сестры кот! Она по нему скучает! — мигом вернулся к так и не оконченному спору Ньюфун. Моментально забыв о донне, у которой, якобы, ночевала Джоя, гном решительно потянул Кота на себя. — Отдавай! Отдавай, как договаривались!

— Не пущу! — возмутился Огги. — Его особа для меня священна!

— Вяулеуррьянки! — напомнил Черно-Белый.

— Смотри, что ты успел с кошкой сделать, человечина, — он у тебя уже разговаривать начал! — возмутился Ньюфун.

— Потому, что он исполнен Великой Силы! — объяснил Огги.

— Какой-такой Силы? Магии, что ли? — скептически ответил Ньюфун.

— Великой! — патетически поднял перст к небу пелаверинец. — Ибо нет в мире прекраснее животного, чем Великий Черно-Белый Кот, изрекающий Откровения!

— Мдяу, — подтвердил Великий и несравненный…

Проводив взглядом странную компанию, Кассандра-Аурелия плотно прикрыла дверь и для верности подперла ее стулом. После чего продолжила занятие, от которого ее столь невежливо прервали человек и гном — присев на краешек постели, девушка стала протирать носовым платком испачканный в крови странного карлика кинжал.

Лезвие стилета было узким, с чуть скругленными гранями. Витая рукоять заканчивалась небольшой гардой, скорее, всего лишь едва заметным утолщением, необходимым для упора пальцев. Тщательно протерев стальную иглу, Кассандра-Аурелия полюбовалась сделанной работой — она подхватила небольшое «яблоко» рукояти двумя пальчиками, небрежно взмахнула оружием и проследила, как по идеально ровной, гладкой поверхности скользит утренний свет, падающий от распахнутого окна. Когда донна де Неро смотрела на смертоносную сталь, на ее губах — сочных, темно-розовых губках, буквально созданных для любовных признаний и поцелуев, блуждала таинственная улыбка.

Однако молодой человек, почивающий в постели страстной донны, подобной улыбки не заслужил. Всё досталось кинжалу. После того, как стилет был вычищен, он нашел свое пристанище за корсажем белого платья — видимо, Кассандра-Аурелия принадлежала к тем девушкам, которые считают своими лучшими друзьями не бриллианты, а добрую сталь. Так или иначе, но наконец-то иберрийка приступила к действию, от которого ее столь невежливым образом оторвал визит хмурой дацианки и странного карлика.

Насвистывая старинную песенку, Кассандра сняла с крепко спящего Оска шейный платок, расстегнула куртку, распахнула на груди рубашку. Молодой человек пробормотал что-то и сделал попытку поймать тонкие, легкие девичьи руки, — в ответ донна поморщилась с брезгливостью и отвращением. Продолжая насвистывать — как будто делая давно знакомое, порядком поднадоевшее, но необходимое дело, Кассандра взяла из ящика комода лакированную шкатулку — очень похожую на ту, в которой хранила фальшивое «противоядие». Выбрала из рядов хрустальных флаконов, костяных коробочек и плотных свертков

нужное, достала несколько кисточек, изящный шпатель, чашечку, покрытую рунической надписью и принялась составлять загадочную смесь. Черная жирная сажа, тертые корешки, скорлупки, тут же измельченные тонкими, но сильными и уверенными девичьими ручками, сухая трава, мелко нарубленные грибы, капельки жидкостей — едких, тягучих или легких, но явно не обычной воды и даже не натуральный липовый мед, — все это полетело в глиняную плошку, которую Кассандра обернула носовым платком.

После чего осторожно склонилась над спящим Оском, сжала стилет и уверенно вонзила тонкое лезвие в пульсирующую ниже шеи жилу. Воин дернулся, попытался проснуться, сбросить навеянное крепким вином и опиумом наваждение, и Кассандра прошептала что-то успокоительное, мирное — дескать, ничего страшного, спи, спи…

Добавив сцеженную у Оска кровь к смеси, Кассандра достала из шкатулки свечу — странную, темную, покрытую вырезанными в воске надписями и знаками. И на колеблющемся, неровном пламени этой свечи девушка держала глиняную плошку, внимательно наблюдая, как кипит, растворяя в себе прочие ингредиенты, краденая кровь.

Позже, когда смесь после выпаривания превратилась в единородную бурую кашицу, Кассандра засучила рукав и сделала надрез у себя на правой руке — судя по зажившим рубцам, подобная процедура повторялась не впервые. Разведя результат опыта десятком капель собственной крови, девушка взяла кисточки, запрыгнула на постель и, пристроившись рядом со спящим воином, стала наносить на его лицо, шею, грудь и живот сложный узор. Темная замешанная на крови краска блестела на мускулистом теле, свиваясь змеиными узорами и паучьими сетями, постепенно впитываясь в кожу и исчезая.

Хорошо, что на этой стадии шептать заклятия не требовалось, и Кассандра снова принялась насвистывать старую фривольную песенку.

Ах, какой экземпляр попался в ее сети! Умом чуток сообразительнее тролля, зато и силен как бык, молод, горяч… Наверняка какой-нибудь искатель приключений, сегодня — здесь, а завтра — там, ни семьи, ни обязательств, в каждом городе — по зазнобушке, — думала донна де Неро. — Такого никто не станет искать, а даже если и станет — что ж, — и она улыбнулась змеиной улыбкой. — Найдет. На свою голову…

Когда с нанесением колдовской мази было покончено, она встала, аккуратно протерла инструменты, сложила ингредиенты в заветную шкатулку и с недовольством посмотрела на следы

предрассветной драки. Интересно, куда пропали девчонка и карлик? Карлик — тьфу на него, всё равно сдохнет после того эликсира, которым его попотчевал Раддо. А вот девчонка ей бы пригодилась. Молодая, здоровая, и — что очень важно — с магическими талантами.

Очень слабыми. Скорее всего, естественных способностей — пшик, блохе не хватит, чтоб утопиться. Но ведь способности можно развить, усилить, если знаешь, как…

У Кассандры-Аурелии, при всех достоинствах ее молодой, изящной и такой соблазнительной фигурки, — думала иберрийка, пристально изучая свое отражение в зеркале, — и тени магических способностей нет. Иначе бы она наверняка заподозрила бы… И по губам отражения промелькнула змеиная, недобрая усмешка.

Впрочем, что именно должна была заподозрить Кассандра-Аурелия, осталось не выясненным: заметив подозрительное черное пятнышко под левым глазом, иберрийка приблизилась к отражающему стеклу и тщательно вытерла черную слезу, вытекшую на щеку. В какой-то момент — если бы в комнате вдруг оказался кто-то посторонний, — можно было заметить, что чернота выразительного, горящего взгляда красавицы какая-то ненатуральная — как будто черный дым заволок настоящую, прячущуюся под жирным смогом радужку более человеческого, темно-серого цвета.

Но никого посторонних в этот момент в комнате гостиницы "Золотая Пика" не было. Ах да, спящий Оск…

Но какой же он посторонний? Доверенное лицо чернокнижника ни в коей мере не может считаться посторонним для подчинившего его мага. Теперь, до тех пор, пока действует замешанная на крови магия, Оск будет послушно исполнять приказы донны Кассандры. До самой ее смерти.

А возможно, и после.

И все же. Куда пропали карлик и девчонка? Девчонка может ей пригодится… не сейчас — но позже обязательно.

Впрочем, если подождать, то обязательно подвернутся и другие возможности, — улыбнулась своему зеркальному отражению донна Кассандра. Потом нахмурилась, вспомнив о более насущной проблеме — сегодня ей предстоит сделать несколько важных визитов. Что надеть? Темно-розовое, с вышитыми дракончиками? Или чуть более строгое платье, темно-серого шелка, с узорами из черного стекляруса? Хмм… Выбирая наряд, донна прошла к сундуку, стоящему в углу — и не заметила, как от ее движений закатилась под половицы оторванная от какой-то темной одежки пуговица.

Где-то. Время неизвестно

Цогобас очнулся — от боли, острыми шипами терзающей его раны в плече и в середине груди. Во рту пересохло, перед глазами пульсировали огненные круги… Со стоном карлик снова смежил веки и сделал попытку провалиться в спасительное забытье.

Не получилось. И тут, и снова, и опять — ничего не получилось!!!

Хоть вешайся. Интересно, найдется ли здесь какая-нибудь веревка? И вообще, где это — здесь?

Карлик приоткрыл глаз и осторожно проверил окрестности.

Полутемная комната. Потолок деревянный, старый. Стены дощатые — но в щели, что удивительно, не дует. Пол, на котором карлик лежит — удивительно жесткий. Но тоже деревянный.

Тепло. Ну, относительно — об этом карлик догадался по отсутствию в обозримом пространстве характерной для подвалов, крипт и ледяных крепостей изморози. Что еще? А…

— Пить, — слабым умирающим голосом прошептал Цогобас.

— Здесь ничего нету, — печально и уныло отозвалась Джоя. — Я уже искала, но ничего не нашла.

Она сидела рядом, положив голову карлика себе на колени. И даже, кажется, поглаживала круглый лысый череп. Прислушавшись к ощущениям, карлик решил, что они, пожалуй, приятные, а значит, можно не умирать.

Он просто закрыл глаза и провалился в забытье.

Второй раз он очнулся от кошмара. Ему снилось, что любимый царсари Госпожи — тот, который альбинос, раза в два крупнее своих собратьев, — точит об него свои острые зубы-сабли. Чудовище смотрело на добычу, щуря красные, злые глаза, потом без предупреждения набросилось и вонзило клыки в плечо, заставляя кричать, плакать, молить о пощаде…

Мягкие, заботливые руки промокнули пот, выступивший у карлика на лбу.

— Что, очень плохо? — спросила Джоя.

— Еще нет, — подумав, ответил Цогобас. — А тут воды точно нет? Да и не вода сгодится… Может, какое-нибудь болото поблизости имеется?

— Здесь нет болота, — став еще печальнее, ответила девушка. — Здесь вообще ничего нет. Я проверила, пока вы были без сознания — это очень странное место. Мы сейчас в подвале, а если подняться по лестнице, то окажешься в доме, который вроде как стоит на каком-то берегу. Там есть терраса, с которой должен бы открываться прекрасный вид, но вместо этого дом окружен

плотным серым туманом, в котором нет ни звуков, ни шевеления ветерка. В доме два этажа — но крыши нет, вместо нее тоже серый плотный туман…

— Серый туман, говоришь? — заинтересовался карлик. — А какой? Мокрый, как в Ллойярде?

— Нет, — задумалась Джоя. — Если бы он пах дождем, здесь было бы сыро, верно? Да и за то время, пока мы здесь сидим, туман или разогнал бы ветер, или действительно сменился дождем…

— Тогда я знаю, где мы оказались, — с мрачной торжественностью изрек Цогобас.

— И где же?

— В субреальности. Можешь откусить мне ухо, если это не так!

— Я, вообще-то, ушами не питаюсь, — смутилась Джоя. — Но разве субреальность — это не магические карманы, которые маги делают, чтобы носить с собой всяческие мелочи? Этот дом в карман никак не поместится… И он совсем не воображаемый, он реальный, я даже стучала по стенам, и они не проваливались!

Цогобас нахмурился и строго возразил, недовольный, что такая приличная с виду девушка проявляет столь вопиющее незнание основ Магического Искусства:

— Во-первых, давай разберемся в терминологии. Надеюсь, про то, что Вселенная есть множественная реальность, ты слышала?

Джоя утвердительно кивнула.

— Отлично. Так вот, есть разные способы эту реальность создавать. В большинстве случаев реальность создают Демиурги — сверхсильные божества, которым изобрести новый мир, населить его живностью, растительностью, а потом и разнообразными существами, претендующими на разумность — раз плюнуть. Но реальность действительности — не единственная возможность реальности.

— То есть?

— Есть реальность воображения, реальность замещения, реальность возможного… И таким образом мы подобрались к пункту «во-вторых». Маги, использующие Игры Разума, используют реальность воображения — у некоторых существ, особенно всяких там сочинителей, художников, тех же магов воображение настолько переполнено энергией, что кажется живым, действительным. Быть запертым внутри собственной головы, встречать там разнообразных чудовищ можно на самом деле — сосредотачиваешься, забываешь обо всем насущном, и хоп! — ты в странном Нигде-Никогда, безжизненной пустыне, в

которой имеет значение только твоя Сила и твое собственное воображение…

— Вы хотите сказать, что мы оказались в воображении Кассандры? — удивилась Джоя.

— Не спеши. Есть еще и «в-третьих». Действительно переместить кого-то в реальность воображения нельзя. Если б это было так, ты бы ходила по кругу, возвращаясь на одно и то же место, а твое тело не испытывало бы никаких тревог, ни жажды, ни…э-э… противоположной нужды. А тут, судя по всему, — Цогобас огляделся по сторонам, — мы имеем дело с реальностью возможного. Это действительно почти как субпространственный «карман», только гораздо больше.

— Не понимаю…

— Ну, как тебе объяснить? Допустим, какой-то маг живет в маленьком домишке на окраине города. А хочет жить во дворце — чтоб и конюшня, и парадная карета, и виварий, и библиотека в пару тысяч томов, и сад с розовыми клумбами… Тесно ему, понимаешь? И он берется за заклинания и выстраивает себе потайные хоромы. Если действовать с умом, осторожно, тщательно совмещать планы реальности и энергетические линии, то подобные «тайники» могут существовать очень долго, несколько тысячелетий. Я сам не видел, но Госпожа рассказывала, что маги Пенталиакнос возводили настоящие дворцы для каких-то там императоров, всего лишь силой своего магического таланта.

— Круто! — восхитилась Джоя.

— Ага, — подтвердил карлик. И поморщился от неожиданно вернувшейся боли в плече. — Только, если нарушить целостность энергетических линий и неправильно сбалансировать Силу, может рвануть так, что уничтожит не только мага, но и небольшой город, которому не повезет быть расположенным поблизости. Так вот… О чем я хотел сказать? Ах, да, серый туман, окружающий дом — он как раз и есть доказательство того, что это здание создано магическим путем. Смотри — здесь нет ни паутины, ни сквозняков, ни пыли… А выглядит всё так, будто хозяева покинули жилище несколько десятилетий назад.

— Зато здесь есть… — тут Джоя испуганно примолкла. Потом не выдержала, сказала: — Я, пока вы отдыхали, нашла здесь очень странную комнату. В ней стоит сундук — я думала, там найдется что-нибудь, вода или какая-нибудь одежда, поэтому и рискнула заглянуть. Приоткрыла крышку, а там лежит труп… Ссохшийся, желтый, противный — брр, такая гадость!

— Маг, который здесь всё создал, наверное, припрятал для каких-нибудь ритуалов Магии Смерти. Обычное дело… — и

карлик, чувствуя, как возвращается боль, поморщился и прикрыл глаза.

— А как выбраться из реальности возможного? — спустя минуту или две осторожно уточнила девушка. — Вы знаете, сударь? Из них вообще можно выбраться, или как?

Цогобас ощупал место на камзоле, где полагалось быть волшебной пуговичке с заклинанием телепортации. Хмм… Оторвалась. Пропала…

Потом он сделал вид, что снова потерял сознание — в конце концов, зачем расстраивать девчонку известием о том, что в мире, созданном чужим магическим Талантом, проще сдохнуть, чем найти спасение?

— "Я жду тебя, молю о встрече,
Приди ко мне, коснись меня!
Почувствуй силу страсти вечной
И жар любовного огня!
Спеши ко мне, отбрось сомненья
Ты отдохнешь — со мной тепло
И ароматом наслажденья
здесь сладко веет, и светло," —
Так нежно пел и ждал трофея
Цветок росянки в холодке
И как слезинки капли клея
Сверкали ярко на цветке… (36)

Процитировав отрывок старинной поэмы, Цогобас полежал с закрытыми глазами.

Открыл. Посмотрел на заботливо склонившуюся рядом Джою. Снова сделал вид, что спит. Хмм…

— Ты знаешь такое растение — росянку?

— Слышала, — ответила Джоя. — Говорят, на болотах растет. Мух ловит. А что?

— А я вот никогда не видел. Красивый хоть цветок?

Джоя припомнила иллюстрацию в травнике, однажды виденную в библиотеке Университета.

— Такой… розовенький… и шипы вокруг. Наверное, мухам нравится.

— Запомни, девочка: красота — это смерть. То, что нам нравится, убьет нас гораздо вернее, чем то, что противно и чего мы инстинктивно избегаем.

— Если бы все лекарства были приятны на вкус, люди

нарочно обзаводились бы болезнями, чтобы их попробовать, — уныло ответила Джоя.

— Верно! А ты, оказываешься, говоришь дельные вещи!

— Это не я, это мэтресса Далия так сказала однажды. Интересно, где она? — задумалась девушка. Вопрос, где Оск, почему еще не отыскал ее и не спас из магической реальности, Джое тоже хотелось задать, но увы — карлик вряд ли бы ответил. — Так все же — вы знаете, как отсюда выбраться? Может, надо что-нибудь наколдовать? Сестра моей пра-пра-прабабушки волшебница, может, ее попросить… Ах да, для того, чтобы попросить о помощи мэтрессу Вайли, надо как-то до нее добраться, — смутилась Джоя.

И пушистое Воображение, которому не помеха стены, законы привычного и прочие условности, как нарочно, где-то потерялось…

Карлик нахмурился и нервно застучал пальцами по ближайшей половице. Потом пробежался по отворотам камзола — воистину, дело, начавшееся с неприятностей, заканчивается еще худшими бедами! Если бы у него не украли кошель, в котором хранилось собрание артефактов почти на все случаи жизни, если бы пуговица с телепортом не пропала…

И если бы не девчонка, которая через пару суток начнет слабеть от голода и жажды… Он-то карлик привычный, да и вообще, за долгую жизнь бывал в ситуёвинах и похуже, а девчонку жалко…

Себя Цогобасу тоже было жалко, и он даже всхлипнул от избытка чувств.

— Сейчас выберемся, — сердито сказал он, поняв, что другого выхода нет. — Держись за меня, покрепче, чтоб не упасть при переправе, а то окажешься в какой-нибудь преисподней. Держишься?

Джоя крепко обняла карлика, стараясь не тревожить раненое и наспех перевязанное плечо. Цогобас ослабил ворот рубашки, на секунду приоткрыл короткую, вросшую в тело шею. Оказывается, под одеждой у карлика таилась еще парочка артефактов на случай безвыходных ситуаций: на стыке грудины и ключицы тонкая вязь, складывающаяся в овальный медальон с едва различимым женским профилем; а чуть ниже — буквально чудом избежав встречи со стилетом Кассандры-Аурелии — темный круглый знак, окруженный перепутанными рунами.

— Готова?

— Ага…

— Тогда попрощайся с этим негостеприимным местом, — пробурчал Цогобас и нажал на татуировку с заклинанием

экстренного возвращения в Замок.

Дом мэтра Вига и прилегающая таверна "Песчаный Кот"
18-й день месяца Барса, после полудня

В магическом зеркале, прихваченном в числе прочего имущества из Башни, отражались успехи грифона Рыжика — вот отважный полуорел-полулев стремительно взлетает вверх избегая встречи с сфинксом, крайне недовольным внезапно появившимся конкурентом, вот легко планирует вниз, и бежит, гордо подняв голову, следом за каким-то оборотнем. Рыжик явно принимал хвост вервольфа за особо интересную игрушку, пощелкивал клювом, заставляя того огрызаться и сбиваться с дыхания.

Вокруг зеркала скакали белочки, смахивая пушистыми хвостами едва заметную пыль. Вообще, следует отметить, что после ремонта Напы и затянувшейся пирушки магов, помещение заметно улучшилось. Появились разноцветные стекла в окнах (рамы там тоже появились самым чудодейственных из гномьих ремонтных способов); стены покрылись живыми коврами, сплетенными из разноцветных растений; весь центр второго этажа заброшенного пустынного дома теперь занимал небольшой водоем сложной, почковидной с вывертами, формы. В воде плавали огромные лотосы, а по бережку, в камышовых зарослях десяти дюймов в высоту, бродило стадо карликового рогатого скота, время от времени издававшее негромкое приятное слуху мычание.

Мэтр Виг всего этого не замечал. Он даже на гостей — двух волшебников в лиловых мантиях и господина в сером мундире — едва отреагировал. Узнал, что они прибыли еще утром, по приглашению мэтра Пугтакля, что эльф предложил им, гостям, располагаться и чувствовать себя здесь, как дома; что юнцов-магов зовут Лео и Лотринаэн, с инспектором Клеорном он, Виг, оказывается уже виделся — во время визита ее высочества, помните?

Виг пожал плечами. Он не помнил, да и не собирался. Он погрузился в меланхолию и вежливо попросил молодежь не отвлекать его от столь важного занятия.

Старый волшебник сидел в магических покоях, за отремонтированным хозяйственной гномкой столом, рядом стоял хрустальный бокал с вином из личных запасников мэтра Пугтакля, и сосредоточенно, вдумчиво и основательно предавался черной грусти.

В памяти всплывали картины — год Спящего Дракона, и он, мэтр Виг, уже зарекомендовавший себя с наилучшей стороны как специалист в области криптобиологии и трансфизики,

отправляется в Ллойярд, подтверждать свои прекрасные знания в области изящной словесности и современных искусств. Зачем он туда поехал? Да кто ж теперь знает… Кажется, в то столетие было модно получать почетные звания, а стать бакалавром словесности или искусств по версии Королевства Иберра или Королевства Кавладор Вигу не светило. В первом случае из-за высоких требований, устанавливаемых эльфами… А во втором случае — опять же из-за эльфов, да и конфликт, в результате которого Вига отлучили от права искать знания в магии Четвертого Шага, еще не забылся…

И он поехал в Ллойярд. Ну, туманы, дожди, очередное нашествие викингов — романтика! Как тут не влюбиться?

Ее звали Вероника. Как полевой цветок. У нее были нежно-фиалковые глаза, светлые гладкие волосы и командирские замашки, показавшиеся мэтру Вигу забавными до слез. Безмерно восторгаясь тем, как серьезно относилась Вероника к учебе — а она была ученицей одного из местных некромантов, как ловко помогает отцу управлять семейным торговым делом (что-то связанное со строительством кораблей, точно Виг и не старался узнать), Виг и сам не заметил, как сделал предложение руки и сердца.

В конце концов, почему бы и нет? Ведь не эльф какой-нибудь, крутить романы под ближайшей елкой, пора и остепениться, опять же — в Башне нужна постоянная хозяйка…

Виг нынешний — умудренный опытом и убеленный сединами — горько посетовал, каким глупцом был пятьсот лет назад, сделал глоток вина и продолжил вспоминать дальше.

Дальше появились детки. Сначала — Вайли, такая же золотоволосая, серьезная и ответственная, как и Вероника. Три года спустя — Ванесса, темноволосая и голубоглазая хохотушка, шаловливая и проказливая, как белочка. Наверное, где-то есть мужчины, радующиеся исключительно сыновьям, как будущим продолжателям традиций, хранителям семейного достояния или чего-то такого же абсурдно-возвышенного. Виг был рад дочкам, жертвовал бесценным временем, которое должно было расходоваться на магические эксперименты, никогда не ругался, если девочкам вдруг захочется разбить склянку с соком Альвинары, или выкопать посаженную в огороде мандрагору, поиграться с большими черными скорпионами, и даже когда Вероника жарила на обед стерлядь, которую Виг еще не до конца *улучшил*, он тоже не жаловался… почти…

Но в один прекрасный день Виг заметил, что в Башне развелись крысы. Нет, эта беда существовала и раньше. Но обычно крысы были живыми, по крайней мере, до определенного

момента… Когда нахальный скелетик грызуна украл лакомый кусочек прямо из тарелки волшебника, мэтр решил, что с него хватит, крысы обнаглели и надо показать, кто в Башне хозяин…

Вероника же голосом будничным и обыкновенным попросила Вайли убрать костяных грызунов, они, дескать, портят вид сервировки.

Сервировки! Нет, вы слышали, ей скелеты крыс портят сервировку! А то, что любимый муж не может обедать в подобных условиях, ей наплевать! Нет, вы слышали?! Поморщившись от громких воплей, Вайли попросила отца не кричать в ее присутствии, а то она не может сосредоточиться на управлении скелетами… Виг покричал на дочь, что вызвало спонтанный *Призыв* стаи скорпионов — Вайли вообще отличалась талантом к *призыву* ядовитой членистоногой живности… Слово за слово, возмущение за возмущением — и готов семейный скандал.

Ванесса, если Вигу не изменяла его избирательная память, одно время пыталась помирить родителей. А потом… А потом в один самый обыкновенный день Вероника вдруг пожаловалась на боль в сердце, прилегла отдохнуть и не проснулась.

Вайли уже училась в Уинс-тауне (терпеть ее некромантские опыты в собственной лаборатории мэтр Виг не собирался ни при каких обстоятельствах); вернувшись на похороны матери, она сначала вежливо спрашивала отца, как он намерен жить дальше, потом читала нудные лекции о морали, об уважении между супругами, о чем-то подобном, скучном и непрактическом… А потом взяла и *подняла* покойницу. Так как Вайли всегда была смышленой девочкой, к тому же не стеснялась экспериментировать и пробовать новое, вернулась Вероника не обыкновенным зомби, а полноценным личем. Даже разложение как-то удалось притормозить…

Эмоции, которые испытали Ванесса и Виг, когда гордая Вайли и чуть зеленоватая Вероника вернулись с флосвилльского кладбища, трудно описать словами. Ванесса хлопнулась в обморок — сестра подумала, что от восторга. А вот Виг, которому было предложено продолжать семейную жизнь и дальше, как будто ничего не случилось…

Он и так не стеснялся в выражениях, а тут развернулся по полной программе. Он магистр Магии Крыла и Когтя, а вовсе не сушеных костей! Он человек порядочный — да, завел любовницу через четыре недели после смерти супруги. Так ведь после, а не до! И вообще! Здесь не Ллойярд, не приют некромантов, и Виг не позволит, чтобы всякие личи хозяйничали у него в Башне! Умерла, так умерла, не фиг возвращаться!

Дополнительные трудности создавал тот факт, что Башня

мэтра Вига находилась на землях королевства Кавладор: в Дождливом Королевстве, уже привычном к подобным случаям, сложились юридические традиции, регламентировавшие права покойников на принадлежащее им при жизни имущество. Вероника совершенно искренне считала, что, прожив двадцать пять лет в Башне, может и дальше в ней распоряжаться. Виг столь же уверенно возражал и на всякий случай опутал четыре этажа своего жилища антинекромантскими чарами. Чары были хорошие, реагировали даже на вполне живую Вайли, которая с мрачным видом спрашивала, как может спокойно спать Виг, слушая, как его покойная супруга жалуется на жизнь под окнами Башни…

Где-то спустя месяц непрерывных разборок, кто прав — Виг, Вайли или Вероника, зазвавшая в гости вампиров и совершенно случайно скормившая им результаты опытов мужа, Ванесса закатила скандал и заявила, что уйдет из дома куда глаза глядят, если маги не прекратят действовать ей на нервы. Ни Виг, ни Вайли, разумеется, не прекратили, Вероника вообще потребовала от дочери не вмешиваться — и готово. Через Чудурский Лес путешествовал… как его… ну, в общем, какой-то важный господин в сопровождении свиты. Один из сопровождающих — кажется, шут, в пестрой курточке, разноцветных чулках, в колпаке с бубенчиками, заблудился, вышел к Башне, разумеется, увидел вампиров Вероники, саму Веронику… Обмороки-вопли-спасите-помогите, Ванесса, добрая душа, вмешалась…

Однажды утром Виг спустился из лаборатории в столовую и обнаружил записку от младшей дочери — уезжаю навсегда, не ждите к ужину; — и полностью собравшуюся для возвращения в Уинс-таун старшую. Расставание вышло холодным и кратким; с Вероникой Виг попрощался из окна в Башне, еще раз напомнив, что все приличествующие случаю сожаления были выражены в день похорон. Расправившись таким образом с семейством, мэтр Виг погрузился — он нырнул! Плюхнулся! Утопился! — в исследованиях.

Когда друзья вдруг вспоминали о его родне и искренне удивлялись, как можно жить, годами не общаясь с дочерьми и бывшей супругой, Виг очень удивлялся: зачем? И о чем общаться-то? Некромантские эксперименты Вайли Виг на дух не переносил, советов отца по изготовлению артефактов и сочинению заклинаний строптивая доченька не слушала. Ванесса вся ушла в материнство, опять же, муж — профессиональный дурак — это вам не фунт изюма, ему какие-нибудь шутки, фокусы, антрепризы придумывать нужно, бубенчики на камзол пришивать… Что, прикажете слушать, как тело бывшей жены жалуется, дескать,

случайно пролила на руку кислоту, — какие пальцы ей заказать у кузнеца? Серебряные могут не понравиться ее новым друзьям-вампирам, золотые — слишком вызывающе, медные — не комильфо, еще за нищенку примут…

Да, вот с Ванессой действительно можно было поболтать о том о сем, горько вздохнул Виг. Не часто, но хотя бы раз в десять лет можно было бы выбираться на денек-другой, навещать ее… Куда она уехала со своим шутом гороховым?

Волшебник постучал себя по лбу. А, вспомнил! Она же писала, что муж ее получил место в замке принцев острова Дац! Помнится, еще серебряный бубенчик ему прислала — дескать, вот, на новом месте у Джона прекрасные карьерные перспективы. Бубенчик от шутовского костюма долгое время пылился на лабораторном столе Вига, пока он не решил сделать из него… сделать из него…

На этот раз Виг огрел себя по лбу с гораздо большим чувством. Пень, остолоп, дубина стоеросовая! Старый дурень! Он же сделал из бубенчика оберег, чтобы знать, не понадобиться ли Ви или ее детям его помощь!

Сколько, интересно, времени подавал сигнал забытый "заботливым дедушкой" несчастный артефакт?

Резво старик переместился на первый этаж, выразительно послал господина Вапути, осмелившегося уточнить, будет ли почтенный мэтр ужинать, и что именно, и бросился к вещам, которые ни он, ни мэтресса-как-там-ее, так и не удосужились разобрать. В дорожном сундуке алхимички обнаружились шесть работающих артефактов, в числе которых — у Вига аж выступили слезы от умиления — и постоянно дребезжащий серебряный колокольчик.

Положив артефакт на ладонь, мэтр принялся думать, как же выяснить, где находится нуждающийся в помощи потомок? И вообще, кто это? Неужели придется спрашивать у Вайли…

В этот момент серебряный бубенчик издал особенно громкий звон. Потом затих и — совершенно неожиданно — вдруг начал покрываться морозным ледяным инеем.

Закусив кончик белой бороды, Виг нахмурился. Чтобы это значило?

Мэтр Лотринаэн сидел под полосатым тентом "Песчаного Кота" и рассеянно потягивал травяной отвар. Размышлял он о том, что совершенно зря приехал в Эль-Джалад. Да, надо было помочь Лео с телепортом, опять же, инспектор Клеорн… Напоить успокаивающими микстурами рвущегося вдогонку за юркой мэтрессой сыщика они напоили, но вот подействовало ли зелье?

Судя по тому, с какой рьяностью бросился Клеорн знакомиться с помощником местного судьи, господином Иолинари, вероятнее всего, — да.

А стало быть, Лоту пора возвращаться в Лаэс-Гэор. Накопилось, знаете ли, несколько тем для размышления, серьезных и важных вопросов, над которыми стоило поразмыслить под зеленой, прохладной, живой крышей волшебного замка. Вот сейчас допьет отвар плодов шиповника, смородиновых и мятных листьев, и поедет.

Рядом вкрадчиво и осторожно откашлялся какой-то низкорослый человек.

— Будет ли мне позволено спросить уважаемого мэтра, — сбивчиво начал кланяться похожий на гнома господин, судя по акценту — из Брабанса. — Не согласится ли он переправить кое-что в Анжери?

— Кое-что — это что? — уточнил наученный горьким опытом Лотринаэн. — Тяжеловоз, десять тонн руды, или..?

— Всего лишь письма, почтенный мэтр! — всполошился брабансец. И в качестве доказательства предъявил большую суму, плотно набитую свитками.

— Половину золотого, — согласился Лот. — И кавладорского, а не местного.

— Сей минут, — обрадовался брабансец. — Только, ваше магичество — не откажитесь заполнить квитанцию. Дескать, так, мол, и так — "Получено от господина Вормеля в качестве планы за телепортационные услуги". Сейчас, где тут моя походная чернильница…

— И здесь бюрократия, — вздохнул маг, опуская перо в чернила и ставя летящую подпись в указанном месте.

— Увы, — вздохнул господин Вормель. — Без нее в прогресс не въедешь!

— Да и с ней не шибко получается, — проворчал Лот. Небрежным взмахом руки отправил сумку с письмами в Анжери, убрал деньги в подпространственный карман, попрощался с господином Вормелем и вернулся к прерванному занятию. Правда, теперь, потягивая травяной отвар, Лотринаэн думал о том, что не всё так плохо в этом бренном мире.

— Фломмер, дружище, не надо меня держать за шею, я клянусь, что никуда не убегу! — донесся до острых ушей Лотринаэна голос одного из посетителей. Маг лениво перевел взгляд от столешницы в сторону. Там какой-то троллеподобный громила, одетый в классический наряд наемников — штаны, кожаная куртка с заклепками, яркий шарф на шее, — с точно рассчитанной смесью нахальства, грубости и презрения усадил за

соседний стол молодого человека. Молодой человек был жилист, несколько недовымыт, одет по моде герцогства Пелаверино — то есть камзол с буфами, через разрезы которых проглядывал яркий алый шелк, — и порядком испуган. — Я сказал уже господину Раддо, и повторю тебе — она была здесь! Я видел ее собственными глазами! Она прошла мимо меня, и лишь чудом не заметила!

Громила Фломмер раскатисто засмеялся, всем видом давая понять, что дама, не заметившая его собеседника, должно быть, спаслась от неслабого шока.

— Эй, ты! — кликнул Фломмер, отсмеявшись. Господин Вапути тут же материализовался рядом.

— Чего изволите?

— Скажи-ка, любезный, — с важным видом начал Хрумп, — я был в твоем заведении пару дней назад…

— Как же, помню, — грустно ответил Вапути. — И сбежали, не заплатив…

Пелаверинец пропустил реплику хозяина таверны мимо ушей.

— Так вот, когда я тут был, я видел одну милую даму, кажется, мою знакомую. Госпожу алхимика, из Талерина.

— И что? Сегодня вы вернулись, чтоб заплатить за три кружки вина, порцию окорока, лепешку, сыр, виноград и разбитую вами при побеге посуду?

— Нет, я пришел уточнить, она еще здесь, моя знакомая? — настойчиво гнул свою линию пелаверинец.

— Которая? — не понял Вапути.

— Мэтресса из Талерина! Ну, она здесь была пару дней назад, с какой-то гномкой. На вид лет двадцать пять-двадцать шесть, лицо такое хитрое, довольно симпатичное… Ее зовут Клотильда, верно?

— Нет, — с еще большей печалью ответил Вапути. — Единственная дама-алхимик, которая здесь бывала, это мэтресса Далия. Правда, она тоже из талеринского Университета. Значит, платить вы не собираетесь?

Но Хрумп не слушал. Радостно повысив голос, он повторил для Фломмера слова трактирщика и несколько раз повторил: "Вот видишь, видишь! Теперь ты понимаешь, что я не врал?!"

— Может, господин, вы хотите заплатите долг вашего товарища? — спросил Вапути у громилы.

Получил в ответ недовольный рык.

— Ну, как пожелаете… — И Вапути повернулся к господам пелаверинцам спиной.

Лотринаэн нахмурился. Что такое? Уж не подводит ли его

слух? Далию разыскивают — и кто! Два господина из Пелаверино, чьи манеры, одежда и ауры просто кричат "мы воры! Мы воры!"

Может, не так уж и не прав инспектор Клеорн, думая, что алхимичку и гномку похитили? Брр, ерунда какая-то получается! Жаль, что, озаботившись излечением сыщика, господа маги так и не удосужились поискать мэтрессу. Здесь, конечно, тоже можно, но в Лаэс- Гэоре для магического поиска больше артефактов…

Фломмер и Хрумп, покончив с расспросами, пару минут посидели, подождали заказанную выпивку. Убедившись в том, что никто обслуживать их не собирается, пелаверинцы встали из-за стола и с видом "не больно-то и хотелось", направились к выходу.

У самого забора на новенькие, пижонские сапоги Хрумпа было совершено нападение. Какой-то длинный, приземистый зверек напал на обувь и заключенную в ней ногу с самыми низменными плотскими намерениями.

— Да что… да как… эй, отзовите своего зверя, пока я его не пришиб! — взвыл Хрумп. Фломмер помирал со смеху — на его взгляд, зрелище было поучительное, занимательное и просто великолепное.

— Зверь не мой, а хозяина здешнего дома, — педантично уточнил Вапути. Он стоял поблизости, с видом грустным и печальным, но не делал попыток как-то вмешаться в творящееся безобразие. — Почтенный мэтр разрешил мне торговать в обмен на соответствующую арендную плату; если вы не платите за выпитое мне, то его зверье само взимает серебро в пользу его пользу. Вот.

Явно принимая сапоги за шустрых куртизанок, зверек приступил к делу активно и с полным самозабвением.

Фломмер хохотал до слез.

— Да что за зверь это такой!!! — взмолился Хрумп, сбрасывая сапоги. Помогло, но мало. На взгляд «охранника» и человеческие ноги для кой-чего годились ничуть не хуже…

— Хорь чернокнижника смеющийся, — печально уточнил Вапути. — Странно, что вы не знаете — ведь один хорёк был заявлен, как существо-претендент нынешних состязаний. Жаль, что его дисквалифицировали прямо на старте, за извращенное чувство юмора…

Между Ильсияром и Хетмирошем. 18-й день месяца Барса, вечер

Кому первому из Участников пришла в голову благая идея не пускать состязания на самотек, осталось неизвестным. Возможно, мысль крутилась в воздухе, как какая-нибудь хитрая бацилла, поражая собой всех, до кого могла дотянуться. Возможно,

сработал извечный инстинкт тварей, почитающих себя разумными: повести носом в сторону копошащегося рядом соседа, убедиться в том, что куда-то он отправился, и поспешить следом, глубоко засунув руки в карманы, посвистывая и делая вид, что просто вышел размять ножки…

К подобному заразительному любопытству мэтр Виг, интересующийся ближними своими исключительно редко, обладал едва ли не стопроцентным иммунитетом. Лагерь Участников вдруг опустел? Вигу-то до этого какое дело? Господа и дамы отправились в Великую Пустыню, следить за тем, как будут их питомцы штурмовать тамошние пески, скалы и пересекать плато Кватай? Хм…пусть идут, Виг им, как бы, разрешает… Что, неужели самому почтенному мэтру не интересно, как быстро передвигается его питомец? Не съели ли его, часом? Не поранил ли он лапу? Хмм… Вообще-то, интересно, и даже очень. Поэтому не мешайте волшебнику добраться до какой-нибудь волшебной поверхности, не отвлекайте его посторонними вопросами…

Для экономии времени мэтр левитировал над постепенно пустеющим Лагерем Участников. Вид глубоко задумавшегося седого почтенного старца в лиловой бархатной мантии, с посохом под мышкой, вязаном колпаке набекрень, парящего в пяти локтях над землей, произвел неизгладимое впечатление на местных сорванцов, которые сопроводили путешествие Вига звонкими возгласами и бессвязными криками восторга.

У палаток, разбитых специалистами из Восьмого Позвонка, Виг вернулся на грешную землю и торжественно вошел в первый же попавшийся шатер.

— Что? — отвлекся мэтр Мориарти. — А, мэтр Виг! Чем обязан вашему визиту?

— Моя дочь здесь? — на всякий случай уточнил почтенный маг, хотя прекрасно видел, что в шатре ллойярдского волшебника находится лишь сам Мориарти, большой, заваленный фолиантами, артефактами, свертками, пузырьками, ритуальными ножами и прочей дребеденью стол, одинокое кресло, в котором трясется перепуганный алхимик (не слишком молодой, с большими залысинами, и видом общей неуверенности в себе), узкое походное ложе и сваленные у полотняной стенки костяки странных существ.

— Нет, мэтресса Вайли у себя. Следующий шатер, — насколько мог вежливо, ответил Мориарти.

— А… — рассеянно поблагодарил Виг. Вместо того, чтобы продолжить поиски дочери, заинтересовался подошел поближе к испуганно сжавшемуся в комочек господину с залысинами и

черной алхимической мантии. — А с этим чего издеваешься? Умнее ведь не станет!

— Я провожу некоторый опыт, уважаемый, — с прохладцей ответил ллойярдец. — Поэтому буду признателен, если вы не станете меня отвлекать вопросами, сударь.

Седые брови Вига резко поползли вверх. «Сударь»? Он? Всего лишь «сударь», как какой-нибудь торговец, ремесленник или мелкого достатка дворянчик? Не "почтенный мэтр", не "ваше магичество"? Инстинктивно старый волшебник сжал кулак. И пришел в себя от нестерпимого холода, распространяемого от серебряного бубенчика, который Виг, не доверяя собственной памяти, не выпускал из рук.

— Благодарю, любезный, — ядовито ответил Виг и вышел. Напрямик, через стенку шатра, решив не утруждать себя поисками выхода.

Мэтр Мориарти прошипел в спину удаляющемуся конкуренту несколько выразительных гипербол, наскоро замаскировал дыру в стене плотным фантомом и вернулся к прежнему занятию.

— Итак, мэтр Карвинтий, давайте вернемся к тому разговору, который мы начали утром. Вы согласны, что участие в состязаниях масштаба нынешних гонок Покровителя Года свидетельствует о высочайшем мастерстве, исключительных личных качествах Участника и его избранности?

— Дд-да! — запинаясь, согласился алхимик.

Мориарти улыбнулся тонкой, загадочной улыбкой. Обошел кресло и наклонился с другой стороны.

— И вы, наверное, считаете, что сам факт участия ничего не значит по сравнению с присужденной победой? В конце концов Участников — сотни, а победителем может быть только один. Не правда ли?

— Абсолютная правда, — с готовностью подтвердил Карвинтий, стараясь как можно дальше отодвинуться от заботливого, участливого некроманта.

— И, наверное, не будет ложью утверждение, что я — лично я, мэтр Мориарти из Восьмого Позвонка, — все эти дни демонстрировал по отношению к вам, друг мой Карвинтий, исключительное терпение, расположение и даже, кое в чем, покровительствовал вашей Судьбе? Ну?

— Э-э… — растерялся алхимик. — А не можете ли вы, ваше магичество, повторить еще раз, а то я не всё понял?

Мориарти снова обошел кресло с алхимиком и наградил перепуганного собеседника загадочной улыбкой.

— Ладно. Скажу проще. Друг мой, у вас есть прекрасный шанс внести посильный вклад в победу команды Восьмого

Позвонка на нынешних состязаниях. Обращаю ваше внимание — мы не какие-нибудь выскочки из Иберры, каждый из которых видит мир исключительно со своей секвойи. Не местные таракашки с воображением гоблина — из всех пустынных магов чего-нибудь стоит исключительно Кадик ибн-Самум, да проглотит его Пустыня, а остальные — тьфу, способны лишь льстиво петь хвалы этому хитрому злобному ничтожеству. Мы не маги из Кавладора, которые позволяют руководить собой истеричной женщине, лишенной магических талантов, и мы не брабансцы, которые в магическом отношении всего лишь самоуверенные ученики… Не стоило им ссориться с эльфийскими кланами, авось, эльфы и оставили бы им пару-тройку секретов…

В этот момент Карвинтий, очень осторожно, поднял руку, показывая, что нуждается в уточнении.

— Простите, мэтр, а что такое «секвойя», с которой эльфы наблюдают за миром?

Вместо ответа Мориарти крутанулся на каблуках, мгновенно переходя от велеречивой расслабленной лекции к кинжально-острым, точным, конкретным директивам.

— Мой уважаемый коллега, мы, специалисты Министерства Чудес королевства Ллойярд, величайшие маги современности, хранители традиций самого загадочного, мощного и сверхъестественного из Магических Искусств, оказали вам честь, пригласив в свой круг. Взяв вас сюда, в Ильсияр. Наняв вас, в конце концов! И мы, сударь, просто жаждем ответной услуги…

— Ккк… какой? — заикаясь, отважился спросить алхимик.

— Ничего, выходящего за рамки ваших талантов, — ответил Мориарти, склоняясь к сидящему в кресле собеседнику (Карвинтий сделал попытку отшатнуться) и буравя его темным острым взглядом. — Вы отправитесь в Пустыню и присмотрите за нашим джортом.

— Я?! Но почему именно я?!

— Потому, что все остальные маги связаны клятвой Честного Участника и не могут вмешиваться лично, — с раздражением ответил Мориарти. И, предупреждая уже готовый сорваться с уст собеседника вопрос, объяснил: — Плюс, как я уже сказал, честь быть сотрудником Восьмого Позвонка надо отрабатывать. Я даже готов простить вашу утреннюю попытку бросить нас на произвол судьбы — видите, насколько я добр? И все — ради того, чтобы вы сейчас взяли свои запасные подштанники — или любой другой набор предметов, на ваш вкус, — и отправились в Великую Пустыню.

Руки мэтра Карвинтия дернулись к груди — там, на длинном шнурке, был привязан чудесным образом доставшийся алхимику

чужой кошелек. Жутким усилием воли, от которого буквально свело скулы и затрещали мышцы, алхимик заставил себя вернуть руки на колени.

— Но что я могу сделать, мэтр Мориарти? Я, простой алхимик?

— А как же ваши рекомендации, коллега Карвитий? Все эти блестящие опыты, которые вы ставили в Талерине? Тайны природы, которые вы постигали несколько лет — со своей, алхимической точки зрения, но я не привередлив. На меня, скажу вам честно, произвело самое благоприятное впечатление ваше знание тайн погоды — ведь у джорта, буду откровенен, есть небольшие сложности по части взаимодействия с Первой Стихией. Отправляйтесь в Пустыню, друг мой, — Мориарти положил руку на плечо трясущегося, как в припадке, алхимика. — И принесите нам победу!

— А можно… можно, туда отправятся мои тетка и двоюродная сестра? — лицо перепуганного Карвинтия озарилось вспышкой надежды.

— Это те две буренавские дурынды, которые днем сломали моего энбу, распугали откладывающих икру ташунов и едва не изнасиловали нашего главного конюха?

Карвинтий смутился, не зная, признаваться ли в родстве, или…

— Бедняга! — продолжил Мориарти. — Это я о конюхе. Он и при жизни шарахался от женщин, как демон от святых мощей, а пережить подобный стресс после смерти… Согласен. Забирайте свою родню в Пустыню. И не тряситесь так, коллега! Я буду приглядывать за вами через волшебное зеркало! Учтите — Восьмой Позвонок обязательно воздаст сторицей за все жертвы, которые принесете вы или ваше семейство! Да, будете подкармливать джорта — попросите вашу тетку снять песью шубу…

— Ваш ящер не любит собачью шерсть? — сочувственно уточнил Карвинтий.

— Нет, он готов жрать все подряд. Это я не люблю, когда у него из пасти разит псиной, — объяснил Мориарти. — А чтоб джорт зубы не обломал, ваша сестрица пусть снимет бусы.

И наградил доверенного сотрудника обаятельной улыбкой.

Мэтр Виг тем временем выслушивал мнение мэтрессы Вайли о заледеневшем серебряном бубенчике. Уже дважды отказался от медовых коржиков, трижды — от мороженого с кленовым сиропом; на всякий случай *призвал* сотню муравьев, чтоб убрали из поля видимости все прочие сладости… И очень тихо, покорно,

исключительно дипломатично выслушивал мнение старшей дочери о себе.

— Как ты вообще себе представляешь эти поиски? Дети Ванессы разъехались кто куда! Внуки тоже не сидели на месте!

— Но оберег…

— Достаточно элементарной логики, чтоб рассчитать: если у Ванессы было трое детей пятьсот с небольшим лет назад и у каждого из этих троих детей было как минимум двое собственных… Если каждые двадцать лет их количество удваивалось, то даже с учетом болезней, несчастных случаев и уходов в монастырь, сейчас у тебя может быть… больше ста тысяч потомков! О боги! — поразилась Вайли. Перед ее мысленным взором появился город — большой, как Уинс-таун или Талерин, сплошь населенный сухонькими голубоглазыми старичками в вязаных колпаках, лиловых бархатных мантиях и скептическими ухмылками. Брр… А если вспомнить, на что был способен один старичок в масштабах отдельно стоящей в Лесу Башни… действительно, "о боги!" Больше ничего и не скажешь. — Ты что, собираешься спасать их всех?

— Нет. Только того — или ту — который действительно нуждается в моей помощи.

— Браво! — воскликнула Вайли. Ядовитые скорпионы материализовывались вокруг нее буквально ежесекундно. И разбегались по Пустыне. — Пойду, позову какого-нибудь менестреля, чтоб запечатлеть уникальное явление: мэтр Виг из Чудурского Леса вдруг решил позаботиться о своей семье! Браво, мэтр! У меня просто нет слов, чтоб восхититься вашей заботой о семье!

— Лучше скажи, ты хоть кого-нибудь из ныне здравствующих потомков Ванессы знаешь? — поджал губы волшебник.

— Делать мне больше нечего, как общаться с этими чокнутыми дацкими шутами! — фыркнула некромантка. И от расстроенных чувств запихнула в себя огромный кусок халвы.

— Шутами, говоришь, — задумчиво уточнил Виг. — Шутами… Ладно. Извини, что отнял у тебя время. Я пойду…

— Пока не ушел, — спохватилась Вайли. — Скажи, я в какой мантии лучше — в светло-голубой или в черной?

— Куда-то собираешься? — волшебник меланхолично заглянул в ближайшую шкатулку, с большим искусством вырезанную из зеленого нефрита. Обнаружил там несколько черепов, чьи-то очень старые кости и полдюжины спутанных до состояния проигранного кошкой клубка призраков. С отвращением захлопнул крышку и несколько раз сплюнул, чтоб избавиться от неприятного ощущения соприкосновения с Магией

Смерти.

— Нас с Мориарти пригласили на торжественный ужин в честь начала состязаний. Во дворец местного судьи. А ты идешь?

— Зачем? Меня и еноты неплохо кормят.

— Еноты? Тебе готовят еноты? — восхитилась Вайли, придирчиво выбирая наряд.

Виг не смог удержаться от ответной шпильки.

— И у них получается всяко лучше, чем у твоей покойной маменьки. Кстати, в чем у вас принято хоронить?

— В белом саване. Как везде…

— В него и нарядись, — посоветовал волшебник. — А то иначе твой черепковатый тебя еще лет триста не заметит.

Он исчез в туманном пятне телепорта, так что волшебнице осталось только топнуть ногой от бессильной злости. Ну почему, почему он всегда оказывается прав?

XI. Скорость, хитрость и расстояния

Ночь с 18-е на 19-е число месяца Барса
Талерин, Королевский Дворец
Даме Элоизе Росинант, лично
Прекрасная дама!

Возможно, вы меня не помните, но буквально две недели назад, в замке Фюрдаст, я имел честь сопровождать вас в прогулке по замковому парку. Мы прошлись мимо фонтана в виде бронзового дракона, а потом некоторое время наблюдали за гномьими фейерверками. Всё прошедшее время, в кратких перерывах между выполнением служебных обязанностей, посвященных охране Закона, Порядка и Спокойствия королевства Кавладор, я вспоминал вас. Если бы не служба — ведь, занимая ответственный пост, я не могу лишать министра Ле Пле своего мнения по поводу многих важных принципиальных проблем Министерства Спокойствия, — я бы имел честь сопровождать вас на торжественный прием, посвященный слушаниям соискателей должности патрона Министерства Чудес, а также отважился попросить вас подарить мне хотя бы один танец на пиру в честь бракосочетания ее высочества Ангелики.

Однако неизбежность сильнее нас. И я провел большую часть месяца Барса, преследуя преступников, разбираясь с похищениями и разоблачая мошенников.

Инспектор Клеорн по мере сил и возможностей помогает мне…

На этом месте мэтра Лео прервали. И очень вовремя, а то мания величия — весьма приставучая болезнь.

— Неугодно ли почтеннейшему гостю омыть руки? — склонилась к нему с глубоким поклоном одна из хозяек дома. Лео потряс головой, выплывая из эпистолярной сосредоточенности, посмотрел на женщину- она была образцом всего того, что любили в Эль-Джаладе. Вдова бывшего городского судьи, одна из четырех маменек сиятельного господина Раджа, была чуть старше тридцати лет от роду, волоока, черноброва, чуть-чуть носата и весьма пышна. В выборе наряда она руководствовалась соображениями скромности, другими словами — от подбородка до пяток была закутана в парчу, шелк, жемчужное ожерелье и расшитый золотыми нитями газовый платок.

И все это роскошество сейчас изящно склонилось перед изрядно пропыленным мэтром в не самой новой и не самой шелковой лиловой мантии, и предлагало омыть руки из золотой чаши с водой, где плавали лепестки роз и жасмина.

— О… — удивился Лео. — Конечно, конечно… — После чего с удовольствием смыл воспоминания о хлопотном дне не только с рук, но и с лица. А что? Гигиена — это святое.

Судя по перекосившемуся лицу маменьки господина Раджа, у всех остальных гостей достало сообразительности и такта отказаться от предложенной чести и не путать одну из хозяек дома со служанкой.

— Весь дом сиятельного Раджа — к вашим услугам, драгоценный гость, — с улыбкой пригласила женщина. Будь мэтр Лео чуть посообразительнее, он бы догадался, что лучше вспомнить о неотложных делах и уйти. Ибо иначе его отравят ядом, сочащихся из прекрасных карих глаз, подведенных сурьмой и лазоревыми тенями. Отравят, заколют, снесут голову да еще вдобавок проклянут с особой извращенностью фантазии.

Увы, ясновидение и предчувствие не входило в список талантов кавладорского волшебника. Поэтому мэтр Лео раскланялся, уверил, что будет чувствовать себя во дворце господина Раджа, как дома, и прошел в пышно убранную залу.

Здесь уже собралось около двухсот гостей. Местная знать — в парче, бородах, браслетах и недовольстве, — прохаживалась между "иноземными варварами". Варьировался лишь оттенок парчи (темно-фиолетовый у Кадика ибн-Самума, розовый — у господина Главного Сборщика Налогов, красный — у хозяина дома, и прочее), длина бороды, возраст дам, которые звенели браслетами, и количество недовольства. Презрение к варварам плескалось в темных глазах эль-джаладцев, гордость бессчетной вереницей предков, заканчивающейся где-то у подножья разрушенного трона Империи Гиджа-Пент, чувствовалась в поджатых и оттопыренных губах, интерес к их обычаям и возможным доходам заставлял навострить ушки… Одним словом, для мэтра Лео все эль-джаладцы показались похожими, как будто были родными братьями. Или сводными, но почти близнецами.

Поэтому он сразу начал посматривать на прочих званых дам и господ.

Выделялся мэтр Мориарти — благодаря росту, зловещему блеску драгоценных черепов на плечах, самодовольной усмешечке, с которой некромант поглядывал на остальных, и свободному пространству на четыре локтя вокруг. Никто не спешил здороваться с ллойярдским волшебником. А он и сам не стремился подойти, и поболтать с кем-нибудь из гостей о видах на победу. И так всё ясно. Вот, посмотрите на стену торжественной залы, зачарованной усилиями присутствующего здесь господина Кадика и его учеников: видите сгустившийся над Великой Пустыней ночной полумрак? Видите бескрайние пески,

острые обломки скал, ущелья, каменные глыбы и прочее? И длинную цепочку существ-претендентов видите?

Да, мы тоже обратили внимание, что и существ стало гораздо меньше, и претендовать на что-либо с уставшими лапами, стоптанными об острые каменные обломки копытами и изрядно утомившимися крыльями им все труднее и труднее…

Впереди существ-претендентов, обгоняя притомившееся дерево из Фносса, бежал бурый уродливый джорт. Полуящер-полугоргулья, он передвигался необычным образом — подпрыгивая вверх, потом отталкиваясь от нависающих над дорогой каменных стен и совершая гигантские прыжки вперед. При прыжке кожистая перепонка между передними и задними лапами натягивалась, образуя своеобразный «парус», что позволяло зверю использовать энергию толчка с максимальной пользой — джорт буквально летел по Пустыне.

— Прелестное зрелище, — прошелестело за плечами.

Лео резко обернулся, но никого не увидел. Хотя, если прищуриться…

— Это мой фантом, — объяснил невидимый Лотринаэн. — Я в доме мэтра Вига, потому как в число официальных участников меня ни кавладорская, ни иберрская делегация не включили. А посмотреть на местную знать и хвалёного Кадика-Ветер-со-Свистом очень хочется. Можно, я прилеплюсь к твоему плечу?

— Давай, — разрешил Лео. Невесомый сгусток энергии, совершенно прозрачный из-за щедрой иллюминации торжественной залы, устроился на левом плече волшебника. — Это какое заклинание?

— *Ману'хар-Ди.* Четвертое Начало — формируешь из воздуха плотную линзу и пускаешь ее по заданной траектории. Доступно начиная с седьмой ступени.

— Жаль, у меня с Воздухом не очень, — опечалился Лео.

— Его можно оптимизировать, если взять за основу не Воздух, а обычный *поисковичок*; я тебе потом покажу. Тсс, смотри, к тебе идет Клеорн! — предупредил Лотринаэн.

Мэтр Лео мигом развернулся, обнаружил приближение начальника и попытался принять вид солидный и важный.

— Лео, — рявкнул Клеорн, приблизившись. — Где вы шляетесь?

— Ну, я это… э-э… вы велели узнать, не умер ли кто из существ-претендентов после старта, вот я и прогулялся по Новому руслу, посмотрел… Там уже пару коз съели, хвост «потухшей» саламандре отчеркрыжили — только ведь вырастет, года через полтора…

Сыщик нахмурился было, чтоб потребовать немедленных

действий — не важно, каких, но главное напомнить магу, кто у него начальник. Но тут фантом Лотринаэна издал звук, напоминающий голодное бурчание в животе, и у инспектора шевельнулись остатки совести. Он ограничился всего лишь устной выволочкой, совершенно не смущаясь вниманием прочих гостей.

Почему, спрашивается, инспектор Клеорн начиная с рассвета только и делает, что разбирается с жалобами, кражами и разных масштабов потасовками, которые случились в лагере Участников за прошедшие дни? Ему нужно отыскать тех двух девчонок, которые пытались украсть клетку с ллойярдским джортом, ему нужен гном, покушавшийся на Книгу Участников и едва не разрубивший ее секирой, инспектор Клеорн должен найти вора-карманника, который украл кошельки у семи Участников разной национальности и разной степени почтенности; сыщику нужно разобраться, почему мэтр Фледегран вдруг так резко переменил намерение участвовать в гонках… Вдруг здесь присутствует какой-то заговор, раскрытие которого украсит послужной список господина Клеорна? И почему — вот он, главный вопрос, мэтр Лео нисколько не помогает своему начальнику?

Когда Клеорн, покончив с выволочкой, отправился беседовать о чем-то важном со Смотрителем Колодцев, Лео несколько секунд стоял, переводя дыхание. А фантом Лотринаэна ехидно хихикал ему в ухо:

— Нет, мы все-таки молодцы! Клеорна так пробрало на расследования, что уже к вечеру завтрашнего дня здешние тюрьмы будут забиты раскаивающимися грешниками под завязку!

— Тебе смешно… А вдруг заклинание перестанет действовать, и он вспомнит, что хочет отыскать мэтрессу Далию?

— Спасибо, что напомнил, — голос Лотринаэна стал серьезным. — Пожалуй, ее и в самом деле стоит поискать. Я временно отключусь, не возражаешь?

Лео не возражал. Тем более, что гостей пригласили разделить с хозяевами скромную трапезу.

Вместе с остальными гостями мэтр Лео прошел в большой зал, еще более красивый и пышно убранный, чем предыдущий. Главным украшением трапезной залы были фонтаны, тихо журчащие вдоль стен, и яркие мозаики — на полу, на потолке и между колоннами. Стол был необычно низок, гостям предлагалось сесть на подушки и пользоваться собственными пальцами вместо вилок и ложек. В отсутствие салфеток Лео разложил на колене носовой платок и внимательно проинспектировал ближайшие кушанья.

— Не желаете ли отведать? — с напряженной улыбкой

спросила его та самая хозяйка, которая чуть раньше подавала воду для омовения. На золотом блюде, которое она держала в своих нежных ручках, были затейливо выложены небольшие жареные кусочки, благоухающие дивным ароматом.

Лео с удовольствием согласился — ему, в отличие от прочих гостей-эльджаладцев, которые вежливо отказывались от персонального угощения, не захотелось оскорблять хозяйку.

В итоге соловьиные языки, зажаренные с трюфелями, достались не почетному гостю, Кадику ибн-Самуму, а варвару-иноземцу. Не забывая сохранять на лице вежливую улыбку, хозяйка прошла-проскользнула на кухню, где толпились повара, и громыхнула золотое блюдо об пол.

— Не волнуйся, — успокоила ее вторая маменька городского судьи. — Есть еще утиные яйца, которые нам привезли из Нан-Пина, есть печеное мясо кобр, есть большая рыбина из северных земель — та самая, которую прислали в бочке со снегом, есть и сам снег, если наш дорогой сын еще не успел до него добраться…

Почтенные вдовы выглянули, чтобы посмотреть, как справляется сиятельный судья Радж со своими светскими обязанностями. Час был поздний, и мальчишка откровенно зевал, не мешая господину Кадику о чем-то спорить с господином Иолинари.

— Смотри! — с ужасом воскликнула первая вдова.

Вторая хозяйка дома посмотрела в указанном направлении и почувствовала, как жемчуга и парча сдавили ее грудь: варвар-чужеземец, тот самый, который был похож на нашкодившего пса, жестами объяснял слуге, что хочет отведать рыбки… Ну, нахал! Мало того, что вел себя с хозяйкой, как с прислугой, мало того, что сел на место господина Смотрителя Дорог, мало того, что съел предназначенный для самого почетного гостя деликатес…

Мирные отношения Эль-Джалада с соседними королевствами оказался под угрозой.

Торжественный ужин между тем продолжался. Звучали здравницы — за хозяина дома. За эмира Джаву — да правит он триста лет! За встречу старых знакомых (предложил мэтр Пугтакль), за состязания, за магию, снова за хозяина дома. За закон и справедливость (этот тост озвучил господин Иолинари), за победу (тост от мэтра Мориарти), за Пустыню (с очень хитрой улыбкой предложил Кадик ибн-Самум). Потом, где-то через полчаса, гости почувствовали себя свободнее, дошли до того состояния, когда лица соседей стали сливаться в легкой дымке симпатии, постепенно становясь родными, знакомыми и все менее и менее коварными…

С третьей переменой блюд появилась другая хозяйка. На этот

раз — не в жемчугах, а в переливчатых опалах.

— О драгоценный гость, стало известно мне, что любитель экзотических блюд вы! И дабы порадовать ваш желудок неземными яствами, дозволено ли будет жалкой хозяйке этого скромного дома предложить вам кушанье, достойное вашего придирчивого вкуса?

Вторая маменька судьи Раджа была стройна, как змейка и невысока ростом. Она сумела расположиться так, что мэтр, обернувшийся на ее вкрадчивый голос, уткнулся носом точно в разрез парчовой накидки. Под которым переливалась разноцветным шелком тонкая, натянутая на груди, рубашка. Очень разрез. И очень переливалась…

— Кушайте, драгоценнейший гость, кушайте, — ласково попросила вдова. Так как мэтр Лео не отрываясь смотрел на дивное достижение эльджаладской легкой промышленности, женщина сама скатала немного плова (Особого! Специального! По тайному бабушкину рецепту!) и затолкала жирный кусочек в приоткрытый рот варвара. — Кушайте, он очень вкусный…

С помощью вдовы Лео проглотил две пригоршни плова, почти не успевая распробовать нахваливаемый вкус, запил вином, который подал по знаку хозяйки слуга…

Не подозревающий о том, что буквально в шаге от него совершается преступление, Клеорн обсуждал с друидом из Фносса, господином Заркавусом, вопросы, касающиеся проникновения некоторых сильнодействующих растительных экстрактов на земли Кавладора. Отвлек сыщика странный звук — будто кто-то пытался извлечь звук из алхимического перегонного куба.

Оказывается, звук издавал мэтр Лео, лицо его побагровело, испачканный жиром рот был открыт и судорожно втягивал воздух, из вытаращенных глаз лились слезы…

— Что с вами, мэтр? Эй, — осторожно позвал Клеорн, потому как волшебник лишь стонал в ответ. — Вы живы?

— Омарский перец, — подоспел какой-то эль-джаладец. Круглолицый парень, невысокий, с короткой стрижкой и странной — очень тощей косичкой из десятка волосков, одетый в расшитый звездочками халат, подхватил Лео под мышки, вытащил его из-за стола и увлек за собой в один из соседних залов.

Клеорн счел своим долгом пойти следом.

— Очень острый перец, который выращивают в оазисах по соседству с Омаром, — объяснял ученик мага, представившийся как Далхаддин-Улитка. — Странно, что ваш друг его попробовал

— обычно хозяева предупреждают, какое блюдо сильно приправлено, а то гости могут не оценить острый вкус… Ну вот, господину магу сейчас полегчает — я заблокировал ему вкусовые ощущения.

— И что? — строго спросил Клеорн. Лео пока не выглядел спасенным — он тяжело переводил дыхание, вытирал слезы и хрипел.

— Острота, оставленная перцем, не будет растворяться в ротовой полости. А потом смоется — если он будет пить много воды, только чистой, родниковой, — объяснил Далхаддин. — И всё будет хорошо.

— Спасибо.

— Был рад помочь гостям нашего прекрасного города, — вежливо поклонился ученик мага и оставил варваров приходить в себя.

Далхаддин вернулся в трапезную залу и сел в самом конце длинного ряда гостей — одновременно зорко следя за тем, не сделает ли господин Кадик знак, что ему срочно необходима помощь ученика. Пока Кадик ибн-Самум был увлечен тем, что говорил гадости мэтру Мориарти и слушал ответы ллойярдца. Так как оба мага явно испытывали от диалога удовольствие, Далхаддин решил не вмешиваться.

Он поискал глазами высокую, изящную фигуру главы Министерства Чудес Иберры. Подумать только, живой эльф! Как будто ожили старые сказки — не те, в которых злые эльфы кушают заблудившихся детей кочевников, или заманивают их в хижину, сплетенную из зачарованных листьев, или, того хуже, в пасть жуткого чудовища… Мэтр Пугтакль сиял, как волшебный кристалл, улыбался, говорил комплименты всем ближайшим женщинам — причем, что удивительно, мужья красавиц не ревновали, а наоборот, повторяли вслед за эльфом похвалы в адрес своих жен, возносили до небес их доброту и кроткий нрав, и вообще…

Как бы уговорить его спеть? — вдруг подумалось Далхаддину. Да, учитель неоднократно говорил, что эльфийская так называемая «музыка» лишь немногим благозвучнее песен, которые весной распевают бродячие коты, совокупляясь в подворотнях, но… но ведь интересно же!

Ночной ветерок разогнал тучки, и к жарким чадящим лампам, освещавшим дворец, добавился загадочный свет звезд и тонкого лунного серпа. Праздник продолжался — специально приглашенные танцовщицы мельканием прозрачных одежд усладили взгляды гостей, музыканты изо всех сил старались,

щипая струны гуциней и аль-уддов (37) и выдувая из тростниковых свирелей пронзительные трели; слуги сбились с ног, подавая пятнадцатую перемену блюд, гости уже не слишком различали, кому делают комплименты — соотечественнику, варвару-иноземцу, собственной жене или даже чужому мужу… Хозяин дома спал, проиграв Сражение с Тюрбаном — прямо здесь, во главе стола, уютно устроился на подушках, прикрывшись размотавшимся шелком головного убора и видя дивный сон о том, как бегает босиком по пыльным улочкам Ильсияра и гоняет ворон с мраморной крыши Слез Неба…

Над головой спящего мальчика мэтр Мориарти и Кадик ибн-Самум обменивались впечатлениями друг о друге. Услышав, что он "суповой набор для проголодавшегося дракона", Мориарти выразил сожаление о том, что для полноценного образования Кадику пришлось долго экспериментировать с различными плесневыми культурами, добавив их к своей истинной сущности, сроднившись с ними и кое в чем превзойдя их отвратительные гнилостные качества. В ответ эльджаладец поинтересовался, как здоровье уважаемых родителей ллойярдца, выразив надежду, что их прелые кости не очень ломит от вечной северной сырости; на что Мориарти ответил, что лучше сырость, чем труха, и, должно быть, из многоуважаемого Кадика насыпался уж не один бархан…

Молнии пока не сверкали, но напряжение чувствовалось; опоздавшая мэтресса Вайли, одетая в немного странный белый балахон, села рядом с коллегой и использовала сгустившуюся атмосферу для того, чтоб подзарядить свой посох с скорпиончиком. Оскорбления, которыми обменивались Кадик и Мориарти, были все более тонкими, пространными и замысловатыми; ни о каком переходе на личности и речи быть не могло: имел место шквал личностно-ориентированных обид, широким фронтом задевающих и род оппонента на четырнадцать поколений в обе стороны, и страну ненавистного колдуна и вообще видовую принадлежность. И, пока Вайли за обе щеки дегустировала сто одиннадцать сортов сладостей, поданных радушными хозяйками, ее посох трещал от избытка поглощенной отрицательной энергии, а скорпион на его набалдашнике выделывал энергичные антраша.

Кто первым стал предлагать мэтру Пугтаклю порадовать гостей своими волшебными талантами, Далхаддин не заметил. Просто в какой-то миг оказалось, что все присутствующие в зале повернулись к эльфу и на двести голосов умоляют его спеть им что-нибудь этакое, эльфийское народное. Пугтакль ради приличия поломался; потом — опять же исключительно ради приличия, согласился.

Секунда — и вот по щелчку эльфа стена исчезает, открывая сад, опутанный ночной синевой ("Не волнуйтесь, потом поправлю", — успокаивает Пугтакль хозяек дворца), фонтаны звучат чуть тише и намного гармоничнее, масляные светильники перестают чадить, а их пламя приобретает чуть заметные ароматы драгоценных пород дерева. Иберриец усаживается посреди импровизированного балкона, достает из воздуха лютню и тщательно разминает пальцы перед выступлением, одновременно шепотом согласовывая с уважаемыми господами и прекрасными дамами репертуар. Далхаддин, да и прочие гости, сидящие ниже солонки, возбужденно перешептываются: слышали, небось, что эльф считает своим долгом посещать все конкурсы менестрелей в Иберре? Неужели не слышали? Да будут мне свидетелями Духи Пустыни — Пугтакль, пусть живет он в цвете, считает своим долгом превращать всех танцоров, музыкантов и рифмоплетов, чье искусство по каким-либо причинам не удовлетворяет его взыскательному вкусу, в деревья. Ей-ей, не вру — под стенами Аль-Миридо есть такой садик, называется, "Песнь талантов", говорят, там круглый год несут дозор восторженные поклонницы, не дозволяющие ощипывать цветочки и веточки с головы… тьфу, то есть кроны, своего кумира!..

Ну, сейчас послушаем, послушаем, на что горазд сам эльф! А то, видите ли, придумал себе право "зачарованной ветки", превращает честных людёв в потенциальные опилкосодержащие объекты! Послушаем, что сам он умеет!..

— Лео, я тут разбросил *поисковики* в разные стороны, — зашептал под ухом мэтра Лео фантом Лотринаэна. — Кажется, мне удалось обнаружить Далию и гномку. Они в Великой Пустыне, юго-восточнее вершины Абу-Кват…

— Ш-ш, тише, — попросил мэтр Лео. Сидящий рядом Клеорн дернулся, хотел спросить, давно ли мэтр беседует с невидимками, но тут эльф провел по струнам своего инструмента. — Потом скажешь. Твой отец сейчас будет петь, — шепотом объяснил Лео. — Я хочу послушать.

— Правда? — изумился Лот. На его памяти Пугтакль пел лишь для души, изредка, когда перебарщивал с медитацией и разговорами с растениями. На публике в последний раз министр Чудес Иберры выступал… ах, как бы не в прошлом веке! — Тогда и я послушаю! Интересно, на какие музыки старик способен!

— Какой же он старик? — ответил Лео, заворожено смотря на волшебное существо, с рассеянной улыбкой перебирающее струны лютни.

— Ему девятьсот четырнадцать, — ворчливо напомнил Лео. — Посмотри на Кадика — он на двести лет моложе, а того и

гляди, поминки по нему справлять будем…

— Да тише ты! Когда я еще увижу поющего эльфа! — рассердился Лео.

Лотринаэн хотел бы съязвить, что приезжай в Лаэс- Гэор, авось повезет, но не стал. Ему тоже было любопытно, как отреагируют гости сиятельного судьи на творчество мэтра Пугтакля.

"Ничего вы не понимаете," — мог бы сказать мэтр Лотринаэн. Как же — ведь он был мудр, образован и прожил почти полтора века, постигая сложнейшие отрасли Магического Искусства. "То, что вы считаете поэзией — всего лишь свойство эльфийского языка, в котором смысл произнесенного слова может меняться в зависимости от интонации и комбинации соседних звуков. Для вас любой эльфийский напев — эталон ритма и гармонии, а эльфы просто не могут иначе. Они слышат, действительно слышат Музыку Сфер, воплощенную в живительных токах Природы. На пару Музыка Сфер и Природа подчиняют себе любые проявления их жизненной активности, от чередования сна и бодрствования до приступов депрессии или вдохновения… То, что вы считаете искусством, всего лишь неизбежность, свойственная биологическому виду, патология, подобная человеческому старению или тролльей агрессивности. Почему вас не привлекают морщины и седина, превращающая человека в сгорбленного, немощного старца? Почему вы шарахаетесь от озлобленной морды какого-нибудь чернопятого(38), неспособного сдержать порыв разорвать кого-нибудь на куски, и почему вы восхищаетесь самым обыкновенным эльфом, вдруг решившим вынести на всеобщее обозрение итоги своего взаимодействия Природой?" — мог бы сказать Лотринаэн. Но не успел — мэтр Пугтакль наконец-то согласовал репертуар с лучащейся восхищением Тэффифи, уселся на высоком табурете (тут же, походя, сотворенном из побега карза-нейсс), и взял первый аккорд.

Серебристая лютня запела. В ровной, спокойной мелодии журчала хрустальная нота пробегающего по прохладному утреннему лесу ручейка, рассыпалась радугой, омывала темные камни речного ложа и спешила дальше… Лютня звенела песенкой стрекоз, колдовала запахами согретого солнцем заливного луга, а голос — мягкий, бархатистый голос волшебного существа, лишенного возраста и мелочных забот, пел о легком облаке, белым мостом соединяющем два влюбленных сердца.

Секунда тишины — Пугтакль меняет руку, перекидывая гриф лютни в правую, и среди пышного дворца звучит другая мелодия. Очень тихая, едва различимая, похожая на шепот засыпающего

леса. Фразы на эльфийском свиваются в сложные узоры — пять рифм, повторяющиеся в пяти строфах, меняют ритмический рисунок на каждом пятом куплете, и, если вслушаться, то можно представить, как расцветает, постепенно открывая лепестки, сказочная роза, сотворенная всего лишь из звуков и ритма… Наверное, все дело в волшебном инструменте, — из последних сил сопротивляясь очарованию совершенства, ворчит Лотринаэн. Он знал абсолютно точно, что лютня у отца не сделана, не склеена из плоти растений, а выращена. Для этого потребовалось всего лишь полтора столетия и три сотни сложнейших магических арканов, и вот итог — каждый, даже самый тихий звук чудесной лютни слышен на много лиг вокруг, она чувствует настроение своего хозяина, и превращает в музыку даже не мысли — а всего лишь тени их.

Голос у Пугтакля тоже необычен. Необычайно хорош или просто необычен, потому как не может принадлежать человеку, это другой вопрос. Исполняя третью песню, эльф встал, оставив инструмент подыгрывать ему самостоятельно, и точно выверенными движениями рук объясняет, о чем идет речь в эльфийской балладе. Впрочем, можно догадаться — низкие звуки — это шторм, величие бури, обрушившейся на морское побережье, хриплый вскрик-стон — мольба о помощи погибающего морехода, а тонкие, призывные звуки — плач сирен, увлекающих на дно отчаянного храбреца… И не важно, что в лучшем случае один из двух дюжин слушающих знает эльфийское наречие, и даже те, кто знают, вряд ли смогут оценить все тонкости и нюансы создающих печаль фраз… Даже у Лотринаэна, слушающего песню с помощью фантома, выступили на глазах слезы, что уж говорить о мужчинах и женщинах, плотным кольцом обступивших поющего эльфа?

Он идеален. Можете плюнуть, можете удавиться от зависти, прошептать скабрезность о том, что подобная красота — на любителя, но эльф настолько гармоничен и совершенен, что нельзя изменить даже на четверть тона золотистый цвет его кожи, добавить хотя бы одну лишнюю косичку в серебристую гриву, укрывающую его плечи. Нельзя представить, что песня — какая по счету? Пятая или шестая? А-а, какие глупости, пусть поет, ведь хорошо получается! — может исполняться как-то иначе. Что иначе может звучать вернувшаяся к ловким умелым пальцам лютня, что голос может быть другим, что иначе может скользить по точеному профилю звездный свет…

Ах, сколько песен знает этот эльф! Как он двигается, как поёт… о чем? Кажется, о любви и ненависти. Между ними — всего лишь пропасть, всего лишь один шаг, но обе они — лишь

часть вечной Природы, взирающей с мудрой улыбкой на страсти, подвиги и предназначения…

Лотринаэн сидел — в пустой, если не считать рассевшихся по углам енотов и белок, комнате старого дома, чудом не поддающегося серым песчаным ветрам Пустыни, и слушал. Он вдруг понял — похоже, для него выдался год Откровений, — что отец вовсе не получает удовольствия от того, что его зазвали развлекать толпу гостей. Пугтаклю глубоко неприятны и чуть отупевшие взгляды подвыпивших гуляк, и шумное чавканье, доносящееся иногда с разных сторон трапезной залы, и их общее настроение "а ну-ка посмотрим, что умеет дрессированный гоблин!" Но почему-то эльф продолжал исполнять одну старинную балладу за другой. Он пел, завораживая своим видом, мастерством, инакостью, пел с той же решимостью, с какой выходят на поле боя отважные воины…

Вот только с чем он сражается, нахмурился, пытаясь найти ответ, Лотринаэн.

Но ответ получился странный и совершенно не связанный с формулировкой вопроса: Пугтакль вел себя именно так, потому что не мог поступить иначе. Возможность быть совершенным налагает обязанности — иногда совершенно невыносимые; обязанности и долг действительно *быть* совершенным, тратить полтораста лет, чтобы обзавестись музыкальным инструментом и еще Природа лишь знает сколько веков, чтобы выбрать правильные слова, интонацию их произнесения, гармонию внешнего вида и декоративного обрамления… Вот только о чем шепчет эльфийская магия красоты?

И ради чего? Ведь рано или поздно эльф отложит волшебную лютню, поблагодарит публику коротким кивком и исчезнет… Растворится, как серебряный звук, как луч утреннего солнца, как капля воды, высыхающая на раскаленном камне…

Почему обязательно быть "ради чего-то", «кого-то», или "во имя"? спрашивала музыка, сотворенная колебаниями серебряных струн, резонансом идеального деревянного корпуса и девяти веков мастерства. Разве недостаточно просто «быть»?

Полночь, Великая Пустыня, в четырех переходах на юго-восток от вершины Абу-Кват

— Аааа… — донесся стремительно удаляющийся возглас.

Далия бросилась к отверстию, вдруг образовавшемуся в углу казавшейся такой безопасной пещерки, рухнула на живот и закричала:

— Напа! Напа!

— Ты жива?! — Фриолар упал рядом, пытаясь разглядеть что-

либо в кромешной тьме.

— Ага, — ответила скрывшаяся в подземелье гномка. Алхимики напрягли слух и воображение, пытаясь угадать, звучит ли это «ага» как "Да! Я жива, еще пока жива! Немедленно спасайте меня отсюда!" или как "Ага, но всё изменится в ближайшие пять минут…"

— Мы тебя вытащим! — храбро пообещала Далия.

— Можете не торопиться, — донеслось из-под песка. — Тут старый ход, может быть, даже остатки шахты. Я пока проверю породы на предмет серебряной руды…

Мелькнуло едва различимое светлое пятнышко — судя по всему, Напа воспользовалась одним из волшебных кристаллов, выданных мэтром Вигом для освещения темных помещений. Далия поднялась, отряхнула одежду, ворча что-то о клятых железноголовых коротышках.

— Э-эй! — закричала Напа. — Скиньте мне кирку! И какой-нибудь мешок для образцов! Я проверю, куда идет здешнее подземелье — оно, оказывается, здесь такое глобальное…

Мэтресса проигнорировала просьбу и накинулась на Фриолара, разбиравшемуся с навьюченным на лошадей снаряжением:

— Чего ты медлишь? Немедленно вытаскивай ее! У тебя есть веревка?

— Есть. Спроси Напу, с какой высоты она упала.

— Сейчас, сейчас… — алхимичка поспешила вернуться к провалу, поглотившему гномку. Наступила на что-то и вдруг издала запредельной громкости визг.

— Далия. — сурово посмотрел на нее Фриолар. — Ты б еще громче завизжала — а то, может быть, не все окрестные сфинксы тебя услышали.

— Фри-Фри! Фри-Фри! — заверещала Далия, высоко подпрыгивая и показывая на что-то темное, корявое, медленно заползающее в узкий пещерный лаз.

Мэтр Фриолар флегматично и спокойно подошел к подскакивающей и верещащей коллеге, снял у нее с шеи один из амулетов — такой же, каким воспользовалась Напа, — активизировал его и в неверном мерцающем свете попытался различить, какой же предмет вызвал столь острый приступ паники.

Всего лишь лапа. Большая, когтистая, покрытая серо-рыжей плотной шерстью. Царапающая налетевший в пещеру песок острыми когтями.

— Фри-Фри, это сфинкс! — завопила Далия.

— Не факт, — попробовал сопротивляться Фриолар. — Это

может быть пустынный лев. Или ты точно видела крылья?

Зверь понял, что лапами до соблазнительно шумящей и вкусно пахнущей добычи не добраться и попробовал пролезть головой.

— Сфинкс. У львов морды другие, — уверенно классифицировал объект фауны Фриолар.

— Чего ты стоишь?! Убей его!

Вернулась лапа. С подружкой. Причем, что удивительно, обе были правые.

— Думаешь, поможет?

За спиной у Фриолара висел меч, самый обыкновенный, прямой, с рукоятью, обтянутой кожей, и сейчас алхимик раздумывал, а не пустить ли его в ход. К тому же, есть еще и амулеты, и Далия… *ужасно вкусная*…

Кошко-лошади, недовольные соседством с хищниками, беспокойно заметались по узкой тесной пещерке, заставляя людей вжиматься в неровные каменные стены.

— У нас два выхода, — перечисляла Далия. — Или мы возвращаемся назад, под карнизом, под которым только что прошли — теряем Напу, но спасаем себя и лошадей, или нас сейчас съедят мерзкие крылатые кошки, но тогда мы все равно не успеваем спасти Напу из дыры, в которую она угодила… Чего ты молчишь?

— Я хочу тебя скушать, — грустно ответил Фриолар. На лице у Далии отразилась звучная гамма чувств:

— Говори что-нибудь! Давай я буду кричать еще громче! Сопротивляйся сфинксам, сопротивляйся! Фри-Фри, что ты делаешь?

— Иду беседовать с Напой. Напа!

— Правильно! Говори с гномкой, вдруг она заразит тебя своей железноголовой упертостью! — поддержала Далия. И начала оглядываться, чем же поразить нахальных зверей, шустро раскапывающих вход. Арбалет! Конечно же!

Алхимичка схватила оружие, наставила его на ближайшую лапу и нажала спусковой крючок.

Ага, кажется, арбалет полагается заряжать — иначе тетива всего лишь щелкает. Так, чем его зарядить… *таким соблазнительно живым, мяконьким, полным сладкой крови*…

— Ааа-а! — закричала алхимичка. — На меня их магия действует! Я сейчас превращусь в коровожадного монстра!.. Надеюсь, здесь есть хоть одна корова? ммрря… мяулоучкоу… хоучу… ммуррмя…

Лошади уже не беспокоились — они рвались в разные стороны, увеличивая суету и распространяя вокруг волны паники.

На фоне зашкаливающих эмоций Фриолар выглядел столпом спокойствия и прямо-таки оплотом рациональности: он снял с лошадей седельные сумы, запихнул их в раскопанный Напой ход, потом схватил в охапку Далию, вооруженную арбалетом и всполошенным визгом, и отправил туда же. Горько вздохнул, не видя возможности спасти кошко-лошадок от неминуемой гибели. Одно из двух — или засевшие у входа в пещеру сфинксы раскопают достаточной ширины лаз и сожрут несчастных созданий, или выветрится магия, удерживающая их в подобном (то есть с лошадиными спинами, кошачьими ногами и чрезмерной покладистостью) состоянии.

После чего, Фриолар решил, что выждал достаточно долго, чтобы рухнувшая в тоннель Далия была обнаружена Напой и оттащена в сторону, заложил кнут за пояс и отправился следом за своими спутницами. Как и подобает уважающему себя алхимику — почти беззвучно.

Напа встретила приземление Фри-Фри неласково.

— Я ж просила сбросить мне кирку. А не всё и Далию в придачу.

— На нас напали сфинксы, Напа, — объяснил Фриолар. Тоннель, оказывается, делал внизу небольшой поворот, так что молодого человека вынесло в какой-то каменный рукав и слегка приложило к стенке. И Далии, которую, в свою очередь, приложило к груде сумок. — Надо было спешно отступать.

— Гномы никогда не отступают! — возразила отважная воительница. — Правда, иногда мы атакуем по извилистой траектории… Хватит лежать, Далия! Пошли, я покажу тебе местные достопримечательности! Никогда бы не подумала, что у человеков достанет ума стоить подземелья, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы безопасности, но в который раз вынуждена признать: то, на что у гномов не хватает воображения вы-таки делаете… И как здешние шахты не рухнули еще тысячу лет назад? — участливо покачала головой Напа. Выбрала из груды припасов кирку, закинула ее за плечо и ускакала дальше по узкому каменному тоннелю.

— Может быть, сказать ей, что здешние катакомбы и есть Золотой Город? Пусть накопается! А потом выроет лесенку на поверхность, и мы с сознанием выполненного долга перед Алхимией и Истиной отправимся домой. А, Далия, как считаешь?

Мэтресса с легким постаныванием поднялась, выпрямилась, едва не протаранив макушкой низкий свод, и поплелась за гномкой:

— Не надейся, Фри-Фри! Мы пошли искать сокровище

Тиглатпалассара, и мы найдем его, во что бы то ни стало. Неужели тебе самому не интересно посмотреть на древний клад?

— Мне гораздо интереснее посмотреть, как мы отсюда выберемся, — вздохнул молодой человек. Наскоро рассортировал сумки, на ощупь определив, где съестные припасы, а где — взятые в дорогу вещи; накинул на плечо свернутую веревку, вручил Далии арбалет и лопату и пошел следом за мелькающим вдали осветительным кристалликом Напы.

19-й день месяца Барса. Под Великой Пустыней

Дорогая Фиона!

Давно не чувствовала себя такой бодрой и полной сил. Начиная с полуночи идем под остатками плато Кватай, причем Далия и Фри-Фри не верят, что мы передвигаемся строго на северо-запад. Фриолар сомневается в моих способностях ориентироваться под землей молча, а Далия, как всегда, меня поучает, строит гипотезы до полусотни штук в час, время от времени их доказывает, гораздо чаще опровергает — одним словом, ни о какой экономии воздуха и речи быть не может.

Пока утром они отдыхали, я успела расчистить полузасыпанные боковые коридоры, действительно отыскать спуск в бывший серебряный рудник, совершенно выработанный, и обнаружить старые жилые шахты. Если мои оценки верны — а не быть верными им нет резона, — когда-то здесь располагалась гномья строительная артель. Было очень трогательно отыскать остатки гончарных кругов, сломанные формы для кирпичей, рваные сапоги, черепки битой посуды и прочий мусор. Судя по всему, гномы здесь жили недолго, а работали не очень качественно. Гогенбруттты, как пить дать.

Потом я нашла второй подземный коридор, проходящий чуть выше нашего прежнего пути и более точно ориентированного на северо-запад. Пришлось немного помахать киркой (жаль, что кайло потерялось где-то по дороге), ибо древние обитатели не удосужились связать все подземные ходы в единое целое, но я даже обрадовалась возможности размяться. Теперь мы идем там, где когда-то ходили древние гиджапентийцы. Вон их скелеты под стеночками валяются…

Ну вот. Стоило обнаружиться свидетельствам того, что эта местность была обитаема и густо населена, и что древние жители Забытой Империи Гиджа-Пент действительно хоронили своих покойников в каменных пещерах, как у Далии случился острый приступ охренологофобии. Пытаемся спасти пещеру от истерики и Далию от разрушения. То есть, конечно же, наоборот… Истерику от разрушения и пещеру от Далии…

Надо было сразу идти под Пустыней и не тратить силы, жарясь под лучами полуденного южного солнца. Как вспомню всех тех ящериц, которые провожали нас немигающими взглядами!.. брр… Здесь, под землей, очень уютно. Темный гранит, иногда — с очень крупными кристаллами кварца, прохладно, небольшие пятна светящихся лишайников, иногда — что-то затянутое паутиной, иногда — что-то темное, но блестящее и шипящее, скользящее по полу…

Посмотрела. Представляешь, твой сын и моя алхимическая злыдня не позволили мне поохотится на настоящую трехголовую змею! Она, в смысле, не Далия, а змея, меня чуть не съела — хорошо, Фри-Фри вовремя перерубил ей хвост, а я потом еще на нее и не охоться! А шкуру мне в «Розочку» кто подарит?! Я бы сделала из нее чучело и пугала злостных кредиторов…

Вот и верь после этого людям… Объявляю им бойкот.

Кажется, сейчас должно быть около полудня.

Мы прекрасно проводим время. Преодолели опасный участок, очень удачно — обвал начался сразу после того, как Фри-Фри и я вытащили Далию из узкого лаза. Видели бы сейчас нашу хитроумную мэтрессу студенты! Лицо пыльное, волосы пыльные, на зубах поскрипывает, опять же, пыль…

Потом стало еще интереснее. Мы вышли к вертикальной шахте, которая выводила на поверхность, и долго решали, подниматься или переправиться на другую сторону и продолжить путь под землей. Выиграла я. Воспользовавшись старым маменькиным способом метнула монетку в шахту и предложила угадать, куда все пойдут, если не будут меня слушаться.

Переправу организовали легко, израсходовав очередной карзанейсс. Судя по тому, с какой скоростью рос побег, ему тень, прохлада и местная сырость понравились гораздо больше, чем пустынные пески. Я скромно указала своим алхимикам — вот, говорю, смотрите, растение куда глупее вас, а соображает! — и они зашвырнули меня на противоположную стену шахты весьма энергично.

Пообедали лепешками и сыром. Прошли около трех лиг, петляя узкими коридорами, пока Далия вдруг не завопила — на этот раз не из-за встречи с крысами, пауками или прочими забавными местными обитателями, а от восторга. Оказывается, она обнаружила настенную роспись!

На самом деле — весьма примитивную, человеческую, старую и вовсе даже не на стенах, а под ногами. Фреска рухнула вместе с

штукатурной, на которой держалась, а оставшиеся ее фрагменты покрылись трещинами, так что сюжет угадывался весьма приблизительно. Какой сюжет? Обычный, человеческий: связанные пленники, пойманные чудовища, какие-то совершенно не сбалансированные колесницы с разноразмерными колесами и впряженными в них гипертрофированными лошадьми (куда там Вигу с его экспериментами!)… И все толпой поклоняются какому-то типу, напялившему на голову солнечный диск. Мне понравилось, что диск изображен настоящим золотом, правда, очень высоко — я, как ни прыгала, не достала. Потом Фри-Фри отчитал меня за попытку лишить эль-джаладцев их культурного наследия, и я устыдилась. Решила повременить с расхищением гробниц, но зато использовать старинные гиджа-пентийские приемы в рисовании, если, конечно, когда-нибудь вернусь к карьере художника. Думается мне, что изображать человеческие фигуры в профиль, со скрещенными на груди руками, обязательно двуглазыми и с большими черными париками, будет не так уж сложно. Еще мне понравились, что все чудовища изображены поднявшими вверх как минимум три лапы — Фри-Фри объяснил мне, что с физикой у жителей Империи Гиджа-Пент были большие проблемы…

Знаешь, твой малыш Фри-Фри очень упрямый и настырный. Я в которых раз объясняю ему преимущества, которые дает нам путешествие под землей, а он все рвется наверх, под палящие лучи солнца! Представляешь, он не верит, что мы перемещаемся в верном направлении! И как его убедить, ведь секиру бабушкину я так и не нашла! Хорошо еще, что Далия не вмешивается в наш спор, идет чуть в сторонке и что-то бубнит себе под нос. Наверное, вспоминает заметки мэтра Симона…

На самом деле мэтресса Далия вовсе не нуждалась в многократном повторении информации, которая из-за многочисленных переживаний, обнаруженных трупов и попытки какого-то случайного пелаверинца убить ее самое(39), врезались ей в память как печать в мягкий воск. Просто путешествие, а именно — длительная верховая прогулка, контакт близкого рода с самыми разными пустынными обитателями, а также жара, песчаные бури, а теперь еще и затхлый воздух подземелья, темнота, нарушаемая лишь светящимися магическими кристаллами, — все эти радости, предваряющие восторг будущего открытия, приводили мэтрессу в состояние когнитивного диссонанса.

Далия считала себя человеком разумным. Собственно, не только считала — тому было множество доказательств, начиная с официально зарегистрированной научной степени бакалавра, а

затем магистра Алхимической Науки, черной мантии, оставленной для пущей сохранности в доме мэтра Вига, чернил, въевшихся в подушечку среднего и указательного пальцев правой руки, знакомств в Университетском Квартале, Библиотеке, и прочая. Да и область алхимии, которую Далия выбрала — теоретическая и практическая сапиенсология, то есть наука о разуме во всем многообразии его проявлений, в основном, сводилась к изучению описаний указанного феномена на страницах летописных хроник, научных и житейских заметок, или, в самом крайнем случае, простое визуальное наблюдение за носителями разумности. Или носителями не-разумности. Как повезет.

Но кто сказал, что изучение разума гномов заведет мэтрессу до подземелий двухтысячелетней давности? Кто бы предупредил, как будет ныть спина, ноги… и прилегающие мышечные группы после двухдневной тряски в седле! А этот песок, пыль, подземный мусор?.. Брр! Как Далия мечтала о горячей ванне, прохладном питье… можно и наоборот, но только при условии, что ей дадут полежать на мягкой перинке и не будут тянуть в сторону демонами зарытой сокровищницы трижды укушенного какими-нибудь вредными скорпионами царя Тиглатпалассара… Вот сволочь, — размышляла Далия, перебираясь через очередной завал. Напа подобные препятствия перемахивала единым прыжком, даже, кажется, вовсе их не замечая, — он, видишь ли, умер, а мы тут ищи его золотой запас… О боги, как же хочется отдохнуть…

Чтоб избежать негативных эмоций, которые вполне могли реализоваться в кровавое убийство переполненной копательным энтузиазмом гномки и правильного, занудного и вежливого молодого коллеги, Далия решила сделать вид, что абсолютно ничего необычного с ней не происходит. Она вышла на прогулку. Точка. Да, прогулка чуть затянулась, рассчитывать на возвращение домой до появления на улицах ночной стражи не приходится, но не всё так плохо. В конце концов, были в научной карьере мэтрессы Далии и выезды на природу… ох, путешествие по Илюмским горам в поисках гоблинов лучше не вспоминать, но вот летнюю зоологическую практику она сумела пережить без человеческих жертв. Так что… Идём. Гуляем. Вон стайка скорпионов бросилась врассыпную при их приближении. Вон каменные глыбы, мимо которых с таким трудом протиснулся Фриолар, решили отдохнуть и с грохотом рухнули друг на друга, подняв пыль… Жаль, что сачок для ловли насекомых забыт где-то по дороге, а то бы Далия и пауков каких-нибудь для беспозвоночной коллекции Университета в Талерине раздобыла.

Вот они, сидят на стене, мохнатенькие такие… фу, гадость…

Поврежденная фреска с изображением длинной вереницы пленников, склонившихся перед царем, действительно напомнила Далии об одном фрагменте из дневника мэтра Симона. Как там дословно?

…Не в силах преодолеть пропасть, пересекающую Новое русло Дхайят, я начал искать обходной путь, для чего повернул на восток, в надежде, что где-то найдется переход, или стенки пропасти окажутся достаточно близко друг к другу, чтобы я мог рискнуть перелезть на противоположную сторону. Песок внезапно ушел у меня из-под ног, и я почувствовал себя щепкой, подхваченной бурным течением. Меня буквально затянуло вниз, и мысленно я успел попрощаться с мечтами о славе и со своей любимой кафедрой истории. Однако спустя некоторое, достаточно быстро промелькнувшее время течение "песчаной реки" замедлилось. Зацепившись за твердый выпирающий камень, я подтянулся и попытался осмотреться — и тут мне повезло. Я увидел расщелину, весьма похожую на множество других оставшихся после Падения Гор трещин и зарубок на местных скалах. Я вполне мог бы пройти мимо нее, если бы не явно рукотворный вид верхнего карниза. Сомневаясь в том, что найду что-то важное, но всей душой уповая на успех, я подполз ближе, и действительно, какая удача! Я обнаружил верхние блоки, придерживающие крышу какого-то строения.

Я бросился копать, как будто от скорости раскопок зависела моя жизнь. На самом деле — не жизнь, я ведь уже неоднократно упоминал о том, что научился потреблять необходимый для нормальной физиологической активности белок без тоски по кулинарным изыскам, — не жизнь моя зависела от того, найду ли я какое-нибудь подтверждение жизни самого замечательного правителя Забытой Империи Гиджа-Пент в Великой Пустыне, а всего лишь мой рассудок. Однако — рассудок все-таки мой. Я к нему привык, так что не буду скрывать — я весьма надеялся, что мои неуклюжие, хаотичные и безрассудные попытки разгрести песчаные горы увенчаются успехом.

И мне повезло.

Я обнаружил вход — судя по отсутствию резных украшений, фресок, надписей и прочего, какой-то из боковых, вспомогательных входов, ведущих в подземелья. По моим скромным соображениям, я уже находился в тех местах, где начинались захоронения царей Империи Гиджа; может быть, не самих правителей, но наверняка — их советников, младших жен, именитых вельмож и военачальников. Я обнаружил стелу с надписями, свидетельствующими о благоприятном для царя Икскотиата

исходе войны с племенем джуркан. К своему стыду, я первый раз услышал и об этом царе, и об этом племени — впрочем, судя по длинному списку добычи, которую захватил Икскотиат, от племени джуркан осталось в лучшем случае пара полудохлых коз и какой-нибудь рваный половичок. Жаль, что в подземелье, где, по всей вероятности, хранилось награбленное добро, гиджийцы не удосужились создать фреску или мозаику, на которой бы запечатлели величественную победу царя Икскотиата, носившего хвастливое и весьма самоуверенное прозвание Царя Сфинксов.

— Далия, не отставай! — закричала Напа, шустро пробежав относительно большую каменную залу. Фриолар попробовал обратить внимание обеих дам, что в зале, в отличие от предыдущих пещер, стены гладкие, обтесанные, ровные, но гномка уже скрылась в одном из боковых ответвлений.

Мэтресса чуть убыстрила шаг (прогулка должна совершаться в темпе озорной песенки, трам-пам-пам, трам-пам-пам, мы весело гуляем и радуемся жизни), поспешив следом. И, разумеется, на четвертом шагу споткнулась и рухнула на большой плоский камень, перегородивший данную конкретную залу.

— Осторожнее! — запоздало предупредил Фриолар. Бросился поднимать Далию — она шипела, как рассерженная цинская змея и почему-то вспоминала о сродстве камней с головами некоторых особо одаренных представителей гномьих сообществ. — Не ушиблась?

Постанывая и изображая мученицу Далия осмотрела коленку — кажется, ткань узких штанишек, прилагавшихся к эльджаладской рубашке и накидке, выдержала. Отлично, ловим улетевшую туфлю, подбираем выпавший из рук инструментарий и идем дальше. Эй, Фри-Фри, идем, а то Напа опять куда-нибудь ускачет!

— Ты только посмотри на это чудо… — потрясенно откликнулся Фриолар. Он рухнул на колени почти на то самое место, с которого только что поднялась Далия. — Ты только посмотри!

Он сорвал с груди светящийся кристалл, положил его на каменную поверхность. Далия удивленно приподняла брови: ничего удивительного, что камень показался ей неровным. Он же весь, во всю длину, покрыт странными резными фигурками.

— Ты знаешь, что это? — в голосе Фриолара звучало благоговение и восторг. — Это письменность Империи Гиджа-Пент! Посмотри на этот иероглиф — голова сокола, он обозначает сражение, победу, военачальника или вооруженный конфликт, в зависимости от контекста; а вот этот значок обозначает весну, перемены, начало чего-то… Как бы узнать, кому

посвящена эта стела… наверняка, какой-нибудь правитель, чьи подвиги несколько столетий вдохновляли потомков!

— Могу предположить с большой долей вероятности, что памятник был воздвигнут в честь царя, прославившегося тем, что обобрал каких-то незадачливых соседей до последней козы, — важно произнесла Далия.

— Ты научилась читать гиджа-пентийские иероглифы? — поразился Фри-Фри.

— Нет, я просто знаю людей — они не очень-то изменились за последние две тысячи лет, — философски покачала головой Далия.

— Эй! Эй, где вы, почему меня не догоняете?! — гномка, раздраженная тем, что люди не явились по первому ее зову, прибежала обратно. — Где вы застряли?

— Мы нашли величайшее сокровище гиджа-пентийской письменности! — торжественно похвастался Фриолар.

— А если конкретно — Царя Скифов и перечень выкупа, который он получил, — уточнила Далия. — Так что мы, хоть и путешествуем под землей, все-таки точно следуем указаниям Симона Пункера. Мне только не дают покоя Серебряные Пески… Может быть, где-то рядом должен находиться еще один серебряный рудник? Только, в отличие от предыдущих, действующий?

— Нет, — замогильным голосом возразила Напа. — Никакого серебра не будет.

— Тогда, может быть, останемся здесь, попробуем расшифровать содержание надписи? — с тайной надеждой спросил Фриолар. Далия же потребовала объяснить, чем вызваны убежденность, а главное — печаль, с которой гномка говорит об отсутствии серебряных песков.

— Пойдемте, покажу, — позвала их Напа.

Протиснувшись за энергичной Кордсдейл по узкому ходу с низким потолком, алхимики оказались в большой пещере. В отличие от множества других подземных пустот, по которым путешественники прогулялись начиная с полуночи, у этого помещения имелся выход наружу — наверху, на высоте двух тролльих шагов, виднелось небольшое отверстие, через которое проглядывал кусочек светлого неба.

— Вот, — мрачно показала Напа.

— Что — "вот"? — не поняла Далия. — Я вижу большое пустое помещение… Пустое — если не считать разбросанных по полу костей, песка, камней, какой-то лампы… ой, испачкалась… Вполне сохранная лампа, даже масло за две тысячи лет до конца не высохло. Фри-Фри, проверь скелет — он того животного,

которому мы доверяем, или того, которого я боюсь?

— Варан, — объяснил Фриолар, рассматривая белые останки, неопрятной кучей разбросанные по полу. Он подумал, стоит ли сообщать коллеге, что вот эта парочка черепов явно принадлежат разумным существам, если, конечно, троллей можно так классифицировать… М-да, не будем пугать Далию лишней информацией.

Мэтресса же наслаждалась найденной древней лампой:

— Прекрасно сохранившийся экземпляр! Надо будет подарить его Университету!

— Уж лучше отдать в Министерство Спокойствия, — буркнула Напа.

— Зачем? Разве они смогут расшифровать надпись, которая… вот здесь, на донышке лампы, только очень затерта… Фри-Фри, ты сможешь ее прочитать?

— Да что там читать, — заворчала гномка. Взяла медную масляную лампу, попробовала ее на зуб и ответила: — Изделие Донвито, из клана Анкенштрек, сделано в год Врожденной Неясыти. У него еще мастерская на улице Тонкого Колоса, в северной части Бёфери.

— Ты всё это определила, попробовав на вкус медную лампу? — поразилась Далия талантам своей подруги.

— Нет, мне маменька рассказывала, что сто с небольшим лет назад Анкенштреки связались с пелаверинскими фрателлами и где-то на юго-востоке раздобыли древний клад из четверти тонны старинного серебра. А что Донвито до сих пор делает лампы подобной формы, я и сама знаю… Ах, — грустно всхлипнула Напа. — Похоже, нас опередили! Вся конспирация была зря! Все труды и старания! Все сокровища давным-давно найдены — и не нами! Мне не оставили покопа-ааать… — и в голосе отважной, энергичной, деятельной и жизнерадостной представительницы клана Кордсдейл отчетливо прозвучало жалобное детское хныканье.

— Не волнуйся, — твердым голосом успокоила подругу мэтресса Далия. — Пелаверинцы нашли всего лишь заначку совершенно постороннего Царя Сфинксов. Ничего страшного. Золотой город Тиглатпалассара никто, кроме Симона Пункера, не видел. Зато теперь мы точно знаем, куда нам идти.

— И куда? — спросила Напа.

Далия достала из сумочки свернутую карту и в неверном отблеске кристалла попыталась вычислить путь.

— Смотрите! — воскликнул Фриолар, делая карандашом заметки о пройденных расстояниях. — Если провести пунктир от Стражей — это те троллеподобные морды, которые охраняют вход

в ущелье и поворот вверх, к холмам, — через несколько обнаруженных нами колонн акведука, потом мимо скалы, на которой сидели сфинксы… Таким образом получается, что мы должны идти дальше на северо-запад, — подытожил Фриолар. — Ну что, ищем, где подняться наверх, чтобы правильно сориентироваться по сторонам света?

Вместо ответа Напа Леоне чиркнула ногтем по ближайшей каменной стенке, понюхала пламя крошечной искорки, полученной столь необычным способом, и уверенно указала:

— Туда!

— Откуда ты знаешь? — попытался оспорить решение гномки Фриолар. — Эу, постой, мы же заблудимся!..

Но Напу Леоне, мозолями чувствующую, что до сокровищ Тиглатпалассара остались считанные дни пути, было не остановить.

Дорогая Фиона! Спешу тебе сообщить, что Фри-Фри и Далия — два слабака, и только такая добрая отзывчивая гномка, как я, могла связаться с ними! Какие из них охренологи? Да никакие! Фриолар тормозит всякий раз, стоит нам обнаружить какую-нибудь надпись или рисунок. А ведь большинство этих надписей совершенно не понятны, то ли дело — у нас в Орбурне, где подошел к стене и сразу прочитал: "Здесь был Дюша Кордсдейл, шестого дня месяца Восьминога года Серого Секача, вместе с Генри, бароном". И сразу все понятно, что Дюша — наш родственник, что в год Серого Секача он подрабатывал в Уинс-тауне, ремонтировал рыцарские доспехи, что вместе с каким-то приятелем они праздновали общую победу на турнире! Полгода, если не больше…

Надписи в наших подземельях — это ж живая история, сочная, яркая, пахнущая табаком и иногда — порохом, а здесь… фу… Я, признаться, ожидала скелетов и мумий, на худой конец — каких-нибудь ловушек или големов, приставленных охранять сокровища, а здесь… Ну, цинские трехголовые змеи, да. Ну, видела пару минотаврьих черепов — но отдельно от тел. Где экзотика? Где обещанные приключения? А самое паршивое — Далии подавай отдых каждые четыре часа. У нее, видите ли, устают ноги. И лопату она несет кое-как, с отвратительным непрофессионализмом. Хорошо, что перестала протестовать против арбалета — я приделала веревочные петли, и теперь моя мэтресса наконец-то вооружена. Теперь, когда она отстает, можно не волноваться за ее безопасность.

Фри-Фри, конечно, малость покрепче, но его жуткое занудство — "А давайте остановимся, я попробую перевести здешние надписи" — меня приводят в легкое бешенство.

Ладно, Фиона, я все понимаю. Они ж люди, несовершенная раса…

По поводу пути, проходящего по подземельям плато Кватай, у Фриолара было совершенно другое мнение. Да, воздух мог быть и посвежее, да, хрустящие под каблуками сапог жучки и таракашки нарушали естественный покой столетий… Но сколько потрясающих открытий можно было здесь совершить! Фриолар даже пожалел, что столь мало времени уделял археологии и истории, пока учился в Университете, ведь здесь же хватит материала на десятки диссертаций! Гончарное искусство древности… Резьба по камню, выплавка меди и бронзы, стекло — отнести бы хоть часть предметов в Королевский Музей Талерина! Смотритель повесится от радости! А посмотрите на уцелевшие фрагменты фресок, на саркофаги…

Всё указывало на то, что путешественники приближаются к древнему некрополю.

Первой резную плиту, украшенную изображениями солнцеголовых императоров и перегораживающую вход в боковой коридор, обнаружила Напа. Она радостно завизжала — "Тигли! Тигли! Тиглатпалассарушка ты мой, нашелся, любимый!", молниеносно снесла памятник древней культуры и ворвалась в гробницу. Пока Далия стояла у входа, отчаянно чихая от вылетевшей из залы пыли, Напа успела обследовать ровные ряды саркофагов. Четыре ряда по шесть…э-э… мест. И рядом с каждой крышкой — аккуратное алебастровое изваяние того, кто покоился в могиле.

— Кошки? — не поверил Фрилар своим глазам. — Мы отыскали захоронение древних кошек?

— Не простых, а императорских, — с благоговением отозвалась Напа. Разрешив Далии сделать внеочередной привал, аккуратно законопатила разоренный вход, и даже сделала пояснительную зарубку на ближайшей скале. Дескать, не смущайте покой мышеловов…

Остальные захоронения, которые попадались им по пути, Фриолар вскрывать не разрешил. И правильно сделал: Далия процитировала Напе поговорку о том, что "необходимость — мать изобретательности" и вдохновила юную мэтрессу Кордсдейл изобрести новейший способ археологических изысканий. Кодовое название: «выстукивание». Другими словами — Напа аккуратно стучала в запечатанные входы в усыпальницы, кричала "Хэлло! Есть кто живой? Мне царя Тиглатпалассара, пожалуйста!", а Фриолар тем временем переводил надпись. Путем сопоставления рисунков и содержимого саркофагов он уже выучил обозначения

могилы «кота», «слуги», "хорошего слуги" и "хорошего кота"(40).

И Фриолар, и Напа Леоне вполне могли бы блуждать под плато Кватай вечность или две, не вспоминая ни о родне, ни о работе, ни даже о научной карьере. И лишь благодаря Далии их компания все-таки продвигалась на северо-запад: уже с трудом ориентируясь, день или ночь царят на поверхности, сколько осталось лиг до Абу-Кват, надолго ли хватит съестных припасов и т. п. Железная воля мэтрессы заставляла энтузиастов-археологов вспоминать о том конкретном кладе, который они ищут, о том, что надо поторопиться — ведь гонки существ-претендентов продолжаются, и, может быть, именно сейчас животные и растения стремительно несутся по Новому руслу Дхайят…

— И почему мы так торопимся достичь Абу-Кват и раскопать Золотой Город? — спросил Фриолар у Далии. Кажется, был вечер — во всяком случае, мэтресса назвала поглощаемый сухой паек ужином.

— Очень просто: магические гонки, — ответила с рассеянно-задумчивым видом Далия. Она смотрела на скорпиона, ползущего по каменному своду и думала, не завизжать ли ей? Нет, пожалуй. Она так устала…

— Гонки? — удивился Фриолар. — Ты что, заявила Напу как существо-претендента? Или сама, изощренно жульничая, собираешься сделаться Покровителем следующего года?

— Нет, — покачала головой алхимичка.

— Болеешь за Рыжика? Я, если честно, тоже. Привык к нему, да и, если сравнивать с прочими экспериментами Вига, грифончик у него получился замечательный. Умный, послушный… не то, что Черно-Белый Кот. Как вспомню, как он издевался над Башней, крысами, мной, как царапал книги, как пытался пометить стеллажи с библиотекой мэтра — брр, мне его снова убить хочется…

— *Снова убить* его хочешь? Что, уже один раз того… попробовал? — Далия забыла о необходимости продолжать путешествие, об усталости, о плохом воздухе, о замурованных скелетах, о… — короче, обо всем забыла и сосредоточилась на главном: — Что, ваш Черно-Белый Кот *нежить*? Вдобавок ко всему он еще и *нежить*?!! А я его однажды *погладила*! Он пробирался в *мою комнату* и спал на *моей постели! Нежить*!!!

И алхимичку затрясло так, что стены подземелья отозвались ощутимой дрожью.

— Нет, он вполне живой… Был, пока не сбежал прошлой осенью. Кадавр, конечно, создан, как и кошко-лошади, с помощью заклинаний, но… Погоди. Ты что, общалась с нашим Черно-Белым Котом?

— "Общалась"! — фыркнула Далия. — Ну, можно сказать и так… Разговорчивый, сволочь, куда там нам, лекторам…

— Далия, что ж ты раньше не сказала! Ведь мэтр тебя озолотит, если ты вернешь его Черно-Белого любимца! Где вы оставили ЧБК? Надо срочно его отдать и вернуть мэтру!

— Для этого надо сначала отобрать Котика у Напы. Она твердо решила воспитать из него сторожевую гидру… или какую-нибудь аналогичную охранную скотинку для защиты будущей шахты. Я не рассказывала, как весной наша Кордсдейл подобрала бездомное животное? Разве? — разыграла удивление Далия. Мысленно она отвесила себе подзатыльник: ведь можно было сдержаться! А она проговорилась самым постыдным образом… Ведь хотела же повременить с «обнаружением» ЧБК до тех пор, пока не выяснит, как мэтр научил зверушку разговаривать… А, что толку тебе сожалеть о случайно вырвавшемся признании! — Значит, шли мы с Напой по дороге и… и… Напа?!! — вдруг услышала алхимичка из глубины соседнего подземного хода вопль подруги.

Неустрашимая исследовательница древних культур Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл в этот момент занималась делом, за которое ее мог четвертовать любой богобоязненный историк. Если б, конечно, догнал. А именно — занималась сбором исторических сувениров.

Всем известно, что гномы славятся талантами копания и собирательства. О копательных рефлексах владелицы ресторации "Алая роза" мэтресса Далия была прекрасно осведомлена (Напа вечно что-то такое делала с подвалами), но вот рефлексы собирательные… Далия искренне считала, что всё ограничилось сбором коллекции оружия, которой Напа украсила стены ресторанчика.

Что поделать, сапиенсологам нередко приходится разочаровываться в предмете своего изучения.

Отправившись на экскурсию в Эль-Джалад, Напа твердо намеревалась привезти себе пару-тройку сувениров. Любых. В конце концов, она была дочерью гномки, которая сделала небольшое состояние, обменивая цинских бумажных дракончиков на тростниковые циновки кентавров Фносса, древние мраморные статуи — на современные кружева, войлочные тапочки с надписью "Из Охохо с охотой!" на гобелены из Кавладора и так далее. Нийя Фью была торговцем странностями и редкостями; и ее дочь собиралась добыть в сокровищнице Тиглатпалассара что-нибудь такое, чтоб маменька обзавидовалась.

Сказано — сделано.

Рыская по боковым ответвлениям главного подземелья, Напа присмотрела обломок мраморной статуи, изображавшей змею. Молочно-белый змеиный хвост — почти как настоящий! Правдоподобно чешуйчатый и пропорциональный! — лежал, наполовину скрытый каменной грудой. Напа осмотрелась: так, отлично. Фриолар и Далия ее не видят, помешать нотациями не успеют; всей остальной статуи не видно, должно быть, лежит под завалом, который перегородил вход в соседнее помещение. Ага, — забралась гномка на каменную кучу, — какая-то змеиная голова там виднеется…

После чего поплевала на ручки, размахнулась киркой и с азартом принялась добывать долгожданный сувенир. Но стоило стальному инструменту соприкоснуться с мраморным змеиным хвостом, как образованная завалом груда зашевелилась, приподнимая стоящую на ней гномку. "Эй, хватит баловаться!" — строго погрозила Напа неизвестно кому. Неизвестно кто не понял и поднял искательницу сокровищ еще выше.

— Кому сказала, поставь меня на место! — топнула ножкой гномка. И в следующий момент едва не соскользнула с круглой чешуйчатой поверхности, которая оказалась у нее под ногами.

Первой мыслью Напы было: "Эге, придется звать Фри-Фри! Одна я такой сувенирище не дотащу!" Второй мыслью: "Вот ёльфы зелёные! До чего дошли! Даже в древних сокровищницах своей магии понапихали, статуи зачем-то оживили!.." А третьей мыслью — после того, как Напа обнаружила, что в трех локтях от нее поднялись три огромные плоские змеиные морды, было…

— Аааааа! — закричала гномка, резко срываясь с места.

Матушка Ш-ш, весьма недовольная тем, что кто-то нахальный и громкий прервал ее послеобеденную сиесту, устремилась следом.

Как утверждают исследователи Утраченной Империи Гиджа-Пент, истоки применения разнообразных объектов животного, растительного и магического мира для охраны гробниц высокопоставленных покойников теряются во тьме веков. Есть данные(41) о гробницах, охраняемых василисками (до сих пор не разграблены!), армиями зомби, тенетами ядовитых пауков, не менее ядовитыми карза-нейсс и прочее. Но цинские трехголовые змеи по праву считаются лучшими сторожами.

Во-первых, они могут жить очень долго. К примеру, Матушка Ш-ш, с которой только что познакомилась Напа Леоне, недавно перешагнула через второй десяток веков. Во-вторых, трехголовые змеи неплохо копируют звуки — посвистывают или «перешептываются». Правда, Матушка Ш-ш пошла еще дальше, научившись подражать сухому, кашляющему смеху. А в-третьих,

трехголовые змеи устойчивы к магическому воздействию, простым заклинанием с ними не справиться…

Однако Матушка Ш-ш и тут оказалась змеей нестандартной. Когда-то ей повезло угоститься каким-то гробоискателем со связкой амулетов, и с тех пресмыкающееся научилось использовать три своих мозга с максимальной эффективностью, то есть видеть призраков и сочинять анекдоты. Пока чувство юмора в полном объеме прорезалось только у средней головы, но старушка не отчаивалась и надеялась лет через двести-триста исполнять юмористические куплеты на три голоса.

— Куды шпешишшь… — шипела Матушка Ш-ш, разворачиваясь в сторону улепетывающей добычи. — Подошди…

Из-за размеров Матушки процесс развертывания происходил неспешно; когда же многочисленные кольца длинного, толщиной с корабельную сосну, тела освободились, змея стремительно бросилась в погоню, постоянно наталкиваясь на стены лабиринта — увы, ослепла она еще лет пятьсот назад. О-хо-хо, старые мои чешуйки, вздохнула матушка Ш-ш.

Оповещая о приближающейся опасности, гномка не жалела легких. А так как опасность двигалась быстро, то и сапоги жалеть не имело смысла. И Напа спешила изо всех сил, петляя, уворачиваясь, виляя, перепрыгивая и быстро-быстро топоча по каменному крошеву. Огромная белая змея следовала за гномкой, иногда теряя добычу, но тут же обнаруживая ее — по активно распространяющимся звуковым колебаниям.

Впереди мелькнул свет. Для Напы. Причем в самом печальном из смыслов. Для Матушки Ш-ш гораздо большее значение имел запах — кроме маленького «благоухающего» сталью и порохом тельца воздух сообщал о присутствии еще двух крупных животных, одно из которых имело привычку пользоваться цветочной водой для умывания. Отлично, нет повода трем головам ссорится, кому достанется честь проглотить лакомый кусочек…

— А-ааа! — кричала Напа.

А эти два человечека стоят себе, обсуждают, как всегда, вопросы мировой Алхимии, и не делают попытку как-то справиться с громадной цинской клятой трехголовой гадиной! Она же Напу съест!!! Ааа-аааааа!!!

— У нашей храброй гномки просто талант везде отыскивать мраморные скульптуры, — проворчала Далия — из-за того, что приходилось вглядываться в темноту подземелья, она смогла увидеть лишь белый силуэт, следующий за гномкой по пятам.

— Нет, у нее талант везде находить домашних питомцев, —

сердито нахмурился Фриолар, весьма недовольный тем, что старые друзья не сообщали ему о пушистой кошачьей особи, которую мэтр Виг разыскивал с прошлой осени.

А потом оба алхимика распознали три головы Матушки Ш-ш.

— Бгмпл! — издала сдавленное бульканье Далия.

Фриолар действовал молча.

Амулет с заклинанием "Ледяная горка", как и следует из его названия, покрывает любую поверхность идеально ровным и гладким замороженным «стеклом». К тому времени, как Далия, громко стуча зубами и каблучками, достигла противоположного края пещеры, Матушка Ш-ш уже сумела ощутить на себе все последствия злодейского применения магии: почувствовав под животом холодную скользкую поверхность, она не успела затормозить и полетела, сворачиваясь узлами — до тех пор, пока не врезалась в каменную стену. Первой финишировала правая голова, прикусив свешивающийся между зубами длинный язык; средняя и левая головы врезались в правую.

— Вот окаянство… — вздохнула Матушка Ш-ш, обнаруживая, что ее тело завязалось в дюжину прочных узелков.

— Фри-Фри, — осторожно подала голосок Напа. Фриолар как подхватил ее, так и нес под мышкой, грозно сопя под весом упитанного гномьего тельца. — Фри-Фри, я лопату где-то потеряла… Давай за ней вернемся, а?

Молодой человек не ответил. Он спешил за Далией, которая ставила рекорды ильсияриады, лихо преодолевая препятствия, беззвучно (то есть без своих обычных диких воплей) пронзая паучьи ловушки и без стеснения ступая… Фриолар нахмурился: очередной «камушек» вдруг показался ему подозрительным. И точно, стоило Далии по нему пробежать — из стационарного амулета, спрятанного в полу тоннеля, материализовалось страшное создание, похожее на огромного пса. То, что оно состояло из сгустка эктоплазмы, не уменьшало его опасности, но усиливало распространяемую *огори-иэ* (42) ауру ужаса: гигантский "сторожевой пес" завыл, подняв к потолку брылястую морду, царапнул камни когтистыми лапами и бросился вдогонку за Далией.

Фриолар на секунду притормозил, избегая столкновения с кошмарным существом, но оно, похоже, им не заинтересовалось. Активизировала действие амулета женщина, вот за ней оно и бросилось в погоню…

— Догонит, не догонит? — задумчиво спросила Напа.

Как раз в этот момент Далия рискнула посмотреть, что случилось с ее компаньонами. Обернулась, увидела за спиной

огромную полупрозрачную собачью пасть с клыками в пять дюймов высотой и вдруг развила скорость, доселе недоступную ни одному гномьему механизму.

— Нет, не догонит, — авторитетно высказалась гномка, припомнив, как происходили испытания самоходной вагонетки, изобретенной ее братом Нумуром.

Фриолар поберег дыхание и свернул в тот же тоннель, что и Далия с *огори-иэ*. Погонять чудовище по коридорам — идея неплохая… Но вот как с ним справиться? При условии, что магией его не возьмешь…

Хотя, если Далия продолжит двигаться в таком темпе… они доберутся до Абу-Кват всего за три дня. Интересно, с отстраненным любопытством подумал Фриолар, — если бы алхимичка лично участвовала в состязаниях чудовищ, как бы оценили пелаверинские букмекеры ее шансы стать Покровителем следующего Года?

Тот же день, дом мэтра Вига и прилегающая таверна "Песчаный Кот"

Пробуждение инспектора Клеорна пришлось на тот час, когда люди обычные подумывают, а не прикорнуть ли им часок-другой после забот и хлопот, случившихся за утро. Впрочем, у сыщика было оправдание и объяснение столь несвойственной ему сонливости — парадный ужин у судьи Раджа затянулся до утра. Угощение, вино, прекрасная музыка, задушевные разговоры, которые случились у Клеорна с господином Иолинари, приятное открытие, что есть в глуши эмиратских пустынь умные, образованные люди…

Клеорн сладко потянулся, открыл глаза и увидел странное зрелище. Думая, что зрелище является следствием не до конца развеявшегося сна, Клеорн фыркнул, энергично потер лицо, зевнул, снова посмотрел… Шесть енотов, сочувствующе склонившихся над ним, призрачнее не стали. Более того, один из зверей осторожно схватил Клеорна за нос, а второй положил лапку на лоб. И столько заботы было в выражении их…э-э… морд, что целители из Ордена Праматери Прасковии смело могли зачислять их в свои ряды.

Рядом раздался стон. Отважившись повернуть голову (еноты заботливо ее поддержали), Клеорн обнаружил, что лежит на деревянной лавке в каком-то доме с узкими окнами, защищенными узорчатыми ставнями, высокими потолками, лестницей, уводящей на верхний этаж; а на соседней лавке, укрытый полосатым ковриком, почивает мэтр Лео.

Вокруг него сидели не еноты, а белочки.

Сыщику только и оставалось, что с легким стоном закрыть глаза и вернуться в уютное тягучее полусонное состояние.

— Ну, и долго вы будете изображать умирающих? — с насмешкой спросил чей-то голос.

Мэтр Лео пошевелился и прохрипел:

— Лот, умоляю… Или добей, или наколдуй рассолу…

— Ага, как ходить по гостям, так Лот оставайся, а как спасать от последствий вечеринки, так Лот, дай рассолу!

При приближении мага еноты и белки разбежались по углам; Лотринаэн коротко шепнул исцеляющее заклинание, и по лицам обоих страдальцев стало распространяться выражение похмельной нирваны.

— Между прочим, господин инспектор, утром для вас доставили письмо от господина Иолинари. На словах посыльный передал, что для этого достойнейшего слуги местного Закона вчерашний вечер тоже не прошел даром. И хоть всем в Ильсияре известно, что Иолинари ведет исключительно трезвый образ жизни, на малосольных буренавских огурчиках и пентийских омарах (не которыми триста лет грозится править эмир Джава, а обычных, с клешнями и лимонным соусом), он попался. Недееспособен как минимум двое суток. А еще к вам, господин Клеорн, пришли наши кавладорские жалобщики.

— Что случилось? — отважный сыщик, собрав волю в кулак, попробовал подняться с лавки.

— Они утверждают, что кто-то опоил их живность. То есть существ-претендентов.

Клеорн хмыкнул:

— И как они это выяснили? Эти существа, должно быть, уже пол-Пустыни отмахали!

— Те конкретные особи, которые сейчас мемекают за забором, были дисквалифицированы на старте за особую бодливость. Но вообще-то… — Лотринаэн задумчиво дернул острым ухом, — я посмотрел, их действительно опоили. Состав достаточно известный — смесь сока экалитьи пупырной, отвара маковых стеблей и северной муравки, правда, им больше на Севере пользуются. Вполне законно, между прочим, потому как это зелье в малых дозах отличное снотворное для домашнего скота. Но если использовать его с нарушением пропорций, оно вызывает нарушение ритма дыхания, а затем — к недостаче кислорода, сердечным перебоям, резкому снижению сил…

— Какая глупость! — вздохнул Лео. Он уже сидел на лавке, рассеянно поглаживая запрыгнувших к нему на руки белочек. Молодой волшебник был изрядно помят, потому как в отличие от Клеорна, дисциплинированно сложившего одежду на край лавки,

спал в мантии. — Подпаивать животных, которые даже не участвуют в гонках!

Клеорн намеревался было выбрать паузу в речи господина полуэльфа и строго спросить, каким-таким обстоятельствам он обязан визиту в Эль-Джалад (и это вместо того, чтобы разбираться с Луазским Убийцей или искать мэтрессу Далию), завершил зевок так резко, что даже зубы клацнули.

— А вы уверены, что пострадали лишь дисквалифицированные овцы? — строго спросил он.

— Козы, — поправил Лотринаэн. И нахмурился.

Вечер, плато Кватай

Петляя по коридорам, вырубленным в толще скалы, Далия вбежала в большую пещеру, которую прагматичные древние гиджийцы приспособили под очередную могилу. Правда, не рассчитали дополнительные нагрузки, спровоцированной Падением Гор — зал частично обрушился, и теперь представлял собой весьма неопрятное зрелище.

Далия проскочила по перевернутым, расколотым саркофагам, на ходу срывая очередной амулет. Какой? Виг что-то объяснял… а, неважно! Он не предупреждал, что придется иметь дело с огромной зверюгой, ростом со слона и зубами, как у дракона!.. мамочки! Ой!.. ай! Спаситееее!

Активизированный артефакт, как оказалось, содержал заклинание "Крылья Неба". Две дюжины струек, вращаясь всё быстрее и быстрее, быстро разрослись, оттягивая на себя содержащийся в обрушенной зале воздух, и набросились на выскочившее в пещеру создание. Эктоплазма *огори-иэ*, столкнувшись с магическим торнадо, заискрилась; чувствуя неизвестно откуда взявшееся сопротивление, "сторожевой пёс" вполне натурально зарычал. А в следующую секунду оказался под потолком. Вращаясь все быстрее и быстрее, "Крылья Неба" буквально вжали магическую тварь в острые грани каменного свода. Поранившись, *огори-иэ* начал терять силы. Впрочем, оставшейся в нем магии еще хватало, чтобы разодрать нарушителей на тысячу клочков…

— Осторожно! — завопила Напа. Свыкнувшись с тем, что путешествовать приходится на фриоларовых закорках, она могла глазеть по сторонам, а потому первой заметила опасность, поджидавшую их в полуразрушенном зале.

Фриолар отпрыгнул в сторону, и на то место, где он только что стоял, рухнул разозлившийся, брызжущий злой слюной *огори-иэ*. "Крылья Неба", не сумевшие удержать пойманную добычу, сложились в единый воздушный кулак и попытались ударить

убегающего «пса».

И чуть не пришибли алхимика, если бы не предупреждение гномки.

— Далия! Петляй! Беги! Быстрее беги! — заверещала Напа. Фриолар решительно выдохнул и заспешил следом, чувствуя необходимость спасти товарища по археологическим изысканиям. Только вот как? О боги, и как его угораздило связаться с Далией и ее экспериментами? Ведь он знал, он *знал*, что будет именно так — чудовища, ловушки, дикая ненормированная магия…

Далия влетела в следующий зал. Превратившись в комок нервов, подрагивающих поджилок и быстро улепетывающих ног, с арбалетом, который постукивал ее по спине и чуть ниже, мэтресса заметила, что данное конкретное подземелье чем-то отличается от предыдущих — и только. Дыхание у алхимички давно закончилось, ее движения продолжались исключительно благодаря панике и инстинкту самосохранения, потому, заметив, что какое-то большое существо начало движение ей навстречу, она прикрыла голову руками и опрометью бросилась в сторону. Быстрее, — твердили ей предчувствие и интуиция. Еще быстрее…

Далия была бы рада взмолиться, что не может больше бежать, но даже на краткий стон не было ни времени, ни дыхания… Еще быстрее!.. Да здравствует скорость! И мэтресса, потеряв контакт с Высшим Разумом, неслась дальше.

В какой-то момент она заметила, что воздух стал свежее, потом… потом перед ней мелькнул свет — и только потом она поняла, что это был призрачный свет проявляющихся в сумерках звезд. Потом — это тогда, когда алхимичка вдруг обнаружила пустоту под ногами, потеряла равновесие и рухнула вниз.

Огори-иэ, подгоняемый воздушным врагом, стремительными скачками преследовал нарушительницу его спокойствия. Из царапин, нанесенных скалистыми осколками, сочились капли псевдовещества, заставляя терять энергию и сбавлять темп погони — иначе «пёс» уже давно догнал бы уставшую мэтрессу.

Вперед! — звало заклинание, давшее *огори-иэ* магическое подобие жизни. Только вперед! Быстрее! И нечего отвлекаться на досадные помехи! Подумаешь, какой-то воздушный поток, подумаешь, какие-то навязчиво вопящие полтора человека…

— Оно догоняет Далию! — кричала Напа. — Фри-Фри! Беги быстрее, иначе ты не успеешь!

И, чтобы облегчить грядущее сражение, гномка попробовала вытащить фриоларов меч из ножен. Разумеется, чуть не свалившись при этом, крепче вцепившись Фриолару за воротник и чуть не удавив его при этом.

— Напа, ты… — попробовал ссадить пассажирку алхимик. Они как раз забежали в очередной зал и…

В последний момент Фриолар успел броситься наземь. Напа оглушительно завопила:

— Аааа! Фри-Фри, что *это*?!

— Голем, — еле сумел выдохнуть Фриолар. — Всего лишь голем…

"Всего лишь голем" был огромной статуей из желтовато-серого песчаника. Человекоподобная фигура, отмеченная многочисленными шрамами, которые оставили на ней прошедшие века и любопытные обитатели подземелий, всеми шестью руками вцепилась в *огори-иэ*, подняла сопротивляющееся магическое существо и поднесла к тому месту, где должна была располагаться голова.

Напа издала нервный смешок — голова голема была разбита неровным косым ударом, оставив лишь нижнюю челюсть с выпирающими клыками и четвертинку носа; а оба глаза статуи, вместе с экзотической рогатой прической, лежали на полу.

Так и не разобравшись, какая добыча ему попалась, каменный монстр рванул свою добычу, превратив одно *огори-иэ* в шесть визжащих, пульсирующих нестабильным магическим фоном кусков.

"Крылья Неба", весьма недовольные тем, что лишились принадлежащего им по праву, набросились одновременно и на клочки "сторожевого пса", и на древнего истукана.

— Фри-Фри, — с любопытством спросила Напа, разглядывая затеявшееся сражение трех магических воплощений. — А как определить, чья магия окажется сильнее?

Увы, у гномов не всегда удается верно угадывать эмоции представителей других рас — ужас, обхвативший Фриолара, не требовал комментариев или объяснений.

Отчетливо представляя, как могут взаимодействовать три столь различных заклинания, Фриолар бросился прочь, лишь случайно выбрав тот коридор, которым пять секунд назад воспользовалась Далия. Быстрее отсюда, — лихорадочно соображал алхимик. — Мэтр Виг как-то упоминал, что все заклинания Четвертого Начала плохо реагируют на сжатие и повышение температуры, голем как раз обеспечивает первое, а пульсирующие куски разорванного «пса» — второе… Если принять объем воздуха той залы за величину X, а интенсивность драки — за Y, то время, необходимое для победы…

— Впереди обрыв! — закричала Напа.

Очень вовремя — иначе Фриолар не успел бы затормозить. Окрик гномки заставил его смотреть под ноги; увидев, что

подземелье заканчивается, алхимик юркнул в сторону, отчаянно вцепившись в край скалы.

Через секунду после Фриолара и Напы из подземелья вырывался огненный язык разбушевавшейся магии, а вся гора, которую путешественники прошли насквозь, ощутимо вздрогнула.

Некоторое время Фри-Фри стоял, прижавшись к скале и внимательно прислушиваясь, не преследуют ли его неслышно ступающие лапы *огори-иэ* или тяжелая поступь зачарованной статуи. Слышалось какое-то поскуливание, но вот откуда оно идет?

— Далия, — тихонько, виновато позвала Напа. Заметив, что гора осталась позади, а впереди — исключительно воздушный простор, вечерний сумрак и звезды, она начала нервничать и еще крепче ухватилась за шею Фриолара. — Далия, ты где?

— Где я?! — закричало что-то у них под ногами. — Где я!!! И ты еще спрашиваешь! Немедленно прекрати виснуть на камнях, спускайся и объясни мне, что за дрянь ты разбудила в этих клятых подземельях, слышишь, Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл?! Если ты этого не сделаешь, клянусь — я искупаю в азотной кислоте твои шестеренки, покрою вышивкой из незабудок твою любимую курточку, и лично уговорю какого-нибудь эльфийского потомка написать балладу в твою честь!!! И не поленюсь пройти по всему Кавладору, написать ее на каждом дровяном сарае!

Напа и Фриолар осторожно посмотрели вниз — двумя локтями ниже, под карнизом, на котором они стояли, проходила тропинка. Всего-то трех-четырех локтей в ширину, она вилась, постепенно спускаясь с вершины горы в непроглядную по вечернему времени темень.

Узкая тропинка — но вполне надежная.

И смертельно опасная. Ведь придется объяснять перепачканной, уставшей, разозленной алхимичке, с чего вдруг началась эта пробежка…

— Понимаешь, Далия, — тоненьким голоском сказала гномка, когда оказалась на относительной тверди рядом с подругой. — Я вдруг подумала — а почему бы не сделать тебе приятное, и не наковырять для тебя пару сувенирчиков на добрую память о нашем путешествии…

Дорогая Фиона! Наше путешествие продвигается столь стремительно, что я не успеваю записывать хотя бы важнейшие его этапы. И вообще, чернила и все наши припасы Фри-Фри бросил, когда на нас напала вредная белесая монстра, так что приходится

полагаться исключительно на свою телепатию — твой сын сказал, что перед этой отраслью Магического Искусства открывается широкий простор практического применения.

Итак, мы почти достигли Абу-Кват. Редко мне доводилось видеть мраморный осколок подобных размеров. Он возвышается над всем остальным плоскогорьем, как парадное блюдо — над пустыми тарелками и столовыми приборами. Как мы успели убедиться — хотя убеждаться пришлось в сумерках, — чтобы достичь Абу-Квата, нам придется преодолеть очень глубокое и широкое ущелье. Не знаю, как будем пересекать его — без лошадей, да еще со скоростью ковыляющей Далии, придется тащиться неделю, если не больше. Правда, я рассчитываю кое на что… Ладно, не буду изводить тебя угадыванием: хочу поймать Рыжика, когда существа-претенденты нас догонят. Пусть грифончик подбросит нас хотя бы на половину пути. Только не знаю, что выгоднее: ждать сутки, а то и больше, пока существа-претенденты домчатся до нас, а потом пользоваться их скоростью, или же не заморачиваться, идти на своих двоих. Как говорится, медленно, но верно.

Напа задумалась над следующей строчкой настолько глубоко, что чуть не шагнула в пропасть. Отвлеклась на предупредительный вскрик Далии. Хмм…

Путь, что и говорить, неблизкий. Да еще на голодный желудок, ведь все припасы достались змеище…

Одним словом, очень хорошо, что я не теряю оптимизма и вдохновляю моих алхимиков на продолжение приключений!

И, прочувствовав весь боевой дух, воплощенный в последней фразе, Напа горестно вздохнула.

Камушек вывернулся у нее из-под сапожка, скатился вниз и отозвался глухим эхом. Струйки тумана поднимались из глубин пропасти, блестя невесомой серебристой дымкой. Еще один камушек рухнул вниз — на этот раз из-под ног Фриолара, идущего первым. "Один," — по привычке начала высчитывать гномка глубину ущелья. "Два…"

— А в "Алой розе" ты в это время подавала ужин, — вздохнула Далия, забыв, что полчаса назад торжественно поклялась никогда в жизни не разговаривать с гномкой. Напа вздохнула — что да, то да…

— Мы же договорились, о еде — ни слова, — мрачно напомнил Фриолар. — И, как на грех, никакой живности не попадается… Я согласен и на печеную змею, даже на саранчу какую-нибудь…

— Фри-Фри, не надо! — горестно всхлипнула Далия.

Напа еще раз вздохнула, глубоко втянув ароматы камней и

туманов. Еще раз. Еще…

А потом путешественники закричали на три голоса, наконец-то распробовав местные запахи:

— Домашняя лапша! с зеленью! С чесночком! На бараньем бульоне! — и резво рванули вперед, за каменные глыбы, из-за которых и доносился духмяный чад.

Вернее, побежали Фриолар и Напа, существа прямые и бесхитростные. Мэтресса Далия, специалист дипломированный, к тому же прекрасно помнящий свои прошлогодние странствия по Илюмским горам, потратила несколько минут, чтобы снять с плеч арбалет, зарядить его, чем придется (нашелся всего лишь карандаш) и выйти к хранителям пустынных сокровищ во всеоружии.

— Добрый вечер, — растерянно поздоровалась она. Признаться, многое ожидала она от Великой Пустыни, но… право слово, как мэтр Карвинтий здесь оказался? Да еще со столь странной компанией?

— Здрасть… — с еще большей растерянностью ответил Карвинтий.

— Спасительница! — с радостными воплями бросились на шею оторопевшей алхимичке Ханна и Любомарта.

От резкого движения, когда две деревенские жительницы схватили Далию в объятия, Любомарта — за плечи, а Ханна — под коленки, арбалет, как всегда, сработал, и карандаш булькнулся в пыхтящий густым ароматным варевом котел.

Приблизительно то же самое время. Хетмирош, покои Кадика ибн-Самума

Из темной глубины большого зеркала, заключенного в тяжелую бронзовую раму, всплывали яркие картины: огромный Золотой Жук резво бежит по каменному завалу, перегородившему дорогу, пощелкивая жвалами. Его панцирь мягко мерцает в сгущающихся сумерках. На высоте головы гигантского насекомого парят аист — кажется, Символ какого-то мистического Ордена из Кавладора, и дикая утка. Вся остальная звериная и растительная компания отстали от лидеров; мощный энбу не на шутку увлекся преследованием большой толстой жабы, виноградная надежда мэтра Фледеграна и мэтра Аэлифарры передвигается, тяжело переводя дух пропылившимися, пожелтевшими листочками, а самоходное дерево мэтра Заркавуса, наоборот, в условиях засухи чувствует себя отлично…

Бонифиус Раддо поискал взглядом своего претендента. Белый умбирадец неспешно трусил за виноградной лозой, на ходу общипывая свежие побеги с его верхушки. Сказать, что у жеребца

вид был измотанный, загнанный, было нельзя — еще бы! Ведь фрателле Раддо пришлось выложить кругленькую сумму для того, чтобы организовать для своего претендента своевременное питье и дополнительную кормежку… Эх, как бы проверить, добрались ли наемники до условленного места близ старого течения Дхайят? Впрочем, — хмыкнул Бонифиус, — если не добрались, пусть пеняют на себя.

Потом фрателла увидел, как плетутся, с каждым шагом теряя завоеванные на старте позиции, прочие претенденты. Гидра ллойярдцев громко шипела, щелкала пастями, пытаясь поймать мельтешащих под ее лапами тварей; но вместо этого глотала серый мелкий песок — все, кто был достаточно глуп, чтоб подойти к монстру, уже нашли последний приют в одном из ее многочисленных желудков. Буренавец-оборотень брел, едва ковыляя на перетруженных лапах, язык через плечо, в глазах — осенняя тоска и безнадега. Рыжий полуорел-полулев отстал — оказывается, он деловито расчленял какую-то ящерицу, осмелившуюся попасться под действие острого клюва. Козы… собаки… еще два упрямых, настойчивых скакуна… осел… разносчик воды… Разглядев среди существ-претендентов эльджаладца в засаленном халате, погонявшего своего ишака и бойко кричавшего: "Вода! Курыщ! Кинза! Лепешк!" четвероногим и крылатым бегунам, фрателла улыбнулся. Да уж, да славится в веках местное индивидуальное предпринимательство!

А зелье, которое порекомендовала ему Кассандра-Аурелия, все-таки действует. Иначе скорость передвижения существ была бы совершенно иной, — подумал Бонифиус. И улыбнулся второй раз — явно предвкушая солидную прибыль. Если у сеньоры де Неро выгорит и вторая часть их комбинации… Пожалуй, девушку надо будет поощрить. Она честно заслужила право стать личным представителем фрателлы Раддо.

Интересно, а на главного ллойярдского монстра усыпляющее зелье подействовало? Что-то не видно его бурой уродливой морды…

Господин Раддо наклонился к зеркалу, высматривая джорта. И тот, будто почувствовав взгляд человека, вдруг явился во всем своем уродстве: полуящер-полугоргулья упал откуда-то сверху, оставив глубокие царапины в скале, за которую задел левыми лапами; щелкнул острыми конусовидными зубами на гидру, рыкнул и сделал прыжок — сжавшись, как пружина, и толчком отправив в очередной полет свое массивное тело.

— Вот собаки! — выругался фрателла. — Учудил мэтр Мориарти, так учудил! Знать бы, как нейтрализовать эту тварь!

— Да уж, будет непросто с ней сладить, — раздался

скрипучий старческий голос.

Фрателла отвлекся от занимательного зрелища, передаваемого зеркалом, и вспомнил по чьей просьбе и ради чего явился в Хетмирош.

— Доброго вам вечера, достойнейший господин Кадик, — поздоровался Бонифиус.

— И тебе, чужеземец, тоже доброго вечера. Любуешься на монстров? — постукивая посохом, Кадик прошел к креслу, расположенному напротив огромного зеркала.

— Зрелище достаточно любопытное и определенно неожиданное, — признался Бонифиус.

— Сейчас я покажу тебе еще более занимательное зрелище, — волшебник пристукнул посохом, и волшебная поверхность отразила совершенно другой вид. А именно — показала несколько десятков человек, кентавров и гномов, с видом целестремленным и вдохновенным карабкающимся по скалам и барханам Великой Пустыни. Повинуясь слову мага, волшебное стекло переместилось, и стало ясно, что путешественников среди песков ненамного меньше, чем существ-претендентов. Кто-то спешил сразу к старому руслу Дхайят, чтобы морально поддержать своих питомцев на второй половине пути. Кто-то, например, маги из Иберры, телепортировался в условленные точки, опутывая ближайшее пространство линиями заклинаний…

— Жаль, что Мориарти и его ближайшие помощники никогда не ленятся ставить вокруг себя защитный полог… — пробормотал эльджаладец.

— В таком случае, рад сообщить, — откликнулся Бонифиус, — что моим помощникам удалось заметить отбытие мэтра Мориарти из лагеря участников. Сегодня утром, около девяти часов утра, пока все остальные мучились похме… э-э…

Попытки пелаверинца быть дипломатичным вызвали у волшебника перхающий, буквально рассыпающийся горстями серой пыли смех.

— Да не трудись, варвар! Как будто я не знаю, что все, удостоившиеся вчера приглашения в дом сиятельного господина Раджа, сегодня утром маялись похмельем! Хе-хе! Еще бы вам не маяться, когда девочки столько вин, деликатесов и зелий на вас извели…

— Э-э… — фрателла догадался, что упустил из виду какой-то из аспектов национального гостеприимства. — «Девочки»?

— Подружки моей двухсотой жены. Конечно, пришлось пообещать им, что их мальчишку не турнут с тепленького местечка судьи, но сделка того стоит! Готов поставить косточку

от финика против своего лучшего голема — слушая, как пищит лиственную бредятину выскочка-эльф, вы и думать забыли о том, что происходит с вашими конями, псами, кошками, скелетами и самодельными уродцами в Пустыне… Хе… хе…

Бонифиус потер переносицу. Что называется, «приплыли»… Какой интерес Кадику ибн-Самуму вмешиваться в ход состязаний, когда от Эмирата не заявлено ни одного — ни одного! — существа-претендента?

Хмм… или Бонифиус Раддо упустил какой-то фактор в своих планах на победу?

— А куда делся эльф? — неожиданно спросил Кадик. Взгляд его темных глаз пронзил Бонифиуса, как шампур — ягненка.

— Насколько мне известно, утром мэтра Пугтакля в лагере не было видно, — осторожно, тщательно подбирая слова, ответил пелаверинец.

— Это вовсе ничего не значит, — и волшебник звучно стукнул посохом. На этот звук откликнулся ученик Кадика, который с поклоном спросил, чем может помочь почтеннейшему учителю. — Далхаддин! Принеси сюда браслет с обсидианом!

Через секунду Далхаддин, повинуясь указанию наставника, предложил Бонифиусу Раддо украшение — тонкую золотую полоску с вплавленным вулканическим стеклом. Золото было покрыто тонкой вязью магических рун.

— Что это?

— Если вы захотите вдруг известить меня — скажем, вашим людям удастся обнаружить Мориарти, или отследить прыжки эльфа по ближайшим оазисам, вам достаточно будет приложить этот браслет к губам и прошептать нужные сведения. А возможно, вам захочется узнать, какие шансы у вашей лошадки — я ведь ничего не путаю, именно лошадки? — договориться с Судьбой и заручиться ее благорасположением…

— Понятно, — Бонифиус сунул артефакт в карман камзола, — Я уже говорил вам при нашей личной встрече в конце прошлого года, и счастлив повторить свои слова сейчас: в лице консорциума "Фрателли онести" все маги Хетмироша могут рассчитывать на взаимовыгодное сотрудничество.

— Я знаю, — усмехнулся улыбкой высохшей мумии почтенный волшебник. — Потому уверен, что вы захотите продолжать наше сотрудничество еще очень долго… Кстати, может быть, в рамках достигнутой договоренности вы не сочтете за труд оказать небольшую помощь моему ученику? Он еще не очень хорошо разбирается в ваших варварских сделках и диалектах — может, кто-нибудь из ваших помощников подскажет ему, как нанять для конфиденциальных услуг нескольких крепких

ребят? Можно — людей, можно — троллей, но обязательно здоровых и сильных.

— Нет ничего проще, — ответил Бонифиус, пряча недовольство — вот еще! Он, один из "честных братьев", сейчас будет бегать, задрав хвост, по Ильсияру и окрестностям, нанимая брави для какого-то замороченного ученика! — Могу ли я, в свою очередь, попросить вас об ответной услуге?

— Ну, давай, что у тебя?

Пелаверинец достал из кармана небольшой молоточек — если бы случайно его увидела бы Напа, она немедленно завопила о том, что честных гномов грабят все, кому не лень, и потребовала бы отчет от господина Вапути, почему он позволяет посетителям "Песчаного Кота" грабить жильцов дома.

— Мне нужно знать, где находится эта гномка и ее спутница, — попросил Бонифиус.

— Они… Хмм… — Кадик хмыкнул что-то, прошептал, покрутил молоточек, определяя ауру владелицы. — Я отправлю *хальгастиарр* на ее поиски. Могу сразу удавить ее чем-нибудь — так, чтоб заклинание дважды не активизировать, лишнего Силу не тратить.

— Нет, давить никого не надо, — спохватился Раддо. — Мне просто нужно знать, куда они направляются. Возможно ли, что ваше заклинание проследит, а потом вернется и мне расскажет, что да как?

— Подумаю, что можно сделать. Далхаддин, проводи нашего гостя!..

Когда через два часа Далхаддин вернулся в Хетмирош, Кадик ибн-Самум по-прежнему сидел перед волшебным зеркалом, листая фолиант с заклинаниями и исходя черной злобой и язвительно комментируя каждый шаг существ-претендентов. Те, должно быть, чувствовали исходящие от колдуна эманации, поэтому и спотыкались через три минуты на четвертую.

— Я выполнил ваш приказ, господин. Что мне нужно делать с этими наемниками?

— Сколько их?

— Как вы и приказывали, господин — семеро. Три человека, четыре тролля — они нанимались всей ватагой.

— Отлично. Подай мне тот, другой посох.

— Другой?! — удивился Далхаддин. По счастью, маг сосредоточился на чтении заклинания и не заметил вольности своего ученика.

«Другим» посохом Кадика ибн-Самума был предмет, которым ни Далхаддин, ни любой другой маг из Хетмироша, не желал бы

получить по шее. Обычный посох — "на каждый день", — был всего лишь деревянной палкой, за долгие годы использования поднабравшейся магической Силы. А вот «другой»…

Свой второй посох Кадик ибн-Самум использовал редко. Тот был тяжел, ибо для его производства использовалось зачарованное серебро, кости врагов господина Кадика, темный янтарь, обсидиан и специальные жертвоприношения. Длинное темное древко венчала обсидиановая сфера, которая когда-то показалась Далхаддину живой — от нее шла волна настоящей, бурлящей, клокочущей энергии. Потом, начав обучение у могущественного мага, Далхаддин понял, что энергия действительно «живая», поскольку позаимствована у живых существ…

Иначе говоря, будучи опытным заклинателем Духов Пустыни, Кадик ибн-Самум никогда не отказывал своим сверхъестественным покровителям в дополнительной кормежке. Всегда можно купить у крестьянина тощую хромую овечку… Или даже попавшегося на мелком воровстве глупого гоблина.

— Возьми обсидиановый кинжал, жезл Первого Голема и ожидай меня у фонтана. Да, предупреди слуг, чтоб хорошенько накормили наемников.

— Хорошо, господин, — поклонился Далхаддин. Несколько секунд он боролся с собой, потом все-таки отважился спросить: — Господин Кадик… А что, мы куда-то отправляемся?

— Да, в Пустыню. Поучаствуем в гонках от имени Судьбы, — и почтенный маг расплылся в желтозубой корявой улыбке.

20-й день месяца Барса. Плато Кватай

— А оно и вона как повернулось, мы уж идем-идем, кричим-кричим, только песок с гор сыпется, а Карвиша как зачарованный, как кулём пыльным по недоступному месту трахнутый, молчит и молчит, идет и идет, я уж и говорю — стой, друг мой ситный, давай хоть ужин сварим, а Карвиша и молчит, на себя не глядит, зеночки закатил, шеечку повесил, горе мыкает, сопли на кулак наматывает, и так мне взгрустнулось, что хоть волком во-о-о-ой, вауу-ау-ау, да не получается, не живет, не катится…

Госпожа Ханна из Нижней Исподвысковочки наслаждалась моментом. Редко ей доводилось общаться со столь внимательными и неперечливыми слушателями. Впрочем, после двадцати с лишним часов блуждания по подземельям алхимики были готовы сожрать быка, вместе с рогами и тореадором, а не то что свежую, наваристую похлебку сдобренную всего-навсего старушечьими причитаниями.

Мэтр Карвинтий разглядывал жадно стучащих ложками о

края котелка коллег с выражением паники и подозрительности. Нет, скажите, пожалуйста, откуда они здесь взялись?! Здоровяк, вроде бы как знакомый по Талерину — пусть, ну его. Но гномка?! И мэтресса Далия?!! О боги, да как же они пронюхали, что он сумел схватить удачу за хвост?

И Карвинтий нервно поправил спрятанный под одеждой чужой кошелек.

Если бы мэтр Мориарти, прежде, чем отправить мэтра-погодоведа с важной миссией в сердце Великой Пустыне, удосужился вникнуть в содержание его размышлений, он был бы очень удивлен. В душе Карвинтия собиралась буря — куда там сезонным иберрским дождям! Алхимик из Ллойярда был и чрезвычайно горд оказанным доверием, и вполне закономерно озабочен будущим, ибо прошлое настойчиво подсказывало не ждать легких побед. А еще Карвинтий очень хотел обеспечить себя до конца жизни — только, пожалуйста, не надо шуток в стиле мэтра Мориарти; эти слова следует понимать как "отыскать источник дохода, действующий в течение как минимум пятидесяти лет с момента активизации". Чудесным образом отыскавшийся чужой кошелек, чье содержимое мэтр еще не успел толком исследовать, воспринимался как первый, самый важный, но далеко не последний и даже не самый существенный шаг в желаемом направлении.

Мэтр Карвинтий охотно бы отказался от поручения Мориарти, и скрылся куда-нибудь, чтобы в тишине и тайне подсчитать, сколько карат и сколько единиц сконцентрированной Силы вдруг оказалось в его распоряжении, но увы… И Мориарти был настойчив, и тетя Ханна с Любомартой не спускали с него глаз… Ах…

Теперь, снова и снова нервно поглядывая на активно насыщающуюся троицу, Карвинтий мог вздохнуть с облегчением. Его тетка и сестрица напрочь забыли о его существовании. Ханна вливала свои тяжелые мысли о вечности, вселенной и о собственной ведьмовской персоне в свободные уши, а Любомарта активно строила глазки симпатичному половозрелому мужчине, вдруг оказавшемуся в пределах ее обаяния.

— Далия, — осторожно спросил Фриолар, выбрав минуту относительного затишья — лапша уже заканчивалась, а роскошный румяный пирог, извлеченный Ханной из торбы, еще не был разрезан. — Ты узнала, кто эти люди? Это же те страшные тетки, которых мы спасли из Луаза!

— Я догадалась, — проворчала Далия с набитым ртом. — И что?

— Я их боюсь, — пожаловался Фри-Фри. И нервно покосился

на Любомарту.

Она в ответ смутилась, усиленно покраснела, потупила очи и принялась играться кончиком косы — не собственной, а шиньона цвета спелой соломы, вернувшегося на законное место. Зеленые крупные бусы на взволнованной девичьей груди ходили ходуном с такой амплитудой, какой редко добиваются забивающие сваи строители.

Далия проследила за взглядом Фриолара, фыркнула и надолго прильнула к кружке с травяным отваром.

— Не бери в голову. Если что — мы с Напой тебя как-нибудь отобьем. Или топором обтешем…

— Поговори со мной, — приказал Фриолар. — Давай сделаем вид, что я за тобой ухаживаю.

Любомарта выхватила из рук матери нож и, решительно располовинив кольцо колбасы, с улыбкой заботливой тролльши протянула кусок Фриолару.

— Не-а, — категорично отказалась Далия, пронаблюдав за этой сценой. — Я нынче хочу выспаться, не опасаясь того, что какой-то деревенской тёлушке придет в голову столкнуть меня в пропасть. И вообще, Фри-Фри, откуда такая скромность? Девица в самом соку… гляди, гляди, она тебе глазки строит!

Фриолар нервно закашлялся, в ответ на что Любомарта крепким кулачком саданула его между лопаток. Кашель у парня прошел, а взгляд, которым он наградил Далию был на редкость красноречив.

— Поговори со мной! — потребовал Фри-Фри некоторое время спустя, когда Любомарта, картинно повиливая бедрами, отошла в сторонку, почистить котел.

— Фри-Фри, постесняйся Напы!

— Поговори со мной о чем-нибудь умном, — еще раз повторил настойчивую просьбу молодой человек. — Она услышит, поймет, что ничего не понимает, и отстанет!

Далия сочувствующе посмотрела на Фриолара, с трудом удержалась от язвительного ответа и пробурчала, устраиваясь рядом с мирно засыпающей Напой на ночлег:

— Как тебе пришла в голову подобная глупость! Девицы, подобные ей, не отступают перед трудностями! — алхимичка поерзала, устраиваясь так, чтобы максимальная ее часть поместилась на кожаной курточке гномки, расправила накидку, и сонно согласилась: — Ну, давай поговорим о чем-нибудь умном.

— Мне никак не дает покоя наш разговор в пещере. О том, почему так хочешь оказаться у Абу-Кват раньше существ-претендентов. Только я не понял — почему?

— Что, даже после сегодняшнего путешествия не понял? —

хитро улыбнулась Далия.

— Если ты имеешь в виду, что в гробнице Тиглатпалассара мы встретим каких-нибудь магических охранников, тех же зомби, *огори-иэ*, или что-то подобное — то я целиком разделяю твое беспокойство…

— Ах, Фри-Фри, до чего ж меня удивляет порой твоя наивность! Да все змеи, статуи, призраки с собачьими головами, которых мы сегодня видели — тьфу, ерундень! Меня гораздо больше беспокоят маги, которые собрались в Ильсияре — как ты думаешь, их сотня наберется, или больше будет?

— И что? — уточнил Фриолар после долго размышления.

Далия зевнула, прикрыв рот ладошкой.

— Ладно, чтоб только ты дал мне отдохнуть, подскажу: в последний раз маги собирались большой компанией две тысячи лет назад. И итоги этой встречи вошли в историю под названием "Падение Гор". А теперь отстань, дай поспать…

Мэтресса перевернулась на другой бок, пристроила щеку на ладошку и крепко сомкнула веки. Но сон не шел. То ли мешал Фриолар, вежливо объясняющий Любомарте, что ему вполне удобно, удобно, он сказал, *очень удобно и совершенно не холодно* спать на валуне, то ли ощущение, что на нее кто-то смотрит… Чуть приоткрыв глаза, Далии показалось, что рядом мелькнул призрачно-белесый собачий силуэт. Но ни бежать, ни паниковать сил не было — усталость длинного тяжелого перехода вдруг накатила, заставляя гудеть перетрудившиеся мышцы, и она провалилась в сон.

XII. О дивный, коварный Восток

20-й день месяца Барса, утро
Вертано, гостиница "Золотая Пика"

Отныне и навсегда Черно-Белый Кот знал, где находится рай. Пиковая Площадь, гостиница "Золотая Пика", ресторация на нижнем этаже, столик у окна. Кот чуть приоткрыл золотой глаз, вяло шевельнул усом, когда Огги бросил очередную кость, чуть не задев розовый кошачий носик, но ни на что другое сил у ЧБК не было.

Над головой Черно-Белого вот уже сорок часов назад шли деловые переговоры между гномом и человеком. Гном уже успел выторговать тридцать шесть процентов из будущей миссионерской деятельности господина Рутфера в обмен на право ношения Черно-Белого объекта поклонения на бархатной подушке десять дней в году; еще Огги обязался поставлять полтонны морской рыбы в шахты Орбурна для нужд своего кошачьего покровителя. А теперь Ньюфун вел переговоры об эксклюзивном праве создания защитных и украшательных приспособлений для объекта религиозного поклонения, иначе именуемого "Черный с Белыми Пятнами по Всему Телу Кот, мужеского полу, хвостатого, с двумя золотыми глазами приблизительно равного размера и предположительно, говорящего".

А Огги за два дня тяжелых торговых дискуссий успел четырежды обследовать карманы уважаемого мастера Кордсдейла, собрать восемнадцать золотых монет в качестве пожертвований от жителей Вертано на нужды будущего Ордена Кота, заказать странствующему менестрелю придумать название поигривей, и теперь подбирался к содержимому свиньи-копилки. Та похрюкивала под столом, иногда пугая посетителей ресторации оглушительным визгом и время от времени требовала, чтоб ей перепадало от общего угощения. Всё более-менее съедобное артефактная копилка игнорировала, довольствуясь монетками, серебряными ложками, случайно оброненными пулями, краплеными картами и прочими предметами роскоши. На хозяина ресторации свинка произвела столь оглушительное впечатление, что тот кормил Огги и Ньюфуна в кредит, забыв, что имеет дело с соотечественником.

— Я что думаю, — важно рассуждал Ньюфун, разламывая огромного ярко-красного рака, — Что святилище этому чудовищу нужно скромное, но со вкусом. Закажем Шнапсштельмайерам, я кое-кого знаю, живут по соседству с Фюрдастом. Отделка

внутренних помещений — с братьями договорюсь, опять же, сам поработаю. Мелочевку вроде барельефов-подсвечников-пилястров можно Напе заказать, пусть сестрица потешится. В центре поставим статую нашего кошака в полный рост… Нет, — поправил сам себя Кордсдейл, — Лучше — сразу в два роста, чтоб заметнее был. И корону ему, чтоб сразу все в обморок падали!

И, потянувшись через столешницу, гном погладил круглую голову Кота. Вернее, попытался погладить, укололся об острый шип каски, с которой Черно-Белый, похоже, сроднился, и принялся яростно плеваться, вольготно прохаживаясь по родословной будущего божественного покровителя.

— А еще ему каких-нибудь чудодейственных артефактов надо будет обеспечить, — составлял бизнес-план первый из адептов зарождающегося религиозного культа. Огги нахмурился, прогнал воздух через щель между передними зубами, почесал щетинистый подбородок. — Только вот где их найти? Конечно, со временем артефакты будут сами собой появляться, но главное ведь — своевременно обеспечить рекламу и активную расправу с конкурентами. Давить конкурентов буду я лично, — задумчиво продолжил Рутфер. Кот согласно мяукнул — да, благословляю тебя, сын мой, в поход противу крысиного воинства и во имя валерианы обнаружения. — Но вот как быть с рекламой?

Оценивая перспективы, пелаверинец равнодушно скользнул взглядом по тарелкам, по соседним столикам… и вдруг обрадовался.

— Смотри! — шепотом, который услышала как минимум половина присутствующих, велел он Ньюфуну. — Смотри на ту куколку, которая пришла завтракать!

Гном обернулся.

— Это, случайно, не та донна из Иберры, которая должна знать, где прячется моя алхимическая девчонка?

— Ай, да что ты сочиняешь — «донна», "из Иберры"!.. — фыркнул Огги. Правда, чуть тише — теперь его слышали только Ньюфун, Кот и сама Кассандра-Аурелия. — В позапрошлом месяце она выдавала себя за дочку купца из Химериады и аристократки из Филони и звалась Кайт Кристо. А до этого — считалась монашкой Ордена Буцевала, сестрой Клевериной. Чего ты хочешь — она ж воровка, врет, как дышит.

— Воры — это плохо, — убежденно ответил Кордсдейл. И принялся высасывать из рачьей клешни вкусные остатки.

— Меня фрателла Раддо заставил про нее всё разузнать — и скажу тебе, вот покуролесила девчонка! Они с Раддо заключили договор — дескать, он возьмет ее в личные помощники, если она сумеет доказать, что достойна его доверия. За язык эту кралю

специально никто не тянул, она сама предложила, что устроит десять крупных ограблений — непременно, чтоб магическую охрану обманывать. Интересно, она свое слово сдержала? А то б мы ее от имени фрателлы припрягли поработать во имя нашей веры… — далеко идущие планы Огги заставили его снова вернуться к разглядыванию фигурки Кассандры-Аурелии, благо, воровка и ее спутник сидели буквально за соседним столиком.

Кот посмотрел туда же. Увидел нечто знакомое, поднялся, по привычке лязгнув доспехом, неторопливо спрыгнул со стола и принялся крутиться у ног сопровождающего Кассандру рыцаря.

Оск рассеянно кинул вымогателю шматочек вырезки и продолжил завтрак. Насыщался он энергично, но без лишней жадности. Когда Кот нахально потребовал добавки, Оск уронил на него корочку и, наблюдая, как животное играет с подачкой, улыбнулся:

— А он смешной, правда? Было бы еще смешнее, если бы кому-нибудь вдруг пришло в голову действительно соорудить доспех и вооружить им кошку! Правда, Джоя?

Девушка кивнула:

— Правда, дорогой.

Сказано это было холодным, равнодушным тоном. А может быть, и теплым, полным обожания. Во всяком случае, бывший принц Роскар расплылся в довольной улыбке, будто прекрасная спутница пообещала одарить его волшебством любви.

— Очень похож на того разговорчивого монстра, который мне являлся в белой горячке, — Оск подхватил Кота на руки и принялся чесать ему шейку.

До этого момента Черно-Белый видел Кассандру-Аурелию издали, да и то, скажем правду, в четверть глаза — каска немного съехала, закрывая обзор. А потом мешала скатерть и большие сапоги Оска. Теперь же Черно-Белый Кот мог оценить неброскую, изящную внешность воровки без помех.

Оценка, прямо скажем, была не слишком высока: Кот вздыбил спину, распушился, сощурил глаза, будто оскорбленный в лучших чувствах и зашипел, поднимая угрожающую лапу.

— Убери от меня эту гадость, — брезгливо поморщилась Кассандра. — Он мне неприятен!

— Да ладно тебе, классный котярка, — Оск попробовал потрепать кошака по загривку, в ответ на что тот вывернулся и украсил рыцарскую длань длинными глубокими царапинами. — Ах, ты!..

— Прибей его, — холодно потребовала девушка. И Оск, вместо того, чтобы возразить, взял животное поперек живота и мощным броском отправил его в ближайшую стену.

— Ты…! — вскочил Огги, хватаясь за столовый нож.

— Обнаглел, дылда?! — строго спросил Ньюфун.

— Господа, господа! — поспешила остановить Кассандра-Аурелия (или как ее там звали на самом деле) зарождающийся скандал. — Прошу вас!

— Нет, это я вас попрошу! — рявкнул гном. — Кто вам дал право швыряться настоящими гномьими котами?! Такая редкость на дороге не валяется!

— Я… не хотел… — вдруг подал голос Оск. Огги и Ньюфун смерили суровыми взглядами провинившегося молодца.

— Господа, я уверена, что мы сможем что-то придумать, чтоб компенсировать ваше волнение… хотя животное совершенно не пострадало, — добавила Кассандра, наблюдая, как Кот подает слабые признаки жизни, распластавшись у противоположной стены. — Прошу вас, присаживайтесь. Знаете, Оск и я — кстати, вы знакомы с господином Оском? Весьма умелый воин. Так вот, мы заметили вас сразу же, как только вошли в ресторацию. Весь ваш вид — отважных, смелых, доблестных искателей приключений — сразу же располагает и вызывает доверие. И я сказала Оску, что мы должны, просто обязаны попросить у вас помощи в одном нелегком деле, — продолжала иберрийка, гипнотизируя новых жертв пристальным, жгучим черным взором. — Видите ли, Оск и я собираемся посмотреть на финиш состязаний по выбору Покровителя Года, а заодно — навестить кое-кого в одном из пустынных оазисов. Не хотите ли составить нам компанию?

Огги Рутфер, как зачарованный, смотрел на губы Кассандры, а вернее — на безупречную линию изящной девичьей шеи. Сегодня девушка была одета в скромный серый шелк, верхние пуговички строгого платья были расстегнуты (еще бы, такая жара!) и в разрезе мелькали крупные зеленые камни драгоценного ожерелья. Такая красавица, такая соблазнительная штучка, да еще при деньгах и словившая Удачу за крыло — и чтоб Огги отказался составить ей компанию? Да ни в жисть!

Согласие Ньюфуна, полученное минутой позже, базировалось на совершенно других мотивах. Во-первых, гном и так собирался в Ильсияр. Только, не подвернись донна со своим предложением, за телепорт или место в караване пришлось бы платить собственными кровными. Во-вторых, он твердо намеревался экспериментально испытать открытую с помощью господина Рутфера божественность Черно-Белого Кота, а чем больше дылд в процессе испытаний поучаствует — тем для гномов безопаснее.

А в-третьих… Ожерелье. Ньюфун был готов укусить себя за бороду, если драгоценная вещица не тянула на четыре-пять тысяч

золотом. А кто ее сделал, если не секрет? Где и как раздобыл камни? Он, Ньюфун, всего лишь за десять процентов от стоимости будущих заказов может порекомендовать десяток мастеров, которые согласятся сделать серьги, диадему и какую-нибудь брошку в комплект…

Так или иначе, но уже к десяти часам утра Ньюфун, Огги, Оск и Кассандра-Аурелия были готовы покинуть гостиницу "Золотая Пика". Сейчас, только запастись на всякий случай порохом, арбалетными стрелами, мечами, справить переборчивому Кордсдейлу новую секиру… вот эта подойдет? Что значит, "похожа на секиру вашей сестры"? Может быть, это высший знак, что самой Судьбой вам предначертано участвовать в нашей Великой Миссии?

О Коте никто из них не вспомнил. И Черно-Белый почтибожественный Кот так и остался лежать в обеденной зале. Кверху брюшком, поджав лапы, отклячив хвост, громогласно похрапывая и распространяя вокруг себя ароматы съеденного, выпитого и неотомщенного.

Приблизительно в то же самое время. Плато Кватай, оазис Диль-Румайя

Серое облачко телепорта закружилось, поднимая вихри песка, возле стен древней, полуразрушенной пирамиды.

— О, боги, — проворчала мэтресса Вайли, обозревая окрестности. — Что, по местным меркам здешнее убожество тянет на цивилизацию?

Волшебница преувеличивала — маленькая деревенька Диль-Румайя ничуть не заслуживала подобной оценки. Да, кирпичных зданий могло быть и побольше, да, если складывать стены из всего, что найдется в Пустыне, трудно добиться красоты и верных архитектурных пропорций… Но ведь оазис, мадам! Настоящая вода! Чистая, как слеза младенца, прохладная, как похвала завистника, сладкая, как поцелуй возлюбленной! Отведайте нашей водицы, и вы почувствуете, как за вашей спиной вырастают крылья, а сердце наполняется музыкой!

— Кипяченая? — строго спросила Вайли у разносчика воды. — Или хотя бы серебряная?

Эльджаладец, не понимая ни слова, белозубо оскалился и снова попытался пригласить «варварку» испить лучшей водицы на юг от Абу-Кват! Эй, уважаемая, зачем морщить ваш красивый нос, вы попробуйте!..

— Может, стоит захватить с собой в качестве опытного экземпляра? — задумалась Вайли, принюхиваясь к воде, бултыхающейся в глиняной плошке. — Местная чума, должно

быть, весьма хороша; помнится, мумии царя Эпхацантона ее в свое время нахваливали… Ладно, на обратном пути.

Оставив разносчика наедине с его цветистыми сожалениями относительно неудавшейся рекламной акции, Вайли приступила к поискам мэтра Мориарти. Он должен быть где-то здесь…

Пока из телепорта выгружались четверо энбу и паланкин, волшебница коротко переговорила с коллегой при помощи «глаза». Ага, всё ясно — перейти сухое Старое русло и двигаться на север, в сторону крупных скал. Взгромоздившись в переносное кресло и тщательно закрывшись от палящего солнца шторками, Вайли придирчиво составляла список отличий Диль-Румайи от Уинс-тауна. Палящее солнце — это раз, жуткая жара, которая выматывает настолько, что даже нет сил попробовать ореховую пахлаву — два; люди какие-то подозрительные… Когда паланкин передвигался по улицам деревеньки, всё ее население высыпало посмотреть на четырех костяных носильщиков. Причем, что очень задело волшебницу, на энбу смотрели не с уважением и почтением, а как на диковинку, показывая пальцами и вереща какие-то неприличные комментарии. Вообще-то, Вайли не знала эльджаладского, но общий смысл угадала верно.

И что мэтр Мориарти забыл в этом жутком месте?

После того, как Вайли перебралась на противоположный берег Дхайят, преодолела четыре лиги по каменистым обрывам и окончательно размякла от полуденного зноя, коллега снизошел до ответа:

— Я не мог подобраться ближе к Абу-Кват. Там стоит магическая защита высочайшего уровня — потребуется не одна неделя, чтобы разобраться в тонкостях действия чар. Может быть, даже осталось что-то от старых магов Пенталиакнос. Да еще клятва Честного Участника… — и ллойярдец прошептал пару выразительных комментариев о том, кто посмел придумать подобную пакость. — Кстати, как твой отец намерен ее обойти?

— А я откуда знаю! — пожала плечами Вайли. Волшебница рухнула на раскладной стульчик, поданный ей очередным энбу, щелкнула пальцами, создавая стакан из тонкого льда и наполняя его прохладной водицей. Утолила жажду, осмотрелась. Насколько она знала, Мориарти ценил уют и комфорт, однако на этот раз вид походного лагеря свидетельствовал, насколько заинтересован некромант в будущем успехе. Маг не стал даже расставлять шатер, довольствуясь куполом из защитных заклинаний. Купол создавал небольшую тень и укрывал от посторонних глаз самого Мориарти, яшмовую чашу с темной жидкостью, которая заменяла мэтру зачарованное зеркало, и полдесятка сундуков с припасами.

А скелеты, рассевшиеся по ближайшим барханам и уступам,

на жару не жаловались. Совершенно.

— Почему бы тебе не поговорить с ним? Спросить? Вдруг он нашел способ обойти клятву?

Вайли посмотрела на Мориарти, едва удержавшись чтоб не постучать себя по лбу. Он что, шутит? Нельзя же всерьез подумать, что она будет интересоваться мошенниками и их скользкими изобретениями!

— Я должен был знать о планах Кадика! — Мориарти, не обращая внимания на выразительную мимику мэтрессы, расхаживал посреди Сферы Защиты, то теребя цепь из черепов, то хватаясь за голову. — Почему, почему я так увлекся экспериментами с джортом и не подумал, что обитатели Хетмироша способны устроить какую-нибудь пакость!

— По-моему, — отозвалась Вайли, рассматривая в чаше, как обстоят дела у существ-претендентов, — ты все сделал правильно. Посмотри, какой красавец у нас получился! Сейчас его обгоняет только Золотой Жук, несколько пичуг — но и только. Думаю, к вечеру, когда похолодает, наш малыш вырвется в лидеры. К тому же — рядом с Абу-Кват, насколько мне известно, много ущелий, каньонов и прочих неровностей, там Жук не сможет удержать набранную скорость, и джорт его обгонит.

— Обгонит… Обгонит!.. Обгонит!! — равнодушное, бледное лицо некроманта на секунду исказила гримаса бешенства. Мориарти стремительно подскочил к краю Сферы Защиты и выбросил в сторону ближайших скелетов полыхающий отсветом маны поток разрушительной гнили. К тому времени, как распыленные останки бывших скелетов смешались с песком Пустыни, он уже успокоился и сдержанным тоном объяснил Вайли, насколько она не права: — К вечеру перестанет действовать анти-огненное заклинание, которым я попотчевал джорта перед стартом. Я и так вложил в чары всю свою Силу, но учитывая размеры джорта, его родство с горгульями и здешний климат… Саглиэ бъяу! — с яростью выкрикнул Мориарти, распыляя ближайшего энбу.

— Держи себя в руках, — менторским тоном потребовала Вайли. — Всё получится — я уверена в этом. Ведь ты договорился с тем алхимиком-погодоведом, тот вроде бы как высчитал, что возможен дождь. Не правда ли? Или, — вдруг мэтресса прониклась подозрительностью к планам коллеги. — Вы договорились о чем-то другом?

Мориарти помолчал, но так многозначительно и содержательно, что волшебница перепугалась. Что, неужели ее начальник, давний друг, товарищ по магическим экспериментам, и вообще, скажем по секрету, любовь последних трехсот лет

жизни, сотворил какой-нибудь гадкий поступок?

— Чтобы навести на джорта охлаждающие и анти-огненные чары, — прошептал Мориарти, смотря на колышущийся над раскаленным песком воздух, — мне была нужна точка опоры. Якорь. Зацепка — что угодно, ведь создавать холод из ничего, перерождая Огонь в Третье, Четвертое и Второе Начало, под силу только охрененно мощному криоманту.

— Мор, я попросила бы — выбирай выражения, — поморщилась Вайли.

Мориарти двинул челюстью, проглатывая ответ. Судя по тому, как оплавился ближайший песок, он все-таки отреагировал на просьбу волшебницы.

После чего продолжил исповедь:

— Я решил использовать в качестве «якоря» профессию и склонности того забавного алхимика; знаешь, за время наших экспериментов я понял, что он действительно искренне интересуется тайнами погоды. Выводы, которые он делает, безусловно, очень странные, но интерес непритворен. И… и… одним словом, наш мэтр Карвинтий сейчас загружен моими заклинаниями под завязку.

Совершенно неожиданно Мориарти вдруг громко всхлипнул и спрятал лицо в ладонях, сотрясаясь от сдерживаемых рыданий.

— Ты его… э? — решилась уточнить Вайли.

— Нет, он вполне живой. Даже, если ему повезет не натолкнуться на сильное противодействующее заклинание, таким и останется, — абсолютно спокойно ответил Мориарти, поднимая покрасневшее лицо. — Но это так тяжело — сидеть здесь, и ждать, терзаясь неведением… Он всего лишь недалекий алхимик, никаких волевых ресурсов, никаких ценных душевных качеств… А что, если он меня подведет? Может, мне стоило его превратить в вампира? Они послушнее, магия им подчиняется легче. А, как считаешь? — и ллойярдец с тоской воззрился на Вайли, ожидая ее вердикта.

— Так лето ведь, — напомнила волшебница, поглаживая волнующегося коллегу по плечу. — День долгий, солнечный, он сгорел бы в пять секунд… Ладно уж, что сделано, то сделано. Будем надеяться, что Карвинтий — не полный идиот, и как-нибудь выживет.

— Мне как-нибудь не надо, — не согласился волшебник. — Мне надо, чтоб джорт выиграл!

— Выиграет, выиграет, — поспешила утешить его мэтресса.

— Спасибо, — сухим, деловым тоном поблагодарил Мориарти. — Мне было важно услышать твое компетентное мнение. А теперь я больше не смею тебя задерживать.

— Что, ты меня прогоняешь, что ли? — опешила Вайли.

— Разумеется! Эта Сфера Защиты рассчитана на меня одного; твое пребывание здесь делает концентрацию магической Силы чрезмерной, а значит, создает условия, чтобы кто-нибудь любопытный смог обнаружить мое убежище! А я этого не хочу. Я намереваюсь собственными глазами увидеть, как удастся моя задумка по повторной депироизации джорта. Отсюда до места, куда я переправил алхимика, около семидесяти лиг, думаю, уже к вечеру будет ясно, зря или не зря мы взяли его с собой. А ты ступай себе… Только переправляйся телепортом поближе к оазису — кто его знает, этого сына шакала, он вполне способен заставить учеников опутать следящими заклинаниями всю Пустыню. Я как-то упустил из виду, что бронзовые диски, с помощью которых он собирается следить за поведением претендентов, можно использовать не только в официальном качестве… Если бы ты видела, с каким самодовольством он держался во время торжественного ужина в доме местного судьи!..

— Я видела, — кротко отозвалась Вайли.

— Да? — удивился Мориарти. — Тебя ведь там не было.

— Была. И сидела в двух локтях от тебя.

— Ну надо же! А я и не заметил! — не замечая, как вытянулось лицо Вайли после этих слов, волшебник нетерпеливо попросил коллегу поторопиться. — Мне надо следить за джортом. Может, попробовать заглянуть в будущее… У тебя как с предсказаниями?

— Никак, — ответила магэсса резким тоном. — Ты уже спрашивал — раз пятьсот.

— Очень, очень жаль, — искренне расстроился Мориарти. — Тогда тем более уходи, не отвлекай меня.

Рядом с посохом, который Вайли сжимала в руке, материализовался большой скорпион. Он защелкал клешнями и угрожающе поднял хвостовую иглу, переполненную ядом. Но Мориарти и этого не заметил. Он сел на раскладной стул, только что освобожденный мэтрессой, придвинул к себе яшмовую чашу и весь погрузился в наблюдения.

— Папа обязательно бы сказал: "Некромант всегда некромант", — прошипела рассерженная Вайли, выходя из-под магического купола. Пустыня встретила ее ослепительно желтым песком и зноем. Кажется, и того, и другого — желтизны и жары, — увеличилось за те недолгие минуты, что волшебница была занята разговором.

Скорпион, так и не дождавшийся приказа своей создательницы, подскочил к ногам мэтра Мориарти, примерился,

как бы ловчей его ужалить — и вдруг сдох, так и не разобравшись, что умерщвлен естественными эманациями, исходящими от мага. Все-таки министр Чудес королевства Ллойярд не зря занимал свой высокий пост.

— Почему я трачу на него свое время? — ворчала раздосадованная Вайли. — Он в упор меня не замечает! Спроси его, какого цвета у меня глаза — он ведь скажет… скажет… — На секунду она замешкалась, вдруг обнаружив, что не знает, сумеет ли старый знакомый ответить на столь коварный вопрос. Подумала, не вернуться ли ей обратно. Но энбу уже подали хозяйке паланкин.

Устроившись в паланкине, Вайли прошипела еще пару ругательств относительно злокозненности и моральной близорукости Мориарти и рассеянно телепортировала себя и энбу обратно, в лагерь Участников.

За несколько десятков миль от Диль-Румайи, у местечка, три тысячи лет назад названного Львиным Источником, медитирующий у хрустального шара Далхаддин-Улитка услышал *отзвук* чужого заклинания. Кто-то использовал магию в Пустыне — не в оазисе, ни на дороге, проходящий от Ильсияра на север, в Вечную Империю Ци. Кто? Зачем? Конечно, всегда есть вероятность, что сработала какая-либо из магических ловушек, которыми опутан весь древний некрополь Утраченной Империи Гиджа-Пент, но Далхаддин был почти уверен, что почувствовал заклинание совершенного другого типа.

— Что у тебя? — чутко отреагировал на выход ученика из медитативной сосредоточенности Кадик ибн-Самум. Сам маг был занят подготовкой сложного ритуала — заставил наемников расчистить от песка остатки разрушенной беседки, а теперь чертил линии, расставлял жертвенные камни, распределял зелья и артефакты.

— Мне кажется, что кто-то воспользовался телепортом близ Диль-Румайи.

— Эльф?

— Не думаю, что заклинание творил мэтр Пугтакль, — покачал головой Далхаддин. Кадик радостно осклабился:

— Наверняка Мориарти. Не может ллойярдская плесень усидеть на месте! Отлично, отлично!

— Я не понимаю, учитель… — Далхаддин действительно не понимал, почему факт, что мэтр Мориарти находится опасно близко (в обоих смыслах) к тому, чтобы вмешаться в ход состязаний, так радует старого мага.

— Тебе и не нужно что-либо понимать! Прекрати болтать,

пока я не отрезал тебе язык! Продолжай следить за Пустыней — может, кто-либо еще отважится применять магию!

Получив от наставника затрещину, Далхаддин поежился и вернулся к огромной магической сфере, возлежащей на бронзовом диске, покрытом рунами и рисунками созвездий. Вглядываясь в хрустальные глубины, ученик мага по привычке удалял из сознания все более-менее связные мысли. О том, что Кадик явно что-то задумал. О том, что ритуал, который сейчас готовится, Далхаддину не знаком. О том, что наемники очень недовольны тем, что им пришлось ворочать камни и подметать песок — да и вообще, почему Кадик использует для подготовки магического аркана не учеников, а пришлых людей и троллей?

И мысль о том, что где-то в Пустыне бродит мэтресса Далия, кладезь достоинств и истинное зерцало душевной красоты, Далхаддин привычно отогнал. Не сейчас. Сейчас он слушал Пустыню.

Вечное, огромное существо. Раскинувшееся от горизонта до горизонта. Томно нежащееся под лучами сжигающего, безжалостного Солнца.

Мечтающее о дожде…

Несколькими часами ранее, плато Кватай

Всю прошедшую ночь мэтр Карвинтий не находил себе места. С одной стороны импровизированного походного лагеря, который алхимик соорудил для себя, тетки и кузины, доносилось сочное похрапывание гномки. С другой — бормотание Ханны, которая воспользовалась моментом и поучала Любомарту на тему "Поведение младой крестьянки в прицеле долгосрочных семейных отношений". Лекция изобиловала наставлениями типа "мух ловят не на уксус", "волчат по осени считают", "не всё коту на печи лежать, надо-ть и за мышом побегать", и растекалась по мозгам невольного слушателя как пятно масла по воде.

В итоге за час перед рассветом Карвинтий не выдержал и сбежал, оставив за спиной небольшую ложбинку, спрятанную за высокими, хищно устремленными в небо каменными глыбами.

Прочь отсюда… что он тут забыл? Ему надо возвращаться в цивилизацию, Талерин, Уинс-таун, а еще лучше — Тьюсс. Мертвенно-бледный мэтр Мориарти, ухмыляясь криво и многозначительно, пообещал ему «веселую» жизнь, если Карвинтий осмелится не выполнить его "нижайшую просьбу"? Да с тем состоянием, которое алхимик заработал, вернее, нашел в бесхозном кошельке, мэтр Мориарти его за тысячу лет не найдет! Быстрее убежать отсюда! Спрятаться…

Скользя в осыпающемся песке, проклиная острые камушки,

попадавшиеся на каждом шагу, Карвинтий отбежал прочь на несколько тролльих шагов, нервно оглянулся назад, убедился, что его незваные спутники спят сном младенцев, пробежался дальше… дальше…

Он выбежал к обрыву, которым заканчивалась скала, и продолжил путь вдоль самой кромки, нервно оглядываясь в поисках подходящего спуска. Еще вчера утром, когда мэтр Мориарти выбросил небрежным телепортом Карвинтия и его спутниц посреди Пустыни, алхимик попытался изучить окрестности. Пока что он понял только, что оказался в месте, чарующем своей необычной, совершенно дикой красотой: пропасть, открывавшаяся за обрывом и окружающая неровным полумесяцем возвышающийся вдали пик Абу-Кват, казалось, достигала самой Преисподней. Отвесные, почти идеально ровные кручи уходили вниз как минимум на три лиги, а может быть, и больше — далеко внизу ущелья виднелся серый туман, хаотичный и бурлящий. Ширина каньона не поддавалась измерению — по крайней мере, Карвинтий не собирался этим заниматься; — лишь на самых подступах к Абу-Кват горы вновь возвращались, разнообразя собой рассыпавшиеся на отдельные глыбы останки полудюжины пирамид.

Поэтому Карвинтий бежал вдоль ущелья, на запад. Где-то там (так ему казалось) есть Старое русло Дхайят, а значит, и оазисы, сохранившиеся с незапамятных времен; где-то там проходит торговый путь, связывающий Ильсияр и Нан-Пин, где-то там находится укромный уголок, способный послужить ему защитой от настырного некроманта…

Упал Карвинтий резко, со всего размаху. Больно приложился щекой и ладонями о шероховатый неровный валун; растянулся, как препарированная лягушка, обнимая непройденные пески.

А потом что-то очень сильное обхватило щиколотку алхимика и потянуло назад.

— Пусти! Отпустите меня! — закричал Карвинтий, выворачиваясь, чтоб посмотреть на обидчика. Он набрал полную горсть песку, бросил… но неведомая — и невидимая! — сила, блокировавшая его движения, не отреагировала. Алхимика потащило снова, гораздо сильнее. И буквально за пару минут доставило трепыхающего, плюющегося с досады мэтра обратно в лагерь.

Протащило мимо мирно посапывающей мэтрессы Далии и бросило к угольям догоревшего костерка.

Туда, где в жесткий серый песок был зарыт «подарочек» мэтра Мориарти.

"Вам не придется делать ничего особенного," — говорил

некромант, наставляя алхимика перед отправкой в Пустыню. Побрызгал на Карвинтия из дюжины разномастных пузырьков, окурил травами, заставил выпить какие-то отвары и смеси. — "Просто будьте рядом. И в нужный момент активизируйте артефакт. Ну же, держите его," — сказал тогда Мориарти, и Карвинтия снова пробрала дрожь при одном воспоминании о темном шатре, таинственно горящих зеленых свечах, магической пентаграмме, в которую его завел волшебник… "Не бойтесь, он не кусается. По крайней мере, здесь и сейчас его укусы вам не грозят, честное слово порядочного некроманта," — пообещал ллойярдец.

Шпацех уэш, — по-гномьи выругался Карвинтий, против воли разгребая песок. Когда артефакт выглянул из песчаной ямы, алхимик задрожал — уже не от страха, нет. Он успел притерпеться к виду странной бронзовой статуэтки, изображающей скелет донельзя уродливого существа, поджавшего ручки и ножки и скалящего в недоброй усмешке выступающие вперед зубы. На этот раз Карвинтия трясло от сознания собственного бессилия. Помогать некроманту, будь он хоть трижды порядочный, не хотелось. Не помогать… видимо, не получится, — решил Карвинтий (артефакт-скелет отреагировал холодной издевательской улыбкой). Что же делать? Куда бежать? Кто может помочь?

В отчаянии алхимик схватился за найденный кошель, который он, не доверяя никому, носил на длинном шнурке, на груди. Может, среди этих, счастливо обретенных сокровищ, найдется что-то, способное выручить из беды одного мелкого, скромного, весьма порядочного погодоведа?

За спиной Карвинтия Фриолар шумно перевернулся с боку на бок, поправил сползшую с плеч куртку, забормотал что-то сонное, пытаясь стряхнуть с лица наползающий с востока рассветный луч. Продолжая нервно сжимать свое сокровище, мэтр Карвинтий решился было подойти, спросить, а не знает ли молодой коллега что-нибудь об артефактной магии. Нет, что правильно настроенным артефактом может управлять любой дурак, всем известно, а вот как быть, если кое-кто, скажем, средней могущественности некромант, использовал вашу кровь для усиления заложенных в магическом предмете чар?..

Сражаясь с жадностью, сомнением и страхом за собственную жизнь, Карвинтий придумал удивительный план в десять ходов, в результате которого Фриолар должен был подменить старшего коллегу в нелегком деле активизации «подарочка» Мориарти. Еще пять минут, чтоб собрать мужество в кулак, справиться с учащенным сердцебиением, пройти оставшиеся четыре шага,

растормошить Фриолара, и…

И в этот момент поднимающееся солнце разбудило Напу Леоне Фью из клана Кордсдейл.

Гномка поднялась в тот же момент, как солнце коснулось подошв ее сапог. Душераздирающе зевнула, подскочила и, энергично размахивая руками, скомандовала общую побудку. Эй, Фри-Фри, у тебя еще остались амулеты с заклинанием «карза-нейсс»? Прибереги — вот тут у мэтра Карвинтия замечательные полешечки припасены, он ведь одолжит по старой дружбе мне три-четыре деревяшки, чтоб я наделала стрел для нашего арбалета. Спасибо, мэтр, вы душка, а не подлая зараза и двуличная скотина, как я думала. Далия, подъем!!! Фри-Фри, если ты не проснешься в течение трех секунд, я пожалуюсь твоей ма… Уже проснулся? С добрым утром! Набери фляги, попрощайся с госпожой Ханной, с этой милой девушкой, которую мы никак не можем взять с собой…почему? Почему?.. Далия, просыпайся, ответь на вопрос барышни Любомарты, почему мы ее не берем на охренологические раскопки. Почему ты спишь, когда мне требуется совет твоего всеведущего Разума?! Подъем!!!

Энергия, излучаемая маленькой гномкой, пробудила маленький лагерь и наполнила его деловитой, целеустремленной активностью. Карвинтия оттолкнули, вырытую им песчаную яму с покоящимся на дне бронзовым скелетом затоптали; из последних поленьев, выторгованных у ллойярдцев, развели костер, повесили над ним котелок с будущей овсянкой.

Судорожно разминая запястья и пальцы, Карвинтий с неприязнью смотрел на то, как его тетка суетится и квохчет вокруг Любомарты, как кузина весьма целенаправленно пробует придавить Фриолара к какой-нибудь скале — желательно в укромном местечке, и чтоб маменька не мешала. А "мэтр Фри-Фри" весьма ловко избегает распростертых девичьих объятий, явно предпочитая общество дипломированной коллеги. Мэтресса Далия медленно и неохотно собирается, ворча что-то относительно принятия ванны и необходимости десятичасового сна…

Пальцы алхимика снова вернулись к вышитой прозрачным бисером снежинке, которой был украшен чужой кошель. Используй нас, — шептали сокровища. Мы твои, твои…

— Сейчас, — ответил Карвинтий. — Подождите немного.

Однако прошло еще невыносимых полчаса, прежде, чем гномка увела Далию и Фриолара искать спуск в ущелье.

Но и тут Карвинтию не было покоя. Любомарта вдруг рухнула на соседний валун и заревела-запричитала, разбрызгивая по ближайшим барханам струйки искренних слез:

— Ой, да на кого ж меня покинули-и-и-и!.. Ой, да за что мне горе горькыя… судьба печальныя… Второй мужик от меня сбегает, а маменька ничаво делать не делаит…

Узорчато-писклявая манера сетований плохо подходила к богатырской фигуре Любомарты, не говоря уже об общем состоянии души, от которого охотно поберегся бы и голодный медведь, но Ханна отреагировала мгновенно. Буквально сразу же она брякнулась на песочек рядом с любимой дочурой, ухватила ее за край косицы и заверещала с энергией убиваемого поросенка:

— Ох, судьба-судьбинушка, жуткая дубинушка! Почто давишь нас, окаянством твоим измученных! Почто несправедлива! Почто счастья баб лишаееешь…

— Мамо, — грозно нахмурилась Любомарта где-то через час, когда поняла, что позорно проигрывает маменьке по громкости и скороговорливости. — Мамо, поймайте мне мужа! Почто вы ему убечь дали? Вертайте его, мамо!

Ханна резво отсалютовала, шустро стукнула пятками стоптанных башмаков и на рысях припустила за путешественниками, скрывшимися за валунами.

— Ну что, Карвиш, — повернулась Любомарта к двоюродному братцу. — Что мне на свадьбу подаришь-то?

Порядком оглохнувший Карвинтий буркнул что-то невразумительное, теребя чужой кошель.

— Дари тёлочку, — дозволила Любомарта. — Хотя… какой-то этот Вриоларушка нехозяйственный. Он ведь корову доить вряд ли сможет… Значит, дари, Карвиша, пару поросят. Свинню завсегда откормить чем-нибудь сумеем. А кто ж свинню потом резать будет? Я — промахиваюсь, давеча вон сарафан порвала; Вриоларушке поручить? Так свинню жалко, она ведь щель какую в заборе отыщет, да в ближайший лес утекет… не, поросят нам не надо-ть. Дари-ка ты, Карвиша, нам лучше самовар серебряный. Деньги-то, чать, есть? Знаю, есть… — и цепкая рука Любомарты — почему-то с зелеными пятнами, как у трупа, потянулась к шее Карвинтия.

Пятна шевелились, расползались по руке, которая с ленивой неторопливостью сужалась, скручивалась, приобретая змеиную гибкость, покрывалась плотной кожей, шуршала по песчинкам, подползая всё ближе, ближе…

Аааааа!

Мэтр Карвинтий с воплем отшатнулся от сестры.

Его била крупная дрожь, руки тряслись, по телу распространялись волны удушающего жара и едкого холода. Змея? Трупы?.. нет, хвала богам! Всего лишь наваждение!..

Любомарта — такая привычная, надежная, домашняя

Любомартушка, в несчастном розовом сарафане и растрепавшейся фальшивой косе, добросовестно собирала со стенок котелка остатки овсянки.

— Чё, спятил? — равнодушно поинтересовалась она у кузена.

— Я? — удивился Карвинтий. Пальцы нашли бисерный бочок кошелька, привычно сжали. Надежда, моя и только моя надежда на будущее…

— Орешь, как оглашенный — значит, точно спятил, — заявила Любомарта. Сочно рыгнула. И добавила: — С дуба ты, Карвиша, рухнул! Откель только взял его здеся — плюнуть ведь негде, ни дубов, ни кустиков, одни каменюки да пыль песчаная…

— С чего это я спятил? И вовсе я не спятил, я абсолютно нормален, — заявил Карвинтий, искренне веря собственным словам. Любомарта оценила вздыбленную шевелюру, опавшее лицо, бегающий взгляд родственника и издевательски хмыкнула. Мэтр оскорбился: — И вообще, это ты с дуба рухнула! Такой парень этот Фриолар, хозяйственный, и тёлку подоит, и поросенка в заборе поймает, и вообще… у него диплом Университета есть, и самовар серебряный!

Любомарта выслушала поток бессвязностей скептически.

— Не, мне их старш*ая*, которая Дылдия, сказала, что у него эта… ну… — красавушка нахмурилась, вспоминая. — Ну, однем словом, теток у него — полтыщи. Попотеть, однако ж, придется, пока я мужнино приданое себе стребую… — и богатырка задумчиво хрустнула кулаками. — Можа, мне не за него замуж сходить, а, Карвиш?

— Да ты больше эту Далию слушай! Она соврет — не дорого возьмет, и вообще… Пока ты тут сидишь, думы думаешь, эта Далию твоего будущего мужа соблазняет! Да-да, она это умеет! — на мгновение перед Карвинтием всплыл образ сапиенсологини, загоревшей, пропылившейся, осунувшейся вследствие превратностей путешествия и почему-то танцующей танец живота под аккомпанемент перелистываемых гномкой книг.

— Да как она посмела! — вспылила Любомарта. — Да я ей… мамо! Вы догнали эту хлобыстню гномковую?

Ответа не последовало, но краса из Нижней Исподвысковочки в том и не нуждалась.

— Кусайте их, мамо! Хватайте и кусайте! До меня додержите, я их в рог-то скручу! Будут знать, как мужиков отбивать! — и, засучив рукава, она поспешила сразиться за будущий семейный очаг.

Глядя на решительно ковыляющую прочь Любомарту, Карвинтий захихикал. Наконец-то! Наконец-то у него есть время подробно изучить свою добычу, буквально упавшую в его руки с

неба!

Оставшись в одиночестве, Карвинтий нетерпеливо достал кошель, развязал тесемки и заглянул внутрь. Как и тогда, ночью, ему подмигнули чистые, прозрачные, как разноцветные льдинки, драгоценные кристаллы. Мелкие, не слишком ценные — но его, его собственные! Алхимик с восторгом схватил драгоценности и принялся рассматривать их на в лучах медленно поднимающегося светила, буквально тая от восторга перед загадочным блеском волшебных камней.

Потоки солнечных лучей постепенно завоевывали Пустыню, пожирая остатки ночной тени, безжалостно выжигая любую живую плоть, попавшуюся на их пути. А мэтр Карвинтий, сидящий в небольшой, наполовину засыпанной песком ложбинке между остроконечными валунами, потерял счет времени, забыл, зачем и ради чего остался наедине с Пустыней, рассматривая то одну драгоценную песчинку, то другую. В видениях алхимик был богаче королей, да что там! Богаче, чем пелаверинский Золотой Герцог! По мановению его руки склонялись рыцари и тащили на костры упирающихся, молящих о пощаде некромантов! Он, Великий Мэтр Карвинтий, с важным видом поучал ректора талеринского Университета и с позором выгонял мэтрессу Далию — не слишком далеко, ведь ему нравилось, как она просит милостыню у порога Библиотеки в своих пестрых лохмотьях…

День продолжался. Где-то далеко король Гудеран с видом оскорбленной добродетели принимал извинения тестя и вялые, сумбурные уверения мэтра Фледеграна, что "самовольные отлучки принцесс больше не повторятся никогда в жизни"; в замке Фюрдаст принцесса Ангелика и генерал Громдевур сбежали от слуг и придворных, чтобы поохотится на горных коз(43); в Вертано принц Роскар наслаждался завтраком в обществе замечательной девушки, которая на самом деле звалась Джоя, но почему-то попросила именовать ее Кассандрой-Аурелией; в шести лигах от деревеньки Диль-Румайя мэтресса Вайли предвкушала разговор с мэтром Мориарти, в трех лигах от Ильсияра в доме мэтра Вига… хотя не важно.

Важно, что мэтр Карвинтий так и сидел, не замечая соленых капель пота, стекающих ему за шиворот, не замечая, как слепит и обжигает поднявшееся в зенит солнце, не замечая самой Пустыни — и полностью растворившись в прекрасном и загадочном мерцании драгоценных граней.

— Эй, ты! — окликнул кто-то алхимика.

Зажав сокровище в кулачке, алхимик резко обернулся, намереваясь отстаивать свое имущество до последней капли крови.

За его спиной попирали серый песок двое. Один — громила совершенно убойного вида, хмурился и держал в поводу пару оседланных коней. Второй — росточком поменьше, жилистый, какой-то неприятно-сальный, придерживал за ошейник породистую борзую.

— Эй, ты тут, часом, женщину не видел? — спросил жилистый. — О боги, не думал я, что буду задавать этот вопрос какому-то лысоватому типу, застрявшему посреди Пустыни…

Карвинтий мигом спрятал сокровище под одежду и замотал головой.

— Ну, фигуристая такая краля, — объяснил Хрумп, подходя ближе. Борзая жадно потянулась к новому человеку, обнюхала Карвинтия и недовольно чихнула. — Росту чуть выше среднего, косы темные — она их еще в узел на затылке подворачивает, болтливая, любит поважничать, зовется Далией — не встречал, не? Рядом с ней еще гномка бегает. Молоденькая, еще безбородая.

Алхимик еще активнее помотал головой.

Пелаверинцы почему-то не поверили. Фломмер решительно вошел на территорию покинутого лагеря алхимиков, осмотрелся по сторонам, считая отпечатки тел, оставшиеся после ночевки — одно, второе, третье, четвертое…

Хрумп спустил Сонечку побегать, а сам присел рядом со странным мужичком. Где-то он его видел… А, вспомнил! Пили они как-то за одним столом. Еще, помнится, карманы у мужичка были пустые, как башка гоблина…

— Так что, папашка, — фамильярно приобнял Хрумп алхимика за плечи. — Видел ты давешнюю цыпу, или будем иначе разговаривать?

Фломмер сердито сплюнул в потухший костер.

Этот плевок означал, что, во-первых, Фломмер не верит старику Кадику ибн-Самуму, который поклялся своей эльджаладской мамой, что его волшба видела искомую ученую бабу именно здесь, почти у самого Обрыва. Во-вторых, что Фломмер не верит Хрумпу, которого уже четырежды порывался удушить, но босс каждый раз находил повод продлить удовольствие. И в-третьих, что Фломмеру жарко, он хочет пива и покладистых красоток, а не шипящих змей и скорпионов, которые в этой […] пустыне на каждом шагу…

— Н- ннее… ннее… — промычал Карвинтий.

Хрумп брезгливо отодвинулся:

— Ты что, совсем дурной?

— Ага, — радостно подтвердил алхимик.

За время этого нехитрого диалога Фломмер получил

убедительные доказательства того, что какая-то женщина поблизости водится — наемник увидел крупные зеленые бусы, которые Любомарта уложила перед ночевкой на острый выступ, и осторожно, как ядовитую гадину, развернул их кончиком меча.

— Какая га… удача! — закричал Хрумп, прекрасно имитируя восторг. — Именно эти бусы были на мэтрессе Далии, когда я с ней познакомился! Правда, правда! — добавил пройдоха, заметив выражение здорового недоверия, исказившее и без того неровное лицо Фломмера. — Взглянув на эти бусы, я и захотел убить хитроумную мэтрессу… Сонечка, радость моя! Иди, понюхай каку, нам нужна монстра, которая носила их на шее…

Борзая, свесив язык, подбежала и добросовестно выполнила требуемое. Хозяин уверен, что хочет найти данную…э-э… особь? Я поищу, мне не трудно, но вот надо ли…

— Ищи, ищи, — зашептал Хрумп в собачье ухо. — Ищи, а то Фломмер меня придушит!

Карвинтию показалось ужасно смешным, как мордатый пелаверинец бережно подбирает бусы Любомарты, и он затрясся мелким, задыхающимся смехом.

— Тьфу на тебя, — скривился Хрумп, отказываясь от идеи обыскать карманы убогого. Нет, грабить нищих — это он умеет, но грабить сумасшедших? На фига, спрашивается?

Фломмер фыркнул и тоже передумал душить нечаянного свидетеля. Сам сдохнет.

В итоге для Карвинтия визит пелаверинских господ превратился в фантом, вызванный раскаляющимся воздухом Великой Пустыни. Убедившись, что мираж развеялся, алхимик достал красивое колечко — обсыпанное изморозью мелких алмазов, — и принялся, напевая, сочинять приветственную речь, с которой он будет обращаться к подданным своего собственного королевства. Да, именно так: купить собственный город, и каждое утро, надев корону, гулять по предместьям, подробно объясняя, какой нынче ждать погоды…

Если бы сейчас мэтра Карвинтия видел карлик Цогобас — или любой другой подданный таинственной Госпожи, например, ее домоправительница Тия-Мизар, великий специалист по превращению содержимого корзин, мешков, бутылей и баклажек в дивные яства, — он бы мог подсказать, что долго держать артефакт "Холодное Сердце" под палящими лучами полуденного южного солнца не рекомендуется.

Но увы — мэтр Карвинтий оказался совершенно один в Пустыне.

Откроем секрет — ему жутко нравилось его теперешнее состояние.

Борзая резво подбежала к краю обрыва и заскулила, топчась на месте.

— Куда они подевались? — спросил Хрумп. Фломмер грыкнул-хмыкнул, и потому вор был вынужден искать объяснения самостоятельно. — Это что, какая-то магия? Алхимические фокусы?

Сонечка уселась на тот камень, возле которого прекращался запах, и склонила набок голову. Хрумп забежал вперед, убедился, что пропавшая мэтресса не спряталась за выветрившимся обломком, не закопалась в песок, не… короче, нигде ее нету.

Оставался вывод, что искомая дама каким-то образом спустилась вниз.

И Сонечка, Фломмер, Хрумп и их кони с опаской заглянули в ущелье.

Отвесные стены. Пустота. Серый бурлящий туман далеко внизу.

И едва различимые, буквально в ладонь шириной ступеньки, вытесанные в скале.

— Гномы, мать их каменючную с наковальнями, — проворчал Фломмер. Он отпустил коня, проверил, прочно ли держится меч в ножнах, ножи — за голенищами, пистолет — за поясом, и примерился к «лесенке». Хрумп задержал дыхание — ему воочию представилось, как громила вдруг пошатывается, теряет опору, взмахивает руками, тщетно пытаясь найти зарубку на гладком камне обрыва, как тяжело срывается и с оглушительным матом падает вниз… Вор нервно облизнулся.

— Давай-ка первым ты, — решил Фломмер, весомым подзатыльником подталкивая Хрумпа к краю обрыва. — Эх, жаль собаку оставлять… Ладно, сейчас придумаем что-нибудь.

Фломмер срезал поводья, придирчиво изучил остальную сбрую на предмет того, что можно превратить в веревку, и занялся сооружением крепления для Сонечки. Хрумп попробовал протестовать, улестить своего конвоира-товарища, получил в ответ весьма многозначительное ворчание и осторожно начал спуск.

Опустившись на две ступеньки — то есть приблизительно на локоть ниже края обрыва, пелаверинец отважился посмотреть вниз. Там бурлила туманная пелена, иногда разрывающаяся под потоками ветра. В подобные моменты можно было заметить усеянные острыми обломками, почти лишенные песка клочки спекшейся, окаменевшей земли. В один миг Хрумп представил, что вот сейчас его рука промахнется мимо очередной ступеньки, нога соскользнет, наступив на предательски шатающийся

камушек, он взмахнет руками, теряя равновесие…

Пелаверинец прижался к скале, как к возлюбленной, и от души проклял всех чрезмерно прытких алхимиков, заманивших его на дорожку, с которой не возвращаются.

Полдень, дом мэтра Вига и прилегающая таверна "Песчаный Кот"

Лотринаэн услышал сбивчивые оправдания мэтра Лео еще до того, как окончательно сработало заклинание телепорта.

— Чему вас учили наставники, Лео! — возмущался инспектор Клеорн. — Почему вы не можете дать мне точной информации, как чувствуют себя существа-претенденты?! Это ж проще простого!

— Да? — оскорбился Лео. — Ну, раз это просто — сами и делайте.

— Вы при исполнении! — сурово напомнил Клеорн.

— Нет, — едким тоном ответил волшебник, присаживаясь за столик рядом с Лотринаэном. — Мы вообще не в Кавладоре, если вы еще не заметили. Может, я вообще решил эмигрировать? Может, взял отпуск для поправки здоровья?

— Нет уж, мэтр! Раз вы оказались здесь рядом со мной… Кстати, — вдруг спохватился сыщик. — А как я здесь оказался?

Лотринаэн и Лео переглянулись, раздумывая, какой уровень откровенности приемлем в данной ситуации.

— Мэтр Пугтакль обратился к вам с просьбой присмотреть за соблюдением законов во время состязаний, — осторожно ответил Лотринаэн. — И обещал направить соответствующую просьбу в Министерство Спокойствия, господину Ле Пле. Так что — не волнуйтесь, вы здесь совершенно официально.

— Вот! — победоносно заключил Клеорн. — Значит, не исполнять моих приказов вы, мэтр Лео, не имеете права!

Прежде, чем волшебник придумал, что ответить, Лотринаэн попросил объяснить ему, что происходит.

— Мы пробежались по лагерю Участников, — объяснил инспектор. — Почти половина животных показывает признаки отравления снотворным зельем; друидские растения вянут почем зря…

— Несколько птиц-претендентов, которые успели вернуться из Пустыни, тоже имеют признаки отравления, — подтвердил Лео. И в доказательство своих слов широким жестом *выпустил* предмет обсуждения. Покружив под потолком, коршун, ворон и гагара-альбинос пристроились на балке, разглядывая беседующих об их состоянии людей необычно мудрыми круглыми глазами. — А что мне было делать? — возмутился кавладорец, когда

Лотринаэн спросил, зачем он притащил с собой этих тварей. — Их хозяева — черствейшей души люди! — пытались уничтожить улики, сварив из них суп!

— Чтоб раскрыть заговор, мы должны найти тех существ, которые отравлению не поддались — ведь маловероятно, чтобы злоумышленник отравил и свою собственную ненаглядную зверюшку. А этот упрямец, — гневно закричал Клеорн, указывая на сотрудника Министерства Спокойствия, — отказывается показать мне, как проходят гонки!

— Я не отказываюсь! — возмутился Лео. — Я просто не могу! Лот, скажи ему — вся Пустыня окутана противошпионскими чарами! Единственный способ увидеть, как и где сейчас находятся существа-претенденты — это воспользоваться бронзовыми дисками, которые Кадик и его ученики установили вдоль Нового и Старого русла! А они, в свою очередь, замкнуты на приемниках, которые установлены в покоях ибн-Самума в Хетмироше! Ну, и в дворце судьи Раджа, как я мог забыть…

— Да, — припомнил Лот. — Я, пока искал, семь раз активизировал *Хальгастиарр*, да и видел Д… — вовремя спохватившись, полуэльф исправился: — да и видел далеко не всё, что хотел…

— Кого вы искали? — подозрительно уточнил Клеорн.

— Папу, — невинно ответил Лотринаэн. — Опять старик куда-то ускакал, а я, может, хотел у него спросить пару уроков игры на лютне… Но не будем о моих родственниках. Почему вы не прошли в Хетмирош?

— Потому, что нас туда не пустили! — раздраженно бросил Клеорн. — А у судьи Раджа, видите ли, идет ремонт дома после давешней вечеринки, они не принимают! Всё происходящее напоминает мне элементарный сговор…

Лотринаэн задумчиво покачал головой. Дернул ухом. Пронаблюдал, как Лео кормит «обиженных» существ-претендентов *призванными* жучками.

— Кадик ибн-Самум прозакладывает душу демонам, если у него появится хотя бы малейшая возможность щелкнуть по носу Мориарти. Да и Пугтакля он недолюбливает, и кавладорских волшебников… Вообще, если хорошо подумать, Старик-Ветер-со-Свистом никого, кроме себя, не любит.

— Что, по-твоему, это он отравил существ-претендентов? — рассеянно спросил Лео.

— Нет, — в один голос ответили Лотринаэн и Клеорн.

— Слишком для него мелко, — продолжил полуэльф.

— И чересчур очевидно, — добавил сыщик.

— А потом — он ведь сам предложил организовать

соревнования в здешней Пустыне! — опроверг собственное подозрение Лео.

— Как говорила паучиха, сплетая паутину, — добро пожаловать в гости! — пробормотал Лот.

Клеорн побарабанил пальцами по столешнице.

— Интересно, а что он сейчас делает? — продолжал нести чепуху Лео. — Вот ведь и не узнаешь — защиту от магического наблюдения по Пустыне наверняка он сам и делал. Не лично, конечно, одному магу подобные масштабы не осилить, но ведь у него весь Хетмирош, полсотни магистров, да сотни две-три учеников в распоряжении…

На лице сыщика и полуэльфа появилось на редкость одинаковое выражение.

— Мэтр Пугтакль предполагал что-то подобное, верно? — тихо спросил Клеорн у Лотринаэна.

Острое ухо волшебника дернулось в нервном тике.

— Мэтр Виг! — громко позвал Лотринаэн. — Мэтр Пугтакль! Вы здесь? Нам хотелось бы узнать ваше мнение по очень важному вопросу!

Он заглянул в большую гостиную, украшенную магическим прудиком, коврами из живых растений, но обнаружил лишь карликовое стадо и полдюжины белок.

— Куда подевались эти старые демоны? — проворчал полуэльф, бегом возвращаясь на первый этаж.

Инспектор Клеорн с задумчивым видом прохаживался из угла в угол.

— Погодите, мэтр Лотринаэн, не порите горячку, — потребовал сыщик. — Надо всё хорошенько обдумать. Лично мне проделка со снотворным зельем кажется задумкой кого-то из "честных братьев" — полностью в их стиле, плюс наверняка у них есть кандидат на выигрыш…

— Я видел какого-то важного пелаверинца на приеме у судьи, — припомнил Лео.

— Бонифиус Раддо. Лео, — и в голосе сыщика вдруг появились просящие нотки, — а вы можете отыскать шатер или дом, в котором остановился фрателла и как-нибудь…

— Ну, найти-то найду…

— Господин Клеорн имел в виду магические поиски, Лео, — остановил коллегу Лотринаэн. Он легким жестом свернул из воздуха плотную линзу пяти-шести дюймов в диаметре, прочитал заклинание, заставив ее раздвоиться; один из получившихся *Ману'хар-Ди* выкинул за окно, а второй торжественно вручил Лео, велев следить и докладывать обо всем обнаруженном магическим

предметом.

— А запустить подобную штучку в Пустыню вы сможете? — с загоревшимися глазами спросил Клеорн.

— Нет. "Подобная штучка", чтобы вы знали, работает в радиусе пяти-шести лиг, да и требует полной концентрации внимания… Лео, не отвлекайся! Если ты будешь думать о ком-то другом, а не о фрателле Раддо, *Ману'хар-Ди* истратит свой ресурс впустую!

— У меня есть идея, — обрадовавшись, что наконец-то нашелся волшебник, понимающий его задумки с полуслова, сообщил Клеорн. — Вы можете заглянуть в ближайшее будущее? Допустим, дня на три-четыре вперед, в момент, когда состоится финиш этого магического забега?

— Лично я ясновидение не практикую, — ответил Лот, выкладывая на стол «глаз» и проводя над ним рукой. — Но осмелюсь порекомендовать своего знакомого — господина Пабло из Лаэс-Гэора. Пабло? — обратился волшебник к фантому, выросшему из магического кристалла. — С тобой хочет поговорить инспектор Клеорн.

— За что?!! — нервно подскочил фантом. — Я ничего не сделал! Сижу в четырех стенах, зубрю заклинания, за что меня сразу травить инспектором?!!

— Пабло, — терпеливо объяснил Лотринаэн. — Господин Клеорн просит твоего совета как компетентного и ученого человека.

— Я на осьмушку эльф, — фантом пришел в себя, гордо подбоченился и вытер нос рукавом, приобретая необходимую солидность. — Давай своего инспектора.

"Заглянуть в будущее — неплохая идея," — нехотя признал Лотринаэн, наблюдая, как проходят переговоры между Пабло и Клеорном. "Вот только какой результат она даст? Ведь итог может зависеть от целой суммы переменных. От личности, физических характеристик, сопутствующих обстоятельств, удачи, расположения звезд… так, стоп, Лотринаэн. Сейчас ты дорассуждаешься до необходимости посоветоваться с каким-нибудь астрологом. Рассуждай спокойно и хладнокровно. Клеорн прав — проделка с подсыпанием отравы существам-претендентам вполне в духе пелаверинцев, а Кадик навешал на Хетмирош и Пустыню заклинаний специально для того, чтобы никто из участвующих магов не вмешивался… Не вмешивался…" — повторил для себя полуэльф.

И рискнул задать следующий вопрос: "А, собственно, во что именно посторонним нельзя вмешиваться?"

— Господин Вапути! — окликнул хозяина таверны полуэльф,

выскакивая под палящее полуденное солнце. — Вы не видели, куда ушел мэтр Пугтакль? И где хозяин дома, я хотел бы с ним посоветоваться?

Вапути грустно пожал плечами.

— Эльфа, не в обиду будет сказано вашему магичеству, я со вчерашнего дня не видел. А мэтр Виг сказал, что должен разобраться с какими-то семейными делами, но к финишу обязательно вернется.

Лотринаэн прищелкнул пальцами, раздумывая, как будет искать отца. Собственно, ничего удивительного, что эльф захотел побыть в одиночестве, помедитировать где-нибудь в тишине и спокойствии, не было. Тем более, что на любого нормального эльфа серое песчаное однообразие Пустыни действовало угнетающе. Развернувшись, чтобы попросить Пабло поискать Пугтакля где-нибудь в Лаэс-Гэоре, Лот спохватился, остановился и снова обратился к хозяину таверны.

— Уж простите за любопытство, сударь, но разве сейчас не обеденный час? Или вы закрыли "Песчаного Кота"?

Вапути уныло развел руки, показывая на пустые столики, укрытые в тени полосатого тента.

— Ах, ваше магичество, если бы! Все, кто мог, ушли в Пустыню! Кому-то пришла в голову понаблюдать, как будут бежать магические тварюки. Еще третьего дня народ начал разбредаться — кто-то решил добраться до оазисов, которые расположены вдоль Старого русла, кто-то — подняться на плоскогорье… Всем ведь интересно, как будут бежать их твари. Эти-то, в халатах со звездочками, тутошние чародеи, сначала поставили на месте старта большое зеркало, чтоб, значит, волшбой следить. Да только зеркало иногда кажет — иногда нет. Демоны разберут, чародейство это… Уж своими глазами — надежнее.

Лотринаэн только и смог, что согласиться.

Иберра, Лаэс-Гэор

— Договорились, инспектор, — с важным видом проговорил Пабло. — Я сообщу о результатах своего ясновидения, как только их получу. А Лотринаэну можете сказать, чтоб не беспокоился — мэтр Пугтакль здесь еще не появлялся.

Завершив разговор, ученик мага приосанился, замурлакал что-то бравурно-веселое и начал готовится к погружению в пророческий транс.

Если говорить коротко и по существу — Пабло был не самым лучшим волшебником. Да, его угораздило родиться в семье придворного мага, да, он унаследовал от прадеда — великого

эльфа Аэллиса — острые уши, огромные черные глаза и немалую толику волшебной Силы. Вот только управлять ей получалось…э-э… в лучшем случае через раз. А то и через пять.

Но пророческим даром Пабло обладал. Правда, как ехидно замечала его старшая сестра Везувия, большой радости и прибыли сей Дар не приносил, ведь срабатывал спонтанно, под влиянием момента и обычно за полторы-две минуты непосредственно до наступления события. Как комментировал мэтр Пугтакль, которому выпала сомнительная честь быть наставником юного дарования, с паршивого гоблина — хоть громкий визг…

Однако после скандала, учиненного сестрицей по поводу безобидной, дружеской шалости — Везувия и ее муж почему-то весьма нелицеприятно, резко и даже грубо оценили каникулы, которые Пабло устроил своим племянницам, — ученик мага был готов подойти к порученному делу со всей серьезностью и ответственностью.

Сбегал в хранилище, запасся эликсирами и стимуляторами. Разложил на лабораторном столе магические справочники, тщательно поработал губами, подготавливая их для произнесения сложных заклятий, для надежности — сотворил ведро воды и поставил рядом, чтоб тушить возможный пожар (заклинания Первого Начала получались у Пабло спонтанно, иногда даже против воли). На специальной полочке положил чистый лист бумаги и зачарованное перо, которое должно записать все образы, которые явятся блуждающему в Сферах магу.

И опасливо, постоянно сверяясь с инструкциями, начал возжигать требуемые для погружения в пророческий транс травы.

Сначала Пабло провалился на *ближний уровень* будущего. Из бурлящих глубин еще не ставших реальными событий отчетливо проступил Лаэс-Гэор, шелестящий листвой под порывами северного ветра (Пабло ухмыльнулся — надо будет с кем-нибудь поспорить, что завтра их ожидает плохая погода). Так, теперь отправляемся на восток… Ильсияр, Хетмирош…

Ощетинившийся крышами разнокалиберных построек Хетмирош переливался мутным, не слишком ярким рубином — если верить справочникам, такой эффект означал присутствие маскирующих чар любого порядка. Ну и ладно вам, мне эта Деревня-на-Холме даром не нужна. Мне нужна Пустыня… Огромное серое пятно — что, собственно, и следовало доказать, ибо подобные географические объекты имеют мало шансов меняться со временем. Но Лот просил постараться, да и Клеорн обещал упомянуть о моих заслугах в своем отчете…

Пабло сосредоточился, продавливая пласты реального-

возможного. Добавим на уголья жаровни немного трав, несколько капель эликсира… Глоток настойки риттландских мухоморов, как и предписывает инструкция — внутрь, для активизации скрытых резервов мозга… Ладно, два глотка, чтоб быстрей пошло. Три — ведь я не обычный человек, а в какой-то степени эльф. Уговорили — для ровно счета — пять глотков…

Десятый глоток мухоморовки встал «ясновидцу» поперек горла — видение накатило с решительностью весеннего шторма. Серый песок вдруг стал багровым, будто впитал свежую, только что пролитую кровь, поднялся столбом, захватывая и увлекая за собой. Освещенная огненным сполохом скала, перечерченная тоненькими полосками выходящих руд, необычно контрастная на фоне потемневшего, предгрозового неба, вдруг раскололась и начала постепенно — пласт за пластом обваливаться под волной разрушающей энергии. Испуганное, отчаянное ржание — снова кровь на песке — и мгновенно высыхающие до состояния мумия тела. Бронзовый младенец оглушительно кричит, раскрываясь, и порождая волну смертельного ужаса. Столб огня, бушующий, живой, ненасытный, — черный шар, бьющий молниями, — еще один шар, на этот раз из воды, безумно спокойный на фоне трепещущего, пропитанного яростью и злостью мира… Длинная цепочка следов, пересекающая песчаную долину — и копыта огромного, тяжелого существа, до половины проваливающиеся в песок; десяток рассыпающихся на части скелетов; целая армия вооруженных бронзовыми мечами големов, застывшая в ожидании приказа; арбалетная стрела; мумия, приветливо распахивающая объятия; молния; крик; песчаная буря, ветер, скелеты, зеленые листья, снова песок… Одинокая звезда, склонившаяся к оранжевому горизонту, освещающая крыши Золотого Города…

Очнулся Пабло от странного ощущения, источником которого было тихое тление рукавов мантии — укрепленный от магии шелк источал ароматы удивительной гадости. На каменной стене красовался след сработавшего файербола — видимо, погрузившийся в транс волшебник возомнил себя драконом; край камина и приставленный к нему сундук разнесло в щепки.

— Ни фига себе будущее, — прошептал Пабло, пытаясь хоть как-то унять дребезжание челюстей. Подошел, посмотрел на лист — там красовалась впечатляющая картина перечерканных, вымаранных и переписанных пять-шесть раз строк. В итоге горе-ясновидец сумел разобрать надпись, сделанную самыми крупными рунами: "СПАСИТЕ!" — Ну, и кого мне спасать? А главное — как, ведь отец запретил мне покидать Лаэс-Гэор?

Поразмыслив, Пабло решил как-то уточнить сделанное

пророчество. Благая мысль посоветоваться со знающим специалистом, хотя бы с отцом или наставником, почему-то не пришла в остроухую голову, зато в хранилище волшебного замка отыскался эликсир с великолепным списком свойств.

— При добавлении пяти капель свежей артериальной крови субъекта прогностической деятельности, в дальнейшем именуемого «предсказатель», позволяет увидеть ближайшее будущее, вероятное на шестьдесят восемь с половиной процентов, снижая удачу зависимого от предсказателя существа на пятнадцать с четвертью процентов и увеличивая риск активизации противонаправленных чар на родственников предсказателя в… Применять…э-э… дозировка… Не рекомендуется использовать чаще, чем раз в два года. Глупость какая, — решил Пабло, переливая эликсир в хрустальную рюмку. Конечно, следовало бы отмерить дозу магического питья с помощью мерного стаканчика, но тот, увы, разбился. Да и вообще, гадание стимуляторами не испортишь…

Разглядывая мутно-зеленоватую переливающуюся таинственным светом жидкость, Пабло подумал, что ничем не рискует. Зависимого существа у него нет — был фамильяр-бронзовка, так его экспроприировал отец, когда задумал Золотого Жука. Против родственников надо еще придумать какие-нибудь действенные чары — ибо против мэтра Аэлифарры бесполезно, а Везувию и ее детей защищает вся мощь магии кавладорского Министерства Чудес. Возможность отравления компонентами эликсира… все-таки предусмотрим, — и Пабло достал из коробки безоар, намереваясь использовать его при первых признаках удушения или закупорки сосудов.

Морально готовый ко всему ученик мага торжественно выпил эликсир, улегся на кровать и стал ждать появления видений.

На этот раз грядущее явилось мягко и ненавязчиво — как алкогольная зависимость. Будущее гарцевало в виде принца Роскара, восседающего на белом коне, торжественно шествующего к трибунам и толпе зрителей. Позади принца мелькали слившиеся в разноцветные пятна прочие существа-претенденты, но радостные лица эльджаладцев и гостей Пустыни Пабло рассмотрел очень хорошо.

Фу-ты, решил прорицатель, надо же, какая чудь привиделась в первый раз! Все-таки мухоморы — это не наш метод.

И Пабло поспешил связаться с инспектором Клеорном, чтоб сообщить благоприятный прогноз радостного и почетного для всего Кавладора исхода состязаний.

Львиный Источник, вторая половина 20-го дня месяца

Барса

Над развалинами Львиного Источника бушевал ветер. Он завывал среди колонн обрушившейся беседки, забрасывал горстями песка негромко переговаривающихся между собой наемников, согнал с теплого камня «потухшую» саламандру, которая вылезла посмотреть на чудачества пришлых людей, и рвал полы расшитых золотыми звездочками халата главного мага Хетмироша.

— *Апай туи-нха сукраи драбихайт! Ану Сараах котэ-ней амаир наи!..* - читал Кадик ибн-Самум положенную формулу вызова Духов Пустыни. — Придите, Духи Пустыни! Отведайте моих даров! Утолите жажду и даруйте мне свою милость!

Далхаддин стоял рядом, разведя руки в стороны ладонями вверх и склонив голову для лучшей концентрации. В его задачу входило в нужный момент *подпитать* наставника собранной маной, создать этакий магический резерв. Но вместо того, чтобы безмятежно медитировать, ученик постоянно отвлекался — то в полнейшем изумлении следил за подготовкой Кадика к призыву Духов Пустыни, то пытался объяснить гогочущим о своем, веселом наемникам необходимость тишины и сосредоточенности, то успокаивал перепуганных ягнят, то… То пытался определить, откуда доносится несмолкаемый, едва различимый *шепот* воды.

Где угодно, решил Далхаддин, когда впервые почувствовал присутствие Третьего Начала, но только не здесь. Давным-давно в этих местах вода была — кто же спорит. С вершины Абу-Кват падали водопады, дававшие начало Дхайят, колодцы, источники, львы, приходящие на водопой… Поверить, что где-то здесь, в сердце Великой Пустыни сохранился естественный источник просто не возможно. У Далхаддина ощущение? Да пребудут с тобой Духи Пустыни, глупец, у мага может быть сколько угодно ощущений, но они не дают права терять сосредоточенность на заклинании!

— Придите, Духи Пустыни! И возьмите то, что принадлежит вам по праву! — с завыванием закончил Кадик ибн-Самум, добавляя к разбросанным внутри магической фигуры лепешкам, фруктам и тыквам ягненка. Далхаддин поморщился, когда Кадик тренированным движением перерезал горло жертвенному животному, и темная кровь обильно оросила жадный песок, отвернулся и вжал голову в плечи.

— Они вняли моим мольбам, — торжественно провозгласил Кадик, подходя ближе. Небрежно бросил ученику обсидиановый кинжал, подхватил черный посох — так легко, будто вдруг помолодел лет на двести. — Скоро все увидят, на что способны Духи Пустыни!

Далхаддин-Улитка отважился краешком глаза посмотреть на пресловутых благодетелей Эль-Джалада: внутри очерченной пентаграммы бесновалась песчаная буря, раздирая на части то, что осталось от бедной овечки. Клубящийся песок на мгновение принимал очертания человекоподобной фигуры — и опадал, рассыпался на мириады частиц, чтобы собраться вновь — демоном, драконом, слоном или даже каплей воды…

— Слышь, ты, — пророкотал над Далхаддином один из троллей-наемников. — Эт чё — колдовство, чё ли?

— Мы на чернокнижие не подписывались, извиняюсь, — угодливым, подобострастным, но весьма решительным тоном поддержал товарища другой вояка.

— Вы не так поняли!.. — попробовал объяснить Далхаддин. — Это совершенно безобидные Духи! Наши покровители, души предков, хранители, так сказать, духовной мощи нашей Пустыни!

Его подняли за воротник и тряхнули так, что громко клацнули зубы.

— Хорош заливать, — засопел тролль, еще не улавливая, в чем суть проблемы, но весьма раздосадованный тем, сколько баранины пропало зря.

— Вам не нужно вознаграждение? — захихикал Кадик ибн-Самум.

— Его неплохо бы удвоить, я извиняюсь, — мигом нашелся вежливый вояка.

Кадик презрительно швырнул к ногам наемников груду золотых украшений. Те бросились поднимать, мигом забыв о Далхаддине.

Тот ползком поспешил покинуть опасную зону и прибежать под защиту наставника.

— Учитель, это ж иллюзии! Они к утру развеются!

— Гораздо раньше, — пообещал Кадик. — Брось забивать себе голову глупостями! Есть ли новости от нашего пелаверинского друга?

— Я сс-сейчас, — переполненный дурными предчувствиями, ученик поспешил вернуться к хрустальной сфере. Заклинание, активизирующее отданный Бонифиусу Раддо артефакт, пришлось повторить трижды, прежде чем фрателла появился в облике просвечивающего, колышащегося фантома:

— Да?! Что тебе нужно?

— Господин Раддо, — поклонился Далхаддин фантому, — мой учитель спрашивает, удалось ли вам узнать, где находится мэтр Мориарти?

Бонифиус засопел:

— Да ты, парень, обнаглел! Похоже, твой старик принимает меня за какую-то сопливую голопузую мелочь, раз смеет отвлекать меня по мелочам!!

Далхаддин-Улитка сжался, предвкушая скандал, который учинит Кадик сразу после того, как ему будут переведены слова пелаверинца, но старик лишь улыбнулся — важной и насыщенной стихийным электричеством улыбкой:

— Что, у этого падальщика проблемы с лояльностью? Я ведь могу и забыть о нашем соглашении…

Но Бонифиус, шумно заявив о необходимости почета и уважения к своей персоне, уже перешел к конструктивному диалогу:

— Моим людям удалось разговорить здешнего торговца сластями — того, у которого в клиентах мэтресса-некромантка из Восьмого Позвонка. По его словам, сегодня в первую половину дня она путешествовала куда-то на северо-запад, к Диль-Румайя.

— И примерно в том же районе кто-то творил волшбу, — проворчал-промурлыкал Кадик ибн-Самум. Потер кончики пальцев, милостиво дозволил Далхаддину завершить разговор десятком вежливых фраз, а сам извлек из-за пояса жезл Первого Голема и принялся менять на нем настройку.

Традиционная магия Хетмироша почитала Искусство изготовления и управления големами одним из важнейших и наиболее необходимых. Песок и жажда, всему виной были песок и жажда, основные бедствия Пустыни — когда на голову какого-нибудь хлопковода обрушивается десяток проклятий за заморенных на солнцепеке работников, поневоле задумаешься о ком-нибудь более молчаливом, покорном и выносливом. Простые глиняные големы трудились на полях и бахчах; их более сложные собратья — сработанные из специально зачарованных материалов — охраняли сокровищницы местных богатеев. Если верить слухам, у эмира Джавы (да правит он триста лет!) где-то была припрятана тысяча бронзовых неустрашимых и неуязвимых воинов, нечувствительных к боли, лести и подкупу.

Жезлом Первого Голема назывался специально зачарованный артефакт, который создавался одновременно с первым големом из партии, и позволял управлять всем десятком (сотней, тысячей — насколько хватит могущества) идентичных предметов.

Кадик ибн-Самум был подлинным мастером данной отрасли Магического Искусства; и его ученик всегда восхищался многофункциональными, надежными, сообразительными (в механическом смысле слова) творениями наставника. Но сейчас…

Два десятка четвероруких големов, из особо прочной красной глины, вооруженные бронзовыми мечами и щитами, появились

откуда-то со стороны Пустыни, мигом став центром внимания наемников.

— Ну и на фига надо было нас нанимать, коли у вас эти дурынды глиняные имеются, я дико извиняюсь? — выразил общее мнение вежливый брави.

Кадик не удостоил его ответом, «объясняя» при помощи специальных настроек жезла задачу зачарованным истуканам, а Далхаддин-Улитка, всей душой сожалея, что не имеет надежной раковины, в которую можно забраться, попытался растолковать, что у каждого помощника — свои задачи… свои функции и ограничения… своя миссия…

— О господин, — с поклоном спросил Далхаддин Кадика ибн-Самума, когда тот отправил големов на розыски мэтра Мориарти и застыл в эффектной позе — вглядываясь в Пустыню, позволяя ветру играть с полами роскошного халата, а черному посоху — плеваться мелкими искорками. — Дозволено ли мне будет узнать, что вы намерены делать дальше? Чем я могу помочь вам? — торопливо добавил ученик, зная, как грозно обходится маг с теми, кто смеет требовать от него ответа.

— Подождем, пока Духи Пустыни войдут в полную силу, — ответил Кадик, — А потом попросим их немного поторопить существ-претендентов.

Между Ильсияром и Хетмирошем

Украшенный обсидианом браслет перелетел через ложе, куда его швырнул Бонифиус, и оказался на устилавшем пол ковре. Черный скорпион, подбиравшийся к фрателле, испугался и юркнул в сторону.

— За кого этот старый хрыч меня принимает? Сделай ему то, сделай это… А от него требуется всего ничего — не вмешиваться, — ворчал фрателла. Он грузно прошелся по шатру, подхватил счеты, лежащие на раскладном столике, пощелкал костяшками, считая прибыли и убытки… Эх, знать бы, где сейчас бегут магические зверушки!..

Бонифиус не сомневался в выставленном от собственного имени претенденте — в конце концов, жеребец умбирадской породы был на редкость здоров, силен, а благодаря некоторым снадобьям, порекомендованным донной Кассандрой, наверняка имел шансы на победу. Разумеется, если не пускать состязания на самотек — а Бонифиус подобной ошибки не допустит ни при каких обстоятельствах.

— Надо бы поговорить с нашей самоуверенной прынцессочкой, — вслух пробормотал Раддо, оглядывая стол, сундучки, кровать, ковры в поисках магического «глаза», который

выдала ему для экстренной связи загадочная донна. — Готова ли она к решительным действиям. Сейчас бегущая орава должна быть где-то… где-то… — Бонифиус скинул несколько писем, открывая схематическую, грубо нарисованную карту прилегающего к Абу-Кват плоскогорья, — Сейчас они должны быть где-то здесь, на подступах к Обрыву…

Раддо грозно нахмурился, пытаясь мысленно представить три сотни разнообразных существ, активно соревнующихся между собой в скорости и выносливости. Кабы знать, что будет, кабы знать…

— Донна Кассандра? — постучал по волшебному кристаллу Раддо. — У вас всё готово?

— Это я, шеф! — вместо фантома Кассандры-Аурелии появился более узнаваемый, но и менее ожидаемый, Огги Рутфер. Его фантом, нахально скалящийся щербатой улыбкой, вырос над «глазом» и бодро отрапортовал: — Ваши приказания все выполнены, хозяин! И даже перевыполнены, ибо душа моя теперь узрела свет Истины и тянет за собой, заставляя преодолевать печали и суету!

— Ты чего несешь?.. — на секунду опешил Бонифиус.

— Вы мне девчонку алхимическую велели найти, верно? Так вот, нашел я ее. Дурная девка оказалась, с головой совсем не дружит. Ну, я ей посоветовал — домой скорее возвращаться, под крылышко папеньки-маменьки, даже два золотых на расходы из собственных средств выделил. Да… Но вы-то, надеюсь, мои старания оцените, верно? И расходы в пять золотых возместите, да, хозяин?

— Возмещу, возмещу… Но я хотел бы знать…

— А потом, — не слушая вопросы фрателлы, продолжил Огги, — в Вертано я столкнулся с Кассандрой-Аурелией. Я ж помню, о чем вы с ней договаривались — если она совершит десяток крупных краж, вы возьмете ее в постоянные помощники. Она и совершила. Могу засвидетельствовать, — и Рутфер достал смятую бумажку и приготовился перечислять «подвиги» иберрской красавицы.

— Короче! — потребовал Раддо.

— А короче — так я теперь ей помогаю. Зачем она будет каких-то симнительных бандитов на Диком Рынке нанимать, когда у нее есть я? Я-ить надежней иного гномьего сейфа буду! — гордо похвастался Рутфер.

— И в самом деле, — ядовито согласился Бонифиус. Впрочем, если выбирать, на кого взваливать ответственное поручение — на какую-то вчера объявившуюся самоуверенную девчонку-воровку или на надежного, хотя и не слишком смекалистого, Рутфера,

вопрос отпадал сам собой. — Значит, вам нужно прибыть в Пустыню не позднее, чем через сутки. Ориентировочно — в Диль-Румайю; добирайтесь до Ильсияра, а здесь любой ученик мага переправит вас в этот оазис. Дальше пойдете…

Палец Раддо прошелся по карте, выбирая наилучший маршрут.

— Дальше пойдете на северо-запад, вверх по Старому руслу. И постарайтесь как можно меньше мозолить глаза местным жителям.

— Да что, мы не понимаем, что ли… Ой, а что это за штуковина рядом с вами летает? — удивился Огги.

— Где? — всполошился Раддо, резко оборачиваясь.

В первый момент он подумал, что помощник пошутил — никаких летающих предметов рядом не наблюдалось. Но потом… желтоватое пламя свечи выхватило серебристый, колышащийся, переливающийся радугой "мыльный пузырь". Фрателла резко запустил в столь неуместно украшение своего шатра первым, что попалось под руку (попался пустой графин), и пронаблюдал, как чье-то волшебство разлетелось на тысячу кусочков.

— М-ммаги, чтоб их демоны за пятки кусали, — проворчал Бонифиус. Он подхватил счеты и принялся обмахивать ими все углы шатра, намереваясь избавиться от "мыльных пузырей", буде таковые случайно найдутся. — Я вам покажу, как следить за фрателлой Раддо, я вам покажу, как делать из меня соломенное чучелко для метания дротиков!.. Вы у меня дождетесь!..

Поздний вечер 20-го дня месяца Барса, Новое русло Дхайят

Золотой Жук, набравший солидную скорость, бежал строго по прямой линии. За что и поплатился — вытесанное в толще скалистой породы «русло» резко свернуло, а гигантское насекомое, не сумев затормозить, по инерции заскочило вверх по склону горы. Забуксовав, Жук застучал жвалами, жесткими надкрыльями и с надсадным жужжанием принялся разворачиваться.

Две птицы и грифон, нашедшие на спине Золотого Жука приют и отдохновение, вяло шевельнули крыльями, удерживая равновесие.

Вперед вырвалось несколько эльджаладских скакунов — две лошади, настырный ослик и четыре верблюда. Заявленные от имени местных купцов, все животные привыкли к лишениям и трудностям затяжных путешествий по Пустыне; правда, их откровенно смущало отсутствие понукания и хозяйских плеток, зато отлично стимулировали клыкастые пасти бегущих следом тигров, волков и оборотней…

Единственным способом избавиться от навязчивых преследователей — считали скакуны, — было убежать как можно дальше, и застыть среди скопившихся у подножия скал валунов. В таком состоянии можно и ночку переждать, а если повезет — пристроиться к неторопливо, но уверенно занявшему положение среди группы преследования самоходному деревцу и прыткому винограду. Заодно и листочков свеженьких пощипать…

Магические чары, заставлявшие животных и растения двигаться вперед, всё еще действовали, но с каждым сделанным по песчаным грядам шагом, с каждым камушком, попавшим под лапы (или корни), с каждым порывом ветра, шаловливо отталкивающим претендентов назад, их влияние неумолимо уменьшалось. Среди Участников, перебазировавшихся на плоскогорье между двумя руслами погибшей реки, уже заключались пари — кто сдатся первым (и это не считая прочно обосновавшихся споров, чей претендент какому конкуренту попадется на ужин).

Почувствовав себя котом, Рыжик потоптался по гладкому надкрылью Золотой Жука, зевнул, потянулся и, расправив крылья, неспешно поднялся в воздух. Он клацнул клювом, заигрывая с аистом и беркутом, отважно сражающимися с начинающейся песчаной бурей. Сделал небольшой круг над головами претендентов, выискивая, с кем бы поиграть. Чаще всего на курлыканье грифона реагировала гидра, но вот уже несколько часов ее нигде не было видно — наверное, забилась под какой-нибудь выступ, пережидая полуденный зной, да и отстала. Кроме гидры на грифона частенько клацали челюстями джорт и сфинкс — джорт, как увидел Рыжик, подлетев ближе, упрямо карабкался на скалы, шипя и агрессивно хлеща хвостом. А сфинкс…

Сфинкс появился неожиданно, всего лишь на пядь разминувшись с плотным оперением грифоновых крыльев. Он зашипел, скаля зубы, и грифон поспешил ответить, поднимаясь передней частью тела для атаки — одновременно бритвенно-острым клювом и когтистыми лапами. Как показали первые же секунды столкновения, у грифона было больше возможностей для воздушных хитростей — обладающий слишком тяжелым телом сфинкс быстро потерял высоту. Он спланировал вниз, зло посматривая на соперника и явно обещая выбрать более удобный случай для сведения счетов…

Гордый собой, Рыжик ловко подхватил ящерицу, флегматично наблюдающую за нашествием на ее родные скалы пришлых незнакомцев, взлетел на скальный выступ и устроился на ужин, одновременно разделывая добычу когтями и наблюдая

зорким оком за возможными конкурентами.

Серое рваное облако, возникшее позади активно передвигающегося потока существ-претендентов, не вызвало у грифона никаких дурных предчувствий. Подумаешь, ветер, подумаешь, песок…

Когда же ветер усилился, нагнал последние ряды существ-претендентов и в секунду «проглотил» несколько отстающих зверей и птиц, Рыжик насторожился. Поднял мягкие, как тряпочки, уши с кисточками, прислушался и решил увеличить дистанцию между собой и возможными неприятностями.

Неприятности как будто ждали подобного решения.

Ветер усилился, поднявшись над Новым руслом черным жадным смерчем; поднял ввысь и смял виноградник мэтра Аэлифарры, выломал крылья некоторым пичугам — бедняги, выброшенные в разные стороны, огласили ущелье жалобными криками. Но самум, будто подстегнутый страданиями жертв, набросился с новой силой — теперь уже на джорта.

Уродливое создание издало глухой рык, развернулось и с ловкостью, недоступной ни акробатам, ни кошкам, рвануло вверх по отвесной стене ущелья. Джорт извивался, как дождевой червяк, ловко цепляясь когтистыми лапами за малейшие трещинки в скале; он шустро маневрировал, избегая встречи с потоком сбаламученной песчаной взвеси. Почти добравшись до верхнего края скалы, он спрыгнул — как белка, раскинув лапы в стороны. Благодаря отчаянному прыжку песчаный смерч потерял цель, сбился с направления и, вместо того, чтобы напасть на прочих перепуганных существ, зажатых в каменном ложе Дхайят, двинулся куда-то на плоскогорье.

Грифон рискнул опуститься, посмотреть, не найдется ли для него еще какой добычи. Добил покалеченную чайку, наскоро выхватил кусок сочного мяса, и только тогда дерзнул приблизиться к джорту. Не то, чтобы полуящер-полугоргулья считался у Рыжика "подходящей едой", а просто любопытно стало.

Джорт, тяжело поводя боками, оскалился. Шваркнул хвостом — видимо, от горгулий он унаследовал каменную, особо прочную кожу, но никак не мирный нрав. И Рыжик, застенчиво повиливая львиным хвостиком с кисточкой, поспешил откланятся. Тем более, что Золотой Жук, не заметивший нашествия песчаной бури, уже успел вернуться на нужный маршрут и тяжело поскрипывал сяжками, вытягивая ноги из каменного крошева.

Грифон взлетел, покружил над Жуком и пристроился на ранее облюбованное место, на жесткой спинке, запустив когти в хитин магической твари.

Белый умбирадец, испуганный напором ветра, встал на дыбы, заржал, а потом бросился вперед. Он перескочил через тело задушенного песком ташуна, через погибшую виноградную лозу и устремился следом за Золотым Жуком. Через несколько десятков шагов на широкую лошадиную спину запрыгнул оборотень — вернее, буренавец, так долго мозоливший лапы о каменистую почву Пустыни, а теперь решивший, что хватит с него приключений. Возмущенный присутствием чужака, конь вхрапнул, оскалился и сделал попытку сбросить нахального всадника.

— Ну же, не будь сволочью! — взмолился буренавец, вцепившись в конскую гриву. — Выноси, родимый! Пошел, пошел!!..

Конь сделал несколько прыжков, убедился, что человек с волчьим запахом падать не собирается, и рванул быстрым галопом — в надежде, что от бешеной скачки тот сам свалится.

Вперед, только вперед! По камням и почве, которая тверже камня, увязая в песке, перепрыгивая через валуны и вскарабкиваясь на рухнувшие глыбы! Мимо разрушенных временем остатков человеческих строений и мимо гнезд равнодушных змей, провожающих чужаков немигающим взглядом. Мимо песка, мимо скал, мимо… мимо…

— Тпру, родимый! — попробовал остановить умбирадца жульничающий Участник-претендент. Конь тряхнул мордой, а чуть позже весьма благосклонно ответил на просьбу человека повернуть к еле заметной тропинке, уводящей вверх на скалы. Некоторое время умбирадец чувствовал себя козлом, отыскивая путь в нагромождении каменных обломков; оборотень спешился и повел коня за собой, подсказывая, куда поставить ногу, уговаривая, что дорога не так крута, как кажется, и что повернуть назад… в крайнем случае упасть (о боги, что за высота! Брр…) всегда успеем.

Совместный разум коня и человека победил. Когда умбирадец ступил на занесенное песками плоскогорье, оборотень, через слово вспоминая родителей всех тех, кто убедил его принять участие в этих ненормальных, родственных огородным растениям гонках, перекинулся в волка. Принюхался, отыскивая возможное присутствие человека. Так, надо ехать на запад…Эй, ты куда побежал!

Белый жеребец презрительно фыркнул, издеваясь, и прибавил шагу, оставляя прихрамывающего, измотанного путешествием оборотня далеко позади. Он бежал — куда? Ах, не задавайте лошади подобных вопросов! Он бежал, перепрыгивая песчаные груды, стуча подкованными копытами по выветрившемуся камню,

бежал, бежал, соревнуясь с ветром, Пустыней и собой…

Пожелав коварному коню колючек в хвост и репьёв в гриву, оборотень заковылял на запад, в направлении уходящего в кроваво-красный закат солнца. Мучительно хотелось пить; в волчьей шкуре было немного легче, но зато мучала жара, песок, забившийся глубоко в шерсть, мучительно ныли лапы… Брр… Не было у буренавца забот — захотелось поймать Судьбу за хвост! Эх, кто ж знал, что судьба так вывернет…

Дурное он учуял за сотню тролльих шагов. Остановился, принюхался, убедился, что волчьи чувства его не обманывают и опасливо, крадучись, отважился приблизиться.

Трое бедолаг лежали, наполовину засыпанные песком — выпученные глаза и багровые лица свидетельствовали о том, что смерть наступила от удушья. "Что ж вам так не повезло, ребята?" — пробормотал буренавец. Приближаться к мертвецам он брезговал, но у них могла быть вода, а потому оборотню пришлось перекинуться в человека, подойти и обыскать трупы. Три фляжки с водой нашлись чуть в стороне — видимо, бедолаги бежали, спасаясь от неведомой опасности, бросив свое имущество. Оборотень напился, перелил воду в самую большую из фляг, пристроил ее на шее; после недолгих колебаний снял с одного из мертвецов халат — ночи в Пустыни оказались на удивление холодными, даже волчья шкура не спасала.

Вернувшись в более пригодное для дальних путешествий состояние, буренавец постарался как можно лучше запомнить место, где остались погибшие, и потрусил на запад, искать какое-нибудь селение.

Через пару лиг он наткнулся на двух кентавров, также пострадавших от Пустыни. Кентавры не погибли — старший, бывалый путешественник, догадался переждать напавшую на них песчаную бурю, плотно закутав голову накидкой. Зато его дочь, молоденькая кобылица, перепугавшись, поранила ногу и теперь еле-еле ковыляла, оставляя на песке цепочку алых капель.

— И какая нелегкая дёрнула нас отправиться в эту клятую Пустыню? — сформулировали получеловеки основной итог пережитого ужаса. Любопытство и азарт благополучно ушли в прошлое, и путешественники поспешили на запад — там, если не обманывала карта старого кентавра, находился оазис Диль-Румайя.

А восемьдесят самых отважных — или самых глупых? — существ-претендентов продолжали двигаться по Новому руслу Дхайят, постепенно приближаясь к точке поворота — огромному

ущелью, опоясывающему пик Абу-Кват. В какое-то мгновение грифон заметил — даже не заметил, а почуял, по изменившемуся движению воздуха, по ауре, исходящей от окружающих скал, — что впереди их ждет свобода. Рыжик поднялся на крыло, мгновенно вырвавшись вперед, обгоняя и страдающего излишней инерцией Золотого Жука, и порядком вымотавшегося джорта — и точно. Скалы вдруг закончились, и перед существами-претендентами открылось почти ровное, гладкое, как стол — и также усеянное объедками-обломками — ограниченное почти отвесным Обрывом дно ущелья.

Львиный Источник

Кадик ибн-Самум, украсив свое сухое желтое лицо тонкой зловещей улыбкой, наблюдал картину разрушений, которую оставили после себя Духи Пустыни. Рядом, едва удерживаясь от боязливого постукивания зубами, отчаянно кусал пальцы Далхаддин — отраженное в хрустальной сфере зрелище задушенных песчаной бурей существ его не радовало.

— Это ужасно, — прошептал ученик мага. Кадик услышал, но понял по-своему:

— Действительно, ужасно. Всегда подозревал, что наши предки были хитрыми прожорливыми обманщиками, но думал, у них все-таки имеется какая-то совесть: так наплевательски относится к просьбе своего верного поклонника… ц-ц-ц… Попробуем еще раз. У нас остались ягнята?

— Один, — указал Далхаддин на успокоенного заклинанием барашка, привязанного за развалинами беседки. — Я думал, мы им поужинаем…

— Поужинаем, поужинаем, — согласился Кадик, возвращаясь к нарисованной пентаграмме. — Вот только не мы.

По велению волшебника ингредиенты, потребные для повторения обряда вызова Духов Пустыни начали занимать свои места — лепешки, высушенная тыква, бултыхающая остатками воды, гроздь сморщенного винограда… Наемники сердито засопели, провожая голодными взглядами последнего ягненка, но не стали нарываться и вернулись к прерванному занятию — бросать кости, отыгрывая чужую долю «сокровищ».

— Апай туин-ха сукраи драбихайт! Ану Сараах котэ-ней амаир наи!..

Ветер подхватил слова заклинания, вплетая их в потоки песчаных волн. Тьма сгустилась — не привычные вечерние сумерки, а тревожная, многозначительная мгла, порожденная бурлящей энергией, которая металась, билась, не в силах найти выход… Через несколько мгновений разрушенный Львиный

Источник озарил отблеск молнии — искра пробежала по черному посоху Кадика, которым волшебник размахивал, убеждая Духов подчиниться его воле. Посох наполнился жизнью, перекачивая Силу в своего хозяина; голос Кадика ибн-Самума усилился, заставляя дрожать камни. *Ану Сараах! Апай туин-ха сукраи драбихайт!* Заклинаю вас, Духи Пустыни! Внемлите моему слову! Исполните мою волю! Возьмите жизнь, кровь и плоть, ибо вам они принадлежат по праву Силы!

Голос, ветер и песок завертелись черным смерчем. Белесый поток энергии, перетекающий из посоха в мага вдруг прекратился — и Духи Пустыни поднялись над Львиным Источником и бросились на юго-восток, в сторону плоскогорья, там, где была обещанная магом добыча. Люди, гномы, кентавры, полуэльфы — одним словом, все те, кто не справился с любопытством и рискнул лично понаблюдать, как происходят состязания существ-претендентов.

Далхаддин в ужасе упал на колени — учитель, что вы делаете! Там же люди!

Волшебник его не услышал — он стоял, раскинув руки, самозабвенно повторяя последние слова заклинания.

Потом Далхаддина-Улитку посетило три соображения. Первое — оптимистичное, — пообещало, что песчаная буря успеет растратить половину своей убойной силы, пока доберется до самых любопытных и скорых на ногу Участников. Второе — разумное, — напомнило, что среди потенциальных жертв немало волшебников, знакомых хотя бы с элементарными защитными чарами. Как-нибудь уберегутся.

А третье, самое печальное соображение, касалось того факта, что Кадик ибн-Самум, судя по довольной усмешке, не собирался останавливаться на достигнутом.

А ведь ягнята уже закончились…

Между Ильсияром и Хетмирошем. Полночь

Мэтресса Вайли собиралась отойти ко сну. Повесила на спинку стула мантию, уселась за стол и приступила к хлопотной, трудоемкой процедуре наведения красоты. В ритуале участвовали чудодейственные мази, кремы и тоники, кисточка из шерсти бирмагуттской обезьяны(44), большое зеркало, десяток папильоток, горячее полотенце, горничная-скелет, которая стоически терпела раздражение волшебницы, и кастрюлька с отваром листьев мандрагоры. Кастрюлька стояла на спиртовке, исходя целебным паром — уникальное средство для омоложения кожи, избавления от морщин и профилактики простудных заболеваний.

Рядом на походном столике присутствовала хрустальная сфера на подставке из мраморных драконов и большая шкатулка из зеленоватого нефрита, украшенная затейливой резьбой.

— За кого он меня принимает? — ворчала Вайли, умащая левую щеку сметаной, а правую — целебной глиной. — Честное слово, он больше интересуется скелетами, чем мной! У местных големов больше шансов привлечь его внимание, чем у меня! Да как он смеет! Да как он может! Ну, дождется он у меня… некромант несчастный!.. Костяк усохший! Хитрец самонадеянный!

Горничная-скелет подала хозяйке теплую воду для умывания. Вайли шумно смыла первый слой притираний и приступила ко второму — для чего из недр нефритовой шкатулки была извлечена сложная субстанция — переливающаяся белесой аурой, матово-белая и со стойким запахом гнили, который тут же распространился по шатру.

Субстанция была подарком Вайли от заботливой маменьки — мэтресса Вероника на досуге экспериментировала, пытаясь раскрыть секреты привлекательности вампиресс. На саму Веронику полученный опытный образец действовал замечательно, полностью удаляя признаки тления, на Вайли, к сожалению, намного хуже — сказывался недостаток энергии Смерти.

— Если б он знал, на какие жертвы мне приходится идти ради его внимания! — всхлипнув, приступила волшебница к косметической процедуре. — Боги, какая вонь!.. а ну, брось скалиться! — напустилась Вайли на скелет своей бессловесной горничной. Служанка, увы, богатством мимики не отличалась. Как и старый, пожелтевший череп, прятавшийся на дне нефритовой шкатулки. — Да что вы все, сговорились, что ли!..

Занятая собой, мэтресса Вайли не заметила изменений, которые с недавнего времени происходили в глубине магической сферы. Показывая любопытной магэссе купол Сферы Защиты, укрывавшей от солнца мэтра Мориарти, прибор показывал и ближайшие барханы. И два десятка четырехруких големов, бодро марширующих по пескам.

Поглощенный переживаниями об уродливом джорте, Мориарти потратил остаток дня, пытаясь как-то развеять чары, укрывавшие местность, непосредственно прилегающую к Абу-Кват. Некромант устал, перенервничал; теперь он лихорадочно бегал вокруг магической чаши, с помощью которой вел наблюдение, и снова и снова высчитывал, когда же закончится действие поддерживающих джорта заклинаний.

К полуночи. Нет, может быть и раньше, но должно быть — к

полуночи. А если Мориарти что-то не учел, если Вселенная решила поиздеваться над бедным, честным, работящим некромантом и показала ему кукиш, и эффект закончится раньше?

Сможет ли тогда помочь джорту гениальный тайный проект под кодовым названием «Алхимик-в-пустыне»? Ах, кабы знать…

Мориарти бегал кругами, чувствуя нарастающий дискомфорт. Всё ли он проверил? Все ли переменные учел? Ко всему ли готов? И на каждый вопрос ллойярдец честно отвечал «да» — и гороскоп ему коллеги-астрологи составили, и жертву Духам Пустыни он принес(45), и полсотни скелетов расставил по барханам, не говоря уже о трех десятках супернадежных энбу… Но какое-то сомнение — не говоря уже о прозаическом голоде, — беспокоило, царапалось по стеночкам переполненного думами черепа и крутило пустой, ссохшийся от нервного ожидания желудок…

Волшебник *почувствовал* присутствие чужих чар слишком поздно — големы уже были рядом, кроша в пыль бесполезно суетящихся молчаливых скелетов. Энбу на чужаков не отреагировали — ну конечно, догадался Мориарти, ведь големы на людей не похожи! Мерзкие костяные тупицы!

Несколько драгоценных секунд были потрачены на заклинание, которое перевело энбу в состояние активной обороны; а потом Мориарти, шипящий, как рассерженная змея, бросил в наступающих свое фирменное боевое проклятие.

Бронзовые мечи и круглые тяжелые щиты, которыми были вооружены глиняные истуканы, легко отразили сгусток энергии Смерти — отброшенная в ближайшего энбу магия мгновенно пожрала мертвую плоть, превратив неживое создание в кучу праха. Мориарти закричал и бросил в големов огромный огненный шар, поток ледяных игл, "Флейту Ветра"; убедившись, что стихии лишь слегка царапают обожженную глину противников, волшебник, почти теряя контроль над собой, вложил драконову долю собственной энергии в заклинание "Лесной рог". Низкий, вибрирующий, сотрясающий скалы звук, исходящий от волшебника, в мгновение ока распылил ближайших к Мориарти големов, потом… потом резонанс разорвал на куски полдюжины энбу, храбро сражающихся за своего господина.

В ту же минуту самый удачливый из големов нанес удар по высокой, закутанной в черную мантию фигуре ллойярдца. Правая рука Мориарти повисла безжизненной плетью, и волшебник закричал — яростно и страшно.

Низкий, рокочущий звук, заставивший содрогнуться шатер, испугал мэтрессу Вайли.

— Что это? что такое? — подскочила она, трепеща папильотками и кружевами ночной рубашки.

Нервно оглянувшись по сторонам, наскоро просканировав ближайшие окрестности и не обнаружив ничего подозрительного, волшебница наконец-то взглянула в магическую сферу.

— Ой! Мор! Мориарти! — в панике закричала магэсса, наблюдая, как темная фигура мэтра Мориарти блестит разбрасываемыми заклинаниями, отчаянно сражаясь с наступающими со всех сторон големами.

Движения глиняных созданий Кадика ибн-Самума были тяжелыми, неловкими; энбу, защищая некроманта, бились отважно и отчаянно, но… но…

— Нет!!! — взвигнула Вайли, когда после случайного пропущенного удара Мориарти отскочил, зажимая правое плечо. — Нет! Что они делают?! Что они делают?!!! Кто посмел?!!

Мориарти закричал — волшебница еще успела разобрать по движению его губ начало заклинания, — а потом хрустальный шар рассыпался стеклянным песком.

— О боги… — прошептала мэтресса Вайли.

Череп Генри фон Пелма (нефритовая шкатулка, в которой он хранился, упала от порывистых движений женщины, и высыпала всё содержимое на ковер) оскалился в многозначительной улыбке.

XIII. Свободные превращения

20-й день месяца Барса. Великая Пустыня

Дорогая Фиона!

Рада сообщить, что мы живы и здоровы. Было несколько неприятных моментов, когда я висела вниз головой на Обрыве; но, учитывая страховочный карза-нейсс, испачкавший зеленым соком мне кольчугу, а также некоторые неожиданные обстоятельства, все обошлось.

Ты, может быть, захочешь, узнать, какие такие обстоятельства неожиданно с нами случились? Хмм… Не знаю, дозволит ли Далия сообщать подобную конфиденциальную информацию… Но пока она отстала и не успела затормозить меня своим извечным "тсс! конспирация!", говорю: всё оказалось липой! Гнусным колдовством! Нахальным чернокнижием, на которое способны лишь остроухие затейники и особо неблагонадежные представители племени человеков!

Ладно, переживем. Расскажу-ка я, обо всем по порядку.

К Обрыву мы подошли с трепетом и волнением, как и подобает путешественникам, выходящим на последний — самый важный — отрезок дистанции. Попробовали найти спуск, убедились в том, что под нами — нерушимый монолит, и что единственный способ по ней спуститься — срочно вырастить крылья. Ха-ха.

Поэтому я взяла в руки кирку, Фри-Фри воспользовался последним из артефактов с карза-нейсс, Далия прочитала нам нотацию о правилах безопасности. И я начала делать лестницу.

Где-то через десяток ступеней я вдруг обнаружила, что камни падают вниз слишком быстро.

Наша сапиенсологиня медовым голосом начала меня убеждать, что всё в порядке, всё совершенно нормально и ничуточки не страшно, а Фри-Фри — умница, сразу догадался. Оказывается, он еще вчера заметил, что от момента, когда камень срывается с Обрыва, до звука падения проходит секунда или две (хотя по моему мнению, там и полсекунды с трудом набирается). Если бы пропасть была действительно бездонной, какой выглядит…

Короче, наличие физической аномалии можно было проверить единственным способом.

И я, героическая Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл, это сделала!

Выпуталась из карза-нейсс, прижала к груди кирку и, с мыслями об Айре, который ожидает моего возвращения, прыгнула вниз.

Ха! Я же говорила — всё оказалось жульничеством! Никакой

Обрыв этот ни крутой, и пропасть под ним имеет весьма ощутимое донце, а высота там — тьфу, всего-то полсотни троллих шагов (46) едва наберется!

Конечно, синяков и шишек я заработала; но ничего — зато первый раз в жизни побывала в обмороке! Потому и пропустила большую часть воплей Далии — ты бы видела, как ловко наша сапиенсологиня лазает по отвесной скале! Да уж, сколько скрытых резервов обнаруживает в кабинетном алхимике заурядное путешествие по Пустыне!

Извини, не могу сочинять письмо дальше. Надо спешно добежать до обломков пирамид — если верить моим глазам, до них недалеко, всего-то пятьдесят лиг пути…

— Тебе не кажется, что Напа ведет себя странно? — спросила Далия у Фриолара. Гномка убежала вперед, громко критикуя древних строителей — и почему, спрашивается, возведенные ими пирамиды не пережили какое-то завалящее землетрясеньице?

— Как ты любишь повторять: она же гномка, — ответил Фри-Фри. Пот тек с обоих алхимиков ручьями — шок при виде Напы, шагнувшей в пропасть, заставил спускаться с Обрыва с умопомрачительной скоростью; жара, духота, а в случае Далии — еще и нерастраченные эмоции, конечно же, создавали определенный дискомфорт.

Мэтресса охотно придушила бы свою верную ассистентку за ее экспериментирование; но увы — для этого требовалось Напу догнать. К тому же, после удушения гномки вся затея по отысканию Золотого Города царя Тиглатпаласcара теряла смысл…

— Гномы вообще очень упертые ребята. Единожды поставив цель, они способны идти к ней, не считаясь с моральными и физическими затратами…

— Но, согласись, шагать в пропасть — слишком даже для гномов, — проворчала мэтресса. — Это вообще против правил! И вообще, я нашей экспедицией не довольна! Мы бродим по Пустыне демонову уйму времени…

— Четвертый день…

— Ровно на четыре дня больше, чем требуется! Почему нельзя было телепортироваться к Абу-Кват? Почему нельзя было преодолеть последние лиги верхом? Почему Виг не одолжил нам каких-нибудь зачарованных скакунов, и мы плетемся пешком?

Фриолар, догадываясь о причине возмущения алхимички, печально вздохнул:

— Если мне не изменяет память, Виг предлагал — ты сама отказалась, потому, что хотела повторить путь Симона Пункера. И

чем тебе так интересен покойный историк, что ты даже не поленилась доехать до Луаза, познакомиться с теми, кто знал его при жизни?

— Мне нужно было понять, как он мыслит! — обиделась сапиенсологиня. — Дневник мэтра Симона полон иносказаний и двусмысленностей, метафор и ссылок на обстоятельства, которые понятны исключительно автору заметок или тем, кто его хорошо знал. Конечно, мне потребовалась информация из первых рук! Был ли склонен мэтр Симон к романтическим преувеличениям, отличался ли патологическим фантазированием; о каких лишениях, перенесенных за долгую жизнь, вспоминал чаще всего — если бы я не составила точный психологический портрет Симона Пункера на основании воспоминаний его друзей из Луаза, я бы не смогла столь точно интерпретировать записи его воспоминаний о Пустыне…К тому же, исчезнув из Луаза, мы сбили с толку преследователей, если нас вдруг кто-то искал. — Далия задумалась на секунду, а искал ли их хоть кто-нибудь, но не позволила крамольной мысли завладеть сознанием.

— Вот-вот, и я о том же, — засмеялся Фриолар. — Сама заварила кашу, затеяла массу отвлекающих маневров, рассчитанных, чтобы потешить собственную паранойю, а теперь ворчишь…

— Дай мне свой меч, — потребовала Далия. — И постой спокойно, пока я буду пронзать тебя насквозь! О чем я думала, когда звала тебя в экспедицию?! Ты зануден, скучен и с тобой совершенно невозможно спорить!

Вместо ответа Фри-Фри хмыкнул. Остановился, достал фляжку, взболтал, проверяя, много ли воды осталось.

— И как у Напы хватает сил бежать по Пустыне — по такой жаре, практически голодной, на трех глотках воды раз в три часа? — пробормотала Далия. Квадратная фигурка гномки виднелась далеко впереди. Из-за коварных оптических эффектов, обнаруженных в ущелье, казалось, что Напа уже прошла половину пути до Абу-Кват, лиг двадцать или даже семьдесят, не меньше… Далия приняла из рук Фриолара питье, сделала зарубку на память — уточнить у мэтра Вига, возможно ли опутать сотню квадратных лиг пространства чарами иллюзий, — и утолила жажду. После чего пробормотала: — Мне, если честно, казалось, что все разговоры о живучести и выносливости гномов — художественный вымысел сочинителей типа мадам Белль или псевдонаучного словоблуда Скоттиша Айсбра. А тут — глазам своим не верю. Напа рвется вперед, будто чует тонну бесхозного золота в конце пути…

Фриолар удивленно поднял брови. Далия, через секунду,

сама поняла, какой вывод только что сформулировала.

— Я дубина, Фри-Фри! Единственное оправдание — жара и жажда плохо влияют даже на мой закаленный общением со студентами организм! Она действительно чует добычу! Вперед, Фри-Фри! За Напой!!!

Дорогая Фиона, спешу тебя обрадовать — сейчас полдень, а мы уже добежали до обломков пирамид. То ли я быстро бегаю, то ли в здешней местности столько колдовства, что от расстояний осталась одна видимость… Ладно, потом, когда вернемся в "Алую розу", велю Далии придумать объяснение выявленному феномену.

Обнаруженные нами развалины находятся в отличном состоянии, высота и ширина строения на редкость пропорциональны, внутренние ходы разрушены самую чуточку. Я было примерилась вернуть на место вершину пирамиды и северо-восточную стенку, расколотую землетрясением — мне пирамида нужна была целой, чтоб заточить кирку, да и самодельные арбалетные стрелы, которые я настругала из полена мэтра Карвинтия, нуждались в заточке, — но тут появился Отвлекающий Фактор.

Та самая мерзкая тетка Карвинтия, которая явно ведьма. Почему я так думаю? Да ты бы ее видела — такими бородавками и тощенькими усиками над верхней губой только детей пугать!

Поверь, Фиона, у нас был способ разрулить ситуацию быстро и с минимальным ущербом. В пирамиде наверняка нашелся бы укромный закуток, в котором тело той тетки мигом превратилось бы в мумию, и всё!

Нет, у Далии и Фри-Фри случился приступ любви к ближнему! "Ах, госпожа Ханна, с вашей стороны неосмотрительно и недальновидно пуститься в путешествие без надлежащей экипировки! Держите артефакт — он называется «Родничок» и позволяет творить воду. Хотите кусочек лепешки — правда, черствой… не соблаговолите ли присесть отдохнуть, пока наша гнома обследует местные гробницы… подержите веревочку, мы сейчас быстренько составим словесное описание обнаруженных древностей… "

Тьфу! И это у человеков считается вежливостью! Тьфу, гадость!

Правда, Далия тайком объяснила мне, что надеялась посредством лепешки сломать Ханне зубы, а веревку дала, чтоб та случайно повесилась… А вот Фри-Фри зря поделился с противной теткой «Родничком» — не успели мы добраться до второй пирамиды, как она артефакт потеряла.

Мерзкая ведьма!

Хорошо, что где-то у Далии имеется запасной.

Какое счастье, до сокровищ царя Тиглатпалассара мы почти уже дошли, и он нам все равно не понадобится. Вот только я не поняла — мы уже в Пустыне, до Абу-Кват всего-то рукой подать (лиг десять, если игнорировать распыленную в воздухе иллюзию), но сокровищ я что-то не вижу…

Спрятались, не иначе.

Что ж, будем искать…

— Охти ж ты мне, — громко, на всю Великую Пустыню, причитала Ханна. — рученьки болят, ноженьки болят, головушка раскалывается и болит, болит, болит, хоть режь ее, родимую…

— Фри-Фри, — ледяным тоном потребовала Далия. — Слышишь, женщина просит помощи? Немедленно отрежь ей голову!

Вместо ответа Фриолар помог мэтрессе вскарабкаться на очередную глыбу, перегородившую им дорогу.

— Я уж и бежала, и звала вас, по ступенечкам — чоп-чоп-чоп, — лезла за вами, спасители вы наши, потом — гляжу!.. ступеньки кончились, а вас нет нигде! Я и зову, и кричу, и пою, и свиристелю, а вы нет, не отзываетесь!.. — ковыляла за алхимиками настырная баба. Мэтресса с неудовольствием отметила, что скоростью деревенская жительница вполне сопоставима с лучшими механизмами, вышедшими из рук Нокса Кордсдейла. Ханна хромающей трусцой бежала за путешественниками, ни на секунду не замолкая и подробно отчитываясь о бедах, пережитых при спуске с Обрыва: — Я туда, я сюда — на каменюке той как лягушка распяленная держусь одним честным словом! А рученьки-то дрожат, коленочки посквиркивают, у животе у меня такое смущение пошло, что молвить совестно! Ну и долбанулась я, прости меня, леший, прямо с горы-то и скопытилась…

— Однако, — восхитилась Далия. — Эта мымра живуча, как тысяча кошек! Напа спрыгнула со скалы — понятно, она же гномка, у подземных жителей со Вторым Природным Началом особые отношения, но даже Напа пролежала полчаса в обмороке, пока мы ее не привели в чувство! А эта кикимора лесная — пролетела несколько длин дракона, и еще дышит! И еще разговаривает! Фри-Фри, мне до смерти интересно знать, а может, в лице этой крестьянки мы имеем дело с практическим случаем бессмертия? Предлагаю поставить научный эксперимент: ты рубишь ей голову, и мы ждем, прирастет ли отрезанная конечность обратно…

— Далия, пожалей старушку.

— Причем тут жалость?! Алхимическая Истина требует жертв! Если я пожертвовала отпуском, чтобы дать Напе возможность перекопать Великую Пустыню — почему бы этой тетке не пожертвовать пару-тройку пинт крови, и некоторое, весьма невеликое, количество мозгового вещества, чтобы порадовать нас новым феноменом?

Бойкая и неумираемая Ханна догнала алхимиков и попросила глоточек водички. Сапиенсологиня сделала вид, что не расслышала просьбу и резво припустила следом за Напой, а вежливый Фриолар, за двадцать два года жизни не научившийся спорить с женщинами, разумеется, поделился. Богатырским глотком Ханна осушила половину запасов алхимической экспедиции и продолжила рассказ о своих походных мучениях с новой силой:

— Ай и гляжу по сторонам, поглядываю — нигде доченьки моей, Любушки, не видно! Вы ее, случайно, не видали ли?

— Нет, — сухо ответил Фри-Фри, поворачиваясь к надоедливой тетке спиной и прибавляя шаг.

— Ой, вот такая у меня доченька раскрасавица, — со счастливой улыбкой проговорила Ханна. — Лишний раз ее не заметишь!

— Отменное качество, — со вздохом подтвердил Фри-Фри.

— А еще она у меня готовить умеет! — обрадовалась женщина, и тут же со сноровкой опытной свахи принялась перечислять прочие достоинства потенциальной невесты: — Гуся целиком в печку запихивает, он даже отгоготать не успевает! Цыплятам головы сворачивает — залюбуешься! А как она перину взбивает — облака слюнки пускают, завидуют! Когда она в лес заходит, вся местная нечисть прячется!..

— Ни минуты в том не сомневаюсь, — поежился Фриолар. Знакомство с Любомартой оставило у него впечатление грозной стихийной силы — клокочущей лавы, пышущей девичьей неудовлетворенностью и велико-чудурскими страстями… От таких дам алхимик предпочитал держаться как можно дальше…

И тем больше было удивление Фриолара, Далии и Напы, когда на обломках четвертой пирамиды, до которой они добрались к четырем часам дня, путешественники увидели отдыхающую Любомарту.

Прекрасная крестьянка жевала финики, выплевывая косточки с азартом и полным самозабвением, обмахивалась чахлой травинкой и вообще встретила странников неласково.

— Вы где ходите? Я уж жду вас, жду… Цельный день на солнце проторчала! Аж даже упремши малость… — теребя перекинутую через плечо косу, Любомарта призывно улыбнулась

«Вриоларушке».

Молодой человек отшатнулся и поспешил спрятаться за спину своих спутниц.

— Далия, объясни, чего она от меня хочет?!

— Я бы объяснила, но Напа может услышать.

— Нет, не услышит, она грызет остатки наших припасов и способна различать только звук собственных челюстей! Далия, прошу тебя как человека — спаси меня от этой девахи!

— Да брось, Фри-Фри! Еще немного, и я подумаю, что у тебя проблемы по части женщин!

Фриолар оскорбился.

— Далия, брось шутить…

— Если подумать, — не унималась мэтресса, — То проблемы в общении с женским полом у тебя наверняка имеются…

— Ага. Я слишком терпелив — человек попроще давно бы свернул тебе шею…

— Я всегда недоумевала, — торжественно объявила сапиенсологиня с таким видом, с каким обычно излагала на симпозиумах провокационно-новаторские идеи, — каким образом, имея полторы дюжины кузин, трех тетушек и сверхзаботливую матушку, ты дожил до двадцати лет, не обзаведясь хотя бы одной законной супругой? Как же они упустили шанс поучаствовать в решении твоих сердечных проблем?

— Почему упустили? Не упускали; просто не смогли определиться с идеальной кандидатурой…

— Надо будет познакомить твоих теток с Любомартой, — лицемерно предложила мэтресса. Для нее атака чудурских крестьянок на Фри-Фри была столь же увлекательным зрелищем, как состязания существ-претендентов за право стать Покровителем Года.

— Познакомь, — обреченно согласился Фриолар. — Может, они друг друга аннигилируют, тогда я точно избавлюсь от половины проблем…

Шутки — шутками, но заигрывания Любомарты и Ханны порядком раздражали. Особенно обидели Далию попытки женщин отодвинуть ее от разложенной на камне еды (Напа ничего не замечала, увлеченная поисками какой-нибудь таблички или подписи "К Золотому Городу Тиглатпаласcара копать ЗДЕСЬ!"). Как поведала Любомарта, она спустилась с Обрыва "по тропочке", чуть не столкнулась с какими-то "черепковатыми многорукими мужиками", вышла к полуразрушенной мраморной беседке, у которой суетился — цитата — "оглашенный дедок", "великий мастер ягнят резать". Любушка осталась бы с «дедком»,

благо, компания там веселая, песни распевают, шашлычок жарят, да вот беда — там присутствовали тролли. А чернопятое племя Любомарта на дух не переносит — тролли почему-то сразу же принимаются строить порядочной девушке глазки и намекать на совместное проживание…

"Конкуренты", — шепнула Далия, выслушав рассказ о странной компании. "Может, кто-то из магов-Участников решил подыграть претендентам?" — нахмурился Фри-Фри.

По всему выходило, что с поисками сокровищ придется поторопиться.

Напа и Фриолар были готовы приступить к раскопкам немедленно. Осталось решить последний, самый что ни на есть формальный вопрос — определиться с местом археологических изысканий. Пустыня большая, задумчиво потерли подбородки гномка и алхимик, — хотелось бы знать, где именно захоронили Тиглатпалассара… Конечно, при должном старании можно перекопать всё ущелье — от Абу-Кват до Обрыва, а если понадобиться, и до самого Ильсияра… Но хотелось бы лучше скоординировать усилия.

С умным видом мэтресса Далия потребовала предоставить ей время и условия для шевеления извилинами, и сосредоточилась на решении последней загадки старого археолога.

Сидя на горячих каменных блоках, их которых когда-то были сложены величественные пирамиды, Далия принялась листать конспект дневника мэтра Симона. Что мы знаем об этом алхимике, прикоснувшемся к древним тайнам Пустыни? Он пришел в Великую Пустыню, это несомненно. Из всевозможных дорог и тропинок, пересекающих плато Кватай, он выбрал маршрут, пролегающий по плоскогорью между новым и старым руслом Дхайят — то есть прошел вдоль разрушенного акведука, мимо серебра царя Сфинксов, вышел к Обрыву… А вот что было дальше? Алхимичка лихорадочно листала страницы, хмурилась, вспоминала возможную подсказку…

Симон Пункер двигался в направлении Абу-Кват — и их алхимическая троица тоже. Пик из светлого камня возвышался над Пустыней, служа весьма приметным ориентиром, и значит, пора искать какую-то конкретную точку, какой-то вход — ведь именно по этим обломкам пирамид пятьдесят лет назад простучал стоптанными сандалиями величайший гиджапентолог столетия мэтр Симон Пункер…

Что еще мне известно о Пункере? — задумалась Далия, отрешившись от посторонних факторов. То есть — игнорируя просьбу Напы двигаться быстрее ("Если мы отдохнем лишний час, копать будем быстрее. Успокойся, Напа, всё под контролем!"),

дребезжание Ханны ("А уж какая моя доченька добрая! Ее даже оборотни боятся лишним лаем обидеть!") и мольбы Фриолара о спасении. Пункер, Пункер… Если записи не врут, он пришел к Абу-Кват, увидел нечто… и нашел Золотой Город.

Пришел, увидел… Откопал? Нет, эту версию оставим Напе — если к полуночи в окрестностях Абу-Кват останется хоть одна неперевернутая песчинка, Далия готова съесть собственную шляпу. Объяснение должно быть проще и изящнее — ведь, если верить воспоминаниям, подслушанным в Луазе, мэтр Симон любил именно такие задачки, где ответ кажется очевидным, но слишком невероятным, чтобы в него поверил менее хитроумный искатель…

Где же прячется Золотой Город? И что это вообще — может быть, очередная метафора? Может быть, Золотой Город — это какой-нибудь древний артефакт? А что, вполне реально, ведь могущество древних магов стало притчей во языцех. А может быть…

Думай, Далия, думай. Время на исходе. Судя по тому, как интенсивно расходуют случайные попутчики наши припасы, еще три дня максимум — больше самозваная экспедиция не протянет… Дуры эти деревенские откуда-то свалились — бедный Фри-Фри, надеюсь, он хотя бы догадается сопротивляться, если эта богатырка вздумает перейти от заигрывания к более активным ухаживаниям?

А еще магическое дерби! Ох, как бы чего не вышло! Далия была уверена — не на какие-то жалкие сто процентов вероятности, а полностью и категорически, потому как другого варианта развития событий не могло случиться в принципе! — что кто-то из магов вздумает подкладывать конкурентам большую метафорическую свинью и организует в Пустыне какую-нибудь свару между существами-претендентами. А что? Идеальное преступление! Здесь сфинксы, песок, жажда, ветер, неизвестность — организовать какое-нибудь «случайное» происшествие, скажем, натравить на претендентов стаю волков — и дело в чепчике! Никто не докажет, никто не узнает…

Перспектива оказаться свидетелем возможного преступления не радовала. Поэтому Далия снова и снова терла лоб, заставляя себя разгадывать ход мыслей старого историка. Симон Пункер был мастером замаскировать истину на поверхности, в самых обыкновенных словах, которые прекрасно хранили тайну — ведь никому не приходило в голову истолковывать их буквально. Если верить записям его путешествия, Пункер просто пришел к Абу-Кват, увидел… и нашел!

— Что ж ты нашел такого, что решил забросить всю

археологию, наворовал из гробниц золотишка на пару тысяч, да после этого ни разу в жизни не вспомнил про свой алхимический научный интерес? — проворчала Далия.

— Ты это о ком? — шмыгая носом, подошла Напа.

— Я думаю, Напа. А ты чего грустишь?

— Да вот, думаю, как избавиться от этих деревенских лапотниц.

— Это проще пареной репы. Сейчас выберем местечко поукромнее, попросим их пересчитать песчинки или даже забраться в колодец, чтоб оттуда пронаблюдать за явлениями звездного неба. Одним словом, кем будем мы, если не обманем каких-то крестьянок… — алхимичка поднялась с камня, отряхнула накидку… и вдруг поняла. — Колодец!

И она указала на едва заметную точку, темнеющую среди песчаных и каменных груд чуть севернее того места, где путники остановились на привал.

— Что — колодец? — насторожилась гномка. — Причем тут колодец? У тебя же есть «Родничок», зачем нам колодец?

Но мэтресса уже бежала к указанной цели.

Колодец был старый — совершенно не похожий на беломраморное великолепие Слез Неба в Ильсияре. Но одновременно… что-то родственное проглядывалось в резном каменном кружеве отделки, возможно — скульптурные изображения зверей, птиц и растений, значительно разрушенные безжалостным временем; возможно, оформление колодцев просто придумывалось в похожем стиле…

— Ты видишь?! — воскликнула Далия, подбегая к основательно засыпанной песком достопримечательности. Куда подевались усталость и уныние, с которыми алхимичка жила последнюю неделю! Азарт и энергия вернулись, будто по волшебству.

— Ты думаешь, что это — настоящий колодец Слезы Неба? — скептически протянула Напа. — Вынуждена тебя разочаровать: в этом колодце воды нет и быть не может. Поверь гномке — уж мы-то в водоносных пластах разбираемся… Может, я и не такой специалист, как моя тетушка Бонд…

— Напа, забудь про тетушек! Посмотри! Разве ты не видишь? Ты же гномка, ты же должна угадывать подобные вещи!

Напа Леоне дотронулась до темного гранита, из которого сложили восьмиугольник древнего колодца. Постучала мыском сапога, обошла по кругу, заглянула внутрь, уверилась в том, что в глубине нет ничего, кроме нанесенного ветром песка да, может быть, пары скелетов излишне любопытных варанов…

— Неплохая работа. Не гномья, но видно, что мастера

старались. Столько веков стоит — а как новенький. Его почистить, углубить до водоносных слоев…

— Напа Леоне, я тебя укушу! — в сердцах пригрозила Далия. — Посмотри по сторонам! Здесь горы выворачивались из земли и сталкивались с другими такими же твердынями! Пирамиды в десятую часть лиги высотой раскололись, как орехи после удара молотком! После Падения Гор обмелели реки, и целые страны превратились в воспоминания — а этот колодец, по твоему меткому замечанию, "стоит, как новенький"!!! Тебе не кажется странной столь потрясающая устойчивость данного ирригационного сооружения к внешним воздействиям?

— "Старый колодец!" — закричала Напа случайно запомненную цитату из дневников Симона Пункера: — "Копать до последнего!"

— Напочка, солнышко мое, — молящим голосом проговорила мэтресса, — Прошу тебя — копай!!!

Талерин

Весь двадцатый день месяца Барса господин Бронн, сотрудник известной столичной газеты, прогуливался у телепортационной станции в ожидании новостей.

После пышной свадьбы принцессы Ангелики и генерала Громдевура столицу Кавладора накрыла волна летней истомы, сладкой лени, которой никто из горожан даже не пытался сопротивляться. Героически расправившийся с обязанностями королевский мажордом лежал пластом, переживая жутчайшее похмелье; у златошвеек как раз начали подживать ранки, оставленные острыми иголками и интенсивно эксплуатируемыми наперстками; ювелиры вдруг поняли, что распродали все запасы и спешно взялись за инструменты, чтоб подготовить новые украшения для очередного торжества. Королевская гвардия, позевывая, возвращалась на места несения службы, тайком удивляясь, как это никто не попытался завоевать страну, у которой и главнокомандующий, и монарх временно сложили с себя делегированные полномочия. Министерство Золота только начинало подсчитывать расходы, связанные с бракосочетанием принцессы, Министерство Спокойствия наконец-то погрузилось в блаженную нирвану, занятое расследованием всего лишь обычных краж, вполне понятных мошеннических махинаций и мелких случаев этнического гномье-тролльего самовыражения; а Министерство Чудес самым волшебным образом вело себя настолько примерно, что вполне заслужило нимб и крылышки для прижизненного вознесения в райские кущи.

Другими словами, новостей не было.

Обнаружив, что "Талерин сегодня" третий раз напечатал одну и ту же статью о выставке шан-тяйских болонок, высочайше одобренных ее величеством Везувией и глубочайше раскритикованных лично его наследным высочеством Арденом, Бронн призадумался. Просмотрел публикации прошедшей недели, выпил чашечку чая, послушал компетентное мнение супруги и ее восемнадцати кузин, и осознал необходимость сенсации.

Даже странно — размышлял Бронн, прогуливаясь по сонным и тихим улицам Талерина, — за прошедшую неделю ни принц Роскар никого не победил, ни алхимики ничего не взорвали!.. Оставалась надежда, что какие-нибудь известия о состязаниях магических тварей, проходящих сейчас в Эль-Джаладе, пробудят у горожан интерес к жизни.

— Какие-нибудь новости? — спросил Бронн у старого знакомого, мага-телепортиста. Волшебник, посмеиваясь, пересказал сплетни, буквально четверть часа назад полученные из Вертано.

"Конечно, не королевская свадьба," — думал Бронн, бойко записывая новости в блокнот. "Но на бездраконье сгодится".

В итоге вечерний выпуск "Талерина сегодня" обрадовал кавладорцев следующим сообщением:

Клянусь твоей селезенкой, или Традиции бизнеса герцогства Пелаверино.

Как сообщают надежные источники, в столице нашего восточного соседа, герцогства Пелаверино, буквально несколько часов назад произошло чрезвычайного происшествие. Нет, на этот раз это не пожар, столь привычный жителям Вертано, а совсем наоборот. Гостиница "Золотая Пика", фешенебельное заведение, в котором останавливались такие видные персоны, как сочинительница мадам Ф. Белль, королевский астролог мэтр Нюй, видные деятели художественного искусства маэстро Павлини и Ренуарди, и прочие знаменитости, подверглось атаке холода.

Происшествие случилось в два часа пополудни. Какой-то гном ворвался в "Золотую Пику" и с оглушительным воплем атаковал хозяина, работников гостиницы и мирно отдыхающих путешественников — не топором или секирой, как можно было предположить, а потоком заклинаний. Особенности творимого с помощью артефактов волшебства были таковы, что стены "Золотой Пики" оказали буквально разорванными — их насквозь пронзили ледяные «копья» и «стрелы», метаемые злоумышленником. Стекла были выбиты, одна из опорных балок получила серьезные повреждения, отчего просела крыша, и в гостинице началась паника.

Причем, как утверждают наши информаторы, панику создало не агрессия со стороны гнома, и не столь неожиданное для жителя гор магическое вооружение, а обнаружение в стенах гостиницы специальных "шпионских ниш" — хитроумных устройств, позволяющих подслушивать чужие разговоры и специальных отверстий, через которые можно было легко подглядывать за ничего не подозревающими постояльцами.

Как только факт злокозненной слежки был обнаружен, остановившиеся в "Золотой Пике" дамы и господа встали на сторону атакующего гнома, организованно и слаженно изловили хозяина заведения и содружественно нанесли ему телесные повреждения (восемь ушибов, одно сломанное ребро, подбитый глаз и сорок плевков от некоей почтенной дамы, пожелавшей остаться неизвестной).

Преследование хозяина гостиницы заставило постояльцев выйти на Пиковую площадь, поэтому достоверной информации, куда исчез герой, возглавивший поход справедливости, нет. Известно, что он находился где-то на верхних этажах гостиницы, когда вдруг сработало заклинание, мгновенно заморозившее воздух, стены разоренной гостиницы и даже брусчатку Пиковой площади. Сила холода была такова, что кое-где камень мостовой лопнул, а сама "Золотая Пика", и так пострадавшая от применения "ледяных игл", просто взорвалась, на глазах изумленных очевидцев превратившись в груду строительного мусора.

Мы можем лишь надеяться, что безвестный мститель смог спастись. Хозяин бывшей "Золотой Пики" утверждает, что видел, как "клятый коротышка уцепился за кошмарное котообразное животное, наряженное в каску с шипом и защитный доспех, клацающий на каждом шагу, да вместе с ним врезался в стену", но сами понимаете — кто теперь поверит словам содержателя притона?

Наш долг — напомнить жителям Талерина простейший правила путешествия в герцогство Пелаверино. Во-первых, не верьте местным — обманут. Во-вторых, не верьте даже тем, кто говорит, что они не местные — обманут обязательно. В-третьих, далеко не все обманщики живут в Вертано и Бёфери — они охотно посещают нашу страну, Буренавию, Вечную Империю Ци, и там занимаются любимым делом — врут налево-направо. Вообще, миф о хитрости пелаверинцев существует со времен Золотого Герцога, который…

— Ах, если б можно было обойтись без пелаверинских наемников и тамошних осведомителей! — с тихой печалью вздохнул министр Ле Пле, прочитав заметку Бронна. Министр

гостил у мэтра Фледеграна, который так резво "взялся за ум", что вообще отказывался покидать башню-лабораторию в Королевском Дворце. И даже пить перестал — так, баловался отваром шиповника, а в винном погребе дверь зачаровал, чтоб не согрешить ненароком. — Что вы думаете, мэтр?

Фледеграна пожал плечами, бегло просматривая газетную страницу.

— Липа чистой воды. Я скорее поверю, что тролли стали вегетарианцами, чем в то, что какой-то гном взялся за артефакты, а не за секиру или пушку.

— Вот тут приведена версия, что гном находился в помраченном состоянии рассудка, — подсказал Ле Пле. — Потому и погиб, бедняга… Зря — столько пройдох еще мог бы разоблачить, если б умело взялся за дело!

— Странный гном, — лениво подытожил Фледеграна. Он вернулся к тому месту, где журналист приводил описание безвестного героя: грушеобразное телосложение, ярко-рыжие брови, крючкообразный острый нос, лысая голова… — Очень странный, будто и не гном вовсе…

— Но рост — всего три с половиной локтя, — резонно возразил Ле Пле.

— Это может быть человек, — ответил Фледеграна. В памяти его шевельнулось какое-то воспоминание, но еще не выбралось из глубин подсознания. — Есть некоторые заболевания, в силу которых дитя вырастает низкорослым уродцем, есть также и…

— Что это? — перебил министр придворного мага.

— Где? — прислушался мэтр Фледеграна.

Обнаружив на одном из стеллажей лаборатории источник звука — багряно-красный хрустальный шар, закрепленный на бронзовой подставке, — министр Спокойствия поинтересовался его назначением.

Вместо ответа мэтр Фледеграна — трясущийся, перепуганный и мертвенно-бледный, — несколько минут хватал ртом воздух.

— Да что же это, мэтр?!! — Ле Пле схватил мага за грудки и встряхнул его, едва удержавшись от профилактической оплеухи.

В отличие от своего рассеянного коллеги из Чудурского Леса придворный маг совершенно точно знал назначение каждого артефакта своего лаборатории.

— Пр… п-пприменение недозволенных заклинаний… — наконец, хриплым шепотом ответил маг.

Красная хрустальная сфера лопнула, осыпав Ле Пле и мэтра стеклянным мелким крошевом.

— Особо сильных, — уточнил Фледеграна.

Ночь с 20-е на 21-е месяца Барса. Львиный Источник

Второй раз Духи Пустыни явились на зов Кадика ибн-Самума в виде величественном и устрашающем. Свистящие, завывающие порывы ветра согнали с окружающих полуразрушенную беседку круч тонны песка, и после того, как отзвучали слова заклинания и кровь жертвенного ягненка впиталась в бурую утоптанную землю, внутри магического октагона выросла гигантская фигура, составленная из хаотичных, беспорядочно перетекающих друг в друга песчаных струй.

Далхаддин в ужасе упал наземь, прикрывая голову руками и страстно мечтая заползти в какое-нибудь убежище. Наемники встретили Духов Пустыни одобрительными аплодисментами: их восхитило мастерство Кадика, и самый вежливый поспешил подойти, поднять перепуганного ученика за шиворот и начал выспрашивать, на какую оплату согласится мэтр маг, чтоб поучаствовать в небольшом предприятии во славу фрателлы Зунорайе.

— Повелеваю вам, — кричал Кадик ибн-Самум, размахивая жутким посохом, с которого сыпались белые искры, — Властью своей магии, мастерства и таланта повелеваю вам, Духи Пустыни, взять плоть и кровь нечестивцев, осмелившихся ступить на земли, принадлежащие вам! Возьмите их дыхание, возьмите их ужас и мольбы, возьмите их жар и желание жить! Возьмите, ибо такова моя воля!..

Наконечник посоха с размаху перечеркнул линии октагона, и Духи Пустыни вырвались на свободу. Антропоморфная песчаная буря с воем и грохотом поднялась до небес, тут же рухнула, рассыпалась неопрятной кучей; снова воссоздалась — уже в виде бешено несущегося табуна, и рванула в сторону, указанную магом — на плоскогорье между Старым и Новым руслами.

— Далхаддин, — требовательно позвал Кадик.

— О учитель! — смог прошептать пораженный до глубины души молодой человек. — О учитель, какой демон заставил вас создать подобный ужас?!

Старый эльджаладец засмеялся, задрожав куцей бороденкой:

— Ты совершенно не разбираешься в демонах, недоучка! Но ничего — я обязательно исправлю сей пробел твоего образования. А теперь мне нужна энергия! Подойди!

Зажмурившись от страха, Далхаддин не осмелился возражать. Он подошел ближе, протянул наставнику руки — и через секунду почувствовал, как собранная за день мана перетекает в тело Кадика.

— Теперь посмотрим, как справляются големы с ллойярдским мокрецом, — довольно, как сытый сфинкс, заурчал маг. — Неси

хрустальную сферу.

Впрочем, отзвуки событий, которые происходили в окрестностях Диль-Румайи именно в этот момент времени, Кадик ибн-Самум и Далхаддин-Улитка почувствовали и без дополнительных приборов.

Хрустальная сфера могла лишь сообщить подробности — например, показать, как мэтр Мориарти одним заклинанием превратил четверть своих защитников в прах, и как он закричал от удара бронзового меча. Увидели наблюдатели и как, пропустив второй удар, Мориарти рухнул на песок. Вокруг некроманта толкались, гремя о товарищей, как керамические горшки, четверо големов, скорее мешая, чем помогая друг другу; остальные големы успешно отбивали атаки наседающих энбу. На какую-то секунду мир замер — Мориарти стоял на коленях, плотно зажмурившись, целиком растворившись в ощущении жуткой боли, а искусственные и неживые воины рубились над его головой. Потом чей-то меч на излете зацепил наплечное ожерелье из черепов, сорвал его с волшебника… От рывка, хлестнувшего по шее, Мориарти повалился навзничь, совершенно скрывшись за глиняными телами нападающих, а потом…

Это почувствовали все волшебники, собравшиеся между Ильсияром и Хетмирошем. Волна выпущенной мэтром Мориарти дикой магии прокатилась по всему Эль-Джаладу, добралась до Иберры, Шан-Тяйских пиков, Талерина и даже до самой восточной крепости Ллойярда — Литтл-Джока. От хаоса, порожденного энергетическим выбросом, лопнули и «перегорели» маломощные артефакты на десятки лиг в округе, сильные артефакты ощутимо нагрелись, решая, срабатывать им или подождать; полдюжины из посланных Кадиком ибн-Самумом глиняных воинов рассыпались в прах, а остальные покрылись сеткой трещин. Скелеты и энбу прекратили существовать; несколько десятков мелких пустынных тварей — змейки, тушканчики, лисы, ночные птицы, — мгновенно умерли; даже Матушка Ш-ш впервые в жизни почувствовала сильнейшую мигрень в правой и центральной головах. А сам мэтр Мориарти…

— Он сдох, — торжествующе провозгласил Кадик ибн-Самум, глядя на осколки и лужицу расплавленной бронзы, в которую превратился их следящий артефакт. — Наконец-то!

— О господин, — прошептал Далхаддин. — Надеюсь, на этом всё? Вы так давно мечтали отомстить господину Мориарти, — не знаю, правда, за что, да это и не важно, — теперь, когда он погиб, вы отзовете обратно Духов Пустыни?

— Зачем? — удивился старый маг.

— Ну… их миссия ведь потеряла смысл, не так ли?

— Духи Пустыни, — наставительно погрозил пальцем Кадик, — не какие-нибудь однозначные гномьи механизмы, чтоб "иметь смысл" или какую-то «миссию». Они — трансцендентальное воплощение мощи Великой Пустыни, ее аватары и воплощения! Дерзкие нечестивцы сами пожелали узнать, на что она способна, пусть теперь наслаждаются встречей! А мы пока еще немного поколдуем… Где наемники?

Далхаддин огляделся по сторонам. Увидел наемников, шустро удаляющихся по направлению к Новому руслу Дхайят.

Старый маг покачал головой, сетуя о трусости и недальновидности молодежи. Щелчок сухих пальцев, движение черного посоха — и тени, отбрасываемые разбросанными на отдалении от Львиного Источника глыбами и обломками пирамид сгустились, превращаясь в черных сфинксов.

Поджарые, опасные твари — с рубиновыми глазами, в нюртанговых ошейниках, блокирующих естественные способности крылатых львиц к внушению, — преградили путь беглецам и рычанием заставили повернуть обратно.

— У меня будет для тебя особое поручение, — проговорил Кадик ибн-Самум, — Сейчас ты возьмешь жезл Первого Голема и пойдешь встречать магических тварей, которых варвары заставили бежать на перегонки.

— Разве это было не вашей идеей? — осторожно напомнил Далхаддин. — разве не вы предложили..? Молчу, молчу!.. — вовремя спохватился он.

Кадик прожег юного нахала пылающим черным взглядом:

— Возьми големов, сфинксов и сделай так, чтоб претендентов на звание Покровителя Года не осталось.

— Но как же…

— Уверен, следующий год мы наречем годом Духов Пустыни! — захихикал Кадик ибн-Самум. — Хотя почему год? Мы отдадим им целую вечность! И будут они править миром отныне и вовеки веков!

— Пожирая всех несогласных, — шепотом закончил мысль наставника Далхаддин.

Мысль была… не самая приятная. А потому Далхаддин-Улитка поспешил выполнить распоряжение наставника — лично он хотел жить как можно дольше…

На север от Диль-Румайи, у старой чинары

Над Пустыней — лигах в двадцати к востоку от старой чинары, где нашли приют Огги Рутфер и его компаньоны, — вспыхнуло зеленое пламя.

— Похоже на северное сияние, — задумчиво оценил Оск.

Огги Рутфер посмотрел сначала в Пустыню, ожидая, что вспышка повторится, потом на Оска. Где-то он этого парня видел, вот только никак не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

Провал в памяти нервировал Огги — он предпочитал точно знать, каких бед ожидать от подельников и соучастников, — поэтому бывший помощник господина Раддо посчитал нужным наябедничать донне Кассандре-Аурелии на Оска и всемерно приукрасить тупость и троллеподобность нового товарища. Донна Кассандра отмахнулась, пожала плечами и с чисто женской логикой объяснила выбор тем, что Оск-де ей нравится. "Но ты, разумеется, нравишься мне больше," — вовремя спохватилась красотка. Погладила Рутфера по щеке и велела не забивать голову глупостями.

Огги послушался. Теперь он просто игнорировал Оска, считая его чем-то таким же грубо неодушевленным, как пару прихваченных из Вертано арбалетов и небольшую пушчонку, около которой сейчас суетился Ньюфун Кордсдейл.

— Ты подумай круглой своей головой, — отозвался гном на реплику Оска. — Откуда здесь, в Пустыне, взяться северному сиянию?

— Не знаю, — пожал могучими плечами тот. — Просто похоже… Может быть, кто-то из волшебников балуется. А, как ты считаешь, Джоя?

— Она не Джоя, она Кайт Кристо, — сурово поправил Оска Огги.

— Вернее, донна де Неро, — вставил Ньюфун.

И все трое искателей приключений повернулись к нанявшей их девушке.

Кассандра стояла, судорожно схватившись за ствол старой чинары. Левой рукой девушка держалась за шею, будто неведомая сила душила ее, не позволяя сделать вдох. Лицо Кассандры на фоне ночного неба казалось мертвенно-бледным, как у покойницы.

— Вам чем-нибудь помочь, моя дорогая? — вежливо и заботливо спросил Оск.

— Нет, — хриплым, низким голосом отказалась Кассандра.

— Что это с тобой? — ворчливо поинтересовался Ньюфун.

"Что-что!" — едва удержалась "донна де Неро" от язвительного комментария. "Артефакт, удерживающий вас в повиновении, вот-вот лопнет от переизбытка маны!"

Паника прожгла воровку сильнее, чем жар разгулявшегося артефакта. Что делать? Кто творит заклинания столь ужасающей силы? Что случиться с древним ожерельем — оно просто расплавится, золотой лавой прожигая нежную девичью кожу, или

взорвется, аннулируя действие *всех прочих* заклинаний? Что делать? Бежать? Куда? Да и успеет ли…

Вместо того, чтобы бежать от эпицентра магического взрыва, как от чумы, Кассандра, убедившись в том, что изумрудное ожерелье не прожгло ей кожу насквозь, осторожно перевела дыхание и ответила:

— Я тут вспомнила об одном неотложном деле…

— Говори, что нужно сделать, — тут же предложил преисполненный рыцарской доблести Оск. — Мой меч к твоим услугам.

— Это личное, — отказалась Кассандра, лихорадочно соображая, какую отговорку придумать. — Мне нужно срочно вернуться в Вертано по личному чрезвычайно важному и спешному делу.

Пошатываясь от пережитого потрясения, Кассандра прошла к тому месту, где волновались лошади маленького отряда. Тонконогие скакуны, нанятые в оазисе, прядали ушами, нервно косились на плоскогорье, и были готовы убраться из нехорошего местечка как можно быстрее.

— Оставайтесь здесь, — велела Кассандра своим спутникам.

— Зачем это? — нахмурился гном.

"Ах, верно. Магия внушения всегда плохо действует на коротышек. Еще хорошо, что гном любопытный попался, а то пришлось бы мне с ним помучиться…" — недовольно шевельнула уголком рта Кассандра. Вслух она ответила:

— Вы должны дождаться, когда мимо побегут существа-претенденты. И помочь протеже фрателлы Бонифиуса.

— Ага, — согласился Рутфер.

На Оска имя одного из самых знаменитых пелаверинцев не произвело никакого впечатления. Он подсадил хрупкую девушку в седло, подал ей поводья, нежно сжал руку на прощение и спросил, заглядывая в темные, переполненные страстями глаза:

— Твое путешествие не опасно? Может быть, мне стоит поехать с тобой?

— За меня не беспокойся, — уверенно ответила Кассандра. "Ты б подумал, что случится с тобой, если сюда доберется волшебник, способный творить заклинания подобной силы." — Со мной все будет в порядке. Пожалуйста, не позволь этим двум остолопам загубить дело, столь важное для моей карьеры!

— Я сделаю все, что ты скажешь, Джоя.

"Влюбленный идиот!" — полыхнули вспышкой ярости черные глаза "донны де Неро". Она резко тронула коня — спеша как можно скорее удалиться из небезопасного места.

Отчетливо представляя, о чем сейчас переговариваются

наемники, оставшиеся у старой чинары, — разумеется, о том, как потратят гонорар, обещанный за "помощь фрателле Раддо", — Кассандра поспешила добраться до Диль-Румайи как можно быстрее.

На окраине деревеньки прогуливался мужчина в расшитом звездочками халате — ученик из Хетмироша, нанятый из-за своего знания ориентиров деревенек, рассыпанных по Пустыне. Во всем остальном эльджаладец доверия не внушал — ему было хорошо за сорок, а из статуса учеников он так и не удосужился выбраться.

— Госпожа? — обрадовался волшебник при виде Кассандры. — Я так и думал, что вы вернетесь! Совершенно зря, посмею заметить: я сейчас переговорил со своими друзьями из Хетмироша. Оказывается, всё идет по плану!..

— Какому плану? — недовольно бросила воровка.

— Плану господина Кадика! Он, оказывается, предупреждал, что возможны провокации со стороны варваров-иноземцем, и, видимо, это они и есть! Вы, должно быть, почувствовали, как Силой полыхнуло?..

— Я что, похожа на мага, чтоб чувствовать колебания Силы?

Вместо ответа ученик-перестарок одарил девушку понимающей, заговорщицкой улыбочкой. Дескать, ну да, ну да… Совершенно вы на мага не похожи, *сударыня*… а ароматами зелий и аурами артефактов вы благоухаете совершенно случайно…

— Хватит ржать, — резко, с мужскими командующими интонациями, потребовала Кассандра. — Мне от тебя нужно всего лишь заклинание телепорта.

"А прочие твои «соображения» я оплачу отдельно".

— Куда прикажете? — привычно осведомился ученик, приступая к магическому действию.

— Знаешь Вертано?

— Исключительно окрестности Дикого Рынка (47).

— Давай, — разрешила воровка.

Заклинание было прочитано; серый туман пронзающего пространство *перехода* заклубился, показывая среди Пустыни островок мощеной мостовой далекого Вертано. Кассандра хлопнула по морде лошадь, которая тянулась к ней в ожидании подачки, подошла ближе…

— Осмелюсь напомнить, сударыня, вы мне обещались дюжину золотых за услуги. И не местных динаров, а полновесных кавладорских "дубовых листьев"…

— Ах, да, как я могла забыть, — «спохватилась» Кассандра.

Маг подошел ближе, доверчиво протягивая руку. Воровка резко вывернула ему кисть, заставив сделать рывок ей навстречу

и буквально насадив эльджаладца на острие стилета.

В глазах раненого шевельнулся ужас, он отшатнулся, пытаясь закричать, позвать на помощь, сотворить останавливающее кровь заклинание… Молниеносно Кассандра выхватила кинжал из его груди и нанесла второй удар, на этот раз — в горло, ломая хрящи гортани и заставляя беднягу захлебнуться собственным криком.

Телепорт еще работал — лишнее доказательство того, что сотворивший заклинание маг еще жив; но требовалось поторопиться. Кассандра быстро прыгнула — мигом оказавшись на хорошо изученной улице пелаверинской столицы; а незадачливый волшебник жил еще несколько минут. Он даже смог пройти несколько шагов, после чего тяжело упал, питая бесплодную выжженную плоть Пустыни своей кровью.

У развалин гостиницы "Золотая Пика" Кассандра-Аурелия оказалась далеко за полночь. Выслушала десяток версий относительно того, что случилось, сетования, что "гномы нынче совершенно обнаглели, не стесняются колдовать, ну чистые ёльфы!", мрачные прогнозы, что "уж теперь-то точно подземные коротышки повысят цены на уголь", и тому подобные соседские сплетни. После чего подумала, прикинула варианты развития событий и решила исчезнуть — на какое-то время.

Если "донну де Неро" не обманывала интуиция — а такое случалось чрезвычайно редко, — события складывались таким образом, что пора была подумать о безопасности собственной шкуры.

Тем более, что она у нее чужая…

Между Ильсияром и Хетмирошем.

— Лео, сделайте что-нибудь! — требовал инспектор Клеорн.

— Я пытаюсь, пытаюсь! — возмущался волшебник, пытаясь хоть как-то сосредоточиться.

Звери мэтра Вига — плюс господин Вапути — выли нестройным перепуганным хором. Как начали после первого прокатившегося по Пустыне выброса энергии, так и не успокаивались.

— Что же происходит, мэтр?! Немедленно угомоните их!

— Перестаньте мне мешать! — наконец, рассердился Лео. Единым жестом он зачаровал микро-бычка и заставил его наставить на вышедшего из себя сыщика маленькие рожки. "Мууу!" — сказал Бычок. Клеорн посмотрел на досадную помеху, проворчал несколько нелестных эпитетов в адрес магии вообще и школы Крыла и Когтя в частности, подхватил создание за рога и вышвырнул его за окно.

Стало чуть потише. Перепуганные питомцы мэтра Вига воспользовались ситуацией и бросились подальше от разозленного инспектора, найдя пристанище на господине Вапути. Виноторговец застыл, окрыленный и опушенный, под грузом трясущихся, несчастных тел. Даже хорь чернокнижника больше не смеялся — он вцепился в сапоги и штанины Вапути, и повизгивал от тревоги…

Дверь распахнулась с резким стуком — с улицы вернулся Лотринаэн.

— Я просканировал окрестности. Пока ясно, что произошел чистый выброс Силы — это не заклинание, а наоборот, его отсутствие. Чтобы понять, кто это сделал и почему — мне не хватает ресурсов. Поддержишь меня, Лео?

— Конечно!

— Тогда пошли быстрее… Надо перенестись ближе к Абу-Кват; я предлагаю добраться до плоскогорья между руслами, а там решим на месте…

Не успели волшебники выйти под полосатый тент "Песчаного Кота", как послышался тяжелый, частый перестук — забор вдруг рухнул, и через образовавшийся проем во двор дома мэтра Вига въехал паланкин, который несли четыре энбу.

— Где он?! — истерически воскликнула мэтресса Вайли, тяжело выбираясь из паланкина. Вид волшебницы, учитывая ее эксперименты с косметикой, ночную рубашку, выглядывающую из-под небрежно накинутой и застегнутой на полторы пуговицы мантию, папильотки в длинных разметавшихся по плечам волосах, был страшен. — Мне нужно срочно с ним поговорить! Где он?!

— Кто? — отважился уточнить инспектор Клеорн.

— Мой отец! Где он? Я желаю поговорить с ним!

— А ваш отец — это мэтр Виг, верно?

Некромантка нервно сжала посох и смерила надоедливого служаку высокомерным недовольным взглядом.

— По какому праву, — зашипела она, едва сдерживалась, чтобы не наслать на нахала стаю ядовитых скорпионов. — Вы смеете задавать вопросы?

— Погодите, — вмешался Лео. — Уважаемая мэтресса, может быть, вы скажете, кто разбрасывается заклинаниями такой потрясающей силы? Мне кажется, я почувствовал Магию Смерти — может быть, это какой-то маг из Восьмого Позвонка?

Вайли хотела возмутиться — что за привычка, обвинять во всех бедах несчастных некромантов! — но неожиданно для себя гнев вдруг сменился горючими слезами.

— Ах, я не знаю, что и думать! Это Мор! То есть, я хотела

сказать, коллега Мориарти! Это точно он — я узнаю ауру его волшебства и через тысячу лиг! С ним что-то случилось — и вы, господа, обязаны узнать, что именно!

— Почему это — сразу мы? — шепотом спросил Лео, но Лотринаэн и Клеорн его не услышали. И маг-полуэльф, и сыщик относились к той разновидности мужчин, которые не могли выносить вида женских слез; а зрелище рыдающей и размазывающей по щекам пласты косметики некромантки было столь печальным, что могло разжалобить самого отпетого циника.

— Помоги мне с резервом, Лео! — крикнул Лотринаэн, заставляя молодого волшебника оставить думы и перейти к реальным действиям.

Через несколько секунд во дворе старого дома выросла — причем в самом буквальном из смыслов, — большая "Зеленая колесница" (48). Вайли скомандовала энбу занять места на задних листьях, сама же грузно и неловко устроилась рядом с управляющим волшебной «повозкой» Лотринаэном. Клеорн запрыгнул сам, не дожидаясь особого приглашения, Лео на секунду засомневался, рассчитывая, какой вес способны выдержать составляющие «колесницу» растения. Но оставить друга и начальника без помощи не рискнул.

— Вперед! — скомандовала мэтресса Вайли. Слезы проложили канавки по высохшим мазям на щеках волшебницы, папильотки болтались, как утопленники, а скорпион на посохе дергался от сдерживаемых чувств.

— Вперед! — согласился Клеорн. Внутреннее чутье подсказывало сыщику, что сейчас он как никогда близок к тому, чтобы поймать за руку коварного злоумышленника.

Относительно личности преступника у инспектора четкой определенности не было — и вовсе не из-за низкой квалификации Клеорна, совсем напротив. Сыщик был уверен, что сможет подвести базу обвинения для совершенно любого случая, который только обнаружит в Пустыне. А еще…

А еще он располагал вполне компетентным мнением — того иберрского паренька, Пабло, — что ничего плохого или особо страшного с Участниками состязаний во имя Судьбы, не случится.

Что поделать — подобные иллюзии свойственны всем смертным.

Корни растений сплелись в плотные шары, благодаря которым "зеленая колесница" неслась вперед со скоростью, которой позавидовало бы иное цунами. Промелькнул и скрылся в ночной темноте Хетмирош; разрозненные скалы стали круче и сдвинулись, образовывая единый массив, перечерченный

фальшивым Новым руслом…

— Это Стражи! — крикнул Лотринаэн, когда путешественники пронеслись мимо огромных троллеподобных колоссов, охраняющих вход на разрушенное во времена Падения Гор плато Кватай.

"Зеленая колесница" стремительно, как птица, мчалась по пескам, подпитываемая усилиями одновременно трех не самых слабых магов; а потом волшебники не успели ни остановиться, ни даже подумать о возможной опасности — петляя между скалами и барханами, перепрыгивая-перелетая мелкие неровности и коварные ущелья, они врезались в бушующую на плоскогорье бурю.

Мелкий серый песок обрушился на них одновременно со всех сторон, раздирая кожу и глаза, лишая доступа воздуха… Клеорн прикрыл глаза руками, пытаясь как-то сладить с мэтрессой Вайли — она сидела рядом, и буквально через секунду после того, как «колесница» столкнулась с бурей, сомлела, грузно привалившись к плечу сыщика. Глоток воздуха! Все царства мира за глоток воздуха!.. О боги…

Обломки пирамид. Приблизительно в то же самое время

— Что-то происходит? — спросил Фриолар у Далии.

Молодой алхимик занимался важным, чрезвычайно деликатным делом — он уговаривал Ханну и Любомарту помогать Напе освободить недра старого колодца от тонн песка. Периодически алхимик мучился — снова и снова, не реже трех раз в полчаса — от сознания того, что две женщины работают, вытаскивая из глубины колодезного жерла мешки с песком, а он всего лишь на подсобных работах — следит за самодельным блоком, посредством которого и происходит указанная операция. Мэтресса Далия считала своим долгом напомнить ему, что, во-первых, Ханну и ее дочуру никто не принуждал, во-вторых, пусть отрабатывают стоимость потерянного артефакта, в-третьих — что сам Фри-Фри и хрупкая, изнеженная, духовно развитая Далия с такой работой уж точно не справятся. Короче, хватит ныть! И Далия, устроившись в отбрасываемом ближайшем обломком пирамиды тенечке, благополучно продремала весь вечер — пока Напа, крестьянки и Фриолар трудились, как проклятые.

— По-моему, происходит очередной ветерок, — подумав, ответила мэтресса. Она сладко зевнула, поднялась, разминая косточки. Поглядела на звездное небо — прозрачное и чистое на севере, и затянутое тревожными, черными тучами на юго-востоке. — Не пойму я эту Пустыню — вечно здесь какие-то ветродуи пошаливают… Ну, как продвигаются раскопки?

Далия склонилась над колодцем, помогая Фриолару вытягивать очередной мешок с песком. И «мешки» — вернее, большие чехлы с продетыми по краям веревкам, — и блок, и даже веревка — нашлись под столь маленькой с виду курточкой Напы Леоне. Там же нашлась «лопата» — сняв нагрудник, дополнительно укрепляющий кольчугу, гномка получила весьма удобный копательный инструмент, которым и орудовала несколько последних часов.

— Как бы она до Центра Земли не докопалась, — пробормотала Далия. И позвала: — Эй! На-па-аа!

— Аааа… — ответило эхо.

— Чего? О?о? — отозвалась через некоторое время гномка.

— Как поиски? Ски?ски? — спросила алхимичка. — Что-нибудь нашла? Ить… а… а… а…

— Ничего! О!о!о!

— Я так и знала! — огорчилась мэтресса. — Я так и знала! Я ошиблась! И как теперь я буду исправлять ошибку? Мы столько часов потратили зря! Мы ополовинили половину последних запасов воды — как мы будем жить, когда она совсем закончится?! Да еще эти буренавские красотки свалились на наши головы… Ах, я так и знала, что ничего путного из этой затеи с Золотым Городом Тиглатпалассара не получится! Фри-Фри, почему ты молчишь, а не утешаешь меня?! — вспылила алхимичка. — У меня нервы на пределе!

— Смотри, — вместо ответа молодой человек указал на темную тучу за Обрывом, озаряемую сполохами молний. — Там что-то происходит!

— Что именно? — всмотрелась в даль мэтресса.

— Не знаю. Это ты предрекала, что встреча старых недругов может закончится чем-то вроде Падения Гор, так что — тебе виднее.

Далия попробовала возразить, и с шестой попытки у нее получилась связная фраза:

— Я имела в виду, что они будут оскорблять друг дружку и сыпать соль в чай… А они… они… Ай! — взвизгнула мэтресса, резко отпрыгивая от чего-то, коснувшегося ее руки.

Фриолар мгновенно пришел на помощь, спасая даму от таинственной опасности.

— Далия, — укоризненно покачал он головой, рассмотрев, что же испугало его спутницу. — Это всего лишь собака.

Черная борзая — красивая даже после блужданий по Пустыне, только немного проголодавшаяся и уставшая от компании двух пелаверинцев, — завиляла хвостом, подтверждая, что это всего лишь она.

— Похоже, нас догнали существа-претенденты, — решил Фриолар, поглаживая собаку. Далия похлопала по сумочке и извлекла подтаявший, изрядно помятый леденец.

— Ты уверен? — уточнила мэтресса, глядя, как борзая воротит нос от «угощения». — Какая-то она слишком энергичная и полная сил для существа, трое суток бежавшего наперегонки с несколькими сотнями тварей… Ты чья, собачечка?

Сонечка махнула хвостом и гавкнула.

Фломмер и Хрумп, издали наблюдавшие за происходящими возле колодца событиями, обменялись мнениями. Мнение Хрумпа — как человека, жаждущего активных действий, — сводилось к тому, что пора выпрыгивать из засады и хватать Далию, пока она опять не сбежала. Более осторожный Фломмер агрессивно сопел, безмолвно подчеркивая необходимость тщательного анализа ситуации — надо бы узнать, кто прячется в колодце. Конечно, маловероятно, что там засела армия зомби, или прочие алхимические сюрпризы… Но Фломмер не пережил бы сорок девять своих нанимателей, если бы бросался в атаку, очертя голову!

Приблизительно в указанный момент времени Далхаддин-Улитка покинул окрестности Львиного Источника и направился в сторону Нового русла — навстречу к десяткам особо живучих и чрезвычайно настырных существ-претендентов, которые чисто автоматически продолжали состязаться в скорости и выносливости.

Далхаддин спешил. Он намеревался максимально увеличить расстояние между собственной драгоценной шкурой и ослепленным жаждой мести Кадиком ибн-Самумом. Обладая горячей кровью, молодой эльджаладец где-то в чем-то понимал учителя — но он понимал бы его гораздо больше, если бы Кадик хоть раз внятно обозначил, за какие такие обиды он собирается мстить Мориарти, Пугтаклю и прочим собравшимся в Пустыне волшебникам!

— Иногда мне кажется, что с головой у него все-таки не порядок, — пожаловался Далхаддин окружающим его пескам и скалам.

Тем не менее, безумство начальника, согласно канонам Хетмироша, не являлось поводом улизнуть от выполнения обязанностей, и ученик мага сосредоточился на том, чтобы разобраться в управлении армией големов.

— Хотел бы я знать, — задумчиво пробормотал Далхаддин, поворачивая по солнцу один из украшающих жезл Первого Голема кристаллов. — Где Кадик умудрился спрятать целую

армию големов здесь, в Пустыне? Здесь же только камни, песок, обломки пирамид… Не закопал же он ее!..

Жезл Первого Голема сверкнул кристаллами и бронзовыми кольцами, на которых были выгравированы слова управляющих искусственными созданиями заклинаний; магический импульс сорвался с артефакта и пробежал по длинной цепочке следов, оставленных Далхаддином. Перепрыгнул темные камни, чиркнул по обломку древней статуи, чуть-чуть опалил усы любопытного тушканчика, рискнувшего высунуться из норки, и побежал дальше, дальше, дальше… пока не исчез, растворившись в безбрежном песчаном море.

— Что это? — насторожилась Далия — ей показалось, что мимо колодца пробежала какая-то лиловая искра.

— Далия, прекрати мифовать! Иначе я подумаю, что у тебя начинается мания преследования! — потребовал Фриолар. Но Сонечка заскулила, испуганно поджимая хвост и прячась за фигуру мэтрессы.

— Видишь! Учись у братьев наших меньших! Она чует, что не всё так просто! Похоже, нам пора убираться отсюда… Эй, Напа! — закричала Далия, стуча кулачком по стенкам колодца. — Вылезай оттуда!

— …ет!

— Никаких "нет"! — завопила мэтресса. — Слушайся меня, Напа Леоне! Или ты вылезаешь, или я рассказываю твоей маменьке, как ты пела хором неприличные куплеты в компании подвыпившего полуэльфа-волшебника! (49)

И вдруг…

Пустые круглые отверстия, которыми мастер обозначил зрачки голема, смотрели куда-то вдаль. Застывшее «лицо» — сработанное в полном соответствии с оригиналом, слугой, который согласился заработать пару медяков, позируя гончару, — на долю секунды озарила лиловая вспышка. Но секунда прошла, свет померк… А потом голем поднял вверх руку, в которой держал тяжелый бронзовый меч, и резко толкнул преграду, стоявшую у него на пути.

Каждый голем. Каждый из тысячи, закопанных в сердце Пустыни.

Засыпанная песком площадка вокруг колодца — та самая, по которой днем передвигались археологи, вдруг «проросла» острыми темными кинжалами.

Далия взвизгнула и резво запрыгнула на край колодца.

Фриолар, перехватив скулящую Сонечку, последовал ее примеру.

— Сделай что-нибудь, Фри-Фри! — взмолилась алхимичка.

Молодой человек передал Далии собаку (они заскулили в унисон), потянулся за мечом, примерился…

Кинжалы выросли до размеров полноценных ятаганов. Глиняные руки выбирающихся из заточения существ разгребали песчаные груды, ломали спекшуюся землю, разбрасывали каменные обломки, выстилавшие ущелье…

— Да их здесь сотни! — прошептал Фриолар. — Далия, нужно спускаться вниз… Полезай в колодец!

Пока мэтресса боролась с собой, решаясь на спуск в неизвестность, из глубины колодца послышался нарастающий ужасный вопль.

Алхимичка запаниковала, не зная, какая из опасностей — глиняная и вооруженная, или глубинная и орущая — страшнее.

— Придумал! — неожиданно закричал Фриолар. — Давай сюда "Родничок"!.. Ну же, не медли!..

Синий кристалл артефакта перешел из дрожащих рук Далии в ладонь Фри-Фри; алхимик примерился, оценивая расстояние и местоположение противника… Сонечка, подумав, что лично ее спасать никто не собирается, вырвалась из рук мэтрессы и, не взирая на ее причитания, с лаем бросилась в ночную тьму. Големы, как один, отреагировали на появление животного, остановившись, замерев, а потом круто развернувшись в сторону двух застывших у колодца человек.

Семьсот глиняных истуканов, каждый в семь локтей высоту, с ужасающей неизбежностью наступали, окружая алхимиков, и намереваясь растереть их в пыль; оставшиеся триста тяжелой трусцой поспешили за борзой — ничего личного. Просто какой-то ученик составил на жезле Первого Голема команду "Уничтожить всех".

— Далия, немедленно вниз! — скомандовал Фриолар.

Мэтресса подтянула к себе веревку — и тут же с воплем отскочила. Из недр колодца выскочила Любомарта — перепачканная, потная, красная и дико вопящая.

— Мертвяки!!! — заорала она, делая попытку повиснуть на шее у Фриолара. — Там мертвяки!!!

Алхимик не слишком вежливо оттолкнул девицу — големы приближались, а для претворения задуманного плана ему были нужны свободные руки.

— Мертвяки уничтожаются зачарованным серебром, обсидианом, или даже просто после того, как им снесут голову. А с големами сложнее — они практически бессмертны, пока не

получили восемьдесят процентов повреждений того, что им заменяет тело, — вспомнила Далия пару общеизвестных фактов, и окончательно определилась — надо лезть в подземелье.

А Любомарта, чудом избежавшая контакта с жутким воняющим мертвечиной существом, которое буквально только что обнаружилось на дне сухого колодца, вдруг увидела армию големов и заорала еще отчаяннее. Она закрыла глаза и бросилась наутек — раскидывая неповоротливых глиняных воинов, как кегли. Големы попытались атаковать вопящую добычу; но девица бежала столь быстро и хаотично, что в результате бронзовые мечи вонзились не в ее бурно вздымающуюся грудь, а в прочную терракотовую броню соседа…

— Не знаю, получится ли, — пробормотал Фриолар. Но в нынешних условиях оставалось только уповать на чудеса.

Он размахнулся и подкинул вверх «Родничок» — активизируя артефакт и заставляя его пролиться кратковременным, но изобильным дождем над головами глиняных воинов. И сразу же, пока капли воды скатывались по огнеупорным големам, накапливаясь в еле различимых трещинках, оставшихся после обжига, активизировал второй артефакт — «Льдинку». Мэтр Виг обещал, что «льдинка» может за несколько секунд заморозить воздух и любую влагу на расстоянии в троллий шаг — на всю армию истуканов мощи артефакта не хватило, да этого и не требовалось.

Ведь ближайшие к Фриолару големы уже остановились, пытаясь догадаться, почему им отказываются служить руки и ноги. А еще чуть позже вдруг покрылись сеткой трещин, вызванных разрывающим эффектом застывшей на их «телах» воды. Неосторожное движение — хотя бы простой толчок, чересчур жесткий шаг — и глина лопнула, превращая неустрашимого и могучего воина в груду черепков.

Довольный собой, Фриолар подумал, а не броситься ли ему на помощь Любомарте, но Далия крепко дернула его за ворот камзола, заставив потерять равновесие и обрушиться в недра таинственного подземелья…

Приказ "Уничтожить всех" меж тем продолжал действовать. Двигаясь синхронно и слаженно, будто единый человек, армия големов была слишком неповоротлива, чтобы быстро уяснить для себя исчезновение из поля зрения главных объектов преследования. К тому же… Создавая своих воинов, Кадик ибн-Самум использовал формулу "враг тот, кто нападает", под которую чисто формально попал холод, вдруг сковавший движения передового отряда… и, что удивительно, несколько коварных глиняных объектов, ударивших своих соседей ни за что

ни про что. А раз враг нападает…

— Ни….. себе! — восторженно выдохнул Хрумп, наблюдая, как големы крушат големов. — Никогда в жизни не видел ничего подобного!

— Похоже на разборки обманутых вкладчиков, — усмехнулся Фломмер. — Чего стоишь?

— В смысле? Я что, по-твоему, летать должен?

— Ползать! Давай, беги за своей алхимичкой!

— Она вовсе не моя!

— Ты ее убить пытался? Пытался. Поверь — мы в ответе за тех, кого не дорезали, — Фломмер легким тычком сбил Хрумпа с полуразрушенной стены пирамиды. Пока тот поднимался, наемник спустился сам, поднял пройдоху за шиворот и подтащил к колодцу. Под ногами сочно хрустели обломки разбившихся големов.

— Удачи тебе, — искренне пожелал Фломмер, заталкивая отчаянно сопротивляющегося Хрумпа в пустоту и ужас.

— Нет!.. Нет!!! Не-е-е-е-ет…

Услышав короткий глухой звук падения, наемник отряхнул руки и прочитал коротенькую молитву Асгадиру Внезапному — не то, чтобы Фломмер был особо религиозен, просто он желал товарищу не возвращаться — надоел хуже горькой редьки…

Однако счастье Фломмера вышло недолгим. Неожиданно на него обрушилось нечто — жаркое, будто раскаленная лава, оно обхватило могучие плечи наемника и рухнуло, обжигая тяжелым дыханием…

Фломмер ловко вывернулся, мгновенно принял боевую стойку и приготовился рвать нападающего на мелкие кусочки.

Этого не потребовалось — к его ногам упала чуть помятая, чуть растрепанная, но от того не менее прекрасная дева в роскошном (по относительным меркам троллей) розовом сарафане. Толстая коса цвета спелой пшеницы вольготно упала на грудь (Фломмер оценил зрелище на "пятерку с плюсом"), личико алело румяными щечками… ну, алело бы, — решил наемник, приступая к реанимации потерявшей сознание красавицы, — если б светило солнце, а не эти ночные пшикалки…

Неяркого света звезд хватило Любомарте, чтобы подтвердить первое впечатление, полученное о незнакомце: крепок, силен, не слишком красив (но ее-то красоты на двоих, а то и пятерых достанет!) — одним словом, то, что надо.

И она застонала, невзначай прижимая к роскошной груди попавшегося в ловушку наемника.

Ночь с 20-е на 21-е число месяца Барса. 2 часа пополуночи, Львиный Источник

Наемники, дрожа коленками, нервно оглядывались на темную бесконечность Пустыни. Там бродили сфинксы — выращенные на магических кормах, дрессированные специальными чарами, как любезно объяснил Кадик ибн-Самум; там за Обрывом гудела песчаная буря, озаряемая сполохами молний… А здесь оставалось только уповать на воображение. Лучший способ подстегнуть которое — оказаться пойманным магом с явными признаками мании величия.

— Ч-ч-что это? — самый вежливый из наемников решился задать вопрос волшебнику. Стоять, связанным по рукам и ногам статическим заклинанием, и спокойно слушать, как воют чующие беду тролли и наблюдать за размеренными, уверенными действиями волшебника, было выше его сил.

— Ш-ш-ш, — строго нахмурился Кадик. — Ты мне мешаешь…

Старик закрыл глаза и погрузился в медитацию. Перед его внутренним оком, свободно парящим в астральных сферах, открылась картина Великой Пустыни — кроваво-красный песок, острый зуб Абу-Кват, нагромождение скал и обломков…

— Ближе, — скомандовал Кадик, и его внутреннее Я, раскинув крылья, подобно спрыгнувшему с Обрыва сфинксу, устремилось ближе к земле.

Он летел над Пустыней, *ощущая* всеми доступными магу чувствами, каждое существо, находящееся среди песчаного моря. Мелкие серые искорки примитивных животных тварей, исполненные обреченности души иссушенных растений… Блеклые, одинаковые, как стершиеся монеты, ауры крестьян редких оазисов…

— Выше, — приказал волшебник, и он взлетел к облакам.

Узкое, похожее на вытянутый язык плоскогорье между старым и новым руслом исчезнувшей реки, открылось перед ним во всем великолепии. Кадик нахмурился — он увидел астральную проекцию бушующей за Горой Сфинксов бури и, пересчитав яркие радужные ауры волшебников, понял, что любопытные Участники, решившиеся посмотреть на финиш своих ненаглядных претендентов, оказались гораздо живучее, чем он думал. В астральном в*и*дении зрелище было подобно грозди звезд, неведомо как спустившихся с небосвода — едва ли не сотня мелких, почти микроскопических, несколько более ярких, десяток или дюжина — крупных, чуть ли не с горошину…

— Неужели мэтр Пугтакль, да попадется он на зуб древоточцам, все-таки избежал моего гостеприимства? — пробормотал Кадик, внимательно сканируя плоскогорье, Обрыв,

ущелье… Что это? Яркие искорки почти у подножия Абу-Кват! Это не мог быть Далхаддин — ученик щедро поделился маной с наставников, и сейчас должен быть ощущаться как размытое, тусклое пятно (да вот же он, идет вдоль Обрыва!). Тогда — кто же это?

Искорка лукаво подмигнула и исчезла в паутине древних чар, стороживших посмертный покой древних владык Империи Гиджа-Пент.

О Духи Пустыни, что за шутки?!

Почтенный маг приблизился к месту, где только что наблюдалось странное явление — но сейчас у заброшенного колодца, рядом с тем местом, где когда-то Кадик спрятал тысячу отборных големов. Ах, вот в чем дело! Искра — наверняка какой-нибудь пост-эффект наложенных на истуканов чар. Эльф-маг уровня Пугтакля должен сиять, как солнце на небосводе… Если, конечно, не прикрыт защитными заклинаниями, если не растратил запас маны, если не лежит без чувств, зарывшись в песок, если, если, если…

Разозленный тем, что глобальный план одним ударом покончить с цветом магической общественности шести королевств, не удался, Кадик ибн-Самум не обратил внимания на мелкий, едва заметный всплеск энергии у самого края Обрыва.

Откуда-то издалека до мэтра Карвинтия доносилось перепуганное ржание. "Откуда здесь взяться лошадям?" — нахмурился алхимик, с трудом возвращаясь в реальность. Почему так темно? Неужели он задумался, задремал и потерял счет времени? А где Ханна и Любомарта? Не то, чтобы Карвинтий скучал по своим родственницам, но было в их пустой болтовне что-то умиротворяющее и домашнее.

Оглядевшись по сторонам, мэтр убедился в том, что родственницы его покинули — или, что весьма вероятно, превратились в двух лошадей, топчущихся рядом с погасшим костром. Животные ржали, беспокоились, трясли гривами, но не рисковали покидать пристанище единственного человека в Пустыне. А может, просто не знали, куда им податься.

Голова Карвинтия болела — этакое тупое, взболтанное состояние, которое бывает после хорошего солнечного удара; перед глазами иногда пробегали искорки, внутри — мутило и булькало, как утром после студенческой попойки… Мэтр Карвинтий успел подумать, что, должно быть, заболел от переживаний, а потом вспомнил о самом главном.

Его сокровище — расшитый льдистым бисером кошелек и драгоценности — лежало рядом, на песке. По крайней мере, то,

что от него осталось — обугленные ошметки и несколько спекшихся в уродливые капли оплавившихся кристаллов. Не в силах поверить, что Судьба так жестоко посмеялась над его чаяниями, Карвинтий поднял тлеющие остатки кошелька, сгреб в горсть фальшивые драгоценности, вместе с песком и мелким гравием, и завыл от безутешной тоски.

Ему казалось, что жизнь кончилась, что его душа уже оторвалась от тела и теперь мечется между мирами, не находя последнего приюта…

Наверное, так оно и было.

3 часа ночи. Замок Фюрдаст.

— Ваше высочество… — осторожно позвали из-за двери. — Ваше высочество, можем ли мы поговорить с вашим супругом?

Принцесса Ангелика приоткрыла один глаз, в сонной полудреме отмахнулась от навязчивых голосов и поудобнее устроилась на подушке.

За дверью не желали униматься.

— Ваше высокоблагородие! — настойчивые голоса принялись домогаться почивающего Октавио Громдевура. — Ваше высокоблагородие, очнитесь!..

— Хватит церемоний! — возмутился один из голосов. Кажется, принадлежащий министру Ле Пле. — Мэтр Фледегран, в виду чрезвычайной ситуации приказываю вам вышибить дверь!

Что ответил мэтр Фледегран, принцесса не разобрала, да это и не потребовалось. Раздосадованный непрекращающимся шепотом, Октавио сполз с перины, подхватил с ночного столика тяжелый серебряный канделябр, дошлепал до двери, рывком ее распахнул и от души саданул подсвечником по первой же попавшейся конечности.

Послышался грохот падающего тела.

— Ну, чего вам? — хмуро поинтересовался бравый генерал. Ангелика приподнялась на локте, посмотрела, как ее муж — в развевающейся на ночном сквозняке рубахе, коротких белых подштанниках, босой и небритый, разговаривает с поминутно извиняющимся придворным магом.

— Что-то случилось? — сонно поинтересовался принцесса.

— Спи, дорогая, — ответил Громдевур. — Мне тут прогуляться кой-куда требуется…

Он быстро вернулся к ширме, отгораживающей спальню от гардеробной, буквально за минуту оделся и энергичным шагом удалился прочь.

— Куда же ты среди ночи… — пробормотала принцесса, возвращаясь в царство Гьюпсюэ. Вот так всегда… Не успеешь

выйти замуж за воина, как он начинает собирается во всякие там походы, сражения…

Вывод, который следовал из этого рассуждения, сработал, как ведро холодной воды. Принцесса подскочила, наскоро нашла домашние туфельки, накинула халатик и побежала следом за мужем.

— Где он? — строго потребовала она ответа от обнаруженного в коридоре министра Спокойствия. — Куда направился на этот раз?

— Да, собственно… — господин Ле Пле лелеял шишку на лбу. — Возникла чрезвычайная ситуация…

— Только не смейте говорить, что мой собственный брат отправил Октавио ловить очередных расшалившихся сфинксов! — закричала принцесса, мгновенно выходя из себя. — Я ему уши оборву! Я ему корону-то обломаю! Ну, дождется он у меня!

Принцесса Ангелика, подхватив оставленный Громдевуром канделябр, бросилась на поиски какого-нибудь мага-телепортиста.

Через четверть часа в Королевском Дворце ***Талерина*** полыхал роскошный семейный скандал. Мрачный король Гудеран сидел в своем кабинете за столом, на котором была разложена карта Кавладора и прилегающих к нему земель, рассеянно крутил в пальцах карандаш, а Ангелика, размахивая подсвечником, отчитывала его за ошибки внешней политики. Гудеран был бы рад намекнуть сестре, что час — ранний, политика — сложная, а ее эмоции — чрезвычайно не уместны, но опасался канделябра, а потому молчал.

— Нет, ну почему из всех военных ты посылаешь в разведку именно моего Октавио?! — возмущалась Ангелика. — Что, у тебя других генералов нет?

— Он лучший, — буркнул Гудеран.

— Тем более! Его надо беречь! Это совершенная наглость с твоей стороны! Разбудить меня в три часа утра! Солнце еще не взошло! День не начался!..

— Послушай, Анги, — решительно возразил Гудеран.

— Не перебивай меня! — принцесса с размаху опустила канделябр на письменный стол.

— Нет, это ты послушай! — стукнул король кулаком. — Он генерал моей армии! И я, его король, отдал приказ! Он проверит, кто в Эль-Джаладе балуется запрещенными заклинаниями, и вернется! Только и всего, — смягчившись, продолжил его величество.

— Обещаешь? — всхлипнула Ангелика. — Обещаешь, что на

этот раз он не пропадет на тринадцать лет?

Гудеран подошел к сестре и похлопал ее по плечу:

— Успокойся, Анги, всё обойдется…

— Я ему помогу! — вдруг решительно заявила принцесса. — Я даже знаю, как! — и поспешила на выход.

— Ангелика! Что ты придумала?

— Созову свое Министерство, пусть обеспечат Октавио магическую поддержку!

— Ты не забыла, — осторожно напомнил Гудеран, — Ты же сложила с себя обязанности патронессы Министерства Чудес!

Принцесса презрительно фыркнула. Покрутила тяжелый подсвечник с таким видом, будто он был метательной палицей:

— Как сложила, так и возлагаю! А если Роскар посмеет возражать, то скажи ему, что я попрошу ведьму Жедянику устроить ему веселую личную жизнь!

— Бедняга Роскар, — пожалел младшего брата король.

Кстати, — припомнил Гудеран, оставшись в одиночестве, — не слишком ли Роскар увлекся очередной охотой? Когда он уехал? Припомнив, что не видел брата со дня свадьбы Ангелики, Гудеран сделал мысленную зарубку на память — отчитать Роска за то, как наплевательски он относится к служебным обязанностям.

После чего вернулся к созерцанию карты.

Покрытый специфическими значками (песчинками, верблюдами, пальмами, колодцами и нарисованными торговыми караванами) лист волновал и тревожил. Гудеран представлял себе, бесконечные песчаные равнины, темные фигурки людей и не-людей, передвигающихся от оазиса к оазису, нестройную толпу существ-претендентов, бегущих следом друг за другом… Что подготовил для Кавладора начинающийся день? Что называется — повезло же с соседом! Прошлый раз — шестнадцать лет назад — эльджаладцы пытались захватить Восточный Шумерет; почти каждый год происходят стычки на Караванной Тропе между Аль-Торазом и Луазом… Но одно дело — десяток мелких банд, и другое — волшебники, вдруг решившиеся прибегнуть к заклинаниям оглушительной мощи.

Совсем другое…

Экстренное совещание Министерства Чудес было назначено на ***пять часов утра в Охотничьем Замке.***

Принцесса Ангелика, сменившая шелковый халатик на официальное платье, мрачно потребовала от сотрудников решительных действий. Когда волшебные — и не выспавшиеся — господа мэтры по старой привычке задумали разводить турусы на

колесах, ее высочество последовала примеру старшего брата и изо всех сил ударила кулачком по столешнице.

Не то, чтобы звук получился громкий. Но магические способности позволили большинству собравшихся угадать, что в следующий раз принцесса вполне способна воспользоваться любимым доводом младшего братца (50), и замолчали.

— Что мы можем сделать, чтобы минимизировать последствия чернокнижного колдовства, примененного неизвестно кем в Эль-Джаладе? — Ангелика обвела взглядом собравшихся.

— Может быть, составить гороскоп на начинающийся день? — осторожно высказался мэтр Нюй.

— Прекрасно, мэтр. Займитесь этим как можно скорее. Еще идеи? — потребовала принцесса.

После некоторой заминки идеи посыпались, как из рога изобилия. Организовать магический десант и захватить в плен эмира Джаву; подпоить эльджаладского главнокомандующего и ментальным усилием вырвать из его памяти секреты разведки; ввести ограниченный маго-военный контингент на территорию Южного Шумерета (да, он принадлежит Иберре. Тем лучше! Воевать на собственных землях не придется!) Соблазнить Кадика ибн-Самума каким-нибудь суккубом, а потом прилюдно разоблачить и обвинить в демонологической практике; дать добро кланам Триверна прокопать подземный ход к Омару — ни для чего конкретного, но ведь всем известно, как гномы любят копать!

— Постойте! — потребовала передышки принцесса. Внимательно посмотрела на примолкнувших советников. — А кто из наших, кавладорских магов взялся участвовать в гонках по выбору Покровителя Года?

Недоумение. Нахмуренные брови. Переглядывание.

В итоге Ангелике был предоставлен куцый список из двух дюжин фамилий.

— Этого не знаю, это какая-то самозванка из Ла-Фризе, это вообще алхимик… мэтр Виг, из Чудурского Леса, — наконец прочитала принцесса. В одну секунду у нее возник коварный, а самое главное — идеальный план, как вмешаться во внутренние дела Эль-Джалада, и не испортить собственную репутацию. — Кто-нибудь знает, уважаемые дамы и господа, где сейчас старейший волшебник Кавладора? И, что еще важнее — кто-нибудь может сказать, насколько он жив?

Чудурский Лес, Башня

Непосредственно перед тем, как сработала сигнализация в

башне мэтра Фледеграна, мэтр Виг был живее многих своих сверстников и чувствовал себя относительно сносно. Он был занят тем, что принимал гостей — вернее, одного гостя. Вернее, гостя принимал винный погреб мэтра Вига. Вернее, гость принимал на грудь…

Одним словом, мэтр Пугтакль сидел в лаборатории, потягивая вино и с любопытством листая черновик недописанной монографии хозяина Башни. Заметив, что Виг наконец-то соизволил явиться, эльф оторвался от чтения и с шумом захлопнул книгу.

— Ну, что?

— Поговорил я с Ванессой, — доложился маг, разжигая жаровню и стягивая с плеч промокшую мантию. — Брр, ну и погодка на этом Даце!

— Хуже только в Уинс-тауне, — подтвердил эльф. — И что удалось выяснить?

— Ничего конкретного, — Виг, порядком расстроенный, достал из шкафчика рюмку, бутыль мутной жидкости, и, не предлагая гостю, выпил. — Если кто-то и пропал, она не знает… Неужели придется действительно встречаться со всеми потомками, чтобы выяснить, кто из них попал в беду нынешним летом?

Пугтакль сочувствующе помолчал. У него-то потомок имелся в единственном экземпляре, и то доставлял папеньке хлопот каждые пять лет…

— Когда планируешь приступить?

— Не знаю, — ответил Виг. Он был мрачен и задумчив. — Хотелось бы, конечно, посмотреть, как мой Рыжик будет финишировать, но, похоже, придется заниматься семейными делами… Не могла она мне раньше сказать!

— Кто?

— Вайли! Тоже мне, доченька! Вся в маменьку удалась — одно слово, некромантка! — вспылил Виг. Чернокрылый Корвин, взлетевший на спинку кресла хозяина, поддержал мага громким карканьем.

— Между прочим, как раз о некромантии я и хотел с тобой побеседовать.

И эльф выставил на стол перед Вигом большую бутыль зеленого стекла.

Емкость была запечатана — внимательный наблюдатель мог бы обнаружить следы рун, нанесенных закрывавший горлышко воск; а внутри сосуда переливалось загадочная серебристая субстанция.

— Мне тут довелось познакомиться с милой барышней,

которая, как она утверждает, совершенно случайно оказалась у тебя в гостях, — продолжил Пугтакль. Виг скривился. — А еще она утверждает, что ты ее поймал и насильно удерживаешь в плену! Не уверен, что ограничение свободы перемещения призрака попадает под определение «похищения», но знаешь, дружище, от тебя я столь коварного поступка просто не ожидал!

— Да ладно, — отмахнулся Виг. Касси погрозила ему из-за зеленого стекла и произнесла пару выразительных эпитетов, которые волшебники предпочли не понять. — Просто она помнила, как я грифона ловил, и могла раньше времени выдать, какое существо я собираюсь заявить претендентом на звание Покровителя Года. Гонки закончатся — я ее отпущу.

Касси не упустила случай энергичными жестами выразить свое возмущение.

— Маловато будет, — перевел Пугтакль. — Мне кажется, ты должен извиниться за свое самоуправство. Как насчет небольшой моральной компенсации?

— Пфе! Терпеть не могу вымогателей! — скривился Виг. Однако спорить не стал. Пошарил по карманам, обыскал мантию и выложил перед зеленой бутылью большую серебряную пуговицу, украшенную сложным витым орнаментом. — Достаточно?

Касси сложила руки на груди и скорчила страшную рожицу, показывающее ее отношение к маговой «щедрости».

— Ну, — протянул эльф, — ты мог бы сказать ей, что она еще не окончательно *переступила порог* и пообещать посильную помощь…

Именно в этот момент, когда волшебники, расслабленные и умиротворенные, приготовились совершить увлекательный экскурс в проблемы теоретической некромантии (51), до Чудурского Леса донеслись отголоски выброшенной раненым мэтром Мориарти Силы.

Зеленая бутылка, в которой томилась Касси, пошла трещинами, Корвин заорал и захлопал крыльями.

— Кто это? — напрягся Пугтакль, автоматически запуская заклинания, сканирующие близкие и дальние пространства.

— Смертью пахнет, — откликнулся Виг. И скорее угадал, чем почувствовал, надвигающуюся беду: — Вайли!

Перед рассветом. Эль-Джалад, дом мэтра Вига и прилегающая таверна "Песчаный Кот"

Глубоко несчастный господин Вапути, обнимаемый десятком перепуганных животных, служа насестом для еще полутора дюжин всполошеных птичек, прихрамывая на ногу, в которую

вцепился хорь чернокнижника, печально наблюдал за безобразием, творящимся у стен старого дома.

Весь двор заволок серый туман, сгустившийся до сметанообразного состояния; потом он… как бы сказать… *лопнул*, покрывшись многочисленными складочками-трещинками, и из воздуха стали проявляться контуры многочисленных фигур.

Через минуту Вапути счастливо вздохнул — фигуры оказались вполне человеческими. И конными. То есть — первыми выехали тяжеловооруженные королевские гвардейцы, за ними — ровным шагом вышли арбалетчики; за ними протопала сотня пикинеров; за ними — пять дюжин аркебузиров. Потом из грузового телепорта вывезли пушки. Последними появились держащиеся особняком гномы — серьезные, солидные бородачи, вооруженные тяжелыми щитами и боевыми топорами, они прошлись мимо старого дома так, что задребезжали стекла.

— Эй, убогий, — окликнул господина Вапути командир этой армии, — Где тут маги дерутся?

Виноторговец чуть отмер. Указал пальцем на север, на Пустыню, где продолжали мелькать молнии и откуда временами доносились громовые раскаты.

— Там.

— Эй, мажья сила! — окликнул генерал Громдевур мэтра Фледеграна и его помощников. — Ты промахнулся! Давай нас туда! — и Октавио махнул рукой, утверждая направление.

Мэтр Фледегран, порядком спавший с лица от усилий, которые были потрачены на создание грузового телепорта из Фюрдаста в окрестности Ильсияра, печально вздохнул:

— Магам нужно хотя бы полчаса, чтобы восстановить резерв Силы. Может быть, дождемся рассвета? Всё равно армии трудно будет ориентироваться среди песчаных гор, кони могут поломать ноги, я не увижу ориентиров…

— Хорош болтать! — осадил мага генерал. — Займитесь восстановлением своего резерва — чтоб через двадцать минут нас догнали и были готовы обеспечить точное десантирование! Отряаад! Слушай мою команду! — громовым голосом закричал Громдевур на армию «разведчиков». — В направлении Пустыни бегом марш!

Арбалетчики-пикинеры-аркебузиры шумно устроили на плечах оружие и резво двинулись в указанном направлении — избавив, заодно, мэтра Вига от необходимости ремонтировать ограждающий дом забор. Гвардейцы поделились — часть рыцарей послала коней в галоп, проверить местность, на которую вот-вот подойдут основные силы, часть осталась для охраны. Октавио шлепнул серого умбирадца, тот важно заржал и поспешил

возглавить походное построение.

— Эй, ты, — командир гномов хлопнул Вапути по ближайшей белочке. — Нам с собой провианту какого-нибудь сообрази. И быстро, быстро! Один хорек здесь, другой сапог там!

— Но остались только неразделанные бараньи туши и самые большие бочки вина… — развел руками торговец.

— На что этот дылда намекает? — хором возмутились бородачи. — На наш рост, на наш возраст, или мы, по его мнению, какие-нибудь ёльфы зелёные, чтоб морить себя голодом?!

Вапути тяжело вздохнул и отправился за припасами.

Совершенно выдохшийся мэтр Фледегран опустился на лавку, пытаясь успокоиться и проделать необходимые для восполнения маны упражнения. На секунду отвлекся — пришлось принять послание из Охотничьего Замка.

Через полчаса, когда маги догнали основной отряд и был опробован специфический стиль телепортирования — небольшими группками, по очереди, но зато менее манозатратный и легкий; — Громдевур прочитал письмо Ангелики и расплылся в довольной улыбке:

— Ну какая же у меня жена — умница! Всё-таки не зря я на ней женился!

Фледегран позволил себе подумать, насколько долго прожил бы генерал, не защищай его сначала король Лорад, а теперь вот — влюбленная принцесса…

— Эй, молодцы! Слушай общий приказ! Наша миссия — спасение случайно вовлеченных в конфликт наших, кавладорских магов! Особливо — мэтра Вига, который, говорят, серьезно при смерти! Местное население без причин не обижать…

Армия как раз маршировала мимо задумчиво жующего верблюда. Кавладорцы и "местное население" обменялись подозрительными взглядами.

— Вести себя чинно и благородно! Шире шаг! Вперед, рассвет не за горами!

Впрочем, когда отряд Громдевура поднялся на плоскогорье между двумя высохшими руслами, выяснилось, что опасения генерала "опоздать к рассвету" не подтвердились.

Рассвет над Пустыней в этот день так и не наступил.

***

В уютной душной темноте засыпанного песком колодца Напа Леоне копала, подстегиваемая нетерпением и предвкушением

чуда. С каждым шагом — вернее, с каждым движением, благодаря которому песок пересыпался непосредственно из колодезного желоба в мешки, а потом переправлялся наверх посредством причитающих Ханны и Любомарты, Напа приближалась к исполнению своей мечты.

Да, она понимала, что ее желание раскопать сокровища царя Тиглапалассара — полудетская блажь, о которой солидным, степенным старшим родственникам и рассказать-то будет стыдно. Она понимала и то, что поступила эгоистично и даже в какой-то степени жестоко — не поделилась секретом ни с милым, замечательным Айрой, который наверняка был бы не против приобщиться тайн древней металлургии Империи Гиджа-Пент; ни с братцем Ньюфуном… вообще ни с кем! "Я ужасная гномка," — шептала про себя Напа Леоне, сражаясь с упавшим в колодец костяком огромного варана, — "Я себялюбивая, жадная и коварная, как мэтресса Далия! Я забросила учебу, лишила мировую магическую общественность монографии мэтра Вига — ведь без Фри-Фри волшебник ее не допишет… Я оставила без присмотра "Алую розу" и Черно-Белого Котика! Он же без меня похудеет!!!"

Но страсть была сильнее доводов рассудка. И Напа Леоне копала, с каждым фунтом пересыпанного песка приближаясь к манящей тайне.

Далия что-то кричала сверху — кажется, предлагала выбираться и сделать небольшой перекур. Ага, счаз! Тридцать три раза!

Чудурская мымра бухтела о своем, навязчивом. Доченька ее сопела, даже пробовала загребать песок горстями, лишая Напу честно заслуженного права копать в свое удовольствие. А потом…

Потом Напа почувствовала одновременно взрыв восторга и острое, щемящее чувство страха — одна из гранитных стенок колодца отозвалась на движение гномки гулким отзвуком пустоты. "Э-хта'куум-ли! Леугенре, зайнгерие, шпацех уэш!" — не стесняясь присутствия посторонних, пробормотала Напа. И принялась выстукивать фальшивую стенку в поисках потайной пружины.

Громко, по-собачьи, пыхтящие Ханна и Любомарта жадно следили за движениями гномки. А чё, а чёй то? Известно ведь, какие гномы затейники, а вдруг из стены поваляться алмазы и золотые самородки?

После долгих минут поисков заветный рычажок был найден, гранитная стенка легко отошла в сторону, и перед восхищенным взором гномки (и разочарованным — ее помощниц) — открылся подземный ход.

— Мы нашли его, — хрипло, едва слышно прошептала Напа. Амулет-подсветка, закрепленный на ее шлеме, высветил таинственные глубины, уводящие куда-то в каменные недра.

А еще он высветил высокую, поджарую фигуру, неспешно приближающуюся к выходу из подземелья *с противоположной стороны*.

— Мертвяки! Мертвяки! Зомби-иии! — завизжала Любомарта и рванула вверх по веревке, являя физическую форму, которая и не снилась некоторым акробатам.

Ханна хотела последовать примеру дочери, но ее, извиняюсь за выражение, интеллекта, хватило лишь на то, чтобы схватиться за голову, начать визжать и бегать кругами, что в тесноте колодца, разумеется, создавало некоторые неудобства.

Одним словом, пока не спустилась Далия, познакомиться с нежданным пришельцем не получилось.

Высокий незнакомец, опутанный пожелтевшими бинтами от макушки до пяток, вежливо подождал, пока смолкнут крики, вызванные его появлением. К чести алхимиков Университета, Далия ограничилась лишь сдавленным оханьем, а Фриолар вообще не нашел ничего умнее, чем вежливо поздороваться с мумией и пожелать ей доброй ночи.

— И вам доброй ночи, незнакомцы! — ответила мумия, приветливо взмахнув руками. Речь мертвого существа была сиплой и сопровождалась облачками пыли, вырывающимися из-за слоя бинтов там, где должен был располагаться рот. — Вы, случайно, не алхимики?

XIV. Жажда

Древний некрополь под горой Абу-Кват

— Вы, случайно, не алхимики? — спросила мумия.

— Они — да, а я, к сожалению, нет, — тут же ответила Напа — Далия даже не успела среагировать. Заметив угрожающую рожицу, которую скорчила мэтресса, Напа поспешила исправиться. — То есть, к счастью — я пока не дипломированный алхимик, но усиленно работаю над собой. То есть, я безмерно сожалею, что не работаю еще лучше… Хотя и рада, тому, что всего лишь учусь… А почему, собственно, вы спрашиваете?

Полоски ткани, из которых, собственно, и состояла мумия, зашевелились, выражая то ли намерение разорвать алхимиков на куски, то ли смущение, то ли еще какое-то почти человеческое чувство.

— А из какого Университета? — спросила мумия. И тут же поспешила оправдать свое неуместное любопытство: — Некоторое время назад меня навещали господа из Уинс-тауна. Мы с ними так мило побеседовали! Потом заглядывали их коллеги из Аль-Миридо, Талерина, Бёфери… Потом, правда, приходили какие-то совершенно необразованные грабители, — вы уж простите, господа, что встречаю вас по-простецки. Я думал, опять будут таскать золото из гробниц, вот и решил пренебречь этикетом, встретить вас без лишней официальности… точнее не вас… точнее…

Далия, наконец-то, справилась с эмоциями, вызванными появлением мумии, перестала бормотать "О боги всемогущие, вежливая мумия!", откашлялась и деловито осведомилась:

— Царь Эпхацантон, полагаю?

— Да, это я! — безмерно обрадовалась мумия. Можно было бы сказать, что древний правитель просветлел ликом и расплылся с довольной улыбке, но справедливость требует указать, что он немного полинял бинтом и выпустил из-под повязок клуб пахнущей тлением пыли.

Дорогая Фиона! Ты не представляешь, какое чудо мы обнаружили сразу после спуска в колодец! Древний правитель Империи Гиджа-Пент! Почти живой! То есть, конечно же, давно мертвый, зато в отличном состоянии!

Он показал нам свою гробницу. Такая уютная! Нависающие потолки, толстенные стены, саркофаг черного, с золотистыми прожилками, мрамора, по стенам лампы, статуи Эпхацантоновых придворных, сами придворные…

Царь очень извинялся, что не сможет угостить нас чем-нибудь вкусненьким — от прошлых его посетителей осталась пара лепешек да кувшин вина, но по качеству они мало отличались от тех припасов, которых собрали самому Эпхацантону его подданные, провожая в загробную жизнь. Так что мы просто посидели, послушали его рассказы — Фри-Фри кое-что законспектировал, потом я уговорю его оформить записки и сделать их достоянием общественности. Далия, на мой взгляд, вела себя совершенно по-свински — она все время держала между собой и царем Эпхацантоном Ханну. Так что, к сожалению, сделать сапиенсологический анализ древнего правителя Империи Гиджа-Пент моя мэтресса позорно упустила.

А мне царь Эпхацантон подарил настоящую стеклянную бусину! Древнюю! Я обязательно ее нарисую, как только раздобуду где-нибудь краски и бумагу, и пришлю тебе полюбоваться.

— Что-то пить хочется, — пожаловалась Напа полтора часа спустя.

— Ага, — рассеянно согласилась Далия.

Алхимичка была занята тем, что рассматривала яркую многоцветную роспись стен апартаментов… то есть, гробницы Эпхацантона. Сам хозяин по случаю неожиданного, но приятного визита принарядился в великолепные одежды, украшенные золотой вышивкой, увешался ожерельями и браслетами с самоцветами и водрузил на голову сложный головной убор, гордо заявив, что сей экземпляр является уникальной реликвией династии Гиджа. Вообще-то, официальный наряд властителя не пощадили ни время, ни тлен, но в целом, если не придираться к мелочам, вид у Эпхацантона был на редкость представительный и важный. Ханна, наконец-то прекратившая оглушительно визжать, принялась охать, впечатленная богатством и роскошью, которая сопровождала загробное житиё древнего владыки.

— Вообще-то, за последние столетия жизнь здесь стала очень скучной. Раньше каждые десять-пятнадцать лет новые люди появлялись, а если эпидемия или политическая интрига какая случались — так и того чаще, — жаловался Эпхацантон Фриолару. Фри-Фри, пораженный до глубин алхимической души неожиданной встречей, прилежно конспектировал откровения царя. — А нынче уж нас, царей, не хоронят… То ли дело раньше! И целую гробницу припасов соберут, и молитвами душу радуют каждые пять лет… Опять же, песнопения в мою честь и благоговение потомков…

Далия и Напа в благоговейном молчании осматривали скульптурные портреты кошек, жён и наложниц, которые, как

объяснил им мумифицированный правитель, были похоронены в соответствии с этикетом в других гробницах, поменьше.

— Ах, как я скучаю по моей милой Кадзиранте! — вздохнул Эпхацантон, — По моей Амире, по Зийне, по Шафарии! Надо было еще при жизни переписать законы и разрешить хоронить жён в одной гробнице с царями, да руки не доходили… А теперь уже поздно! Так и приходится коротать вечность в одиночестве…

Ханна всхлипнула, искренне сочувствуя бедолаге.

— Это самая прекрасная коллекция произведений искусства, которую я когда-либо видела, — прошептала Далия. Потом переключилась на рассматривание статуи охранника — девяти локтей роста, могучий львиноголовый каменный воин, вооруженный копьем, в свою очередь, пристально следил за алхимичкой. Напа поежилась от неприятного ощущения — она была готова поклясться, что зрачки воина передвигались. Обман зрения? Магия?

— Долго мы еще будем тут прохлаждаться? Я пить хочу, — гномка снова затормошила Далию, напоминая, что искали они вовсе не Эпхацантона, а совершенно другого гиджийца.

Придворные царя-мумии — такие же, как их владыка, высушенные, закутанные в тканевые полоски, — с поклонами пригласили Далию в следующее помещение.

Еще больше золотых изделий — светильники, статуи, ритуальное оружие, снова статуи — людей, животных… Корабль в натуральную величину, заставивший Далию и Напу потерять дар речи от удивления…

Напа печально вздохнула, рассматривая подаренную лично ей бусину из помутневшего стекла — по сравнению с окружающим великолепием стекляшка казалась мусором.

— Зато у нее длинная и захватывающая история, — гордо возразила собственной жадности гномка. И решительно вернулась обратно к трону. Постучала по плечу Фриолара: — Эй, Фри-Фри! Спроси его, как пройти к сокровищу Тиглатпалассара!

— Зачем я буду спрашивать его великолепие? — удивился молодой человек. — Прежние алхимики, те, которые из Ллойярда, подарили ему амулет-переводчик, его солнечное величие нас прекрасно понимает! — и он вежливо улыбнулся своему мертвому собеседнику.

Тот ответил более прохладным выражением лиц… повязок.

— Вам нужен Тиглатпалассар? Зачем, если не секрет?

— Это мечта всей моей жизни! — страстно воскликнула Напа Леоне. — Вот уже несколько недель я могу думать только о том, как бы раскопать его сокровища! Это ж… это же… такое *чудо!* — трепетно произнесла гномка, прижимая кулачки к груди. — Я

мечтаю хотя бы одним глазком увидеть Золотой Город Тиглатпалассара — и уме…

Ладошка Далии невежливо, но весьма вовремя, не позволила Напе озвучить свои тайные желания. Кто их, мумий, знает, — предполагала алхимичка. — Сейчас-то он добрый, вежливый… А между прочим, мозгов у него нет! (52) Неизвестно, чего ожидать от подобного пустоголового субъекта!

— Мы очень, очень желаем посмотреть на Золотой Город царя Тиглатпалассара, ваше великолепие, — объяснил Фриолар. — И будем безмерно благодарны, если вы подскажете, как найти дорогу к его сокровищу.

Эпхацантон откинулся за золотую спинку трона, украшенного рисунком восходящего солнца, поправил тиару, постоянно сползавшую на затылок. Судя по этим жестам, он сомневался.

— Поверьте, наша миссия исключительно алхимическая, исследовательская! — принялся убеждать Фриолар.

— Нам только покопать! — поддержала товарища Напа.

— Узнать, что Золотой Город есть! — воскликнула Далия.

— Посмотреть одним глазком!

— Зафиксировать для потомков…

— Занести в реестр…

— Составить описание и включить в перечень подлежащих охране достопримечательностей…

— Просто знать, на какие чудеса были способны вы, наши предки!

— … и взглянуть на сокровища!..

— Золотой Город — это вообще реальность или метафора?

— Интервью с Тиглатпалассаров не затмит ваш, государь Эпхацантон, вклад в гиджепентологию!..

— Поверьте…

— Нам одним глазком…

— Золотой Город…

— Сокровища…

— Взглянуть…

— И удивиться!

Эпхацантон покрутил в забинтованных руках тяжелый золотой скипетр.

— Так я не понял, — наконец, проговорил он, — вы хотите увидеть сокровище Тиглатпалассара, или его Золотой Город?

Ответ потребовал от алхимиков вдумчивого, глубокомысленного размышления.

Хрумп осторожно выглянул из-за угла. Так, они еще живы. Алхимичка в пропыленной черно-оранжевой накидке, ее парень в

потрепанной куртке, с цветным платком на шее и совершенно дурацким мечом за спиной, упертая гномка… И золото. Очень, очень много золота.

Больше, чем когда-либо представлял себе Хрумп в самых счастливых снах.

К золоту прилагались — страшная высохшая нежить, замотанная в тряпки, дурная старушенция в песьей патлатой шубе, тяжелые бронзовые пики, удерживаемые руками разнообразных статуй… Одни статуи были совершенно человеческие, другие — огромные, как тролли, третьи — с головами разнообразного зверья — и все они, как один, следили за Хрумпом…

Вор испуганно отшатнулся в темноту подземелья и облизал пересохшие губы. Вот демоны рогатые… Почудится же такое!

Из гробницы, в которой мэтресса Далия и иже с ней общались с древним мертвяком, падал неверный, слабый свет. Как выяснил Хрумп, источником его были магические кристаллы путешественников да полдесятка волшебных сфер, закрепленных в стенах подземной камеры. Сам же пелаверинец был вынужден оставаться в темноте — жуткой, пугающей, хрустящей…

Хрумп еле сдержал панический вопль; наклонился, попробовал на ощупь определить, что же такое хрустит под его ногами. Кости…древние, сухие что твоя пустыня…

На скелете обнаружились полусгнившие остатки одежды, кожаная сумка, мгновенно развалившаяся от прикосновения.

— Ого! — тихонько присвистнул от восторга Хрумп, когда обыск увенчался обнаружением огнива и фляжки. — Спасибо, что выручил, приятель!

Он резво открутил крышечку, запрокинул фляжку… и едва не вытряс себя в пересохшую глотку горсть дохлых пауков.

— Вот демоны, — снова выругался пелаверинец.

К счету, который он собирался предъявить ушлой мэтрессе, добавился еще один пункт. Ладно, Фломмер столкнул его в колодец (хотя бы от взбесившихся големов спас!), ладно, он чуть не отшиб себе все на свете, рухнув с высоты, ладно, он уподобился летучей мыши и вынужден приспосабливаться к темноте и прятаться от ненормальных охранников… В конце концов всё вышеперечисленное было неотъемлемой части профессии вора, и Хрумп уже привык.

Но терпеть жажду он не собирался.

— Ты у меня дождешься… — пообещал Хрумп Далии.

Правда, их разделяло несколько десятков локтей расстояния, спутники, опять же, стражи… Плевать! Хрумп тоже человек, и у него имелось чувство собственного достоинства.

Поэтому вор спрятался за статуей спящего сфинкса и стал ждать улыбки госпожи Удачи.

Ждать пришлось не менее двух часов. Потом Далия и вся честная компания, включая старушку в страшной шубке, мумию и нескольких каменных охранников, неспешным шагом вышла из гробницы и отправилась куда-то дальше по одному из вырубленных в толще скалы коридоров.

Хрумп ужом проскользнул в гробницу и замер, буквально раздавленный великолепием обстановки. Ах, сколько золота! Оно обеспечит своему обладателю райскую жизнь!

— И это всё моё! — временами хихикал вор, разглядывая ценности.

Первым побуждением было схватить золотишко в охапку, запихнуть за пазуху и бежать, пока не вернулись хозяева — вор нервно косился на статуи со звериными головами, но, похоже, на них магии не хватило, они оставались недвижимы. Однако, выбрав из сотни сваленных в углу браслетов самый большой и бриллиантовый, навесив на шею десяток тяжеленных ожерелий и запихнув под куртку золотую статуэтку, изображающую купальщицу, Хрумп вдруг понял, что допускает ошибку.

Ведь алхимичка не стала заморачиваться по поводу *местных* богатств! Почему, спрашивается?

Да потому, что нацелилась на добычу попригляднее…

Пелаверинец высыпал собранные ценности на пол гробницы, хищно оскалился и отправился выслеживать алхимичку дальше. Нет, Хрумпа не проведешь!

Каменные воины проводили вора красными внимательными взглядами.

Гора Сфинксов

Инспектор Клеорн почувствовал, как его куда-то волокут — открыл глаза и пожалел, что вернулся в сознание. Над ним нависла уродливая морда состоящая из костяных, лишенных кожи и плоти, челюстей, огромных зубов, жутких свинцовых глаз с зелеными огоньками внутри, злобно сверкающими из-за низко надвинутого бронзового шлема.

Энбу отволок чуть живого сыщика в сторонку, прислонил к валунам, а сам вернулся в глубину разбушевавшегося песка.

Клеорн перекатился на бок, пробуя встать на ноги. Профессиональные рефлексы, еще не осознавая своей полной бессмысленности, настойчиво, обжигая до хруста, подсказывали выхватить из кобуры револьвер, наставить его на какого-нибудь преступника и сказать зловещим голосом: "Сдавайся, или буду

стрелять!"

Ха…

Вот он, преступник. Даже, если внимательно присмотреться, несколько. Из глубин мглы, разлившейся вокруг Горы Сфинксов, то здесь, то там вырастали сверхъестественные фигуры, образованные мириадами песчинок. Они были то могучими воинами, то страшными чудовищами, то многорукими богинями, то цветами… Один раз Клеорн был готов поклясться, что видит большого, довольного жизнью пушистого кота, сверкающего черными провалами глаз и громогласно ревущего огромной клыкастой пастью. Духи Пустыни обретали песчаную плоть, чтобы тут же рассыпаться, распылиться бушующим ветром, и возродиться снова — в другой части плоскогорья, — там, где спасалась бегством очередная жертва…

Сквозь бушующую песчаную взвесь Клеорн, прикрывая глаза ладонью, различил очертания Лотринаэна и Лео — маги, встав рядом, колдовали. Над ними виднелись голубоватые линии какого-то магического полога, из-под которого время от времени вырывались огромные, в полтора локтя диаметром, шаровые молнии. Электрические разряды прожигали Духов Пустыни, останавливая их и превращая в спекшиеся стеклянные нити. Но слишком медленно, слишком медленно…

Чуть дальше колдовала некромантка, мэтресса Вайли. Клеорн сначала подумал, что она помогает нападающим, создавая хаос и панику в рядах жертв, но потом понял, чем действия волшебницы имеют совершенно противоположную направленность. Подняв посох и выкрикивая заклинания, Вайли управляла мертвецами — и жуткими энбу, и, увы, совершенно свежими мертвецами, только что потерявшими жизнь здесь, у подножия Горы Сфинксов… Скелеты и зомби, не чувствительные ни к нехватке воздуха, ни к жуткому, рвущему кожу на части, прикосновению песчаной бури, вытаскивали пострадавших из объятий разбушевавшихся Духов Пустыни.

И Клеорн, слегка пошатываясь, поспешил на помощь.

Ему повезло заметить, что у подножия скалы есть небольшая ниша, образованная наклоненными крупными глыбами; внутрь своеобразного коридорчика не мог проникнуть бушующий ветер, и сыщик постарался объяснить энбу, что раненых можно складывать туда, за камни… Смотрите, тут даже чьи-то седельные сумки лежат, может быть, там найдутся какие-нибудь лекарства?

Убедившись, что энбу неведомо как поняли его сбивчивые, путанные объяснения, Клеорн бросился в центр бури, выискивая тех, кто нуждается в помощи.

Люди и гномы, кентавры, ездовые животные, вся любопытная

и преисполненная надежд публика, так переживающая за исход моментально забытых состязаний, попавшаяся в коварную ловушку, отчаянно пыталась спастись. Паника, охватившая всех при приближении ревущей песчаной волны, заставила многих упасть, вжаться в камни и песок, закрыть голову одеждой… Хорошая тактика — но совершенно не подходящая для выживания в условиях, когда вас настойчиво извлекают из убежища, выковыривая, как лакомка — изюм из сладкой булочки. Если кто-то и был жив, то исключительно благодаря тому, что иногда Духи Пустыни увлекались и уносились в сторону, рассыпаясь прахом и вылепляя себя еще более кошмарными, чем раньше. Кто бы ни создал этих песчаных монстров, — решил сыщик, — он создал их маньяками, объятыми жаждой убийства…

Клеорна чуть не затоптала обезумевшая от страха лошадь, чья морда была испачкана следами кровавых слез; сыщик схватил беднягу за уздцы и попытался вывести в безопасное место… И обнаружил, что не знает, куда идти — всё пространство вокруг закрывал желтый, серый и черный песок, бешено мчащийся вокруг и по кругу, душащий, смертельный…

На этот раз его привел в чувство крепкий удар посохом. Вайли стояла рядом, смертельно-бледная, растрепанная и настороженная, но от этого не менее решительная.

— Не мешайтесь под ногами, инспектор! Идите к карнизу, там безопасно!

— Я… уже иду…

Клеорн потянул за собой лошадь, та вырвалась и умчалась прочь. На следующем шаге Клеорн различил в десятке шагов темную низкорослую фигуру и бросился на помощь. Полненький коротышка, отчаянно задыхающийся, попытался отпихнуть нежданного спасителя, но потом обмяк, теряя сознание. Вытащив бедолагу, сыщик повернулся и увидел, как за спиной ничего не подозревающей Вайли поднимается огромная крылатая фигура кошмарного песчаного сфинкса.

— Осторожно! — закричал он.

Вайли не услышала. Не совсем понимая, что делает, что называется — на чистом адреналине, когда сознание отключается и остается только животная сила, заставляющая бежать или бить, Клеорн рванулся к ней, сбил с ног — в следующую секунду на место, где стояла некромантка, обрушился многотонный песчаный столб. Увидев, какой опасности она избежала, волшебница закричала, запаниковала; инспектор попробовал увлечь ее в сторону — и Дух Пустыни оказался рядом. Ловкий, как кошка, песчаный сфинкс игриво поднял лапу, намереваясь покончить с прыткими букашками.

Вайли подняла посох, что-то колдуя — не подозревая, насколько она смешна и нелепа по сравнению с огромным и могущественным воплощением Пустыни. У Клеорна в ожидании неминуемой смерти громко и часто стучало сердце. Он был бы рад подумать о чем-нибудь возвышенном, о чем-нибудь рыцарском, или хотя бы прекрасном, как мэтресса Далия…

Но вместо этого за последние секунды жизни в голове сыщика пронеслось: "Ненавижу предсказателей!"

Окрестности Диль-Румайи. У старой чинары

— Хорошо бабахает, — тоном знатока заключил Ньюфун. Гном наблюдал за грозой, полыхающей молниями над плоскогорьем к юго-востоку от укромного местечка, облюбованного их честной компанией. — Жаль только, что дождём не пахнет…

— Да, дождичек бы не помешал, — отозвался Огги, утирая льющийся со лба пот. — Ну что, я раздаю?

Пелаверинец щелкнул по колоде карт и побренчал фишками и стекляшками, приготовленными для партии "Короля и звездочета".

— Что, Оск, не надумал составить нам компанию?

Оск, напряженно всматривающийся в темную исчерченную молниями тучу, отрицательно покачал головой.

— Я обещал папеньке, что буду избегать азартных игр.

— И это правильно, — согласился Ньюфун, возвращаясь на свое место и показывая Рутферу, чтоб раздавал. — Нам больше достанется…

Огги поморщился — он неплохо передергивал, но гном, как выяснилось, еще лучше запоминал вышедшие карты и просчитывал игру на шесть-восемь ходов вперед, поэтому выигрывал пелаверинец одну партию из трех. А попробуем-ка мы зайти вот с этой красавицы…

— Что это? — Оск протянул руку, указывая на точку, быстро приближающуюся с восточной стороны.

— Отставить азартные игры! — бодро скомандовал Ньюфун, пряча розданные карты и фишки под шлем. Он вскочил на ноги, пробежал к пушчонке, рассчитанной на стрельбу полуфунтовыми ядрами, и принялся активно раздувать фитиль.

Пока Огги спешно заряжал арбалеты, Оск принялся рассуждать:

— Вряд ли это те самые обманщики, конкуренции с которыми боялась Джоя… Мне почему-то казалось, что обманщиков должна быть целая ватага — а здесь всего одно существо…

— Сколько раз тебе повторять — никакая она не Джоя, а

Кайт! Местами донна! — проворчал Огги.

— Мне не нравится, как ты говоришь о девушке, которую я люблю! — нахмурился Оск.

Выбирая, какой из двух арбалетов надежнее, Огги не заметил изменения атмосферы диалога.

— Нашел ты, парень, кого любить! Да на фига ты такой крутой воровке сдался? На стрёме стоять, пока она домишко очередного богатея потрошит? Конечно, среди девок дурочек много, и кому-нибудь ты сгодишься, но уж поверь мне, опытному человеку…

Оск почему-то даже не дослушал, в чем таком Рутфер опытен, а подошел и закатил ему затрещину. От души.

— Вы чего? — всполошился гном.

Полуоглушенный, нахлебавшийся песка, с разбитым носом, Огги поднялся из-под чинары, покачнулся, с четвертой попытки достал из-за голенища нож и пьяным шагом начал наступать на противника.

— Вы с какого дуба рухнули?!! — завопил Ньюфун, вмиг забыв о пушке. Подхватив секиру, он подбежал к мужчинам, намереваясь воззвать к их рассудку.

О, как он ошибся! Первый же взгляд в бешеные, налитые яростью глаза подсказал гному, что время объяснений, оправданий и извинений ушло в безвозвратное прошлое.

— С чего бы — ведь ничего, крепче вина, не пили? — удивился гном, наблюдая, как его товарищи активно пытаются прирезать друг друга. Вернее, пытался Огги — Оск обходился без оружия, планомерно и достаточно ощутимо мутузя противника.

— Ты не смеешь дурно думать о самой прекрасной, чистой и доброй девушке на свете!

— Да кто ты такой, указывать мне, что и о ком говорить?

— Извинись, или я оторву тебе голову!

— Заткнись, или я отрежу тебе уши!

— Ребята, ребята… — примеривался Ньюфун, как бы ударить их так, чтоб уложить одним махом обоих. С сожалением отказавшись от применения секиры, гном задумал бросить в кого-нибудь булыжник. С камнем проблем не возникло, но вот в кого кидать?

Вдруг от чинары раздался приглушенный визг:

— Хогри-хогри! Уии! Уииик!

Оск и Огги, как по команде, остановились и резко повернулись, прислушиваясь. Крик повторился:

— Хогри! Хогри! Хогри-хок!

— Кто это у тебя? — обманчиво спокойным голосом спросил Огги.

— Никто, — насторожился Ньюфун.

— Врешь, — жестко отрубил Оск. — У тебя там томится в плену прекрасная дева!

Ньюфун выразительно покрутил пальцем у виска, подумав, что тут явно одним дубом не обошлось… постаралась целая роща эльфов во главе с этой… как ее… секвойей…

— Уиии! — надрывалась свинка.

— Я спасу вас, прекрасная дама! — закричал Оск, одним плавным движением подхватил оставленную Ньюфуном секиру, перепрыгнул гнома, в момент оказался рядом с седельными сумками. Лезвие блеснуло, мешковина подалась…

— Хогри! Хогри-хок! Уииии! — вырвалась фамильная кордсдейловская свинка-копилка на свободу.

— Отдай!

— Пусти!

— Укушу!

— Сначала свинцовые зубы вставь!

— Я покараю вас, злодеи!..

— Уиииии!

Удерживаясь вокруг свинки-копилки, как электроны вокруг хлебнувшего лишку атома, человеческо-гномья куча-мала прокатилась вокруг старого дерева, по остывшему кострищу, по припасам, под копытами лошадей — лошадки не выдержали такого зрелища и в панике умчались прочь.

— Стой, скотина артефактная!

— Ах, злодей, ты еще и чернокнижник!

— Пустите меня, я жить хочу!

— Отведай рыцарского сапога, презренный!

— Хрен тебе, а не наследство дяди Дюши!

— Врешь! Не возьмешь!

— Стой спокойно, и казнь твоя свершится безболезненно!.. Стоять, я сказал!

— Не попал! Не попал! Уй… попали…

— Хогри!

— Я тебя на гвозди пущу!

Конец сражения наступил внезапно. Над борющимися мужчинами возвысилась плотная фигура, оглушительно заржала и с размаху опустила копыта на спину Огги. Ньюфун, который как раз ушел в партер, то есть использовал уникальные копательные навыки для передвижения под тонким слоем почвы, вылез, кратко осмотрелся и сделал шикарную подножку поднимающемуся с колен Оску. Тот неловко покачнулся и рухнул — аккуратно приложившись головой о ближайший камень.

— Откуда ты, белый конь? — отдышавшись, спросил гном у

невесть как появившегося в лагере жеребца. Холеный, красивый, хотя и несколько пропылившийся конь умбирадской породы ответил едким, язвительным ржанием.

Пока противники лежали, тихо постанывая, Ньюфун поспешил подхватить законное имущество на руки и отскочить в сторонку. Идеальным вариантом было бы вскочить на лошадь и умчаться в сторону заката. Мда, будь Ньюф хотя бы пяти локтей роста, он бы так и поступил…

— Стой, скотина! — вопил гном, пытаясь как-то решить задачу по подъему себя на требуемую высоту.

— О, боги… — раздался сдавленный стон. Оск, придерживаясь за висок, медленно поднялся, обвел окрестности блуждающим взором и уточнил: — А где это я?

— Где, не важно! — Ньюфун вцепился в свинку, намереваясь драться за нее не на жизнь, а на смерть. — Только не подходи! Не видать тебе гномьих копилок, как своих ушей, дылдяк-переросток!

— Хорошо, — мирно и покладисто ответил Оск. — Как скажешь… Только отойди, пожалуйста, от моего коня. Он чужих не любит, укусить может…

Ньюфун посмотрел на белого умбирадца и счел возможным выразить свое отношение к подобному бреду раскатом саркастического смеха:

— Он — твой? Да не смеши! Ты что, рыцарь, что ли, чтоб на таких кониках разъезжать? Да ты только на подковы полгода наемничать должен!

— Вообще-то, я и есть рыцарь, — извиняющимся тоном заявил Роскар.

— Ага, а еще — наследный принц в придачу!

— Нет, моему брату наследует его сын. Я так, геройствую помаленьку… Правда, с недавних пор выполняю важную государственную обязанность — присматриваю за всеми волшебниками, магами, ведьмами, прочим чудесатым народом. Я — принц Роскар из династии Каваладо, — со сдержанным достоинством представился кавладорец.

Ньюфун совершенно не удивился. Он подошел, задумчиво оценил рану на виске человека и пробормотал:

— Эк тебя приложило! Ну да ничего, авось, выживешь…

— Уии! Уиии! — согласилась свинка.

Гора Сфинксов

Сотканный из бешено мельтешащего песка и мрака сфинкс поднял лапу, намереваясь одним ударом покончить с двумя беспомощными людьми. «Тварь» довольно ухмыльнулась…

И вдруг обрушилась песчаной грудой.

Огромный, величиной с дракона, иссиня-черный бык, пробежал дальше, поддевая на рога прочих Духов Пустыни. Добежал до Горы Сфинксов, обернулся. Он помотал крутыми, острыми рогами, пригнул голову и резко рванул обратно — раскидывая охотящихся за последними выжившими людьми и кентаврами Духов, как оловянных солдатиков.

Песчаные монстры перегруппировались, собрались, образовав исполинское многоголовое существо. Бык атаковал — и тут же скрылся в недрах обрушившейся на него песчаной гидры… Когда она рассыпалась, Клеорн ожидал увидеть растерзанное, изувеченное тело быка — но вместо этого увидел прорастающие прямо из-под камней и барханов мясистые темно-зеленые листья. "Воинство базилевса Пацифия"(53) мгновенно сковало казавшимся неисчерпаемым «ресурс» противника — тот песок, который теперь не могли поднять порывы ветра. А дальше…

Дальше Клеорна снова вытащили из гущи схватки — на этот раз мэтр Лео. У молодого мага вид был немного сумасшедший, как у каждого побывавшего в первом бою новобранца, но счастливый донельзя.

— Инспектор! Мы живы! Вы посмотрите, вы только посмотрите на них!

Посреди небольшого ущелья, ставшего полем битвы, стояли три мага. И каких! В первый момент Клеорну показалось, что двое волшебников — эльфы, потом он понял свою ошибку. Вполне закономерную — мэтр Лотринаэн как никогда стал похож на своего отца; они колдовали слаженно, обходясь без слов, будто все предыдущие века провели в изнурительных тренировках, рассчитанных именно на подобные случаи. Маленький сухонький мэтр Виг стоял рядом, подняв посох в левой руке — стоило Духам Пустыни опомниться и завертеться очередным смерчем, старый волшебник *призывал* очередного монстра.

— Какой мастер! — восторженно комментировал Лео. — Какой потрясающий мастер! Да он один знает зверюшек больше, чем все Участники соревнований, вместе взятые!

Отвлекаясь на многочисленных зверюг, отбрасывающих их, раздирающих когтями, проглатывающих, Духи Пустыни отступали, перестраивались… пока мэтр Пугтакль не прочитал последнее слово заклинания *Метаморфозы (54)*.

Тогда вся песчаная взвесь, составлявшая плоть страшных созданий, вдруг осыпалась на землю мельчайшими капельками воды.

— Хоп! Хоп! Хоп! Ураааа! В атакуууууу!.. — послышалось Клеорну.

В первый момент он подумал, что сошел с ума — откуда здесь взяться родной, кавладорской королевской гвардии? Потом, когда конные рыцари осадили коней, подняли забрала, недоуменно осматривая редкие фигуры выживших… Когда появился его геройство генерал Громдевур собственной персоной…

Сыщик подумал, что магия для него не прошла бесследно.

— Отставить бить противника, — деловито приказал Громдевур, направляя коня к группке магов. — Кого я вижу… Против кого на этот раз колдуем, старцы?

Лотринаэн весьма кисло отреагировал на это столь своеобразное приветствие. Сыщик обратил внимание, что после примененного колдовства и Пугтакль, и Лотринаэн выглядели весьма утомленными — казалось, каждый из них постарел вдвое; то ли дело наш, отечественный призыватель! Стоит свеженький, как новенькое чучелко в огороде!

— Чего тебе, сынок? — поинтересовался Виг у генерала.

— Да вот, ищу бренные останки одного мэтра… Говорят, его убили — мой долг разобраться, — точно в соответствии с подсказкой обожаемой Ангелики ответил Октавио. Клеорн мигом ожил и поспешил заявить о своем присутствии.

— Разрешите приступить к исполнению служебных обязанностей!

Громдевур свысока оценил рвение добровольца и дозволил.

— Может вы, господин сыщик, мне объясните, где тут кого убили?

— Мэтра Мориарти! — выкрикнула запыхавшаяся мэтресса Вайли, подбегая к совещающимся мужчинам. — Почему никто из вас меня не слушает?! Говорю же — убили мэтра Мориарти! Немедленно найдите его труп! — кричала расстроенная, плачущая волшебница, схватив мэтра Лео за грудки. — Может, он еще не испортился, и я смогу *вернуть* его *из-за порога*…

— Когда ж ее жизнь научит, — проворчал Виг, закатывая глаза.

— Папа, как же ты не понимаешь!.. — разрыдалась Вайли.

Октавио выслушал сей бессвязный лепет и потребовал объяснений:

— Этот Мориарти — наш человек?

— Никак нет, — объяснил Клеорн. — Ллойярдец.

— Не лучший вариант… Придется согласовывать спасательную миссию с королем Тотсмитом, а время дорого.

— В таком случае, — вмешался мэтр Пугтакль. — Позвольте попросить вашей помощи от имени короля Фабиана, который облек меня доверием решать вопросы, связанные с магией и

чародейством.

— Отлично! С формальностями всё ясно. А теперь рассказывайте, что тут происходит, — потребовал Громдевур. — Здесь же должны какие-то тварюшки бегать, разве нет? Откуда буря посреди Пустыни взялась?

Мэтресса Вайли мигом осушила слезы и путано, вольно жонглируя хронологией и совершенно издевательски мешая достоверные факты с женскими "я всегда подозревала! Мне казалось! Я так и думала!" попыталась объяснить, что существа-претенденты, конечно бегали… а потом вдруг — Ой! Мориарти погиб, хрустальные сферы лопнули, артефакты едва не сгорели, они побежали, а тут песок…

— И кто у нас главный подозреваемый? — генерал обвел пристальным взглядом своих собеседников.

— Думаю, что это Кадик ибн-Самум, глава магов Эль-Джалада, — ответил Лотринаэн.

— Вы уверены, мэтр? — насторожившись, уточнил Клеорн. Ему показалось, что при имени эльджаладца эльф и мэтр Виг обменялись многозначительными взглядами.

— На сто процентов, — ответил Лотринаэн.

— Это он, он, негодяй, убил моего Мориарти!! — прорыдала Вайли.

Пугтакль счел необходимым вмешаться:

— Понимаете, господа, здесь есть некоторая сложность. Дело в том, что Кадик ибн-Самум…

— Он негодяй, безумец и бесчестный подлец! — прокричала мэтресса Вайли. Теперь она рыдала, опираясь на плечо мэтра Вига, и старый волшебник терпеливо, но не слишком радостно колыхался от ее громких воплей. — Он убийца!

— Да кто ж спорит, — ответил эльф. — Конечно, излишней честью Кадик не обременен. Но увы, вынужден признать — он прекрасный маг. Весьма умелый, сведущий и расчетливый. К тому же — при всей узконаправленности и извращенности своего ума он далеко не дурак.

— Одним словом, — прервал поток эльфийской речи Виг, — мы считаем, что он играет против нас не один.

— То есть? — потребовал объяснений Громдевур.

— Даже у самого сильного волшебника кишка тонка бросать вызов нескольким десяткам магов, — к совещающимся подошел мэтр Фледегран. — вы могли заметить, ваше благородие — мне и моим помощникам требовалось постоянно возобновлять ресурс Силы, значит, вы можете представить, чего стоило мэтру Кадику сотворить заклинание вызова Духов Пустыни…

— Ясно, ясно, — нетерпеливо прервал придворного мага

Октавио. — И кто его союзник, если не секрет?

— Традиционно в Эль-Джаладе практикуют демонологию, — четко, как на уроке, ответил Лотринаэн, за что удостоился кислого взгляда со стороны мэтра Вига и отца.

— Вообще-то, буквально перед началом состязаний мы получили неопровержимые доказательства того, что в Ильсияре действует личный помощник весьма сильной и совершенно беспринципной волшебницы, которая, вероятнее всего и является союзником Кадика ибн-Самума. — проговорил Пугтакль. — Мы видели этого «порученца» собственными глазами, но, к сожалению, не смогли поймать. Его зовут Цогобас, он принадлежит к существам, которые не встречаются в нашем мире…

— Лысый рыжебровый карлик! — хлопнул себя по лбу Фледегран. Так вот кого ему напомнил словесный портрет газетной заметки!

— А его хозяйку зовут Кёр. Та еще штучка, — продолжил Виг. — Криомант высочайшего уровня, метеомант весьма умелый, сечёт в Магии Крыла и Когтя, мастер-артефактор… серьезная дама, только с головой совсем не дружит.

Все, кто сколько-нибудь знал мэтра Вига, удивленно присвистнули. Уж если *он* кого-то признавал в недружественных отношениях с верхнекортикальным управлением поведения, тогда точно стоит от этого «кого-то» ждать неприятностей.

— Странно. Я никогда не слышал о мэтрессе Кёр, — прошептал мэтр Лео. — Где она живет? Если она так эксцентрична, как вы утверждаете, может быть, зря Министерство Спокойствия не интересуется ее судьбой?

Трое старших волшебников, будто состоящих в некотором тайном обществе, снова обменялись выразительными взглядами.

— Расслабься, сынок, — наконец, ответил Виг. — Далеко она живет.

— В другом мире, — не сумел сдержаться Лотринаэн.

— Не понимаю, — пробормотал мэтр Лео некоторое время спустя.

Инспектор Клеорн был серьезно занят — по поручению генерала Октавио, выделившему сыщику трех помощников, он выяснял, кто сумел пережить атаку Духов Пустыни. Уже выяснилось, что вокруг Горы Сфинксов — лиг этак на десять в окружности, — находилось не меньше тысячи любопытствующих, и местных, и приезжих. Убедившись, что опасность миновала, люди и не-люди выбирались из укрытий и с возгласами разного содержания бежали навстречу кавладорскому отряду —

некоторые с проклятиями, почему те мешкали, некоторые — с благодарностью за спасение. Некоторые требовали вернуть им убежавших во время бури лошадей и осликов, кто-то подсовывал счет за пропавший во время суматохи отделанный брабансским бархатом паланкин…

Как Октавио Громдевур справлялся с бушующим многоголосым морем, Клеорн не мог понять. Но, самое удивительное, генерала слушались и покорно выполняли его распоряжения — все, кроме мэтрессы Вайли. Некромантка снова и снова требовала отправиться на поиски мэтра Мориарти, постоянно отвлекая Громдевура от объяснений с эльфом и Вигом возможного развития событий. Понятно, что Кадик одной атакой не успокоится… Понятно, что сейчас собравшаяся у Горы Сфинксов толпа является идеальной мишенью, и надо куда-то уходить, но вот куда? Спасибо за подсказку, мэтресса, мы обязательно пойдем в указанном вами направлении, вот только надо решить, насколько быстрым темпом и в каком именно количестве…

— Не понимаю, — повторил Лео.

— Чего на этот раз вы не понимаете, мэтр? — спросил Клеорн. Все-таки Лео был одним из героев дня, и напоминать ему, что он отвлекает инспектора от важных дел, не следовало.

— Ради чего этой самой мэтрессе Кёр связываться с мэтром Кадиком? Мотивы поступков самого ибн-Самума я вполне понимаю — в годы обучения мой наставник, мэтр Илларион, рассказывал о желчном характере эльджаладца, о том, что его угораздило поучаствовать во всех войнах Эмирата за последние полтысячи лет — причем войнах, которые далеко не всегда заканчивались победой Эль-Джалада. Он хочет отомстить, хочет ответить на мнимое унижение, которое доставили ему маги Кавладора, Иберры и Ллойярда… Но вот ради чего даме, которая даже живет… — Лео оглянулся по сторонам и продолжил едва слышно, — *в другом мире* ввязываться в сомнительную бузу? Какой у нее интерес сотрудничать с Кадиком?

Клеорн почесал покрытый легкой щетиной подбородок. А ведь точно!

Он бросился к генералу; вежливо отстранил мэтрессу Вайли и коротко пересказал доводы мэтра Лео и закончил изложением собственных выводов:

— Ваше благородие, прошу разрешения на временное задержание подданного иностранного государства для получения свидетельских показаний!

— Кого именно? — на всякий случай уточнил Октавио.

— Господина Бонифиуса Раддо из Бёфери — он сейчас как

раз в лагере Участников, рядом с Хетмирошем.

— Этого — давай! — оживился Громдевур, потирая ладони в предвкушении встречи со старым знакомым.

— Бесчувственные чурбаны! — закричала мэтресса Вайли, убедившись, что до судьбы мэтра Мориарти никому, кроме нее, дела нет.

Вертано, а также между Ильсияром и Хетмирошем. Чуть ранее описанных событий

Карлик Цогобас совершил самую большую глупость в жизни. Вообще-то, вся его жизнь, если хорошенько присмотреться, не блистала особо умными поступками — даже тогда, когда Цогобас демонстрировал чудеса изобретательности и хитроумия, в итоге оказывалось, что можно было действовать проще и эффективнее. Госпожа нередко говорила, что Цогобасу досталось чересчур мягкое сердце — возможно, всему виной было именно оно… А еще она повторяла, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным — и эту истину Цогобас испытал всей своей несчастной шкуркой.

Спасибо Госпоже, он не умер. Вернее, спасибо Тие-Мизар, которая отпаивала несчастного страдальца куриными бульонами с ароматными травками, спасибо Джое, которая самоотверженно пыталась остановить кровотечение тогда, в странном доме-между-мирами… Общими усилиями его все-таки спасли. Правда, пришлось объяснять Госпоже, откуда взялась Джоя… Не очень красиво получилось: Госпожа холодно поинтересовалась, с какой стати карлик взялся населять ее Замок всякими человеческими девчонками, страдающими меланхолией и рифмоплетством в особо извращенных формах; но всё как-то утряслось. Джоя сумела рассмешить хозяйку Замка своими рассказами о том, чем занимаете во время учебы в Университете, и та разрешила ей остаться. Теперь Цогобас искал кольцо, когда-то подаренное Госпожой барону Генри фон Пелму, руководствуясь сразу двумя соображениями: во-первых, так хотела Госпожа, а во-вторых, после того, как карлик вернет пропажу, она обещала отпустить Джою домой…

Тия-Мизар, помогая Цогобасу собрать припасы для нового путешествия, вздыхала и охала — карлик кровожадно перечислял планы, которые у него имелись относительно своей несостоявшейся убийцы. Карлик собирался донну Кассандру четвертовать, скормить царсари, поджарить на медленном огне и порубить в капусту. Добросердечная Тия, трепеща чепчиком и рюшечками платья, предложила кухонную сечку и корытце — для рубки коварной донны, но Цогобас придумал лучше. Придумал,

да! Он не шутит! План был идеальным: ворваться в "Золотую Пику", разгромить к шутам собачьим здание, а когда Кассандра побежит, зовя на помощь, переправить ее в тот дом-между-мирами, чтоб она застряла там навеки и умерла от жажды и одиночества! Да! Идеальный план!

Почти такой же идеальный, как те, которые Цогобас составил для извлечения черепа Генри фон Пелма из рук мэтрессы Вайли…

Когда Цогобас вернулся в "Золотую Пику" и начал разбрасываться "ледяными копьями", выяснилось, что "донна де Неро и сопровождающие ее лица покинули гостиницу буквально за час до прибытия сеньора…" Карлик, разумеется, не поверил. Он, разумеется, отправился посмотреть собственными глазами… И то, что стены "Золотой Пики", как оказалось, держались на честном слове и не выдержали лёгоньких повреждений, он, Цогобас, разумеется, не виноват!

Зачем карлик бросился вытаскивать из рушащегося здания спящего в разгромленном обеденном зале кота, он и сам не знал. Жалко стало.

А Кот, очнувшись, взревел, вздыбил шерсть, да как помчался, помчался… Будто не чувствуя тяжести вцепившегося в его доспех карлика, ополоумевшее животное протаранило стену, заметалось среди выбегающих из гостиницы людей, потом, когда Цогобас нащупал пуговицу с телепортом…

Этого не стоило делать. Видимо, Котик жил у какой-то ведьмы или волшебника — он настолько пропитался остаточной магической энергией, что телепорт исказился, и выскочила веселая компания не в Ильсияр, куда направлялся Цогобас, а в Восьмой Позвонок. Презрев защиту от внешних вторжений, установленную тамошним начальством, Кот и карлик пробежались по Башне Ночи (снизу вверх), по Башне Алхимиков (сверху вниз), оборвали корзину лифта, лишили Йори головы (крепче пришивать надо было!), перепугали всех школяров, которые считали себя почти трезвыми… Следующий телепорт открылся в чаще непролазного леса. Хорошо, что летнего, жаркого и влажного. Собрав с плотных листьев вёдер десять воды, нюхнув какого-то цветочка, от которого нос Цогобаса распух и приобрел сходство со спелой сливой, они столкнулись с компанией раскрашенных сажей и красной глиной людей. Туземцы, увидев восседающего на спине кота-в-доспехах красноносого карлика, повалились на колени и завыли что-то просительное.

Третья попытка телепортации сработала еще интереснее. Карлик и кот оказались в подземелье — не мрачном, а наоборот. Свет там был — только какой-то неживой, искусственный. А еще

там были люди в куцых белых мантиях, которые при виде непрошенных посетителей отвлеклись от алхимических опытов, которые проводили со множеством артефактного оборудования… потом люди узнали Котика и закричали: "Смотрите, нечисть вернулась!" И начали метать в несчастных путешественников раскаленный свинец и пламя.

Кот, должно быть, знал это странное место: он пронесся по столам, уставленным стеклянной посудой, прошмыгнул в дверь, в два счета отыскал лестницу… И под крики какой-то женщины "Флаффи! Флаффи! Вернись к мамочке!", им удалось скрыться.

С шестой или седьмой попытки Цогобас все-таки оказался там, куда направлялся в самом начале.

На фоне темного предрассветного неба возвышалась неопрятный, всклокоченный Хетмирош, под ногами скрипел серый песок, пахло множеством перепуганных зверюшек. Цогобас наконец-то отцепился от загривка Черно-Белого Кота, встал на подкашивающиеся ножки… и от души пнул пушистую заразу.

— Чтоб я! Когда-нибудь! Кого-нибудь! Зачем-то пожалел!!!

Кот увернулся и показал карлику ярко-розовый язык:

— Саум дуряук, — сказал он на прощание, и, взмахнув хвостом, отправился восвояси.

— Больше — никаких добрых поступков! — решил Цогобас. — Отныне и навсегда! Хватит с ними цацкаться! Буду действовать, как Госпожа — пришел, увидел, заморозил! Ух, сейчас я разберусь с этой Вайли!!!

Постановив, что спасение ходячего землетрясения в черно-белом кошачьем обличье было последним самым глупым поступком его жизни, карлик решительно приготовил артефакты, необходимые для взятия штурмом шатра мэтрессы Вайли, закусил губу, чихнул восемнадцать раз (клятый цветик!) и пошел воевать. Он собирался воспользоваться «Айсбергом», чтобы сорвать шатер волшебницы с места, "Дикой Охотой", чтобы разомкнуть и снести охранный контур, была приготовлена и запонка с проголодавшимся царсари, если вдруг Вайли решит лично встать на защиту своего имущества…

А оказалось, что можно было просто войти в шатер, нахмуриться на скелетную горничную, бестолково перебирающую костями в сторонке, обнаружить десяток ларчиков со сладостями, большую нефритовую шкатулку, воняющую странным содержимым и подобрать с ковра бесхозный череп.

"Если это какая-то ловушка, какая-то хитрость, чтоб поиздеваться над маленьким мной…" — думал Цогобас, спешно убегая прочь от обиталища обворованной магэссы. — "Если это не тот череп, если он заговорен так, чтоб только Вайли могла им

пользоваться…"

Когда после проведения необходимых некромантских ритуалов дух барона Генри явился, Цогобас был готов разрыдаться от счастья. Наконец-то! Как я вас рад видеть, господин барон! Умоляю, напрягите память — колечко, темненькое такое, похоже, что из железа сделано, с голубым бриллиантом — где оно?!!

— Ах, разве моя правнучка вам его не отдала? — удивился рыцарь. — Я же велел ей разыскать перстень и вернуть леди Кёр в собственные руки!

Цогобас, который после шести столетий служения Госпоже считал себя знатоком женских хитростей, вытаращился на барона Генри и понял, что элементарно обманули. Нет, не элементарно! Его обманули изощренно, жестоко и исключительно по-женски, то есть с улыбочками, слезами, истериками… Карлика скрутило от приступа бешенства.

— Так вы, стало быть, сказали ей, где оно находится?

— Сказал. Так же, как и то, что она не имеет никакого права им владеть. Я, знаете ли, хорошо помню слова, которые сказала мне леди Кёр на прощание, когда я покидал ее Замок — владеть перстнем может лишь доблестный рыцарь, поэтому я особо оговорил в своем завещании, что мой сын не может претендовать на сей предмет, если не выберет путь славы…

— Трен кайхай с вашим завещанием! — завопил Цогобас. — Скажите, где кольцо?!!

— Думаю, что оно до сих пор хранится у моего боевого товарища, Дюши из клана Кордсдейл. Или, в крайнем случае, у его наследника. Я просил Дюшу переправить кольцо леди Кёр, но ее Замок столь труднодоступен…

Начинать всё сначала! Карлик сжал кулаки и потряс ими над головой, не в силах иначе выразить бушующие в его узкой, впалой груди эмоции. Рыскать по всем горам континента в поисках старого гнома! Нет, еще хуже — стараясь найти его наследника! Снова! Опять!

Какую же глупость он совершил, рассказав о ценности кольца Тильде Азено! Она ведь и так всё знала, всё, кроме того, сколько она сможет заработать, вернув вещь ее истинному хозяину! Чтоб ее куры клюнули! Нет, — зажглись оранжевым злым огоньком глаза обманутого карлика. — Чтоб ей Черно-Белый Кот попался!

— Эй, погодите! — окликнул призрак барона фон Пелма удаляющегося в Пустыню карлика. — Уважаемый! А вы мой череп собираетесь возвращать на место? Желательно, в Уинс-таун, в фамильный склеп…

Карлик не отреагировал.

— Не собирается, — догадался покойный рыцарь. — Ладно, делать нечего. Вернемся к основной специальности. Где тут у нас обиженные и страждущие? Я всегда говорил и не устану повторять: в жизни истинного рыцаря даже после смерти найдется место подвигу!

Он серебристой дымкой поднялся над последним вместилищем духа — сначала величавой, широкоплечей фигурой, потом извлек из потемневшего черепа призрак своего коня — он настолько привык к своему верному спутнику, что даже после смерти не мог с ним расстаться. Призрачный рыцарь гордо поднял голову, заложил на плечо меч, приосанился и застыл, поджидая следующее испытание, уготованное ему Судьбой.

Права была леди Кёр, — неспешно вспоминал барон Генри фон Пелм прожитые годы. — Быть рыцарем — значит быть истинным героем. Всегда. А не когда подворачиваются случайные подвиги…

Царство мёртвых

Бесконечные коридоры, темнота, озаряемая слабым светом амулетов-подсветок, бормотание мумии…

— Посмотрите направо — гробница моего внучатого племянника, царя Эумезона, скончался от удара молнии. Погребальная камера царя Зафара — представляете, ее за две тысячи лет ни разу не ограбили!

— Что, так много охранных заклинаний? — поинтересовался Фри-Фри.

— Нет, на него еще при жизни снизошла мания экономить на всем, так что его мумию просто приготовили, положили в самый скромный саркофаг, заложили камнем и успокоились… Гробница царя Шихрафхана, царя Джильгамеша, царя Хварафа…

Лабиринт некрополя казался бесконечным. Даже Напа, привычная к хитросплетениям шахт родного Орбурна, совершенно запуталась среди этих поворотов, спусков, подъемов… "*Ты не представляешь, Фиона*," — привычно начала гномка складывать текст очередного послания к своей подруге, — "*Как постарались здесь древние гиджийцы! Каждый кубический дюйм Абу-Кват превращен в чью-то гробницу! Росписи, статуи, охранные заклинания… Огори-иэ, которые выскакивают из стен и завывают нам вслед! Мумии, которые пользуются случаем, чтоб поругаться с Эпхацантоном — снова, опять, еще и еще, ведь за две тысячи лет у них накопилось много поводов быть недовольными друг другом! Каменные сфинксы, провожающие нас немигающими нарисованными глазами… бормотание Ханны, что у них в Нижней Исподвысковочке кошки тоже гады… Уф, даже иногда мурашки по*

кольчуге бегают…"

Ощущение ледяного, морозного воздуха, вдруг прорвавшегося в затхлую атмосферу некрополя, было живительным, как глоток воды.

— Где это мы? — спросила мэтресса Далия.

Эпхацантон указал на массивную бронзовую дверь, всю покрытую рунами и магическими знаками.

— Вот он, выход из царства мертвых! Вообще-то, я шучу, — тут же исправился царь-мумия, верно истолковав молчание алхимиков. — Выход, да — чтобы дойти до сокровища Тиглатпалассара, надо пройти по каменному карнизу и подняться на гору. Не волнуйтесь, там действует магия пространства, так что за полчаса доберетесь.

— А его Золотой Город? — тут же спросила Далия.

— К Золотому Городу — туда, — указал Эпхацантон едва различимый в темноте боковой коридор.

— Ладно, пошли! — скомандовала Далия, поворачивая от выхода в очередное ответвление некрополя.

— Далия, я хочу к сокровищам… — протянула Напа. — Может, там снова удастся покопать?

— Разве ты не накопалась? — возмутилась алхимичка.

— Нет, — тоненьким голоском ответила гномка, прижимая к груди верную кирку. — Только-только во вкус вошла…

— Ну и иди, копай! А я пойду смотреть на Золотой Город! Фри-Фри, ты со мной?

Фриолар поколебался, выбирая из двух зол.

— Он пойдет со мной, — потянула его за руку гномка. — Давай же, Фри-Фри! Чего ты застыл?! Вперед, к сокровищам!

— Ну и ладно, — буркнула Далия. — Идемте, госпожа Ханна! Нас ждет величайшее историко-культурное открытие современности!

Крестьянка из Исподвысковочки оглянулась по сторонам, разыскивая "госпожу Ханну", засмущалась и покрылась румянцем до воротника пёсьей шубы, когда догадалась, что речь идет о ее скромной персоне, и застенчиво прошептала, что она того… тут на пять минуточек задержится. А вы ступайте себе, ступайте, она только с Эпхацантонушкой побеседует о жизни нелегкой…

— Я сплю? — спросила себя мэтресса, наблюдая, как Ханна трепетно и скромно благодарит царя-мумию за приют и показ местных достопримечательностей. Польщенный ее внимательностью, Эпхацантон приосанился, поминутно поправлял бинты на горле и лице, надеясь придать им более цивилизованный и приятный вид, храбро обещал показать жемчужину здешнего некрополя — гробницу своей мачехи-

некромантки, которая держала в страхе три или четыре поколения гиджийских властителей. Ханна ворковала, смущалась, пугалась, бледнела и вовремя трясла бородавками — одним словом, редко когда Далии доводилось наблюдать столь массированное соблазнение, осуществляемой столь неказистым объектом…

— Конечно, хорошо, что Любушка отстала, не надо ее от Фри-Фри отгонять… Но мумия-то Ханне на что понадобилась?! Должно быть, в атмосфере какие-то флюиды летают, — Далия настороженно принюхалась к пыльному, с ноткой морозца, воздуху подземелья. — Ладно, я пошла… Вы, Ханна, меня догоняйте…

— Я потихоньку, — ответила Ханна. Действительно, очень тихо, но неуклонно, она приближалась к царю-мумии, пока — цоп! — не ухватила его под локоток. — Вы за меня не беспокойтесь!

— Даже не думала…

Мэтресса решительно поправила амулет-подсветку и свернула в указанный коридор. Еще немного — и она, наконец, увидит Золотой Город!

Ханна помогла царю закрыть за гномкой и «Вриоларушкой» дверь, выводящую на карниз. Сделала вид, что устала, продрогла и вообще… крайне нуждается в заботе.

— Собственно, я тут поразмыслил, — откашлявшись, не очень уверенно, начал Эпхацантон. — Мне с собой в загробную жизнь собрали несколько больших кувшинов розового вина и пальмового масла. Не желаете ли..?

— Желаю, желаю! — обрадовалась Ханна. — Ой, ни в жизни ведь ни пальмовой розы, ни винного масла не пробовала, аж боюсь помереть, не проотведовав…

— Ну что вы, вы ж такая молодая! — искренне возразил царь-мумия, не слишком греша против истины.

— Ах, жизня моя кончилась… — резко, без предупреждения, всхлипнула Ханна. В общении с противоположным полом она предпочитала руководствоваться принципом "Обнаружила? Добей!" — Когда муженек мой от жгучей лихорадки скончался, уж как я плакала! Как рыдала! Про свет белый думать перестала! Одна радость — доченька ненаглядная, птичка моя сизоклювая… сизоносая… Ах, да что я вам про беды свои рассказываю, вы ж мушшина счастливый, горя, должно быть, не знали, всю жизнь прочирикали весенней пташкой…

— Ну, не то, чтобы чирикал… — обиделся царь-мумия. — У меня тоже были чувства… к этой, как ее… Шафарии… Пока она

не умерла…

— Ой, какой горе! — схватилась за щеки Ханна. Причитала она громко и качественно — так, что у Хрумпа, затаившегося в тени, от ее голоса в животе похолодело от ужаса. — Как же вы, бедный, такие юдоли выдерживаете?! Ах, какой вы сильный мушшина, какой ладный да храбрый…

Выйти замуж в деревне Нижняя Исподвысковочка — той, что в Чудурском Лесу, почти на границе Кавладора и Буренавии, — вообще считалось делом хлопотным и сложным, и получалось далеко не у всех. Местная легенда, двенадцатикратная обладательница приза "Мужик в доме", самозваная ведьма Ханна не зря считалась специалистом экстра-класса. Ах, как будут мне завидовать, — думала Ханна через пару часов, оглядывая гробницу царя Эпхацантона взглядом рачительной хозяйки. На золоте ведь буду есть и спать! Кому сказать — не поверят!

Покрасовавшись перед тусклым бронзовым зеркалом с царскими изумрудами на шее, примерив, как будет сидеть на троне, овеваемая опахалами, Ханна лениво подумала, что теперь-то можно и остановиться. Миссия всей ее жизни выполнена — вряд ли она где-нибудь найдет жениха богаче…

Осталось, правда, незаконченное дельце — пристроить в чьи-нибудь надежные руки дочку Любушку… Но тут мумия-придворный принес церемониальные одеяния, подобающее будущей царице, и заботы о дочери выветрились из головы счастливой невесты. Маскируя ветхим, расползающимся от прикосновений льном, собачью шубку, навешивая на уши побольше серег и рисуя красоты ради вторые, третьи и четвертые брови на узком лбу, Ханна думала о том, как удавятся от зависти кумушки и соседки, когда она вернется в Исподвысковочку, вся из себя богачка и местами царица!..

Возможность, что очередной супруг случайно или по недосмотру переживет ее самое, Ханной даже не рассматривалась.

Гора Сфинксов

Упирающегося Бонифиуса Раддо, возмущенно сообщающего, что он будет жаловаться, и не кому-нибудь, а его сиятельству герцогу Роберто(55), — доставили в рекордно короткие сроки. Помощникам мэтра Фледеграна хватило двадцати минут, чтобы вернуться к Хетмирошу, разыскать шатёр фрателлы и похитить пелаверинца. Ну, может быть, «похитить» — не совсем верное слово… Но кавладорцам, которых подстегивало четкое и весьма недвусмысленное напутствие генерала Громдевура, было не до стилистических тонкостей.

— Кого я вижу! — Октавио раскрыл объятия старому знакомому. — Бони! Радость-то какая!

Фрателла Бонифиус очень ловко вывернулся из строя сопровождавших его арбалетчиков и в мгновение ока оказался рядом с мэтром Пугтаклем:

— Ваше магичество, позвольте попросить политического убежища!

Эльф удивился.

— Я всегда сочувствовал экономике Иберры! — спешно, пока к эльфу и его собеседнику приближался генерал Октавио, признавался фрателла. — Я буду трудиться на ее благо! Я готов честно платить налоги! Я расскажу, как торговал прокисшим вином из Фносса только затем, чтоб поддержать виноградарей из Сан-Тиерры!

— Да иди ты! — Громдевур ласково стукнул Бонифиуса под ребро. — Что, неужели даже жалованье слугам платить собираешься?

— Буду, — храбро пообещал Раддо. — Честно слово — буду платить самое большое жалованье, буду выдавать льготные кредиты, буду жертвовать на храмы и обители… Я даже Фломмера уволю, чтоб он больше никому из должников кости не ломал!

— Фломмер? Это кто ж такой? Не знаю… Раньше у тебя Огги Рутфер служил. Что, неужели доворовался?

— На него благословение снизошло, — объяснил Бонифиус. Он смотрел на Громдевура как кролики — на удава. Или как адепт Мегантира Степенного на вкусную, но увы, запретную, отбивную на косточке. — Когда мы виделись в последний раз, он был озабочен поисками какого-нибудь Ордена, который бы просветлил его заблудшую душу…

Октавио зачем-то полюбовался на собственный кулак (Лотринаэн поморщился, вспомнив свое знакомство с этим примитивным, но действенным орудием возмездия) (56), велел передать Огги, что если у того возникнет желание быть просветленным лично его высокоблагородием, то пусть обращается… А потом посерьезнел и перешел к важным делам.

— Так о чем вы с Кадиком договаривались? Давай, Бони, не томи. Время — зубы.

— Ни… не о чем… так, пустячок…

— Фрателла, мы тебя ценим и зачем-то любим, но, надеюсь, ты понимаешь неизбежность ответного чувства?

Генерал просто лучился нахальством, маги стояли рядом, наблюдая за Раддо будто тот был дрессированным гоблином, и фрателла не выдержал:

— Я не сделал ничего плохого! Я всего лишь рассказал ему, куда путешествовала уважаемая мэтресса Вайли…

— Зачем ему вдруг понадобилась госпожа Вайли? — не сдержал любопытства Лотринаэн. Раддо охотно ответил, что вообще-то, Кадика больше интересовало местонахождение мэтра Мориарти, которого как раз и навещала волшебница…

— Так это из-за тебя! — затряслась от негодования некромантка. — Это из-за тебя погиб величайший ум современности!

Не тратя лишних слов, она взмахнула посохом. Скорпиончик сорвался с набалдашника и, пролетев подобно арбалетной стреле, вонзился в грудь пелаверинца. Бонифиус Раддо выпучил глаза и упал замертво.

— Я-то, наивная, думала, что после проклятия "Неудачи в делах" ты вспомнишь о совести! Что захочешь помогать помощникам, которых кусали мои скорпионы и преследовали беды! Что у тебя проклюнется честь хотя бы с маковое зернышко!

— Так ты что, его прокляла? — с чисто академическим интересом спросил Виг. Мэтр Фледегран тем временем спрашивал у Громдевура разрешения забрать страдальца себе в лабораторию — дескать, уникальный случай отравления магическим животным, надо ученикам показать, пока не сдох… нет-нет, они фрателлу обязательно исцелят… может быть.

— В тот самый час, когда он отказался мне платить за колдовство! — вспыльчиво объяснила Вайли. — Прямо сразу же! Взяли, понимаешь ли, за правило обманывать некромантов! Сначала та баронесса самозваная, потом фрателла…

— Ну-ну. А что ж ты ему не объявила, что прокляла его?

— Я думала, он сам догадается!

— "Догадается"… — передразнил Виг дочь. — Вот и получила, к чему стремилась: считай, собственными руками подставила черепоносца под заклинание Кадика. Но не волнуйся, не плачь ты, глупая… — так как Вайли завыла и с рыданиями упала отцу на плечо, мэтр поспешил успокоить плачущую волшебницу. — Будь уверена — когда ты назвала Мориарти "величайшим умом современности", ты явно переборщила…

Между тем Пугтакль и Лотринаэн тоже пытались по мере сил определить состояние Бонифиуса.

— Надо было спросить его о браслете, — высказался эльф. — За секунды до того, как его сразило заклинание коллеги, я услышал его мысли — он намеревался подороже продать информацию об амулете, который ему навязал Кадик ибн-Самум.

— Найдя амулет, мы сможем вычислить, где он сам прячется, — догадался Лотринаэн.

— Пожалуй, мы покинем вас на несколько минут, — сказал Пугтакль.

— Мы за браслетом и обратно.

— Удачи, — пожелал Виг. Стоило эльфам скрыться, он отстранил от себя рыдающую и разобиженную Вайли и потребовал от Фледеграна, чтобы тот немедленно скомандовал "магической ребятне" организовать слежение за Пустыней. — Чего стоишь, щеки надуваешь? — отчитал он Громдевура. — Давай, командуй что-нибудь! Не думаешь же ты, что старый Ветер-со-Свистом успокоится на одной атаке? Убери своих оруженосцев, а то под ногами мельтешат, колдовать мешают!

— Не понял, вы что, пытаетесь мной командовать?!

— Нечего мне тут доминирующего самца изображать! — рассердился Виг. — У меня, между прочим, где-то здесь в Пустыне мой личный алхимик блуждает! Как я без него монографию дорабатывать буду? — Мэтр Виг подошел к генералу поближе, — Ты ж не подведи, служивый, выручай, а? Сейчас эльфы вычислят, где Кадик прячется, может, мы тебя вместе с армией к нему и перебросим, как считаешь? Подеретесь, кулаками помашете, удаль молодецкую покажете… Мы за ваши души панихидку богомольцам или балладу менестрелем закажем, на ваш выбор…

— Нет уж, спасибо, — засмеялся Громдевур. — Лечи подобное подобным, а мага бей магом. Мы вам сейчас расчистим поле битвы, а дальше вы сами… с нашими молитвами, разумеется.

— Нет, ну почему никто не ищет мэтра Мориарти? — снова раздался возмущенный крик Вайли. — Ну и не надо мне помогать — я сама узнаю, что с ним случилось!

Убедившись, что "бессердечные мужланы", занятые своими делами, не реагируют на ее требования немедленно искать то, что осталось от мэтра Мориарти, Вайли лично возглавила операцию по его спасению.

Операция началась с "колесницы"(57), которую Вайли соорудила из останков жертв обитающих в данной местности сфинксов. Провожаемая подозрительными взглядами волшебница повернула на север, к оазису Диль-Румайя.

По стечению обстоятельств, инспектор Клеорн с мэтром Лео и прочими помощниками двинулся вдоль разрушенного акведука в том же направлении.

— Поищите, может, кто выжил? Опять же, надо установить, буря бушевала по всей Пустыне, или поигралась только между старым и новым руслами? — велел генерал Громдевур. — И

это… — чуть тише прибавил он. — За дамочкой присмотрите, хорошо?

Клеорн всецело разделял беспокойство генерала относительно «дамочки», то есть мэтрессы Вайли. Сыщика пугало равнодушие, которое проявляла некромантка к чужой смерти — другое дело, мэтр Мориарти, о котором Вайли беспокоилась больше, чем о себе самой.

Что это — великая любовь или какая-то извращенная душевная деформация, спросил Клеорн у мэтра Лео.

— У-у… это вы загнули! — ответил волшебник. — Кто ж знает? Может быть, вы слышали, что существует такой эффект как "остаточное излучение Магии Смерти"?

Инспектор напряг память.

— Это то, чем питаются горгульи?

— Почти правильно. Горгульи действительно поглощают остаточное магическое излучение, но не только Магии Смерти, а любой магии. Понимаете, когда маг использует чары, всегда остается чуть-чуть неструктурированной маны, жалкие крохи по сравнению с той энергией, которая оказывается воплощена в действии или веществе, заклинании или артефакте. Для магов, расположенных к Природным Началам, это практически не доставляет хлопот — первоэлементы присутствуют везде, в каждой вещи или живом организме; подумаешь, чуть-чуть нагреется воздух, или добавится несколько песчинок к земле, на которой волшебник стоит. Совершенно не смертельно. Если рассеивается энергия, которой управляют друиды — так это даже хорошо; сады обильнее цветут, раньше плодоносят. Мы, маги-призыватели, — мэтр Лео выразительно похлопал по шее коня, которого ему, как и Клеорну, выделил Октавио Громдевур. — Положительно влияем на самочувствие всех животных в округе — они чуть-чуть выносливее, чуть-чуть быстрее, чуть-чуть сильнее, чем они же, но без присутствия практикующего мага.

— А некроманты? — Сыщику никогда не приходило в голову, что волшебников, оказывается, можно использовать в качестве этакой самоподзаряжающейся многофункциональной грелки. Надо же! Век живи, полтора учись…

— Некроманты, как вы догадываетесь, имеют дело с Магией Смерти. То есть — разрушением, разложением, деградацией, регрессом, инволюцией и прочими обратными процессами. Поэтому рядом с ними обычный человек будет чувствовать себя не лучшим образом. Гномы, как правило, устойчивее, но и они стараются не перебарщивать.

— Вы хотите сказать, что общаясь с некромантами можно подхватить какую-нибудь заразу и умереть от чумы?

— Нет, вряд ли. Иначе королевство Ллойярд давно бы обезлюдело. Но вот сойти с ума — это точно. И то же самое королевство Ллойярд тому доказательство…

Клеорн вежливо согласился. Лео же не мог остановиться и продолжил совершенно излишние объяснения дальше:

— Существует несколько теорий, объясняющих, как именно влияет Магия Смерти на душу разумных существ. Конечно, я не специалист, вы, если пожелаете, можете уточнить детали у мэтрессы Далии…

Если бы Духи Пустыни вновь явились и ударили бы сыщика какой-нибудь молнией, он и тогда бы не смог испытать бо́льший шок. В одно мгновение ему вспомнилась и причина, по которой он так стремился в Эль-Джалад, и их с Лео путешествие по горам Шумерета, сломанная карета, собственный шок, "лечебные чары" мэтра Лотринаэна и мэтра Лео, которые начинались с фразы "Вас совершенно не беспокоит судьба мэтрессы Далии… Вы уверены, что с ней всё в порядке и способны думать исключительно о служебном долге…"

— Где она? — сдавленным голосом спросил инспектор.

— Кто? Мэтресса Вайли? — вон за тем барханом. Сейчас мы поднимемся на очередной выступ, увидим…

— Далия! Где Далия? — закричал Клеорн. Почуяв, что Лео намерен выкручиваться и врать, как пьяный менестрель, сыщик рассердился так, что чуть не придушил этого злоумышленника-самоучку. — Лео, я не шучу! Клянусь небом, если вы не скажете мне, где Далия, я отделаю вас так, что самые уродливые горгульи станут вам сочувствовать! Где она?!

— Я не уверен… — промямлил Лео. — Но, кажется, она отправилась куда-то сюда, чтоб посмотреть, как будут финишировать существа-претенденты. Вы не беспокойтесь, ее не похитили, она жива и здорова… По крайней мере, очень на это надеюсь.

Обломки пирамид

Спотыкаясь на каждом втором шагу, Далхаддин спешил следом за убежавшим далеко вперед отрядом големов. Иногда ученик мага останавливался, тяжело переводил дыхание, пытался как-то справиться с жутким ощущением, что глотка у него обожжена и высушена, что внутри тела не осталось ни капли жидкости, что сердце вот-вот вырвется из груди, и побежит по Пустыне, трепеща пересохшими жилами… В итоге Далхаддин упал на колени, поводя боками, как загнанная лошадь. Невесть откуда взявшаяся черная борзая — наверное, промежуточный чемпион гонок, — подошла к человеку, понюхала и

приветственно тявкнула.

— Помираю я, дружище… — хотел прошептать Далхаддин, но не смог по причине жуткой усталости.

Что-то творилось вокруг. Уже давно наступило время рассвета, но всё небо было затянуто свинцовыми, тяжелыми тучами, из-за которых не падало ни единого лучика солнца. Ветер стих, а главное…

Далхаддин чувствовал неумолимый, настойчивый, жуткий, как безумие, *шепот* воды. Она будто смеялась, щекотала обнаженные нервы, колола мозг иголочками снежинок, и ускользала сквозь пальцы…

Полцарства за стакан воды? Сейчас Далхаддин согласился бы и на менее выгодную сделку. Он отдал бы всё и душу в придачу, если бы кто-нибудь пообещал ему хотя бы один глоток. Как это в стиле Кадика ибн-Самума! Провернуть коварный план, четко спланировать собственные действия, расставить помощников на условленные позиции, подготовить даже потайных союзников… Дурацкие големы! То ли Далхаддин так и не научился ими управлять, то ли чары выветрились, то ли случилась одна из досадных мелочей, которые и называются "законом подлости"…

Собака подошла и облизала упавшему человеку лицо.

— Спасибо, милая, — прошептал Далхаддин. Ощущеньицо то еще, но не будем привередничать. Почувствовав некоторое подобие влаги на пересушенной коже, ученик мага чуть-чуть очнулся (скорее от гадливости, чем от приступа вдохновения) и попытался наколдовать себе какую-нибудь защиту от пересыхания и усталости.

Как он и ожидал, получилось едва-едва…

На чем он остановился? Ах, да… Как это в стиле наставника! Предусмотреть тысячу мелочей, позволить обстоятельствам работать на себя — и забыть снабдить самого верного, самого послушного из союзников хотя бы фляжкой воды… Может, заставить големов раскопать какой-нибудь колодец? — додумался Далхаддин. Рассеянно пробежался пальцами по заткнутому за пояс жезлу Первого Голема. Заставить-то можно, но вот что они найдут? На сорок лик в округе от Абу-Кват нет ни одного живого источника, это всем известно… Так откуда же взялось это навязчивое, неотступное ощущение, что вода есть, что она зовет и манит, шепчет, молит о помощи?

— Держаться, Далхаддин, держаться! — приказал себе ученик мага. Сейчас не время поддаваться безумию, надо выполнить порученную миссию и расправиться с существами-претендентами. Жалко, конечно, тварюшек, среди них были любопытные экземпляры…

Над головой Далхаддина пронеслась какая-то мягкая тень. Собака тявкнула, прижимаясь к человеку в поисках защиты. Эльджаладец осторожно повернул голову — рядом, на упавший каменный блок приземлилась странная тварь. Сначала Далхаддин увидел широкие орлиные крылья, рыжую львиную спину и принял ее за сфинкса, но Духи Пустыни были милостивы. У твари была орлиная голова, увенчанная большим острым клювом, и умные, лишенные сфинксовой загадочности, карие собачьи глаза…

А потом из свинцовой мглы, которой было затянуто дно ущелья, прямо на Далхаддина выбежал громадный, как дом, Золотой Жук. С воплем убежав в сторону, эльджаладец увидел, как мимо него пронеслись-пробежали-пролетели шесть с половиной дюжин разнообразных тварей.

Отряд големов, притаившихся в засаде, существа-претенденты не заметили. Ну, конечно, не совсем чтобы нет… Хрупнуло под сяжками Золотого Жука что-то такое…

— Надо бы вернуться к учителю, — прошептал Далхаддин, наблюдая, как толпа соревнующихся тварей удаляется в направлении Абу-Кват, — Сказать, ему, что план не удался. Вопить будет… Побьет…А, ладно, главное, чтобы хоть глоток воды дал.

Собака согласно тявкнула, взмахнула хвостом и убежала следом за прочими существами.

Пошатываясь, ученик мага развернулся, оглянулся по сторонам и попытался определить направление, в котором больше шансов отыскать Львиный Источник.

За его спиной стоял ллойярдский джорт. За дни скитания по Пустыне тварь покрылась серым слоем пыли, на ее спине и шее добавилось царапин, на угрюмой уродливой морде читались усталость, покорность судьбе… и жуткая жажда.

— Я б наколдовал тебе воды, — честно-честно пообещал Далхаддин-Улитка. — Но понимаешь, маны нет. Мне не жалко, клянусь! Но даже для себя не получается…

Джорт качнул головой, провел лапой по песку и гравию, взмахнул хвостом, напрягся…

Вода? О чем ты, человечек? С чего ты взял, что жаждать можно лишь воды?

Львиный Источник

Кто сказал, что жаждать можно только воды? Что искать — только утраченное? С чего вы взяли, что боготворить можно лишь того, кто достоин восхищения и взрыва чувств? Почему из всех страстей, которые сжигают человеческое сердце, люди выбрали и

обозначили единственно возможной любовь? Кто, зачем, почему?

Те, кто совершил подобный выбор, никогда не испытывал подлинной, пробирающей до нутра, жгучей, звериной жажды.

Жажда начинается не тогда, когда закончился последний глоток воды, сосуд опустел, и ваше горло покрывается горьким несмываемым налетом, спекаясь, как иссушенная земля. Жажда начинается тогда, когда вы напились досыта прохладной сладкой водицы, окунулись в сияющий бирюзой источник, почувствовали всей кожей упругое сопротивление и звонкую радость, растворенную в веселом перестуке капель дождя… Жажда начинается тогда, когда вы понимаете, что вода — вот она, в городском фонтане, небесной туче, деревенском колодце, покрытой кувшинками реке, — *но вам до нее никогда не добраться*.

Вам кажется, что жаждать можно только воды?

Кадик ибн-Самум обвел придирчивым взглядом приготовленную для ритуала площадку. Столько времени и сил ушло, чтобы освободить место от каменных обломков!

Семь кругов — большой в середине и шесть поменьше, полукругом от центра.

В каждом круге ножом процарапаны линии и руны заклинаний.

В центре каждого круга лежит связанный человек. Или тролль — еще лучше, в троллях больше энергии. Да, она плохо структурирована, но нам сейчас сложность и не нужна.

— Господин, а может, не надо? — спросил тот самый вежливый наемник, еще надеясь на благополучный исход.

Кадик предпочел не обдумывать излишние вероятности.

Он задумчиво смотрел на кинжал — само лезвие было сделано из хрупкого обсидиана, оправленного в тяжелое, старинное серебро. Старческие желтые, сухие пальцы ощупали черен; пробежались по вырезанным на рукояти рунам. Готов ли он к тому, что собирается совершить?

Старейший маг Эмирата Кадик ибн-Самум, волшебник, под чьим заботливым присмотром Хетмирош перестал считаться деревней-на-холме, а стал действительно могучей силой — может быть, не сильнейшей магической академией в мире, но третьей или даже второй по потенциалу обученных специалистов, собранных знаний, изученных тайн… Кадик боялся совершить ошибку.

И знал, что другого способа утолить мучающую его жажду он уже не найдет. Семьсот два года — это возраст. Даже для магов.

Готов ли он? Кадик ибн-Самум тяжело задышал, привычно

войдя в медитативный транс и *накачивая* резерв маны. Сознание сконцентрировалось, ушло в астральные Сферы. Теперь Кадик видел себя — сухого, упрямого старика, гордо распрямившего плечи и задумчиво уронившего голову на грудь; видел Пустыню, видел россыпь энергетических вспышек, подобных ночному небу… Ага, мэтр эльф все-таки пожаловал… а с ним кто? Силён, что тут скажешь… Кадик видел, как полыхающие радугой точки, обозначающие выживших после атаки Духов Пустыни людей и нелюдей, собираются в реки. Блеклые, уставшие и истощенные — повернули на юг, возвращаясь к Ильсияру, а самые яркие…

Ну что ж, ему всегда нравилось сражаться с сильным противником.

Кадик поднял над головой кинжал и постоял, по укрепившийся со времен обучения привычке повторяя слова заклинания, которое собрался произносить. Понимает ли он, что шансы победить смертельно невелики?

Да, понимает.

Понимает ли, что, призвав *этого* союзника, не сможет общаться с ним на равных? Что он будет не сильным среди слабых, как привык в Хетмироше, и даже не одним из многих, а слабым среди сильных?

Что ж, он понимает и это.

Но есть ли другой способ удовлетворить мучительное чувство жажды, оскорбленной гордыни, смертельную обиду гения, которому *пришлось* воевать на стороне проигравших?

Кадик ибн-Самум, Ветер Пустыни, наследник магов, когда-то перевернувших горы, не собирался сдаваться.

Он резко выдохнул, опуская кинжал в сердце первой жертвы, и произнес слова *призыва*…

Если смотреть на Пустыню из высот Астрала, она кажется ярко-красной, будто едва схватившаяся, еще не впитавшаяся в землю или песок кровь. Горы выглядят комьями глины — игрушками великанов, хаотично сброшенными с высоты и застывшими в ожидании следующей игры… Алый песок — и ветер. Бесконечный, неутомимый ветер. То ласковый, прохладный, освежающий, то злой и рвущий на части. Ветер.

Воздух.

Четвертая Стихия.

Последняя.

Та, после которой нескончаемый Цикл Превращений начинается заново.

Кадик парил над Пустыней и видел, как стремительно

передвигаются в направлении Абу-Кват радужные звезды бросившихся в битву магов. И видел себя — как черную стеклянную бусину, капельку расплавленного нюра, впитавшего в себя все краски мира.

Капелька росла, поглощая жизнь и энергию жертв, увеличивалась в размерах — и, когда Кадик ибн-Самум произнес последнее слово, истончившаяся грань между мирами лопнула.

Огромный столб огня вырвался из каменистой почвы и ударил в поднебесье.

Ветер, снова поднявшийся над ущельем, на короткое время разогнал тучи, и обломки древних пирамид озарили испуганные, неуверенные в уместности своего появления редкие солнечные лучи.

Голодный, злой и явно недружелюбно настроенный джорт, как обнаружил Далхаддин спустя несколько минут их близкого знакомства, на открытой местности мог развивать скорость призового скакуна. Среди скал и каменных обломков ллойярдское чудовище передвигалось неравномерно — то замирало, оценивая расстояние до ближайшего валуна, то бросалось вперед со скоростью снаряда, выпущенного из баллисты.

Как Далхаддину удалось не попасть джорту на зубок — он и сам плохо понимал.

Если бы ученику мага удалось продержать набранную скорость еще пару-тройку дней, да еще правильно угадать с направлением, он вполне мог выиграть забытые из-за суеты внезапно обнаружившихся военно-магических действий Гонки и стать Покровителем следующего Года.

Если, конечно, джорт не сумеет его догнать.

Они представляли собой смешное и одновременно притягательное зрелище — бурый уродливый полуящер, прыжками пересекающей каменистое дно ущелья, и маленький, верткий ученик в поношенном звездчатом халате.

Жаль, что смотреть на лидеров магических состязаний мог лишь один человек.

Он стоял над Обрывом — задыхающийся от гнева, ярости и жажды, яростно шепчущий одно проклятие за другим. Превратившаяся в лохмотья черная мантия бултыхалась вокруг костистой фигуры, правая рука, сломанная ударом бронзового меча, висела безжизненной плетью, левая с такой силой сжалась в кулак, что из-под вдавленных в кожу ногтей выступили капельки крови. Лицо человека было страшно, как маска демона — коварное лезвие скользнуло по щеке, на осьмушку дюйма разминувшись с левым глазом; правый угол рта скрылся в темном

кровоподтеке; судя по розовому цвету слюны, атакующие големы лишили мэтра Мориарти хотя бы одного зуба.

— Клянусь, вы познаете мой гнев! Вам не уйти от расплаты за свое коварство! — закричал ллойярдец вдогонку удаляющемуся Далхаддину. — Ну, чего же ты ждешь!!! — завопил Мориарти снова. Возможно, это высказывание адресовалось кому-то другому, тому, кто располагался на Обрыве, шагах в ста или чуть дальше от того места, где сейчас находился некромант.

Или чуть в стороне. Или за следующим барханом. Или вон за тем частоколом острых камней.

— Да что б ты сдох, никчемный человечишко! Чтоб черви выели твои глаза и чтоб на костях твоих до скончания веков пировали вороны! — проорал Мориарти в пустоту.

Пустыня безмолвно и безмятежно проглотила канувшее в пески проклятие некроманта.

Далхаддин уже видел разрушенную беседку Львиного Источника, и даже фигуру своего наставника, застывшего в позе для медитации. Ученик мага вдруг понял, что страх стать обедом для проголодавшегося, истомившегося от жажды ллойярдского уродца, совершенно лишен основания; и даже пришел в себя настолько, что стал думать не только о паническом бегстве, но даже о возможности затормозить и залезть в какое-нибудь убежище. И, чем демоны не шутят, попробовать «угостить» джорта парой фирменных «блюд» из сырой глины…

В этот момент он почувствовал, как за его спиной — там, на Обрыве, активизировался сильный артефакт. Магический эффект распространялся с неистовой, сверхъестественной, волшебной силой, встряхнув всё окружающее пространство. Далхаддин сбился с шага, упал и по инерции проехал несколько шагов на животе. Джорт перепрыгнул через его голову и бросился — на этот раз избрав своей целью застывшего в сосредоточенности Кадика ибн-Самума.

— Учитель! Берегитесь! — крикнул Далхаддин.

Кадик не услышал его — он был слишком занят подготовкой к ритуалу. "Ага, сейчас вы получите," — с несвойственной его пугливому, трусоватому характеру мстительностью подумал Далхаддин. — "Сейчас Духи Пустыни раздерут эту горгулию-переростка на тысячу клочков!"

Но стоило *призванным* существам появиться в семи огненных кругах, зажженных волей, магией и словом Кадика ибн-Самума, Далхаддин понял, насколько он ошибался.

Эти существа не будут делать различий между своими и чужими.

Обрыв

Взгляд мэтра Карвинтия рассеянно скользил по неопрятным, неровным кучам песка, которые он снова и снова раскидывал сведенными судорогой руками. Где-то здесь должно быть сокровище… он знает! Он помнит! Оно блестело и переливалось всеми цветами радуги! Ну же, где оно?

Ползающий на коленях человек натыкался на лошадиные ноги — животные, страдающие от жажды, толкали его мордами, просили пить, легонько покусывали за одежду, но Карвинтий оставался глух к их просьбам. Проклятые приставаки! Они мешают ему отыскать сокровище! Ну же, оно должно быть где-то здесь?

Алхимик разбросал угли давно потухшего костра, принялся по-собачьи раскидывать песок… Ему показалось, что песок стал чуть прохладнее, чем был раньше? Ах да, ничего удивительного — вечер, закат, зима… Карвинтий утер со лба пот, хлопнул по морде очередную любопытную лошадиную морду, и продолжил раскопки.

Его рука внезапно задела какой-то металлический предмет. Что?!.

Быстрее… быстрее, он может не успеть! Быстрее! Задыхаясь, плача от жадности и скручивающего внутренности чувства пустоты, Карвинтий расширил яму, выцарапал из углубления бронзовую фигурку и прижал ее к сердцу.

Нашел… Мое сокровище… Теперь всё будет хорошо!..

Согревшись теплом живого человека, артефакт, сработанный мэтром Мориарти в далеком и загадочном Восьмом Позвонке, активизировался. Бронзовый скелетик смешно дернул ручонками, ножками, повернул голову… воззрился на Карвинтия провалами пустых, безжизненных глазниц, и закричал.

Он кричал пронзительно, на высокой, неизменной ноте, распространяя вокруг себя облако темной пыли. Лошади погибли мгновенно, они рухнули, как подкошенные, и темная пыль поглотила их тела.

Карвинтию повезло больше. Насытившись животной энергией, артефакт перекачивать ее в то существо, ради которого и был задумал великолепный, хотя и абсолютно безнравственный эксперимент "Алхимик в Пустыне" — в джорта. Полуящер-полугоргулья, почувствовав прилив сил, побежал еще быстрее, но ему требовалось еще кое-что, ему требовалось…

Воспоминание. Лошади, нанятые в Ильсияре, никогда не видели снега, не знали, что такое мороз и стужа, а значит, не могли насытить ощущением жгучего, убивающего холода

пересекающего ущелье питомца мэтра Мориарти.

Именно над воспоминаниями — а вовсе не над управлением погодой, — и экспериментировал глава Министерства Чудес Ллойярда последние дни перед отправкой в Эль-Джалад.

Больной, измученный страстями и жаждой мозг алхимика послушно выдал цепочку воспоминаний. Вот он, Карвинтий, трясется от холода, подпрыгивая в ледяной луже, он, обстреливаемый снежками школяров, он, десятилетний, закапываемый в сугроб сестрицей Любомартой… Он, рассматривающий изумительное, волшебное, искрящееся алмазными бликами, кольцо…

Жизнь у мэтра Карвинтия вышла не особо удачливой. Карьера у него не получилась, друзей он так и не завел, тетка с кузиной его терпели по необходимости…

Но одно несомненно — умер он абсолютно счастливым.

Артефакту "Холодное сердце", в отличие от бронзового малыша, участие человека, близкого контакта, контрольного слова для активизации не требовалось. Его даже госпожа Кёр, во избежание несчастных случаев, предпочитала активизировать с расстояния в несколько шагов, просто уронив на землю… Так что мэтр Карвинтий, рухнув безжизненной куклой и выронив из кармана драгоценность, всего лишь последовал ее примеру.

"Холодное сердце" разбилось, выпуская на свободу тонкую струйку рассыпающегося игольчатым инеем морозного дыхания. Вторую… третью… снежинки, вьющиеся пчелиным роем… снежную тучу… и жгучий, смертельный холод.

Гора Сфинксов

— Есть применение Ледяной Магии! — закричал один из младших кавладорских магов, по приказу мэтра Фледеграна *прослушивающих* Великую Пустыню.

— Мы нашли, где прячется мэтр Кадик! — буквально через секунду объявился у Горы Сфинксов Лотринаэн. — На северо-западе, почти у подножия Абу-Кват!

Телепортировавшийся одновременно с сыном эльф молча пригласил всех желающих следовать за собой.

Абу-Кват

— Ч-что за демоновы шутт-точки… — ворчала Напа, дрожа от холода. — Куд-дда это мы за-забрались?

Пронзительный, кинжальный удар ветра едва не стряхнул гномку вниз, заставив крепче вцепиться в скалу, вдоль которой пролегал их путь к сокровищу царя Тиглатпаласcара.

— Похоже на магию пространства, — прокричал Фриолар. — Видишь, где мы оказались?

Напа не рискнула посмотреть.

Обитая бронзовыми пластинами дверь открылась прямо на вершине Абу-Кват. Вернее, как подозревала гномка, даже еще выше. Сейчас, если бы гномка отважилась открыть глаза и посмотреть вниз, то она увидела бы крутые каменные склоны, исчерченные разноцветными пятнами рудных жил, хрусткий, слежавшийся снежок, забившийся в щели скал, а если посмотреть еще дальше, то можно было увидеть ущелье, которое они пересекали вчера днем, и Обрыв, и плоскогорье за Обрывом, и уходящие к горизонту желтые пески…

— Как нам удалось забраться так высоко? — прокричала Напа.

— Я же говорю — магия! Напочка ты, пожалуйста, не смотри вниз, а то испугаешься…

Проигнорировав предупреждение, гномка все-таки посмотрела под ноги. Под ее сапожками находился каменный выступ, карнизом нависающий над очередной пропастью. Ширина выступа составляла два с половиной локтя — очевидно, делался он в расчете на худощавых мумий… А ниже располагалась… раскинулась… разлетелась…

Посмотрев, как кружат над бесконечным склоном сдуваемые с горы пылинки, Напа тяжело вздохнула и сделала очередной шаг. Вперед, осталось недолго! Вперед, и ее заветная мечта осуществится!

— Что это? — вдруг крикнул Фриолар, показывая на ярко-оранжевую точку, вдруг показавшуюся в ущелье.

— Костер кто-то развел, — пожала плечиками Напа.

— Такой величины, что его видно даже отсюда? — уточнил Фри-Фри.

Гномка подумала. Почесала нос. И суровым голосом потребовала:

— Ну-ка, Фри-Фри, посторонись!..

Она с громким топотом, категорически призрев потенциальную хрупкость конструкции, по которой передвигалась, побежала к маячившему впереди входу в сокровищницу.

— Напа, ты куда?

— Если костер видно отсюда, — бойко отпыхиваясь, ответила гномка. — Значит, развели его не на верблюжьем топливе, а самом что ни на есть магическом! А если магам потребовался костер такой величины — то можешь съесть мою кольчугу, если он им понадобился для того, чтоб сосиски жарить!! Далия же

говорила, что рано или поздно магическая братия не выдержит, вот они и не выдержали!.. Бегом, Фри-Фри! Может, успеем!!!

— Но нам надо бежать в другую сторону! — закричал Фриолар, ускоряясь вслед за гномкой. — Нам надо обратно, спасать мэтра Вига! Он такой неприспособленный, такой оторванный от действительности… он же в какие-нибудь гадости вляпается, а потом опять под личность восточной национальности заколдуется!..

— Ну, нет! — прокричала гномка. — Я все-таки доберусь до сокровищ Тиглатпаласcара! Клянусь, если кто-то встанет на моем пути…

До входа в сокровищницу оставалось два тролльих шага.

— Если что-то попробует меня остановить!..

Вход был обрамлен гранитными плохо обработанными глыбами, среди которых скромно пряталась маленькая деревянная дверца.

Полторы дюжины локтей.

— Да если сам Великий Кузнец скажет: "Напа, вернись!"

Искателям древностей оставалось пройти дюжину локтей.

— Если даже сюда заявятся ваши, человеческие боги…

Шесть локтей. На каменный выступ опустилась птичка-невеличка и тут же с перепуганным писком выскочила из-под ног мчащейся Напы.

— И даже, если это будут пришлые демоны, охочие до моей души, — я всё равно найду свой клад!!!

Три локтя.

— Обо мне сложат легенду! Мои раскопки войдут в пособия для начинающих охренологов! Обо мне будут говорить: "Смотрите, вот идет та сама Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл"…

Остановившись у заветной двери, гномка перевела взволнованное, сбитое дыхание.

— ".. Та самая, которая прошла Великую Пустыню, отыскала сокровища царя и…" Фри-Фри, ты готов? — грозно спросила Напа. — Давай, придумывай обо мне что-нибудь умное и возвышенное! Я пришла, отыскала и…

С помощью кирки Напа поддела дверцу, та скрипнула и развалилась на отдельные рассыпавшиеся от времени деревяшки.

Два взволнованных до глубин души исследователя ринулись в полускрытое сумраком нутро сокровищницы.

— Не поняла? — жалобно протянула Напа некоторое время спустя.

Далия спускалась по казавшейся бесконечной лестнице,

вырезанной в толще скалы. Волшебный кристалл, свет которого выхватывал из темноты ближайшие камни, клочья паутины, следующую ступеньку, она держала в руке, как масляную лампу.

— Между прочим, — шепотом объявила Далия макроэргической реальности вокруг, — У людей весьма часто встречается клаустрофобия. От страха оказаться раздавленным или задохнувшимся, у клаустрофоба начинаются перебои дыхания, паника, плюс повышается общая бессмысленность поведения. Как у меня, например… Главное, не останавливаться. Если я остановлюсь и застыну на этой бесконечной лестнице, я рискую стать жертвой очередной трехголовой рептилии… Или даже агрессивно настроенной мумии…

Позади, на верхних ступенях лестницы, послышались шаги. Далия нервно обернулась, замахала кристаллом, силясь различить хоть что-нибудь в окружающем ее мраке, и тихо спросила:

— Фри-Фри, это ты?

Ответа не последовало.

— Госпожа Ханна?

— Нет, — ответила мэтресса сама себе. — Это мне послышалось. Успокойся, паникёрша, всё будет хорошо. Эпхацантон сказал же, что путь безопасен.

— Да? — возразила другая Далия, перепуганная до колик в желудке, — Додумалась, верить мумии! А где твой извечный страх перед нежитью?

— Здесь я, здесь! — закричала очередная часть Далии. Та самая, которая сейчас нервно ощупывала очередную паутину и, придерживаясь за шершавую стену, перебиралась со ступеньки на ступеньку. — Выпустите меня отсюда-ааа!

— Прекратите орать, истерички! — завизжала алхимичка во весь голос. — Как говорит Клеорн — спокойствие, исключительно спокойствие! Все будет хорошо!

— Действительно, уж куда лучше, — согласилась самая разумная часть Далии. — В крайнем случае, буду коротать своё посмертие, изучая быт и заблуждения древних гиджийцев. Придворные Эпхацантона будут фиксировать мои монографии, а залётные археологи и расхитители гробниц — передавать их в Талерин, издательство Университета… О боги, до чего же страшно! Может, повернём обратно?

Соблазн отказаться от долгожданной цели был, но в силу природной взбалмошности, а может быть, и благодаря воспитанными Алхимической Наукой скрупулезности, аккуратности и настойчивости, мэтресса продолжала двигаться вперед.

Ей показалось, или действительно воздух стал еще более прохладным? И каким-то… как же правильно сказать… вольным?

Рука, ощупывающая стену, провалилась в пустоту. Далия нервно облизала пересохшие губы и выше подняла свой импровизированный светильник.

Спустившись с лестницы, алхимичка рискнула сделать еще несколько шагов и увидела огромную мраморную голову.

Она выплывала из темноты — то нос, то часть щеки, то исполинский глаз, обращенный в никуда, то окладистая, уложенная ровными кольцами борода… То кончики крыльев…

Наткнувшись на едва живые, чудом не рассыпавшиеся в прах, деревянные перильца, Далия выяснила, что вышла на некую галерею, кольцом опоясывающую большую пещеру. Она повела кристаллом из стороны в сторону — и, о чудо! Вдоль галереи стали зажигаться вязь древних заклинаний.

— Надо скопировать, — решила Далия. — Фри-Фри меня убьет, если я не дам потешиться ему над расшифровкой этих закорючек!

Но вместо того, чтобы достать блокнот и прилежно перерисовать иероглифы, она двинулась дальше.

— Это должен быть Тиглатпалассар, — бормотала сапиенсологиня. — Нет, это действительно должен быть он! Крайне маловероятно, чтобы здесь стояла чья-то другая статуя…

Колосс следил за передвижениями алхимички мертвыми, пустыми глазами.

— О боги, — тихо ахнула Далия, спустившись чуть ниже.

Величественный царь, облаченный в застывшие неподвижными складками мраморные одежды, стоял на небольшом постаменте, вытянув вперед левую руку. Он действительно был крылат — древний скульптор постарался, изображая за спиной правителя размашистые крылья, ремни, которые удерживали летательную конструкцию на теле человека, — и вторые крылья, которые принадлежали сидящему у ног Тиглатпалассара сфинксу.

Статуя казалась незавершенной — по крайней мере, мэтресса подумала так из-за того, что на скульптуре не было золотых и драгоценных украшений, являвшихся непременным атрибутом проводов в загробную жизнь. Всего-то золотые блестки на ошейнике сфинкса — у того же Эпхацантона даже у придворных наплечные украшения богаче, не говоря уж об охотничьих леопардах…

Всё золото древнего царя Империи Гиджа-Пент было потрачено на постройку Золотого Города. Бесконечно прекрасного города, где улицы выложены золотыми слитками,

крыши домов покрывает золотая черепица, а сами жилища выстроены из золотистого камня. Города, где поднимаются к небесам золотые деревья, увенчанные тончайшими ажурными золотыми цветами; где шумят золотые птицы, где шумят золотой прохладой фонтаны, где воды реки переливаются бесконечным золотым потоком…

Он был бесконечно прекрасен, этот Золотой Город, располагающийся в огромном стеклянном шаре, который удерживал царь Тиглатпаласcар на вытянутой руке.

Далия не смогла сдержать сдавленного смешка. Так вот в чем дело! Вот он, город из золота! Действительно! Натурально! В полном смысле слова — здесь даже кирпичи и кучки, оставленные собаками, сделаны из благородного металла!

Вот только никто не предупреждал, что это потайное сокровище будет трех локтей в диаметре.

Хихикающая, донельзя довольная собой, Далия вытащила блокнот и огрызок карандаша и принялась копировать надпись, сделанную на постаменте. Сказать Фриолару — не поверит! Эх, как пожалеет охваченная копательной манией Напа Леоне, что не увидела подобное чудо собственными глазами!

А ты, Тиглатпаласcар, оказывается, ох как не прост! Ну, удружил! Ну, учудил!

Сбегав вниз, к постаменту и скопировав иероглифы там, Далия вернулась на ступеньки, ведущие к галерее, и принялась снова рассматривать Золотой Город, убеждаясь, что он манит, завораживает, очаровывает. Он настолько правдоподобен, что хочется хотя бы на пять минут очутиться на его улочках, посидеть под сенью садов, поговорить с людьми, застывшими на порогах своих домов, напиться водицы из его колодцев. Золотой Город так прекрасен, что хочется прожить остаток жизни, присев на край обрамленного золотой плиткой фонтана и любуясь ярко-оранжевым закатом, на котором горела одинокая золотая звезда. Выстроенный в стеклянной сфере идеальный город был великолепен, как мечта…

Она поднялась наверх, к галерее и остановилась, не в силах попрощаться с великолепным зрелищем.

— Привет, — едва слышно прошептал кто-то над ухом Далии. — Ты не представляешь, как я рад нашей встрече!

XV. Вперед, к победе

Вольно раскинув крылья, грифон парил над ущельем. Не слишком высоко — всего лишь на высоте расколотых, потерявших остроконечные шапки пирамид. Внизу мелькал панцирь Золотого Жука, время от времени среди туч поднятых соревнующимися существами пыли виднелась крона упрямого дерева, спины лошадей, темный от пота мех разнообразных животных… Рыжик спустился чуть ниже. Теперь он слышал громкое дыхание своих конкурентов. Да-да, конкурентов — в какой-то момент гонки по Пустыне Рыжик понял, что играть с ним никто не собирается. Хорошо еще, что не съели, хотя сфинкс несколько раз порывался. Где он, кстати сказать?

Грифон чуть шевельнул крыльями и хвостом, меняя направление полета.

Это движение спасло ему жизнь.

Размахивая крыльями, будто хотел разрезать нависшие над ущельем тяжелые свинцовые облака на куски, сфинкс бросился на вожделенную добычу. В ход были пущены все средства — и острые когти, и тяжелые лапы, и гибкий львиный хвост… и пятеро дружков, поднявшихся в воздух следом за главным охотником.

Удар сверху! В правый бок! В глаз! Когтистая лапа рвет тонкую, нежную кожицу носа! Удар!

Почувствовав тяжесть, резко опустившуюся ему на спину, грифон резко «нырнул» вниз, на лету изогнувшись — так, что на краткое мгновение оказался летящим вверх животом. Давящая тяжесть сменилась сильнейшей болью — атаковавший сфинкс счел необходимым вцепиться когтями в шкуру хитрой добычи, но ему не повезло — с возмущенным шипением тварь рухнула вниз.

Я победил!

Издав пронзительный крик, грифон бросился на следующую добычу. Удар лапой, еще удар — и резкий выпад клюва. Второй серо-рыжий дикий сфинкс захлебывается собственной кровью и выбывает из дальнейшей драки. Знай наших! Трепещите, твари, грифоны в небе!

Забывшись от счастья, Рыжик пропустил тот миг, когда четыре оставшихся сфинкса развернулись и сообща бросились на него.

Атака была идеальной — сверху, снизу и сразу на оба крыла. Правое тут же откликнулось едкой, вкрадчивой болью, левое удалось спасти от лап нападающего — лишь посыпались вниз черные, с рыжими пятнами, перья. Грифон извернулся — но его

снова зажали атакующие кошки. Отчаянно заработал лапами, отпихивая врагов. Удар клювом, удар хвост, удар крыльями — удар, еще удар!

Клубок из пяти отчаянно сражающихся животных с шумом ударился о каменную стену. Пирамида? Долгожданная Абу-Кват? Какая разница! Сфинксы, раззадоренные тем, что какой-то чужак посмел вторгнуться в их земли, были исполнены ярости и желания покарать нахала; Рыжик был просто молод — а может быть, сказалось детство, проведенное под чутким присмотром мэтра Вига, а не в родной грифоньей стае?

Так или иначе, они дрались, раздирая друг друга одинаково когтистыми лапами, наседая на врага плотным, мускулистым телом, демонстрируя чудеса кошачьей ловкости и почти человеческой сообразительности. В какой-то миг крылатые кошки застыли, уцепившись когтями в каменные обломки, грозно зашипели, прижимая уши к круглым головам и заново оценивая противника. Почти одинаковые размеры, почти одинаковой длины лапы, почти одинаковой остроты когти…

Люди всегда ненавидят тех, кто отличается от них лишь самую чуточку.

С какой стати сфинксам поступать иначе?

Издав грозный львиный крик, предводитель стайки пустынных сфинксов бросился в атаку. Грифон ответил пронзительным орлиным клекотом, встал на задние лапы, балансируя крыльями, и рванулся вперед, к победе.

Или к смерти.

Львиный Источник

Впервые за долгие годы военной карьеры Октавио Громдевур слышал, как «работают» боевые заклинания. Серый туман портала расступился с едва заметным жужжанием, как будто где-то рядом роились пчёлы; потом — надсадный вой и жуткое ощущение давления в ушах, как будто нырнул и забыл выбраться из темной глубины…

Взбудораженный звуками боя, конь генерала сделал «свечу»; всадника толкнули слева, справа…

Походный порядок, который сохранялся у Горы Сфинксов, нарушился в одночасье. Заставив коня уйти от столкновения, Октавио оглянулся по сторонам, оценивая местность — земля неровная, разнокалиберное каменье под ногами — рыцарям придется тратить драгоценные секунды, чтоб разглядеть, какие кочки попадутся под лошадиные копыта; ах, жаль, мало пушек взято! Сюда бы не полдюжины, а полную батарею…

— Арбалеты — рассредоточиться! — закричал Громдевур,

указывая на полуразрушенное сооружение. — Пики — на правый фланг! Гномы — на левый! Где маги?! Где, их козью мамашу, маги?!!

Генерал не успел договорить: его вдруг закружил вихрь, приподнял, и протащил несколько шагов в сторону

— Каких демонов, вашу мать, мажья сила, вы меня колдуете?!! — заорал вышедший из себя Октавио, когда магия доставила его к пригорочку, на котором обосновались эльф, мэтр Виг и Фледегран. Краем глаза генерал заметил, Лотринаэн, покинув старших мэтров, летел по направлению к рыцарям — открывать для них экстренный телепорт.

— Выбирай любого, — не слишком внятно ответил Виг, небрежно указывая в сторону.

Октавио посмотрел на противника — старик эльджаладец, вредный хрыч Кадик-Ветер-Со-Свистом, стоял за полуразрушенной беседкой, отгороженный от готовой к атаке армии полукольцом огненных столбов. "Что за хрень," — подумал Громдевур, вспоминая всё, что когда-либо слышал или видел относительно применения Первого Начала во время войн. На "Огненную Стену" (58) не похоже, для обычного драконьего плевка… как-то уж слишком аккуратно. Внутри огненного «языка» крутилось какое-то существо — неужели саламандра? Каких же размеров должна быть магическая тварь, чтобы… чтобы…

Самый маленький огненный столб раскрылся, как цветок, и из его недр выскочило большое, величиной с крупного верблюда, создание. Оно было подобно волку, змее и ящерице одновременно, оно казалось увечным и неправильным, оно было угольно-черным и ярко-оранжевым, как сполох, — и оно с бешеной, неестественной для обычного животного скоростью бросилось на выходящих из телепорта гномов, рассыпая за собой огненные искры.

— Ложись! — вырвалось из груди Октавио. Он сжал поводья, будучи готов лично броситься и довести приказ до каждого из стоящих на левом фланге воинов, — однако, понимая, что никакое волшебство не позволит ему остановить мгновение, мог только в бессильной ярости следить за тем, как страшная огненная тварь раскидывает небрежными ударами его войско.

— *Лот! Риэ!!* — донесся до Громдевура крик эльфа.

Лотринаэн не услышал — он оказался ближе всех прочих магов к источнику опасности и не собирался упускать шанс. Лиловая мантия полуэльфа мелькнула на фоне огненно-угольного Зверя, потом…

Потом была ярчайшая, ослепительно-белая вспышка, от

которой у всех людей, собравшихся вокруг Львиного Источника, на секунду на секунду пропало зрение, — и жуткий треск, похожий на близкий раскат грома.

Свинцовая изнанка небосвода полыхнула отсветом молнии; кто-то закричал, тощая фигура Лотринаэна куда-то исчезла; когда же к Октавио вернулось зрение, он увидел, как огненный монстр сцепился с другим — темно-бурым, изрядно увеличенным подобием горгульи. Чудовища сшиблись, оглашая окрестности Львиного Источника пронзительными воплями и рычанием, покатились по каменным обломкам, разрывая друг друга на части…

— Силён, скотина ллойярдская, — с грустной ноткой зависти и признания чужих заслуг, прошептал Виг.

— Дед, колдуй мне что-нибудь посмотреть, кто там жив остался, — потребовал Громдевур. Так как старый маг просьбу проигнорировал, Октавио перехватил за шиворот Фледеграна и повторил свой приказ.

— Я и не предполагал, что Мориарти сумеет вложить в него столько маны, — вместо того, чтобы послушаться, прошептал придворный маг. — Этот джорт настолько силён…

— Даже слишком, — положил конец дискуссии Пугтакль. Эльф повернулся в сторону темнеющего Обрыва, прищурился и спустя секунду указал на что-то, доступное лишь его совершенному зрению: — Он там!

— К Обрыву!

— К Абу-Кват!

— Отступай!

— Держись!..

— Стоять!

— В атаку!..

— Держи оборону!..

— А-аа…

— Дед! — Октавио поймал за шиворот мэтра Вига, — Немедленно объясняй, что происходит, или я задушу тебя к ядреным демонам!.. Долго ли нам ждать, когда вы расплющите Кадика в лепешку?

Виг посмотрел на него строго, как учитель на провинившегося ученика:

— Не погань язык, служба, а то *они* услышат — мало не покажется.

— Да кто — *они?* — взревел генерал.

В этот момент пять малых огненных столбов раскрылись и выпустили огненных…

— Демоны, — вдруг понял Октавио. — …..его… через… и…,

этот псих призвал демонов! А вы говорили, что будет ледяная баба!

Вместо ответа Виг вытянул руку и показал генералу мелочь, которую тот, увлеченный созерцанием огромных уродливых монстров, покрытых коркой спекшейся лавы, скалящих огромные зубы и выплевывающих рёв неимоверной мощи, не заметил. Над руинами Львиного Источника и обломками пирамид кружился поток снежинок.

— Осталось только выяснить, на чьей стороне играет Кёр.

— Генерал, — подоспел мэтр Фледегран, — не в моих правилах вам советовать, но по-моему, сейчас самое время командовать отступление.

Ильсияр

Зачарованная волшебниками из Хетмироша стена во дворце судьи Раджа скрашивала унылые однообразные дни хозяина дома. Теперь, когда начались состязания существ-претендентов, Радж был готов сидеть около нее днями напролет, наблюдая за великолепными животными и удивительными растениями, силой колдовства способных передвигаться по камням и песчаным барханам. Заботливые маменьки никогда не отпускали Раджа больше, чем на дюжину лиг от дома, да и то — в сопровождении многочисленных слуг, дядюшек и себя лично; потому-то мальчишке и мечталось хотя бы одним глазком посмотреть на Великую Пустыню, узнать, какие секреты и тайны она хранит. Иногда он представлял себя верхом на великолепном скакуне, мчащимся сквозь пески и время, сражающимся с чудовищами и наказывающим какого-нибудь злодея…

Мириться с однообразным существованием, разделенным между уроками и попытками вникнуть в судебные разбирательства господина Иолинари, Раджу помогало весьма здравое для восьмилетнего мальчишки соображение, что злодеев не существует — они все благополучно побеждены великими героями древности.

Открытие, что его старый знакомый, и даже дальний родственник (кажется, со стороны четвертой маменьки), господин Кадик ибн-Самум, оказывается, и является таким злодеем, было для Раджа как дождь среди засухи.

Сжавшись в комок, обнимая невесть откуда взявшегося кота, Радж расширившимися глазами от страха следил за тем, что происходит сейчас в Пустыне.

Около шестидесяти существ-претендентов упрямо продолжали бежать по маршруту, который им объяснили их создатели. Они прошли середину пути — добрались до Абу-Кват,

повернули к Старому Руслу Дхайят, и со всей скорость врезались в гущу невесть откуда взявшегося сражения.

В первый момент Раджу показалось, что воины в серых мундирах, с черно-золотистыми эмблемами на плащах, специально поджидали магических тварей — и он велел позвать господина Иолинари, чтоб тот разобрался, кто и ради чего осмеливается вмешиваться в ход состязаний, которым патронирует, как уверял дядя Кадик, сама Судьба. Но через несколько минут, хорошенько всмотревшись в хаос, царящий в ущелье, мальчик понял, что не всё так просто. Вид Кадика, читающего заклинание перед огненными столбами, точно соответствовал картинке, виденной Раджем в одном старом свитке; а стоило появиться уродливым монстрам, похожим на оживший огонь, свирепым и страшным…

— Это же демоны, — прошептал господин Иолинари, который, оказывается, пришел на зов своего начальника и стоял рядом, бледный и покрывшийся холодным потом.

— Мне кажется, мы должны кому-то сообщить. Вызвать войско из Омара. Или что полагается делать в подобных случаях? — попросил Радж совета.

— Мы должны известить эмира, но… Но, господин, как вы не понимаете? Ведь вы же судья Ильсияра!

— Мне об этом восемьдесят раз в день напоминают. И что?

— Получается, что виноваты в том, что старый Кадик сошел с ума и вызвал этих чудовищ — вы! Вас же накажут, господин!

Радж перепугался так, что даже нашел в себе силы оторваться от волшебного зрелища. Посмотрел на Иолинари, разом постаревшего на полсотни лет, на застывших в панике слуг, с открытыми ртами следящими за тем, как мечутся по Пустыне твари и люди, на кота — откуда он здесь взялся? Черно-Белый Кот, наряженный в смешные и одновременно вполне соответствующие духу момента доспехи, сурово посмотрел на мальчика золотыми глазами.

— То, что последует после, не столь важно, господин Иолинари, — справившись с приступом страха, сумел ответить Радж. — Если Кадик ибн-Самум призвал демонов, повинуясь велениям Судьбы, ни Ильсияр, ни ближайшие деревни всё равно не сумеют избежать своей участи…

Господин Иолинари, казалось, покрывался сединой и морщинами на глазах. Он коротко поклонился судье и убежал выполнять приказ. Сам Радж обнял Кота покрепче, — тот уютно зарокотал, одновременно грозно и успокаивающе, — и продолжил наблюдение за Пустыней.

Слуги метались по дворцу, то ли собирая вещи, то ли грабя

бывшего хозяина; из женской половины дома спустя несколько минут донесся громкий визг, возвещающий, что маменькам и их служанкам тоже передали о разговоре, который состоялся между сиятельным судьей и его помощником. Отгородившись от людской суеты стеной из подушек, Радж напряженно следил за тем, что происходит у Львиного Источника.

Обогнавшие Золотого Жука скакуны врезались в неровные ряды воинов, заставив их то ли испуганно, то ли сердито выругаться и повернуться лицом к набравшим на открытом пространстве ущелья существам-претендентам. Грозный и мощный, как ослепший слон, поток пушистых и чешуйчатых спин натолкнулся на выставленные копья; верткие лисы, хорьки и прочая мохнатая мелкота рванула вверх, по панцирям и каскам пикинёров. Последний принимающий в гонке верблюд упал с пронзенной шеей. Птицы отчаянно работали крыльями, стараясь подняться как можно выше над сошедшими с ума людьми и не-людьми, вовлеченными в битву.

Вот только — где враг? Он со всех сторон и нигде конкретно…

Самоходное дерево фносских друидов врезалось в ряды воинов, раскидывая мощными ветвями всех подряд. Оно прорвалось в первые ряды атакующих (или обороняющихся?) серых мундиров, выскочило на открытое пространство, еще сохраняющееся между Кадиком ибн-Самумом и армией, и запылало, подожженное искрами, разбрасываемое одним из демонов… Раджу показалось, что дерево кричит от боли и страха, но он не смел зажмуриться, опасаясь пропустить решающее событие, способное вызвать перелом в ходе битвы.

Битвы? Педантичный Иолинари назвал бы происходящее хаосом.

И он был прав. Всё смешалось — люди, лошади, гномы, звери, огненные искры, раскаленные пушечные ядра, клубы пороха, сполохи молний, черный дым, песчаные статуи, вдруг вырастающие между сражающимися и опадающие фонтанами сухих брызг; валуны, покатившиеся от легкого удара демонического существа…

Тускло светящийся панцирь Золотого Жука вдруг возник на левом фланге рассеявшейся по ущелью армии. Или..? Радж прищурился и, еще раз всмотревшись в фигуры, окружающие иберрского чемпиона, понял, что ошибся. Это были гномы — плотно сомкнув ряды и прикрываясь тяжелыми щитами, они ровно, как единый организм, наступали на отброшенного в их сторону скачком джорта волко-змееподобного демона. Железноголовые коротышки двигались столь быстро, что

существо-из-другого-мира не успело отреагировать на их приближение — а может быть, было ранено резким движением ллойярдской твари. Какая разница? Через несколько секунд по ущелью, разбрызгивая огненные брызги, покатилась его уродливая голова, заставляя людей — отпрыгивать, а рыцарей — натягивать поводья лошадей.

Настоящий Золотой Жук появился… Кот даже зашипел от удивления, и Радж последовал его примеру, издав протяжное «О-оо»… Жук появился сверху. Раскинув жесткие надкрылья и балансируя прозрачными крыльями (которых вполне хватило, чтобы прикрыть от песчаной бури всех обитателей дворца судьи Раджа), гигантское насекомое каким-то чудом преодолело четверть лиги, разделяющие Львиный Источник и ближайшую к месту сражения разбитую землетрясением пирамиду. Возможно, создатели Жука задумывали что-то другое, но их творение сумело обмануть всех и вся, добравшись до разрушенной мраморной беседки и рухнув на одного из демонов.

Брызнувшие в разные стороны капли лавы долетели до неподвижно стоящего Кадика, опалив его одежду; серым мундирам тоже перепало изрядно. Сам Золотой Жук, должно быть, обезумел от боли (хотя Радж искренне не знал, могут ли волшебные создание чувствовать хоть что-нибудь) — его роскошный панцирь наполовину оплавился, насекомое лишилось двух ножек, и теперь ползало кособоко и быстро, подкашивая щелкающими жвалами всё, что попадалось на его пути…

Прибежала маменька, за ней вторая, третья и четвертая. Собравшись полным квартетом, они загалдели над головой Раджа, мешая ему следить за ходом сражения и морально осуждая друг дружку за то, что "ты посмела взять мои жемчуга, бесчестная воровка! — Лучше вспомни, как ты наговаривала на меня нашему мужу, ехидна!"

Радж крепче прижался к Коту, на что тот недовольно мявкнул, и продолжил всматриваться в хаос сражения. В какой-то момент мальчику показалось, что воздух над полем битвы затянул белесый туман… Тут его стали тянуть в разные стороны маменьки, убеждая друг дружку, что именно она и никто иной больше всех любит их единственного ребенка, наследника и продолжателя подвигов папеньки на почве управления Ильсияром и окрестностями, и что она спасет сиятельного Раджа во что бы то ни стало…

Кот ловко царапнул одну женскую ручку, тянувшую мальчика, укусил вторую и испугал пикой своей каски третью. Маменьки погалдели еще немного и убежали спасаться.

Мама осталась. Она упала рядом с Раджем на колени, обняла его крепко-крепко — мальчик не стал отстраняться, позабыв о том, что считает себя взрослым и сильным, способным справится с неприятностями, — и заплакала.

Львиный Источник

К генералу подтолкнули одного из младших магов, отобранных мэтром Фледеграном для сопровождения отряда по Пустыне, и военачальник наконец-то смог не только следить за ходом битвы, но и отдавать приказы. Пока их потери были не велики — кто бы ни выпустил целую толпу зверушек за спины обороняющейся от вызванных Кадиком «союзников» армии, он знал, что делал. Демоны погнались за мельтешащим, кричащим и беспорядочно снующим зверьем, а людям и гномам только и осталось, что следить за тем, как бы не попасться с разверстую пасть или под огромные когтистые лапы…

И снежная ведьма, присутствием которой Громдевура пугали старшие маги, появилась пока что исключительно в виде едва различимой снежной метели. Тем лучше.

Кавладорцам везло, что называется, как утопленникам. Буквально только что левый фланг кратким радостным "Ура!" ответил гибель первого демона — гномы, сумев подсечь ему лапы плотно сомкнутыми щитами, повалили и то ли отрубили, то ли каким-то другими образом избавили чудище от головы. Неправильной формы череп огненным колесом прокатился через поле битвы и исчез из виду.

Тот, первый демон, был самым маленьким. Пятеро существ, появившихся из огненных «коконов» чуть позже, были еще крупнее и уродливее. Одно было похоже на приземистую, кривоногую лошадь, другое — то, на которого свалился Золотой Жук, напомнило Громдевуру непропорционально вытянутого медведя с головой пустынного варана, третий был похож на ядовитую сороконожку, четвертый — на полураздавленную жабу… Пятый демон сцепился с джортом, отшатнулся от исполненного яростью противника, и закружился огненным смерчем.

Магические деды, в смысле, мэтр Фледегран и мэтр Виг что-то шептали, стоя рядом, вцепившись в своих посохи и время от времени рявкая короткие приказы суетливым ученикам. Эльф… Октавио коротко оглянулся, пытаясь увидеть, где сейчас находится мэтр Пугтакль. Вместо этого он увидел, как «медведя» атакуют рыцари — позаимствовав у пикинеров длинные копья взамен, те теснили тварь в сторону… Куда?! Ах, вот оно что!

Залп из аркебуз, почти потерявшийся в воплях и грохоте,

издаваемых собравшимися у Львиного Источника существами, Октавио заметил по ошметкам кожи и фонтанчикам крови, отлетевшим от монстра. Ура! Молодцы!.. Так его!

Что за…

«Медведь» заревел, встав на дыбы, тряхнул вараньей головой, беспорядочно и слепо замолотил лапами, выбивая из рук всадников копья…

— Он еще жив, — сообщил мажонок.

— Сам вижу! Твою мать, чего стоишь, колдуй! Отвлекай его! Колдуй…….,скорей, чтоб вас всех…

Кто-то из рыцарей попытался добить бушующего демона и, подъехав ближе, с усилием послал увенчанный стальным лезвием обломок копья ему в грудь. Оружие отскочило от плотной огненной кожи (или все-таки чешуи?) монстра и мгновенно сгорело, падая наземь. Демон обернулся, повел лапой, зачерпывая смельчака вместе с завизжавшей лошадью, отбросил обоих на несколько тролльих шагов в сторону, издал громогласный рёв и бросился в бой.

Напав на неизвестно откуда появившегося огромного глиняного «человека». Колосс был ростом с четверть пирамиды, еле двигался, постоянно осыпался комьями влажной глины и сухими горстями гравия; волшебное творение продержалось всего три четверти минуты, после чего рухнуло бесформенной грудой, увлекая за собой увязшего лапами демона.

Залп! Четыре ядра — мимо, еще два попали «медведю» в бок, разбрызгивая ошметки плоти и темную кровь. Октавио сжал мажонка за плечо и заорал приказ: гномов туда! Гномов, пока тварь не очухалась и не поднялась на ноги!.. Быстрей!

Перед мордой силящегося подняться «медведя» вспыхнула ослепительно белая шаровая молния. Как раз в этот момент кому-то из арбалетчиков повезло попасть демону в морду, тот дернулся и буквально наскочил на полыхающий энергией электрический разряд.

Белое пламя охватило голову монстра, и тот, издавая пронзительный вопль боли, отчаяния и ярости, бросился бежать… Как будто бешеная скачка в глубь Пустыни могла спасти его от пожирающего плоть и высушивающего кровь магического огня.

Кавладорцам снова повезло — ослепший демон повернул в сторону песков, а не в гущу сражения.

— Есть второй! — обрадовался один из учеников мэтра Фледеграна. В ту же минуту безусый юнец, еще не сменивший черную ученическую мантию на лиловую — волшебного мэтра, и взятый в поход исключительно ради того, чтобы накачивать концентрированной маной наставника, охнул, побледнел, и упал

замертво. Октавио коротко глянул — на шее юнца красовалась медленно расцветающая алой кровью рана. Кто стрелял? Откуда?

А, привет от «жабы»…

Гномы — щиты сомкнуть! Пикинерам приготовится! Боевое построение! Держать линию! Медленным шагом — приготовиться…

Но прежде, чем генерал скомандовал сосредоточить удар по центру, там, где обосновалась уродливая толстуха-"жаба", разевающая пасть и изрыгающая то ли иглы, то ли ядовитые плевки, ее смял бело-огненный вихрь.

Демоны сцепились, закружились, поднимая тучи пыли и круша сильнейшими ударами всё подряд. Позабывшие обо всем, кроме схватки и собственной злобы антагонисты налетели на Золотого Жука, и теперь в большую драку было вовлечено сразу три существа… нет, четыре — они налетели на «сороконожку»! Получай, тварь! Нет, их пятеро — из клубка сражающихся тел гибко выскользнул джорт, заскочил на торчащие в темные небеса колонны теперь уже окончательно разрушенной беседки и хрипло заклекотал, торжествуя победу.

Громдевур автоматически отметил, что существо поменяло цвет, став светло-серым, но не стал терять драгоценные секунды, размышляя о шкурах.

— Рыцарям и арбалетчикам — атаковать "лошадь"! — крикнул Громдевур. Пока ученик мага передавал приказ, генерал еще раз оглядел выбранную позицию. Условия почти идеальные — «лошадка» выбежала на относительно ровную площадку, значит, всадникам есть где взять разбег; от обломка пирамиды, где укрылись арбалетчики, три сотни локтей или чуть больше — значит, если повезет…

Везение кончилось — и Октавио был почти рад этому обстоятельству. Прожитая жизнь приучила его к мысли, что подлинная победа не дается легкой ценой. Вот и сейчас, увидев, как легко демонический «конь» расшвыривает атакующих его рыцарей, а те падают, как подкошенные колосья, Громдевур резко выругался, вскочил на коня и бросился туда, где застыли, силясь разобраться в скоротечном хаосе боя, пикинёры.

Вооруженные длинными копьями пехотинцы в стальных касках и панцирях перестроились в считанные минуты и выбежали к указанному генералу месту. Сомкнули строй и опустились на колено, готовясь отразить нападение огромного, полыхающего жаром противника. Октавио и еще двое рыцарей заехали вперед — дразня демона, заставляя его повернуть в подготовленную ловушку… Ну же, иди, тварь…Иди, ближе, ближе…

Когда до воплощения тактической хитрости оставались считанные шаги, «лошадь» вдруг совершенно уподобилась зайцу — присев на задние ноги-лапы, она выпрыгнула вперед, одним махом перелетев через ощетинившийся строй пехотинцев, и угодив…

В ловушку, любезно подготовленную мэтрами.

Все четыре ноги демонического «коня» разъехались в стороны, угодив в огромное болото. Существо заверещало, неприятно напомнив умерщвляемого поросенка, попыталось выбраться… потом… Октавио так и не понял, что произошло, но итог рассмотрел очень хорошо: на короткий миг огненного демона опутала черная блестящая лента змеиной шкуры, а потом «конь» начал задыхаться, темнеть шеей, визжать все тише и тише… Пока внезапно не рухнул в грязь, мгновенно превращаясь в гниющую тушу.

Появился Лотринаэн — в порядком подпаленной мантии, посеревший, уставший, злой. Полуэльф без слов толкнул к спешившемуся Громдевуру какого-то эльджаладца — молодого, лет двадцати четырех-пяти, круглолицего, коротко стриженного, в пропыленном халате, на вороте которого проблескивали серебряные звездочки. Что?..

— Я не хотел… — начал озвучивать оправдания Далхаддин-Улитка. — Поверьте, господин, я не хотел!..

"Ненавижу перебежчиков," — отразилось на угрюмом лице генерала. Октавио прищурился и, не тратя слов, рявкнул, помогая доходяге собраться с мыслями:

— Ну!

— О чем твой учитель договаривался с госпожой Кёр? — потребовал ответа подошедший мэтр Фледегран.

На лице эльджаладца отразилось удивление.

— С кем?

— Мы с тобой — два старых дурня, Фледегран, — заявил, приближаясь, мэтр Виг. — С чего ты взял, что Кёр вообще будет участвовать в этой заварушке?

— Но ты же сам говорил!.. — изумился придворный маг. — Ты сам уверял меня, что где веет холодком — это Кёр постаралась, и никто иной!

— А ты мне и поверил! — возмутился Виг. — Всего-то легкий снежок! Да разве она будет размениваться на такие мелочи?..

Октавио перевел взгляд наверх. Туча, так и висящая над головами людей, не-людей и демонов, напомнила ему о суровых стафодарских зимах, середину, допустим, месяца Кувшина, или месяц Восьминога, когда с севера, из Буренавии, приходят морозы, а с моря прилетают набравшие снежной крупы солёные

ветра…

Джорт снова завопил, хрипло и надсадно. Теперь он был уже не светло-серым, вдруг понял Октавио. Он был белым… ослепительно-белым… он будто светился изнутри… он горел, как ограненный алмаз, вобравший в себя все краски жизни… как магический кристалл, наполненный сжатой, сдавленной, рвущейся наружу энергией…

— Ложись! — закричал Лотринаэн, выбегая перед Октавио.

Крик повторили, подхватили, разнесли по ущелью.

Далхаддин упал вместе с воинами, рядом с хмурым кавладорским военачальником, инстинктивно прикрывая голову. Через долю мгновения он опомнился, рискнул приподняться и увидел, как ллойярдский чемпион выгнулся, запрокинув голову, вздыбив шипы и гребни — и лопнул от распиравшей его энергии.

Его тело разорвалось на клочки, на клеточки, на капельки воды — каждая из которых застыла мельчайшим кристалликом безжизненного льда. *Воспоминание* о принадлежности к той сущности, которой они принадлежали когда-то, наполнило лёд безмерной пустотой, одиночеством, морозом…

Бурлящая волна энергии холода хлынула от разрушенной беседки во все стороны, растекаясь по ущелью. В несколько мгновений льдинки облепили инеем располагавшихся в нескольких локтях монстров — их кожа треснула, разрываемая одновременно рвущимся изнутри пламенем и напирающей снаружи стужей; микроскопически ранки просочились неприятного вида жижей, которая тут же застыла, впитала в себя разрушительную энергию "Холодного Сердца"…

И уже изнутри принялась рвать демонов на части.

Бело-голубой обжигающе морозный взрыв, который последовал несколько секунд спустя, раскрошил в щебень остатки мраморной беседки, обрушил стену надколотой пирамиды, порвал на части Золотого Жука. Камень и мертвая плоть застучали по головам и спинам укрывшихся людей — Далхаддин видел бледные энергетические линии гигантского "щита Ариэля" (59), сотворенного магами-кавладорцами для защиты армии.

А еще он увидел искаженное усмешкой лицо своего наставника и огненный столб у ног Кадика ибн-Самума, продолжающий связывать землю и небеса — столб, обещающий прибытие еще более могущественного и величественного демона.

Пустыня на север от оазиса Диль-Румайя

— Ты уверен, что мы выбрали верное направление? — еще

раз уточнил Ньюфун у Оска.

Вернее, его высочества Роскара — теперь верзила именовал себя чужим официальным титулом, нимало не смущался и вел себя так, будто действительно был принцем. То есть — нахально, самоуправно и совершенно не считаясь с мнением солидных почтенных гномов.

В пользу его самозваного высочества говорил только тот факт, что Огги Рутфер, после того, как пришел в сознание, повел себя еще страннее. Он надувал верхнюю губу, фырчал, как кот, и царапал воздух рукой с поджатыми пальцами — типа кошачьей лапой. Именно Огги радостно поддержал идею Оска не ждать, как привязанные, у старой чинары приближения существ-претендентов, а переместится туда, где встреча с соревнующимися за право стать астрологическим Покровителем следующего года растениями и животными намного вероятнее.

Ньюфун абсолютным большинством голосов — своим и свинки-копилки — утвердил перемещение к Диль-Румайе. Там люди… В смысле, что можно будет спросить, что означают вспышки разноцветных молний над Пустыней, там маг, которого они наняли в Хетмироше, там, опять же, запасы воды… А то здесь уже кончились.

В итоге они быстрой рысцой передвигались по Пустыне, а существа-претенденты так и не спешили появляться.

Ньюфуна вместе с его громко хрюкающим артефактом нагрузили на ту лошадку, которая везла пушечку и четыре сумы с припасами. Теперь гном болтался на спине скакуна, мужественно игнорируя силу тяготения, и пользуясь любым поводом для того, чтобы завязать легкий светский разговор.

— Нет, но ты уверен, что мы выбрали верное направление?

— Абсолютно, — ответил Оск. — Мы идем по Старому Руслу реки Дхайят.

Гном посмотрел вокруг и убедился — в самом деле, дорога похожа на высохшее речное ложе.

— Нет, а почему тогда деревня не появляется? — пробурчал гном некоторое время спустя.

Оск промолчал. Огги поплевал на сложенную «лапкой» руку и принялся намывать несуществующие усы, громко и фальшиво подражая кошачьему урчанию.

Впереди шваркнула молния. Не успел Ньюфун подобрать поводья лошади — как, спрашивается, добраться до этих ременных веревок уважающим себя гномам?!! — как к молнии присоединились свист, грохот и поразительно похожие на панические вопли звуки.

— Что это? — строго потребовал ответа Ньюфун. — Никак,

сражение какое-то?

— Мы должны помочь им! — ретиво подскочил в седле Оск. Действительно, бросается в любую заварушку как чокнутый, ненормальный на голову принц Роскар! — Вперед, друзья! За мной!..

Он пришпорил лошадь и рванул на звуки боя.

— Так он точно никогда не найдет оазис, — заворчал Ньюфун. — Огги, ну, хоть ты скажи, как управлять этой копытной скотиной!..

— Мяу, — ответил, довольно улыбаясь, Огги и поспешил следом за Оском.

— Шпацех уэш, — выругался Ньюфун. Чтоб он когда-нибудь снова связался с людьми! Да ни за какие коврижки! И даже за все залежи нюра в мире!

Из-за скального выступа, по которому можно было подняться на плоскогорье и который отгораживал темное, затянутое свинцовыми тучами небо, опутавшее Абу-Кват, на путешественников дунуло морозцем и, что уж совсем удивительно, надвигающейся снежной бурей.

— А ну, тпру тебя! Тпру! — закричал Ньюфун лошади. Та, сволочь человеческая, конечно же, не послушалась.

Подгоняемые всадниками лошади Огги и Оска вырвались далеко вперед.

Обрыв

Слова с трудом пробирались сквозь пересохшее горло. Кажется, чего-то не хватало — он посмотрел на свои руки, отстраненно подумал, что раньше на ладонях было меньше царапин и ссадин, и снова прикрыл глаза. Всё сознание обратилось внутрь, к насыщенному поглощаемой из окружающего мира энергией, яркой зеленой дымкой заполняющей его астральные жилы…

— Мэтр Мориарти? — послышался голос за спиной.

Он не стал оборачиваться — ему отчаянного чего-то не хватало, но явно не посторонних зрителей. Сейчас бы развернуться, ударить непрошеного гостя посохом…

А, вспомнил. Не хватает посоха…

Но слова — такие привычные, повторяемые бесчисленное число раз, скорее идущие от сердца, чем слепо выученные — привычно складывались во фразы и приказы.

Он чувствовал *их*. Он с самого детства, всегда, чувствовал души умерших созданий, когда-либо обитавших в стенах домов, под корнями садовых деревьев, и с самого детства шокировал

своих давно забытых родителей и воспитателей общением с духами создателей старинных картин и антикварной мебели. Когда маги зацокали языками, впервые выражая восторг перед столь выраженной склонностью к некромантии, обнаруженной в юном ученике, Мориарти не был ни горд, ни разочарован — он просто позволил окружающим признать то, что давно уже выяснил сам: он не такой, как другие. Он лучше, умнее, талантливее — и, о боги и все демоны преисподней, он в тысячу раз сильнее самого сильного из них, потому что сумел прикоснуться к тайнам самой могущественной и значительной Магии — Магии Смерти!

Восстаньте, души мертвых, ибо такова моя воля!

Он раскинул руки, *чувствуя*, как прогибаются Астральные Сферы, откликаясь на его неистовое, жгучее желание… Вы думаете, что Мориарти можно сбросить со счетов?! Можно раздавить в лепешку кулаками глиняных тупых кукол?! Или запугать огненными монстрами?

Не выйдет! Они просчитались! Они не учли, что сами смертны!..

— Но ведь и ты тоже, — ответил нахал, осмеливающийся вмешиваться в обряд разъяренного гибелью с таким трудом и тщанием выпестованного питомца некроманта.

Энергетический поток, ласково, как солнечные лучи, согревавший ладони мага, вдруг прекратился.

Мориарти недовольно скривился и повернул голову.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в ваши заклинания, коллега, — с едва заметной иронией извинился эльф. — Я позволил себе данную бестактность исключительно чтобы выяснить, не желаете ли вы присоединиться к нашей компании там, — мэтр Пугтакль махнул рукой в сторону тяжелых туч, перечеркнутых огненной стрелой, — у Львиного Источника?

— Мне нет дела до твоих друзей и твоих занятий, эльф, — холодно ответил Мориарти. И развел руки, накапливая ману для грядущего ритуала.

Энергия и не подумала возвращаться.

— У меня есть подозрение, что Кадик ибн-Самум хотел убить именно вас, коллега. Знаете, я тут на днях пытался вспомнить, из-за чего вы с ним разругались…

— Этот самоуверенный выскочка всегда относился ко мне свысока! Как будто имел на это право!

— Он так ко всем относился — все-таки наследник тайн магов Пенталиакнос, тех, кто когда-то строил древние империи — ваши, человеческие, я имею в виду.

Мориарти заскрипел зубами. Как же ему не хватало

привычной тяжести нюртанговой цепи, позволяющей справляться с непроизвольными выбросами разрушительной энергии!

Ах, вот, оказывается, чего ему не хватало!

Покрытые царапинами руки Мориарти прошлись по плечам, словно желая убедиться, что цепь действительно потерялась в этих забытых богами безжизненных песках. Хмурое лицо, покрытое спекшимися потеками крови, исказила усмешка — наконец-то я посмотрю, какой мощи получится заклинание, если использовать *полный* ресурс Силы…

— Не надо, Мориарти, — повторил эльф. На этот раз Пугтаклю приходилось прикладывать усилия, чтоб не допустить рвущегося к запасам энергии некроманта к заветной цели.

— Что, испугался, остроухий?! — закричал Мориарти, тыча пальцем. — Тебе ведь нипочем не сладить с моей армией скелетов, а? А эти демонические твари, которых призвал Кадик — они ведь тоже смертны, верно? А когда вы их убьете, тут-то они мне и сгодятся… Смерть правит этим миром — а ею правлю я! — постепенно добавляя в голос громкости, ллойярдец уже кричал, захлебываясь розоватой пеной. — Кадик слишком увлечен мыслями о славе, о завоеваниях и возвеличивании собственной плюгавой персоны, чтобы понять, какие возможности открывает использование Магии Смерти! Для Хетмироша управление зомби и скелетами — всего лишь редко используемая, прикладная отрасль, а понять, какие еще возможности открывает управление вампирами, создание личей, прочих высших форм нежити — им не дано! Открыли мумифицирование три тысячи лет назад, и думают, что изучили все тайны Магии Смерти! Даже меня не пустили в свой некрополь!

— Ах, вот чем вы обижены… — догадался Пугтакль.

— Не очень-то я туда и стремился, — ответил Мориарти. — Что я, своих мумий не наделаю?

— Весьма любопытно будет посмотреть, — вежливо сказал эльф. Ллойярдец взглянул на него с подозрением:

— Ты заговариваешь мне зубы?! Ты пришел сюда, преследуя какие-то цели, и думаешь, что сможешь обмануть меня? Меня?! — голос Мориарти снова возвысился. Гнев придал волшебнику сил; он взмахнул руками, собираясь активизировать одно из бесчисленных заклинаний, хранящихся в памяти…

Тонкие, темно-зеленые до черноты побеги опутали ноги и туловище некроманта, добрались до плеч и распустились перед расцарапанным лицом Мориарти бледными ароматными цветами.

— Конечно, обману, — отозвался Пугтакль. — Почему бы, собственно, не обмануть, раз у меня настолько хорошо получается?

Ллойрдец не ответил — аромат Тьялтидосы усыпил его, и теперь великий некромант сладко посапывал, наблюдая в своем воображении картины жестокой и абсолютно заслуженной расправы над Кадиком ибн-Самумом.

— Уж простите, коллега, — на сей раз именование некроманта вышло у иберрского мага исполненным сарказма, — но воевать еще и с вами мы сейчас не готовы. Где же спряталась Кёр? Я чувствую, что заклинание, насытившее джорта холодом, было произнесено отсюда… Где же она?

Сосредоточившись на поисках, Пугтакль не забыл поблагодарить так выручившее его растение — Тьялтидоса довольно зашелестела венчиками звездчатых цветов, — усадить похрапывающего Мориарти под защиту камней и даже нашептать ему успокаивающих заклинаний, чтоб уж точно не пришел в себя до конца сражения. Потом эльф перелетел чуть дальше. В сотне тролльих шагов от места, где обнаружился ллойярдец, он отыскал мумифицированные останки двух лошадей и какого-то человека. Эльф задумчиво посмотрел на оплавившегося бронзового уродца, зачерпнул горсть песка со спекшимися в единое месиво когда-то волшебными кристаллами…

После чего хлопнул в ладоши, активизируя заклинание экстренного перемещения, и вернулся в окрестности ***Львиного Источника***.

Досчитав до двухсот и убедившись, что вредности ограничиваются кусками непонятно чего, беспорядочно летающими вокруг, Октавио отодвинул Лотринаэна в сторону и вышел вперед, оценивая итог колдовства. Так-с, визжащую тварь разорвало на кусочки, демону-"жабе" разорвало брюхо, вывалив на песок ледяные глыбы окаменевших от нестерпимого мороза внутренностей, того засранца, который изображал огненный вихрь, вообще почему-то не видно — трепыхаются то здесь, то там, чьи-то когтистые лапы… числом семь штук, что самое непонятное.

Морозный воздух обжигал лицо, над полем битвы роились, медленно оседая, белые снежинки… Ох, повеселились магические деды, ох, разошлись!

Ну что ж, поддадим жару!

— Добить его! — крикнул Громдевур, указывая на застывшего уродливой ледяной статуей демона-"сороконожку".

Рыцари — даже те, кто еще покачивался, некрепко держась в седле после ответной атаки демона, — развернули сопротивляющихся, грызущих удила коней и бросились на врага. Воинственные гномы поддержали инициативу, построившись

«молотком» и с уханьем пройдясь по останкам разорванных холодом созданий. Бородачи даже повизгивали от восторга, находя замечательным строго локализованное на месте разрушившейся беседки царство лютой стужи, и обменивались соображениями, найдется ли практическое применение подобному заклинанию в родном Триверне или Илюме.

Следом на первую линию возможной атаки выдвинулись пикинёры, и, что уж совсем ни в какие ворота ни лезло, аркебузиры. Увидев, как вояки пристраивают свои громоздкие (хотя, надо признать, весьма полезные) ружья на подставки, генерал рассвирепел:

— Куда, вашу мать, прёте?! Кто отдал приказ?!

— Далековато для точного прицела, — лихо ответил аркебузир, указывая на стоящего в полу-лиге или чуть дальше Кадика ибн-Самума. — Но мы попробуем добраться до этой клятой мумии…

— Не вздумайте! — вмешался оказавшийся рядом Лотринаэн.

Зн*а*ком попросив минуту на согласование деталей, генерал коротко, доступно объяснил самонадеянному вояке, что операцией командует он, и никто другой, и что при ближайшем случае он разберется, почему к нему в отряд взяли юнцов, охочих до подвигов, а потом потребовал объяснений у полуэльфа.

— Что ты имеешь в виду? Добить сушеного сморчка — и дело к ногтю!

— Я бы искренне не советовал вмешиваться в ритуал, пока он не закончен, — ответил Лотринаэн. Дернул острым кончиком уха. — В прошлый раз, когда меня отвлекли ваши вояки, дело ограничилось всего лишь перемещением-между-мирами, а сейчас… я не берусь даже предсказать, что будет, если вдруг Кадик утратит контроль над собранной энергией.

— Предлагаешь оставить его в живых?!.. — вспылил генерал. Он развернулся к волшебникам — те что-то напряженно обсуждали, застыв неподвижным островком среди бурлящих вокруг них вооруженных людей.

Мэтр Виг, закрыв глаза для лучшей сосредоточенности, сканировал огненный портал, пытаясь разобраться в сущности переправляющегося из другого мира существа.

— Что ты смог узнать об этом создании? Оно — маг? — уточнил Пугтакль, внезапно появившийся из клубов морозного воздуха, до сих пор гуляющих над руинами Львиного Источника.

— Что-то у него сложное с аурой, — ответил Виг. — Не разберусь, то ли оно умеет управлять чарами, то ли, наоборот, обладает устойчивостью к магии…

— Что ж ты взялся за то, чего не умеешь! — вспылил нервный, издерганный Фледегран.

— Иди, попроси специалиста! — кивнув на Кадика, сердито затряс бородой Виг. — Что умею, то и делаю! Тебя еще буду спрашивать!..

— Ну что, деды, вы с ним справитесь? — уточнил Октавио. «Деды» — особенно выглядевший красавцем, не достигшим тридцатилетнего возраста, эльф и его сын, — посмотрели на генерала, как на повара, смело заявившего, что в связи с атакой крыс на погреб главным блюдом торжественного ужина будет пророщенный горох. — Ладно, ребята, не стесняйтесь! Вы, главное, его опять заморозьте или змеюкой какой траваните, а мы уж добьем, вы не сомневайтесь…

«Ребята», они же «деды», демонстративно отвернулись от Октавио и вернулись к своим экзерсисам.

— Господин! Умоляю вас, господин!

— Чего тебе? — недовольно посмотрел генерал на того парня, которого вроде как захватил в плен Лотринаэн.

Эльджаладец умоляюще сложил руки.

— Господин, дозвольте мне поговорить с наставником! Я объясню ему, что его поступки грозят большой бедой…

— Ах, это у вас на Востоке так называется… — Октавио выразительно покосился на мертвые тела, пятна крови, покрывавшиеся спекшуюся каменистую почву, раненых солдат…

— Так демоны даже в полную силу не вошли, — искренне удивился скептической реакции генерала Далхаддин. — Я глубоко скорблю о ваших потерях, господин, поверьте, я уверен, что мой наставник не хотел всех случившихся смертей!..

— Да? Ты, брат, гонишь! Если старик столь миролюбивый, пушистый и полосатый в крапинку, то на кой ляд он затеял эту бузу?!

Далхаддин замялся, подбирая верный ответ. Не придумал ничего лучше, чем сказать правду:

— Он хотел разнести в клочья мэтра Мориарти и всё магическое зверьё, которое осмеливалось навязываться Судьбе, но он вовсе не хотел… не собирался… не думал…

Октавио посмотрел на окровавленный обрывок пушистой шкурки, принадлежащей то ли кунице, то ли собаке, и достаточно корректно попросил эльджаладца не нудить и переходить к сути дела. Что, поговорив с наставником и учтиво указав на тот факт, что вызванные демоны малость промахнулись и переборщили с использованием своей силы, тот надеется устыдить упрямого старика? Что, и даже погрозишь ему пальцем? Поставишь в угол и лишишь сладкого?!

— Вы не понимаете, господин! — в отчаянии закричал Далхаддин-Улитка. — Если учитель действительно вызовет этого демона, он же сам первым и погибнет! — Довод на кавладорца не подействовал, и ученик мага выложил последний козырь: — И ваши люди тоже!

И будет огромной удачей, если заденет лишь окрестные деревеньки, расположенные по Старому Руслу, и не доберется до Хетмироша и Ильсияра, — вдруг с ужасом понял Далхаддин. Его затрясло.

— Ладно, — внезапно уступил генерал. — Иди, поговори…

— Вы с ума сошли? — уточнил Лотринаэн, наблюдая за тем, как резво сорвался с места эльджаладец в пропыленном халате.

— Субординацию нарушаешь, остроухий?

— Нет, провожу исследование относительно вашего душевного здравия, — буркнул Лот.

Они помолчали, сквозь поредевшую снежную завесу наблюдая за тем, как спешит ученик Кадика к своему наставнику.

— Мы с мэтром Фледеграном готовы начать эвакуацию ваших солдат, генерал, — не выдержал тишины волшебник. — В любой момент, пока это существо еще не телепортировалось окончательно.

— А потом?

— Потом, если нам повезет, у нас будет три-четыре минуты, чтоб смотаться — но этого слишком мало, чтобы эвакуировать всех.

— А если нам не повезет?

— Ну… — Лотринаэн замялся, придумывая дипломатический ответ. — Как бы сказать… Мы успеем всего лишь испугаться. И то вряд ли.

Эти идиоты попробовали умертвить его пулями!

Кадик затрясся от смеха. Надо же! Дурачье! Дубы кавладорские! Десяток арбалетчиков подполз-подкрался и залег в засаде в паре сотен локтей, думая, что волшебник чересчур увлечен отслеживание демонического портала и не заметит их присутствия.

Прибытие хорошо вооруженного отряда под командованием Октавио Громдевура стал неприятным сюрпризом. Первоначально Кадик намеревался спустить *тварей* на волшебников, выживших после нашествия Духов Пустыни, а уж для тех, кто выживет и придет сюда, к Абу-Кват, требовать ответа за перенесенную песчаную бурю, пригласить главного чемпиона. Но так даже интереснее.

Демонические твари постарались, проредив ряды

кавладорцев едва ли не вдвое. Конечно, жаль, что он не предусмотрел использование губительной для созданий Первого Начала криомантии… Хмм… Кадик искренне надеялся, что на подготовку заклинания столь разрушительной силы его противники истратили большую часть энергетических запасов.

Значит, самое время продолжить…

Он шевельнул пальцами, активизируя тщательно укрытые от посторонних глаз и случайного магического поиска артефакты.

Раздались вопли застигнутых врасплох арбалетчиков. Ага, не нравится!.. Получайте еще! Еще!..

Огненный гейзер ударил из-под ног, заставив Далхаддина совершить невозможный прыжок, одновременно вверх, в сторону и как можно дальше. Он шлепнулся с изяществом мокрой крысы, спасающейся от трехголовой змеи, поднялся на ноги и побежал еще быстрее.

— Учитель! Господин! Господин, послушайте!

Вокруг Кадика ибн-Самума бушевала концентрированная мана — радужными потоками, доступными лишь магическому зрению, она струилась по рукам и одежде мага, шипела в черном посохе, извивалась под действием произнесенных слов заклинания… и то взрывалась огненным фонтаном, то вздымалась каменной глыбой, внезапно поднимающейся под ногами…

— Это я, учитель! — закричал Далхаддин. Очередной спрятанный артефакт ударил его плотным воздушным кулаком, опрокинул на землю. Переворачиваясь и по-собачьи отряхиваясь, ученик увидел, что оставшимся за его спиной воинам приходится не сладко. Увидевшие действие спрятанных ловушек маги возводили защитные сферы, но пока не слишком удачно.

— А, Далхаддин, — кивнул Кадик, узнавая голос ученика. — Ты не справился с заданием! Кажется, я велел тебе уничтожить существ-претендентов с помощью големов, но ты даже столь простой приказ выполнить не в состоянии!

— О, господин! — взмолился молодой маг. — Что вы делаете?! Разве вы не видите, что убиваете этих несчастных людей?

— В этом-то и фокус…

— Но вы не сможете уничтожить их всех! — закричал Далхаддин, видя, что его наставник и не думает останавливаться. — И вы не сможете контролировать демона, когда он явится в наш мир! Вы не сможете!..

— Не смей мне указывать, что я могу, а чего — не могу! — вспылил Кадик. Он взмахнул рукой — по привычке, чтобы

ударить глупого мальчишку по шее. В руках не оказалось привычной тяжести посоха, но и ладно — он ударил Далхаддина потоком энергии.

Щит!

Надо же, а он считал Далхаддина абсолютным неумехой…

— Господин! — продолжал кричать Улитка, спрятавшись за бесформенную глиняную глыбу "щита Айи". — Умоляю вас, одумайтесь! Ведь демон разрушит и Абу-Кват, и гробницы императоров…

На секунду Кадик остановился. Он как-то рассчитывал, что удар магии пойдет на юго-восток, к плоскогорью, и не подумал, что может задеть и возвышающуюся за спиной вершину Абу-Кват… Но, собственно, кто такой этот юнец, чтоб указывать наставнику на его ошибки и просчеты!

— И Хетмирош, и даже ваш дворец, и дом ваших жен, и Ильсияр…

Надо же… Ради такого приза стоит рискнуть! Если б кто-нибудь знал, как надоел Кадику за столетия жизни этот пыльный, обезвоженный, переполненный верблюдами и торгашами город!

— Где жезл Первого Голема? — нетерпеливо спросил Кадик, протягивая руку. Кажется, серым мундирам удалось справится с активировавшимися артефактами. Конечно, надежд на то, что каким-то людишкам и железноголовым недомеркам удастся справиться с истинным демоном, нет, но зачем усложнять жизнь союзнику?

— Он у меня, но… но… — пролепетал Далхаддин — ему очень стыдно было признаться в том, что его «мудрёное» руководство довело целую тысячу глиняных исполинов до состояния битых горшков, — Но, может быть, вы…я…

— Дай его сюда! — заорал Кадик. — Сейчас же!

Огонь портала-между-мирами становился все жарче и неистовее, и Далхадинну показалось, что он видел громадное, величиной с дракона, существо, попирающее огромными копытами спекшийся от жара песок, существо, уже предвкушающее сытную трапезу, довольно облизывающее выпирающие клыки… Существо, для которого жизнь — это всего лишь упоительный миг битвы, злобы и ненависти, существо, ради которого кто-то пожертвовал своим сердцем, а кто-то — своей душой, существо, которое не оставит в живых ни врагов, ни союзников, ни самозваных повелителей, существо, способное разрушить мир, весь мир, который Далхаддин-Улитка считал — может быть, не самым лучшим, ну уж всяко своим…

Сейчас или никогда!

Двигаясь вялыми рывками, будто сам стал големом или

тряпичной куклой, поскуливающий от ужаса Далхаддин выбрался из своего убежища, извлек из-за пояса тяжелый жезл Первого Голема, протянул его Кадику ибн-Самуму…и, когда тот повернулся, стараясь одновременно следить за порталом и перегруппировавшимися, замыслившими какую-то военную каверзу кавладорцами, с неумелым коварством попробовал оглушить старика-наставника.

Рассвирепев, Кадик ударил обнагневшего ученика со всей магической силы. Плотный гранитный "щит Айи", заготовленный Далхаддином, рассыпался сухим песком; "щит Ариэля" позволил выгадать несколько секунд — парня не расплющило в лепешку, а отбросило далеко в сторону. Далхаддин упал и увидел, как на него несется сотворенное учителем огненное копье. "Щит Амоа"… где бы взять хоть каплю воды, чтоб сотворить останавливающую смертоносный жар защиту?..

Далхаддин *потянулся* к родному, привычному Третьему Началу, совершенно не думая о том, может ли оказаться вода в иссушенном магией сердце Пустыни. Через несколько секунд, когда он лежал, оглушенный свалившимся на него магическим ударом… и еще более шокированный тем фактом, что как-то остался жив… Он посмотрел на толстенную корку «щита», расколотого враждебным заклинанием на куски толщиной в несколько дюймов, а потом завопил от ужаса: очередной удар Кадика ибн-Самума расколол землю, будто корку спелого арбуза; постепенно увеличиваясь, трещина бежала к нему, расползалась жуткой раной, обнажая лавовое нутро…

Далхаддин со всех ног бросился прочь от опасности. Лавовый разлом устремился за ним, выворачивая оплавленные глыбы, разрывая на части скалы и валуны — на север, к пленительной и загадочной Абу-Кват.

Старое русло Дхайят

— Нет, я знал, что надо было поворачивать в другую сторону! — вопил где-то позади гном.

Роскар придержал коня, вглядываясь в бушующее зарево. Серая туча, беременная снегом и холодом, мельтешение молний — откуда они взялась посреди Пустыни? Может быть, это телепорт? Чей?

На них вдруг, из ниоткуда, вдруг вырвался бешено ревущий огромный демон с дочерна обгоревшей головой. Действуя скорее на инстинктах, чем успевая осознать опасность, Роскар пришпорил умбирадца, нагнувшись, проскочил монстру под грудь, вонзил меч, с напрягом рассекая упругую кожу-чешую, стремясь добраться до сердца… Да сколько ж жизней у этой

твари!

— …ииииии!!! — донеслось с другой стороны. Роскар заставил коня развернуться и догнать монстра.

Обезумевшая от страха лошадка, к которой привязали коротышку, неслась куда-нибудь, напрочь игнорируя тот факт, что не удаляется, а приближается к возможной опасности; гном отчаянно трепыхался, подпрыгивая и подкидывая мешок с небольшими ядрами и порохом. В какое-то мгновение они поравнялись с ужасающей мордой твари, а потом чудовище кивнуло головой — и гном с половиной лошади исчезли в ней.

— …, - рассвирепел Роскар.

Через три секунды голова демона взорвалась. На этот раз окончательно и бесповоротно. Огромная туша уже падала, запутавшись в мощных, похожих на медвежьи лапы, конечностях, а череп еще продолжал висеть в воздухе, используя в качестве весьма странной опоры огненный, с черными прожилками шар. Когда изумленная Вселенная — вместе с принцем Роскаром и Огги, с испугу окончательно уверовавшим в невозможное, — сделала следующий вздох, от шара отделилось визжащее, отчаянно матерящееся плотное тело, которое с металлическим лязгом рухнуло в ближайший бархан. Второй осколок — бронзовое дуло малой старинной пушчонки, — пролетело чуть левее и врезалось в торчащую из-под песка скалу.

— УИИИИИ! — визжала свинка-копилка, которую Ньюфун прижимал к сердцу.

— Ты жив, дружище? — спросил Огги, подъезжая к гному.

— Она меня съела!!! — завопил Ньюфун. — Эта… тварь меня проглотила!!!

— Вам подвиг, мастер Кордсдейл, переживет века, — торжественно заявил принц. Его куртка и кольчуга, измаранные в черной демонической крови и прочих субстанциях, вылившихся из ран твари, слабо дымились. — Прошу, утолите мое любопытство — скажите, как вам удалось взорвать чудовище?

Вместо того, чтобы ответить по существу — дескать, молодец донна де Неро, в порохе понимает, собрала с запасом, а роль фитиля сыграло дыхание самого пострадальца, Ньюфун разразился потоком брани, из которого следовало, что чихать он хотел на ваши человеческие дела, он хочет домой, в Орбурн, заниматься механизмами и прочими работенками из серии "да не фиг делать!", он желает уюта, комфорта, низеньких кресел, трубочку на ночь…

— Хогри! ХОГРИ! УИИИ! — всё громче и громче визжала артефактная копилка.

— Заткнись, скотина металлическая! — разгневанный

Ньюфун стукнул имущество сестры, добавив еще одну вмятину к коллекции бывшей собственности Дюши Кордсдейла.

— Может быть, вашему…э-э… животному нужно какое-то лекарство? — осторожно уточнил Роскар. Он мог предложить песок в качестве средства для прогревания и несколько тонн демонятины, сделать компресс или даже для принятия внутрь…

— Нет, она просто сокровища чует, — ответил Ньюфун, постепенно успокаиваясь и позволяя Рутферу вытащить себя из песчаной гряды. — Просто спасу нет! Грабительница! Нарушительница частной собственности! Клятая скотина! Подожди, вот ужо пущу твой пятак на гвоздики!!!

Гном пнул копилку, и та отозвалась глухим, низким звоном.

Звук пробирал до костей, заставив успокоившихся было лошадей заволноваться, прижать уши к головам, а людей ощутить, как сжимается их сердце. Звон перешел в гул, нарастающий, постоянно усиливающийся, закладывающий уши…

— Что это? — прокричал Огги, прикрывая уши руками. Ньюфун метался следом за уворачивающейся из его рук копилкой, прокричал что-то в ответ; Роскар подхватил гнома и его имущество, помог устроиться позади Рутфера, махнул рукой, показывая, что должен идти дальше на север — а вдруг кому потребуется его помощь. — Скажи, что это, Ньюф?

Невыносимый гул стал еще громче, хотя это казалось невозможным, почва под ногами задрожала, как при землетрясении, и вдруг резко, как порванная ткань, разошлась в сторону, обнажая огненную лавовую реку. Огги и Ньюфун оказались на одном берегу расщелины, Роскар — на другом; он крикнул своим спутникам, чтоб те спасались… Голос Роскара потонул в хаосе и гуле начинающегося землетрясения.

Отступать было некуда. Убедившись, что Огги и гном неплохо справляются с ситуацией — то есть, громко вопя, мчатся в том направлении, откуда только что появились, принц повернул в противоположную сторону. Туда, откуда пришел огненный разлом.

Белый умбирадец, повинуясь знакомой руке, несся через Пустыню огромными скачками. Они проехали под выпирающей скалой Обрыва — за несколько секунд до того момента, как та начала рушиться, с грохотом падая вниз идеально ровными сколами, испещренными цветными пятнами руд. Они перепрыгнули через еще один огненный разлом — Роскару показалось, или действительно из нанесенной Пустыне раны показались уродливые морды похожих на лошадей, оленей, медведей, варанов и прочих жаб демонов? Вперед, вперед, только вперед — туда, где виден столб пламени и еле различимые

силуэты людей и лошадей…

Вверху раздался яростный крик, и, чуть задев Роскара мягкими маховыми перьями, откуда-то с небес рухнул рыжий сфинкс. Еще не успев рассмотреть, что за существо оказалось рядом и чего ему нужно, принц выхватил меч и рубанул с плеча.

Существо радостно закричало.

Нет, поправил себя Роскар, покосившись назад. Сфинкс остался лежать на песке. А радостно кричало другое создание, какой-то недо-сфинкс, орел с львиной задницей, парящий чуть позади начавшего выдыхаться умбирадца.

Кстати, крепкий зверь… Кажется, сфинкс его во время драки поцарапал, но всё-таки…

Роскар свистнул зверьку, и тот ответил радостным курлыканьем. Остальное было делом удачи и тренировки: когда крылатый лев догнал всадника, тот перемахнул ему на спину, пригнулся, обнимая покрытую перьями шею, и велел поспешать.

Грифон закричал, то ли возмущаясь, то ли протестуя, еще сильнее взмахнул уставшими крыльями и устремился вперед.

Львиный Источник

— Бей его! — закричали люди и гномы. Дополнительных приказов не требовалось — цель была близка, цель была глупа, раз позволила отвлечься на какого-то юнца в драном халате, цель была достижима, если только хватит сил до нее дойти…

Пугтакль и Лотринаэн застыли чуть поодаль, у их ног неприятно напоминая змей свивались, поднимались и опадали несколько сотен карза-нейсс, которыми предполагалось ловить демона, как дичь в силки; мэтр Виг размахивал руками, закончив *призыв* нескольких роёв пчёл (видел Октавио, что это за пчёлки… хвала богам, не их мёд едим…) и теперь колдовал еще что-то, страшное, огромное, прорывающееся в реальность бугристой плоской мордой… Маги, ученики, стрелки, пехота, рыцари, гномы… Хватит ли их общих усилий для того, чтобы победить одного-единственного демона?

— Что это за шум? — наконец, не выдержал Громдевур.

Огненный столб потемнел, опал, раскололся на части…

— Смотрите!!! — вдруг закричал кто-то. Октавио позволил себе отвлечься и завертел головой, гадая, какие еще напасти приготовила для них Пустыня.

С юга приближался всадник — всем хороший всадник, только каким-то чудодейственным способом сумевший договориться со сфинксом. Потом — гораздо позже, — Октавио понял свою ошибку, но пока…

Гораздо важнее было то, что принц Роскар никогда не тратил время на лишнюю подготовку. Его высочество редко позволяло себе думать над диспозицией, тактикой и направлением удара — он вообще считал себя человеком действия, а размышлять предоставлял алхимикам, брату или сестре; но Судьба распорядилась так, что в двадцать первый день месяца Барса именно такой стиль ведения боя имел больше всего шансов завершиться победой.

Столб пламени начал гаснуть, выпуская на свободу огромное, донельзя уродливое создание, с плоской головой тролля, а выпирающими клыками и гребнями похожее на дракона; существо успело повернуть голову, принюхиваясь и присматриваясь к атакующим его людям…

Роскар спрыгнул ему на плечи, одновременно вгоняя клинок в глазницу; полулев-полуорел поддержал своего временного хозяина, упав на увенчанную гребнями голову твари и вонзив в нее когти.

На этот раз закричали все — раненый демон, люди, животные, Громдевур, перепуганный за судьбу Рыжика Виг, черный посох Кадика ибн-Самума, плюющийся молниями и призывающий руку хозяина, Далхаддин, мэтр Фледегран, Пугтакль…

— Смотрите! — схватил Октавио за плечо Лотринаэн. Он указывал на серебристую точку, еле различимую на фоне серой свинцовой тучи. — Уходим, пока не поздно!..

Тут демон изрыгнул столб пламени, от которого атакующие шарахнулись в разные стороны, и почти сразу же покачнулся — его грудь пронзило каменное копье, подготовленное магами. От камня сразу же заструились зеленовато-черные карза-нейсс, оплетая лавовую плоть монстра, сжимая его шею, связывая лапы… Вой и гул слились в невыразимую дисгармонию, от которой, казалось, тряслась почва под ногами.

— Уходим! — снова закричал полуэльф. Глаза Лота позеленели, выдавая бурные эмоции, и Громдевур едва удержался, чтобы не выдать ответную агрессию. Остановился только из-за того, что успел выучить характер волшебника — тот, при всех своих недостатках, отнюдь не паникёр, значит, надо хотя бы посмотреть, какую опасность он так настойчиво советует избегать.

Октавио повернулся в сторону гор и увидел.

Абу-Кват, одновременно с вышеописанными событиями

— Где оно?! Где оно?! Где мое сокровище?!! Покопать не дали, так и сокровище спрятали?! Где оно?! Где?!!! — вопила

Напа, бегая кругами по сокровищнице царя Тиглатпалассара.

Беспокойство уважаемой гномки было понятно — камера, устроенная на вершине Абу-Кват, была большая, прочная, уютная, закрытая от ветров, но — увы! — пустая… Не считать же за содержимое нагромождение древних наполовину сгнивших от времени балок? Или проржавевших инструментов?

— Где мое сокровище?! — вопила Напа.

Фриолар, тоже ожидавший великолепное зрелище, подобное тому, что наблюдал ранее в гробнице Эпхацантона, перехватил бунтующую гномку за шиворот и потребовал успокоиться.

— Успокоиться? Сейчас? Когда меня нагло обокрали? Скажи, кто украл сокровище Тиглатпалассара, и я разнесу его на клочки! Нарежу из него лапшу! Порву, как Ньюфун — шуттберийскую капусту!..

— Напа, ну-ка прекрати! Разве ты не знаешь, что в древних гробницах специально делали ловушки, чтоб отпугнуть грабителей? Сядь, надо подумать, где тут собака зарыта…

— Мне собака не нужна, мне б сокровище… — шмыгнула Напа, покорно усаживаясь у стеночки.

Фриолар прошелся по рукотворной пещере, вслушиваясь в гулкий звук шагов и присматриваясь ко всему, что можно было счесть подсказкой. Он ощупал обтесанные каменные стены, попробовал сдвинуть огромный рычаг, уходящий глубоко в стену…

— *Дорогая Фиона!* — Напа, чтобы успокоиться, снова принялась сочинять письмо подруге. Делала она это громко, шаря глазками в поисках какого-нибудь намека, где ж держал царь Тиглатпалассар свою посмертную заначку. — *Дорогая Фиона, ты не поверишь, но гиджапентиец оказался жлобом и спрятал свое золото. Или его украл Симон Пункер. Эх, доберусь я до его костей — отдам ученикам некромантов на опыты! Будет знать, как грабить честных гномов-охренологов!*

— Напа, а как ты думаешь, не может ли быть в этом помещении какого-нибудь потайного хода? Фальшивого пола или двигающейся стены?

Гномка подскочила и принялась выстукивать киркой всё, что казалось ей подозрительным.

Самым подозрительным предметом, если, конечно, он заслуживал такого наименования, был шар из воды, свободно плавающий между полом и потолком в центре помещения. Вода была абсолютно прозрачной, ничем не пахла — хотя ни Фри-Фри, ни Напа не обладали эльфийским чутьем, чтобы утверждать отсутствие запаха с пеной у рта. Мягкий шар тихо переливался, как бы перетекал, чуть заметно двигаясь в направлении

алхимиков. Напа слышала, что подобные магические штучки — только, конечно, солиднее и надежнее, — иногда использовались для того, чтобы отполировать изнутри какие-нибудь вырезанные из твердого камня гигантские чаши или, допустим, желоба акведуков, а потому удивления не выказала. Фриолар, после года на службе у мэтра Вига, не удивился бы и тому, что водяной шар вдруг начал мяукать и трепетать крылышками.

— Сокровища обязательно отыщутся, — уверила гномка алхимика. Она поплевала на ладошки и взялась за рычаг. — Надо только как следует постра-аа-аа…

Гора вздрогнула. Глухой звук удара — где-то внутри, в каменной толще, заставил стены завибрировать.

— Это не я! — закричала Напа, демонстративно показывая, что ничего не успела сделать.

В ответ на нее с потолка посыпался пыль, щебень и каменные плиты.

Царство мёртвых. У стен Золотого Города

— Привет, — раздался в темноте едва различимый шепот. — Ты не представляешь, как я рад нашей встрече!

Далия отпрыгнула в сторону, огласив подземелье оглушительным воплем.

— Тише, тише, — проговорил неизвестно откуда взявшийся мужчина. Мэтресса нахмурилась — что-то в этой голодной, жилистой, сальной физиономии показалось ей знакомым… — Зачем так кричать? Всё равно ведь никто не услышит…

Запаниковав, мэтресса Далия схватилась за сумочку — может, там найдется какое-нибудь оружие? Или… где-то здесь было… как же…

— Что-то потеряла, а, красавица? — издеваясь, предположил пелаверинец. Он наставил на Далию арбалет и, улыбаясь, объяснил: — Увидел, как твоя ненормальная гномка забыла его в колодце, и подобрал — чего зря хорошая вещь пропадать будет. Что, боишься?

— Ну, в принципе…

Свет магических надписей разгонял полумрак, концентрируясь на металлических заклепках и плечах арбалета. Мэтресса посмотрела на кончик стрелы — из тех, что Напа настрогала, позаимствовав полено у мэтра Карвинтия, — и нервно сглотнула.

— А, собственно, чего мне бояться, — принялась вслух размышлять алхимичка. — Я до сегодняшнего дня думала, что нежити боюсь, а теперь, пообщавшись с милым, добрым царем Эпхацантоном… Вы с ним уже успели познакомиться?

— Нет, я решил сначала разобраться с тобой, моя прекрасная дама… А что это ты нахмурилась? Что, уже успела меня забыть?

— Конгресс алхимиков-натурфилософов в Анжери? — попыталась уточнить Далия. Где же она видела этого сального типа? — Или прошлогоднее заседание Ллойярдской Алхимической Ассамблеи в Уинс-тауне?

— Нет, я так далеко не забирался… Бери ближе…

Он сделал шаг навстречу — и Далия осторожно отодвинулась назад. Буквально заставляя себя отвлечься от наконечника стрелы — чего на него смотреть? Обычная вещь, нисколько не агрессивная, даже не очень опасная! — мэтресса бросила короткий взгляд по сторонам. Сейчас она стояла спиной к перилам, на галерее, которая располагалась на высоте плеч гигантской древней статуи. А незнакомец (или, все-таки, знакомец?) только что спустился по лестнице. Он щурится, глядя на тусклый огонек амулета-подсветки — как-то сомнительно, чтобы археолог, собравшийся исследовать тайны повелителя Империи Гиджа-Пент, не позаботился о таких мелочах, как осветительные приборы, лупа, мешок для образцов, блокнот для записей… Он совершенно не похож на алхимика! Хотя, если нарядить его в черную мантию… Далия прищурилась, совмещая облик незнакомца и классическое одеяние алхимика — и вспомнила.

В висках застучало, а ноги стали ватными. О боги! А инспектор Клеорн говорил, что его отправили на каторгу в Тьюсс!

— Неужели симпозиум в Филони? — решив прикидываться беспамятной дурочкой, пока это возможно, Далия округлила глаза и вроде как невзначай сделала еще один шаг в сторону, увеличивая расстояние между собой и убийцей. — Может, вы хоть подскажете, какой отраслью Алхимии занимаетесь, уважаемый мэтр?

Хрумп довольно хохотнул:

— Да я, в основном, по золоту специалист…

— Тогда — практические семинары в Орбурне! — предположила Далия. — Или все-таки Триверн?

— Ближе, красавица, гораздо ближе… Ну, не вспомнила? Золотой Город я ищу, теперь-то кумекаешь, что к чему? А ну, хватит скалиться, говори, где он?! Говори, или я за себя не отвечаю!

Далия взвизгнула и бросилась бежать. Хрумп, потрясая взведенным арбалетом, с воплем кинулся за ней.

Не тут-то было! За последние дни мэтресса, хоть и порядком утомилась, привела себя в отличную физическую форму, и испуг лишь усугубил ее состояние. Она бежала, легкая, как птица,

перепрыгивая через две-три ступеньки, вниз, к постаменту статуи…

— Не уйдешь! — закричал Хрумп, преследуя девушку на расстоянии в десяток шагов.

Далия добежала до низа пещеры, заметалась в поисках выхода…

— Ага! Попалась! — рассмеялся вор. Он наставил на нее арбалет, прицелился — пусть с расстояния в дюжину локтей поиск цели был чистой формальностью…

И тут клятая алхимичка бросила в него настоящий огонь!

Хрумп инстинктивно отшатнулся, прикрывая лицо, и только потом понял, что огнем был амулет-подсветка — потом, когда кристалл жалобно хрустнул под его сапогом. Завопив от ярости, пелаверинец попробовал догнать хитрую кралю — та бежала наверх, перепрыгивая через ступеньки, огибая огромную мраморную статую, приближаясь к светящейся волшебным светом галерее…

— Стой, паршивка! — закричал Хрумп, нажимая на спусковой крючок.

Самодельная стрела полетела вверх, но не в алхимичку — ее уже не было в том месте, куда целился пелаверинец, — а в темный шар, который держала в руках мраморная статуя.

Глаза Хрумпа расширились от удивления: от легкого прикосновения стрелы шар вспыхнул многоцветной радугой, показывая сокровище, таящееся внутри.

Вторую стрелу пелаверинец выпустил, специально целясь в хрустальную сферу — в глупой, самоуверенной надежде, что сможет расколоть толстый слой стекла и тем самым добраться до Золотого Города. Мэтресса Далия и жгучее желание поквитаться с ней за арест, суд и несостоявшуюся каторгу в болотах Тьюсса были забыты. Остались только Хрумп — и золото.

Золото — и Хрумп.

Наверное, их встреча была предопределена Судьбой.

Далия добежала до галереи и рискнула посмотреть назад. Ее преследователь поднялся приблизительно на три четверти высоты статуи и теперь изучал вытянутую руку Тиглатпаласcара. Зачем?

— Эй, что ты делаешь?! — ужаснулась она, увидев, как Хрумп, на время прекративший стрельбу из арбалета и отправивший оружие за плечи, набрасывает на мраморную длань самодельную веревку, составленную из пояса и ремешка сумки.

— Я должен сковырнуть кусочек на память, — заявил пелаверинец. — Иди, помоги!

— Ты с ума сошел?! Это же памятник древней цивилизации!

— Это восемьдесят лет безбедного существования, ежедневная выпивка, жратва, которую ты ешь сам, а не подъедаешь за каким-то самодовольным псом, дом на Бурдючной улице и пожизненное членство в "Фрателли онести". Иди сюда, скотина… — последняя фраза адресовалась шару с Золотым Городом.

Хрумп сумел зацепить веревку за мраморный палец колосса, потянул на себя… еще… еще…О чудо! Едва заметная трещинка, образовавшаяся столетия назад, вдруг разошлась, увеличиваясь и углубляясь… Войдя в раж, вор перепрыгнул на статую и стал пинать поддающийся обломок, одновременно пытаясь сдвинуть с места хрустальную сферу четырех локтей в диаметре.

— Стой! Не делай этого! — закричала Далия, представившая, чем может закончиться подобный эксперимент.

В ответ Хрумп ощерился, как волк, перекинул из-за спины арбалет и выстрелил прямо в Далию.

Та с писком отшатнулась прочь и бросилась бежать — навсегда покидая подземелье. Хватит с нее открытий!

Стрела же улетела под потолок… зависла на долю секунды… а потом устремилась вниз.

Ее удар был несильным, совершенно безопасным, и вряд ли бы пробил даже бумажный лист, но он оказался последним в списке несчастий, рассчитанных древним скульптором.

Не успела обструганная веточка коснуться хрустальной сферы, как та покачнулась, сдвинулась и рухнула вниз. Вместе с человеком, который так стремился получить ее содержимое.

Удар сотряс пещеру. Золотой Город разбился на множество кусочков, разлетелся золотым подобием Млечного Пути. Хрумп вскрикнул — он упал плашмя, отбив живот, локти, колени… Постанывая, он попробовал подняться — и в сгущающейся темноте ему показалось, что статуя поворачивается и двигается по направлению к нему.

Но это было совершенно не так. Царь Тиглатпалассар вовсе не собирался тянуться к какому-то вору — лишенный груза, уравновешивающего тяжесть приделанных за спиной крыльев, он падал.

Колосс завалился назад, со скрежетом натолкнулся на каменную стену, которая по очереди обломала крылья… Золотые и стеклянные осколки смешались с мраморной крошкой; Хрумп попробовал выхватить из-под падающих обломков маленький золотой дворец, но чуть не лишился руки. А в следующий момент верхняя часть статуи, величественная голова, шея и верхняя часть плеч откололись от основного монолита и устремились вниз. С

воплем вор отскочил к стене, попробовал вжаться, слиться с окружающими камнями…

Удар!!! Царь Тиглатпаласcар рухнул, заставив расположенный в недрах Абу-Кват город мертвых содрогнуться от основания до вершины.

— Фри-Фри! Ты жив?! — закричала Напа, выбираясь из-под обломков.

— О, да, — с чувством отозвался алхимик. — Хотя самому не верится. А ты?

— Чтобы отправиться в Путешествие к Центру Земли, гномам из клана Кордсдейл нужно что-то посерьезнее, чем какой-то обвал…

Стряхивая пыль с курточки, Напа прошлась по сокровищнице. Переливающийся неяркой радугой водяной шар следовал за ней, как преданный щенок.

— Смотри-ка, а тут действительно какой-то механизм был! — восторженно ахнула гномка. — Надо разобраться, что он умел делать…

Сквозь образовавшуюся трещину в стене действительно просвечивало что-то металлическое.

— Ага, там-то золото и зарыто!..

— Напа, не делай этого! — воззвал к разуму гномки Фриолар. Он нервно покосился на продолжавший сыпаться мелкими камушками потолок, на водяной шар, который вдруг вообразил себя медузой и забултыхался, сплющившись снятым беретом, на вход… — Давай лучше расчистим выход! А то здесь какие-то кирпичи попадали…

— Не какие-то, а древние, — заявила Напа. Она поплевала на кирку, примерилась, где будет сносить стену, чтоб добраться до механизма, чтобы до него добраться до сокровища, чтобы благодаря сему подвигу прославиться в веках; на всякий случай посоветовала Фриолару: — Подбери парочку, будет сувенир родителям и Ньюфуну…

И принялась за дело.

Фриолар убедился, что выход свободен — даже выглянул на карниз, по которому они поднимались, посмотрел, всё ли в порядке. Его не отпускало смутное чувство тревоги. Как будто опасность была совсем рядом, а он почему-то ее совершенно не замечал…

Сквозняк? Откуда?

Почувствовав дуновение холодного ветра от одной из стен, Фриолар приблизился, сковырнул плат отставшей штукатурки… Через узкую трещину в стене он увидел какую-то красную точку,

крошечные силуэты людей…

— Напа, а ведь магический костер до сих пор пылает, — напомнил он. Так как гномка не отреагировала, он повторил еще раз, добавив строгости в голос: — Напа, нам пора поворачивать обратно! Вдруг это действительно какие-то заклинания… мне вовсе не улыбается стать жертвой очередного Падения Гор!

Напа Леоне не ответила — она вгрызлась в работу и уже освободила десятую часть гигантского механизма, который, оказывается, прятался в стене. Если упадет вот этот плоский булыжник… правильно, освободилась уже седьмая часть!

— Я… без сокровища… не уйду!.. — проворчала запыхавшаяся труженица. — Я до него доберусь… докопаюсь!.. я увижу его хоть одним глазком!..

Фри-Фри снова вышел на карниз и посмотрел туда, где творились заклинания. Это обман зрения? Или действительно к огромному «костру» добавились тоненькие, как ниточки, линии электрических разрядов?

— Отсюда надо сматываться, — заявил он гномке.

— Лучше помоги!.. — просипела та, с усилием налегая на упрямый камень. — Как тебе совесть позволяет прохлаждаться, когда я, слабая девушка, работаю?

— Не понял? — опешил Фриолар, бессознательно повинуясь распоряжениям Напы.

— О, права была Далия — такая фраза действует на мужчин лучше, чем гипнотическое заклинание! — захихикала гномка. Камень, с которым алхимики сражались, треснул, вывалился из стены, и Напа тут же сунула нос в образовавшееся отверстие. — О, нет! Только не это!!! — закричала она в отчаянии.

— Что не так?

— Механизм не достроен! Каким нужно быть идиотом, чтобы истратить столько бронзы, и не довести дело до ума?! И почему, почему эти гиджапентийцы были такими лентяями!..

— Погоди-ка, — остановил поток гномьих проклятий Фриолар. — Давай переведем дух и подумаем. Ты совершенно не права, обвиняя древних мастеров в лени… Если верить "Запискам по Истории Древних Царств", опубликованных в год Сизой Курицы…

— Не занудствуй!

— Одним словом, у них там то дворцовые перевороты происходили, то маги устраивали заговор, то войны с соседями случались… То есть они могли банально не успеть завершить работу, а потом им, допустим, новый правитель отказался платить за отладку механизма, или мастер заболел и не смог продолжить свой труд…

— Логично, — нехотя признала Напа. — А еще… — и глаза ее загорелись от предвкушения, — Они могли здесь устроить какую-нибудь ловушку, а золото спрятать в другом месте! Точно! И что я не пошла с Далией? Она сейчас как раз наслаждается красотами Золотого Города!

Гномка подпрыгнула, схватила кирку и бросилась вон из обманчивой сокровищницы.

Не успел Фриолар дойти до выхода, как его спутница вернулась, недовольная и разобиженная.

— Погодите-ка! Ведь мумия та сушеная что сказала? Что сокровище — здесь, а Золотой Город — там. Если он не врет — а если это так, то я сейчас пойду, наловлю мышей и подсажу их ему в саркофаг, — то сокровище должно, просто обязано быть здесь! И это — не золото!

— Ты совершенно права! Это не золото… — и Фриолар снова осмотрел пустое, пыльное, а теперь еще и в грудах строительного мусора, помещение.

— Это драгоценные камни! Под скалой — алмазные россыпи! — и гномка с новыми силами набросилась на стены. Теперь в ее действиях было еще меньше точности, зато гораздо больше энтузиазма.

— Да с чего ты взяла?

— А что же, по-твоему, они здесь спрятали?! Что?!! — судя по пронзительным интонациям и общей возбужденности, Напа была в шаге от форменной истерики. Фриолар покачал головой — проведя детство в среде экзальтированных тетушек и взбалмошных кузин, он считал единственно правильным лекарством "от нервов" тяжелый физический труд, но как в подобных случаях поступать с гномкой? Если действительно предложить ей что-нибудь покопать, чтоб успокоиться, то, чего доброго, она прокопает третье русло для отсутствующей реки Дхайят, разберет на песчинки Абу-Кват, отремонтирует все пирамиды!.. Нет, надо ее успокоить как-то иначе, вылить на голову ведро воды, что ли…

Водяной шар, снова приняв идеально-ровную сферическую форму, подмигнул Фриолару аккуратным бочком.

— О боги… — прошептал алхимик. Удивление его было столь велико, что он сел на пол, буквально съехав по стеночке. В его голове хаос фактов — слухов, сплетен, фантазий, домыслов, событий, искажений и толкований, — вдруг выстроился в целостную, единственно верную логическую цепочку. Вот же оно — подлинное сокровище царя Тиглатпалассара! Того, кто завоевал земли от горизонта до горизонта, строил новые города, переносил течения рек и объявил себя богом!

А как сделать так, чтобы в тебя поверили, как в божество? Разумеется, сотворить чудо!

Маленькое, вполне соответствующее местным традициям чудо — сначала перекрыть поток единственной крупной реки, а потом освободить ее от магических чар и позволить нести свои воды, как обычно…

Захлебываясь от волнения, заикаясь и проглатывая слова, Фриолар попытался объяснить, какую же удивительную тайну они только что открыли…

Увы, на гномку его речи произвели совершенно другое впечатление.

— Вода?! — закричала Напа. — Всего лишь вода?! Две тысячи лет поисков! Демонова уйма книг, теорий, фактов… Научных конференций, алхимических трактатов, — и всего лишь ради воды?! Не-еет, — завопила она, откидывая кирку, — Не может быть! Внутри этого шара что-то спрятано! Там карта, которая приведет нас к алмазным россыпям! Там схема золотых шахт Империи Гиджа-Пент! Там действующая модель кузницы Великого Кузнеца!

Переполненная эмоциями гномка подбежала к сидящему Фриолару, выхватила у него из-за плеч меч и, издав воинственный вопль, со всей силы рубанула по огромной водяной капле.

— Не над…!

Предостерегающий вопль потонул в шуме хлынувшей воды.

— Понимаешь, моя дорогая, — рассказывал царь Эпхацантон своей очаровательной жене. Мягкий сумрак, озаряемый светом магических ламп, милосердно скрашивал морщины и общую гоблиноподобность Ханны, превращая ее в красавицу… По стандартам мумии двадцати трех веков от роду, если быть точным в формулировках. — У нас в Гиджа-Пент обожали тайны и заговоры! Я собственным глазам не поверил, когда увидел того алхимика, мэтра Симона, у подножия статуи Тиглатпалассара! Пришлось воспользоваться глазами придворных, побеседовать со сфинксами, чтоб удостовериться в том, что он не врет: он действительно раскопал подземный ход из заброшенного колодца к некрополю Абу-Кват! А я-то всю посмертную жизнь пользовался парадным выходом — он и расположен удобнее, и алхимикам давно известен, заглядывают они к нам на огонек… Вот теперь и приходится работать на два фронта — сторожить археологов и здесь, и там. А всему виной маги! Они так скрутили пространство внутри Абу-Кват, что даже мои верные слуги до сих пор не вызнали всех хитросплетений и тонкостей…

— Милый, ты себя не жалеешь… — привычно отозвалась Ханна. Бюст ее значительно увеличился за счет сунутых за пазуху бус, корон и колечек, и теперь крестьянка начала скучать. Да и женишок ей попался какой-то излишне скромный, до сих пор бинтов своих не снял… Надо, что ли, его отравить, да и с чистой совестью возвращаться обратно в Нижнюю Исподвысковочку.

— Винца хочешь? — как бы случайно поинтересовалась Ханна. Она деловито оглянулась в поисках вещества, которое бы подошло в качестве яда. Ее первому мужу хватило кружки самогона, пятый честно пользовался мухоморами, третий и шестой почему-то бурно отреагировали на укус змеи… Змеюка-то, которая у Ханны в огороде жила, ее саму и Любушку, доченьку, по десять раз за лето кусала — и ничего, живы покуда…

— Нет, — грустно выпустив облачно пыли, ответил Эпхацантон. — Но ты не стесняйся… Знаешь, пока ты готовилась к свадебной церемонии, я навестил одного астролога, который жил лет на шестьсот раньше меня — он составил нам свадебный гороскоп! Вот он, — царь-мумия бережно передал глиняную табличку, испещренную непонятными закорючками. — Звездочет утверждает, что наш брак будет из тех, о которых говорят: "Они жили долго и счастливо!"

Ханна тихонько вздохнула. Ну, мы еще посмотрим, кто кого…

Далия бежала, не в силах совладать с расстроенными нервами. Она, сапиенсолог, практически гений, не могла справиться с какими-то эмоциями!.. Ей что, этот сальный тип, родственник или сердечный друг, что ее так тянет вернуться и посмотреть, выжил ли он после случившегося происшествия?!

Быстрее, надо пожаловаться Напе и Фри-Фри! Они что-нибудь придумают! Они разберут завал и спасут этого злосчастного воришку!

Куда ж отправил их Эпхацантон?! Да сколько в этом некрополе спутанных коридоров, настоящий лабиринт!

Она выскочила к "выходу из царства мертвых" скорее случайно, чем повинуясь точному расчету. Толкнув дверь, мэтресса выбежала на узкий каменный карниз, опоясывающий скалу… увидела впереди маленькую дверцу, уводящую к сокровищнице Тиглатпаласcара…

И ослепительный, гремящий, бушующий поток воды, вдруг сорвавший эту дверь с петель.

— Напа! Фри-Фри!! — в ужасе завопила Далия, заметив темные силуэты, увлекаемые потоками водопада. А потом камень вдруг ушел у нее из-под ног и она — а также каменный карниз и вывороченные из скалы глыбы, полетели вниз.

Вода была обжигающе холодной, бурной… В первый раз Далии удалось выплыть, схватить глоток воздуха… Вода ослепила, снова накрыла с головой, утягивая внутрь… Всё смешалось — магия пространства, магия Третьего Начала, естественные законы тяготения и выдуманные азартными игроками законы Судьбы, — и осталась лишь дикая сила Природной Стихии, вырвавшейся на свободу.

Львиный Источник

Сбитый с ног, Далхаддин распластался на земле, с ужасом ощущая движение гранитной глыбы, которая, как ледяной айсберг, медленно оседала, погружаясь в пышущий жаром разлом. О Духи Пустыни, только не это… я еще слишком молод, я хочу жить… Когда испуг достиг пика, руки и ноги Далхаддина оттолкнулись от ненадежного убежища и буквально перекинули его на соседний валун. А еще смеют говорить, что трусость — плохое качество…

Ученик мага, трепеща от страха, рискнул осмотреться. Каидк ибн-Самум более не преследовал его — учитель стоял чуть поодаль, воздев руки и явно бормоча очередное заклинание. А чуть дальше метался огромный исполин, вызванный демон.

Чудовище вырвало из груди каменный обломок, которым его собирались убить кавладорские волшебники, и теперь рычало, запрокинув голову; на его плечах виднелся силуэт какого-то высокого человека — монстр загребал когтистыми лапами воздух, силясь поймать смельчака в кулак.

В любой другой день при виде этого зрелища Далхаддин счел бы необходимым пасть ниц и взмолиться о благословении Духов Пустыни; сегодня же… Духи наверняка слишком заняты, так что придется выкручиваться самому. Поэтому эльджаладец тряхнул кистями рук, приготавливаясь к активизации "щита Амоа"…

В этот миг он и *услышал* воду.

Это был не тот вкрадчивый, еле различимый *шепот*, который мешал ему весь вчерашний день, не давая сосредотачиваться на заклинаниях. Это был не быстрый, торопливый говорок ильсиярских колодцев. Это был ликующий вопль, победная песнь, исполняемая хором счастливчиком, которым повезло выжить…

Он обернулся и увидел серебристый нескончаемый поток; казалось, что река сходит с самого неба.

Вода пожирала чары иллюзии, задуманной и воплощенной магами Пенталиакнос, она была везде и всюду, стремясь как можно быстрее заполонить собой все пространство вокруг.

— О боги, — прошептал Далхаддин, выставляя ладони вперед и активизируя самое простейшее заклинание управления Третьим

Началом. Он молился о том, чтобы вода услышала его, повернула в сторону, чтобы услышала, чтоб повернула, чтобы услышала…

Магия шла из самой глубины сердца молодого человека, он чувствовал ее жар и напряжение, буквально сжигающее его внутреннее Я; он чувствовал, как вода еле заметно начала поддаваться, слыша приказы родственной души…А потом он вдруг почувствовал себя могущественным, будто в одночасье стал богом: энергия хлынула из него как лава из жерла вулкана, мгновенно переборов силу наводнения и заставляя поток уйти в сторону…

Далхаддин рискнул отвести взгляд от водопада: рядом с ним стояли эльф и тот бородатый сморщенный старичок-кавладорец, подняв руки и посохи и накачивая своего молодого коллегу энергией.

— Не отвлекайся, — строго напомнил мэтр Виг, и Далхаддин послушался.

Он смотрел на источник нескончаемого потока, располагающегося где-то у вершины Абу-Кват, и не видел, как вода, делая сумасшедшую петлю над головами спешно отступающей маленькой армии, обрушивается на огненную тварь, на спекшийся песок и камень, политый кровью героев; как кричит возмущенный и яростный Кадик ибн-Самум, проигравший последнюю схватку в своей жизни; как вода обрушивается в глубины разрушенного Львиного Источника, как сдвигает с места обломки пирамид, как с шумом и грохотом распространяется по ущелью, легко обходя препятствия, и как она шипит, возвращаясь в старое, давно покинутое русло…

— Все? — строго спросил Громдевур у подбежавшего последним бомбардира. Эти храбрецы еще и пушки пытались спасти! Эх, поговорит с ними генерал, эх, устроит им пару месяцев военных учений…

— Все, ваше благородие! — подтвердил солдат.

Октавио кивнул мэтру Фледеграну, чтоб заканчивал эвакуацию.

Придворный маг и его ученики держали заклинание телепорта, через который спешно уходили те, кому повезло выжить; полуэльф колдовал что-то над ранеными, передвигаясь в такой близости от выгнувшейся куполом воды, что у Октавио в пятках засвербело.

Вступив в серый туман заклинания, Громдевур посмотрел на чудовище, исступленно борющееся с утягивающим его водоворотом; и поискал взглядом, где тот храбрец-самоубийца, которому пришло в голову атаковать демона столь необычным

способом. Гляди-ка ж ты, везет, как утопленнику…

Принцу Роскару действительно повезло схватиться за лапу грифона — после того, как возмущенный демон сгреб его в горсть и отшвырнул прочь. Грифон был весьма недоволен таким способом передвижения; он вопил, отчаянно хлопал крыльями и пытался хоть как-то справиться с тяжестью, которая увлекала его к земле.

Роскар посмотрел вниз, выбирая, где бы приземлиться… Коротко присвистнул от удивления. Надо же! Вода! Как удачно! — и, отпустив лапу грифона, «солдатиком» ухнул вниз.

Вода обхватила его и понесла. Стараясь держаться середины потока, принц потратил несколько секунд на размышления, а откуда взялась река посреди Пустыни. Ответ не нашелся, и тогда Роскар выкинул из головы лишние размышления. Он извернулся, позволил сапогам утонуть, потом вытянул руки так, чтобы было легче держаться на плаву, и теперь посматривал по сторонам, отмечая, что скорость водяной поток набрал такую, что и не снилась некоторым призовым жеребцам.

Увидев неподалеку от себя кружащее в толще воды тело, Роскар подгреб и схватил утопающего за длинные темные волосы.

— Не Джоя, — вынужденно констатировал Роскар, помогая находящейся в обморочном состоянии девушке держать голову над водой.

Мэтресса Далия, ослепленная и оглушенная, изо всех сил вцепилась в протянутую руку помощи.

Окрестности оазиса Диль-Румайя

Зрелище наполняющегося русла реки навсегда осталось в памяти инспектора Клеорна. Сначала они услышали крики — какой-то всадник, а за ним — белая лошадь без седока, — неслись откуда-то из-за Обрыва и вопили, что было сил; приставленные к инспектору арбалетчики напряглись, небольшая горстка спасшихся после песчаной бури у Горы Сфинксов перепугалась. Мэтресса Вайли поспешила всех успокоить, сказав, что "На заклинания коллеги Мориарти это совершенно не похоже, значит, процентов тридцать присутствующих точно уцелеет"…

Когда инспектор начал командовать готовится к обороне, мэтр Лео вдруг удивленно поднял брови, прислушался к чему-то своему, магическому и ответил, что бояться не надо. Это всего лишь вода.

Вода, да… Но СКОЛЬКО!!!

Она несла тонны мусора, камней и песка. Она перескакивала через самообразовавшиеся завалы, разбивала их, увлекала за собой, обходила, обкатывала, неслась, стремилась, бежала… Не

прошло и трех минут, как на месте высохшей ямы, торжественно именовавшейся Старое Русло, образовалась вполне себе симпатичная речка. Небольшая — в Кавладоре такие в лучшем случае считаются большими ручьями, но зато быстрая… очень быстрая…

— Не отвлекайтесь, — строго потребовала некромантка, подходя к задумчиво наблюдающему за потоком воды инспектору. — Нам еще надо отыскать мэтра Мориарти. Если наводнение вдруг повредило его тело, то надо срочно принять меры, чтоб не завелась грибковая плесень, чтобы мозговые ткани не перепрели…

Клеорн не стал слушать — он вдруг заметил в бурлящем потоке воды чье-то тело и со всех ног бросился на помощь.

— Напа Леоне?! — ужас Клеорна, испытанный при виде маленькой гномки, трудно передать. Здесь, посреди Пустыни?! Она?! А где же…

Гномка позволила вытащить ее на берег, перевернулась, устроилась на мокром песке и принялась шумно отплевываться. Следом за ней из потока выбрался молодой человек, серебристо-зеленый от усталости.

— Где Далия?! — закричал Клеорн. — Только не говорите, что не знаете! Как вы вообще оказались в этом водопаде?! Где она?! Как вы очутились в Эль-Джаладе?! Почему здесь?! Где она?!!!

Он подскочил к гномке, рывком поставил на ноги, когда же Напа покачнулась и чуть не рухнула, подхватил ее на руки и затряс, как тряпичную куклу.

— Эй!!! — закричал кто-то возмущенный.

— Хогри! — предупредил второй голос, располагающийся где-то на уровне щиколотки инспектора.

— Эй, оставь мою сестру! — возмутился Ньюфун, подходя ближе. Его малость пошатывало; от *субстанций*, с которыми познакомился, будучи проглоченным той громадной тварью, клёпочки на куртке и шлем начали тускнеть, и всё это вместе взятое не добавляло воинственному Кордсдейлу хорошего настроения. Да, весьма вероятно, что Напа заслужила порку — оказаться в Пустыне! А ему, родному брату, ничего не сказала! — но порку родственную, а не какую-то там человеческую…

— Где же Далия? — снова повторил Клеорн. — Госпожа Кордсдейл, где она?! Вы же всегда действуете сообща, как нитка и иголка, где она?!.

Фриолар прищурился, протер глаза и с усилием поднял руку, указывая на водяной поток.

Клеорн бросился против течения, забравшись по пояс в

холодную воды. На секунду он перепугался, когда увидел лишенное красок, белое лицо мэтрессы с закрытыми глазами; во вторую секунду Клеорна пронзило искрой служебного долга — он узнал в мужчине, поддерживающем алхимичку, его высочество… Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так что приступ ревности, охвативший инспектора в третью секунду, легко погас — ведь всем известно, что принц Роскар ходячая энциклопедия подвигов, хорошо, что подвернулся вовремя, спас утопающую…

Клеорн вытащил Далию на берег, принялся хлопать по щекам, мешая мэтру Лео оказать первую помощь.

— Далия, как вы? Вы живы, ответьте!

Она приоткрыла глаза, обвела всех полубезумным взором, закашлялась…

Забыв о привычной сдержанности и требованиях этикета, Клеорн порывисто обнял девушку и заговорил о том, как он счастлив, как он волновался, ну зачем она так — уехала, а его не предупредила, что ей не следовало оказываться в гуще магических войн, что он очень рад увидеть ее живой, что интеллект до добра не доводит, что он знал, он чувствовал — ей нужна его помощь, что Далия должна обещать ему никогда больше не лезть в непонятно откуда взявшиеся водоемы без его, Клеорна, страховки, что он безумно рад ее видеть, что она жива — а это главное…

— Ах, Клеорн, — сумела, наконец, вставить словечко в поток благословений Далия. — Ваша любовь сейчас сломает мне кости…

— Хогри, — подтвердила свинка-копилка. Она зашла в Дхайят по колено и теперь сверкала, озаряемая алмазными отблесками переливающейся на солнце воды.

24-й день месяца Барса

Дом мэтра Вига и прилегающая таверна "Песчаный Кот"

Дорогая Фиона!

Мы ещё живы. В это особенно трудно поверить после всех бед и разочарований, которые выпали на нашу алхимическую долю.

Царь Тиглатпалассар оказался банкротом, жуликом и пройдохой. По версии моей сапиенсологини он был человеком совершенно преступного склада характера, а по версии Фри-Фри он собирался построить некую маго-механическую плотину, управляющую течением здешней эльджаладской речки. Потом, как свойственно человекам, не вовремя умер, его великолепный план остался недореализованным и совершенно забылся потомками. Даже статую царя, держащую в руках Золотой Город, прообраз его, Тиглатпалассара, мечты, не сумели сделать, как надо.

Фри-Фри лечит сломанные ребра и вывихнутую лицевую челюсть. Или ключицу? Короче, его крепко приложило, пока нас крутила по сокровищнице вырвавшаяся на волю водичка. Пф! Слабаки вы, люди… Не бейспокойся, его скоро вылечат — здесь, в доме мэтра Вига, сейчас и мэтр Фледегран, и мэтр Аэлифарра, и прочие эльфийские выскочки…

Серьезная гномка вывела последнюю руну и полюбовалась на написанные строчки. Послышались тяжелые шаги и на лавку, на которой сидела Напа, вскарабкался Ньюфун.

— Кому пишешь?

— Фионе, маме Фриолара. Рассказываю, как нас протянуло по всем здешним горам водопадом. Я чуть шлем не потеряла, когда меня из пещеры вытолкнуло, да как понесёт, понесёт!.. Представляешь, я её, в смысле, капельку воды, всего лишь легонько мечом рубанула, а оказывается, сняла чары, которые действовали двадцать столетий! Во как!

— А я, чтоб ты знала, демона победил! — гордо выпятив грудь, ответил Ньюфун. Потом почесал старый шрам на кончике носа и чуть менее уверенно добавил: — Вообще-то, принц выпустил ему кишки, а какой-то маг почти до костей сжег голову, так что когда я доставил внутрь его пасти огненный припас и тот рванул, дело было почти решенное. Но всё равно, я активно поучаствовал в его кончине. Правда, и лошадь постаралась… Как вспомню это жуткое "хрясь!" за спиной — глядь, я уже внутри, там всё в слюнях, кровище; зубы величиной с пони, вонь, гарь — беее… гадость. — Ньюфун поморщился и демонстративно скривился.

— Повезло тебе, Ньюф, — завистливо вздохнула Напа. — Ты у нас теперь герой!

— Да, я такой! — скромно заявил Ньюфун. Потом спохватился: — Только не вздумай маменьке пересказывать подробности моего подвига! Она ж меня убьет!

— Тогда и ты не говори, что мои поиски сокровищ древнего царя закончились провалом. И вообще — мало ли, кто мог устроить водоосвобождение? Фри-Фри там рядом стоял, вполне вероятно, именно он учудил какой-нибудь алхимический взрыв, из-за которого река вернулась… А я тут совершенно ни при чем!

— Договорились.

Брат и сестра пожали руки, скрепляя соглашение, и Напа вернулась к письму.

Далия наглоталась воды в жутком количестве. И замерзла. Теперь у нее кашель, который обостряется, когда в дом Вига забегает с очередным докладом инспектор Клеорн. Мэтресса начинает жутко кашлять, жаловаться на ломоту в коленках и

жжение в груди, а Клеорн прыгает вокруг нее, приносит с рынка фрукты и дыни, рассказывает случаи из своей сыщицкой жизни — даже, кажется, в стихах. Фри-Фри реагирует на такие визиты едким смешком, Лотринаэн высоко поднимает брови и говорит что-то о том, что у каждого преступления должно быть соответствующее наказание и о косах, которые сталкиваются с камнем. Совершенно не понимаю, при чем тут сельское хозяйство! Хорошая коса, которую можем сделать мы, гномы, рубит любой камень! Ну, почти любой — если вдруг она столкнется с головой какого-нибудь принца Роскара, я поставлю все-таки на принца.

Он такой лапочка! Я сняла с него мерки, когда он вчера он заглядывал сюда, передавал мэтру Пугтаклю и мэтру Вигу благодарности от короля Гудерана. Как только вернусь домой, найду глину и слеплю его статую. Попрошу Нэмба и Нумура — они отольют из бронзы.

Теперь о самом тяжелом и печальном.

Мой Черно-Белый Кот, мой милый питомец, которого я собиралась перековывать в сторожевого леопарда, обзаведясь соответствующим опытом в гиджапентийских гробницах, оказывается, сбежал на поиски меня и мэтрессы Далии. Если, конечно, Ньюфун не врет. Он — в смысле, Ньюф, — утверждает, что едва мы уехали, котик начал сохнуть с тоски, рваться на волю, и в один прекрасный день сбежал.

Где он теперь? Встретимся ли мы снова?

Напа грустно вздохнула. Ее блуждающий печальный взор случайно зацепился за того пелаверинца, который, оказывается, путешествовал с ее братом. Огги что-то обсуждал с господином Вапути, размахивая руками, время от времени надувая щеки, фырча и совершенно по-кошачьи округляя глаза. Странные всё-таки создания, эти люди, — подумала гномка и вернулась к письму.

А Рутфер, закончив разговор, вышел из-под полосатого тента под лучи палящего солнца и остановился, млея от жары.

Его звало на подвиги.

Нет, правда! Никаких шуток! Его действительно звало на подвиги!

Дожив до тридцати четырех лет и сделав неплохую, по меркам Бёфери, карьеру у фрателлы Раддо, Огги никогда не испытывал такого душевного подъема и деятельной мании. Ему хотелось сделать что-нибудь значительное, великое, или просто полезное!

Что восславить Великого Кота, да прогремит в веках его фырчание!

Когда с некоторым опозданием на битву у Львиного Источника явились маги и священники Иберры, Брабанса и Кавладора и занялись исцелением раненых, какой-то четверть-эльф немного смущенно предложил Рутферу излечить его от последствий какой-то там интоксикации. Дескать, его укусила какая-то тварь, да потом он отравился недодержанным самогоном, да и вообще вел жизнь не слишком праведную — вот внутренние аффективно-побудительные ресурсы и не выдержали, и теперь, якобы, заставляют беднягу Огги совершать глупые поступки.

Ученые словечки вызвали у пелаверинца искренний смех. Ты что, с дуба рухнул? Никогда в жизни Огги не чувствовал себя таким нужным и общественно-полезным! Он действительно понял, в чем смысл жизни! Теперь и навсегда он посвятит свою жизнь новому божеству!

Для начала Огги навестил бывшего босса.

Фрателла Раддо страдал. В его шатре было темно, душно, разом постаревший, похудевший Бонифиус лежал на смятой постели, весь какой-то отекший, опухший и желтовато-зеленоватый. Увидев своего помощника, он обрадовался (достаточно вяло), рассердился, что тот где-то ходит, когда его помощь так нужна (совершенно не убедительно) и тут же нагрузил списком дел. Для начала — отыскать Хрумпа и Фломмера, куда эти два идиота подевались, потом — выяснить, чем все-таки закончились состязания за право стать Покровителем Года, навестить судью Раджа, вернее, старшую из его маменек — она хотела продать кой-какие драгоценности по сходной цене…

Фломмер отыскался сам. Он шел по опустевшему лагерю участников, сейчас представлявшему нечто среднее между походным лазаретом и армейским обозом, весь из себя гордый и счастливый. За ним шла совершенно жуткая деваха — Огги показалось, что он ее где-то видел. Но где могут встречаться подобные богатырки с лицом одновременно угрожающим и довольным, в потрепанном розовом сарафане, жутких зеленых бусах? Когда Рутфер окликнул приятеля, Фломмер поприветствовал его героическим тычком в плечо и со смущенным смешком представил девицу как свою жену. Дескать, вот. Отыскалась, счастье мое… «Счастье» посмотрело на Рутфера взглядом оценивающим и жадным, отчего вновь обретенное кошачье верование Огги немедленно потребовало издать тягучий весенний вопль, задрать хвост, выпустить когти и вступить в бой с Фломмером за право обладания подобной «красотой». Увы, исход подобной драки был заранее предрешен. "Погоди, моя

мяууурррлыка," — пообещал себе Огги, провожая молодоженов к шатру Бонифиуса, мило улыбаясь Фломмеру и как бы не взначай подмигивая Любомарте, — "Мы еще поуммяукаем, сидя на крыффше…"

После чего поплевал на ладошку, вымыл несуществующие усы и отправился дальше.

Царство мёртвых

Хрумп бежал, бежал и снова бежал, петляя, как заяц, захлебываясь обжигающим воздухом, отчаянно стараясь выбраться из темных, пропахших пылью глубин. Иногда он видел тяжелую дверь, чуть приоткрытую — последний, кто прошел по этой тропе, не позаботился затворить за собой тяжелую украшенную бронзовыми фигурками и магическими рунами дверцу. И Хрумп бежал, падал, пытался дотянуться кончиками пальцев, выбраться…

Один раз он сглупил, позвал на помощь. Помощники не замедлили явиться на зов- закутанные в льняные саваны, из-под которых тянуло мертвечиной, они посмотрели на отчаянные попытки Хрумпа, вяло зевнули, выпустив облачко пыли, и предложили присоединиться к ним. Дескать, так уж распорядилась Судьба, парень…

Нет, никогда! Ни за что! Он не сдастся, он выберется! И Хрумп снова бежал, тянулся к выходу из Царства Мертвых…

И снова срывался, скатывался вниз, в мрачное подземелье, в котором медленно усыхали его бренные останки.

Иногда он рыдал, иногда пытался вытащить собственную голову, разбитую упавшей дланью давно почившего правителя. Гораздо чаще проклинал и обещал, что вернется. Он вернется, обязательно! И отомстит клятой алхимичке, которая так подставила его! Заманила в ловушку! Посулила сокровища Золотого Города!

Один раз в подземелье к Хрумпу заглянул — кто бы, вы думали? Старый знакомый, Фил Пункер!

— Привет, — поздоровался призрак Филеаса. — Ты теперь тут обретаешься?

Хрумп посмотрел на приятеля, которого когда-то пырнул ножом, и популярно, на дворовом диалекте Бёфери объяснил Филу, куда он может пойти и чем заняться.

— А я теперь свободен. Посидел несколько недель в шкатулке у одной некромантки, осознал свою вину перед дедом — вот, попросился сюда, охранять его секреты. Жаль, конечно, что такой памятник древности разрушился…

Филеас Пункер посмотрел на гигантский завал, под которым

скрылись обломки Золотого Города, открытого его дедом.

— Но ничего, теперь мы с тобой вместе будем воров отпугивать! — жизнерадостно заявил один призрак другому и хлопнул бывшего приятеля по плечу.

Наверное, это и есть ад, которым пугают несмышленышей, — понял бывший вор.

Между Ильсияром и Хетмирошем

Ужасы и волнения двадцать первого дня благополучно ушли в прошлое. В пучину случившегося канули долгие напряженные переговоры, в которые оказались втянуты явившиеся зов мэтра Пугтакля маги Иберры, генерал Громдевур, мэтр Фледегран и армия эмира Джавы. Октавио вежливо попенял эльджаладцам, какой нехилый заговор они проворонили, что это он, а не какие-нибудь големопредводители выиграл битву при Львином Источнике, и вообще, он действовал в дипломатических рамках — спасал кавладорцев, которым угрожали демоны Кадика ибн-Самума. В качестве подтверждения своих слов Громдевур попробовал предъявить труп мэтра Вига, когда же старый волшебник кротко послал генерала на семнадцать сторон света, предъявил труп мэтра Мориарти.

Авось, никто не будет разбираться, подданным какой стороны он является, и обман пройдет.

Обман действительно прошел. Эльджаладские вояки нахмурились и отправились в Омар, согласовывать дальнейшие действия с эмиром. Правда, всё едва не испортила мэтресса Вайли — она оказалась рядом, увидела спеленутого вьющимися зелеными побегами Мориарти, упала рядом на колени и возрыдала о его несчастной загубленной жизни. Когда она всей хорошо откормленной массой рухнула на «труп» ллойярдца, Мориарти пришел в себя и принялся демонстрировать, что он отменно здоров, зол и хочет посчитаться со всякими там… Некромант вполне был готов устроить еще одно магическое сражение, но увы — на месте Львиного Источника теперь находилось море грязи и найти кого-нибудь в этом месиве не представлялось возможным.

Мориарти выждал двое суток — позволяя Вайли квохтать над ним, как заботливой наседке, отпаивать его микстурами и подбирать новую мантию. Потом некромант вернулся к Львиному Источнику и попробовал разыскать Кадика ибн-Самума.

Мэтр Пугтакль, сопровождавший ллойярдского коллегу от имени короля Иберры и всего Лаэс-Гэора, а так же мэтр Фледегран, действовавший по личному распоряжению короля Гудерана, и генерал Громдевур, не согласный упустить

предстоящую заварушку ни за какие коржики, обнаружили лишь сломанный обсидиановый посох.

— Он был плохим магом, — зло плюнул Мориарти.

— Он был хорошим магом, — поправил некроманта эльф. — Хотя, возможно, не самым высокоморальным и не самым добрым, но кто из нас, магов, вообще может похвастаться подобными качествами?

А Октавио просто сплюнул сквозь зубы, не собираясь портить торжественность момента озвучиванием того, что действительно думал о Кадике-Ветре-Пустыни и его качествах.

Далхаддин, делегированный растерянными коллегами как представитель Хетмироша, молча согласился.

Воспоминания, которыми делились пережившие битву у Львиного Источника храбрецы, становились страшнее с каждым часом и с каждой выпитой кружкой вина господина Вапути. Теперь уже не семь демонов победили кавладорцы, а настоящую армию, с головами львов, задницами скорпионов, крыльями летучих мышей и криками баньши. Каждый считал своим долгом живописать грозное оружие, которым якобы обладали противники, гномы додумались пустить слух о самодвижущейся повозке из чистого золота, которую якобы соорудил для себя Кадик ибн-Самум, чтобы командовать битвой, и некоторые энтузиасты собирались вверх по течению Дхайят на поиски золотого лома.

Вчера господину Вапути принесли кусок крыла Золотого Жука — виноторговец растерянно попробовал на прочность штуковину, похожую то ли на раскрашенный золотой краской картон, то ли еще не пойми на что… Мэтр Виг избавил Вапути от сомнений, экспроприировав фрагмент изобретения иберрских коллег.

Шокированные битвой с Духами Пустыни и еще более испуганные рассказами о событиях у Львиного Источника участники сорвавшихся состязаний тяжело пережили известие о судьбе существ-претендентов. Буренавская делегация, располагая свидетельствами пострадавших и очевидцев, атаковала жалобами господина Иолинари и судью Раджа. Господин Иолинари обещал разобраться. Правда, отложил внимательное расследование до тех пор, пока не разберется с последствиями жуткой паники, охватившей Ильсияр и ближайшие деревеньки при известии о магическом сражении Кадика ибн-Самума.

Двадцать первый день месяца Барса давно прошел, но последствия его продолжались, расходясь, как круги по воде.

Жители Диль-Румайи, Обезьяньего Источника, Сар-Куримы и прочих селений, вдруг обнаружившую реку там, где она должна

была находиться, если верить картам и преданиям былых веков, первые дни могли лишь любоваться на бегущую воду. Они не верили, что воды может быть *столько*. Что она могла быть *просто так*. Что она будет тут *вечно*…

А поверив, падали на колени и благодарили Духов Пустыни и эмира Джаву, да правит он четыре сотни лет, за сотворенное чудо!

При чем тут эмир? — думал Далхаддин. Но озвучивать свои сомнения не спешил.

— Вы все-таки уезжаете? — спросил молодой маг — теперь уже точно маг, а не какой-то там ученик. Вот, даже новый халат есть! С двумя золотыми звездами и целой горстью серебряных!

Далия пожала плечами. Сейчас они стояли под полосатым тентом таверны, чуть в стороне от суеты, которую развел хозяин дома, собираясь отбывать обратно в Чудурский лес.

— Мэтр Виг весьма расстроен тем, что аннулировали все результаты гонок магических тварей по Пустыне, — объяснила алхимичка. — Ты не представляешь, что здесь было! Обошлось, правда, без призыва существ-из-другого-мира, но и тех, кого Виг призвал из мира этого, было слишком много… Теперь, чтобы жить в доме, его надо заново ремонтировать, а перед этим — избавиться от злобных зубастиков, которые засели на чердаке, пиявок размером с кувшин, которые оккупировали подвал, и жутких топорщащихся рогами монстриков, в которых переродились карликовые коровы Вига после того, как поели какой-то эльфийской травки… Одним словом — да, мы едем домой.

И Далия чуть насмешливо посмотрела на Далхаддина.

О, как она была прекрасна! Тронутая золотистым загаром кожа, большие темно-серые глаза, выразительные брови, живой взгляд, сочные губы!..

— А может быть, останешься? — молодой человек и сам не понял, как из недр его души вырвались эти слова. — В конце концов — Ильсияр большой город, жить можно не только в доме старого мэтра. Есть и Хетмирош, там тоже люди живут…

— У меня тысяча дел в Талерине, — заявила Далия. Ее тон — ласковый, мурлыкающий, — заявлял прямо противоположное. И что дела подождут, и что не только в Талерине можно проводить исследования Разума…

— А все-таки, может, останешься? — с робкой надеждой спросил Далхаддин. — Понимаешь — ты самая красивая и умная из женщин, которых я только видел…

Для Далии эти слова прозвучали райской музыкой.

— Когда ты рядом… когда я вижу тебя… — несколько

бессвязно продолжил эльджаладец. — В моем сердце бушует огонь, а в печени такое ощущение, будто я проглотил целый тюк омарского перца! О ты, цветущая вишня моей души! О, сахарная дынька, с томной негой возлежащая на бархатистых листьях моего восхищения!..

Сохраняя загадочно-поощряющее выражение лица, Далия тайком посетовала, что Далхаддина не слышит Клеорн. Признания инспектора, тоже весьма экспрессивные, уже успели надоесть алхимичке своей несколько казенной прямотой. Она, конечно, хороша, но восточная пылкость… страстность… изящество сравнений и гипербол…

— Оставайся, о Далия, — эльджаладец осторожно взял руку алхимички и с почтением поцеловал кончики пальцев. — Выходи за меня замуж!

О!!! Музыка души заиграла еще громче.

— Уверен, — продолжал Далхаддин. — Ты быстро подружишься с остальными моими женами!

— ЧТО?!!

— Мы будем слушать музыку, сидя в нашем саду, смотреть на реку, протекающую у подножия Хетмироша, по вечерам я буду читать тебе стихи, а ты — рассказывать свои алхимические истории…

— Остановись, — приказала Далия. — Повтори, пожалуйста, еще раз, с кем я должна подружиться.

— С моими женами, — послушно повторил Далхаддин. Ему показалось, или действительно его кавладорская жемчужина чем-то недовольна? — Я что, о них еще не рассказывал тебе?

— Нет, — с кислотной едкостью ответила сапиенсологиня. — Забыл, наверное.

— О них забудешь, как же! — пожаловался Далхаддин. — Особенно две старших — такие стервы… ой, — спохватился он. — Не думай о них очень плохо! Они просто мало образованные, вот… Но тебя они полюбят обязательно! И мы будем жить долго и счастливо!

— Просто уверена в этом, — Далия похлопала Далхаддина по плечу, наградила улыбкой и пожелала ему успехов в семейной жизни. А она-то думала, почему такой неплохой, в общем-то, парень терпит козни Кадика! Да у него ж, оказывает, выраженная мазохистская ориентация личности!

— Я сказал что-то не так? — спохватился эльдажладец. Так как Далия сделала попытку удалиться, он принялся оправдываться: — Ты понимаешь, всему виной наши традиции! Когда у меня обнаружили талант мага, вся деревня собирала деньги, чтобы отправить меня учиться. Вот и пришлось жениться

на дочках наших, деревенских, богатеев — я верну свой долг, заботясь о них и их семьях… лет, думаю, через сорок окончательно рассчитаюсь, тогда можно будет и развестись. Но ты будешь моей самой любимой седьмой женой!

— Извини, ничего не выйдет, — коротко ответила Далия.

Нет, вы только его послушайте! Традиции! Долги!!! Жить в режиме жесткой экономии, залезая в долги и выпутываясь из них с изобретательностью истинного гения — тоже в традициях алхимиков Кавладора, но шесть жён мало кто из них имеет! Нет, вы подумайте! Предложить ей подобный мезальянс!! И еще смеет ее преследовать, уговаривать! Да куда же ей скрыться от подобной навязчиво-приторной любви?

Сапиенсологиня резво подбежала к Фри-Фри, занятому складированию книг и сундуков в центр будущего телепорта, выхватила какой-то ларец и, приняв вид деловой и сосредоточенный, бросилась помогать. Грифон, лениво следящий за сборами, поджал крыло, чтоб алхимичка на него не наступила.

Нет, ну вы подумайте! Седьмой женой!..

— Что в этом сундуке? — спросила Далия — чтобы избежать встречи с Далхаддином, продолжающим переминаться с ноги на ногу поблизости, она атаковала мэтра Вига. — Браслет, деревянная игрушка… Это же те самые обереги, тайну которых вы должны были вспомнить!

Виг посмотрел на перекатывающиеся по деревянному хранилищу предметы. Подергал себя за бороду, подумал — и бросил в обереги-напоминания короткую молнию.

— Зачем вы их уничтожили?! А вдруг, они предупреждают вас о чем-то важном?! — закричала Далия.

— Не бузи, алхимия, — сурово потребовал старый волшебник. — Они меня так предупредили, что теперь лет на десять покоя лишили! Где, спрашивается, мне искать отпрыска, попавшего в беду? И как?! И вообще! — голос Вига становился всё визгливее и визгливее. — Как посмели эти гады лишить моего Рыжика его законной победы?!! Ненавижу!!!

С рук рассерженного мага сорвались искры, которые, коснувшись земли, превратились в пушистых черных зверьков. То ли хорьки, то ли крысы-переростки побежали в разные стороны, наполняя Пустыню очередным проявлением магической злобы.

Покровителем следующего года — вчера, в двадцать третий день месяца Барса, — объявили Рыцаря. Во-первых, из-за его высочества Роскара — он, в золоченой броне, величественный и важный, как раз вчера прибыл в Хетмирош на своем белом умбирадце, согласовывать на высоком уровне детали капитуляции магических сил Эмирата перед армией Октавио

Громдевура.

А во-вторых, в окрестностях Ильсияра, на месте изрядно опустевшего лагеря Участников, постепенно возвращающегося к естественному виду каменистой предпустыни, вдруг начали видеть привидение. Особо наблюдательные сообщали, что видели рыцаря, в доспехах, настоящего, только призрачного, который дозором прогуливался вдоль Старого русла.

Наверное, появление призрака — какой-то знак, — решили эльджаладцы, и теперь астрологи Хетмироша изо всех сил напрягались, стремясь узнать, какой именно.

Мэтр Виг попросил свою дочь наслать на тех, что лишил Рыжика законной победы, какое-нибудь проклятье позабористей. Та покрутила пальцем у виска, посоветовала отцу жить настоящим днем, не донимать ее глупостями и отбыла следом за мэтром Мориарти в Уинс-таун.

Теперь Виг еще и относительно доченьки ругался. Через каждое второе слово поминал упрямых дочерей, неверное воспитание, некромантию, коварство магов Хетмироша, рыцарей, чтоб им ни дна, ни покрышки…

— Готовы? — сурово поинтересовался волшебник, оглядывая сундуки с поклажей, Рыжика, своего секретаря и гномов. — Даже если не готовы — я начинаю. Следующая остановка — Чудурский лес!

Далия поторопилась войти в круг серого тумана, появившегося после первых слов озвученного волшебником заклинания.

— О, нет, не уходи! — взмолился Далхаддин. — Прошу, оставайся! Ты свет моих очей, вкус моей воды! О, Далия, оставайся, мы будем счастливы!

— Извини, но идея быть чьей-то седьмой женой меня не греет, — буркнула алхимичка.

Сейчас эта чудная женщина исчезнет из его жизни, — понял Далхаддин. Исчезнет ее порывистость и великодушие, любопытство и милосердие, неброская, безыскусная красота и азарт бывалого игрока. Молодой маг испугался — на этот раз настолько, что почувствовал решимость бросить вызов традициям, обстоятельствам и даже самой Судьбе, которая стоит между ним и его любовью.

— А если я выгоню трех младших жен — их родителям я не так много и должен, — скороговоркой, пока не исчезла решимость, выпалил эльджаладец. — Стать четвертой женой ты согласна?

Из-за круга, очерченного заклинанием, Далия послала ему улыбку и воздушный поцелуй.

Далхаддин тяжело вздохнул. Могущественный, загадочный, неторопливый и величественный Восток в очередной раз столкнулся с энергичным и деятельным Западом, и они разошлись, так и не сумев ни победить, ни понять друг друга.

***

25-й день месяца Барса

Ильсияр, здание городского суда

Узнав о том, что мэтресса Далия покинула Пустыню и вернулась домой, инспектор Клеорн потерял покой и сон. Он и так постоянно поторапливал мэтра Лео и прочих помощников, выделенных ему господином Иолинари, а теперь и вовсе превратил официальное расследование относительно деяний Кадика ибн-Самума и событий у Горы Сфинксов и Львиного Источника в настоящую гонку со временем. Клеорн совершил немыслимое — он заставил велеречивых, неторопливых эльджаладцев оформлять официальные документы буквально за пять-шесть часов, а не лет, как они намеревались в начале.

Наконец, сыщику удалось составить печальную статистику двадцать первого дня месяца Барса. Теперь надо еще раз перепроверить имена погибших у Горы Сфинксов, чтобы потом утвердить список у судьи Раджа; по этому списку генерал Громдевур обещал выбить из эмира Джавы компенсацию семьям пострадавших… Интересно, каким чудом мальчишка-судья сумел удержаться на своей высокой должности, — подумал Клеорн, скользя взглядом по именам, прозвищам и отмеченных мелким шрифтом обстоятельствах гибели, — если верить Иолинари, на эмира произвел хорошее впечатление тот факт, что мальчишка не покинул город, а остался вместе с горожанами, ожидающими катастрофы. Приятно знать, что даже при такой идиотской системе правления, когда представителем исполнительной власти вдруг оказывается восьмилетний молокосос, жители Эль-Джалада не растеряли истинно-человеческих качеств…

— Мэтр! — рявкнул Клеорн.

Волшебник, сидящий у окна и с мечтательной улыбкой наблюдающий за шумными ильсиярскими улицами, нехотя очнулся от дум и подошел на зов начальника.

— Мэтр Лео, почему у вас не сходятся цифры?

— То есть? Что вы имеете в виду?

— Вот тут, — Клеорн ткнул пальцем в официальный реестр, в котором господин Иолинари и судейские чины аккуратно регистрировали смерти, случившиеся в Ильсияре. — Сказано, что в окрестностях Горы Сфинксов погибло девяносто семь человек, одиннадцать кентавров и три гнома. А тут, — инспектор переключился на другой документ, который подготавливал по

приказу генерала Громдевура, — указано, что погибло девяносто шесть человек! Почему количество не сходится?! Разве так сложно быть внимательным, мэтр?

Лео понурился и взялся проверять цифры и факты.

— А, — вспомнил он спустя пару минут. — Лишний труп, как я сразу не сообразил. Всё в порядке, во время песчаной бури у Горы Сфинксов действительно погибло девяносто шесть людей, три гнома и неполная дюжина кентавров. Всё верно.

— А девяносто седьмой? — уточнил Клеорн, не спеша верить помощнику на слово.

— А девяносто седьмой труп приплюсовали по ошибке. Он вообще не у Горы Сфинксов помер; если уж вспоминать — там, благодаря скелетам мэтрессы Вайли и защитным чарам Лотринаэна, спастись удалось многим. Конечно, вокруг, по Пустыне, по плоскогорью… Одним словом, этот, девяносто седьмой бедняга, нашелся аж у самой Диль-Румайи. Я видел труп — никаких следов удушья или того, что он песком захлебнулся, его просто зарезали…

— Ах, вот как, — протянул Клеорн и, теряя интерес к постороннему трупу, вернулся к своей работе.

— Да, удар стилета в сердце, а потом второй — в горло, и все дела, — беспечно объяснил Лео, возвращаясь к созерцанию толпы за окном.

Рука инспектора, как раз протянувшая к чернильнице перо, замерла.

— Удар в сердце? Стилетом?

— Ага. Совершенно ничего интересного. Я, признаться, сначала подумал, а не помогал ли тот маг Кадику (убитый, чтоб вы знали, считался магом, хотя полного курса обучения не завершил, полной пригоршни звезд на халат так и не заработал), — но Далхаддин сказал, что вряд ли. Вообще, если подумать…

О чем собирался подумать мэтр Лео, инспектор Клеорн не уловил. Он вцепился в самую важную часть сообщения, слова "маг, удар стилетом, смерть на месте". Совпадение?

Бывают ли такие совпадения?

— Лео, — нахмурился сыщик. — Вы пошутили, или действительно убийство, совершенное неизвестным в окрестностях Диль-Румайи идентично тому, что мы с вами начали расследовать в Луазе?

Судя по тому, какая тяжелая работа мысли отразилась на безмятежном челе волшебника, подробности их кратковременного визита в столицу восточной провинции Кавладора совершенно стерлись из его памяти.

— Ах, как некстати я забросил дело об убийстве Лека-Притворщика! Решено! Сейчас мы завершаем наши дела здесь, возвращаемся в Талерин, я нахожу мэтрессу Далию, а вы отправляетесь в архивы Министерства Спокойствия. Если наш прыткий убийца за неполный месяц Барса совершил два преступления, кто знает, сколько похожих случаев мы сможем отыскать, если поворошим прошлые дела?

— Я не согласен! — встрепенулся Лео.

— А я что, спрашивал ваше согласие? — удивился сыщик.

— Вообще-то, — обиделся волшебник, — я спас вам жизнь. Почти. То есть — я был рядом и даже старался… Могли бы поблагодарить, а не грузить очередной бессмысленной работой…

— Лео, не увиливайте, — строго погрозил инспектор. — Если мои догадки верны, и оба мага действительно убиты одним и тем же человеком — поверьте, в ваших же интересах его найти!

— Почему это?

— Потому, что он убивает магов. Глупость, конечно же, но вдруг он выберет следующей жертвой вас? Или мэтра Фледеграна? Или мэтра Аэлифарру? Представляете, какой скандал может разразиться? Не ворчите, Лео, берите пример с меня и просто смиритесь с неизбежным. — торжественно изрек Клеорн. Затем, обретя очередную цель в своем профессиональном самосовершенствовании, он с новыми силами вернулся к составлению официального отчета.

"Нетушки, — подумал мэтр Лео, с неприязнью наблюдая за действиями начальника. — Он, понимаете ли, будет ухаживать за своей алхимичкой, цветы ей дарить, серенады по ночам распевать, а я — корпеть в архивах? А как же моя драгоценная Элоиза? Я и так потерял почти четыре недели вместо того, чтобы каждый день напоминать ей о своей любви и преданности! Надо будет придумать что-нибудь, чтоб спихнуть наши будущие детективные игры на чью-нибудь чужую шею"…

И волшебник снова погрузился в мечты. Он представлял, как обрадуется Элоиза, увидев его во дворце… как бросится навстречу… как сморщится ее матушка…

Нет, матушку надо будет чем-нибудь отвлечь. Может, напустить на нее мышей? А где их взять и как обосновать их появление?

План завоевания сердца придворной красавицы, юной дочери графа Росинант, пополнился новым пунктом.

Дворец судьи Раджа

— Отведайте плова, дорогой сын…

— Отведайте щербету, о драгоценнейший Радж…

— Пахлавы?

— Рахат-лукум?

— Шашлык из змеиных голов?

— Бычий хвост на шампуре?

— Ласточкины гнезда, фаршированные осьминожками?

— Кальян?

— Лимон?

— Миндаль?

"Свободы!" — хотел потребовать юный Радж. Увы, маменьки обступили его так плотно, что даже дышать удавалось в полноздри. Он тяжело вздохнул.

— Наш сиятельный судья, защита и опора нашей семьи, не здоров?

— Он не весел?

— Его что-то расстроило?

— Мы немедленно прикажем кого-нибудь выпороть! — самоуверенно заявила маменька-четвертая.

— Кого? — изумились три остальные.

— Неважно, главное, чтобы у нашего милого Раджа улучшилось настроение! Скушай зернышко перца, мой дорогой, чтоб прогнать черную желчь из печени!

— Не хочу, — отмахнулся мальчик.

Разумеется, не подействовало.

Последовал новый виток предложений, и только скормив мальчишке половину разносолов, маменьки соизволили выслушать, что послужило причиной плохого настроения сиятельного Раджа.

Оказывается, от мальчика сбежал кот. Да, тот самый! Большой, красивый, пушистый Кот-в-доспехах! Да, тот самый, который якобы рассказывал Раджу смешные истории! И ведь какая жалость — лишь сегодня утром судья догадался, что кот — никакой не кот, а заколдованный принц! Он выспросил у господина Далхаддина рецепт расколдовывания, хотел проверить, а кот сбежал! Ну, как тут не грустить?

Маменьки принялись охать и ахать наперебой.

— А и в самом деле, где эта пушистая зараза? — шепотом спросила маменька-первая у маменьки-второй чуть позже.

— Я продала его купцу, который отправлялся с грузом специй на север, — ответила вторая вдова.

— Давно пора было… — согласилась маменька-третья.

Женщины дружно закивали. Действительно! Этот кот так внимательно следил за их танцами! Нет, в легенду о заколдованном принце они, почтенные женщины, не верили, но кот смотрел так пристально, так самозабвенно, да еще и

облизывался при этом! Ллойярдцы утверждают, что кошкам позволено смотреть на короля — так вот, в Эль-Джаладе — другие законы! Здесь похотливым котам не дозволено смотреть на честных вдов!

Хотя, если бы он действительно оказался зачарованным принцем… Но подобные раритеты в наше просвещенное время увы, не встречаются.

Может быть, именно поэтому его высочество принц Роскар из династии Каваладо просто и скучно вернулся домой.

2-й день месяца Чаши

Талерин, Университетский квартал, ресторация "Алая роза"

Мэтресса Далия покрутилась перед зеркалом, расправляя складки мантии, повесила на шею лупу на длинной цепочке, и, сочтя свой облик достойным множества похвал, вышла из своей комнаты.

Ах, как это здорово — передвигаться не по каменистой и песчаной пустыне, а всего лишь по деревянным половицам, по ступенькам, которые за годы проживания выучила наизусть! Верхняя ступенька — чуть-чуть поскрипывает, на второй — сучок точно посреди доски, третья с такими интересными прожилками, что складываются в смешную гоблинскую рожицу… Кстати, где она?

— Что-то потеряла, Далия? — спросила Напа снизу, из обеденного зала. Час был ранний, поэтому гномка была занята наведением порядка — подметала, расставляла столы, стулья и лавки.

Настроение у Напы Леоне было самым что ни на есть радужным. Да, с сокровищами царя Тиглатпалассара получилось не очень удачно, Золотой Город собственными глазами она так и не увидела… Зато потом, как только они переступили порог родной «Розочки», Ньюфун вручил ей подарок от дяди Дюши! Она стала обладательницей самой уникальной, самой замечательной и самой удивительной свинки-копилки!

Конечно, сторожевого минотавра из почтенного артефакта воспитать не получится, — размышляла гномка, протирая полировочной смесью покрытую зарубками и вмятинами клыкастую морду своей копилочки, — и она не такая мягкая и пушистая, как Черно-Белый Котик, но тоже ничего. К тому же — внутрь Кота заглянуть не получалось, а внутри копилки… внутри копилки хранится настоящее сокровище!

Только — тсс! Конспирация!.. Всё равно Напа не хозяйка

этого сокровища; она всего лишь его хранительница. Но когда-нибудь потом, когда Напа вернет всё, что Дюша Кордсдейл принял на хранение, она отправится в дальние страны, и будет искать чудесные драгоценности, золотые слитки, древние монеты, и складывать их в металлическое нутро чудесной свинки! Хогрихок, радость моя!

Другими словами — если вернувшаяся домой Напа и вспоминала великое алхимическое путешествие в Эль-Джалад, то только в связи с верблюдами. Эх, знала бы она раньше, какое наследство оставил ей дядя Дюша, собираясь в Путешествие к Центру Земли, она бы обязательно прикупила пару верблюдов в подарок родителям!

А так — пришлось удовольствоваться единственным сувениром, привезенным из дальних земель. Большую стеклянную бусину, подаренную царем Эпхацантоном, гномка вставила в массивную бронзовую рамку и повесила над камином — и скромно, и значительно… А путешествие можно выбросить из головы. Еще бы Далия прекратила через каждые десять минут навспоминать, какие лишения она вынесла из-за копательной мании юной гномки, было бы совсем хорошо.

Ну да что с этой ненормальной человечки возьмешь? Вот сейчас — чего ради она обнюхивает ступеньки?

— Такое ощущение, что у нас новая лестница. Ни одной знакомой досточки не вижу. Не то, чтобы я знала их в лицо…

— Это потому, что мы давно не были дома, — с готовностью объяснила Напа. — Я тоже заметила, что потолок на кухне и кладка стен второго этажа какая-то не такая, и Айра мне сказал, что дом без нас совсем заскучал.

— Вот как? — нахмурилась мэтресса. — Какой, однако, удивительный феномен макроэргического пространства реальности!

Айра и Ньюфун, подслушивающие разговор девушек, дружно смутились и сбежали на кухню.

— Интересно, какие еще феномены случились в ресторации за время нашего отсутствия, — пробормотала алхимичка. — Кстати, кто-нибудь видел Джою? Куда она пропала? В мансарде нет, вчера я прогулялась по городскому кладбищу — тоже ее не встретила…

На кухне возникла некоторая суета, которая закончилась выталкиванием рыжего Айры в обеденную залу.

— Госпожа Джоя уехала домой, — не слишком уверенно объяснил гном.

— А почему нас не предупредила?

— Потому… потому… Ну, она очень соскучилась по острову

Дац… Выть начала по ночам… Шерсть у нее клоками полезла…

— Куда полезла? — рассеянно уточнила мэтресса. Она как раз обнаружила на полочке рядом с камином стопку новостных листков и теперь выбирала, с какого номера начать знакомство с последними событиями, произошедшими в Талерине.

— Гоблин бородатый! — агрессивными жестами объясняя Айре, что врать надо более умело, зашипел Ньюфун. — Шерсть у оборотней, а на Даце живут вампиры!

— Так что, мне сказать, что не лезла у Джои шерсть? — растерялся жених Напы.

— Нет! Скажи, что у нее крылья вытянулись, как у летучей мыши! И она ими захлопала и улетела домой!

— Так ведь она не хлопала… — развел руками Айра. — Она просто исчезла…

Ньюфун застучал себя по шлему, дескать, соображай, что говоришь! Между прочим, это тебя, именно тебя оставляли приглядывать за девчонкой и ресторацией! И вообще, скажи спасибо, что благодаря мне с тебя не требуют отчета о Черно-Белом Коте, чтоб его мыши съели…

Спас неумелого врунишку вовремя прозвучавший стук в дверь.

— Кто это? — на секунду отвлеклась от чтения газеты Далия. — Для обеда — рановато…

Нет, это были не желающие пообедать. Это был ответ на объявление, которое Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл поместила в позавчерашнем выпуске "Талерина сегодня", сразу после того, как они вернулись домой и как Ньюфун вручил ей свинку-копилку.

— Меня зовут баронесса Тильда Капликария Сайкен фон Пелм, и я желаю получить принадлежащую мне собственность! — заявила ворвавшаяся в ресторацию дама.

Далия и гномы посмотрели на баронессу с сомнением: выглядела госпожа Тильда не слишком солидно. Платье из потертой, вылинявшей парчи, какие-то совершенно жуткие пожелтевшие от времени кружева, на голове — сбившиеся в кудель кудряшки, на лице — следы пудры и перманентной жадности…

— Вы должны отдать мне кольцо, которое мой предок, барон Генри, передал на хранение Дюше Кордсдейлу! У меня есть документ! — баронесса извлекла из-за корсажа какую-то мятую бумажку и принялась размахивать ею над головой.

На гномов "официальный документ" произвел большое впечатление, а на мэтрессу Далию, увы, совершенно не подействовало. Она выхватила из дрожащих рук баронессы

бумагу и прочитала вслух:

— "А еще березовый сок зело пользителен для борьбы с весенней усталостью и осенней ипохондрией…" Больше похоже на ведьминский рецепт, чем на удостоверение вашей личности, — усмехнулась алхимичка.

Баронесса оскорбилась:

— Да что вы себе позволяете! Мой прадед совершал подвиги! Видели б вы, как он сражался на турнирах! Да чтобы почистить его латы и подержать коня, народ в очередь становился! А вы… вы… жалкая простолюдинка! Прочь с моей дороги! Я вовсе не с вами пришла разговаривать, мне нужно кольцо моего предка!

Гневный вопль аристократки не возымел эффекта — мэтресса Далия издевательски рассмеялась, а гномы вообще смотрели не на кричащую женщину, а на донельзя уродливую металлическую свинку-копилку, прикованную тяжелыми цепями в углу.

— Почему мне никто не отвечает?! — возмутилась еще громче Тильда фон Пелм. — Вот же, я пришла по объявлению! Напа Леоне Фью извещает, что готова вернуть истинным хозяевам собственность, которую принимал на хранение Дюша из клана Кордсдейл! А я и есть эта собственность… в смысле, хозяйка собственности, именно мой предок просил сохранить ма-аааленькое такое колечко с брильянтиком… паршивенькое, оно и стоит-то всего ничего… Она ради фамильного сокровища обыскала все Орберийский горы; где же оно?

— Понимаете ли, ваша баронесистость, — еще шире улыбнулась Далия, — В настоящий момент всё наследство Дюши Кордсдейла находится внутри вот этой замечательной свинки-копилки. Но тут есть одно обстоятельство… Понимаете ли, ваша чистопородность, моя подруга получила свинью всего лишь три дня назад. И мы пока не очень научились управлять этой клятой бестией, — доверительно сообщила алхимичка.

— Хогри… — с сдержанной угрозой донеслось из угла.

— И потому мы попросили нашего приятеля — вернее, моего доброго знакомого, мэтра Лотринаэна из Охотничьего Замка, наложить на копилку пару дополнительных чар. Одним словом, если бы вы действительно были истинной хозяйкой, как утверждаете…

— Но я она и есть! И я утверждаю! — возмутилась Тильда.

— Тогда садитесь напротив свиньи и ждите, пока она не отдаст вам ваше имущество, — Далия подвела баронессу к свинке, Ньюфун придвинул лавку, и в итоге баронесса оказалась сидящей прямо напротив копилки.

Время шло, морщинисто-запудренное личико Тильды пошло розовыми пятнами; металлическая, в щербинах и шрамах, морда

свинки была недвижима и самодовольна, как лик божества.

— По-моему, вы не хозяйка той вещи, которую Дюша принял на хранение, — осторожно заметил Айра.

Тильда в ответ закатила грандиозный скандал.

Стены ресторации "Алая роза" колыхались от криков разгневанной баронессы, в погребе свернулось молоко, а из-под крыши улетели ласточки. Далия жмурилась от удовольствия, фиксируя в блокноте особо колоритные выражения аристократки, Ньюфун не выдержал — сбежал в свою каморку, искать топор, чтобы выразить свое возмущение; Айра и Напа держались за руки, поминутно вздрагивая от страха перед разгневанной женщиной.

В какой именно момент свинка-копилка начала двигаться, никто не уловил. Просто в какой-то момент все увидели, что заверещавший извечное «хогри-хогри» артефакт погружается в стену, увлекаемый чьими-то руками с длинными, неприятного вида пальцами. Ньюфун, уверенный в том, что после пребывания в демонской пасти ему по щиколотку даже глубины Ледяного Океана, бросился спасать имущество сестры. Напа и Айра бросились на помощь, и втроем гномы вытянули из стены (мэтресса Далия удивленно выгнула брови, а вопли госпожи Тильды преодолели звуковой барьер) странного карлика.

Он был рыж, лыс, остронос, узкоплеч, облачен в темный странного покроя камзол, и он вцепился в свинку, как в последнюю надежду.

— Вор! Грабитель! — заверещала Тильда и принялась бить карлика сумочкой.

— Обманщица! Лгунья! Выдра болотная! — не остался в долгу Цогобас. Завязалась приятная глазу драка.

Пронаблюдав, как ллойярдская баронесса и странный незнакомец мутузят друг друга, Далия прошла на кухню, набрала кувшин, вернулась и окатила возмутителей спокойствия холодной водицей.

— Может быть, вы объясните, в чем дело?

— Он пытается украсть…

— Она пыталась присвоить…

— Моё!

— Нет, моё!..

Сомнения и споры разрешила артефактная копилка, которая вдруг затряслась, задрожала свернутым в колечко хвостиком, разинула пасть и уронила к ногам карлика округлую свинцовую коробочку. Глаза карлика вспыхнули оранжевыми огоньками, он с воплем набросился на приз, который искал столь долго и усердно… и натолкнулся на широкое лезвие гномьего топора.

— Слышь, ты, лысый, — строго спросил Ньюфун. — Значит,

говоришь, твоя вещь?

— Моя, моя! — заверещал Цогобас. Потом немного одумался и уточнил: — Кольцо принадлежит моей госпоже! Отдайте его! Или я за себя не ручаюсь!.. — и зачем-то схватился за изумрудную запонку на правом рукаве рубашки.

Взглянув в безумные, усталые и отчаявшиеся глаза незадачливого воришки, Далия посчитала нужным вмешаться. Она потребовала, чтобы хозяин обсуждаемой вещицы доказал свое право собственности, другими словами, дал подробный словесный портрет кольца, который Дюша Кордсдейл принял на хранение.

— Оно…э-э… красивое, — только и сумела придумать Тильда фон Пелм.

— Голубой алмаз величиной с зуб тролля, и оправа из чистого нюра! — выпалил Цогобас.

— Из чистого нюра?! — дружно не поверили гномы.

Напа и Айра наперегонки бросились распечатывать коробочку; их глаза округлились, когда они увидели тяжелый, массивный перстень из черного металла, а из груди вырвался вопль удивления и восторга. Ньюфун тяжело вздохнул — мысль о том, что внутри копилки хранилась подобная ценность, весьма добавляла ему самоуважения.

— Ну, теперь-то вы мне верите?! — возопил карлик. — Отдайте, отдайте его мне!!!

— Отдавайте, а то кусаться начнет, — недовольно подтолкнула Напу Далия. А сама как бы невзначай подхватила баронессу под локоток. — Что ж вы, ваше аристократиё, замолчали? Рассказывайте, откуда знаете о колечке, почему считаете его своим, почто уверены, что сможете обмануть наивную юную гномку… Не вы ли, случайно, устраивали шум в Орбурне, в мастерских клана Кордсдейл, когда просили сделать для вас какую-то фальшивку из железа и голубого стекла?

Тильда Капликария Сайкен фон Пелм, в замужестве — госпожа Азено, — возмущенно пискнула, вырвалась и сделала попытку покинуть ресторацию с высоко поднятой головой. Увы, ничего не вышло — как раз тогда, когда баронесса достигла верхней ступеньки лестницы и открыла дверь на улицу, в помещение ворвался какой-то пушистый черно-белый комок, бросился женщине под ноги, и в итоге незадачливая охотница за чужим наследством растянулась, как лягушка и даже, кажется, проехалась носом по камням мостовой.

Отметив таким образом радость своего возвращения в родные пенаты, Черно-Белый Кот гордо прошествовал в центр залы, смерил выразительным золотым глазом Цогобаса, свинку, Далию,

и громко прокричал "Мяурр!!!".

— Мой черно-беленький! — завопила Напа. — Он вернулся, вернулся! Вот теперь я совершенно счастлива! — заявила гномка, обнимая громко урчащего Кота.

Цогобас посмотрел на животное, до сих пор наряженное в странного вида каску и панцирь, со скрытой неприязнью. Ему показалось, что Кот над ним посмеивается. Впрочем…

Главное, что кольцо Госпожи он все-таки разыскал!

— Это вам за труды, — коротко поблагодарил карлик гномов. Протянул ближайшему бородачу кошелек тонкой кожи, расшитый тонкой серебряной нитью, уложил кольцо поближе к сердцу и исчез, не прощаясь.

— Какой-то он странный, — прокомментировала Далия. У нее вдруг возникло ощущение, что подобное создание — узкоплечее, длиннопалое, остроносое, она где-то видела… или о нем упоминал инспектор Клеорн? Или…

— УХ ТЫ!!! — отвлек алхимичку от размышлений восторженный вопль Ньюфуна и Айры. — Напа, ты посмотри, сколько он заплатил за хранение этого колечка!

— Нет, ну кто-нибудь мне может ответить, куда пропала Джоя? — повысив голос спросила Далия; так как ей никто не ответил, у алхимички остался единственный выход — идти в Министерство Спокойствия и требовать, чтобы Клеорн срочно занялся ее проблемой.

В смысле, установил, куда пропала студентка. А вы что подумали?

Дорогая Фиона!

Я наверняка утомила тебя многочисленными отчетами, которые посылала из Великой Пустыни Эль-Джалада, поэтому, пожалуй, сделаю перерыв — недели на две. Пишу, чтоб предупредить тебя — я не собираюсь никуда уезжать из Талерина, буду помогать мэтрессе Далии оформлять ее заметки относительно Разума Путешественников, помогу Ньюфуну найти работу где-нибудь в квартале Оружейников, Айра, опять же, обещал прочитать мне оду, которую сложил в мою честь; Коту надо сделать новый шлем, а то он, бедняга, будто и не у гномов живет, ходит в одной и той же каске второй месяц подряд… Может, ему какую-нибудь обувку придумать? А то даже подковать не получается…

Фри-Фри тоже обещал тебе написать. Он в Чудурском Лесу, помогает мэтру Вигу с экспериментами.

Ты не скучай, ладно? А если вдруг почувствуешь тоску и приступ меланхолии, помни — ты всегда можешь отправиться в

путешествие. Не важно, куда — на юг, север или даже на другую сторону Великого Западного Океана; не важно, ради чего — поискать сокровищ, спасти какую-нибудь принцессу, для того, чтобы сразиться с драконом, или, как обычно придумывает мэтресса Далия, чтобы познать очередной нюанс Высшего Разума, теоретически существующего в макроэргическом пространстве реальности.

Главное, что, настранствовавшись вволю, ты вернешься домой.

Поверь, это сама приятная часть путешествия!

За сим остаюсь — твоя подруга, Напа Леоне Фью из клана Кордсдейл.

Эпилог

Чудурский Лес, Башня

Мэтр Виг прошлепал в лабораторию, печально посмотрел на всё еще покрытый колючим инеем серебряный бубенчик, извещавший волшебника о том, что кто-то из потомков его младшей дочери попал в беду, и тяжело вздохнул.

Пока все поиски невезучего отпрыска успехов не принесли. Может, бедолага помереть успел, не дождавшись помощи нерасторопного предка?

Виг провел рукой над оберегом, стараясь понять, не веет ли от артефакта энергией Смерти. Вроде нет… Вроде, еще живой. Или живая.

Знать бы еще, кого ж угораздило. И, собственно, что конкретно случилось?

Уверившись в том, что серебряный бубенчик остается всего лишь бубенчиком, срезанным с шутовского костюма, и не спешит раскрывать своих тайн, Виг принялся размышлять о несправедливости судьбы вообще. Ведь столько сил он приложил, чтобы его Рыжик, отрада старческого сердца, выиграл гонки в Пустыне, так старался, чтобы создать самого сильного, выносливого, быстрого зверя, так изворачивался, чтоб сохранить тайну появления грифона…

Стоит сейчас вспомнить обо всех этих ухищрениях — вдвойне обидно становится. Ох уж этот Кадик! Не мог выбрать другой момент, чтоб сводить старые счеты! Чтоб ему на том свете демоны задницу прижгли раскаленными сковородками — столько замечательного зверья, птиц, ползучих многоножек и даже бегающих травок угробил Ветер-со-Свистом ради своих амбиций!

— Кстати, о загробной жизни, — вдруг спохватился Виг.

Он прошаркал до стеллажа, вытянул на белый свет бутылку плотного зеленого стекла (как утверждают специалисты, непроницаемого для призраков) и стал удалять воск, запечатавший горлышко. Некоторое время спустя пробка с шумом выскочила, за ней из бутылки *вылился* плотный серебристый сгусток и со всей энергией рассерженного потустороннего существа попытался придушить престарелого мага.

— Эй, а ну, брось шалить!

— Брось шалить? Я тебе покажу шалости! Я тебе покажу шуточки! Специалист хренов! Маг недоделанный! — завопил призрак.

— Это я-то недоделанный? — рассердился Виг. Он щелкнул пальцами, и нематериальное создание оказалось заключенным в

весьма прочную клетку, составленную из насыщенных энергией прутьев. — Я тебе покажу — «недоделанный»! Я, между прочим, величайший специалист Кавладора по магии Крыла и Когтя! Правда, абсолютный профан в том, что касается Шуток Судьбы…

— Мэтр, выпустите меня отсюда-ааа! — заплакала Касси, убедившись, что клетка может удерживать ее столь же прочно, что и надоевшее коварное стекло. — Что я вам плохого сделала, что вы меня обижаете?! Почему на меня все ополчились?! Я ведь хорошая-аа… а меня убили-иии…

— Ну-ну, брось реветь, — строго погрозил пальцем Виг. — Давай лучше рассказывай, кто ты и откуда. Как призраком-то тебя стать угораздило, болезная моя?

— Ну, меня убили, — в доказательство своих слов Касси ткнула в кровавое пятно, портившее ее модное, хотя и прозрачно-нематериальное платье. — Почти год назад, в Аль-Миридо.

— Нет-нет, начинай с самого начала. Как зовешься, чьих родителей, откуда родом…

— Меня зовут Касси, — утирая слезы, поведала девушка. Волшебник все-таки выпустил ее на свободу, и теперь она уселась на краешек лабораторного стола.

— Касси — кличка для собаки, в крайнем случае — для комнатной пичуги, — отрезал Виг. — Ты давай не стесняйся, полное имя говори. Я ведь не просто так интересуюсь, а с дальним прицелом. У меня у самого вон, внук в беду попал… Хотя, скорее, правнук, вернее… — волшебник попробовал на пальцах подсчитать количество поколений, разделяющих его, Ванессу и непутевого современника, сбился и махнул рукой на точность. — Короче, я помогаю тебе, очищаю карму, и Судьба подсказывает мне, где искать мою кровиночку. Давай, милая, не стесняйся. Как, говоришь, тебя зовут?

— Кассандра-Аурелия, — чуть смущаясь, ответила Касси. — Мамочка говорила, что происходит из старого иберрского дворянского рода, но я, признаться, ей никогда не верила. Родилась я в Ла-Фризе, девятнадцать… хотя теперь уже двадцать лет назад, и всегда, с того времени, как себя помню, мечтала стать лучшей воровкой на свете…

— Достойная цель для достойной донны, — усмехнулся старик, и Касси не смогла понять, шутит ли он, или говорит серьезно.

Кёр-Роэли, Замок

— Ты вернулся, вернулся! — обрадовалась Тия-Мизар, увидев, как засыпанный снежной пургой Цогобас входит через парадные двери Замка.

Карлица-экономка бросилась по ступенькам вниз, смешно подпрыгивая, колыхаясь многочисленными рюшами и оборочками; она подскочила и стала отряхивать камзол Цогобаса от снега.

— Ну что, тебе удалось?..

Вместо ответа радостно ухмыляющийся Цогобас предъявил свинцовую коробочку и щелкнул крышкой, показывая ее волшебное содержимое. Голубой алмаз засиял яркой звездой, отражая свечи и магические фонари, которыми освещался просторный и мрачный холл Замка.

— Ой, как обрадуется Госпожа! — всплеснула ручками экономка.

— Где она? В лаборатории или в библиотеке?

— Она в лаборатории, но, понимаешь… понимаешь…

Цогобас не слушал причитаний Тии, поспешил к большому зеркалу, за которым скрывался волшебный потайной ход, ведущий прямиком в башню-лабораторию. Экономка испуганно всхлипнула и выпалила:

— Понимаешь, у Госпожи гость!

— Вот как? — карлик замер, не зная, как поступить. Вообще-то, Госпожа не любила, когда ей мешали, с другой стороны… с другой стороны… — А где та человеческая девчонка, которую я привел в Замок прошлый раз?

— Ты привел? — Тия-Мизар недоверчиво округлила глаза. — Вообще-то, я думала, это она тебя принесла — ты так ослаб от потери крови, ведь ты чуть не умер, Цогобас! Если бы не доброта Джои, ты бы так и потерялся между-мирами, и не смог бы вернуться в Замок!

— Ладно, ладно, — отмахнулся Цогобас. — Не надо мне напоминать, что я обязан этой человеческой девчонке жизнью! Просто скажи, где она, я хочу обрадовать ее — сегодня, когда Госпожа узнает, что я все-таки справился с ее поручением, она отпустит Джою домой. Так где сейчас девчонка?

— Тоже в лаборатории, — ответила Тия-Мизар. — Госпожа попросила ее играть на лютне, пока она и ее гость ужинают.

— Вот как? — удивился карлик. — А я и не знал, что Джоя умеет играть на лютне.

— Не умеет, — подтвердила карлица-экономка. — Именно это Госпожу и забавляет…

Они перешагнули тяжелую раму, за которой переливался магией потайной ход, и оказались в нужной башне.

Свою лабораторию госпожа Кёр обставила со свойственным ей вкусом — в белых, серых, черных и синих тонах, и с истинно королевским размахом. Круглая башенка, примыкающая к

центральному донжону, была разделена на три яруса — самый верхний представлял собой смотровую площадку, средний был заставлен тяжелыми столами, полками, каменными плитами, скелетами, чучелами, коробами, ларцами и прочими необходимыми волшебнице в ее занятиях предметами. А нижний ярус Лаборатории госпожа Кёр приспособила для отдыха и медитаций. Каменный пол здесь устилал пышный ковер, на котором кружили черные снежинки; на стенах красовались гобелены, изображавшие сцены зимних забав; белый мрамор камина был покрыт искусной резьбой. Сейчас посреди залы стоял обеденный стол, покрытый белоснежной скатертью; свечи сияли теплыми желтыми огоньками, перемигиваясь с ярко пылающим камином. На ступеньках, ведущих к очагу, возлежал царсари — любимец Госпожи, Альбинос. Учуяв приближающихся карликов, хищник выразительно оскалил огромные клыки, глухо зарычал. Сидящая рядом с царсари Джоя перестала терзать лютню и обернулась посмотреть, что вызвало беспокойство животного.

Похоже, Госпожа не так уж и сердится, что я привел в Замок Джою, — решил Цогобас, оценив наряд девчонки. Раньше она носила какое-то линялое черное платьице, а теперь — бархат и меха. Короткая черная курточка с большими серебряными пуговицами, узкие черные штаны, заправленные в сапожки, короткий меховой плащ из белых и черных квадратов, на руках — митенки с изящной вышивкой. И лютню ей Госпожа разрешила взять едва ли не самую дорогую, которая есть в Замке — эльфийской работы, серебристую; жаль, правда, что играть девчонка нисколько не умеет…

Сама Госпожа была одета в белое и серебристое. Тонкий шелк платья дополняли изящные украшения из белого золота и легкая накидка, опушенная мехом белого соболя. Ее гость, сидящий на противоположном конце стола, был в черном — длинная мантия, украшенная тонким темно-зеленым кантом, и тяжелая цепь из черепов, лежащая на плечах.

— Что-то случилось, Цогобас? — хрустальным голосом спросила Госпожа, увидев самого преданного, самого верного своего слугу.

— Я отыскал вашу пропажу, Госпожа! — Цогобас согнулся в поклоне, подбежал к столу и положил перстень из драгоценного нюра рядом с прибором хозяйки.

Кёр посмотрела на кольцо, когда-то подаренное ей барону Генри фон Пелму, с легким удивлением.

— Ты все же его нашел? Почему так долго, Цогобас?

Карлик деланно рассмеялся.

— О, получилась такая запутанная история — понимаете,

рыцарь, которого вы одарили, умер, а наследство перешло его потомкам, а некромантка заперла череп в своей шкатулке, и никак не желала выпускать его из виду, но я все-таки его нашел, Госпожа! Вот он! Вы можете снова им пользоваться, когда захотите, — добавил карлик, заметив, что особого воодушевления при виде вернувшейся драгоценности хозяйка не проявляет.

— Что ты хочешь этим сказать? — холодно осведомилась Кёр. — Ты что, действительно предлагаешь мне воспользоваться перстнем из нюра?

— Ты предлагаешь своей хозяйке остаться без доступа к магической энергии, остолоп? — вкрадчиво осведомился мэтр Мориарти.

— Убери от меня эту гадость! — заявила Кёр. Она подцепила украшение кончиком вилки и отшвырнула его в сторону. Потом с извиняющейся улыбкой объяснила гостю: — Сама не знаю, почему вдруг я вспомнила о пропавшей безделице… Всё-таки его делали мои карлики, с какой стати я буду дарить ценность, сотворенную их руками, чужим людям?

— Вы абсолютно в своем праве, прекрасная леди Кёр, — согласился с хозяйкой Замка некромант. — Мне кажется, я даже могу объяснить, по какой случайности ваша память вдруг освежилась таким странным образом — одна из моих помощниц, ничего особенного, но весьма настырная дама, обладает истинным талантом по части придумывания неприятностей для тех, кого она считают нарушителями неписанных законов морали и нравственности. Кажется, именно у нее хранился череп, который ваш помощник столь ревностно стремился добыть; — Мориарти посмотрел на карлика. Тот съежился и с трудом подавил порыв спрятаться под скатерть. — Дама, которая передоверила моей помощнице этот череп, не расплатилась за волшебство, вот и оказалась проклята. Проклятие вызвало сотрясение Астральных Сфер, они, в свою очередь, освежили вашу память — и вот, ваш помощник получил поручение и каким-то чудом его выполнил.

Волшебник улыбнулся хозяйке Замка, очевидно, не догадываясь о том, что шрам, стянувший вниз угол левого глаза, превращает улыбку в демоническую маску. Кёр восприняла и объяснение, и улыбку так, как она воспринимала всё остальное в своей жизни — то есть холодно и равнодушно.

— Ты еще здесь, Цогобас? Не помню, чтобы я нуждалась в твоем присутствии, — проговорила Госпожа, возвращаясь к трапезе.

— Я… в смысле… но как же… в-в-ваше кольцо, Госпожа… Вы говорили, что… я… и как бы… — промямлил Цогобас, не решаясь

заявить о своих действительных чаяниях и не смея отступать — грустная Джоя сидела рядом, у камина, поглаживая жесткую шкуру Альбиноса, и наблюдала за его бесплодными попытками вытребовать для нее право вернуться домой.

— Можешь забирать кольцо и делать с ним, что угодно, — шевельнула кончиками пальцев Кёр, ставя точку в разговоре со слугой. — Ты всё ещё здесь? Смеешь надоедать мне своим присутствием?

— Но… Госпожа, вы же обещали… — наконец, решился Цогобас.

— Я? Обещала? — Кёр начала сердиться. — Назови хоть одну причину, по которой *я* должна выполнять то, что обещала *тебе*, Цогобас! — в голосе Госпожи зазвенел лёд, запели набирающиеся сил зимние вьюги, и карлик счел за лучшее отступить.

— Не в обиду вам будь сказано, моя прекрасная леди Кёр, — мурлыкающе произнес мэтр Мориарти, — вот за что я люблю свою отрасль магии, так это за то, что слуги со мной не спорят. Хотя и в вашем Искусстве, — спохватился некромант, — есть много замечательных заклинаний… Но вернемся к нашему разговору. Итак, как я уже рассказывал раньше, после того, как мне повезло пережить коварное покушение Кадика ибн-Самума, я вдруг понял, что могу растратить всё свою жизнь на мелочи. Эксперименты, исследования, внутренние и внешние дела королевства — вся эта рутина в лучшем случае сделает меня волшебником известным, но я-то хочу стать великим! А единственный путь к величию — уничтожить всех своих врагов. Поэтому я прибыл сюда, в ваш великолепный Замок: я хочу предложить вам сотрудничество в одном интересном мероприятии.

— Вот как? — Кёр встряхнула вино в хрустальном бокале, показывая вежливый интерес. — Продолжайте, мэтр. Не уверена, что соглашусь, но хотя бы послушаю. Мой великолепный Замок, — в словах волшебницы прозвучала едва заметная нотка иронии. — имеет существенный недостаток: в нем редко случаются по-настоящему захватывающие события.

Джоя выскочила из теплой, уютной лаборатории на галерею, соединяющую башню с центральной частью Замка. Слезы, выступившие на ее глазах, мгновенно замерзли, едва лица девушки коснулось ледяное дыхание царившей в Кёр-Роэли стужи.

— Джоя, Джоя! — окликнул ее Цогобас.

Она повернулась и увидела карлика — несчастный, хмурый и нахохлившийся, будто мокрая курица, тот стоял в двух шагах, не

решаясь подойти.

Джоя сделала глубокий вдох, справилась с подступающими слезами и ответила.

— Я в порядке. В конце концов, она действительно не обещала, что тут же вернет меня обратно в Талерин. Кёр обещала, что подумает — мэтресса Далия называет подобные речевые тонкости казуистикой. Так что… я сама виновата, что верила в чудеса.

Цогобас скривил рот в подобии грустной усмешки, подошел и пожал тонкие пальчики девушки.

— Где ж еще и верить в чудеса, как не в Кёр-Роэли? Не переживай. Мы что-нибудь придумаем, чтобы ты вернулась домой. Обещаю.

Ветер разогнал тучи, и галерею озарил свет трех лун — Черной, Серебряной и Золотой.

Примечания к IX–XV главам

(33) "Лунный амулет", также как и "волчье счастье" — артефакты, позволяющие оборотню не зависеть от фаз Луны. «Лунный» артефакт действует как полная Луна, т. е. позволяет превращаться дуаморфу в животное; "волчье счастье" используется для того, чтобы сохранять разум в состоянии превращения. "Лунные амулеты" можно купить в любой магической лавке, а "волчье счастье" делается на заказ, потому что его действие зависит от целого ряда индивидуальных факторов. Согласно условиям Состязаний, "лунные амулеты" разрешены к использованию.

(34) «Потухшая» саламандра — естественный гибрид пустынного варана и огненной саламандры, см. Бестиарий и примечания

(35) Другие миры есть, это все знают. Странники-из-другого-мира, иначе говоря, переселенцы — явление редкое, но встречающееся.

(36) Стихотворение Веры Мирошниченко.

(37) Гуцинь (гу-цин), аль-удд — восточные струнные инструменты. Аль-удд (удд) — восточная лютня, прообраз гитары (по крайней мере, так считают историки нашего мира)

(38) Считается, что горные тролли — отличающиеся плотными, угольно-черного цвета, образованиями на нижних лапах, агрессивнее равнинных собратьев. См. Бестиарий и Примечания

(39) См. "Труп в Библиотеке"

(40) На самом деле, Фриолар выучил иероглифы, за которыми скрывались — «кот», «слуга», "хороший слуга", "ерунда на всякий случай".

(41) В частности, хочется отметить исследования почтеннейшего Абу-Бухарии, историка из Аль-Тораза. Несчастный ученый схвачен за попытку исследовать останки древних цивилизаций, которые обнаружил под основанием гарема эмира Джавы (да правит он триста лет!) и сейчас ожидает решения своей участи в тюрьме. Вы можете поддержать усилия просвещенной общественности Эмирата спасти Абу-Бухарию от казни, пожертвовав золото для будущей взятки! Ваши пожертвования направляйте по адресу: герцогство Пелаверино, г. Бёфери, Бурдючная улица, дом 9, господину Мильгроу.

(42) Огори-иэ — заклинание магической школы Пенталиакнос. Дословный перевод — "Сторожевой Пес"

(43) И, как всегда, забыли захватить с собой луки, стрелы,

коней, егерей, собак… Хорошо, что охота происходила в малой музыкальной гостиной — по крайней мере, никто не потерялся. А на большой арфе никто и играть-то толком не умел, сломалась — невелика потеря…

(44) Чудодейственное средство! Рекомендовано всеми ценителями эстетики! Создано по секретным эльфийским технологиям! Маскирует прыщи, избавляет от морщин, удаляет приметы возраста! Совершая в день триста круговых движений по важнейшим фрагментам внешности, вы молодеете на целый месяц! Всего пятьдесят золотых, при заказе оптовой партии из Бирмагутты — скидка в десять процентов! (Реклама официального дистрибьютора, фирмы "Раддо и Мильгроу".)

(45) Пожертвовал целый динар — кинул в колодец Слезы Неба. Говорят, из-за монеты кто-то чуть не утонул, но это не мэтра Мориарти проблемы.

(46) Т. е. приблизительно 200 м.

(47) Дикий Рынок — площадь в Вертано (первоначально — за стенами крепости, сейчас — в одном из районов Старого Города), где собираются наемники. Крупнейший рынок нелегальных артефактов, запрещенных веществ, редких и опасных животных.

(48) "Зеленая колесница" — заклинание Зеленой Магии, позволяющее создать из растений (настоящих или магически выращенных) повозку, способную к самостоятельным передвижениям. Тип повозки — ее величина, количество и форма колес, особенности управления и прочее — определяется желанием мага. Так же силой и желанием мага определяется время существования «колесницы»; после того, как растения закончили передвижения они, как правило, укореняются на новом месте — если позволяет состав почвы, атмосферы, уровень влажности и освещенности. В отличие от аналогичных по эффекту заклинаний Магии Смерти, "Зеленая колесница" состоит из живых растений — они способны фотосинтезировать, поглощать корнями влагу, давать цветы и плоды (если успеют).

(49) Чистой воды шантаж — ничего подобного в жизни Напы Леоне не было.

(50) Двуручным мечом Улыбка Дракона — из гномьей многослойной стали, усиленной и заточенной с помощью эльфийских заклинаний, с рукоятью, украшенной серебряными и золотыми дубовыми ветвями и крупными сапфирами.

(51) Практиковать некромантию, согласно Закону о Магии, запрещено. Но поговорить-то можно! (Мэтр Пугтакль, Особое распоряжение по Министерству Чудес королевства Иберры. Действительно только для служащих в ранге министра).

(52) Да, да! Он сам сказал! И даже показал на кованый,

запертый ларец, в котором его мозги хранятся последние две с лишним тысячи лет!

(53) "Воинство базилевса Пацифия" — заклинание Зеленой магии, позволяет магически выращивать растения с определенными свойствами (используется для разграничения полей, охраны сёл от диких минотавров и т. п.); или создавать долговечные защитные полосы. Скорость роста, долговечность растительности, ее внешний вид, наличие колючек, ядовитого сока, ширина и выносливость листовой пластинки и т. п. — определяется уровнем квалификации мага. Возможно применение в ходе боевых действий. Названо по имени владыки Фносса, по приказу которого было разработано и впервые использовано.

(54) Метаморфоза — здесь: магическое. Заклинание школы Природных Начал, позволяющее изменять простое (единородное по составу и свойствам) вещество в его морфическое подобие. Сложный вариант заклинания позволяет «перевести» вещество в аналог, созданный другим Природным Началом. При использовании Метаморфозы действует правило старшинства, т. е. Огонь можно перевести в Землю, но обратное превращение чрезвычайно сложно. Исключение составляют Заклинатели — практически любое вещество они могут перевести в «свое», обладающее «профильной», предпочитаемой сущностью.

(55) Имеется в виду Роберто VI, нынешний правитель Пелаверино.

(56) См. "Короли и Звездочеты"

(57) Заклинание Магии Смерти, аналогичное по эффекту уже упоминавшейся "Зеленой колеснице".

(58) Огненная Стена — заклинание магии Первого (Огненного) Начала. Появление стены пламени определяемой возможностями мага высоты и интенсивности. Продолжительность действия заклинания, как правило, 5, максимум 10 минут.

(59) Щиты — общее наименование защитных заклинаний школы Природных Начал. "Щит Ариэля" создает своеобразную «подушку» из уплотненного воздуха, "Щит Амоа" — из смерзшейся или бегущей воды, "Щит Айи" — из песка, глины или камня.